НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

ХРИСТОС

ТРЕТЬЯ КНИГА

БОГ И СЛОВО

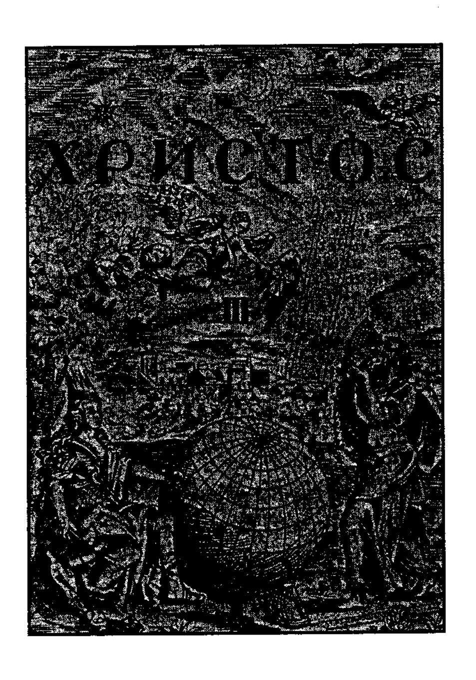

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННО НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.А.МОРОЗОВ

БОГ И СЛОВО

КРАФТ+ЛЕАН
МОСКВА 1998

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33
М80

Морозов Николай Александрович.
М80 Христос. Бог и слово. - М.:КРАФТ+ЛЕАН, 1998.- 752 с.: ил.

Настоящий том - третий из семи томов уникального труда Н.А.Морозова «История человеческой культуры в естественно-научном освещении» (издательское название - «Христос»), опубликованного малым тиражом в 1924-1932 г.г.

При его написании автор использовал свои энциклопедические знания в области астрономии и метеорологии, математики и лингвистики, физики и геологии. Владея 12 языками, включая древние, Н.А.Морозов знакомился в оригинале с источниками по истории человечества, что позволило ученому заново осмыслить заложенную в них информацию. Такой универсальный подход позволил ему по-новому взглянуть на исторический процесс и создать свою концепцию того периода развития человечества, когда только зарождались познание человеком окружающего мира и способы сохранения и передачи этого знания последующим поколениям. Тем самым Н.А.Морозов заложил основу пересмотра традиционной истории.

Современным читателям хорошо известны работы последователей Н.А.Морозова, среди которых наиболее широкую популярность получили труды А.Т.Фоменко и Г.В.Носовского, С.И.Валянского и Д.В.Калюжного.

Настоящее издание впервые после 65-летнего перерыва воспроизводит прижизненную публикацию и дает возможность современному читателю непосредственно ознакомиться с идеями и методами нашего великого соотечественника - Н.А.Морозова.

Отв. за выпуск А.Московкин
Художник К.Злотник
Тех.редактор А.Румынский
Консультант А.Макаров
Маркетинг А.Островский

ЛР №065385 от 01.09.97 г.
ООО Издательство ЛЕАН, Россия, 121019, Москва, Б.Знаменский пер., д.8/12, стр.4.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать ролевая.
Печ.л. 47. Тир. 2000. Заказ № 3570
Репринтное издание.
Московская типография «Наука». 121099, Шубинский пер., 6.
ISBN 5-85929-051-9

Код ОКДП 953000

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ.

Это исследование, которому я дал общее название «Христос» (понимая такое слово не в одном евангельском смысле, а по его греческому значению «посвященный в тайны оккультных наук») было задумано мною еще в уединении Алексеевского равелина и в первые годы заточения в Шлиссельбургской крепости, после того как мне стали давать для чтения книги исключительно религиозного содержания. А написано оно было в разгар общественной бури, когда все кругом как бы рушилось, словно при землетрясении. И оба эти условия работы наложили на него свои неизгладимые следы. Приходилось обдумывать вразброд то ту, то другую деталь и записывать урывками, то здесь, то там, часто в холоде и голоде, с постоянными перерывами и переездами из одного места в другое для совершенно посторонних дел. Казалось иногда, как-будто летишь на аэроплане, который все время неожиданно делает мертвые петли, и писать успеваешь лишь в те моменты, когда, перевернувшись, снова оказываешься головою вверх.

Вот почему в этих книгах нет окончательной шлифовки, и вся моя работа похожа на статую, вырубленную топором из мягкого мрамора. Но все же она в общих чертах — законченная статуя, и имеет некоторое грубое сходство с былой действительностью, тогда как прежние повествования по древней истории представляют собой, мне кажется, простой мираж, показывающий нам роскошные висячие сады Семирамиды в таких местах давно минувшей пустыни, где в действительности ничего не было кроме груд песка да прослоек чахлой растительности.

Как в первой книге я положил в основание астрономию, а во второй—геофизику, так и здесь я употребляю, главным образом, психологическую обработку наших первоисточников, рассматри-

вая их прежде всего с точки зрения апперцепций первобытного человеческого ума, т.-е. несходств восприятий у слушающего или читающего с восприятиями говорящего или пишущего о чем бы то ни было, особенно когда дело касается сложных и волнующих массы событий жизни. Благодаря этому, одно и то же происшествие, соединившееся с деятельностью того или иного популярного лица, получает тем большее количество вариантов, чем шире и глубже оно захватило общественную жизнь. И это особенно ярко проявлялось во время оглушительных взрывов вулканической деятельности Везувия, Этны и Флегрейских полей и следовавшего за ними оживления работы подземных сил почти на всех прибрежьях Средиземного моря в IV и V веках нашей эры, — работы, которую народное воображение неразрывно соединило с жизнью присутствовавших в особенно пострадавшей местности трех народных вождей, получивших имена Избавителя (Моисея), Просветителя (Арона-Ария) и Спасителя (Иисуса).

Отголоски этого взрыва подземных сил прокатились могучими волнами не только по одной атмосфере земного шара, но и по душам почти всего населения Старого света, вплоть до отдаленных Тибета и Индии, породив много апперцепционных вариантов в представлениях об одном и том же событии и разнородных рассказов об одних и тех же только что поименованных деятелях и ученых, не говоря уже о их последующих апостолах — Симоне, прозванном Камнем (Петром), Иоанне, прозванном Златоустом, Абуле Каземе, прозванном Достославным (Магометом), Гаутаме, прозванном Мудрецом (Буддой) и сыне Ламы (Вар-Ламе), которого с новой точки зрения на хронологию приходится признать родоначальником индусского «богословия» (брамаизма — по-санскритски).

Но само собой понятно, что раньше, чем перейти к разбору всех отдаленных отпрысков той же самой сложно единобожной, мистической теологии, мне необходимо было написать, так сказать, лингвистическую интермедию, которой посвящен весь пролог этой книги «Христа», и показать, прежде всего, искусственность латинского, древне-еврейского и санскритского языков, на которых изложены главные из упомянутых апперцепций. Благодаря этому, здесь, в III книге, меньше точных астрономических определений времени тех или иных событий или документов, но это будет пополнено в следующих томах.

Давая некоторые методы для лингвистического исследования первоисточников (путем лингвистических спектров и фонетического состава языков), я не коснулся здесь обычной современной палеографии, так как считаю ее наименее надежным средством, вследствие того, что предшествующий характер письма сохранялся в глухих провинциях еще долго после того, как в столицах перешли к новому почерку. Ведь в старину писать учились только частным образом, у отдельных лиц, без общего государственного контроля над школами, как теперь. Да и после напечатания книг с них еще долго снимались рукописные копии, благодаря отсутствию книжных магазинов в провинции и трудности получать печатные книги из столицы без правильных почтовых сообщений, так что не всякий рукописный документ, даже и написанный старинным почерком и тростью вместо гусиного пера, можно считать предшественником книгопечатной эры.

Только после упомянутой мною филологической интермедии, совершенно необходимой для дальнейшего хода моих выводов, а также и для понимания некоторых моих соображений в предшествовавших томах, я и решаюсь в этой третьей книге приступить к выяснению первостепенного значения психической апперцепции для развития мифов и всех вообще древне-исторических сказаний. Я хочу показать, что она — главный фактор первобытного коллективного творчества, когда в развитии повествования участвовало огромное количество лиц. Только то, что создано ею, и может быть названо народным эпосом. При спокойных условиях жизни, это — фактор часто эволюционный, а при общественных катастрофах эта апперцепция может вызывать и очень резкие изменения в рассказе, вдруг изменяя отношение передатчиков к его героям или дислоцируя рассказ в пространстве и во времени, т.-е. перенося события в какую-либо мало известную страну, куда трудно добраться, или перебрасывая рассказ в такое отдаленное время, в котором с ним не могут вступить в противоречие никакие уже существующие рассказы.

Замечательные случаи такого резкого действия апперцепции я уже показал в первых двух книгах этой моей работы, на перебросах библейских сказаний из Италии в Сирию и из IV века нашей эры в XI до нее, а здесь я привожу и разбираю несколько случаев чисто эволюционного действия той же апперцепции при разборе вариантов одних и тех же рассказов в библейских кни-

гах «Цари» и в «Заброшенной книге» (Паралипоменоне), а также и при сравнении однородных сказаний в евангелиях Марка, Матвея и Луки.

Наглядные сопоставления некоторых библейских и евангельских представлений о Вселенной и о ее жизни с современными, научными, особенно ясно показывают, что все эти старинные книги уже отжили свой век и что к библейским и евангельским рассказам, даже и просто как к источникам для изучения древней жизни, мы должны относиться с еще меньшим доверием, чем, например, к романам Дюма-отца при изучении истории французского народа.

Я еще раз напоминаю, что руководящим компасом моих изысканий служит основное положение, долженствующее лечь в основу рациональных социологии и истории: всякая цивилизация и в древности могла распространяться только таким же способом, как теперь: из богато одаренных природою областей в менее одаренные, из столиц — в деревни, а не наоборот. Особенно же невероятно, когда нам говорят, будто астрономия, высшая философия и даже сама грамотность пришли в столицы древнего мира откуда-то из кочевнических степей и даже чуть не из пустынь.

С рациональной точки зрения не могло быть ничего подобного, и даже приходится (по стратегическим соображениям) усумниться, действительно ли Константин I и его наследники жили в Истамбуле (который только европейцы, неизвестно с какого времени, называют Константинополем), а не в Александрии, и действительно ли Абул-Казем (он же достославный Магомет) бежал из аравийской Мекки в Медину, а не из египетского Мемфиса в Каир или что нибудь в роде этого.

Все подобные локализации, мало подходящие как со стратегической, так и с культурно-исторической точки зрения, должны быть подвергнуты строгой критической проверке, на основании только-что указанного основного закона распространения культуры, и потому нельзя упрекать меня за то, что я посильно стараюсь это сделать в своем настоящем исследовании, хотя бы я тут в чем-нибудь и заблуждался.

Но до сих пор мне не было показано ни одной серьезной ошибки, кроме нескольких недосмотров чисто корректурного характера, которые я и исправил во втором издании I тома «Христа».

Из критических отзывов после выхода второй книги «Христа» я отмечу только ссылки на немецкую работу Франца Болля об Апокалипсисе.

Работа Болля вышла через несколько лет после того, как появилась (перед войной) на немецком языке моя книга «Die Offenbahrung Iohannis» с напутственной статьей А. Древса и вызвала в немецкой прессе оживленный обмен мнений. Нет ни малейшего сомнения, что если-б мое вычисление времени гороскопа, данного в VI главе Апокалипсиса, определило конец I века нашей эры, то все теологи и ортодоксальные историки ухватились бы за него, как за неопровержимое астрономическое подтверждение правильности дат, даваемых старинными церковными писателями. Но, к сожалению, мое вычисление дало 30 сентября 395 года нашей эры, на триста лет позднее церковного, и признание его правильности означало, вместе с тем, и крушение всей церковной истории до начала IV века нашей эры. Болль, как историк, достаточно знакомый с астрономией, сразу понял серьезность создавшегося положения и потому, убедившись в безошибочности моих вычислений и в невозможности по ним другой даты, попытался в своей книге, написанной как бы совершенно независимо от моей, поколебать только базис моих вычислений, подсказывая читателю, что в шестой главе Апокалипсиса не заключается гороскопа, т.-е. что красный, белый, бледный и вороной кони на небе совсем не планеты Марс, Юпитер, Сатурн и Меркурий, а просто — что бы вы думали? Разноцветные ветры (!!), которые, как очень переменные, не могут быть никогда никем вычислены, а потому и всякая попытка вычисления тут отпадает!

Однако, кроме простой невозможности рассматривания кем-либо на небе бледных, красных, белых и вороных ветров (понадобившихся притом же исключительно, чтоб обойти мое вычисление) это невозможно в Апокалипсисе даже и в квадратной степени.

Как бы предусматривая, что кто-нибудь скажет такую удивительную вещь, чтоб поколебать его гороскоп, автор Апокалипсиса, описав в шестой главе своих коней-планет, говорит вслед за ними и о самих четырех (но уже бесцветных, как и следовало ожидать!) ветрах, объявляя их таким образом посторонними предметами по отношению к коням.

«После этого *(т.-е. после рассмотрения на небе планет-коней)* увидел я, — говорит он, — четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли и держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое-либо дерево» (*Апок.* 7, 1).

Значит, кони были не ветры, и все, что я говорил о них,— правильно.

А остальные возражения, приводимые мне некоторыми, в роде того, что будто бы созвездная Дева нарисована на какой-то средневековой карте с мечом, вместо пшеничного колоса, в руках (как-будто нарочно, чтобы поколебать мое определение Марса под мечом Персея!), еще менее убедительны, чем разноцветные ветры Болля.

Ведь главную и самую яркую звезду в созвездии Девы даже и «Птолемей» называет Колосом, а не мечом, да и до сих пор ее все так зовут. Когда же произошла такая перемена имени в противоположность основному астрологическому значению созвездия? Нарисовать эту Деву с мечом на небесной карте мог лишь какой-нибудь полусумасшедший астролог в роде того, который изобразил спасаемую Персеем нагую Андромеду с подобием мужского детородного органа (см. мою книгу «Пророки», где переснят его рисунок) и этим дал повод одному толкователю утверждать, что Андромеда в древности считалась гермафродиткой... Кроме того, замена колоса жнущей Девы мечом и придумана исключительно для того, чтобы лишить опоры мое, иначе роковое для всей старой хронологии христианства, астрономическое вычисление времени наблюдений автора Апокалипсиса в 395 году нашей эры.. Без этого такое грозное вооружение Девы никогда бы и в голову не пришло моим критикам.

Понятно, что подобного рода возражения (или два прочитанные мною увещания по адресу Государственного Издательства прекратить печатание моих книг о Христе) только подтверждают незыблемость моего астрономического базиса при вычислении времени возникновения Апокалипсиса, пророков и других древних сказаний, а с ним остаются непоколебленными и все мои остальные выводы.

Николай Морозов.

Научный Институт им. Лесгафта
Астрономическое Отделение
19 июня 1926 г.

ПРОЛОГ

ФЕРМЕНТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ

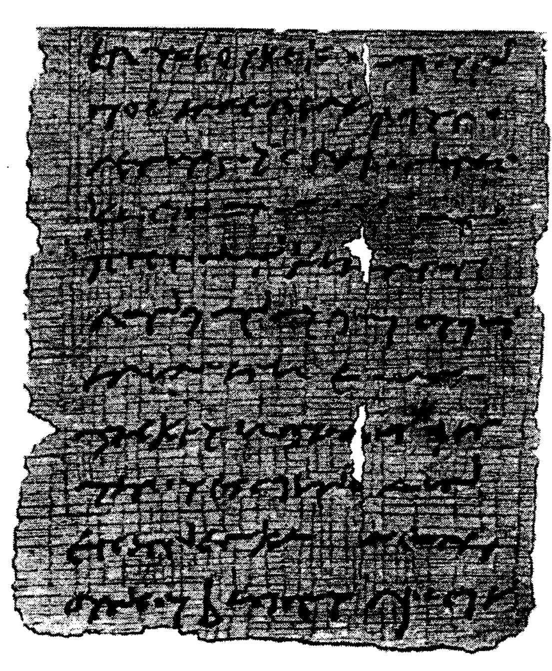

Рис. 1. Образчик старинного письма на папирусе. Один из греческих манускриптов, хранящихся в Британском музее.

ГЛАВА I.

ДРЕВНЯЯ КАББАЛИСТИКА КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРЯДУЩЕГО МОГУЩЕСТВА СЛОВА.

Элементы языка впитывают в себя успехи познающей мысли и в свою очередь служат исходною точкою для ее последующего развития.

В. Богородицкий.

I.

Буквы-волшебницы.

Можем ли мы назвать ограниченные по своему числу звуки нашей речи и соответствующие им письменные значки литературы ферментами человеческой мысли и науки?

Мне трудно придумать для них более подходящее название.

Как в области физиологических процессов основную трансформирующую роль играют сравнительно ничтожные и ограниченные по численности своих молекул энзимы в роде пепсина, диастаза и выделений различных желез, так и эти немногие значки и звуки перерабатывают незаметно всю нашу общественную и личную жизнь. Без знакомства с их ролью в деле создания нашей психики нельзя сознательно отнестись к истории человеческой культуры, одному из отделов которой посвящена моя настоящая работа.

Мне неизбежно пришлось ввести в нее кроме астрономических, геофизических и других прологов и эту *лингвистическую интермедию*, которую я уже не могу назвать вступлением к какому-либо одному из отделов потому, что лингвистические соображения руководили косвенно моим путем во всех прежних выводах и будут руководить далее.

*

Поговорим прежде всего о началах письменности.

Помните ли вы то время, когда вы еще не умели читать? Помните ли вы, что вы думали тогда о читающих? Представьте себе, я помню!

В моем сознании сохранилось ясно, что искусство чтения я считал тогда безнадежно недостижимым для моей головы. Я помню, какими необыкновенными людьми, прямо волшебниками, я считал тех, кто умеет читать!

— Как могут они это делать помимо какой-нибудь таинственной силы? Как возможно, смотря на листок почтовой бумаги, разрисованный какими-то пестрыми узорами и присланный вам в конверте иногда совсем незнакомым человеком, вдруг повторить то, что говорил он, когда разрисовывал этот листок?

Да, мне это казалось истинным волшебством! А так как я знал, что не был волшебником, то был вполне уверен, что никогда в своей жизни я не буду в состоянии прочесть ни одного письма, ни одной книги!

Моя старушка-няня, тоже безграмотная, еще более убеждала меня в необыкновенной трудности чтения, хотя и не сомневалась, что я все одолею.

— Научат, научат и тебя! — говорила она мне со слезами огорчения на глазах.

— Но как же научат?

— А уж так... ты сам узнаешь! Дадут книгу и велят читать, а если не будешь, то учительница, которую для тебя возьмут, будет сечь тебя, пока не будешь уметь.

— Но я скорее умру, чем сумею повторить, что говорил тот, кто писал книгу.

— Уж я и сама не знаю как, а только заставят! Долго-долго будут мучить! Вот Ваську на кухне (это был сын повара) уж сколько секли, а он читает пока только те книги, какие его выучили читать, а его старшая сестра Ольга может читать уж и те книги, которые видит первый раз в жизни.

— Как же она может, если никогда не видала? Я могу выучиться читать только те книги, какие меня научат читать, а книги, которые увижу в первый раз в жизни, никогда не прочитаю.

Это представление о невозможности чтения никогда невиданных книг без особого чуда держалось у меня вплоть до того

времени, когда мать впервые стала учить меня буквам; но и тогда я еще никак не мог понять способа их применения. Да и как было догадаться? Мне показывали на бумаге отдельные фигурки.

— При виде этой, — говорили мне, — скажи *а*, при виде этой — *о*, и так далее.

Я узнавал, произносил, но все еще не понимал, какое отношение имеют они к чтению.

— Если мне скажут, — говорил я, — когда увидишь одну фигурку, произнеси *Коля*, когда увидишь другую, скажи *Иван*, когда увидишь третью, произнеси *дом*, — это я понял бы. Но как же можно произносить все *мысли* при виде фигурок? Ведь мыслям нет числа и нельзя для каждой выдумать свою фигурку!

Я еще не сознавал, что все фразы состоят из отдельных слов, а слова из немногих звуков. Для меня, как и для первобытного человека, казалось, что речь, это — особого рода сплошное журчание, подобное журчанию ручейка, но только какое-то таинственное журчание, которое, проникая в уши, заставляет у слушающего возникать те же мысли, как и у говорящего, пока говорит он. Слова и фразы казались мне не простым сотрясением воздуха, а таинственными, бестелесными существами, выскакивающими изо рта говорящего и входящими в уши слушающего, чтобы принять там формы идей и образов.

И вот, когда после долгих, совершенно бесцельных на мой взгляд, указаний на разные фигурки меня обучили слогам и, дав какую-то сказку, заставили читать ее по складам, я увидел, что из них выходят целые рассказы.

Убежав после первого же небольшого чтения в наш парк, я там долго сидел, широко раскрыв свои детские глаза, совершенно опьяненный от восторга и изумления.

«Так вот в чем заключается волшебство! — думал я. — Эти-то тридцать шесть фигурок в азбуке и есть те волшебники, подсказывающие читающему то, что думает пишущий? Но как же это так? Мне казалось, что число звуков бесконечно, а фигурок только тридцать шесть! Все ли слова и мысли можно из них складывать, или не все?» Этот вопрос сильно волновал меня (так как я боялся, что есть и такие мысли, которые нельзя из них сложить), и потому я с жадностью принялся за чтение, ожидая встретить что-нибудь, для чего понадобятся еще другие фигурки, и не находил.

Итак, значит, все, что только можно думать и говорить, состоит лишь из тридцати шести звуков, но как же можно из тридцати шести составить все *бесчисленное*, что можно сказать и подумать?

Здесь опять являлась загадка, а затем явился и вопрос, почему же фигурок именно тридцать шесть (я считал по старинной русской азбуке с *ижицей*). Очевидно, что «тридцать шесть» — это какое-то магическое, *всесоставляющее* число.

Когда я думал таким образом, я и не подозревал, что этим я только осуществляю основной принцип всякой эволюции, принцип эмбрионального повторения прежних стадий развития человеческой мысли.

Подобно тому, как мой физический зародыш в матери повторил весь цикл развития своих предков, начиная с двух маленьких микробов, слившихся друг с другом, затем прошел через стадию первичных животных, имел временные жабры, как рыба, был неотличим от зародыша обезьяны и, наконец, обратился в человека, — так точно и мое душевное настроение после изучения азбуки было лишь кратковременным повторением настроения, охватывавшего все человечество в те века, когда фонетическая азбука была еще последним словом знания. Я и не подозревал, что, удивляясь, почему волшебных значков именно тридцать шесть, и считая это число каким-то всеобъемлющим в мире идей, я стоял, не ведая того, на пороге древней мистической каббалистики, роскошно выросшей около полутора тысяч лет тому назад на почве того же самого изумления перед всемогуществом этих «тридцати шести».

Припомним, что людей, знающих несколько языков, тогда почти не было даже среди первоклассных ученых, которые, по широте своего горизонта и уровню знаний, не превосходили современного грамотея-крестьянина.

Свой язык они искренно считали единственно внятным, а остальных людей называли «народами с речью глухою, невнятною» (как выразился один из библейских пророков — Исаия 33, 19).

Они даже и вообразить не могли, чтоб предметы можно было так же легко узнавать и по другим названиям, а не только на их языке. Им казалось, что иностранное название надо сначала перевести на их родное и только тогда уже можно понять, что оно значит. Так делают и теперь все, привыкшие думать только на одном

языке. Они всегда составляют сначала фразу на своем привычном языке, а потом переводят ее на иностранный, пока долгая практика не приучит их понимать другой язык и составлять на нем фразы непосредственно, без постоянных возвращений к родной речи. Это называется привыкнуть *думать* на другом языке.

Образованнейшие люди древности, если и научались какому-либо иностранному языку, то, повидимому, никогда не усваивали его настолько, чтоб думать на нем и, таким образом, убедиться в его равноправности со своим. Вот почему каждый и считал тогда свой язык *единственно правильным*.

Когда я, переодевшись в фабричный костюм, шел раз с посохом и сумкой из Курска в Воронеж изучать настроение местного крестьянства, — все, у кого я просил позволения переночевать, сейчас же узнавали, что я из северной России.

— Почему? — спрашивал я.

— Потому, что ты говоришь *не чисто*, — стереотипно отвечали мне они.

Их собственное прирожденное, давно привычное наречие одно казалось им чистым языком, а остальные русские наречия уже порчеными, а иностранные — окончательно испорченными, так что их можно понимать только, переводя предварительно на свой язык, да и то не особенно хорошо. И это был отголосок того же отношения, какое было всеобщим в древности, когда наши предки называли себя *словяне* или словаки (т.-е. обладающие даром слова), а иностранцев называли *немцами* (т.-е. немыми).

Вот почему *имя* предмета, произносимого на родном языке, представлялось древнему ученому не случайной комбинацией звуков, составленной путем звукоподражания (в роде слов: *ши*-пение, *чири*-канье, *свис*-танье) или выработанной другими искусственными приемами, а как бы неотъемлемой, естественной тенью, бросаемой от себя предметом и находящейся с ним в такой же закономерной связи, как и солнечная тень с телом идущего человека.

Понятно, что при таком детском представлении сейчас же пришло в голову, что свойства предметов (феноменов) можно изучать по их именам (номенам). Возникло философско-теологическое учение о *Логосе* или божественном слове.[1]

---

[1] *Логос* по-гречески значит *слово*.

Как слово, произнесенное человеком, проникнув в наши уши, творит в нашей голове бестелесные образы предметов и явлений, так произнесенное богом, как высшим существом, оно творит предметы. Оно дитя бога... С этой точки зрения казалось понятным, что язык, особенно близкий к «настоящему», «божественному», творит в нашем уме более яркие образы.

«Но какой же другой, кроме языка моего собственного народа, — думал древний мыслитель, — лучше делает это? Значит, изучая свойства слов моего языка, я могу познать по ним скрытые от нас свойства самих предметов. Слова же моего языка слагаются из волшебных букв азбуки, которая впервые была открыта самим богом-Громовержцем тому, кто первый оказался ее достоин, и передается от него теперь под великим секретом от учителей к ученикам, как первая ступень посвящения их в оккультные знания, приводящие в конце концов к всеведению и всемогуществу!» ...

И вы видите сами, что такое посвящение после ряда кажущихся бессмысленными упражнений, в роде произнесения *о* при виде одной написанной фигурки, произнесения *и* при виде другой, действительно, приводило к тому, что, получив в руки кусок древесной коры или папируса, «посвященный в тайну» узнавал мысли того, кто ранее держал в руке этот «каббалистически разрисованный кусок», а при взгляде на придорожный столб с такими же «каббалистическими знаками» узнавал, никого не спрашивая, направление дороги, куда ему итти.

Все это, конечно, казалось волшебством для всех непосвященных, и люди, умеющие читать, казались им находящимися в непосредственных сношениях с богами.

Ученик, прошедший эту первую ступень познания не в самом детстве как вы, — вероятно, уже не помнящие своих первых ощущений, или не имевшие их совсем по причине незрелости вашего тогдашнего детского ума, — а большею частью достигнув совершеннолетия, ясно сознавал, что это «посвящение его в маги и волшебники» было не одной простой формальностью. Вот почему он с энтузиазмом отдавался душой и телом своим наставникам и привыкал к мысли, что по внешности бессмысленные манипуляции приводят и в других случаях к великим результатам.

Сделавшись, в свою очередь, учителем и принявшись за самостоятельные изыскания, адепт древней науки прежде всего замечал, что его волшебные значки, составляющие слова, при своей перестановке различными способами могут образовать и такие комбинации, которые дают слова неизвестного значения, смысл которых еще «скрыт от людей» и известен только богу. Это — слова «божеские» в отличие от «человеческих». Он замечал, что все слова могут иметь и обратное чтение, и старался живо схватить соотношения того и другого чтения. Чтобы показать вам это наглядно, предположу, что исследователь говорил по-русски. Читая слово «мир», он заметил, что его можно прочесть и сзади наперед, и тогда выходит «рим».

«Значит вот почему — приходило ему в голову — «Рим — столица мира!». Эта тайна — думал он — открыта мне опять теми же волшебными значками алфавита».

Читая слово «нос» в таком же обратном порядке, он получал «сон» и восклицал:

— И тут тайна! Вот почему при сне храпят носом!

Взяв слово «пуп», он убеждался, что, как его ни читай, он останется пупом, и восклицал:

— Значит это обозначает, что он — центр тела! Подобно тому, как в окружности, куда по ней ни двинься, не уйдешь от ее центра, так и здесь, откуда ни читай, смысл слова не изменяется!

Слишком еще наивный, чтобы понять независимость сложения слов из их букв от сложения обозначаемых ими предметов из их элементов, он начинал искать и целые фразы в таком же роде. Увидав, например, что фраза: *уведи у вора корову и деву* — и при обратном чтении остается та же самая, первобытный мыслитель легко сделал бы вывод, что если бы комунибудь удалось увести у вора их обеих, то он получил бы великое счастье...

Валерий Брюсов написал в этом роде даже целое стихотворение-оборотень о луне:

Я око покоя,
Я дали ладья...
и т. д.

Его можно читать и слева направо, и справа налево.

Конечно, читатель сам понимает, что я, желая ввести его в логику первобытного грамотея, здесь употребил только наглядный способ, т.-е. попросту пародировал метод. Будучи греком

или евреем, неведомый отец первобытной каббалистики проделывал все это на своем родном языке и приходил к аналогичным выводам. И все эти выводы казались его наивному, восторженному уму откровениями, и он посвящал в них своих учеников, а те, изумленные, в свою очередь старались продолжать это дело. Возникла целая лже-наука — *палиндроматика* — отыскивающая фразы, имеющие смысл при чтении их и взад, и вперед. Характерным остатком ее служила греческая надпись на куполе храма св. Софии в Константинополе: «ниспон аномема ме монан опсин»,[1] т.-е.: «омывайте грехи, не одно лицо». Таковы же и латинские слова, будто бы произнесенные дьяволом и заключающие в себе бесовский смысл: «Signa te, signa, temere me tangis et angis!», т.-е.: «Обозначь себя, обозначь *(крестом)!* Дерзко прикасаешься ко мне и душишь!».

Течение человеческой мысли, восхищенной найденным ею алфавитом, сразу направилось, таким образом, на ложный путь, и она немедленно заблудилась в дебрях и топях, в которые невольно попала, не зная еще настоящей дороги и не имея для нее никакого компаса, никаких указаний. Понятно, что, не избродив вдоль и поперек этих дебрей, без находки в них чего-либо плодотворного, кроме блуждающих огоньков в случайных созвучиях слов, древняя наука не могла уже вернуться к исходной точке и пойти, наконец, по правильной дороге фактического научного исследования жизни и природы.

Только в новый период истории она бросила эту бесплодную диалектику, и самое название *каббала* приняло зловещий смысл такой науки, в которой закабалишь себя, т.-е. погубишь безвозвратно свою свободу действий, если вздумаешь в нее углубиться...

И от нее, действительно, стали бежать, как от западни...

Но мы, огражденные в настоящее время от опасности увязнуть в старинных трясинах, высушенных уже всемогуществом современного реального знания, можем безопасно возвратиться и в эту древнюю, высохшую трясину, исследовать научно ее дно и понять ее первоначальную заманчивость для неопытных умов средневековья.

---

[1] ΝΙΣΠΩΝ 'ΑΝΟΜΗΜΑ ΜΗ ΜΟΝΑΝ 'ΩΠΣΙΝ.

II.

«Сефер-Иецира», или алфавит как «шифр творения».

Когда хотят, чтобы никто кроме посвященных не мог понять содержание писем, обыкновенно прибегают к зашифровке их, т.-е. к изображению слов условными знаками. Так и по наивной догадке древних ученых, еще полных восторга и энтузиазма перед найденной ими возможностью на всяком отдалении узнавать мысли друг друга посредством немногих значков, алфавит мог казаться шифром для открытия тайных законов всего мироздания.

Но какой же алфавит был для этого самый лучший? Греческий, египетский, еврейский?

Каббала — наука специально еврейская, а потому, на основании только-что сказанного нами, в основу исследования законов вселенной — в ней положена была еврейская азбука, как данная самим богом его избранному народу при создании первого человека. Посмотрим же, к чему она привела.

Читая древние еврейские книги по каббале, мы там находим, прежде всего, апологию числа *двадцать два.*

Почему это? — Очень просто! Еврейская азбука заключает в себе двадцать две буквы, в ней двадцать два волшебника, слагающие все еврейские слова, и вот как восторженно описывает их неизвестный автор (по еврейским преданиям сам праотец Авраам) в своей книге «Сефер Иецира», т.-е. «Шифр Творения».[1]

«Двадцать две буквы, — говорит он, — это фундаменты. Три из них матери, семь — двойные и двенадцать — простые.

Три матери — это А, М, Ш.

Основное свойство буквы А — правота, буквы Ш — виновность и буквы М — закон, устанавливающий между ними равновесие. А, М, Ш! Буква М — немая, Ш — шипящая, и А — воздух по средине между ними!» (Гл. II, 1).

Зная еврейский язык, вы легко заметите, что все это выведено потому, что с буквы М начинались еврейские слова: закон и вода (немая стихия), буква Ш составляла основной звук в словах: вина и огонь (который был в то же время и шипящей

---

[1] Папюс. «Каббала», перевод Н. А. Переферковича, изд. В. Л. Богушевского, 1910.

стихией), а буква А была первой в словах: правда и воздух (который считался средней стихией между огнем и водой). Сообразно с этим тройственным принципом, господствовавшим в средние века, и все буквы еврейской азбуки были неправильно разделены только на три группы — немые, шипящие и средние, подгоняя их под тройственное число, которому придавали основное значение для всего существующего в мире.

«Двадцать две буквы, это — основания! — продолжает дальше Сефер Иецира. — Бог начертал их, выбил их, сделал их сочетания и перестановки, взвесил их и создал ими все созданное и обусловил все имеющее быть созданным» *(потому, что все сочетания букв, не дающие осмысленных слов, считались названиями еще не сотворенных предметов)*.

«Двадцать две буквы, это — основания! — повторяет автор снова и снова, как бы желая запечатлеть это в голове читателя. — Бог установил их на небесной сфере наподобие стены в 231 перестановке *(22 буквы по две вместе дают 231 перестановку)*. Сфера же вращается вперед и обратно». «Как же бог их взвесил и сделал из них сочетания и перестановки? Одну букву со всеми и все с одной! Две со всеми и все с двумя! И так далее, и так далее! И оказывается 231 ряд! Следовательно, все созданное и вся наша речь произошли одинаковым образом.

«Бог создал нечто из хаоса, он из ничего сделал нечто и вырубил большие столбы из необъятного небесного свода, и вот этому символ: одна буква со всеми и все с одной! Он осмотрел, перемешал и создал все созданные предметы и все их названия одним и тем же способом, и знак этому: двадцать два предмета в одном *(человеческом)* теле *(число костей и внутренностей считалось тогда тоже не по наблюдению фактов, а определялось гадательным способом по числу букв еврейского алфавита, что, конечно, нимало не соответствует действительности)*».

«Три буквы-матери А, М, Ш! — продолжает далее эта каббалистическая книга, — великая тайна, чудная, сокровенная и запечатанная шестью печатями. Из этих букв вышли воздух, вода и огонь; от них произошли отцы, а от отцов дети!»

«Три буквы-матери А, М, Ш! Бог их начертал, выбил, сделал из них сочетания и перестановки, взвесил и создал ими три матери мира, три матери года и три матери мужского и женского тела».

«Три матери мира — воздух, вода и огонь, они соответствуют буквам А, М и Ш! Небо создано из огня, земля из воды, а воздух из эфира и занимает среднее место между ними».

«Три матери года, это — теплое лето, созданное из огня, холодная зима, созданная из воды, и дождливая осень из эфира посреди них, они тоже соответствуют буквам А, М и Ш!»

«Три матери тела мужского и женского, это — голова, живот и грудная клетка. Голова сделана из огня, живот из воды, а грудная клетка из эфира посреди них. Им соответствуют те же буквы!»

«Бог назначил букву А царствовать над эфиром... Букву М царствовать над водою... Букву Ш царствовать над огнем... Он надел на них венцы и сделал их сочетания...»

III.

Буквы — шифры всех имен.

Таковы теоретические обоснования первоначальной каббалистики. Я не цитирую далее этой фундаментальной ее книги, — Сефер Иецирьı — приписываемой «праотцу Абраму», но составленной, очевидно, в средние века. Она мало интересна для общеобразованного читателя потому, что там таким же *каббалистическим* методом выводятся воображаемые свойства небесных светил и, вообще, всего мироздания, имеющие не более реального значения, чем и предыдущие догадки, будто человеческая голова создана из огня, а живот из воды.

Этот общий, и как видит сам читатель, фантастический метод каббалистического исследования возник из увлечения первых грамотных людей удивительными свойствами фонетического алфавита, казавшегося волшебным для посвящаемых впервые и притом в зрелом возрасте в эту *великую тайну древних магов*.

Но энтузиазм перед таким открытием должен был пойти и еще далее, чем мы указали здесь. Дело в том, что у греков и евреев в древности буквам придавалось и другое значение: каждая буква обозначала также и определенное число.

а — означало единицу, **б** — означало два, **г** — три и так далее до **і**, которое везде означало 10, а **к** — означало 20 и т. д., пока опять не возвращались к **а** — со значком для обозначения 1000.

Употребление тех же самых букв как для письма, так и для счета привело к следующим результатам. Каждое имя и каждое слово, написанное такой азбукой, оказывалось, вместе с тем, и некоторым числом: надо было только сложить числовые значения всех его букв.

Можете же себе представить, каким заманчивым предметом для теоретических исследований должно было показаться это обстоятельство при тех воззрениях на великое мистическое значение алфавита, образчик которого мы видели сейчас в отрывке из «Шифра Творения!»

Ученые начала средних веков чуть не поголовно начали складывать буквы имен богов, людей и всевозможных предметов и ломать голову над тем, что могли бы означать такие числа! И они строили заключения в роде тех, какие я здесь сделал, пародируя их по поводу прямого и обратного чтения русских слов. И каждое такое заключение казалось им откровением, посылаемым для них самим богом! Отдельный образчик, возникший из такого течения человеческой мысли, мы видим, между прочим, и в известном апокалиптическом числе 666, которое определяет имя врага тогдашних мессианцев.

Перевод имен в числа производился всегда очень просто. Возьмем хотя бы русское слово бог; очевидно, что число его или шифра, по славянской азбуке будет 75:

б = 2
о = 70
г = 3

Бог = 75

Таково число — слова бог.

Точно так же можно высчитать соответствующее число и для любого слова, как это делали евреи и греки по своим азбукам. Понятно также и то, что у каждого народа для каждого слова выходило особое число. Но что могло значить это обстоятельство для людей, которые одних себя считали обладателями истинной, данной богом, азбуки и единственно чистого естественного языка? Большинству ограниченных первоначальных грамотеев даже и в голову не приходила мысль о других языках и других алфавитах. Уткнувшись в свой угол, они даже и не замечали, что есть и другие такие же уголки. Они вычисляли и высчитывали без конца на своем родном наречии, ломая голову над значением каждой, случайно полученной ими, комбинации цифр и считая свои фантастические догадки за непреложные откровения свыше. Таким образом, они, действительно, попадали в кабалу к своему ошибочному методу исследования. Они искренне думали определить все на свете этим способом. «Число имени» стало для них неотъемлемым свойством не только этого имени, но и носящего его предмета или человека. Оно было для него роковое число.

Отголоски такого древнего представления сохранились в видоизмененной форме и до наших дней среди невежественных людей, часто приходящих к заключению, что какое-нибудь число месяца является для них «роковым», и вычисляющих такие же роковые числа для различных знаменитых людей, о чем и помещались время от времени заметки в отделе «Смесь» наших иллюстрированных журналов прежнего времени.

В начале средних веков такое убеждение было всеобщим среди тогдашних *ученых*, т.-е., попросту сказать, *грамотеев*, как лучше всего называть мыслителей этой эпохи, по низкой стадии их среднего умственного развития. «Число имени» в их глазах, действительно, определяло не только имя, но и фиксировало каждый предмет в хронологии мироздания. На этой почве неизбежно должны были возникать попытки каббалистического определения всех исторических событий, — попытки создания *каббалистической хронологии*, начиная от определения времени сотворения мира. Таким же способом, при содействии астрологии, предсказывались и различные события будущего. Все в мире,— казалось древнему магу-грамотею,— можно было вычислить таким способом, посредством этих 22 волшебных фигурок. Судьба каждого человека открывалась одним числом его имени и порядком его отдельных букв. Стоило только узнать, с какого года и дня надо отсчитывать числа. В этом «начале счета» заключалось единственное затруднение, непреодолимое для жителей средневековья, у которых не было еще определенной хронологии, как у новейших народов, считающих начало своей эры то от времени «рождества Христова» (которое тоже определено каббалистически), то от бегства Магомета из Мекки в Медину, то от каббалистически же вычисленного, воображаемого сотворения мира. Обычно же года считались летописцами от

времени воцарения их последнего монарха, и с воцарением нового начиналась новая эра. Продолжительность же царствования предъидущих монархов постепенно забывалась по мере порчи, пропажи или истребления старинных документов при пожарах или войнах. Значит, при нужде, старинному историку приходилось восстановлять число лет царствования древних властелинов какими-либо каббалистическими действиями над буквами их имен, т.-е. все равно, что разгадывать по картам, тоже имеющим непосредственную связь с каббалистикой.

Вот эту-то всю путаницу и приходится теперь распутывать современному ученому, чтобы отделить, наконец, то, что мы знаем положительного в древней истории, от доставшегося нам фантастического знания, так сказать, «выигранного в карты» учеными-грамотеями в эпоху их расцвета между IV и X веками нашей эры. Эти ложные знания, определенные отчасти по каббалистическим, астрологическим, а отчасти, может-быть, и по простым игральным картам, и достались нам теперь в качестве серьезных исторических документов, на которых, как на твердом фундаменте, мы основывали до сих пор свои представления о культурной жизни в древний период истории человечества. А для того, чтоб можно было распутаться в фантазиях наших дедов и выйти на прямую дорогу, современному историку-реалисту необходимо прежде всего познакомиться и с каббалистикой, и с другими мистическими науками древности, чтобы сделать пробоину в мрачной завесе средневековья, отделяющего от нас древний мир и его зачаточную культуру.

IV.

Эволюция письмен и чтения в прошлом и в будущем.

В предыдущем мы видели, как, под влиянием восторга перед магическими свойствами алфавита, древние маги-грамотеи начали исследовать все предметы по произношению их имен взад и вперед и по числовому значению букв.

Древние каббалисты еще не знали нашей звуковой азбуки. Они и не подозревали, что научиться читать проще всего, читая значок **а** как «а», значок **б** как «б», значок **в** как «в» и т. д.

Даже наши славянские предки читали букву **а** как *аз*, букву **б** как *буки*, букву **в** как *веди*. Очевидно, это было сначала лишь механическое средство для учеников, чтобы они твердили названия букв по порядку, не забывая и не обращаясь каждую минуту к учителю. Действительно, по-славянски тут составлялись целые фразы. Из названий первых букв а, б, в выходило *аз-буки веди (т.-е. азбуку ведай)*. Из названий следующих за ними букв г, д, є выходило: *глагол добро есть (т.-е. речь есть добро)!* Из следующих за ними ж, ѕ, з, и, і, к, л, м, н, о, п выходило: *живете зело земле иже, и како люди мыслете: наш он покой (т.-е. ибо живете очень на земле, и как вы люди мыслите наш он покой?)*. Из названия дальнейших букв р, с, т выходило: *рцы слово твердо (т.-е. говори слово положительное!)*. А далее наименователь уже с трудом стал справляться, и из дальнейших букв ѹ, ф, х, ц, ч составил, очевидно приняв букву ф за изображение франта (ферта), фразу *у, ферт, хер! цыц червь!* Здесь изобретательность его кончилась и следующие буквы получили лишь отдельные названия, не составляющие вместе никакого смысла: ша, ща, ер, еры, ерь, ять, э, ю, я, ѳита и ижица. Их ученику приходилось учить уже отдельно, а не группами в виде фраз.

Но вот ученик, наконец, выучил все это, не понимая, для чего оно нужно. Начиналось учение по складам, так что, если бы вы прислушались к долблению тогдашнего ученика, то услыхали бы, как он без конца твердит:

— Буки-есть-бе — бе! Веди-есть-ве — ве! и т. д.

— Буки-он-бо — бо! Веди-он-во — во! и т. д.

— Буки-у-бу — бу! Веди-у-ву — ву! Глагол-у-гу — гу! и т. д.

Когда все комбинации в этом порядке перебирались, начинались обратные твержения вслух:

— Аз-буки — аб! Аз-веди — ав! и т. д.

Учащийся, обыкновенно, юноша, так как женщин прежде совсем не посвящали в таинство алфавита, считая их недостойными и неспособными к нему, — скоро привыкал к закономерности этих бессмысленных с первого взгляда звуковых комбинаций, т.-е. инстинктивно усваивал, что для составления слога надо брать только первые звуки обоих слов, чему способствовало и удвоение последнего слога: буки-аз-ба — ба! а не буки-аз — ба!

И все это не пародия или насмешка, а общепринятый метод обучения азбуке в продолжение многих столетий! Так дед учил в деревне читать мою мать, а она меня, раньше, чем мне взяли гувернантку. Всю эту махинацию я знаю по собственному опыту, так как все раннее детство я провел в родном поместье, среди полей и лесов, вдали от всякой цивилизации и от всяких путей сообщения. Не раз я слышал это бесконечное долбление, отгравировавшееся навсегда в моем уме, и при уроках дьякона уже упомянутому мною мальчику из дворни моего отца, который,—по словам моей няньки,— «мог пока читать только ту книгу, которой его выучили». Я помню хорошо и способ чтения этого мальчика. Положим, в книге было написано слово: конюшня.

Тогда он читал его так, по складам:

— Како-он-ко — ко! наш-ю-ню — коню! ша-наш-я — шня! — Конюшня!

Последнее слово он восклицал с каким-то изумлением, потому что только тут, вдруг, понимал, что обозначает читаемое им место, и он начинал совершенно так же разбирать следующее. Понятно, что при таком переборе всех слогов учащийся долго не понимал в прочитанном совершенно ничего, кроме отдельных слов. Однако, рано или поздно, судя по способностям при усиленной практике, он по собственной своей интуиции, бессознательно переходил, наконец, к фонетическому чтению, помимо каких-либо объяснений своего учителя, который сам учился таким же способом и тоже не понимал того, как он вдруг *освободился от складов*.

И можно ли удивляться после этого, что никто не брался в то время научить читать даже самого способного ученика раньше, чем в год ежедневных занятий? Все это я указываю для того, чтобы мой читатель, учившийся по современному легкому методу, выработанному свободной наукой, не удивлялся, что обучение чтению считалось в древности великим делом, за которое надо было приниматься со страхом и трепетом...

Я изложил здесь способ древнего обучения не на греческой или еврейской, а на славянской азбуке, близкой к нашей русской, только для того, чтобы просто и легко очертить перед моим русским читателем способ изучения азбуки, который был тот же самый и у греков и евреев.

Еврейская и коптская (а не греческая) азбуки были родоначальниками нашей славянской. В них буквы тоже имели именные, а не фонетические названия. Только по ним изучение азбуки было еще труднее, так как имена последовательных букв в них не складывались во фразы, как в славянской. Первая еврейская буква, однозвучная с **А**, читалась — алэф, вторая, почти однозвучная с **Б**,— бэт, третья, однозвучная с немецким h, называлась гиммел (при чем **Г** здесь надо читать с гортанным произношением) и т. д.

Откуда взялись эти названия? Уже давно исследователи показали, что от сокращения первичных рисунков, где вместо букв вырисовывались полные предметы, имена которых начинаются этими звуками, т.-е. если бы вместо **а** мы рисовали арку, вместо б — быка, вместо д — дождь и т. д., сохранив за буквами и названия этих предметов.

Все это показывает наглядно, что волшебные значки еврейской азбуки, от которой произошли, повидимому, греческая, а затем латинская, коптская и славянская, не были выдуманы кем-либо в готовом виде и не даны были каким-либо богом легендарному Аврааму. Они развивались из первобытного писания рисунками предметов, путем усовершенствования, и, притом, идя от сложного к простому, пока вся азбука не пришла к фонетизму.

Является ли это современное состояние азбуки концом ее развития?

Безусловно, нет!

Я далее покажу, что и наши современные азбуки — еще далеко не последняя стадия развития алфавита, что ему предстоит еще дальнейшая эволюция в будущем. Я даже укажу и наиболее вероятный путь и предел окончательного совершенства, при котором все алфавиты должны будут притти к одному и тому же наипростейшему и рациональному виду. И тогда, действительно, во многом осуществятся мечтания средневековых каббалистов, являющиеся как бы предчувствием будущего могущества алфавита, подобно тому как мечтания их средневековых товарищей — алхимиков — о веществе, превращающем металлы друг в друга, являлись как бы предчувствием недавно открытого радия... А теперь, для полноты моего краткого изложения основных начал каббалистики и эволюционной необходимости ее возникновения в средние века, я покажу наглядно происхождение всех земных алфавитов из первичных иероглифов.

В чем сущность первичного письма? — Она очень проста: кто из нас в юности не разбирал ребусов в иллюстрирован-

*

ных журналах? Вот это и есть первичное письмо, только не на библейском, а на нашем родном языке, и потому очень просто показывающее нам, в чем суть первичных иероглифов. Все видимые предметы или действия (в роде моления, бегства) рисовались сначала целиком, в той последовательности, в которой их названия шли в данной записи, а имена невидимых предметов изображались символически иногда очень остроумным мнемоническим способом. Например, выражение — три дня — изображалось тремя солнцами, в виде кружков с лучами, а следовательно, один день поневоле изображался одним солнцем, при чем этот же значок служил символом и самого солнца, приобретая двойной смысл.

Потом, на практике, мало-по-малу, было замечено, что многие слова, которых нельзя изобразить на рисунке, слагаются созвучно из других изобразимых слов, взятых целиком или в первом слоге, как, например, банкрот из слов: *банка и рот*. Так возникла возможность изображать в виде ребуса многие слова, которых смысл не поддавался простому рисованию, и это оказалось особенно удобно для народов, имеющих в своем языке много односложных имен, предметы которых легко и ясно изобразимы.

Но многие слова и фразы речи все же и у них не разлагались целиком на такие существительные имена и представляли непреодолимое затруднение для ребусического изображения, пока кто-то не догадался брать только первый слог предметных имен, в знак чего и рисовали только одну часть соответствующего предмета. Так, чтобы написать слово *лежу*, вы могли изобразить *лес* и *жука*, но только нарисовать их не полными, в знак того, что надо произносить только начала их имен. Вы сами видите, как логичен, был и неизбежен переход этим способом к слоговой азбуке, какой и являлась первоначальная египетская.

Так водворилось, наконец, произнесение только первого звука в имени предмета, обозначенного данным рисунком, который постепенно упростился до того, что в нем стало невозможно узнать и самый первоначальный предмет: первичный рисунок-ребус превратился в простой, непонятный для непосвященного, значок, и сама письменность приняла мистический характер...

Так постепенно вырабатывались и те несколько десятков все слагающих магических значков алфавита, которые мы теперь называем буквами и употребляем, не вспоминая о том,

каким великим таинством казалось искусство чтения в средние века, да, вероятно, кажется и теперь для современных безграмотных людей.

V.

Буквы — властелины чисел.

С развитием азбуки, в которой традиционно никогда не изменяли порядка букв, открылась возможность считать, как я уже говорил, вместо пальцев и по буквам, давая **а** — значение единицы, **б** — значение двух и т. д. Но и здесь сначала произошла роковая ошибка: вместо того, чтоб, досчитав до десяти букв, сделавшихся и теперь цифрами, возвращаться к первой, и считать теми же десятью буквами, ставя их на втором месте от конца (т.-е. **аа** для 11, **ба** для 21 и т. д.), поступили совсем иначе.

Первому грамотею, пришедшему к возможности такого счета, конечно, показалось невероятным, чтобы бог, даровавший алфавит, одарил только первые десять букв числовыми свойствами и обидел остальные. И вот он стал придавать дальнейшим девяти буквам смысл десятков, а следующим за ними — сотен, для которых по еврейской азбуке уже не хватило букв. Далее четырехсот по ней считать было нельзя. Что оставалось делать?

Воспользовавшись тем, что некоторые буквы на конце слов писались иначе, грамотей применил их и кое-как дотянул до девятисот, что в совокупности давало возможность считать до 999, а тысяча явилась для него уже новой, какой-то абсолютной единицей, начиная с которой приходилось считать опять с первой буквы и дойти до 999 999, т.-е. до последнего конечного числа, так как следующее — миллион — было по этой азбуке уже неизобразимо.

Как же можно допустить, чтобы, пользуясь такой арифметикой, Эвклид, Пифагор, Птолемей могли делать те вычисления, которые мы получили из средних веков отмеченными их именами?

Итак, желание старинного философа быть справедливым и одарить все буквы числовым смыслом завело его в тупой закоулок. Много времени прошло до тех пор, пока нашелся новый мыслитель, который, огорчившись, что теперь уже первые, а не последние буквы оказываются обиженными, так как обладают самым

малым числовым значением, стал искать, не вознаграждены ли они за то какими-либо другими особенными свойствами, и вдруг нашел одно, но зато какое великое!

Если любые из этих первых десяти букв ставить по нескольку рядом друг с другом, т.-е. писать, как в восточных алфавитах, справа налево[1] и придавать им на первом месте значение единиц, на втором — десятков и т. д., то можно изображать ими всевозможные числа.

Так, написав **ббб** и зная, что буква **б** означает два, получали наше число 222. Наша цифра 2 и есть изменившееся при переходе от поколения к поколению первоначальное начертание второй халдейско-еврейской буквы (ב-бет), точно так же, как 4 есть очевидное изменение четвертой буквы (ד-далет), как 7 есть изменение седьмой буквы (ז зайн), как 9 есть изменение девятой буквы (ט-тет), — поверните только ее боком и вы получите цифру девять.

Единица же для всех числовых порядков выработалась из халдейско-еврейской иоты, т.-е. символа одного десятка, чтоб отличить ее от абсолютной единицы — первой буквы алфавита, которая считалась не числом, а его родоначальницей. Но халдейская азбука не давала символа для нуля. Чтобы указать значение **i** (единицы) по ее месту, начали ставить за нею маленькие кружки, указывая этим, что **ioo** значит сто (откуда получилось наше 100), что **iooo** — значит тысяча (наша 1000) и так далее.

В результате, вдруг, оказалось, что этим способом можно отсчитывать целую беспредельность чисел, тогда как по прежнему азбучному счислению можно было довести числа только до 999 999, не имея еще в языке названия для миллиона! Мудрено ли, что первому, кто употребил этот способ, показалось, что за пределами *«человеческих»* чисел, имеющих свои человеческие имена, бог открыл ему целую беспредельность чисел божеских, имена которых известны только богу! Не в этом ли заключается первый зародыш мнения древних, что кроме имен человеческих существуют еще божеские имена, звучащие более магически, чем человеческие имена, и что произнесением их можно вызвать не один мимолетный призрак предмета в воображении своего собе-

---

[1] Конечно, можно было условиться и слева направо, и сверху вниз или обратно, но первые изобретатели ставили, как читали.

седника, а и сам реальный предмет[1] к его существованию в окружающем нас мире?

Но этими чудесными открытиями, сделанными посредством алфавита, дело еще далеко не кончилось. Оказалось, что такой способ счисления дает человеку поистине магическую *власть* над числами.

Дело в том, что безграмотные люди — а из них состояло в древности все человечество — могли только отсчитывать (по пальцам или по их числительным именам) количества многократных предметов, но не могли ни сложить, ни вычесть значительных чисел друг из друга. Каждый раз, как кто-нибудь смешивал вместе две груды плодов, число которых в каждой куче ему было известно, он должен был вновь пересчитывать все по порядку, чтобы узнать, сколько их стало в новой куче, а вынув из нее определенное число плодов, он должен был снова сосчитать остаток.

Первоначальный архаический способ изображения чисел с употреблением от начала до конца всех букв азбуки, все же предоставлял возможность сложения и вычитания и давал древним магам-грамотеям возможность, складывая свои волшебные значки, приводить в изумление непосвященных, указывая им сразу, не пересчитывая каждый раз снова, сколько осталось у них в кучке, если они выбрали из нее определенное число предметов или, наоборот, прибавили к ней. Но еще большее волшебство получилось для древних при новом, только-что описанном мною, способе изображения всех чисел, как человеческих, так и божеских, путем первых десяти букв, ставших теперь главными цифрами.

Представьте себе восторг того, кто первый составил из них особый магический квадрат, представляющий нашу современную таблицу умножения, и вдруг увидел, что с помощью его он может перемножать между собою всю беспредельность чисел, сделав в несколько минут то, что по прежней азбуке являлось делом многих часов! Что же удивительного, что экзальтированное воображение стало рисовать ему возможность еще новых комбинаций чисел в магические фигуры, дающие возможность

---

[1] Понятие о том, что еврейский язык и есть божеский язык, выработалось только в средние века.

найти из них еще новые свойства чисел! И это, действительно, нередко и удавалось, например, в Паскалевом треугольнике, дающем закон комбинаций между собою различных многократностей и закон случайных отклонений от средней нормы и т. д., и т. д. Что же удивительного, если учение о буквах, как цифрах, и таблица умножения стали второй ступенью посвящения в тайны древних магов, после которой уже долго не было никакой третьей, а только представление, что и эта третья неведомая степень посвящения сохранилась где-то в дальних странах у неизвестных мудрецов?

Вот как говорится о цифрах в первой главе уже цитированной нами еврейской книги «Сефер Иецира» (Шифр Творения).

«Тридцатью двумя дивными, мудрыми путями[1] составил свой мир Иа, Иэуэ, Сабаоф, бог Израиля, бог живой и вечный властелин, Эль-Шаддай, милосердный, прощающий, высокий, вечно-живущий, свято и возвышенно его имя!»

«Он создал мир тремя способами: письменами, счислением и смыслом чисел».

«Десять чисел невещественных и двадцать две буквы—основы: в них три матери (а, м, ш), семь двойных (б, г, д, к, ф, р, т, *имеющие по-еврейски два произношения*) и двенадцать простых *(все остальные)*!»

«Десять чисел невещественных! По числу десяти пальцев: пять против пяти — по завету единства между ними».

«Десять чисел невещественных! Десять, а не девять, *десять, а не одиннадцать*.[2] Пойми разумением и уразумей пониманием! Пытай их, исследуй их, установи всякий предмет, как следует, и помести создателя на его место!»

«Десять чисел невещественных! У них десять свойств бесконечных» и т. д.

Таков лирический апофеоз десятичной системы счисления, из которого состоит первая глава этой замечательной еврейской книги.

---

[1] Тридцать два, это *сумма* 22 букв, составляющих все еврейские слова, и 10 элементарных чисел десятичной системы, составляющих все числа.

[2] Автор и не подозревает о бесконечности других возможных систем счисления, аналогичных нашей десятичной системе. А на деле, кроме десятичной системы, существуют и более совершенные и могучие, какова, например, тридцатичная система.

И все это считалось не за простую поэзию, а за вечные научные открытия, и следующее поколение клало такие поэмы в основание для дальнейших своих восторгов в том же роде. Это был тот самый метод исследования, который назывался в средние века божественным вдохновением. Охватывающее человека восторженное состояние, побуждающее его писать стихи или художественные вещи, считалось наитием свыше, идущим от дуновения самого бога, и потому подобные стихи в прозе очень часто и начинались словами: «Так говорит бог!».

Но само собой понятно, что лирические порывы подсказывали одному одно, а другому — другое, и из соединения многих вдохновений вместе получался невероятный сумбур.

Брали, например, слова, начинающиеся с данной буквы, и по ним определяли свойства этой буквы. Так, заметив, что тройное имя бога (Ал, Алоим, Алоэ) начинается с **а**, пришли к выводу, что эта буква должна находиться во всей бесконечности мира, что ее особенностью должен быть венец, что она должна управлять первым ангельским чином — серафимами. Заметив, что один из обычных эпитетов бога — Бахур (отличный) — начинается с буквы **б**, пришли к выводу, что она управляет ангелами второго чина, существами, «приведшими в порядок хаос», и т. д.

Все слова стали рассматриваться как числа и исследоваться по перемещению в них букв. Из них стали составляться целые таблицы, каково, например, знаменитое в каббалистике распределение в треугольник имени бога *Йэуэ*, чему приписывалось особое значение, как указанию его свойств по свойствам букв его имени, определяемым всякими, чисто произвольными, приемами. Во многих случаях перестановок букв в каком-либо имени, конечно, выходили новые слова, способствовавшие остроумным догадкам и приводившие к случайным выводам, по внешности как-будто логически вытекающим из исследуемого предмета. При других же перестановках из самых благочестивых слов вдруг получались непристойные, поражавшие столбняком исследователей и, в конце концов, создавшие каббалистике дурную репутацию у благочестиво мыслящих людей.

К таким же результатам — то удачным, то скандальным — приводило и еще более употребительное в средние века у еврейских и христианских каббалистов розыскание свойств имен по ребусическому способу.

Возьмем, например, употреблявшийся в каббалистических книгах, разбор первого слова в библейской книге «Бытие». «Вначале создал бог небо и землю». Я уже говорил во второй книге, что по-еврейски слово *вначале* читалось,—если исходить из буквенного состава слова,—*брашит* (по нынешнему произношению берешит), а разложив его на *бра* и *шит*, получали «он создал шесть».

Средневековый каббалист прикладывал палец ко лбу и восклицал: «уже в первом слове Библии указывается, что мир создан в шесть дней!»

Очевидно, что, пока дело шло лишь о таких удобных разложениях, он встречал только симпатию со стороны своих верховных пастырей, христианских или еврейских. Но вслед за тем оказались и другие случаи. По временам выходили разложения в роде того, как, например, делали семинаристы из слова *богослов*, и тогда можете себе представить положение богослова-епископа, которому ученый каббалист преподносил подобные или еще худшие выводы!

Можно сказать с уверенностью, что если бы сам чорт показал ему рога из разбираемого по буквам слова, то пастырь был бы менее испуган! И вот мало-по-малу в конце средних веков стало устанавливаться мнение, что сам дьявол, а не бог выдумал эту науку, чтобы вводить в соблазн человеческие души. И католическая церковь стала посылать на костры каббалистические книги, а затем и всех занимающихся подобным бесовским делом.

VI.

Волшебные перспективы будущего общечеловеческого языка.

Но точно ли первичные восторженные ожидания древних каббалистов были простыми, неосуществимыми фантазиями? Точно ли «магические значки алфавита», дав нам возможность узнавать мысли писавшего их и делать арифметические вычисления и алгебраические действия, так и закончили на этом свои услуги развитию человеческого интеллекта и более ни на что ему не пригодятся? Неужели ни при каких условиях звуковой состав слов и их буквенная транскрипция не могут нам

дать возможности изучать важнейшие свойства предметов по одним их именам?

Все течение современного естествознания показывает нам, что свободная наука рано или поздно *принуждена* будет выработать такую терминологию, где фонетический состав названий будет обозначать также и сложение обозначаемых ими предметов из их элементов и положение их среди других, им родственных, т.-е. определит и их основные свойства. Тогда и мечтания каббалистов, отнесенные ими ошибочно к прошлому, осуществятся в полном своем размере в будущем международном, научно выработанном, языке.

К каким великим результатам приведет такой язык и как легко будет изучение на нем всех наук, я и хочу показать читателю в этой последней главке, открывающей перед нами один из волшебных уголков будущей науки.

Сформулируем наш вопрос таким образом: если в древних языках, не исключая и самого псевдо-божественного халдейско-еврейского, придуманного по библейской легенде первым человеком «Адамом»,[1] и не оказалось соответствия между буквенным составом имен и элементарным составом обозначаемых им предметов, благодаря случайности первобытных наименований, то не может ли в будущем выработаться такой международный язык, в котором один буквенный состав давал бы нам возможность описать почти во всех подробностях никогда не виданный нами предмет по одному, впервые услышанному нами, его названию?

На этот вопрос мы можем ответить только утвердительно.

Такой международный язык не только возможен, но он неизбежно должен выработаться, потому что без него человеческому интеллекту нельзя будет перейти на предстоящую ему теперь новую, высшую стадию своего развития, взойдя на которую человек, не тратя десятков лет на свое обучение, будет почти с детства охватывать всю совокупность современного ему естественно-научного знания.

Я покажу читателю прямую неизбежность этого, вытекающую из быстрой эволюции вширь всех наших наук.

---

[1] «И он дал им имена»,—говорится об Адаме в Библии, а имена эти были халдейско-еврейские, как видно по его собственному имени—Адам (глина, или человек), по имени его жены Ева (жизнь) и др.

Возьмем прежде всего самую новейшую из них — органическую химию. С каждым годом вырабатывает она десятки, даже сотни новых веществ, для которых нужны новые имена. Первые химики-органики начала XIX века дали первым добытым ими из живой природы веществам простые названия, например: метан, этан, пропан, бутан... Их дериватам, в составе которых недостает одного атома водорода, они дали производные отсюда названия: метил, этил, пропил, бутил.., а таким дериватам, у которых недостает двух атомов водорода: метилен, этилен, пропилен, бутилен и т. д.

Вы видите, что здесь в науке сама собой стала возникать номенклатура органических веществ не случайная, а систематическая, определяемая по недочету водорода, обусловливающему совершенно определенные химические особенности для каждой новой группы этих веществ, и эту особенность, изучив немного химию, вы можете, как в каббалистике, сейчас же указать по произношению имени даже незнакомого вам продукта.

Однако, здесь первоначальными наименователями не было предусмотрено одно: эти продукты, соединяясь химически между собой, дают столько новых оригинальных и нередко чрезвычайно важных в медицине, технике и физиологии веществ, что продолжать и для них эту номенклатуру стало совершенно невозможным. Международные конгрессы химиков, давно убедившихся, что человеческому уму невозможно изучить органическую химию при особом названии для каждого из десятков тысяч ее продуктов, стали и далее продолжать дело ее отцов и создавать систематические имена, но в результате пришли, наконец, к таким многоэтажным словам, которые непривычный не может даже и выговорить, а выговорив, не может запомнить. Попробуйте, например, произнести одни из самых обыкновенных, в роде *бутилметилпентилметан* или *гексилоктилундециламин*, и вы увидите, что новичку это довольно трудно, хотя химик-органик привык и к далеко «худшим словам».

Для того, чтобы вполне выразить в самом имени строение и зависящие от него химические и физические свойства органических веществ, ему приходится часто вводить в середине слова еще и греческие буквы, как, например, в названии: β_1-*нафтиламин*-β_3 α'_4-*дисульфоновая* кислота и т. д.

Но и этого оказывается недостаточно! Приходится среди слов вставлять еще и цифры, нередко по нескольку сразу. Так, один цветной порошок, употребляемый как краска, называется: 1,5-диамидо-4,8-диоксиантрахинон, а другой имеет имя:

Δ 4(8)-терпен-3-нон и т. д.

В результате, эта современная, выработанная химическими конгрессами варварски-систематическая номенклатура превратила курсы органической химии во что-то в роде читанного мною в детстве и сильно поразившего меня тогда юмористического письма учителя арифметики Семена Сковородина к его невесте:

«Любезная Амфи-3-та Дми-3-евна!

«1-очество наше скоро прекратится. Е-2 настанут каникулы повенчаемся! Вы-3-же слезы! Счастливее супружеской 4-шительно не будет на свете; о5 жди завтра вечером же моего при-6-вия к тебе. Жди твоего любящего 7-ена и знай, что непременно в Рождест-8-ен твой будет окончательно твой! 9-ого декабря тысяча восемьсот семи-10-ого года.

Твой 7-ен Сковор-1».

Понятно, что такой способ транскрипции не может держаться в серьезной науке вечно, особенно когда под рукою находится идеально простой и легкий способ для всех названий органической химии.

Действительно, дадим в полной, рационально-составленной международной азбуке каждой согласной букве числовое значение по ее порядку, как было в первобытных греческом, еврейском и славянском алфавитах, напр., б = 1; в = 2; и т. д. Точно также дадим и гласным буквам свое собственное числовое значение, например, у — 0; о — 1; а — 2; э — 3; ы — 4.

Тогда, обозначив число атомов углерода в углеводородных цепях соответствующей ему согласной буквой, а недочет в них водорода — соответствующей гласной и прибавив к ним для благозвучия хоть окончания **ль**, — получим односложные слова для всех углеводородов жирного ряда: буль, боль, баль, быль; вуль, воль, валь, выль и т. д.

Изменив окончание **ль** на другие односложные, например, для спиртов на **рь**, для аминов на **мь** и т. д., получим способ для односложного обозначения всех этих продуктов. Соединяя такие элементарные продукты по два вместе, получим легкий

способ для наименования всех сложных продуктов. Выходят совсем удобопроизносимые и легко запоминаемые слова, дающие сразу и полный химический состав данного вещества, и все его химические и физические свойства, тогда как при обычной номенклатуре иногда имя приходится произносить как целую фразу. В особенно сложных случаях, когда в производном слове скопится более четырех слогов, можно разделять его на два, как теперь двойные фамилии, и тогда такой номенклатуры хватит без исключения на все продукты органической химии и даже откроется большой запас, указывающий на необходимость существования тысяч еще не открытых ее продуктов с предсказанием всех их важнейших свойств.

Я не могу вдаваться здесь в подробности, чтоб не утомлять читателя не химика, но я только спрашиваю: неужели современная наука вечно будет писать химические курсы и трактаты в роде приложенного мною здесь письма Семена Сковородина? Неужели никогда ни один из химических конгрессов не постановит перейти к этой легкой силлабической (буквенной) номенклатуре, имеющейся под руками, в которой первичные элементы вещества даются одиночными буквами, а не целыми словами, и которая поэтому делает все названия легкопроизносимыми, а изучение органической химии самым легким и увлекательным делом вместо современного языколомного?

Такую же легкую систематическую номенклатуру можно создать и для веществ минеральной химии и, вообще, минералогии, дав элементарным веществам односложные названия, составленные для их периодической системы по тому же методу, как я только что указал для углеводородов. И здесь мы получим легко произносимые имена не только для всех двойных, тройных и кратных минеральных веществ, но и для самых сложных силикатов. Если в детстве вам будут прямо называть обычные вещества по таким международным систематизированным из букв названиям (вместо наших случайных: глина, песок, известь, кухонная соль, малахит, гранит и др.), то вам незачем будет зазубривать потом в школе их химический состав и свойства. Само имя будет отчетливо указывать вам все это своим буквенным составом, и все сухое при изучении минерального мира будет сброшено, как скорлупа, будущей наукой, и сама она, сразу открыв свою основную сущность, станет бесконечно

привлекательной не для одних избранных, а для всякого умственно пробуждающегося ребенка.

То же самое можно указать и для географической терминологии. Сколько каждому из нас приходилось зубрить различных имен городов, гор, рек, островов и т. д., а потом позабывать, где их место! Кому из нас не приходилось с отчаянием в душе искать по карте, где на ней находится необходимое для нас название?

А между тем, все это будет совершенно ненужно при систематической международной номенклатуре, где в буквенном составе каждого названия выразится и место.

Вы знаете, что географическое положение на земном шаре выражается в градусах широты и долготы, и что первых — 180, а вторых — 360 градусов. Значит, взявши международный алфавит с 60 буквами для обозначения согласных звуков, где тридцать — различные видоизменения твердых (*б, п, в, ф* и т. д.), а остальные тридцать — мягких (*бь, пь, вь, фь* и т. д.), можно комбинацией только двух согласных звуков выразить 3600 делений по долготе, а прибавив к ним еще вторую комбинацию, можно выразить такое же число делений по широте места, т.-е. обозначить этим на земле четыреугольнички величиной в десятые доли градусов (в 10 верст по направлению от севера к югу, и еще менее того — от востока к западу в неэкваториальных странах)! Условимся, например, что, при разделении этих четырех согласных букв на две пары посредством гласной **у**, мы получаем имя города, находящегося в этом квадратике; что при разделении тех же четырех согласных буквой **о** — имя горы; при **а** — имя реки, устье которой в данном месте, и т. д. Тогда мы получим ряд слов, при одном произнесении которых ясно видно, о чем идет дело — о городе, горе, реке и т. д., и где на земной поверхности этот предмет находится. И все такие слова будут благозвучны, особенно, если мы условимся вставлять гласные и между остальными стечениями согласных, и, притом, не как попало, а тоже по системе, обозначая ими, например, приближенную величину предмета, т.-е. разделяя ее на несколько категорий.

Понятно, что при такой международной систематической терминологии никому не понадобится мерить по карте, каково расстояние от одного места до другого; оно будет сказываться в самом названии обоих мест. А если мне кто скажет, что

будет жаль утратить при этом дорогие ему исторические имена, то кто же мешает оставить их, как прибавки к международным, в роде того, как это делается и без того в названиях Нижний-Новгород, Усть-Сысольск и так далее. Что же касается никому неведомых мелких местечек, то международное переименование их не может вызвать даже и таких возражений, тем более, что оно уничтожит всю сушь в географии и освободит учащемуся время для усвоения географических особенностей, более поучительных, чем зубристика бессмысленных имен, большинство которых всегда остается для каждого не только лишенным исторического, но и всякого другого смысла.

Тот же самый метод, введенный в астрономию для наименования звезд в различных стадиях их развития, дает возможность по одному имени звезды указать ее на небе и на астрономической карте и сказать прямо, к какому типу и к какой величине она принадлежит, и каково от нас ее приблизительное расстояние. Тогда и в астрономии для изучения останется только одно интересное и поучительное, особенно, если для лунных и марсовых карт тоже ввести обозначения местностей по широте и долготе, аналогичные только что описанным для земли, а в имена планет вставить понятия об их величине и расстоянии от солнца.

Переходя к биологическим наукам, мы и здесь видим не только необходимость, но и неизбежность аналогичной терминологии.

Ни один зоолог, ни один ботаник не могут вместить в своей голове сотен тысяч существующих на земле видов животных и растений, не говоря уже о вымерших. И здесь, как в органической химии, мы видим зародышевую попытку введения рациональной международной номенклатуры в двойных латинских именах, придуманных Линнеем и его последователями.

Но и она не вошла в обыденное употребление отчасти по своим чуждым для современных народов двухъэтажным латинским названиям и отчасти по другой, не менее основательной, причине. Она дала возможность получать приблизительное представление о никогда невиданном нами животном или растении лишь тогда, когда мы уже знаем хоть одного представителя из этого рода. Однако, всех родов животных и растений оказалось такое множество, что даже и для сотой их доли нельзя иметь у себя в голове по хорошо знакомому представителю.

Вот почему эта попытка еще менее достигает цели, чем даже современная номенклатура органической химии. Она только указывает нам путь для дальнейшего усовершенствования биологической терминологии. В будущем научном имени животного или растения должен быть определен его буквенным составом не только род и вид, но и все другие более общие биологические подразделения, дающие его основные особенности. Такие имена должны быть, кроме того, достаточно благозвучны для введения их и в обычный разговорный язык. А этого достигнуть можно опять лишь придавая особое значение каждой букве. В зоологии и ботанике все живущие существа разделяются, как известно, прежде всего на отделы, отделы—на классы, классы—на разряды, разряды — на семейства, семейства — на роды и роды — на виды, т.-е. существует семь подразделений. Если бы каждое из них выражалось в имени целым слогом, то пришлось бы давать и животным, и растениям слишком длинные для произношения семисложные имена, и потому их необходимо сократить, придав и гласным, разделяющим согласные, значение подразделений.

Для этого надо только воспользоваться всеми вариациями пяти основных гласных, существующими в различных языках, а если где-либо не хватит и этих звуков, то можно их еще удвоить вставкой какого-либо удобопроизносимого звука перед каждой согласной в роде *й*, который, таким образом, не будет иметь самостоятельного значения в имени.

Тогда все имена животных и растений легко сократить в четырехсложные или в крайнем случае в пятисложные слова, и каждое название будет при этом заключать в себе и всю генеалогию данного живого существа, особенно, если гласная в последнем слоге будет обозначать его геологическую эпоху — современную или прошлые, — что поведет к такой же рациональной номенклатуре и самих геологических периодов.

Но такого рода силлабическое словообразование, делающее так просто из имени каждого предмета его полное описание, не приведет ли к более удобным названиям и для самих числительных имен? Не лучше ли обозначить все элементарные числа простыми слогами: *бе, пе, ве, фе, ге, ке* и т. д., а для нуля взять, напр., *не*? Тогда можно было бы сказать коротко и просто всякое число, например, вместо двадцать три тысячи четыреста

пятьдесят шесть, просто: *певефегет?*[1] Очевидно, что всю хронологию истории, все астрономические расстояния планет и т. д. можно будет выразить тогда простыми числительными словами и, прибавляя их к обычным именам, в роде неотъемлемых эпитетов, можно будет при каждом историческом имени обозначать и его точную дату. Тогда скучное изучение хронологии, тотчас же забывающейся после экзамена, если человек не специализировался на ней, сделается совершенно излишним: она будет в самом имени исторической личности или события.

Таковы широкие перспективы, открывающиеся для человеческой мысли введением в научную номенклатуру международных рациональных названий, где каждое имя есть, вместе с тем, и общее описание предмета, то самое, какое мечтали найти средневековые каббалисты в древнем еврейском языке, считая его за данный самим богом-громовержцем, а следовательно, и за рациональный язык.

Их искания с этой точки зрения были только как бы предчувствием возможности такого языка. Их только что пробуждавшийся ум пытался найти его, как и все другое великое, в прошлом, а не в будущем; они считали рациональный язык заранее дарованным человечеству, а не таким, который должен быть выработан самими людьми в ту эпоху, когда они сделаются готовыми к переходу на новую, высшую стадию своего интеллектуального развития.

Не настало ли уже теперь для человечества это время? Если даже и нет, то оно близко. Мы видим уже, что во многих науках (и, прежде всего, в органической химии) скорое введение его становится совершенно неизбежным, благодаря непроизносимости существующих названий и невозможности для специалиста заучить по обыкновенным именам все разновидности необходимых ему химических материалов. То же самое и в других *настоящих*, т.-е. систематизированных науках. До сих пор все международные конгрессы специалистов, обсуждавшие такие

[1] Можно думать, что со временем человечество сможет еще сократить и эту номенклатуру, введя вместо десятичной тридцатичную или даже шестидесятную систему счисления. Тогда, например, такое большое число, как сто двадцать три миллиона четыреста пятьдесят шесть тысяч семьсот восемьдесят девять, произнесется в роде *бевегедеф*, т.-е. всего в пять согласных букв.

вопросы, пытались лишь чинить и надстраивать старое обветшавшее здание научной терминологии, а не срыть его до основания, чтобы возвести новое, со всевозможными удобствами. Впрочем, и возводить это новое здание им было совершенно невозможно до выработки общего международного алфавита, основанного на выводах новой естественной науки — антропофоники, в который вошло бы все звуковое богатство, накопленное различными расами и племенами, так как все национальные алфавиты страдают, как увидим далее, значительными недочетами.

Итак, для дальнейшего развития всех наук необходима теперь международная выработка систематического полнозвучного алфавита, который надо сделать не надстройкой существующих уже, а их заменой совершенно новым алфавитом, в основе которого должно быть положено наибольшее удобство *для скорого обучения* детей азбуке.

Удобнее всего это может быть сделано специальным международным конгрессом, а введено в употребление постепенно. Представьте, например, что будет обязательно постановлено на каждое полугодие заменять в газетах только четыре губные, четыре зубные и т. д. согласные буквы новой транскрипции. Первоначальное затруднение в чтении будет для вас (даже если вы и не учили новой азбуки) не больше, чем при чтении книги с опечатками, а если в начале газеты все время стоит строка, с указанием произношения этих четырех новых систематических значков, то вы привыкнете к ним в два или три дня, и через неделю постоянного чтения даже не будете замечать их. Так в четыре или пять лет можно совершенно перейти к новому алфавиту, не побуждая взрослых специально изучать его, а для детей в школах, конечно, лучше ввести сразу учебники, напечатанные новым способом. Только после этого можно будет перейти и к введению той международной научной номенклатуры, о которой я говорил, и это ясно будет видно из следующей же главки этой моей «лингвистической интермедии».

Если же инертность и рутина еще долго будут мешать решению этого вопроса международным конгрессом, то ничто не мешает проявлению здесь и отдельной инициативы. Если бы какой-нибудь народ ввел у себя такую азбуку и номенклатуру, то он настолько сразу поднялся бы в своем умственном развитии, что остальным народам через несколько десятков лет

ничего не осталось бы делать, как принять от него все выработанное им, как постепенно и принимается теперь выработанная во Франции метрическая система мер и весов.

Однако, скажут мне, если все химические, астрономические, биологические и даже числительные имена сделаются международными, то не повлечет ли это к выработке и из остального лингвистического состава разных языков одного международного языка?

Международный язык, несомненно, выработается в будущие века, но он выработается, мне кажется, не конгрессами и не искусственными способами, а постепенным слиянием всех человеческих наречий в один необыкновенно богатый звуками и символами язык. Утверждать, что наши современные языки так и застынут и окаменеют на теперешних наших словарях и грамматических оборотах, значило бы отвергать всю прошлую историю этих же самых языков, подвергавшихся изменениям от столетия к столетию. Так будет и в будущем, и международная терминология научных и числительных имен только облегчит дальнейшее слияние всех диалектов.

Сделав все технические, числительные и научные наименования общечеловеческими, наука, вероятно, оставит в языках попрежнему все те слова, которые она не может привести в свои системы, т.-е. все глаголы, имена прилагательные, все слова для выражения человеческих чувств, симпатии, антипатии, одним словом, весь тот лингвистический словарь, который создал национальные поэзии и художественные литературы. Заменятся в них постепенно новыми лишь имена немногих домашних животных или имена общеизвестных растений, да и то они еще долго будут существовать одновременно со старыми, как у нас уживаются в поэзии названия конь и лошадь, луна и месяц...

Зато все, что необходимо для путешествия в чужих странах, — названия кушаний в ресторанах, имена необходимых дорожных предметов, — будет постепенно делаться общим, как оно уже происходит и теперь, а введение международной номенклатуры чисел устранит и наибольшее затруднение для международных сношений — трудность купли и продажи. Сношения между народами облегчатся в будущем до крайности летательными аппаратами, и в международной смеси грядущих людей из каждого языка будет взято и перенесено в международный все то, что было выработано ценного различными национальностями.

Эволюция будущего международного языка пойдет не путем сокращения до минимума звукового состава какого-либо национального языка, не путем сокращения до минимума его грамматических форм, а путем его обогащения всеми отдельными национальными формами и звуками. Язык тем выразительнее для тонких оттенков человеческих мыслей и чувств, чем он богаче словами и формами; и он тем звучнее и удобнее для пения, чем разнообразнее его звуковой состав. Другого объективного критерия совершенства языка у нас не может быть, если мы не захотим вступить на старинный путь субъективизма, благодаря которому всякий, даже совершенно дикий, народ считает свой язык самым совершенным и в звуковом, и во всех других отношениях.

Резюмируем кратко все сказанное выше. Мы видели в начале этого исследования, какими волшебницами казались первым людям, выучившимся чтению, буквы их алфавита, и как обучение азбуке было первой степенью посвящения их в тайны магов. Мы видели, как, увлекаясь апофеозом чтения, средневековые ученые стали придавать буквам божественное происхождение и изучать посредством них численный и звуковой состав всех слов и разлагать все имена по созвучиям, надеясь исследовать этим путем свойства соответствующих им предметов. Мы видели, как в результате всего этого возникла особая средневековая оккультная наука, *каббалистика* или просто *каббала*, пришедшая к заключению, что должен быть естественный язык, в котором каждое разложение любого слова на буквы дает всю историю и все основные свойства символизируемого этим словом предмета и, таким образом, приводит к возможности, не учась, знать основы всех наук.

Мы видели, как только что пробуждавшийся ум человечества искал этот язык в прошлом, а не в будущем, как он пришел к ложному выводу, что этот язык — древнееврейский, дарованный богом человечеству, и не подозревал, что истина — в обратном, что могучие социологические силы, влекущие народы с каждым столетием все вперед и вперед, предоставили им самим выработать этот язык в ту эпоху, когда их ум сделается готовым к переходу на новую, высшую стадию развития.

Мы видели, наконец, полную возможность выработки такого языка, попытались разглядеть его некоторые уголки и показать, что быстрое развитие всех наук уже влечет к нему народы помимо их воли.

Наступит время и раздастся голос более громкий, чем мой. Могучий язык будущего пробудит к новой, неизмеримо высшей жизни сознание грядущих поколений, и жалкими тогда покажемся мы им со своими современными сумбурными и хаотическими терминологиями и номенклатурами. Но даже и в те счастливые дни грядущий исследователь прошлого, открыв какую-нибудь полусгнившую от времени каббалистическую книгу, увидит в ней, что еще задолго до осуществления великого дела народов жили на свете люди, которые мечтали о предстоящем ясном дне всеобщего сознания в потемках глухого средневековья.

ГЛАВА II.

МУЗЫКА РЕЧИ. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЛОВО В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ.

> Различие языков заставляет человечество итти к истине как бы различными путями, освещая ее с разных точек зрения, и это служит залогом наиболее полного достижения истины.
>
> *В. Богородицкий.*

Одно из величайших затруднений при рациональном естественно-научном способе изучения памятников древней человеческой жизни, особенно же относящихся к умственной эволюции человечества, — заключающейся в развитии его мифологии, религии, географических, исторических и естественно-научных представлений, — состоит в необходимости собственных предварительных и разносторонних сведений в области важнейших отраслей современной и прошлой науки. В особенности же тут необходимо знание индивидуальной и массовой психологии, астрономии и астрологии, химии и алхимии, физики и магии, географии и геологии, анатомии и физиологии, механики и материальной культуры, сравнительной лингвистики и совершенно

еще новой, родственной с нею науки — общенародной антропофоники, существующей пока лишь в мечте, и в умении легко комбинировать их общие и частные результаты между собою. Без этого историк древнего мира будет постоянно ходить как слепой в глухом лесу и постоянно будет сбиваться с правильного пути.

В первой книге настоящего исследования я уже указал на необходимость знания астрономии, как в ее астрологическом прошлом, для понимания астральных аллегорий Библии, так и в ее современном математическом состоянии, чтобы легко вычислять указываемые в первоисточниках комбинации светил для установления правильной хронологии[1] описываемых событий. Во второй книге я наметил необходимость знакомства с геофизикой и с геологией, а здесь я покажу необходимость для историка культуры знакомства с анатомией, особенно же с основным органом всякой психики — головным мозгом вообще, для того, чтобы понимать, почему, кроме реальной истории человечества и его матери-природы, в сознании человека появлялись и развивались еще иллюзионарные их истории, и почему кроме реальных представлений людей о самих себе и об окружающем их стихийном и органическом современном мире у них до сих пор развиваются еще и иллюзионарные представления, заставляющие их нередко, на горе себе, итти по ложному пути в созидании своей жизни.

А в этой интермедии я покажу еще читателю, как необходимо для действительно научного изучения древней человеческой жизни также и достаточное знакомство со сравнительной лингвистикой и с наукой о звуках человеческой речи, которая, как я уже выразился ранее, существует пока лишь в умах немногих лингвистов и совершенно не знакома не только общеобразованным людям, но даже и специалистам по смежным с нею областям, каковы социология и общая история человеческой жизни на земле.

Многие из не-лингвистов, я думаю, даже еще и не слыхали об антропофонике. Ее не преподают ни в каком из общеобразова-

---

[1] С целью облегчить историкам решение подобных вопросов, а также и легко проверять чужие вычисления и определения, я составил «Наглядные таблицы движения небесных светил», которые дам в четвертой книге. По ним каждый историк легко определит сам времена любой указанной ему планетной комбинации.

тельных учреждений, и однакоже она чрезвычайно важна и как общеобразовательный предмет, и как первостепенное средство для восстановления прошлой истории человечества, и в этом смысле ее общий очерк необходим в моем исследовании. Ведь его заголовок «Христос», как я уже упоминал в предисловии к первой книге, не ограничивает моего предмета одним евангельским магистром оккультных наук. Это греческое слово значит просто *посвященный в высшую степень древней, замкнутой в себе корпорации ученых,* считавших свою науку дарованной им самим богом-отцом и державших свои знания в строгой тайне от посторонних. Его буквальный смысл — *помазанник* (Христос), так как посвящение в высшую степень магистра сопровождалось тогда мазаньем головы человека ароматическим растительным маслом посредством небольшой кисточки, или возлиянием этого масла из кувшина на темя посвящаемого. Если верить в древность старозаветной Библии, то этот обряд практиковался еще над Саулом, а если обратиться к историкам христианской церкви, то оказывается, что миропомазание посвящаемых в высшие теократические должности развилось **только с IV века** нашей эры, при чем освящение самого масла было приурочено (с V века) к страстному четвергу, т.-е. связано со столбованием «Великого царя».

В этом широком смысле я и понимаю слово «Христос» в моей книге, и потому для меня и Моисей, и Арон, и Самуил, и Илия такие же христы, как и евангельский, независимо от того, мифичны они все, или их библейские и евангельские биографии являются первобытными фантастическими романами из жизни реальных личностей. Давая их естественно-научную обработку, я неизбежно должен был не раз прибегать и к сравнительной лингвистике, которая, в свою очередь, делается серьезной наукой только в связи с антропофоникой и остается без нее как бы зданием без прочного цемента. Особенно же это важно для того, чтобы выяснить себе, насколько заслуживают доверия традиционно дошедшие до нас от наших предков произношения слов, мимолетно колебавших атмосферу земного шара более тысячи лет тому назад, так как по этим давно минувшим звукам нам приходится делать выводы и о соответствующих им давно минувших фактах.

В чем же сущность антропофоники?

Рассмотрим и этот вопрос в эволюционном порядке, чтобы сразу связать в нем современное состояние с отдаленным прошлым.

Как я уже и говорил, древние считали *слова* особыми газообразными существами, мимолетными духами, вылетающими из уст мыслящего человека, влетающими затем — через уши — в души окружающих их живых существ и воспроизводящими в них образы и идеи, роящиеся в «душе говорящего». И этим невидимым существам приписывалась, кроме того, и творческая сила.

«В начале было слово и слово было у бога и слово было — бог», — говорит евангелист Иоанн в начале своего «Благовествования». А его последователи и продолжатели еще прибавили, будто это же «слово», произнесенное богом-отцом, войдя в Палестине через ухо в душу прекрасной еврейской девушки Марии, получило там часть ее тела и, неожиданно для окружающих, вышло из нее как «богочеловек», для того, чтобы освободить людей от их «первородного греха», т.-е. от старых заблуждений, сделавшись провозвестником истины.

Для нас, знающих уже, что слова всякой речи являются волнообразными сотрясениями воздуха, вся эта история кажется, конечно, детски наивной, но не такова она была для наших предков даже и в начале эпохи Возрождения. Ведь они еще не могли знать ни акустики, ни оптики, хотя и теперь есть простодушные люди, верящие в возможность научной обработки этих отраслей человеческого знания чуть не питекантропами (о которых я говорил во второй книге этого моего исследования) и не качающие с недоумением головами, когда им говорят, будто Птолемей Александрийский написал во II веке нашей эры «Оптику», в которой развивается современное нам учение об отражении и преломлении света.

Но не так выходит на деле, когда вместо апокрифов мы начинаем исследовать действительные документы древности.

Вот, например, хотя бы библейская книга «Бытие», по которой учились и физике, и космогонии вплоть до нового времени. В первой ее главе каждое слово «отца богов» получает вещественную оболочку, как и в евангелиях, показывая ту же самую эпоху умственной эволюции ее авторов. Стоило отцу-богов сказать: «да будет свет!», и свет явился в виде «прозрачного воздуха», т.-е. такой среды, через которую, как щупальцы, проникают невидимые и неощутимые истечения нашей души.

Выйдя из нашей головы через глаза и достигнув рассматриваемого предмета, они снова возвращаются через те же глаза в нашу душу для того, чтобы сообщить ей то, что они ощупали вне нас. Слово «свет» и превратилось в свет, как только было произнесено богом.

Только с этой точки зрения становятся понятными и дальнейшие строки библейского мифа о «седмице творения», в которых реальные источники света — небесные светила — оказываются сотворенными уже после того, как прозрачный для глаза дневной воздух сменил непрозрачную для них ночную тьму в четвертый раз...

Так постепенно образовалось на берегах Средиземного моря (и притом не ранее IV века нашей эры) каббалистическое представление о неразрывном сродстве между предметами и их именами, и появилась наивная для нас идея о том, что можно получить точное представление о сущности и составе всех предметов и отвлеченных представлений, изучая не их самих, как теперь мы делаем, а один звуковой или буквенный состав их названий на древне-еврейском языке, на котором, будто бы, вызвал их к бытию сам творец. Не предмет с этой точки зрения предшествовал своему названию, а название, возникнув в душе бога-творца, вызвало к бытию самый предмет: *в начале* было слово и слово было — бог (т.-е. творец своего предмета) — говорит, как мы уже видели, евангелие Иоанна, этот важный первоисточник для понимания психологии интеллигентных вершин человечества средних веков. Ведь только афинский философ Прокл, живший, — говорят нам, — между 410 и 485 годами нашей эры, открыл, что между словами и предметами мысли существует естественная связь, хотя, — как наивно передают нам средневековые авторы, — Аристотель будто бы опроверг эти идеи Прокла еще за 800 лет до его рождения, и Прокл, выросши, конечно, не мог не прочесть возражений такой знаменитости,[1] особенно, когда они направлены (хотя и за 800 лет) прямо против него.

---

[1] Так как идеи Аристотеля стали распространяться и сделались необычно модными между передовыми деятелями всемирной науки — европейцами — только в XIII — XIV веках нашей эры, то я считаю их и возникшими лишь накануне того времени, а не за полторы тысячи лет назад до него. После такого долгого лежанья в подвале не прорастет никакое зерно, даже и ржаное.

Теперь, — как я уже говорил, — различные лучи света для нас только одна серия из огромного ряда невидимых нами рядов различных волнообразных колебаний междузвездной среды, проницающей все предметы, кроме их атомов. Они происходят от атомных вибраций всех физических тел и производят как силу тяготения,[1] так и электро-магнитные притяжения и отталкивания подвергающихся им предметов. Многообразные звуки, слышимые и не слышимые нами, теперь для нас только несколько серий из огромного числа различных систем волнообразных движений земной атмосферы. Они исходят от звучащих тел и передаются окружающей нас смесью азота, кислорода и нескольких других веществ, растворившихся в прилегающей к земному шару междузвездной среде (подобно тому, как соль или сахар растворяются в воде), и не улетают вдаль только благодаря их притяжению земным шаром.

Почему же мы слышим лишь несколько серий из огромного числа колебаний, которые способны передаваться нашему слуху от ритмически колеблющихся тел нашей атмосферой? Почему одновременность одних из них нам приятна и кажется музыкальным аккордом, а одновременность других — диссонансом?

Первое обстоятельство объясняется устройством нашего слухового органа. За барабанной перепонкой, защищающей его внутренность, находятся сразу два органа: **полукружные каналы** в числе трех, перпендикулярных друг к другу, в которых давление весомой жидкости служит нам для показания верха и низа и дает этим подсознательной области большого мозга непрекращающиеся импульсы к сохранению нами равновесия в стоячем положении (рис. 2, *bg*), и **улитка** в виде канала, свернутого спиралью в $2^1/_2$ раза (рис. 2, *lhl* и *vhl*) и наполненного лимфатической жидкостью, представляющая наш истинный слуховой орган.

Звуковые волны, проникая сквозь барабанную перепонку во внутреннюю часть каналов нашего уха, идут через вторую перепонку в улитку, где колебания разделяющей ее перепонки (рис. 3) и интерференционные узлы в самой жидкости (рис. 4), приведенной

---

[1] О силе тяготения см. мою книгу: «Основы качественного физико-математического анализа», 1908 г., а также мою статью «Sulla necessita di nuovi studii sulla forza di gravitatione» (La Scienza per tutti, 1909, № 10) и самую последнюю мою книгу «Принцип относительности и абсолютное» (Госуд. Издательство, 1920 г., Петроград).

в звуковое движение, дают нам возможность определять высоту не только одного основного тона в доходящем звуке, но и зна-

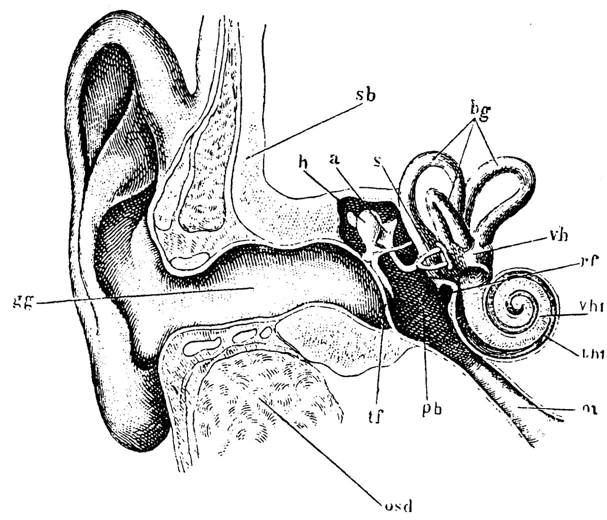

Рис. 2. Орган нашего слуха и ощущения равновесия: *tf* — барабанная перепонка; *s* — стремя; *h* — молот; *a* — наковальня; *vh* — улитка — истинный орган нашего слуха; *bg* — полукружные каналы, орган нашего представления о верхе и низе и инстинктивного поддержания нашего равновесия; *n* — Евстахиева труба, открывающаяся в глотку.

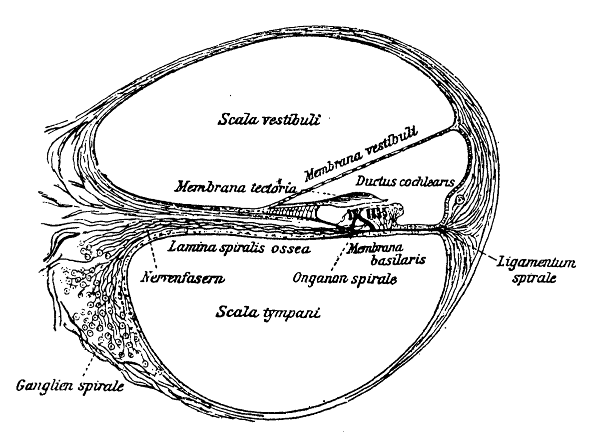

Рис. 3. Поперечный разрез улитки с обозначением разделяющих ее слуховых перепонок.

чительного числа налегающих на него более мелких или крупных колебаний, мета-тонов, присутствие которых и определяет нам **колорит** звука, различный в музыке различных инструментов

и в голосах различных людей, даже членов одной и той же семьи. Действие перепонки в улитке очень похоже на действие струн рояля. Приоткройте его крышку и произнесите: «О»... Ему дадут отзвук только те струны рояля, которые настроены в унисcон с метатонами этой гласной, и рояль, как эхо, ответит вам: «О»... Точно так же и при произнесении вами всякой другой буквы. Так же поступает и наша ушная улитка, а проходящие в нее слуховые нервы передают это в серое вещество нашего головного мозга, которое (а не ухо!) воспринимает и запечатлевает в себе

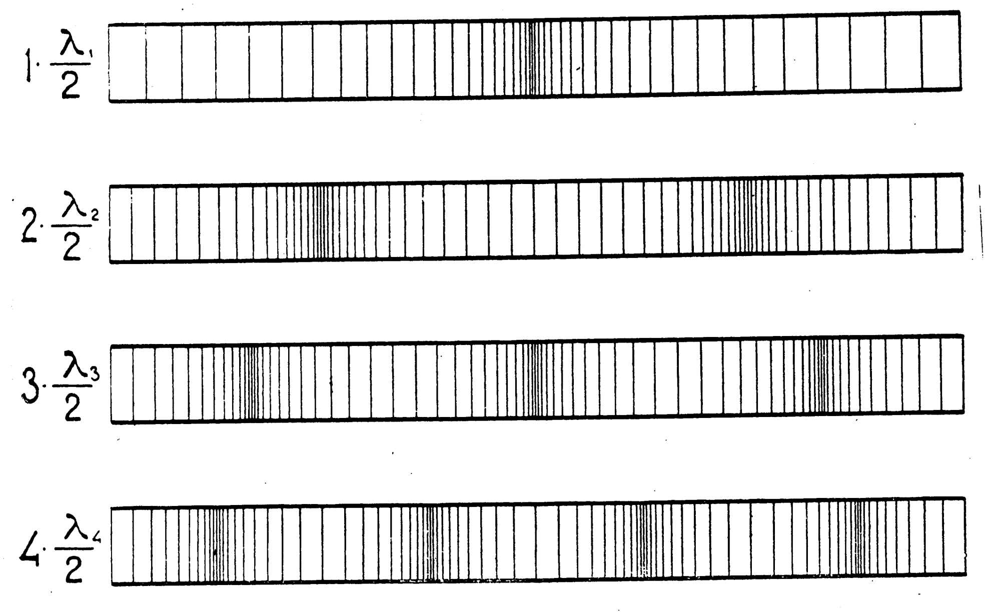

Рис. 4. Стоячие волны звука и полосы интерференции.

их и, когда нужно, доводит до той области нашего мозга, где локализирована наша сознательная жизнь, как мне кажется, — в мозжечке.

Тот же рояль дает нам объяснение, почему все октавные тоны, несмотря на разность высот, кажутся нам сходными, и получили те же самые названия: *до, ре, ми, фа, соль, ля* и *си*, несмотря на разность высот. Это потому, что если вы дадите струне свойственное ей основное колебание, то она даст сама по себе, хотя и в более слабой степени, и ближайшие к ней октавные колебания. Значит, если одновременно с этим зазвучит

другая струна на октаву выше или ниже, то волны обоих звуков гармонически налягут друг на друга, усиливая свои обертоны, (рис. 5) и впечатление получается такое же, как и в поэзии от полной рядовой рифмы.

Когда на два или три колебания одной струны приходятся три или четыре другой (с достаточной точностью для того, чтобы они могли самопроизвольно исправить малые дробные прибавки или недочеты воздействием друг на друга), то происходит нечто в роде чересстрочного чередования двух или трех рифм, и впечатление получается приятное. А при значительно большей сложности никакой самопроизвольной ассимиляции тонов не произойдет и получится то, что мы называем диссонансом или дисгармонией звуков, как это видно на волнистых линиях рисунка 7, вычерченных посредством прибора, представленного на рисунке 6.

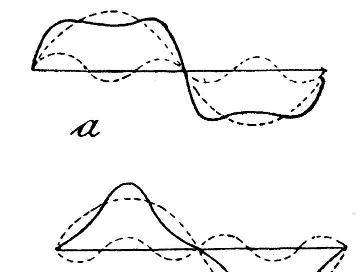

Рис. 5. Два результата наложения друг на друга поперечных волн (и вместе с тем графика сгущений и разрежений продольных). Черная линия есть результат наложения двух соответствующих ей пунктирных синусоид. В случае a — когда начала обеих направлены согласно, а в случае b — когда начала противоположны.

Если мы допустим, как это принято, что среднее человеческое ухо воспринимает как звук, а не как треск, только волны свыше 16 колебаний в секунду, то следующие его октавы будут 32, 64, 128, 256, 512, 1024, 2048, 4096 колебаний в секунду, и последние из них услышит лишь редкое ухо, а для обычного—оно уже тишина. И мы видим, что промежутки между ними возрастают в геометрической прогрессии, тогда как число различных тонов (называемых музыкальными полутонами) для уха европейца остается и в нижних, и верхних октавах только 10 (с бемолями и диезами), и редкий слух определяет звуки, промежуточные между ними, называемые четвертями тонов, что опять сближает наш орган слуха с роялем, в котором тоны переходят один в другой не непрерывно, а ступенчато, путем ассимиляции промежуточных с ближайшим к ним полутоном или, в крайнем случае, с четвертью тона.

Значит, *тоноразличительная способность нашего уха возрастает, как логарифм частоты колебаний по основанию два,* и для

того, чтобы привести верхние и нижние тона к психологической однородности, надо брать не прямые числа колебаний, даваемые опытом, а их логарифмы по основанию *два,* т.-е. помножать обычные десятичные логарифмы, взятые от полученных опытом чисел колебаний в секунду, на модуль вторичной системы логарифмов 3,3219 по формуле

$$D = 3{,}3219 \lg N_0 - 3{,}3219 \lg N_1,$$

где D есть ступень полутонной слышимости, т.-е. нота европейской музыкальной шкалы, N_0 число двойных (т.-е. взад и вперед) колебаний исследуемого в этом отношении музыкального тона, а N_1— число таких же колебаний близкого к нему тона, от которого ухо уже не может его отличить. У обычных европейцев $D = 0{,}04$, у индусов, повидимому, D менее этой величины (четверти тона).

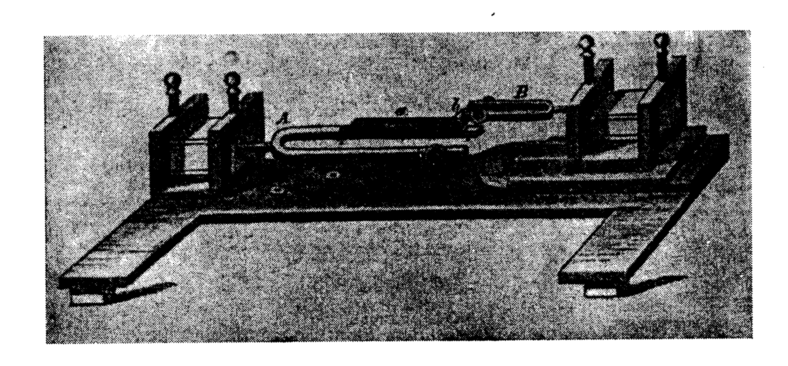

Рис. 6. Прибор для вычерчивания кривых линий, данных на рис. 7. Если левый (больший) камертон *A*, на котором приделана закопченная слюдяная пластинка *a*, неподвижен, то острие на конце меньшего камертона *B*, приведенного в звуковое колебанье и движущегося по подставке в направлении *A*, вычертит на закопченной пластинке правильную волнистую линию. Если же при этом привести в звучание и камертон *A*, то колебания одного камертона налягут на колебания другого, а потому и вычерчиваемая линия усложнится в зависимости от того, в каких соотношениях находятся частоты колебания обоих камертонов, как это и дано на рис. 7.

При этом название ноты будет определяться дробным остатком (мантиссой) логарифма по приведенной ниже таблице.

ТАБЛИЦА I.

Логарифмические мантиссы десяти полутонов европейской музыкальной шкалы, как десять ступеней слышимости обычного европейского уха XX века (здесь K любое целое число от 5 до 11).

Логарифмы.	Их мантиссы.	Их разности.
$\lg_2$Do	= K, 044	
		0,085
$\lg_2$Do♯ = $\lg_2$Re♭	= K, 129	
		0,085
$\lg_2$Re	= K, 214	
		0,076
$\lg_2$Re♯ = $\lg_2$Mi♭	= K, 290	
		0,076
$\lg_2$Mi	= K, 366	
		0,023
$\lg_2$Fa	= K, 459	
		0,085
$\lg_2$Fa♯ = $\lg_2$Sol♭	= K, 544	
		0,085
$\lg_2$Sol	= K, 629	
		0,076
$\lg_2$Sol♯ = $\lg_2$La♭	= K, 705	
		0,076
$\lg_2$La	= K, 781	
		0,085
$\lg_2$La♯ = $\lg_2$Si♭	= K, 866	
		0,085
$\lg_2$Si	= K, 951	
		0,093
$\lg_2$Do′	= K, 044	

Мы видим, что средние промежутки между ступенями музыкальных полутонов здесь 0,085, а потому и всякий звук, который отличается от приведенных во второй колонке этой таблицы не более чем на половину указанного интервала (т.-е. не более чем на 0,042), наша слуховая улитка относит к ближайшему из этих чисел, и это дает возможность легко определять ноту экспериментальных данных, не пугаясь того, что в высоких октавах интервалы между числами их колебаний в секунду очень велики. Ведь все те, у которых разница логарифмов меньше 0,042, лежат в пределах ошибок нашего голосового и слухового аппаратов. Вот почему и при составлении диаграмм здесь необходимо употреблять нотную систему, как я приспособил ее на следующих таблицах: она как раз и аналогична логарифмам числа колебаний, хотя и выработана композиторами помимо математики по интуиции.

Итак, наша таблица дает нам возможность легко переводить числа звуковых колебаний на ноты. Мантиссы логарифмов дают

название ноты, а их характеристики, K (т.-е. целая часть логарифма), дают номер октавы по ключу:

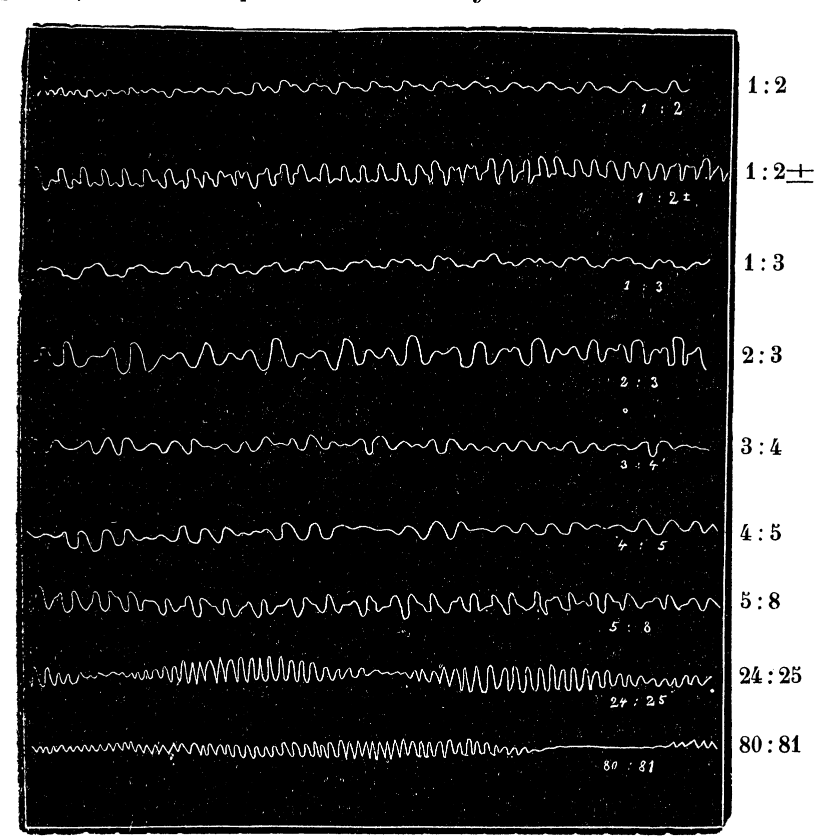

Рис. 7. Графики музыкальных тонов, получающиеся на закопченной пластинке камертона *A* предшествовавшего чертежа. Первая кривая, когда частота колебаний камертона *B* вдвое более частоты камертона *A*. Вторая тоже, но не вполне точно. Третья, когда на одно колебание *A* приходится три колебания камертона *B*, и т. д., как показано сбоку. При более сложных отношениях (как 24 : 25 или 80 : 81 внизу) получаются то усиления, то замирания звуков, называемые диссонансами.

K = 5 . . . . контр-октава
K = 6 . . . . большая октава
K = 7 . . . . малая октава (ее конец в басовом ключе)
K = 8 . . . . 1 октава (ее конец в дискантовом ключе)
K = 9 . . . . 2 октава (ее начало в дискантовом ключе)
K = 10 . . . . 3 октава
K = 11 . . . . 4 октава.

Для наглядности я их даю на рис. 8.

Октава	Тоны
Sub	H_2 A_2 — la_{-1}, B_2 — si_{-1}
Контр-октава.	C_1 — do, D_1 — re, E_1 — mi, F_1 — fa, G_1 — sol, A_1 — la, H_1 — si
Большая октава.	C — do_1, D — re_1, E — mi_1, F — fa_1, G — sol_1, A — la_1, H — si_1
Малая октава.	c — do_2, d — re_2, e — mi_2, f — fa_2, g — sol_2, a — la_2, h — si_2
1-я октава.	c′ — do_3, d′ — re_3, e′ — mi_3, f′ — fa_3, g′ — sol_3, a′ — la_3, h′ — si_3
2-я октава.	c″ — do_4, d″ — re_4, e″ — mi_4, f″ — fa_4, g″ — sol_4, a″ — la_4, h″ — si_4
3-я октава.	c‴ — do_5, d‴ — re_5, e‴ — mi_5, f‴ — fa_5, g‴ — sol_5, a‴ — la_5, h‴ — si_5
4-я октава.	c^{IV} — do_6, d^{IV} — re_6, e^{IV} — mi_6, f^{IV} — fa_6, g^{IV} — sol_6, a^{IV} — la_6, h^{IV} — si_6
5	c^{V} — do_7

Рис. 8. Фонетические обозначения музыкальных тонов в соответствии с клавиатурой рояля. Внизу немецкая система (по Гельмгольцу), над ней французская (по Пуаро). Полутоны даются черными клавишами. По немецкой номенклатуре повышение основного звука на полтона (♯) обозначается прибавлением слога *is* (cis, dis, eis, fis, gis, ais, his), понижение на полтона (♭) — прибавлением s или *es* (ces, des, es, fes, ges, as); исключение представляет si ♭, обозначаемый буквой *B*).

Мне остается только, в предотвращение сбивчивости при чтении, прибавить, что не все фонетические школы употребляют эту нумерацию октав. Так, французская школа фонетиков называет большую октаву первой, малую — второй, первую — третьей и т. д., и, кроме того, в ней все ноты на четверть тона выше, так что для получения их из вышеприведенных логарифмических мантисс надо вычитать 0,044, при чем для $\lg_2$Do получается в этом случае всегда нулевая мантисса (K, 000), что соответствует целой степени числа два (двум полным колебаниям в секунду), тогда как по обычной музыкальной шкале за исходный пункт взято 2,062 колебания в секунду.

По французской шкале у меня и представлены на рис. 16 данные Пуаро, на четверть тона выше обычных у нас нотных.

И если человек сроднился уже с этими новыми естественно-научными представлениями о свете и звуке, а не принял их в свое сознание как каких-то ненадолго пришедших незнакомцев, то в них он находит еще более поэзии и красоты, чем в их иллюзорных мифических отображениях, только-что очерченных нами. А для познания реальной сущности предметов только и пригодны одни современные представления: лишь при естественно-научном понимании эти великие явления природы и предоставляют себя на службу понявшему их человеку, вплоть до телефона и беспроволочного телеграфа.

Каждое светящееся вещество при разложении его лучей призмой в спектроскопе дает всегда несколько типичных линий, лежащих в совершенно определенных местах радужной спектральной полоски (см. рис. 11, стр. 57). По их положению и виду химик сразу узнает, из чего состоит незнакомый ему минерал, а астроном изучает по ним вещественный состав недоступных для нас небесных светил, определяет их возраст и, сравнивая их между собою, устанавливает общие законы и последовательные ступени их эволюции. И он видит ясно, что и небесные светила имеют тоже свое рождение, детский возраст, юность, старость и смерть, как и окружающие нас на земной поверхности живые существа.

А при прежних ошибочных представлениях световые лучи были глухи и немы ко всем предложенным им вопросам человека.

Точно так же и в области звуков человеческой речи. Каждый **согласный** ее звук, изобразимый особой буквой в роде *б, в, г* и так далее, имеет свою особую фонему, т.-е. *доходящую до*

*

нашего сознания систему, типичных и неизменных во всяком рту колебаний воздуха, ту же самую и в устах мужчины, и в устах женщины, и в устах ребенка, и в устах старика, пока они ясно выговаривают звуки речи. Только по этим фонемам или типичным и неизменным метатонам, сопровождающим обычные звуки человеческих голосов, если они достигли до нашего сознания, мы и отличаем *в* от *х*, *з* от *д* и так далее, независимо от того, высок или низок тембр голоса данного человека и каковы его индивидуальные особенности. В музыке им аналогичны те системы звуковых метатонов, т.-е. сопровождающих тонов, по которым мы отличаем длительные тоны флейты от таких же длительных тонов скрипки и ударные звуки рояля от ударных же звуков колокольчика даже и при той же музыкальной высоте их основных топов, в переливах и комбинациях которых и заключается вся гармония музыки и речи независимо от вышеупомянутых систем падбавочных тонов, соответствующих фонемам.

Произнесите, например, хоть сейчас длительный губной звук *в-в-в* или *вь-вь-вь*, *ф-ф-ф* или *фь-фь-фь*. Здесь, кроме общего гула, производимого вашим ртом, есть еще для каждого из согласных звуков своя особая серия отличительных метатонов, одинаковых у вас со всеми остальными людьми, независимо от их пола и возраста. Только опи одни и отделяют губные *в-в-в* или *ф-ф-ф* звуки от зубных *з-з-з* или *с-с-с*, или от глоточных в роде *h-h-h* или *х-х-х* и т. д., хотя и они такие же длительные. Когда эти метатоны плохо воспроизводятся кем-нибудь, как бывает у плохих певцов, тогда вы перестаете отличать их слова друг от друга.

Произнесите точно так же обычные для русского языка взрывные губные звуки *б* или *бь*, *п* или *пь*, и вы определите в них соответствующими физическими приборами те же специальные обертоны соответствующих им длительных *в-в-в* или *ф-ф-ф*, и вся разница с предыдущими будет только в том, что на этот раз основные вариации губного звука произведены вами путем быстрой размычки предварительно сделанного им противодействия ваших губ: они были сначала стеснены, а потом быстро и прогрессивно затухают, как звук колокольчика.

Каким путем ни проанализируете вы отличительные метатоны гортанных, зубных, носовых и других **согласных** звуков вашего голоса и голосов всяких других людей, вы всегда убедитесь, что у всех лиц, *слова которых вы понимаете*, между

ними нет заметной разницы. Они остаются неизменными и при пении, несмотря на все повышения и понижения тонов голосовой щели, если данное пение для вас понятно.

* * *

Несколько иное покажется вам с первого взгляда, когда вы будете сравнивать не эти только-что очерченные согласные шумы, а **гласные звуки** вашей речи с их произношением другими, но и тут выходит то же самое, лишь с одной прибавкой.

Скажите, например, длительно слоги *жэ-э-э* или *че-е-е*, *жы-ы-ы* или *чи-и-и* и сравните свое произношение гласных в этих слогах с произношением других. Вы увидите сейчас же, что их всегда сопровождает (чего не было в предшествовавших случаях с согласными звуками) еще особое чисто музыкальное звучание вашей голосовой щели, более высокотонное у женщин и детей, чем у мужчин и стариков, особенно, если кто-нибудь из первых имеет голос сопрано, а кто-нибудь из вторых говорит басом. Но какой бы музыкальной октавой кто ни говорил, вы отметите и здесь соответствующими физическими приборами то же самое, что мы видели и при произношении согласных: к чисто музыкальному и ничего идейного не сообщающему нам тону голосовых связок — говорит ли человек или поет — всегда при звуке *жы-ы-ы* примешивается к гласной *ы* более низкая система метатонов, чем при аналогичном ей звуке *и* в *чи-и-и*.., а звук *э* в *жэ-э-э*... по своим отличительным метатонам настолько же ниже, чем аналогичный ему звук *э* в слоге *че-е-е*... А если вы произнесете так называемое *и*-краткое (*й*, немецкую иоту—*j*), то увидите, что, потеряв певучесть голосовой щели, оно сохранило все метатоны гласной *i* и обратилось в такой же согласный звук, как и все остальные согласные. То же самое вы отметите, произнося и *U*-краткое в немецком (например, *Маўзер*) и *ы*-краткое в произношении этой буквы картавящими, когда вместо *раз* они говорят ўаз.

Точно то же вы заметите и у остальных гласных звуков своего языка, т.-е. у *А*, *О*, *U*.[1] Каждый из них вы можете петь, то повышая, то понижая тоны своей голосовой щели,

[1] Я всегда пишу фонему русского звука *У* через *U*, чтобы отличать ее в сравнительном изложении от латинской буквы *игрек (у)*.

посредством большего или меньшего натяжения голосовых связок в вашей гортани, но опытное исследование соответствующими физическими приборами всегда покажет вам одно и то же. При всех повышениях или понижениях в каждом из гласных звуков человеческой речи еще присутствует от сопровождающего его *гула во рту (а уже не в голосовой щели!)* своя неизменная система метатонов, т.-е. фонема, не зависящая ни от каких произвольных повышений или понижений вашего голоса при речи или при пении, и что как только эти метатоны исчезнут, вы тотчас же перестаете *понимать*, какой тут гласный звук: он обратится сейчас же в ничего не значащий для вас возглас.

По плавным или резким повышениям и понижениям тона голосовой щели мы судим только о душевном настроении говорящего: они то же, что звуки гармонии или органа, и сами по себе не дают никакого понятия о компонентах человеческой речи *А*, *О*, *Ы* и т. д. Представление о гласных звуках речи получается, как я уже сказал, исключительно от примешиваемых нами, по нашему произволу, к музыкальным тонам голосовой щели особых, посторонних метатонов посредством придавания полости нашего рта и губам определенных форм и образования в самом рту шумящей перетяжки между обеими губами или между языком и нёбом. Только на эти фонемы (как их называют), а не на основной тон голосовых связок, и обращаем мы внимание, когда хотим воспринять не внутреннее настроение говорящего с нами, а только смысл его речи. В них же заключается причина и того, что граммофоны тоже могут говорить человеческим голосом. Посмотрите на изгибы окружных линий на их пластинках, по которым идет игла, колеблющая звучащую мембрану, и вы увидите на них под микроскопом и основные тоновые колебания, придающие певучесть и импрессивность голосу, и эти метатонные колебания, единственно дающие определенное смысловое значение певучим волнам.

* * *

Молода еще наука о звуках человеческой речи, и самое имя ее пока не вполне установилось: одни называют ее *фонетикой*,[1] а другие более точно — *антропофоникой*.

[1] От φωνητικός — звуковой.

Лишь в 1829 году английский ученый Виллис догадался впервые, что мы различаем гласные лишь по вышеописанным, сопровождающим их, типичным тембрам, т.-е. призвукам, даваемым полостями глотки, рта, а иногда и носа, и сохраняющим во всяком голосе одну и ту же высоту *некоторых* своих характеристических тонов. Но, как и часто бывало в науке, вывод Виллиса не обратил на себя серьезного внимания работавших в той области, к которой относилось это открытие, пока к ней не пришла на помощь другая наука — физика.

Идея Виллиса оставалась без последствий около 34 лет — до 1863 г., когда в Германии знаменитый физик Гельмгольц[1] воспроизвел опытным путем, с помощью звучащих камертонов, все типические гласные немецкого языка и выпустил в свет свою гениальную книгу: «Учение о звуковых ощущениях», положившую начало новой науке. С тех пор антропофоника сильно двинулась вперед. Вслед за книгой Гельмгольца появилась «Естественная система звуков человеческой речи» Таузинга,[2] как первая, еще не полная и во многом ошибочная, попытка ввести порядок в эту мало исследованную тогда область.

В то же время вышла в свет и попытка Дюбуа-Реймона создать всенародный алфавит,[3] выработанный на научных основаниях, не приведшая, однако, ни к каким результатам вследствие большой косности европейских правительств, не смогших справиться даже с самыми явными недочетами своих современных азбук и с вопиющими нелепостями исторически сложившихся европейских орфографий.

Антропофоника, лишенная возможности самого своего изложения в научной литературе, посредством обычных азбук, пошла вне их исключительно экспериментальным путем, при чем во Франции, во избежание недоразумений, применяется чисто графический метод, инициатором которого был д-р Розапелли, а продолжателем Руссло.[4]

[1] F. Helmholtz. Die Lehre von den Tonempfindungen. 1862. Есть русский перевод.

[2] Tausing. Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache. 1863

[3] Du Bois-Reymond. Kadmus, oder allgemeine Alphabetik fom physikalischen, physiologischen und graphischen Standpunkt. 1862.

[4] D-r Rosapelli. Inscriptions des mouvements phonétiques. 1876. Rousselot. Principes de phonétique expérimentale. 1901.

У нас первые фонетические лаборатории были основаны С. К. Буличем и В. А. Богородицким, а в последнее время в области экспериментальной фонетики много работает Л. В. Щерба.

В чем же суть новой науки? Мне трудно объяснить это, не уклонившись на минуту в ту область знания, где соприкасаются друг с другом физиология и физика.

Рассмотрим прежде всего устройство и деятельность нашего голосового органа. Вот он представлен на рис. 9 и 10.

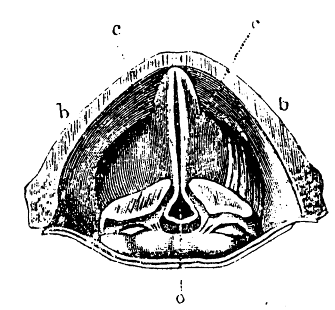

Рис. 9. Поперечный разрез дыхательного горла человека. *O* — хрящевая щель, при проходе через которую воздух производит шум; часть его метатонов, усиленная резонаторами ротовой и носовой полостей, дает отличительный колорит нашим гласным звукам. *C, c* — лопасти голосовой щели, вибрации которых придают музыкальность нашему голосу и служат для выражения чувств, особенно при пении.

Мы видим, что наша гортань, начиная тотчас сзади зева, состоит из нескольких хрящей, соединенных связками с подъязычной костью, а также и между собою, и покрыта мускулами. Слизистая оболочка, выстилающая гортанную полость, образует две парные складки, идущие спереди назад, между которыми остаются, являющиеся продолжением друг друга, голосовая и хрящевая щель.

Проходя через первую часть общей голосовой щели, воздух производит сотрясение ее натянутых краев и этим вызывает музыкальный звук как во всяком духовом инструменте, и тон этого звука повышается при большем натяжении краев и понижается при расслаблении по общим физическим законам натянутых звучащих струн. В русском обычном живом и выразительном языке эти повышения и понижения достигают октавы, а в итальянской речи они еще значительнее. В пении же хорошие артисты берут на этой щели и две октавы.

Проходя через вторую **хрящевую** часть той же щели, воздух производит простой шум, и этот шум отличается от музыкального звука тем, что в нем смешиваются всевозможные тоны.

Это то же самое, что сплошной спектр солнечного света, в котором присутствуют световые волны всевозможных частот колебания, между тем, как только-что описанный музыкальный тон голосовой щели при каждом ее определенном натяжении

подобен свету газов, в котором обнаруживается лишь несколько совершенно определенных частот колебаний, налегающих на сплошной спектр, как фраунгоферовы линии (рис. 11) на общий солнечный спектр.

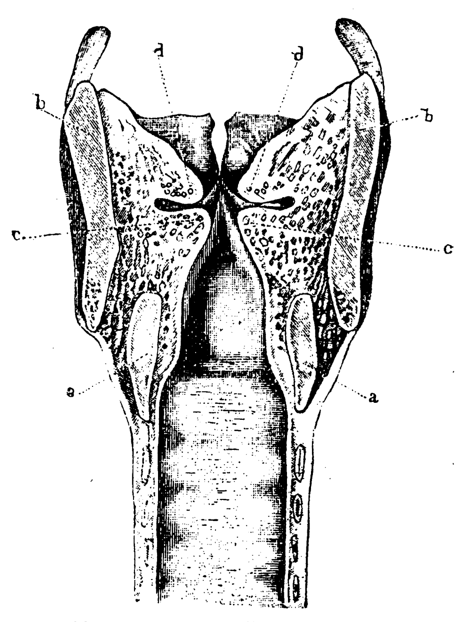

Рис. 10. Продольный разрез человеческого горла. Лопасти голосовой щели *dd* представлены оборванными вверху.

Однако и гармонические колебания краев голосовой щели, и шумы, производимые ее хрящевой частью для гласных, и шумы, производимые в теснинах губ для губных согласных или в различных более внутренних щелях между языком и нёбом, были бы слишком слабы, еслиб к ним не присоединялся резонанс полостей рта, носа или глотки и даже крупных бронхов. А резонаторы — то же, что качели: как последние можно сильно раскачать слабыми, но во-время сделанными толчками, так и в резонаторах сильно усиливаются только те колебания голосовых шумов, которые свойственны самим резонаторам, т.-е. те, которые подталкивают их как качели, а поэтому на *сплошном* фоне звуковых спектров звонко выделяются, на ряду с певу-

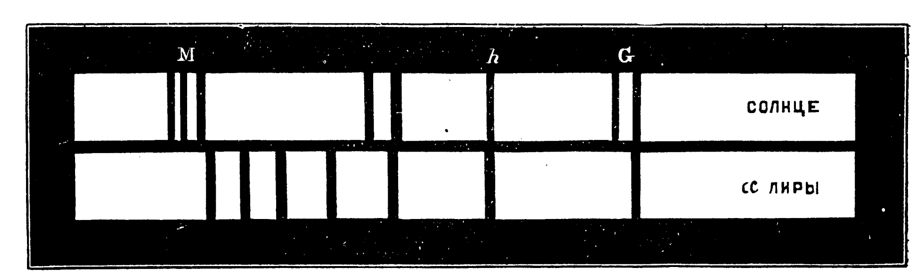

Рис. 11. Фиолетовая и ультра-фиолетовая части сплошного спектра Солнца и Веги (α - Лиры) с налегающими на них линиями водорода (*g*) и других газов подобно тому, как отличительные метатоны звуков человеческой речи налегают на сплошные шумы ротовой полости человека, в которых присутствуют звуковые волны всевозможной длины (в известных пределах).

чими тонами голосовых связок также и ряды определенных звуковых волн, исходящих из ротовой или носовой полости (рис. 12) и принимающих новые тембры при каждой новой формировке этих надставных труб, аналогичных трубе граммофона.

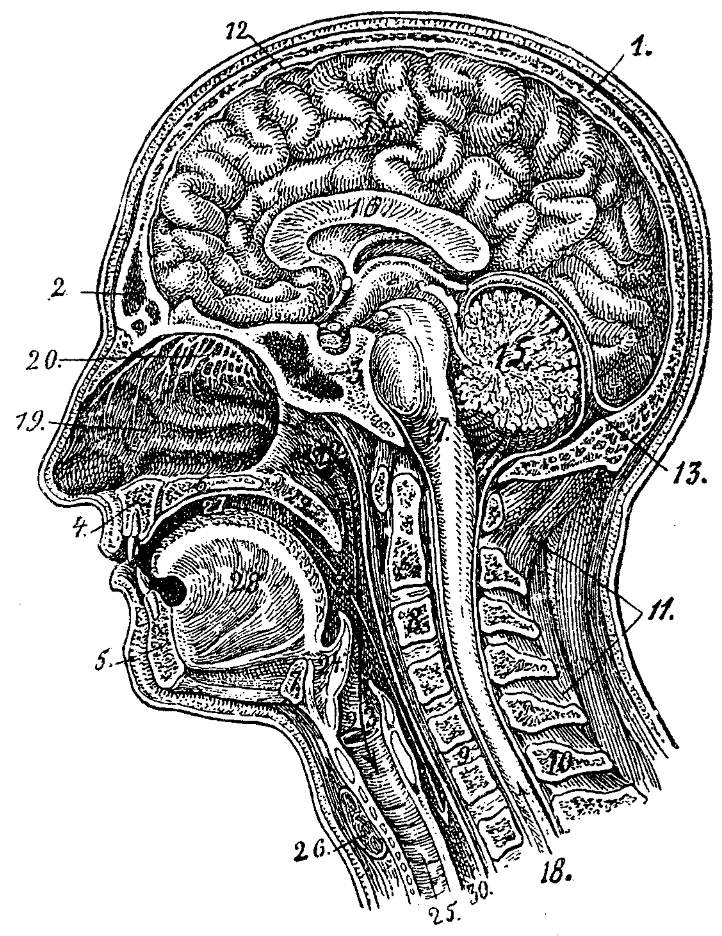

Рис. 12. Разрез человеческой головы. *19* и *20* — резонатор носовой полости, усиливающий желаемые носовые метатоны. *27*—резонатор ротовой полости и глотки выше голосовой *(25)* щели. Вверху большой *(14)* мозг и мозжечок *(15)* как распорядительные органы.

Отдельные **слоги** нашей речи мы считаем только теми мозговыми импульсами, которые посылаем в **голосовую щель** для прекращения или изменения тона ее музыкальных звучаний, а на те импульсы, которые попутно посылаются нами в рото-

вую или носовую полость для вызова отличительных обертонов каждого нового звука речи, мы не обращаем никакого внимания в смысле музыкальности и ритма, хотя именно их изменения и придают *осмысленность* простой музыке нашей голосовой щели. Без них, — как я уже говорил, — эта музыка походила бы на звук трубы, в которой нельзя уловить ни *а*, ни *о*, ни *ы*, не говоря уже о согласных призвуках в роде *с*, *х*, *ф* и т. д.

Все, что в ней можно было бы услышать, это—вопросительную, восклицательную, утвердительную, одобрительную, порицательную, изумленную интонацию, как показано на рис. 13 и 14.

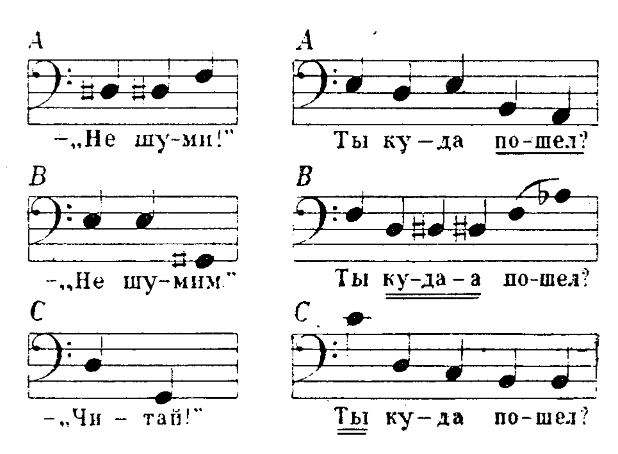

Рис. 13 и 14. Повышения и понижения певучих тонов голосовой щели при различных оттенках той же фразы.

I. Когда мы выражаем требование, мы повышаем звук нашей голосовой щели на ударном слоге на полтора тона, как, например, при восклицании: «не шуми!» (рис. 13 *А*).

II. Когда мы отвечаем успокоительно: «не шумим», мы, наоборот, понижаем тон ударного слога (рис. 13 *Б*).

III. Аналогичное делаем мы и при настойчивой просьбе (рис. 13 *В*), например, говоря: «читай!».

Так и любую фразу мы русские можем произнести с разными интонациями голосовой щели, придавая ей этим особый сенсуальный оттенок, например, хотя бы перемещая ударение на выражении: «ты куда пошел»?

Прежде всего мы можем сделать ударение на **куда**, говоря:

— Ты **ку-да** по-шел?!

И тогда выйдет как на нотах рис. 14 *B*.

Мы можем, затем, сделать ударение на **пошел**, говоря:

— Ты ку-да **по-шел?!**

И тогда выйдет как на нотах рис. 14 *A*.

Мы можем, наконец, повысить голос на **ты**, говоря:

— **Ты** ку-да по-шел!?

И тогда выйдет как на нотах рис. 14 *C*.

Уже из одного этого примера чтения той же самой фразы на разные лады читатель может видеть, как постыдно недостаточна наша письменность по отношению к знакам выразительности, которых в ней совсем нет, хотя их и легко было бы изобразить всего лишь несколькими надстрочными значками повышения и понижения тонов логического ударения, которые учащийся в начальной школе легко бы выучился правильно расставлять после некоторой практики выразительного диктанта. Ведь вся суть сводится на повышения (∧) и понижения (∨) тона логически ударенной гласной, при чем второстепенные незначительные повышения и понижения тона предыдущих и последующих слогов воспроизводятся инстинктивно. А у нас ставят знак вопроса или восклицания не над логически ударенным слогом фразы, а нередко через целую строку после того, как вы уже прочтете эту фразу обычным голосом! Что может быть нелепее такого средневекового способа! И какая косность нужна для того, чтобы и до сих пор держаться подобной орфографии, когда так возможна и легка рациональная, делающая письмо таким же выразительным, как и живая речь!

«Определенная интонация слова, — говорит Л. В. Щерба, — входя в качестве одного из элементов в представление... необходимо вступает в тесную связь с этим последним и вместе с ним изолируется нашим сознанием».[1] А наша письменность, наоборот, изолирует интонацию от слова в нашем сознании и этим наносит ему вред.

Конечно, мне могут возразить, что обязательная постановка ударений над каждым многосложным словом подобно тому, как это делается в греческом письме, сильно замедлит нашу обычную скоропись, но, ведь, никто не говорит о подражании гре-

---

[1] Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. 1921 г.

кам. Речь идет, наоборот, о введении того, чего именно и недостает у них: о *логическом ударении*, которым должен отмечаться только один слог в целой фразе, а это совсем не трудно. Что же касается обычных словесных ударений, то их можно употреблять только в печати, отмечая ударную гласную несколько более широкими буквами, так как, вместе с повышением напряжения голоса, мы также и удлиняем несколько их произношение. Надстрочные же буквы давно бы пора выбросить за борт, сделав более заметными точки. Превратив точки в жирные звездочки, мы легко достигли бы этого и вдвое сократили бы, вместе с тем, наши наборные кассы и пишущие машинки, все более и более входящие в обиход современной жизни. А собственные имена было бы легко отмечать простыми апострофами ударенных гласных вместо надстрочных букв.

В общем, можно сказать, что логический конец каждого положительного предложения отмечается понижением тона, а конец вопросительного предложения, наоборот, повышением, что нетрудно отметить в транскрипции и без нот:

— Зâвтра, — спросила она.

— Зӑвтра, — ответил он.

Кроме того, хороший литературный слог отличается от дурного своею значительною ритмичностью, к которой мы стремимся инстинктивно, говоря, например, ямбом:

«Бы̂л-ли он вчера в театрê?»

вместо беспорядочного:

«Бы́л ли вчера он в театре?»

И это стремление к ритмичности не без физиологической причины. Ритмический слог облегчает не только произношение фраз, но и их запоминание, в чем и заключается преимущество поэзии над прозой в тех случаях, когда мы хотим, чтоб написанное нами надолго осталось неизменным в памяти читающего.

Нам говорят, что во французском, ново-еврейском (в Польше) да еще в несуществующих теперь латинском, древне-греческом, древне-еврейском и санскритском языках вместо наших логических ударений только удлинялись слоги. Но принципиально ли это различие? Прислушайтесь к нашему правильному пению (или даже к выразительному — певучему — говору), — и вы увидите

сами, как в нем вытягиваются именно ударенные слоги, и *такты* нот приходятся на *такты* речи.

Поэтические произведения в роде латинского

Arma virumque canó,

где написано canó вместо cáno, и тому подобные примеры указывают лишь на то, что старые поэты охотно жертвовали для ритма обычным ударением, как часто происходит и в русской народной поэзии, где постоянно встречаются куплеты в роде:

Заболел я на дороге,
До Питéра не дошел...

хотя никто никогда не говорил в прозе: Питéр.

Точно также не имеют принципиального значения и указания некоторых филологов на то, что вместо гласных иногда тонируются и длительные согласные в роде того, как говорится: «Марья Иван-на», вместо: Марья Ивановна, или «что нов-ва?», вместо: что нового?

Во всех этих случаях согласные *нн* и *вв* не заменяют гласных, и слово из трехсложного переходит при их введении в двухсложное, что вы легко увидите, попробовав их пропеть или вставить в стихи: они присоединятся к предшествующей гласной.

Тонируются и образуют ритмические слоги речи только *гласные,* т.-е. звуки голосовой щели, и не иначе как посредством перемены натяжения ее же собственных упругих краев. Вот почему мы, кроме обычных гласных, можем произнести еще и особый гласный звук, говоря, например, *у-у-у,* не открывая рта, прямо через носовую полость, и можем даже пропеть с ним фразу: «*у нас*», открывши рот лишь для слова *нас.*

Однако, в языках Средиземноморского этнического бассейна таких чисто носовых гласных не встречается, и существует только пять основных пар гласных звуков, произносимых с обязательно открытым ртом, при чем каждая пара состоит из низкотонной и высокотонной вариаций (как показано на схеме, таблица II).

Однако, эта обязательная парность всех пяти основных гласных плохо сознается даже средне-образованной публикой, благодаря тому, что ни в одном европейском языке нет полного набора этих пяти пар, и даже мы русские, особенно богатые звуками речи, имеем в своем языке только одну пару: Ы и İ.

а остальные четыре гласные в одиночку: О и U у нас всегда твердо, а Е мягко. Немцы и французы имеют только пары О и Ö да U и Ü, и лишь намеки на Ä, а англичане хорошо произносят только пары А и Ä, О и Ö, и никто из европейских народов не употребляет твердого восточного Є, которое мы ясно слышим в говоре восточных народов, например, кавказцев, когда они говорят «рэка Тэрэк», и которое я условно обозначил на таблице, перевернув букву э в виде є. Оно слышится и у нас в словах шэрсть, жэст, шэст и т. д.

ТАБЛИЦА II.

Жесткие (низкотонные).	Мягкие (высокотонные).
Дух . . . U	Ü . . . Нюня
Сон . . . О	Ö . . . Лёля
Даль . . . А	Ä . . . Дядя
Шєст . . . Є	Э . . . Дело
Бык . . . Ы	Ï . . . Кій

ТАБЛИЦА III.

Схема основных гласных Средиземноморского этнического бассейна.

Низкотонная (жесткая) вариация.	Высокотонная (мягкая) вариация.
Русское . . . . . . Ы	Ï — западно-европейск.
Русское . . . . . . А	Ä — английское.
Русское . . . . О	Ö — немецкое.
Низкотонное . . Э = Є (кавказское Тєрєк).	Е — европейское.
Немецкое . . . . . U	Ü — немецкое.

Здесь А относится к Ä, как О к Ö, Є к Э, U к Ü, Ы к Ï.

Для U я взял латинское обозначение, так как русское У похоже на западно-европейский игрек.

Только нам русским и легко усвоить все эти пять вариаций, так как довольно хороший, хотя и не полный намек на них мы имеем: для Ä в слове няня, или в овечьем блеяньи *бя-я..*, для Ö в слове Лёля и для Ü в слове нюня, или смеюсь, надеюсь. А для точного певучего произношения их необходимо не раз слышать и англичан, и немцев, так как наши гласные *я* и *ю* сводятся на целые слоги *йа* и *йу*.

Точное определение их типичных неизменных метатонов к сожалению сильно усложняется примесью множества различных посторонних индивидуальных и локальных тонов, которым мы не придаем осмысленного значения, но благодаря которым узнаем сейчас же по голосу, даже и в темноте, каждого хорошо знакомого нам человека, так что стоит ему только на вопрос: «кто там?» ответить: «я!», как нам уже более ничего от него не нужно.

Уже один факт получения из каждой твердой гласной соответствующей мягкой показывает, что между характеристичными метатонами того и другого существует определенная зависимость. Стремясь ее найти, я взял основные данные из опытов Гельмгольца, Дондерса и Щербы и, дополнив их некоторыми метатонами Пуаро, перевел на ноты те из них, которые давали мне при проверке на рояли звук, подходящий к данной гласной. Получился ряд результатов, представленных на приложенной диаграмме (рис. 15).

Оказалось, что характеристичные метатоны в мягком ряду (левая музыкальная фраза Ü-Ö-Ä-Ӭ-Ï) всегда около децимы (т.-е. октавы и терции) выше, чем в твердом ряду (музыкальная фраза U-O-A-Є-Ы), при чем они последовательно повышаются, если все пять гласных мы расположим в том порядке, как я их дал. Самым низким метатоном в твердом ряду характеризуется U (русское У), а самым высоким — Ы; а в мягком ряду самый низкий метатон принадлежит соответственно этому гласной Ü, очень употребительной в немецком и французском языках, а самый высокий метатон—гласной Ï, которая и есть мягкое Ы. Взглянув на рис. 15 и 16, читатель сам увидит, что соединенные пунктиром гласные мягкого ряда лежат на дециму выше соответствующих им и соединенных пунктиром гласных твердого ряда. Остальные же ноты, далеко отстоящие от этого ряда, как-будто являются чисто колоратурными, по которым мы отличаем, например, украинское U от средне-русского или вологодский говор от московского, а часть их могут быть даже индивидуальными у исследуемых лиц.

Насколько эти локальные или индивидуальные метатоны затрудняют выделение характеристичных, можно видеть из второй, приложенной здесь, диаграммы (рис. 16) французских гласных по исследованиям Жана Пуаро.[1] Взглянув на нее, мы сейчас же видим, что только в верхней левой части (т.-е. в мягком ряду) полученные им ноты легли около той же пунктирной линии, как на рисунке 15 по Гельмгольцу, Щербе и Дондерсу, а внизу под ними между пятью линиями дискантового ключа скопилась целая куча тонов, принадлежащих задней части ротовой полости, которые не могут быть отличительными уже потому, что большинство из них одинаковы у трех средних гласных. Это явная характеристика локального французского говора, по которому мы отличили бы и русский разговор Пуаро в соседней комнате от разговора его собеседника.

Еще более это бросается в глаза при взгляде на вторую музыкальную фразу, соответствующую твердому ряду. Исследование восточных звуков Ы и Є *(рэка Тэрэк)* у него понятно отсутствует, так как их нет во французском языке, но и в трех имеющихся там гласных U-O-A он не открыл характерных метатонов Гельмгольца и Дондерса, а лишь хаотическую кучу во 2-й и 3-й октавах (которые он называет 4-й и 5-й октавами). Но и они тоже не могут считаться отличительными, так как в половине случаев они те же самые у всех трех гласных.

Очень возможно, что некоторые из них на самом деле лежат октавой ниже, чем показано. Ошибка на такую величину вполне допустима. Октавный звук имеет вдвое большее число колебаний, чем основной, и большинство резонаторов, кроме камертонов, дают при всяком звуке даже не один, а два или три соответственно ослабленных октавных тона: они — как бы фонетические рифмы друг к другу, и такие ошибки не раз делались исследователями в этой области. Но, даже и понизив тоны на октаву, мы не получим здесь ничего стройного на пунктирной линии, проведенной мною во второй музыкальной фразе на дециму ниже, чем в первой фразе, соответственно рис. 15.

---

[1] Jean Poirot. Recherches expérimentales sur le timbre des voyelles françaises. 1912.

Октава	По немецким нотам. Числа колебаний в секунду:			
5-я октава	4224	c^{v} (do)	4752	d^{v} (re)
4-я октава	3520	a^{iv} (la)	3960	h^{iv} (si^{b})
	2816	f^{iv} (fa)	3168	g^{iv} (sol)
	2376	d^{iv} (re)	2640	e^{iv} (mi)
3-я октава	1980	h''' (si^{b})	2112	c^{iv} (do)
	1584	g''' (sol)	1760	a''' (la)
	1320	e''' (mi)	1408	f''' (fa)
	1056	c''' (do)	1188	d''' (re)
2-я октава	880	a'' (la)	990	h'' (si^{b})
	704	f'' (fa)	792	g'' (sol)
	594	d'' (re)	660	e'' (mi)
1-я октава	495	h' (si^{b})	528	c'' (do)
	396	g' (sol)	440	a' (la)
	330	e' (mi)	352	f' (fa)
	264	c' (do)	297	d' (re)
Малая октава	220	a (la)	247 1/2	h (si^{b})
	176	f (fa)	198	g (sol)
	148 1/2	d (re)	165	e (mi)
Большая октава	123 3/4	H (si^{b})	132	c (do)
	99	G (sol)	110	A (la)
	82 1/2	E (mi)	88	F (fa)
	66	C (do)	74 1/4	D (re)
Контр-октава	55	A' (la)	61 7/8	H' (si^{b})
	44	F' (fa)	49,5	C' (sol)
	37 1/8	D' (re)	41 1/4	E' (mi)
	30 9/16	H'' (si^{b})	33	G' (do)
Ультр-октава	24 3/4	G'' (sol)	27 1/2	A'' (la)
	20 3/4	E'' (mi)	22	F'' (fa)
	16 1/2	C'' (do)	18 1/2	D'' (re)

Верхний предел звукового восприятия современных европейцев.

Ü Ö Ä Ë Ï U O A Є Ы

Шепотным голосом

Передние (мягкие) акусмы зап.-европ. говоров	Задние (твердые) акусмы вост.-европ. говоров

Нижний предел тонового восприятия современных европейцев.

Рис. 15. Некоторые из отличительных метатонов, обязательно смыкающихся при произнесении указанных гласных звуков. Составлено автором по данным Гельмгольца, Дондерса, Щербы и Пуаро со своими слуховыми проверками. Черные ноты — по Гельмгольцу, заштрихованные — по Дондерсу, контурные — по Щербе, с двойным ободком — по Пуаро.
Те из нот, в которых я не нашел признаков системы, принадлежат, может-быть, к локальным или индивидуальным колоратурам голоса указанных исследователей или их объектов.

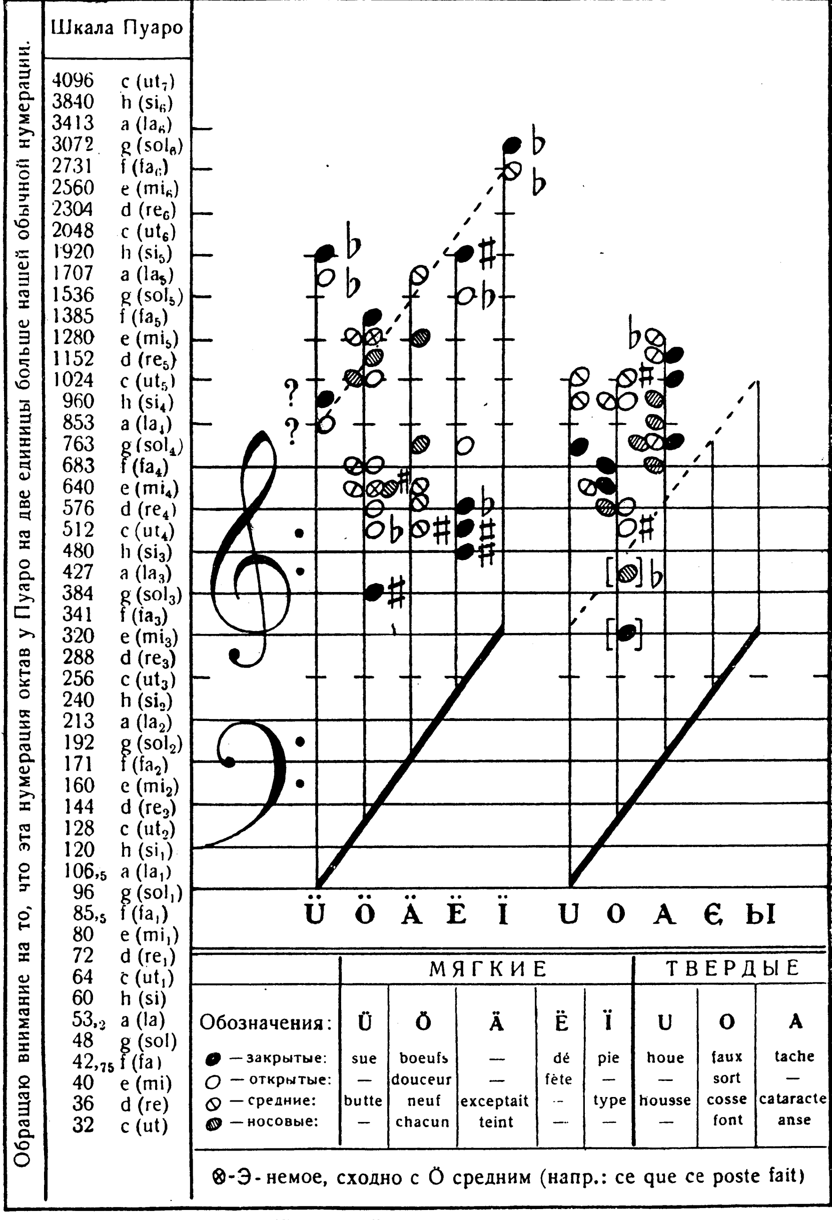

Рис. 16. Французские гласные Ж. Пуаро. (Переложение на графику экспериментальных результатов книги: Jean Poirot, Recherches expérimentales sur le timbre des voyelles françaises. Paris. 1912.

Из этого сопоставления совершенно ясно, что отличительными метатонами здесь могут быть только находящиеся в верхнем отделе первой (мягкой) группы около пунктирной линии. Те же, которые лежат между пятью линиями дискантового ключа и которые Пуаро называет резонансом задней части ротовой полости, являются лишь колоратурами его говора, так как слишком близки друг к другу, чтобы служить фонемными отличиями. То же самое можно сказать и о всех нотах второй группы.

Читатель сам видит, как много еще придется работать в этой области, чтобы разыскать тут *несомненно существующую закономерность при переходе от типических отличительных метатонов мягких гласных k соответствующим твердым: ведь она прямо слышна ухом.*

ГЛАВА III.

ФОНЕМЫ.

Бессилие наших обычных алфавитов для естественной классификации звуков речи и необходимость систематического алфавита.

Понятно, что индивидуальные или даже локальные особенности, по которым мы отличаем говор различных областей того же языка, не имеют значения для фонематики. Ей важны только те, которые придают новый смысл слову и могут быть произнесены, подучившись, каждым человеком. Значит, в науке о звуках человеческой речи надо строго разделять отличительные метатоны от чисто *колоратурных*, входящих в ту же *фонему*, т.-е. в тот же самый сложный звук речи, который колеблет ту или иную группу волокон нашей ушной улитки. Но это разделение, к сожалению, очень трудно сделать, и им объясняется некоторое различие чисел, получаемых — в различных лингвистических областях и различными исследователями — для той же фонемы.

I. Метатоны гласных фонем.

Разберем же сначала вкратце найденные до сих пор метатоны вышеуказанных пяти пар гласных европейских говоров.

1. Низкотонная фонема Ы почти совершенно отсутствует в западно-европейских языках, хотя мне кажется, что она чувствуется в немецком bitten, leben, reiten, где короткое конечное *е* звучит как короткое *ы*, точно также как и в русских словах: холодно, здравствуйте, где при быстром говоре слышится: холыдно, здрасыте. Но эта фонема *(ы)* очень употребительна в славянских языках. Наиболее низкий из ее отличительных метатонов в русском, польском, лужицком и румынском говоре (по Щербе) близок к 996 колебаниям в секунду, а в румынском определяется и как близкий к 1156 колебаниям.

Фонавтограммы ее похожи на фонавтограммы U в слове: Ух! Интересно, что в русском языке нет никаких старинных слов, начинающихся с Ы, точно также как в древне-еврейском нет слов, начинающихся с гласной Uau, или Вов (ו).

Соответствующая ей высокотонная фонема Ī *(т.-е. мягкое ы)* характеризуется тем, что наиболее низкий из ее отличительных тонов втрое выше только-что указанного. В русском и других славянских языках он, в изолированном И, около 3044 колебаний в секунду, у чехов — немного повыше, у сербов — пониже, а у западно-европейцев — еще повыше. Кроме того, следует отметить, что буквой И мы русские постоянно обозначаем и Ы. Не говоря уже о словах в роде ширь, жир, цирк, где звук Ы вместо И слышится сам собою, мы можем узнать его и после мягкой согласной, как, например, в слове Тит, которое произносится как Тьыт, конечно, без паузы между ь и ы.

Отличительные тоны фонемной пары Ы — И представлены на рисунке 15, но кроме них для русского ударенного И, когда оно является промежуточным между И и Ы, Щерба нашел посредством фонавтограмм в своем говоре промежуточные обертоны около 1800, 2000, 2270, 2570 и 2925 колебаний в секунду.

Но не являются ли они лишь колоратурой его собственного или его областного говора при произнесении этой гласной, а не общим признаком, по которому мы можем отличить этот звук от *е* или от других гласных в его же собственном произношении?

2. Низкотонная гласная фонема А по своим отличительным обертонам ниже предыдущей, но, к сожалению, числовые данные для нее очень противоречивы, благодаря массе примешивающихся к ней чисто колоратурных — локальных и индивидуальных — призвуков полости рта, а также и потому, что в нашей транскрипции мы часто обозначаем буквой А ничего общего не имеющий с ней короткий неударенный звук Ы или отсутствующий в русской азбуке низкотонный неударенный восточный звук Є, о котором я буду говорить далее.

В различных, произносимых им, словах Щерба нашел для ударенного ясного А (т.-е. единственного, где буква А не замещает неударенное Ы или восточное низкотонное Є), 840, 890, 900

и 910 колебаний в секунду и кроме них еще не характерный высокий тон 1150 и низкие около 400 и 430 колебаний, которые можно приписать грудному резонансу. Ее графика дана на рис. 17.

А в том неясном звуке, который мы называем безударенным А и который на деле более похож на глухое Ы или на восточное Є, он нашел в своем говоре и подходящие для Ы обертоны 925, 940, 967, 988, 1000 и 1020 колебаний в секунду, при чем здесь 1000 тожественна в пределах ошибок измерения с 996, характерным для Ы, как-будто вместо слова: зачéм? он говорил: зычéм? а слово мастеровóй произносил: мыстеровóй.

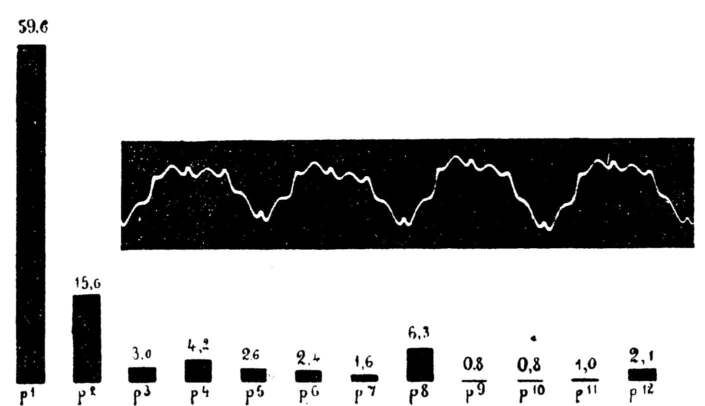

Рис. 17. Немецкая гласная фонема *А*, пропетая на *es* (= mi ♭).

Интересно, что в русском языке нет никаких старинных слов, начинающихся с А, за исключением «Ах!». Все остальные позднего иностранного происхождения.

Среди других славянских языков фонема А по своей колоратуре почти одинакова (по Щербе) в польском, чешском, словинском, лужицком и ганацком говоре и несколько отлична от малорусского и от сербского. У французов в слове pâte (тесто) Русcло отметил 912 колебаний в секунду, в слове patte (лапа) нашел 1026 и в слове part (часть) даже 1140. У немцев и англичан ее второстепенная колоратура тоже несколько различается в местных говорах.

Соответствующая ей высокотонная (мягкая) фонема А сильно распространена только в английском говоре (bad, cat и т. д.).

Там большую часть всех А надо произносить как Ä, но не отожествляя с немецким ä, которое обычно произносится как Э. Русским трудно без указания англичанина усвоить это мягкое ä, произносимое задней частью рта, и которое настолько же отличается от нашего обычного А, как Í от Ы, но некоторое подобие его мы находим в блеянии овцы. Если верно мое сопоставление, что отличительные обертоны мягких гласных вариаций характеризуются втрое большей частотой колебаний, то мы найдем тут отзвук около 2600 колебаний в секунду, как это видно из диаграммы (рис. 15).

У парижан этот звук встречается, например, в мягком произношении *a* в слове madame, и вероятно так же произносилось сочетание ai в той местности, где создалась французская грамотность.

3. Низкотонная фонема О также, как и предыдущая фонема (А), правильно передается нашей письменностью только под ударением, да еще в слове *он*, хотя бы оно и было вне ударения, например, в сочетании: «где он был?!!». Во всех остальных случаях, за исключением иностранных слов в интеллигентном разговоре (например, Морис, Моро, Оранжевая река и т. д.), тот звук, который мы обозначаем буквой О, есть безударное восточное Э (я его изображаю далее этой же буквой в перевернутом виде Є и показывал уже ее произношение подражанием кавказскому говору в словах «*рэка Тэрэк*», которое более похоже на «*рыка Тырык*»).

Таким образом, звук О встречается в нашей речи приблизительно в три раза меньше, чем пишется эта буква, постоянно заменяющая и внеударное Є.

Вместо «почему?» мы были бы должны писать «пєчему?» и вместо «молот» — молєт» и т. д. Произнесите тут низкотонное — э без вашего инстинктивного смягчения стоящих перед ним согласных *п* и *л* и вы получите то, что и произносите на деле.

Для того, чтобы ясно почувствовать, что буквой А мы часто заменяем неударенное Ы, а буквой О замещаем неударенное Є, произнесем хоть такие три фразы:

I.

У валá
Два волá
Приютилися.

II.

У вола
Два ва*лá*
Приютилися.

III.

У вола
Два вола
Приютилися.

Мы тут все же различаем звук А от О, хотя в обоих случаях и произносим их не как эту букву. Это потому, что неударенное А в *вале* мы произносим как сокращенное Ы, а неударенное О в *воле* как сокращенное Є.

При изолированном же или при ясном произношении под ударением, низкотонная фонема О обладает довольно низким метатоном в своей отличительной серии. Для русского языка это около 756 колебаний в секунду.

Колоратурные — локальные и индивидуальные — обертоны фонемы О, повидимому, значительно распространены между 600 и 830 колебаниями, как это нашел Щерба в своем голосе. Русское ударенное О по его исследованиям очень близко к широкому французскому (в or, corps), к краткому немецкому (в Sonne) и к короткому английскому (в слове not). В большинстве славянских языков оно сходно с русским.

Соответствующая этой фонеме высокотонная (мягкая) вариация Ö очень употребительна в немецком, английском и французском языках, но отсутствует в славянских и в итальянском. Понять ее для незнающего иностранных языков всего легче, повторяя тягуче, например, слово Лёля и произнося ё с уменьшенным ртом. Считая, что и здесь отличительные обертоны должны иметь втрое большую частоту колебаний, мы должны их искать поблизости к 2200 полных колебаний в секунду.

4. Низкотонная фонема Є (которую я здесь обозначил перевернутым Э) очень употребительна в восточных языках и между ними в кавказских. Русскому нетрудно ее усвоить, если когда-нибудь он слыхал, как произносят по-русски армяне или грузины уже не раз приведенные мною слова: «*рэка Тэрэк*»,[1]

[1] Да и вообще всего легче научить кого угодно хорошо произносить иностранные гласные, певуче пародируя перед ним обычную

потому что эта фонема постоянно встречается у нас в слогах без ударения, но неправильно заменяется в них через О. Так мы бессознательно произносим этот звук в словах: вóлос, которое надо бы написать вóлєс (произнося сознательно твердо стоящую перед ним Л), домашний (дємáшний, где Д произносится сознательно твердо, иначе у вас будет аберрация слухового сознания). Не находя этой фонемы в отчетливом ударенном состоянии в славянских языках, творцы славянской азбуки смешали ее в одних случаях с О, а в других даже и с А и заменили ее этими буквами, заставив и нас воображать такие звуки там, где на самом деле их нет.

И опять-таки в русском языке нет старинных слов, начинающихся на Э, кроме: *это*.

Соответствующая этой фонеме высокотонная (мягкая) вариация имеется в русском языке как в букве Э *(это)*, так и в слоговом Е (*нерв* и т. д.). Она тожественна с французским закрытым é (chanter и т. д.), близка к немецкому, английскому, польскому, сербскому, словинскому, лужицкому О, особенно после мягких согласных.

Самый низкий из ее отличительных метатонов по русским определениям близок к 1816 колебаниям в секунду, а по французским é к 1824 колебаниям.

При восемнадцати опытах Л. В. Щерба нашел для него в своем говоре такие характерные (и колоратурные) обертоны:

1700, 1700, 1705, 1730, 1730, 1730, 1800, 1800, 1825, 1836, 1840, 1840, 1870, 1870, 1940, 1950, 1975, 1980 колебаний в секунду. Да еще отметил и прибавочные колоратурные высокие около 2270 и 2295 колебаний.

Принимая все это во внимание и допуская наше прежнее предположение, что высокотонная вариация характеризуется втрое большей частотой колебания характерных метатонов, мы найдем, что для низкотонного восточного Є должны быть метатоны около 600 — 650 колебаний (см. диаграмму рис. 15).

5. Низкотонная фонема U в русском языке сходна с остальными славянскими и близка к западно-европейским. Самый

русскую речь на иностранном говоре, напевая, например, вместо: «По небу полуночи ангел летел», превратив все гласные в мягкие: «Pö niebü pölünötschi änguel letel» и т. д. При достаточном упражнении всякий тотчас научится этим способом правильному произношению.

низкий из ее характерных метатонов определяется камертоном около 432 колебаний в секунду.

Отсюда мы находим по предыдущему, что для ее высокотонной вариации должны быть обертоны около 1400 полных колебаний в секунду.

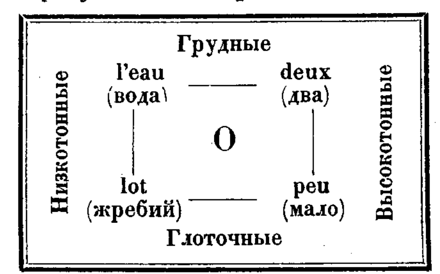
* * *

Таковы пять основных пар гласных звуков речи, произносимых исключительно полостью рта. Каждый из них мы можем произнести и шопотом, т.-е. без вибрации голосовых связок, и это одно достаточно показывает, насколько несущественны такие вибрации для отличительного колорита наших гласных. Необходим только какой-нибудь шум в хрящевой части голосовой щели, чтобы резонанс соответственно расположенной полости нашего рта усилил те или другие из огромного количества тонов, существующих в каждом шуме, и, таким образом, придал надлежащий колорит произносимому гласному звуку. А то, что эти шумы производятся у нас дыханием, ясно из того, что, задержав его, мы не произнесем никакого слова. Повторяю, что у большинства европейских народов существуют только вышеприведенные пять пар гласных, да и то, как мы видели, в далеко неполном виде.

Второстепенными фонемными вариациями их являются кроме ударенного и неударенного положения еще и глубинное и поверхностное их произношение. Так во французском надо отличать грудное (широкое) О (в l'eaŭ — вода) от узкого О (без грудного резонанса в слове lot — жребий); надо отличать широкое è в слове mère — мать от узкого (без грудного резонанса) в слове mer — море. У немцев же для грудного *è* прибавляется h (Ehre — честь, Ähre — колос и т. д.).

ТАБЛИЦА IV.

Четыре фонемные вариации гласной О.

Таким образом, для каждой из пяти основных гласных выходит звуковой квадрат, в котором одна сторона грудная, а другая глоточная, одна низкотонная, другая высокотонная (табл. IV). (В славянских языках нет этого различия, и мы произносим грудные гласные только при восклицаниях, например, облегченное У-ух! или О-ох! — удваивая этим обычное начертание.)

Такие же квадраты получим мы и для А, Е, U и Ы.

Все это даст нам 20 гласных фонем, которые при сравнительном языкознании необходимо уметь произносить и изображать отдельно в письменности.

Кроме того, каждая из этих фонем может иметь еще носовое, тоже фонематическое произношение. В нашем русском языке его нет, и потому если кто-нибудь говорит у нас в нос, то мы считаем у него резонанс носовой полости за чисто колоратурный призвук, не меняющий смысла слов. Но не то во французском и португальском языках.

В последнем каждую гласную можно произносить с призвуком носовой полости, а во французском большую часть.

Я уже показывал (стр. 62), как можно произносить звук U, например, в выражении: «у нас», не открывая рта, до тех пор, пока вы не перейдете к звуку Н, но после того, как вы сделаете это, вы сможете произнести тот же звук носом и приоткрыв рот. В результате вы получите носовое U, а потом аналогичным способом найдете способ произносить и остальные носовые гласные, которые, как я уже сказал, в португальском и французском языках играют самостоятельную роль в словообразовании, наравне с обычными гласными, хотя неправильность обозначения их во французском языке путем прибавки буквы N к той гласной, которой хотят придать носовой призвук, и затемняет сущность дела. Если вы прислушаетесь к французскому пению, где носовые гласные растягиваются и тонируются, то сразу увидите, что тут нет никакого N, а чистое носовое А, О, Є (так слово *enfant* — дитя, аналогично слову: *афá*).

Эта фонема присутствует, кроме французского и португальского, также и в лясовско-польском говоре и в некоторых других.

И вот из 20 предыдущих гласных фонем мы получили уже 40. Но и этого недостаточно.

В английском языке некоторые из тех же самых основных гласных звуков речи могут получить вместо носового глоточный

призвук, похожий на картавое R. Он и определяется в транскрипции приставкой к данной гласной этого R, например, в словах: you are, или: you were, или в: yearbook, но когда вы вслушаетесь (особенно при пении) в хорошее произношение, то увидите, что тут нет никакого R, а вся гласная от начала и до конца картава, т.-е. с глоточными обертонами.

Это опять приводит к возможности удвоения всех 20 простых гласных звуков, и тогда вместе с носовыми они составят 80 родовых фонемных гласных вариаций. А у китайцев для всех 20 первичных гласных есть и визгливое глоточное произношение, и это прибавляет еще 40 знаков, да столько же может дать хриплое гортанное произношение некоторых народов.

Понятно, что составить для них 160 отдельных значков, необходимых для научной фонематики или даже для правильного обозначения на своем родном языке иностранных фамилий и названий городов и местечек, совершенно невозможно, если мы будем делать это путем простого пополнения исторически развившихся алфавитов. Но совсем другое, если мы придумаем систематический алфавит.

Когда я был еще в Шлиссельбургской крепости и еще ничего не знал ни об антропофонике, ни о попытке Дю-Буа-Реймона составить научный алфавит, я задался такой же идеей и пришел к выводу, что все это можно сделать в печати так просто, что нельзя себе даже и представить. Надо взять только пять фигурок, удобных для отчетливого различения друг от друга и для производства из них систематических вариаций в роде представленных в первом ряду рисунка 18.

Это *низкотонный (твердый) европейский ряд.*

Повернув эти значки вверх ногами *(строка вторая)*, получим высокотонный ряд, где перенос утолщения вверх показывает повышение типичных обертонов.

Поставив их утолщением налево *(строка третья)*, имеем для каждого из низкотонных глубинное (широкое) произношение.

Поставив утолщением направо *(строка четвертая)*, получим глубинное (широкое) произношение мягких.

Поставив носовой значок внутри каждого из 20 предыдущих, получим их носовое произношение как во французских словах: bon, an, un и т. д. *(строка пятая)*.

Прибавив горизонтальную черточку *(строка шестая)*, получим английское картавое произношение.

Поставив эту же черточку в направлении сверху вниз, получим визгливое китайское, поставив эту же черточку вкось слева направо, имеем возможность обозначить гортанное произношение. Сделав это же наоборот, а затем, в случае нужды, превратив черточки в крестики, или сделав их вместо прямых змейчатыми, можно получить материал для какого угодно числа вариаций.

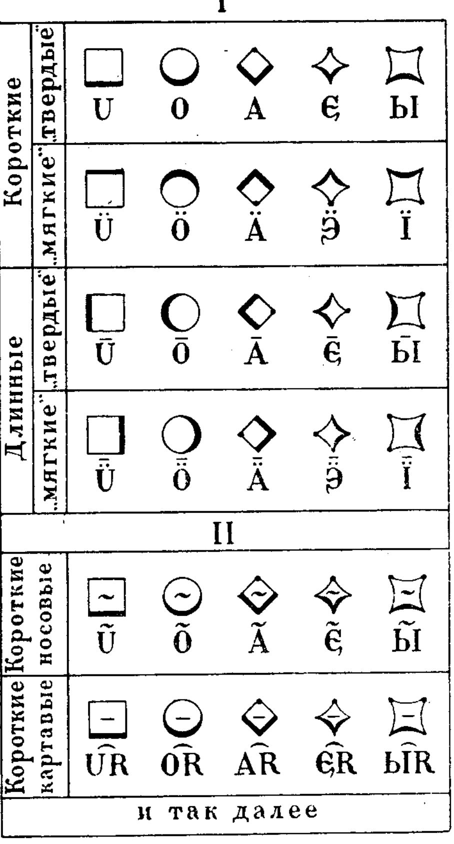

Рис. 18. Образец систематического изображения всяких гласных звуков.

Я нарочно взял эти систематические фигурки в одном из тех образчиков, которые я вырабатывал еще в первые годы заточения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, пиша их, за неимением бумаги, на штукатурке своей камеры (за что потом получил грубое внушение от начальника этого учреждения, приказавшего их стереть). Они мне сильно помогли разобраться в этой мало разработанной области знания еще в такое время, когда не существовало антропофоники.

Мне кажется, что мы русские первые должны взяться за составление такой рациональной азбуки, так как остальные культурные народы совсем не умеют произносить иностранных звуков.

В рукописном обозначении, где главное стремление сводится к скорописи и где, благодаря этому, даже и современные обозначения букв стали непохожи на печатные, придется, конечно, итти особым эволюционным путем, оставив пока все буквы, как были, и только дав новые обозначения для недостающих гласных в роде низкотонного Є, или для недостающих в русской азбуке

высокотонных Ä, Ö и Ü, чтобы можно было правильно писать иностранные имена.

Привыкнуть же читать печатное при этих немногих заменах и при оставлении временно неизменными всех согласных букв будет совсем легко. По только-что приведенной системе самая частая буква О остается неизменной, а из остальных некоторые довольно близки к русским.

Вот, например, хоть две строки:

В⌑ Ж◇РТВОЙ□ П◇Л⌑
В БОРЬБ◇ РОКОВОЙ

Разве не прочтете вы сразу все это не учась, и разве не привыкнете вы после (хотя бы и неприятной) практики нескольких первых дней читать такую печать еще легче, чем обыкновенную,[1] благодаря резкому отличию гласных знаков от согласных? А для знаков выразительного чтения у всех этих букв свободны и верхи, и низы.

Для сравнения я приведу здесь несколько попыток выработки *научной транскрипции* на принципе сохранения наших старых азбук, сделанных ученейшими из современных филологов, чтобы показать, как это неудобно.

Вот образчик из Чернышева:

Гаршóк с катлóм бальшýю дрýжбу сьвéл,
Хатя́ и пызнатьнéй парóдою катéл.

Вот из Богородицкого:

Д'в'æ̂ бóчк'i jæ̂хъл'ъ: åдна́ с'в'iнóм,
Другája же пустája.

А вот и западно-европейская транскрипция для русских из Финка, лучшего профессора русского языка в недавнее время:

adna d'ēvətškəu šlă iz domŭu: vlēs,

---

[1] Особенно возмутительна русская азбука, годная только для порчи глаз, так как толстые столбики ее ни к чему не служат, благодаря своей частоте, и читаем мы лишь по едва заметным черточкам, соединяющим их. Возьмем хоть образчик: шипи, пиши, пищи, ищи, пни...

Не насмешка ли это над здравым смыслом?

т.-е.: одна девочка шла из дому в лес. Даже и не подумаешь сразу, что такая фраза писана «на современном русском литературном языке»!

Мне кажется, что для непредубежденного читателя уже и этих трех примеров (не привожу других в том же роде!) совершенно достаточно, чтоб видеть, что в сравнительной лингвистике, более чем в какой-либо другой науке, нельзя вливать нового вина в старые мехи: они уже слишком дырявы, и наложение заплат их не поправит.

Надо выработать, окончательно освободясь от всяких старых традиций, нечто совершенно новое, чтобы наука о человеческих языках не осталась навсегда чахлым деревцом, которое растет не в свободном грунте, как другие науки, а в тесном боченке, не позволяющем распространяться свободно его корням.

Ведь в то время, как даже астрономию и химию можно излагать общепонятно, в этой области, которая ближе всего к человеку и составляет основание всех других его наук, не знаешь даже, как и приступить к общепонятному изложению! Как только выходишь за пределы звуков своей родной речи, так начинаешь чувствовать, будто пишешь для глухих. А между тем усвоить правильное произношение иностранных гласных, для русских, совсем нетрудно.

Когда вы произносите, например, быстро две строки:

шуш — шэш — шош — шаш — шыш

и

чю̈чь — чечь — чӧчь — чя̈чь — чiчь

разве вы не слышите ухом, что последовательные гласные звуки второй строки отличаются от одноместных с ними гласных первой только большей высотой своего тембра, особенно если ю̈ и ӧ вы произносите с более сжатыми губами, чем у и о?

В моем произношении разница в высоте обертонов здесь чувствуется ухом на целую дециму. Но всякий раз, когда я обучал этим способом знакомых юношей и девиц произносить правильно французское и немецкое Ü или Ö, они все время склонны были растянуть Ü в Йу, а Ö в Йо.

Тут, мне кажется, может помочь только широкое применение граммофона, при чем иностранных певцов и певиц лучше всего было бы просить произносить их голосом для записи на пла-

стинку не свои национальные песни, а, наоборот, песни того народа, которого хотят обучить чужому произношению. Раз, как-то, за границей я заглянул в русскую церковь и слышал, как французские мальчики там пели:

Góspadi pamilüi.

Французский звук ü в окончании этой фразы выходил так ясно, что всякий русский, только раз услышавший его, уже не мог бы забыть. То же самое происходило бы и при граммофоне, который притом же может употребляться и для следующего оригинального опыта.

Если на нем записана какая-нибудь нота скрипки, рояля, флейты или колокольчика при определенной скорости вращения его пластинки, и если вы заставите вращаться ее вдвое скорее, то увидите, что тон этой ноты повысится на октаву, а если вы заставите пластинку вращаться вдвое медленнее, то выйдет наоборот, но при всех этих обстоятельствах общий коллектив обертонов звука останется того же относительного порядка и не перейдет в тембр другого музыкального инструмента.

Совсем не то выходит с голосовыми нотами, в которых имеются и звуки голосовой щели человека с ее собственными тембровыми обертонами, и колоратурные призвуки полости рта, глотки и носа, по которым мы отличаем одну гласную от другой. При удвоении скорости вращения пластинки все тоны голосовой щели поднимутся, конечно, тоже на октаву, сохраняя все индивидуальные особенности голоса данного певца или певицы, а колоратурные обертоны рта, глотки и носа, по которым мы отличаем гласные друг от друга, поднявшись на столько же, встанут в ряд обертонов другой гласной буквы, и произойдет их метаморфоза. Так, если мы произнесем немецкое *ä* (т.-е. *э*), придав пластинке вращение два оборота в секунду, то при одном обороте в секунду получим нечистое *o*, а при трех оборотах нечистое *i*. Точно также, если при одном обороте в секунду пластинка дает звук *o*, то при двух он превратится в нечистое европейское *e*. Нечистота произойдет от того, что число характерных обертонов и их взаимное расположение различны у каждой гласной в ее колоратурной серии.

К этому прибавлю еще, что у нас во рту повышение или понижение обертонов достигается, как и у всякого другого резонатора, сокращением или удлинением полости рта и изменением его внутренней формы. При опускании вниз мягкого нёба, к резонансу рта присоединяется и носовая полость, отчего все обертоны понижаются до полутора раз, что и придает звуку носовой характер, который, естественно, теряется в граммофоне, когда мы увеличиваем скорость пластинки в полтора раза.

II. Метатоны согласных фонем.

Все, что я сказал о фонемной, о локальной и об индивидуальной колоратуре гласных звуков человеческой речи, производимых голосовой щелью, применяется и к согласным звукам, производимым шумами, возникающими от трения струй воздуха в специально делаемых для этого теснинах полости рта, глотки и носа, при чем голосовые струны **всегда** бездействуют. От этого, повторяю, из одних согласных мы и не получаем слога речи, и они входят как нечто постороннее в ритмы стихотворений или пения, создаваемые правильным чередованием только ударенных-длительных гласных с неударенными-короткими гласными, производимыми голосовой щелью.

Русский ребенок получает по наследству способность произносить только звук Ä, который слышится в первом его плаче при появлении на свет, потом он начинает подражать звукам I и U, произносимым взрослыми, усваивает твердые А и О и мягкое Э, и лишь потом, много позднее, начинает, где нужно, заменять I через Ы.

Из согласных у него первыми являются губные взрывные: П, В, Пь, Вь, М и Мь, затем мягкие Ть, Дь, Нь и Й; потом звук К и длительные В, С, а после них Ль и Рь, при чем они сначала отожествляются с Й, и только одновременно с Ы ребенок начинает произносить твердые Л и Р.

В зависимости от того, в каком месте полости рта создается шумящая щель, типические ротовые согласные разделяются, как известно из учебников, на губные, язычно-зубные, язычно-десновые, язычно-нёбные, язычно-глоточные и гортанные. Различные ученые дают этим отделам различные наименования, но все существующие до сих пор классификации не могут назваться научными потому, что ни одна из них не дает нам возможности предсказывать существование согласных, не вошедших в наш родной

язык, но возможных в других незнакомых нам языках, и не может показывать нам, как их нужно правильно произносить.

Я приведу здесь свою систему, которая дала мне возможность в первые годы одиночного заточения и без преподавателей усвоить произношение нескольких согласных, не существовавших в знакомых мне ранее языках, настолько хорошо, что когда я встретился потом со знающими их людьми, то им не пришлось сделать в моем произношении почти никаких поправок. Этот метод я назвал тогда же методом звуковых квадратов.

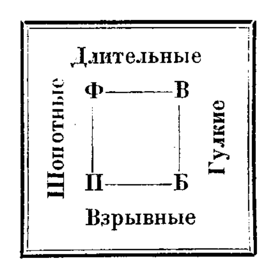
ГРУППА I. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКОВЫЕ КВАДРАТЫ С ОДИНОЧНЫМ РЕЗОНАНСОМ РОТОВОЙ ПОЛОСТИ.

Я покажу сначала сущность своего метода на губном квадрате, так как в большинстве европейских языков имеются все четыре его представителя.

I. Губной фонематический квадрат.

Вот этот квадрат:

ТАБЛИЦА V.

Что мы видим в нем? Ведь это один и тот же губной шум ф-ф-ф, произносимый на четыре разные лада!

Первое произношение *ф* у этого губного звука есть *шопотное*, потому что оно не изменяется и в шопотной речи, хотя бы этот шопот был «на целый театр», как делают актеры. Это — **длительное произношение**, потому что его вы можете тянуть сколько угодно. Второе произношение В есть тоже длительное, но оно уже гулкое, потому что здесь к *ф* еще присоединен резонанс горла, как вы сами легко убедитесь, приложив к нему палец: при произношении *ффф* горло спокойно, а при *ввв* оно ясно вибрирует. А как только вы начинаете говорить *ввв* шопотом,

т. е. без призвука горла, так оно и обратится в *ффф*. Таковы свойства верхней *длительной* стороны губного квадрата, а в нижней стороне вы видите их *взрывные* аналоги: П — есть взрывное Ф, а Б есть взрывное В, потому что они отличаются от первых только тем, что звук у П и Б прорывает для своего выхода сомкнутые губы, а при Ф и В губы сами слегка приоткрываются сначала. Значит П есть шопотное взрывное Ф, и Б есть гулкое взрывное В; звук первых, длительных, вариаций подобен звуку струны у скрипки, когда по ней ведут смычком, а звук вторых подобен звуку той же струны, если ущипнуть ее.

В русском языке весь этот квадрат имеет и мягкую (нёбную) вариацию:

ТАБЛИЦА VI.

Длительная (верхняя) сторона губного звукового квадрата может произноситься и усиленно-удлиненно, что обозначается удвоением буквы (напр.: *аффект, Аввакум*), а нижняя взрывная сторона соответственно этому выходит как бы с заиканием (*аппетит, аббат*).

В некоторых иностранных языках каждая из этих четырех вариаций может иметь еще и придувное произношение, обозначаемое у взрывных гласных приставлением к ней ее длительной вариации (немецкое *Pferd, Pfalz*),[1] но это алфавитное обозначение неправильно, так как оба звука тут слились в один, да и сами длительные Ф и В можно произносить таким же придувным способом при более сильно сжатых губах.

Если взять для всех вариаций губного звука однородное обозначение, например, в виде Z с приставной черточкой, то, варируя вид и положение этой черточки, мы систематически

[1] Это совсем не два звука. Pferd по-немецки не *p-ferd*, Pfalz — не *p-falz* и т. д. Для их произношения следует более вытянуть губы, чем при p-f.

*

представили бы (*в печати*) все эти видоизменения, например, как на рис. 19 (слева).

Придавши к концам черточек флажки, мы обозначили бы их мягкое произношение (рис. 19, справа).[1]

Сделав черточки более черными, мы показали бы их усиленно-удлиненное произношение, а завернув конец, как у вопросительного знака, обозначили бы придувное и т. д., и т. д.

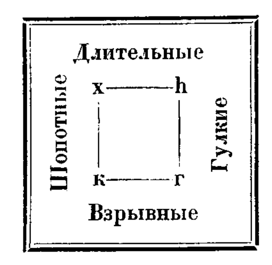
„твердые" „мягкие"
длительные длительные
шопотные [Ф] [В] гулкие; шопотные [ФЬ] [ВЬ] гулкие
[П] [Б]; [ПЬ] [БЬ]
взрывные взрывные.

Рис. 19. Губные фонематические квадраты.

II. Задне-нёбный (глоточный) фонематический квадрат.

Аналогично губному квадрату, мы имеем в русском языке полностью и задне-нёбный квадрат:

ТАБЛИЦА VII.

и тотчас замечаем недостаточность русской азбуки, где для гулкого Х я должен был взять латинско-немецкое h, хотя этот звук имеется и в русском языке в словах *богатый, убогий* и т. д., и в массе иностранных собственных имен и фамилий, вошедших

[1] Гулкое произношение мы делаем только при выдыхании, а шопотное может быть сделано и при вдыхании.

в наш литературный обиход, которые, благодаря этому недочету нашей азбуки, мы даже и не знаем, как написать правильно по-русски: *Гурон* или *Хурон, Гаити* или *Хаити, Гамбург* или *Хамбург, Ганновер* или *Хановер, Гавана* или *Хавана, Гейдельберг* или *Хейдельберг, Гелеспонт* или *Хелеспонт, Геракл* или *Херакл, Геркуланум* или *Херкуланум, Гессен* или *Хессен, Гималаи* или *Хималаи, Голландия* или *Холландия, Готтентот* или *Хоттентот, Гунн* или *Хунн, Гидра* или *Хидра, Гиперборей* или *Хиперборей,* и так далее без конца, не говоря уже о множестве общеизвестных имен и фамилий: *Генриетта* или *Хенриетта, Гарун аль Рашид* или *Харун аль Рашид, Геродот* или *Херодот,* а также *Hindenburg, Herzenstein, Halley* и т. д. Как их ни напиши, все выходит не то, хотя у нас и есть в языке нужный звук.[1]

„твердые" „мягкие"
длительные длительные
шопотные [Х] [h] гулкие; шопотные [ХЬ] [hЬ] гулкие
[К] [Г]; [КЬ] [ГЬ]
взрывные взрывные

Рис. 20. Глоточные фонематические квадраты.

Нельзя не пополнить, наконец, этой зияющей прорехи в нашей азбуке!

Для всех вышеприведенных задне-нёбных звуков в русском языке имеется и мягкая вариация перед гласными Е и I, а в отдельности они всегда тверды. Имеется для них и усиленно-удлиненное произношение (*Аггей, Akka*), а в восточных языках и придувное, называемое гортанным.

Ясно, что, взяв для всех этих вариаций задне-нёбного шума общее обозначение, например, в виде С с приставной черточкой, мы получим возможность их систематического представления (*в печати*), аналогичного губному квадрату (рис. 20, слева).

[1] А у украинцев наоборот: буква Г равнозначна h, а для взрывного Г нет обозначения.

А посредством флажков (рис. 20, справа), утолщений и искривлений приставной черты, как у предшествовавших, выразим их мягкое, усиленно-удлиненное, придувное и все другие возможные обозначения.

III. Задне-десновый фонематический квадрат.

Аналогично предыдущим, мы имеем в разговорном русском языке полностью и весь задне-десновый квадрат, происходящий от вариаций звука, получаемого при проходе или прорыве воздуха между кончиком языка и задней поверхностью верхней десны, но не имеем письменного обозначения для его гулко-взрывной вариации, аналогичной Б или Г предыдущих квадратов.

Возьмем его сначала в «мягком» произношении:

ТАБЛИЦА VIII.

Здесь наша система квадратов прежде всего показывает, что русский звук Ч получается лишь из мягкого ШЬ, а, следовательно, твердому Ш должен соответствовать и твердый ЧЪ, какой, действительно, и есть в итальянском языке. А затем квадрат этот заставляет нас искать и взрывного произношения Ж, и мы, действительно, находим его в ряде слов, которые совершенно искажает наша урезанная орфография, так что даже не знаешь, как их и написать на бумаге. Попробуем, как делают это, обозначить их через псевдо-ДЖ и напишем слово: *вожь(дж)и* вместо *вожжи, дрожь(дж)и* вместо *дрожжи, дожь(дж)ик* вместо *дождик, можь(дж)ечок* вместо *мозжечок, уезь(дж)аю* вместо *уезжаю, сожь(дж)ен, разможь(дж)ен, можь(дж)евельник*, вместо *сожжен, размозжен, можжевельник* и т. д.

Попробуйте здесь звук (ДЖ) произнести отдельно, как Д и Ж, и вы увидите, что выйдет плохо. А попробуйте ясно

произнести все эти слова по обычной русской орфографии, и выйдет еще хуже: *вож-жи, дрож-жи, дож-дик, моз-жечок, сож-жен, размож-жен*... Выходит совсем не то, что вы произносите, когда говорите не по такому письму, а свободно. Всего же хуже выходит, когда мы пишем это недостающее в нашей письменности взрывное Ж через ДЖ в итальянских, английских и восточных названиях и именах, где оно употребляется часто. Выходит: *Джирдженти* вместо итальянского города Girgenti в Сицилии, *Джирджех* вместо Girgeh в Египте, *Джаксонвиль* вместо Jacksonville. Точно так же мы пишем: *Джаншиев*, переводя с армянского языка, *Манчжурия*, переводя с манчжурского, *Джебель-Нор* — с арабского, *Джон* и *Джемс* — с английского *Джиованни* и *Джулия* — с итальянского, и заставляем простодушного читателя, не знающего иностранных языков, думать, что он правильно произносит эти имена, в которых звук Д перед Ж совсем отсутствует, а просто произносится взрывное Ж, такое же, как и в вышеприведенных русских словах: *вожьджи, дрожьджи* и т. д.

„твердые": длительные — шопотные [Ш] — гулкие [Ж]; взрывные — шопотные [ЧЪ] — гулкие [ЧЖЪ]

„мягкие": длительные — шопотные [ШЬ] — гулкие [ЖЬ]; взрывные — шопотные [ЧЬ] — гулкие [ЧЖЬ]

Рис. 21. Задне-десновые фонематические квадраты.

В наш обычный печатный алфавит это взрывное Ж можно бы легко ввести в виде перевернутого латинского g (ɓ), а в рукописный — в роде греческой δ. В систематической же печатной транскрипции его можно было бы представить (имея в виду, чтобы каждый значок ясно отличался от всех остальных) в роде буквы h (рис. 21), где флажки на концах черточек и другие обозначения показывали бы мягкое, усиленно-удлиненное, придувное и другие вариации, как у предыдущих квадратов.

IV. Передне-десновый или зубной фонематический квадрат.

Он достигается шумом воздуха при его прохождении или прорыве в щель между кончиком языка и передними зубами (а у кого их нет — концами десен). И в нем русский язык имеет все четыре вариации, а письменность только три.

ТАБЛИЦА IX.

Мы видим, что и здесь, как в предыдущем квадрате, недостает правого нижнего угла, где в данном случае должно находиться взрывное З. А у нас пишут его через ДЗ и произносят как Д + З, что смешит людей, привычных у себя на родине к гулкому Ц, как смешит и нас, если кто вместо «*процежу чай*» говорит: «*протсетшу тшай*». А между тем мы время от времени бываем вынуждены произносить и этот звук, когда быстро говорим, например, «*он цыкает и дзыкает и подзякивает*», и в словах, именах и фамилиях белорусского и польского происхождения: *Родзянко, Дзюбинский, Дзержинский, Дзедушинский, Дзялынский* и т. д., так как в обоих этих языках гулкое Ц очень употребительно. Да и не в них одних. Это псевдо-ДЗ есть в латышском, в монгольском, в закавказских и многих других азиатских говорах. Оно нередко встречается и в итальянском, например, *zero* — нуль, *zaffiro* — сапфир, *zozza* — сивуха, *mezzo* — половина и т. д. Но итальянская азбука так недостаточна, что в ней нельзя даже сразу сказать, где произносить букву Z как З или как псевдо-ДЗ. Это же можно сказать и о букве S, которая служит в латинской азбуке и для русского С, и для русского З. Говорят, что в древне-греческом так произносилась буква *дзета* (ζ), а потому ее и можно бы ввести для выражения псевдо-ДЗ в обычный русский алфавит, тем более, что она и видом своим напоминает З. А на ее произношение, как взрывной гулкий звук, указывает и то

обстоятельство, что в итальянском языке так произносится z в словах, пришедших туда от греков и арабов: *zenit* — зенит, *zebra* — зебра, *zaffran* — шафран, *zona* — поле, *zinko* — цинк, *zodiaco* — зодиак и т. д.

В систематическом же алфавите этот передне-десновый квадрат можно бы представить через S (рис. 22) с надставной черточкой, для обозначения на ней мягкого, усиленно-длительного и придувного произношений по предыдущим обозначениям.

„твердые" | „мягкие"
длительные | длительные
[С] [З] | [СЬ] [ЗЬ]
шопотные | гулкие | шопотные | гулкие
[Ц] [ЦЗ] | [ЦЬ] [ЦЬЗЬ]
взрывные | взрывные

Рис. 22. Передне-десновые фонематические квадраты.

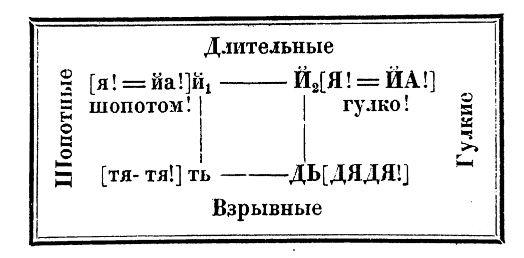
V. Средне-язычный передне-нёбный фонематический квадрат.

Для выяснения себе его состава нам русским лучше всего исходить из его мягкой вариации.

Возьмем длительный звук Й (латинскую иоту, j). Произнося его шопотом, мы получим его шопотную вариацию без резонанса горла. Обозначим ее через й-малое. Произнося его громким, гулким голосом, так, чтобы палец, приложенный к горлу, чувствовал его вибрацию, мы получим его гулкую вариацию, которую обозначим здесь как Й-большое. Таким образом, найдем состав верхней длительной стороны этого квадрата. Произнося шопотом несколько раз Й вперемежку с Ть, мы увидим, что Ть есть его взрывная вариация. Шопотное й хорошо чувствуется в слове: *шлейф*, а гулкое в словах: *Лейден, ладья (ладьја)*. Произнося гулкое Й, например, в слове *пойди*, вперемежку с *подьди*, убедимся, что Дь есть взрывная вариация гулкого Й. А произнося шопотом слово *пойти*, вперемежку с *потьти*, убедимся, что *ть* есть взрывное шопотное й. Вот вам и весь

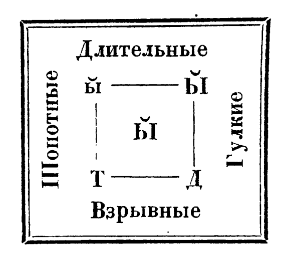
средне-язычный передне-нёбный звуковой квадрат в его мягкой форме.

ТАБЛИЦА X.

Но Й недаром называется кратким И, в нем те же обертоны, как и у гласного И, только шум для резонанса ротовой полости вызывается у него проходом струи воздуха не в голосовую хрящевую щель, а в теснину, сделанную между языком и передней частью нёба. Но мы уже знаем, что твердый гласный звук Ы соответствует мягкому звуку И, а потому, взявши Ы-краткое, которое обозначим через Ы̆, мы и получим твердую вариацию краткого Й. Этот звук легко слышится в произношении картавых людей, когда они говорят: *я каы̆тавый!* Его можно произнести шопотом, и тогда получится шопотное Ы̆, взрывной вариацией которого будет шопотное *тъ*. А если произнесем его громко с резонансом горла, то получится гулкое Ы̆, взрывной вариацией которого будет твердое Дъ.

ТАБЛИЦА XI.

Здесь наша теория звуковых квадратов показывает на недочет в русской азбуке расчленения Й-краткого на шопотное *й*, которым обычно является русское *й* в конце слов и в слогах перед шопотными согласными, и на гулкое Й, которое употребляется в начале слогов и входит в состав наших букв я (= ja)

и ю (= ju). Его (в виде j) и следовало бы кооптировать в русскую азбуку, что важно и для транскрипции иностранных слов в роде *Йорk* и т. д. Что же касается до краткого Ы̆, то оно очень часто в английском языке изображается через W, как его и можно бы кооптировать.

В отличие от прежних четырех квадратов этот средне-язычный квадрат не вполне устойчив у разных лиц и народов. Дело в том, что переднее нёбо значительно по своей площади и, делая на нем шумящую щель прижатием языка то ближе, то дальше, можно видоизменять слегка обертоны краткого Ы̆, переводя их в обертоны краткого Ŭ, которые и чувствуются во многих латинских словах, в роде *gaudeamus igitur*, и которые при плохом

„твердые"	„мягкие"
длительные	длительные
шопотные: (шопотом: кайтавлю) [Ы̆$_1$] — (гулко: кайтавлю) [Ы̆$_2$] :гулкие	шопотные: шопотом: Я! [Й$_1$] — гулко: Я! [Й$_2$] :гулкие
[Т] (аттака) — [Д] (addagio)	[ТЬ] (тятя) — [ДЬ] (дядя)
взрывные	взрывные

Рис. 23. Средне-язычный фонематический квадрат. 1-я вариация: с метатонами от *Ы*.

русском произношении читаются как «гавдеáмус игитур». А в украинском говоре Ы̆, переходящее в Ŭ, слышится в начале многих слов: *ў'óн* вместо *он; ў'óна* вместо *она* и т. д. Понятно, что при переходе тембра Ы̆ в Ŭ, и тембр соответствующих им взрывных Т и Д будет соответственно меняться, но эти оттенки не получили значащего фонематического характера ни в одном европейском языке. Вот причина, по которой звуки Д и Т я и не называю, как обыкновенно, *зубными*, тем более, что беззубые люди их очень легко и хорошо произносят.

Придавая всем вариациям этого средне-язычного звука общее начертание в виде, например, четырехугольника с приставной чертой, можно все эти детали представить чрезвычайно просто по предыдущему методу. Так четыре вариации мягкого Й будут как на правой половине рис. 23.

Отняв отсюда флажки на черточках, мы получим обозначение их твердого произношения (рис. 23, слева), исходным звуком которого будет краткое Ы̆, а видоизмененным произношением краткое Ŭ, как в немецком *Haupt* — глава, точно также, как вариантом произношения краткого Й будет краткое Ü.

Подобно тому, как исходной фигуркой для только-что описанного звукового квадрата мы взяли наше обозначение для гласного Ы, так и для краткого Ŭ мы можем взять его гласное обозначение (□), прибавив к нему (вместо одной из замыкающих сторон) наш общий символ всех согласных звуков — черточку, и тогда выйдут соответствующие вариации и для про-

„твердые"	„мягкие"
длительные	длительные
(Haupt) [Ŭ₁] — [Ŭ₂] (Gandeamus)	(Leüte) [Ü̆] — [Ü̆] (Reüber)
[т′] — [Д′]	[тъ′] — [дъ′]
взрывные	взрывные

шопотные — гулкие

Рис. 24. Средне-язычный фонематический квадрат. 2-я вариация: с метатонами от *U*.

изношения Д и Т, возможные в каких-либо языках на ряду с обычными нашими Д и Т (рис. 24).

В европейских языках, даже и в немецком, краткое Ü сливается для уха с кратким Ï, как можно видеть по рифмовке стихотворений лучших немецких поэтов.[1] Но очень возможны языки, где каждое из этих произношений имеет значащий характер.

Возможно также, что и в задне-нёбном квадрате гортанные звуки (x^h, h^h, k^h и $г^h$) кавказских народов[2] могут отличаться от придувных произношений нашего европейского глоточного квадрата χ — h — k — г, и тогда придется им дать такие же

[1] Я (может-быть и неправильно) слышу краткое V̈ в словах в роде: *Neüheit*, *Neüigkeit* и т. д. А в сочетаниях двух *е* в словах: *полнейший*, *древнейший* мне вместо *й* слышится краткое (согласное) *ĕ*.

[2] Я говорю о восточном произношении слов в роде *Khiva* (Хива), *Kherson* (Херсон) или при нашем подражании кашлю: *Кхе! Кхе!*

четыре систематические вариации одной основной фигурки, какие были здесь даны для всех предыдущих звуковых квадратов. Ведь совершенно ясно, что каждый звук нашего рта может иметь как длительную, так и взрывную, как гулкую (с призвуком горла), так и шопотную, или как ее обыкновенно, но менее характеристично называют: глухую вариацию без призвука горла.

ГРУППА II. СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ СО СЛОЖНЫМИ РЕЗОНАНСАМИ.

Все предыдущее я говорил о согласных, произносимых верхней полостью нашего рта без призвука носовой полости, а также и без призвука подъязычной или бокоязычной части рта, которые, оставаясь закрытыми, не дают своего призвука при их произношении. Но подобно тому, как мы видели во французском и португальском языках гласные звуки с носовым призвуком, так, при навыке соответственно артикулировать наш разговорный аппарат, могут получаться соответствующие им вариации и для согласных, и мы действительно имеем их, как полуносовые звуки, при произношении N и M, и как нижнеязычные при произношении L и R.

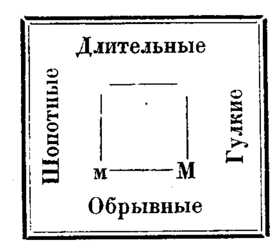
I. Два полуносовые звуковые фонематические квадрата согласных.

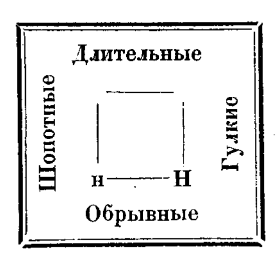
В чем их сущность?

Закроем губы и, наполнив рот воздухом и сжав слегка губы, начнем мычать. Получим длительный звук *м-м-м*, а прижав язык к десне и раздув ноздри, получим длительный *н-н-н*. Значит, первый звук может быть назван носово-губным, второй носово-нёбным. При первом дают резонанс одновременно и носовая полость, и вся верхняя ротовая, а при втором—к резонансу носовой полости присоединяется только аккомпанемент задней ротовой части. Как Н, так и М мы можем произнести и шопотным голосом, без аккомпанемента горла, и гулким с резонансом. Мы русские произносим их шопотно не только при естественном шопоте или искусственном, но и при громком разговоре на конце слов, например, в словах *вам, нам* или *фон, тон*, и такими же являются они и в сочетаниях с другими шопотными согласными, например, в словах: *мстить, Мценск, десять драхм.* Мы

произносим их во всех этих примерах с резким окончанием, т.-е. разом гасим носовой звук открытием замкнутого в начале его произношения рта, и это параллельно, хотя и не вполне аналогично, взрывному произношению чистых ротовых согласных. Перед гласным звуком мы произносим Н и М гулко, особенно когда перед ними стоит еще гулкая согласная, например: *знаю, змей,* и тоже гасим внезапным открытием губ для произнесения следующей за ними гласной. Значит, это нижняя, **обрывная** сторона двух носовых звуковых квадратов, заменившая взрывную вариа-

ТАБЛИЦА XII.

цию предыдущих, хотя она и своеобразна: мы гасим носовой звук не закрытием, а открытием губ, т.-е. полости рта, в которую вместо носа тотчас и устремляется воздух, прекращая свой носовой гул.

Но не бывает ли этих звуков и в длительном произношении без гашения открытием рта? Оказывается, что оно бывает чаще, чем мы сами думаем, но мы его не замечаем благодаря тому, что у нас нет для них особой транскрипции. Перед Б мы можем гулко тянуть звук М сколько угодно, например, в словах: *бомба (боммммба),* или *амбар (аммбар), амбулатория* и т. д.; перед П мы можем тянуть этот звук шопотно, например, в словах: *помпа, паммпасы, паммпушки* и т. д.

Точно также и звук N мы можем гулко тянуть перед Д, например, в словах *н-н-да, Аннндрей, ханнндра, пропаганннда* и т. д. Мы можем тянуть его и шопотно перед *т*, например, в словах *Аннтон, аннтрацит* и т. д. Приглядитесь только к какой-нибудь даме, слушающей с живым интересом чей-либо рассказ. Почти после каждой фразы вы услышите, в качестве знаков, выражающих ее внимание, разнообразные по тонам длительные губно-носовые междометия *мм...* или десно-носо-

вые *ннн..*, неправильно изображаемые в нашей письменности через *гм!* А в сочетании двух *нн* (например, в *Анна, пламенный*) или двух *мм* (например, в слове *аммонит*), мы первое *н* или *м* произносим как длительное, а второе как короткое. В английском языке мы видим длительное N под символом ng (например, thing — вещь), а в польском оно обозначается значком под гласной.

У тех народов, где каждая из четырех вариаций М или N, или хотя бы некоторые из них, служат фонемами, изменяющими смысл слова, сознающая область мозга очень чувствительна к каждому из этих четырех вариаций, да и мы сделаем себя не менее чувствительными к ним, как только введем особые обо-

„Твердая" вариация носовых согласных звуков	
Губно-носовая фонема	Десно-носовая фонема
длительные	длительные
(помпа) — (бомба)	(фант) — (фонд)
шопотные *M* гулкие	шопотные *N* гулкие
(10драхм) — (мода)	(оппошел) — (новости)
обрывные	обрывные

Рис. 25. Две основные вариации носовых фонематических квадратов: фонемы *M* и *N*.

значения в письменности для каждого, потому что все они часты в русском языке. Судя по большему или меньшему призвуку носовой полости, происходящему от того, прижимаем мы кончик языка к деснам или к небу, получатся две вариации N, из которых задняя ясно выражена в немецком языке (например, в слове Bank), а передняя в русском (при произнесении того же слова *банк*). Вы их легко воспроизведете сами, произнося оба названные звука, не раскрывая рта. Вы можете даже сделать из них нечто в роде гласных, напевая какую-либо известную вам арию одним носом, не открывая губ; но эти гласные будут слогообразующими только друг для друга, и не вплетутся в ряд обычных гласных в стихосложении, а при открытом рте длительные носовые фонемы *нн* и *мм* обращаются в обертоны полуносовых французских гласных, в словах Bonplan, gamin и т. д.

Значит, и для М, и для Н мы имеем четыре вариации — шопотную и гулкую, длительную и обрывную (рис. 25).

Хотя в европейских языках и нет слов, значение которых изменялось бы в зависимости от того или иного способа произношения этих звуков, но среди множества не-европейских говоров, несомненно, есть и такие, где эти вариации придают словам новое значение, а потому и их необходимо ввести в научную рациональную азбуку и даже в нашу обычную, хотя бы для обозначения существующих и у нас разнообразных носовых знаков внимания.

II. Два бокоязычные фонематические квадрата.

Своеобразным бокоязычным согласным звуком является Л, все четыре возможные оттенка которого мы сливаем тоже в одном начертании. Прежде всего, попробуйте произносить этот звук, прижавши к верхней десне кончик языка и приоткрыв губы. Звучащий воздух пойдет изо рта извилистым путем, и звук Л выйдет *гулкий* и очень чистый. Но попробуйте в это время прижать пальцами щеки к деснам, и он сейчас же сделается *шопотным.* Значит, это, действительно, совершенно своеобразный боко-язычный звук, который можно произносить и гулко, и шопотно.

Звук Л отличается от краткого Ы̆ (который он и заменил во многих языках целиком) тем, что при произнесении последнего мы не суживаем задней части языка, как при произнесении Л. А сузивши эту часть так, чтобы между нею и коренными зубами оказалась хотя с одной стороны щель для дополнительного резонанса находящегося в ней воздуха, мы и получим там гул, характеризующий фонему Л. При этом могут получаться еще и местные или индивидуальные оттенки произношения Л в зависимости от того, куда упирается кончик языка: в десны или в твердое нёбо (когда боковой гул делается сильнее).

В виду сходства расположения полости рта при этом звуке и при произнесении гласной Ы, мы можем длительно сливать его с нею и, напевая при этом на разные тоны Ы, получить специальную гласную с фонемой звука Л, так же, как французы получают разные гласные с призвуком длительного N. К этому роду относится, повидимому, чешская гласная L в слове vlk — волк.

Прижмите кончик языка к верхней десне и попробуйте пропеть любую гласную, особенно Ы, и вы сами увидите, что она получится у вас с призвуком Л; это и есть только-что отмеченная чешская гласная *ллл.* А при произнесении таким же способом И получится гласная *лллъ.* При нашем способе обозначения гласных систематическими фигурками, этот призвук в них можно обозначить, например, точкой в средине данной фигурки.

В смысле согласного звука фонема Л сходна с носовыми в том отношении, что не может быть взрывной, вследствие трудности сильно прижимать заднюю часть языка к деснам, для их насильственной отмычки напором воздуха. Поэтому звук Л и прекращается совершенно таким же способом, как и носовые

„Твердая" вариация бокоязычной фонемы Л

Переднее (русское) Л — длительные: (волк), (волга); шопотные, гулкие; $Л_1$; (дохл), (ложь); взрывные.

Заднее (английское) Л — длительные: (шопотное all right), (громкое all right); шопотные, гулкие; $Л_2$; взрывные.

Рис. 26. Две основные вариации бокоязычных фонематических квадратов: переднее и заднее Л.

звуки, гасительно, т.-е. уничтожением гудящей щели (например, в словах *кол, пол*). Но можно этого и не делать, т.-е. закончить Л с прижатым к средине нёба языком, и тогда получится типическая длительная вариация, как в слове *балда,* где Л гулко, или в слове *волхв,* где оно шопотно.

Значит, и здесь имеем квадрат в четырех вариациях (рис. 26, слева).

Кроме того, для звука Л мы имеем второе произношение, настолько же отличающееся от первого, как N от М, т.-е. произношение другою частью полости рта. Действительно, мы можем произнести Л задней частью ротовой полости. Тогда звук пойдет под язык, между ним и деснами, приобретая тот обычный характер, который мы имеем в английском *all, well.* Это дает второй квадрат (рис. 26, справа).

И для этого звукового квадрата европейские азбуки не выработали четырех особых обозначений, потому что в европейских языках нет слов, смысл которых менялся бы от того или другого произнесения бокоязычных звуков, но они могут быть во внеевропейских языках.

ГРУППА III. ДРОЖАЩИЕ И РОКОЧУЩИЕ ЗВУКИ.

Во всех предыдущих случаях я показывал наглядно возможность и даже необходимость существования четырех вариаций: гулкой и шопотной, длительной и взрывной (или обрывной), и это дает 36 элементарных звуков. Возможность дать им всем мягкое (палатальное) произношение, распространенное в славянских языках, удваивает их до 72. Возможность дать каждому из них придувное произношение доводит их число до 144. Возможность удлиненно-усиленного и укороченно-ослабленного произношения дает 288 обозначений. Но и этим дело не ограничивается.

Рокочущие согласные звуки	
Простое „твердое" Ы (Кабтавый)	Рокочущее „твердое" Ы (=R) (Картавый)
Простое „мягкое" Ы (=Й) (Картавое и детское Июйик)	Рокочущее „мягкое" Ы (=РЬ) (Обычное русское Рюрик)

Рис. 27. Рокочущая фонема *R*.

Кроме всего этого, некоторым согласным можно придать и дрожаще-рокочущий характер, что, например, имеется в губном звуке, употребляемом у нас для остановки лошадей, который условно пишется «*тпру!*», хотя в нем совсем отсутствует Т, а Р совсем другое, чем в обычной речи. Что же касается досчастого в европейских языках звука R, то он достигается дрожанием кончика языка при произношении краткого — Ы. Такие звуки можно изображать нашей систематической азбукой, путем

прибавления волнистых флажков к соответствующим согласным, как дано на рис. 27.

Понятно, что у них не может быть одновзрывной вариации, а только гулкая и шопотная, длительные.

При нашем раскатистом R полость рта укладывается, с этой точки зрения, как при кратком согласном Ы (ӹ), но только язык, расширяясь сзади, упирается в боковые коренные зубы (или десны), чтобы иметь в них неподвижную опору, а упруго напрягшийся и утонченный кончик языка приподнимается к верхней десне или зубам, оставляя между ними и собою узкую щель. Струя воздуха, выходящая при произнесении длительного согласного ӹ, надавливает на этот упругий кончик и периодически отбрасывает его к десне или зубам, прерывая на момент струю, совершенно так же, как делает это металлический язычок в игрушечных трубах, но несравненно реже, вследствие своей меньшей упругости, и потому не производя (для нашего уха) самостоятельного звука, а делая лишь перерывы на ӹ. В связной речи наше раскатистое R имеет лишь несколько перерывов, как видно на фонограммах. В армянском языке употребительно и шопотное R.

Во втором, менее вибрирующем картавом R (R — grasseyé), очень распространенном в парижском и в английском говоре, вместо краткого «ӹ» произносится краткое «Ŭ», а задняя стенка языка поднята к заднему нёбу, и струя воздуха, идя в образованный этим способом желобок, приводит в вибрацию напрягшееся над ним мягкое нёбо (velum) и его язычок (avula). Понятно, что аналогичные вибрации языка могут происходить и при произнесении других длительных согласных звуков. Так, подражая жужжанию осы, мы можем произнести звук *з-з-з-з-з* с ясно чувствуемой вибрацией как звука, так и языка, и можем сделать то же, произнося и слово *у-з-з-з-ор*. Еще лучше это выходит со звуком *ж*, когда мы подражаем журчанию воды или произносим хотя бы слово *до-ж-ж-ж-ж-ик*. А раскатистое придувное *h* вы хорошо воспроизведете, подражая ржанью лошади: *i-h-h-h-h-h-i!* Не хуже вы произнесете и раскатистое Л, или М и N. Отсюда видно, что рокочущее произношение свойственно **всем** длительным согласным, как шопотным (например, в словах: «*кажется, театр тут?*») так и гулким (например, в словах: «*он добр давно*»).

* * *

Что же мы видим из предыдущего? Очень важную вещь.

Для того, чтобы иметь обозначения для каждого из основных *согласных* звуков человеческой речи, звучащей теперь в Европе и прилегающих к ней частях Азии и Африки, нужно иметь,—как мы видели в начале,—около 80 обозначений для гласных звуков, и, как мы видим теперь, к ним надо прибавить еще более полутораста согласных обозначений, и это уводит число всех значков, необходимых для научного алфавита, далеко за пределы двухсот. А в систематическом обозначении по предлагаемому здесь образчику это сводится к пяти гласным и к девяти согласным значкам. Все остальное достигается несколькими их систематическими вариациями, привыкнуть

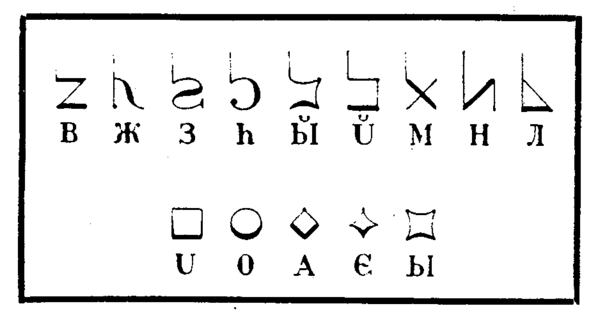

Рис. 28. Вся международная азбука при систематическом обозначении.

к которым, благодаря их однородности, учащемуся так же легко, как к тому, что при приставке мягкого знака (ь) в русской письменности смягчается предыдущая согласная.

На рисунке 28 изображена вся европейская азбука в ее гулкой длительной основе. Только ее и пришлось бы заучить чисто механически.

III. Локальные вариации произношения звуков речи у славянских народов и «славянский подгласник».

Все остальное разнообразие произношений этих основных вариаций также легко поддается дополнительным однородным значкам. В своем «Очерке филологии славянской речи» О. Брок [1]

[1] Энциклопедия славянской филологии, выпуск V. 1910 г.

указывает различные артикуляции полости рта и носа при произнесении различных звуков в славянских говорах. Так он отмечает «вычеканенное Д» в герцеговинском произношении, отмечает чешские экстра-мягкие *ть, дь и нь*, с крайне нёбным произношением, которые нам кажутся близкими к нашим, но не удовлетворяют местного слуха, когда мы говорим. Указывая на то, что всякую твердую гласную мы можем произнести мягко, сосредоточив массу нашего языка в передней части рта, Брок прибавляет также, что обратным путем (сосредоточивая язык в задней части рта) можно наше И превратить в Ы, а обычное Э в низкотонное восточное Є. Таким же способом и из мягкого Ль западный европеец может сделать твердое русское Л. Брок говорит также, что без полного сосредоточения языка впереди или сзади происходит среднее Л.

По отношению к другим согласным он говорит, что в то время, как в русском говоре нет мягкого һь, оно есть в славянских языках, например, в малорусском: «*Гей же вы хлопцы, добры молодцы!*». В чешском он указывает на рокочущее Ж, которое пишется через РЖ, как и у поляков, и употребляется как самостоятельная фонема даже и в виде шопотного Ř (например, в Řky). А в словенском литературном языке большинство согласных, по Броку, не имеют мягкого произношения.

По отношению к гласным Брок не находит фонемы Ы в сербо-хорватском говоре, но ее место занимает там (по нему) так называемый «иррациональный (!!) гласный звук», пишущийся через Ъ (например, в словах dъn или zъl) и по произношению напоминающий низкотонное Э. Он находит его также и в болгарском ударяемом Ъ, и в чешском языке, где он близок к слабо артикулированному Ы, например, в sed'ъt (седыт) т.-е. сидят, или к германскому неударяемому *e* (в *Gabe*). Таков этот подгласник, например, в слове sed'ъ, произносимом как се(дь)э, а после твердых гласных он похож, по Броку, на ненапряженное Ы в русской фразе «*она была*». В тот же звук переходят в Болгарии и неударяемые А и О, а неударяемое Е после твердых согласных звучит там как смягчение того же самого гласного звука. В славянской литературе этот звук называется «подгласник» и научно изображается смешным значком «'». Возьмем, например, слово кр«'»х или кр(ы)х — хлеб. Здесь ударенный «подгласник» близок, по Броку, к краткому

ненапряженному Ы в русском слове *сын,* только отверстие между спинкой языка и нёбом немного шире. А в слове m«’»gla — мгла — этот же неударенный «подгласник», по Броку, звучит подобно немецкому Е в *Gabe*.

В обоих случаях,—говорит он,—при произнесении тут самого настоящего гласного звука, образующего слог и входящего, как таковой, в метрику стихосложения, мы делаем такую «безразличную» установку ротовой полости, когда ее резонанс настолько неопределенен, что в нем трудно различить, какие ее метатоны более усилены и какие менее. «Мы можем услышать в слове m«’»gla и *могла* и *мыгла* и *мегла* и даже прямо *мгла*. Вот почему,—говорит он,—под словом «подгласник» могут скрываться всякие неударенные гласные» и, кроме того, выходит еще нечто худшее. Когда после него следуют длительные R или L, N или M, то он получает их призвук и в современной славянской орфографии заменяется одной этой согласной, считаемой за символ слогового гласного звука, что приводит в большое смущение антропофоника, не привычного к метаморфозам согласных в гласные, т.-е. в звуки совсем другой фонетической категории, в роде того, как в зоологии было бы превращение бабочки в козу. На деле же никакого такого превращения здесь нет, и такие *трехсложные* (а не двухсложные) славянские слова, как srebró (серебро) или srbro, один и тот же человек (по Броку) может произносить и как невнятное в неударенных гласных *сырыбро* и как невнятное в них же *сэрэбро* или *серыбро*. Однако же, читатель, если вы на основании этих описаний и начертаний подумаете, что славянский подгласник представляет собою что-то ужасно мудреное, то вы жестоко ошибетесь. Для нас, — интеллигентных русских,— в нем нет ровно ничего нового.

В то время, как северные русские народные говоры, например, вологодский, сохраняют, подобно западно-европейским народностям, все гласные неизменными, литературный язык нашей интеллигенции сохраняет в наиболее слабых и неударенных слогах только звук U (например, в *мухомор),* а остальные гласные: А, Э, О, Ы, И, меняются вдали от ударения, по мере того, как они произносятся более коротко, по одному общему редукционному правилу, хотя и приводящему к двум окончательным результатам:

1. Качественная редукция трех твердых гласных — А ,О, Ы — выражается, по Броку, приведением ротовой полости к индифферентному укладу, и при ней вместо всех этих гласных в быстром говоре и получается тот самый короткий «подгласник» или премудрый по своему названию «иррациональный звук», который мы и видели в болгарском и сербо-хорватском говоре.

Вот по Финку несколько его примеров в русском языке:

Пишется:	*Читается:*
полотно	пєлатно.
холодок	хєладок.
хоть помирай	хєть пємирай.
дорогà доро́га	дєрога́ дєрòга.
вòлосы	вòлєсы.
скỳчный	ску́чнєй.
однозвучный	єднозвучнєй.

Богородицкий считает этот звук близким к слабому укороченному Ы, Корш принимает за средний между Ы и А, а Брок находит, что в нем перекрещиваются и О, и Ы, и А.

Но не потому ли это так различно определяется, что все прежние авторы не взяли в счет низкотонного Є восточных говоров, существующего в коротком виде и во французском немом — Е, например, в слове *Genève* — Женева, которое в быстром говоре тоже произносится почти как Жынэв, с очень коротким и однако же слоговым Є, ясно обнаруживающимся в метрике стихосложения?

Не окажется ли и у нас этот «подгласник» или псевдоиррациональный звук лишь остатком низкотонного Є, выбывшего из ударенных слогов русского языка, подобно тому как и Ы выбыло из начала слов?

2. Качественная редукция мягких неударенных гласных, в роде ӭ, ё (ö) и я (ä), и даже й, легко чувствуется в разнице между транскрипцией и произношением соответствующих слов. Обозначив ее через перевернутое малое е (ə), получим по Финку:

Пишется:	*Читается:*
пека́рни	пəка́рнə
передо мной	пəредє мной
отуманен	єтуманəн
я не думаю	йа нə думєю
от суетного света	єт суəтнєвє светє
никогда!	нəкогда!

По Броку этот «подгласник» мягких гласных ä, ö, ӥ звучит как нечто среднее между укороченными, слабо артикули-

рованными высокотонными гласными Э и И. Мне представляется по слуху, что это просто укороченное высокотонное Э, и для того, чтобы правильно печатать книги, надо всем нашим гласным значкам дать и укороченное произношение, сократив их ширину. Вот почему в русской рифмовке и отожествляются окончания слов в роде:

обычай	=	обычэй
с добычей	=	с добычэй
отличий	=	отличэй

Точно так же, как в предыдущей редукции рифмуются:

слово	=	словэ
снова	=	сновэ
терновый	=	терновэй
с основой	=	с основэй.

Мягкий подгласник — говорит Брок — надо произносить, сосредоточивая массу языка в передней части ротовой полости у «твердого неба», тогда как соответствующий ему предыдущий «твердый подгласник» произносится при удалении массы языка к заднему мягкому небу, т.-е. действуя так же, как и при произнесении О и Ö, А и Ä, Ы и И.

Я остановился здесь так долго на «подгласнике» по причине интереса, который он представляет для выяснения одного обстоятельства, близко касающегося предмета моего настоящего исследования. Благодаря нечувствительности к нему уха обычных людей, его легко сливают с последующей согласной, придавая ей этим слоговой характер. Мы имеем в сербском начертании *Srb* для *серба,* или *крх для краюхи* хлеба в словенском, и вот совершенно такие же начертания без гласных находим мы и в еврейских начертаниях, в роде БН — сын, которое читается как БЭН, с тем же подгласником, или ХР (вернее hr) — вельможа, однозвучное и однозначущее с немецким Herr, и тоже с предположением «подгласника» в средине. Таких слов в библейском тексте без конца, и в каждом промежутке между двумя согласными европейские гебраисты предполагают (потому что *знать наверное* они явно не могут) в одних случаях одну, а в других — другую из европейских гласных и читают их как-будто реальные, а теми гласными, которые, действительно, стоят в библейской транскрипции, они пренебрегают, как не имеющими по толкованиям их средневековых учителей никакого значения.

Правилен ли такой произвол в произношении?

Будь это действительный древний народный язык в Сирии, или только литературный жаргон эмигрировавшей в Европу арабской интеллигенции, постепенно исказившей под влиянием окружающего чуждого произношения звуки языка своих предков,[1] не проще ли предположить, что во время возникновения на этом языке библейской литературы все гласные читались в ней ее авторами, как они написаны, а в тех словах, где никакой гласной не оказывается между двумя согласными, предполагался всегда тот же самый общий «подгласник», как и в сербском или словенском языках в подобных случаях?

Мне приходилось встречать лиц, полузабывших после долгой жизни на чужбине язык своего детства, и я мог наблюдать, что всякий раз, когда, при встрече с редким соотечественником, им приходилось его употреблять, они перемежали его с различными, большею частью с носовыми, звуками; растягивали произносимые слова в мысленных поисках за следующими и очень часто невнятно произносили гласные звуки.

Все такого рода уклонения мы и видим в традиционных способах чтения на древне-еврейском и на других «умерших» языках, например, на церковно-славянском, в котором тягучее **носовое** церковное произношение, существовавшее почти до половины XIX века, было прекращено лишь прямым давлением правительствующего синода (хотя оно и до сих пор сохранилось у староверческих начетчиков).

* * *

Я не буду подробно останавливаться на легких вариациях в произношении гласных у поляков, имеющих и длительное N, придающее концам гласных носовой оттенок, что наблюдается у англичан, у украинцев, имеющих довольно отчетливые ä *(нӓнька)*, Ü *(тю̈тю̈нец)*, и у интеллигентных русских, у которых, по Броку, при быстром произношении слышится и мягкое Ä *(нӓнӓ)*, и мягкое Ö *(несёте)*, и мягкое Ü *(стараю̈сь)*. Желающий может все это найти в обстоятельной книге Брока, а я закончу эти немногие свои заметки о славянских произношениях его же словами:

«В научной транскрипции нужно классифицировать все многочисленные оттенки *(звуков человеческой речи)* в естественные

[1] Еврейский язык по-еврейски значит: *переселенческий язык.*

группы *для общего обозначения*, не то получается картина чересчур пестрая и нецелесообразная».[1]

Мы видим отсюда, что не я один пришел к необходимости научной азбуки, а также и один из самых ученейших наших специалистов по сравнительному языкознанию. Поэтому и вопрос сводится лишь к тому, достаточно ли хороши придуманные мною еще в Шлиссельбургской крепости систематические фигурки или можно выдумать и лучше?

IV. Вдыхательные звуки человеческого голоса.

Мне остается здесь только прибавить, что согласные шумы речи в некоторых чмокающих человеческих языках выражаются не только выдуванием звучащего воздуха изо рта, как обыкновенно у нас, европейцев, а и его втягиванием. В отдельных случаях это делаем и мы. Так, при воздушном поцелуе мы делаем губной внутренне-взрывной звук. При щелканьи языком в знак удовольствия во время еды мы делаем внутренне-взрывной десновый звук, похожий на *тц*. В других случаях мы делаем нёбный звук, похожий на *тч*, а также можем произносить и звук кх, втягивая себе в глотку воздух.

Все эти вариации легко обозначить стрелками на шопотных взрывных гласных наших начертаний:

— пф (звук поцелуя).

— тц (первый чмокающий звук).

— тч (второй чмокающий звук).

— тх (обратное втяжное).

— кх (обратное втяжное).

[1] О. Брок. Очерки физиологии славянской речи. 1910.

Таким же способом можно обозначать втяжное произношение и остальных согласных шумов, так как в теоретической возможности этого при всех не гулких согласных (например, ф, с, ш) каждый может убедиться, произнося любую из них попеременно то вдыханием, то выдыханием; их звук совсем не изменяется от этого.

Отсюда понятно, что и вообще при шопотной речи мы можем говорить целые фразы не только выдувным, но и вдувным способом почти безразлично. Да и при неожиданных восклицаниях: ах! ох! ух! мы иногда делаем то же самое, смотря по тому, произносим ли их при вдохнутом или при выдохнутом воздухе, не успев снова вдохнуть.

V. Заключение.

Я не буду распространяться далее об этом предмете. Читатель сам видит, какое разнообразие всевозможных вариаций для звуков человеческой речи можно изобразить в печати, делая на каждом из наших немногих основных значков соответствующие систематические обозначения.

Такой научно разработанный алфавит, еще раз повторяю, есть только мечта, но пока эта мечта не осуществится, **у нас не будет научной сравнительной лингвистики и антропофоники,** как не было арифметики до изобретения системы однообразного представления всех возможных чисел немногими цифрами, и пока не было открыто таблички умножения. Не будет без него твердо стоять на своих ногах и общечеловеческая лингвистика, потому что вместо того, чтобы итти в своих изысканиях кратчайшим и выровненным путем, ей придется ходить косыми и запутанными тропинками. Мы видели уже образчики современных попыток решить этот вопрос с обычными алфавитами (стр. 78). Сколько нужно потратить напрасного труда, чтобы привыкнуть по ним читать хотя бы на одних европейских языках!

Какими бы точками, черточками, колпачками и крючочками мы ни прикрывали наши случайные азбучные значки, мы будем так же путаться в этой области, как путались и в арифметике, пока каждый народ пытался без всякой системы изображать числа различными буквами своего алфавита.

Для того, чтобы с успехом отправиться в далекий путь какого-нибудь сложного научного исследования, необходимо иметь, кроме лошади, т.-е. представителя упорного индивидуального труда, еще и подходящую упряжь, иначе мы будем представлять нечто в роде путешественника, который сел в старое корыто и поехал в нем в лесную чащу, держась руками за хвост своей лошади.

Современная упряжь сравнительной лингвистики, т.-е. различные варианты современных наших азбук, мало пригодна для общечеловеческих исследований, потому что эти варианты придуманы совершенно случайно,— каждая система лишь для данного языка, а не для всего человечества сразу, какой должна быть *действительно* научная система. Конечно, лучше всего было бы установить, как я и говорил уже в предшествовавшей главе, систематическую азбуку всенародным конгрессом, но опыт показывает, что этот аппарат слишком громоздок и, что всего хуже, обладает, как и всякий коллектив, большим внутренним трением.

Почти все великие преобразования делались личными починами, которые, если были действительно целесообразны, принимались, затем, мало-по-малу всем культурным миром. Так было, например, с метрической системой, выработанной во время первой французской революции. Значит и здесь за дело должен взяться какой-нибудь отдельный народ, и, в таком случае, почему бы не нам русским, лингвистические способности которых, несомненно, много разнообразнее, чем какого-либо из других культурных народов?

Однако и у нас мало надежды на быстрый переход к такой азбуке целых масс населения, крепко держащихся за то, к чему они привыкли. Поэтому и наши люди науки должны, на ряду с обычной азбукой, иметь свою научно-разработанную и пригодную для общечеловеческой лингвистики, на которой они могли бы писать свои серьезные сочинения, в полной уверенности, что тогда, когда на них будет большая литература, к ним перейдет и вся пресса.

Как трудно для толпы переварить самые ничтожные перемены в этом отношении, видно из того, что даже устранение нескольких, ненужных в современном языке, букв, в роде *ъ*, *ѣ*,— встретило упорное противодействие среди лиц, считающих себя образованными. Революция смогла вымести эти буквы, но, как

и всякая буря, она могла в первый момент лишь разрушать, а не создавать что-либо новое. Так, несмотря на то, что уничтожение буквы Ѣ обнаружило явную необходимость ввести в русский алфавит букву ё, так же относящуюся к О, как Я к А, как Ю к У, как И к Ы и как Е (в слове есть) к Э (в слогах *же* и *ше*), однако же и этой одной буквы, которую было бы можно писать как прежнюю *Ѳ*, до сих пор не сделано, и мы не можем отличить всё от все и нёбо от неба. Наступающий теперь послереволюционный период должен обязательно пополнить все эти недочеты. В обычную азбуку следовало бы, как можно скорее, ввести недостающие согласные h, z (вместо *дз*), g (вместо *дж*) и гласную ё, а после *ж* обязательно писать *э*, а не *е*, да еще ввести знаки выразительности, т.-е. повышения и понижения тона гласной, находящейся во фразе под логическим ударением, а также и растяжения этой гласной, приспособив к ней и знаки вопросительной, утвердительной, восклицательной, изумительной интонации и сделав для беллетристики предфразные значки женского, мужского, детского и старческого голоса, баса, тенора, сопрано, крика, восторга, отчаяния, медленного и тягучего голоса.

Тогда наш письменный язык будет иметь весь колорит живой речи, а теперь он не более дает его, чем однотонный рисунок — красоту и разнообразие цветного ландшафта.

Этим я и закончу свою «фонетическую интермедию». Я сделал ее более обстоятельной, чем астрономическое и геологическое отступления, тоже оказавшиеся необходимыми в моей работе, потому что наука о звуках человеческой речи несравненно менее разработана, а между тем она чрезвычайно важна для рационального исследования вопросов древней культуры, которым посвящен этот мой труд. Без нее невозможно выяснить, почему большинство библейских и евангельских имен и древних слов трансформировались, иногда до неузнаваемости, при переходе на чужие языки.

ГЛАВА IV.

НОВОЕ ОРУДИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ДОКУМЕНТОВ.

(Лингвистические спектры, как средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора и для определения их эпохи.)[1]

Язык является как бы летописью культурной и социальной истории человечества.

В. Богородицкий.

I.

Каждый литературно-образованный человек знает, что все оригинальные авторы отличаются своим *складом речи,* даже и в том случае, когда мы сравниваем их с писателями того же самого поколения. Мы русские легко отличаем, например, склад речи Гоголя от склада речи Пушкина или Тургенева. В английской литературе склад речи Теккерея совсем не похож на склад речи Диккенса, и в них обоих чувствуется еще большее различие от склада речи Киплинга или Бретгарта, как принадлежащих к следующему поколению. Спешу отметить, что я говорю здесь только о *складе речи,* а никак не о *складе мысли,* который тоже различен у каждого оригинального писателя.

Склад мысли сохраняется даже и в переводе на иностранные языки, тогда как склад речи почти теряется, заменяясь складом речи переводчика, да и в подстрочниках, каковы, например, старинные переводы религиозных книг, первоначальный склад речи во многих существенных деталях исчезает. Вот почему то, о чем я хочу здесь писать, лишь соприкасается с той *стилеметрией,* зародыши которой мы находим у Гомперца, Лютославского и др., разрабатывавших слог Платона и некоторых других

[1] Основная часть этого этюда была помещена в Известиях Академии Наук, т. XX (1915 г.), кн. 4.

греко-латинских писателей,[1] о чем я еще буду иметь случай говорить ниже.

Чтобы выяснить сразу то, что я хочу здесь сказать, рассмотрю несколько примеров. Возьмем хотя бы в нашем русском языке два легко заменимые друг другом слова: «*так как*» и «*потому что*». Почти в каждой фразе одно из них можно заменить другим с сохранением первоначального смысла, и потому в переводе на иностранный язык такое различие в складе речи исчезает, между тем как в оригинале одни авторы могут машинально употреблять почти исключительно первую из этих «служебных частиц речи», редко вспоминая о существовании второй, другие же авторы поступят совершенно наоборот. Точно также слово *иной* большинством современных авторов, хотя и не всеми, постоянно заменяется словом *другой.* Одни авторы часто прибегают к слову *который,* другие же его не любят и заменяют причастной формой глагола, который пришлось бы поставить за ним. Одни часто употребляют служебную частицу *между,* другие пишут вместо нее: *среди* или *средь.* У одних фраза длинная, с постоянными придаточными предложениями, у других — короткая; у одних очень часты деепричастия, а у других их почти совсем нет. Одни постоянно прибегают к помощи слова *этот,* другие часто заменяют его словом *тот* и т. д., и т. д. Все эти различия в нашем складе речи обусловливаются чисто машинальными причинами, целым рядом предыдущих внешних и внутренних лингвистических влияний, ушедших у нас уже давно в область бессознательного. Вот почему *служебные частицы* речи с таким же правом можно бы назвать и *распорядительными.* Они не только служат, но и распоряжаются нашей речью.

Именно эти *предыдущие* влияния чаще или реже напоминают нам то или другое из известных нам слов, как в письме, так и в живом разговоре, и потому мы нередко встречаем людей, против собственной воли постоянно произносящих какое-нибудь присловие в роде: *понимаете,* или *то-есть,* или *так сказать,* а иногда и какое-нибудь сложное вставное изречение.

В письме это, понятно, сглаживается, так как человек всегда может обдумать фразу прежде, чем писать ее, а в печати искус-

[1] См. W. Lutoslawski: The origin and growth of Plato's logic. London. 1897. Его же: O pierwszych trzech tetralogiach dzieł Platona. Kraków. 1896.

ственная обработка естественного склада речи достигает нередко очень больших размеров.

Все авторы печатают свои произведения с так называемыми корректурными поправками, где заботливо разрежают частящие слова, в особенности, если они попадаются по два раза в той же самой фразе. Однако, подобные поправки производятся обязательно лишь тогда, когда естественный склад речи автора, вследствие слишком частого употребления излюбленных им служебных частиц, делается неуклюжим, не литературным. Поэтому даже и печатание не окончательно уничтожает особенности естественного склада речи писателя. Именно потому, когда автор нам хорошо известен по прежним его произведениям, мы легко угадываем его и в новых, в особенности, если нам прочтут достаточно длинный отрывок.

Однако, чисто субъективный, основанный лишь на индивидуальной чуткости, способ отгадывания авторов не может иметь серьезного научного значения, так как он не дает безусловных доказательств, обязательных для каждого. Вот почему исследователи литератур уже давно хотели найти такой метод, при помощи которого индивидуальности *склада речи* выступали бы объективно.

Попытки отыскать такой метод делались не раз. Особенно много, как мы увидим далее, применялось изучение слога к диалогам, приписываемым Платону, но именно этот выбор и сбил, мне кажется, возникавшую стилеметрию с верного пути. В виду того, что не только подлинных рукописей Платона, или его ранних цитаторов, но даже и средневековых копий с них нигде нет, исследователи их слога признали своим основным положением, что все приписываемые Платону диалоги, имеющиеся в первых *печатных* (т.-е. с XV века нашей эры) изданиях, должны быть признаны подлинными и хорошо сохраненными в продолжение двух тысяч лет их неведомого для нас существования, если они удовлетворяют следующим условиям: 1) когда о них имеются более или менее детальные и многочисленные упоминания в *печатных же* изданиях других греческих или латинских авторов, находящихся в тех же условиях долгой неведомости для нас, и 2) когда сами диалоги не содержат явных анахронизмов.

Но может ли считаться вполне научным исходное положение, которое сводится к тому, что всякое произведение классического писателя, имеющееся лишь в печатных изданиях или в редких рукописях эпохи Возрождения, должно считаться подлинным его произведением, если не доказана его подложность? Конечно, нет! Скорее можно требовать обратного, в виду такого долгого промежутка его неведомости для нас. Сходство словаря и грамматики не может считаться достаточным доказательством достоверности, так как в эпоху Возрождения ученые хорошо владели и греческим, и латинским языками и,— *как говорят сами их исследователи,* — «искусно подделывали произведения почти всех древних авторов».

Исходное положение о *подлинности* главнейших произведений Платона привело к тому, что в особенностях слога и даже образа мыслей, замечаемых в различных произведениях, приписываемых Платону, искали не доказательства различия их авторов, а исключительно различия в слоге и миросозерцании самого Платона в различные возрасты его жизни, хотя уже по противоположности идеалов и мировоззрения между многими из них можно было бы заключить, что имя «Платон» (как и Гомер) было символом целой школы, в котором потонула первоначальная личность. Различия в слоге различных произведений «Платона» оказались так велики, что покрыли собою колебания в слоге других однородных с ним авторов, и таким образом сразу лишили зарождавшуюся стилеметрию всякого практического значения. Этому же способствовало и то, что границы ее области были отодвинуты платонистами далеко за их естественные пределы. Вместо того, чтоб подсчитывать общеупотребительные, часто встречающиеся в языке, служебные частицы, начали, наоборот, обращать внимание на редкие выражения, на необычные формы, да и в подсчете обычных служебных частиц не соблюдалось никакого общего масштаба. Подсчеты вели обыкновенно на *страницу* того или иного издания, и цифры давались в таком виде, что соотношения их по величине не представлялись наглядными.

Вот почему еще много лет тому назад (в средине 80-х годов) мне пришла в голову мысль вывести общие стилеметрические законы спачала на современных авторах, единоличность которых несомненна, при чем, отбросив все редкие слова, ограничиться наиболее частыми и общими для всех родов литературы. Если, думалось мне, в природе и в обычной жизни человека все очень многократные события, кажущиеся случайными, принимают при

достаточном числе повторений закономерный характер, то почему же этого не может быть и в области речи? Ведь даже число ежегодно посылаемых писем в любом почтамте, несмотря на явную произвольность их писания, оказывается почти постоянным. Больше того: и самое число писем, на адресе которых забыто что-нибудь, как, например название города, или имя адресата, или номер дома на улице, — ежегодно постоянно или подвергается определенной эволюции в зависимости от спокойного или тревожного настроения общества. Да и в самих наших человеческих языках все их элементы, как мы видели уже, имеют определенную пропорцию.

Конечно, обычные имена существительные, прилагательные и глаголы зависят от содержания книги. В зоологии будут часто встречаться имена животных и частей их тела, в химии имена реагентов и химических реакций, совсем не употребительные в обычном языке. В истории народов будут часты собственные имена различных деятелей и географические названия. Глаголы здесь будут употребляться, главным образом, в прошлом времени, тогда как в естественных науках в настоящем. Местоимение *я* будет чаще встречаться в рассказах, излагаемых от имени первого лица. Местоимения *он* и *она*, во всех их падежах, будут часты в обычном романе...

Значит, частота употребления таких слов ничего нам не скажет.[1] Однако, даже и при разнородности сюжетов, есть во всех языках ряд слов, которые употребляются почти одинаково во всех родах литературы и которые по своему характеру могут быть названы, как я уже выражался ранее, *служебными* или *распорядительными частицами человеческой речи*. Это прежде всего союзы, предлоги и отчасти местоимения и наречия, а затем и некоторые вставные словечки, в роде: «*т.-е.*», «*например*» или «*и так далее*». Затем идут деепричастные и причастные окончания, как задние приставные частицы, характеризующие среднюю сложность фразы у того или другого автора. Даже и самые знаки препинания могут быть названы в этом случае *попутными* (или паузными) распорядительными частицами всех человеческих языков.

[1] Именно в этом и заключается слабая сторона предшествовавших стилеметрических работ, каковы: Гомперца, Лютославского и других, о чем будет сказано в конце этой главы более подробно.

Нетрудно видеть при самом беглом статистическом подсчете, что каждая из этих частиц тоже имеет свою собственную частоту повторения. Возьмем хотя бы отрицание *не*. Подсчитайте — и вы увидите, что на каждую тысячу отдельных слов у Толстого оно встречается обыкновенно немного менее 20 раз, у Пушкина и Гоголя около 20-ти, а у Тургенева значительно более, чем у них, иногда свыше 30 раз. В общем же колебания ее заключаются в промежутке от 12-ти до 35 раз на тысячу слов в зависимости от склонности того или иного автора к отрицаниям. Все это показывает, что служебная частица «*не*» в большой мере подвержена индивидуальным колебаниям, т.-е. определяет склад речи автора. То же самое и в случае подсчета остальных служебных частиц. Подобно тому, как каждый автор, всегда оставаясь человеком, имеет свою индивидуальную физиономию, так и его язык, все время оставаясь русским, или английским, или французским, обнаруживает свои особенные черты, проявляющиеся в большем или меньшем пристрастии данного автора к тем или иным распорядительным частицам.

II.

Нельзя ли по частоте таких частиц узнавать авторов, как-будто по чертам их портретов?

Для этого прежде всего надо перевести их на графики, обозначая каждую распорядительную частицу на горизонтальной линии, а число ее повторения на вертикальной, и сравнить эти графики между собой у различных авторов.

Еще в первые годы моей сознательной жизни, задолго до того, как я познакомился с трудами Гомперца и других стилеметристов, мне пришла такая идея и даже ясно представились ее вероятные детали. Мне было ясно, что у авторов различных эпох такие графики в некоторых служебных частицах должны сильно различаться. Возьмем хотя бы частицу *ибо*, часто встречающуюся в русском языке еще в первой четверти XIX века. Очевидно, что вместо нее на графике современных нам писателей будет зияющая зазубрина, так как ее теперь нет. Точно также слово *весьма* оставит вместо себя пустоту, потому что оно заменилось теперь почти нацело словом *очень*, и т. д., и т. д.

Даже у современных друг другу писателей должны появляться свои оригинальные зазубрины, свойственные лишь им одним,

благодаря антипатии того или другого автора к той или другой служебной частице.

Все это, думалось мне, делает такие графики подобными световым спектрам химических элементов, в которых каждый элемент характеризуется своими особыми зазубринами, так что астроном легко и надежно определяет по ним химический состав недоступных нашим летательным аппаратам небесных светил.

Тогда же мне пришла в голову и мысль назвать подобные графики *лингвистическими спектрами,* и исследование по ним авторов назвать *лингвистическим анализом,* соответственно спектральному анализу состава небесных светил.

Однако, разработать эти идеи мне было долго невозможно в Шлиссельбургской крепости, где они впервые пришли мне в голову, хотя в последние годы мне вновь пришлось возвратиться там невольно к этому предмету. Астрономическое исследование Апокалипсиса и библейских пророков привело меня по имеющимся там астрономическим данным к неожиданному для меня самого заключению, что черновик этой книги написан в промежуток от 30 сентября по 1 октября 395 года нашей эры, а библейские пророки еще позднее: в V веке нашей же эры. Это приводило меня к выводу, что все дошедшие до нас сочинения «Иоанна Хризостома», «Оригена», «Тертулиана» и других христианских авторов первых четырех веков нашей эры апокрифичны, так как они упоминают и об Апокалипсисе, и о пророках.

Идея об исследовании их лингвистическим анализом сама собой пришла мне в голову. Но для этого необходимо было прочно установить основные приемы такого анализа на современных общеизвестных авторах, показав, что каждый из них обладает какими-либо особенностями в своем лингвистическом спектре.

Однако, мое время так было заполнено другими делами, что только летом 1915 г. я нашел несколько свободных дней, чтобы составить лингвистические спектры хотя бы нескольких писателей. Я взял сначала *Гоголя* («Майскую ночь», «Страшную месть» и «Тараса Бульбу»), *Пушкина* («Капитанскую дочку», «Дубровского» и «Барышню-крестьянку»), *Толстого* («Смерть Ивана Ильича», «Корнея Васильева», «Три смерти» и «Три старца»), *Тургенева* («Малиновую воду»), *Карамзина* («Бедную Лизу») и *Загоскина* («Юрия Милославского»).

В каждом из этих рассказов я отсчитывал (исключая эпиграфы или вводные цитаты из посторонних авторов) первую тысячу слов, подчеркивая в ней красным карандашом все служебные частицы, а потом сосчитывал число каждой.[1]

Прежде всего сейчас же обнаружились некоторые резкие оригинальности.

У Карамзина в беллетристических произведениях очень часто употребляется восклицание «Ах!», почти совершенно отсутствующее у Гоголя, Пушкина, Толстого, Тургенева и Загоскина.

Служебная частица «было» (например, чуть-было) — только у Пушкина; «близ» — только у Тургенева (у других «около»); «ведь» — отсутствует у Карамзина и Загоскина; «вдруг» и «даже» — редки у Толстого; «еле» — только у Гоголя; «заместо» — только у Тургенева; «ибо» — еще употребляется часто Карамзиным и Гоголем, изредка Пушкиным, но уже совсем отсутствует у Толстого, Тургенева и Загоскина; «коли» (вместо «если») — часто у Толстого в речи простых людей, но нет у Тургенева и у других; «может» (без «быть») — только у Гоголя; «нежели» — только у Пушкина; «оттого» — у Толстого; «про» (например, «про него») — довольно часто у Гоголя, Толстого и Пушкина и отсутствует у Тургенева и Загоскина; «против» — часто у Гоголя; «подле» (вместо «рядом») — у Загоскина; «среди» (вместо «между») — у Гоголя и Карамзина; «словно» — часто у Толстого; «точно» — у Тургенева; «через» — часто у Пушкина; «этак» — только у Гоголя.

А в числе употребляемых ими служебных частиц (союзов и предлогов) оказались ясные процентные различия (слоговые типы).

Чтоб не давать очень сложных общих спектров при нанесении этих цифр на графики, я разделил их здесь на *предложные, союзные, местоименные спектры* и т. д., судя по тому, что они представляют.

Наиболее часто повторяющимися оказались у всех русских авторов предлоги *в, на* [2] и *с,* почему их графики я и назвал

[1] Подробные числовые данные приведены мною в статье: «Лингвистические спектры как средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора», в Известиях Академии Наук (Отделен. русск. языка и словесности). Том XX (1915 г.), кн. 4.

[2] Оба эти предлога я брал для простоты счета суммарно, не расчленяя на падежи, перед которыми они стоят.

главным предложным спектром. Они даны на рис. 29, из которого читатель и без цифр видит по вертикальному ряду чисел, что на тысячу слов у Гоголя предлог *в* повторился в «Тарасе Бульбе» 23 раза, в «Майской ночи» 15, а в «Страшной мести» 16 раз; предлог *на* повторился 24 раза в «Майской ночи»

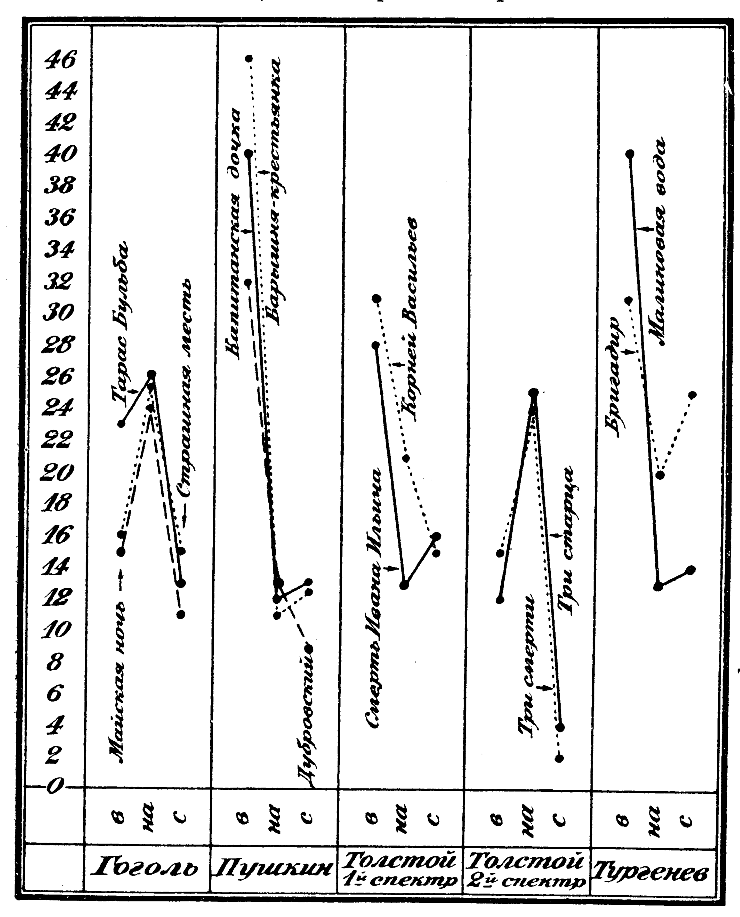

Рис. 29. Образчики главного предложного спектра. (На 1000 слов.)

и 26 в «Бульбе» и «Страшной мести» и т. д. А когда я соединил эти точки линиями, то во всех (взятых мною совершенно случайно) трех произведениях Гоголя получились очень сходные ломаные линии в виде острых крыш с ясным преобладанием предлога *на* над *в* и *с* (см. рис. 29). У Пушкина же во всех трех (взятых мною также совершенно случайно) произведениях,

наоборот, оказалось, на такую же тысячу слов, сильное преобладание предлога *в* над предлогами *на* и *с*, почти равными по частоте своего повторения.

Отсюда ясно, что по одному простому взгляду на главный предложный спектр какого-либо произведения Пушкина, по недоразумению приписанного Гоголю, мы *заподозрели* бы неправильность такого утверждения и сделали бы *догадку* о принадлежности его Пушкину, хотя еще и *не решили* бы этим дела окончательно.

Действительно, сравнивая на нашей графике главный предложный спектр Пушкина с таким же спектром «Малиновой воды» Тургенева (в последней колонке рис. 29), мы видим, что они очень сходны, и потому для отличия Тургенева от Пушкина главный предложный спектр негоден и надо искать других.

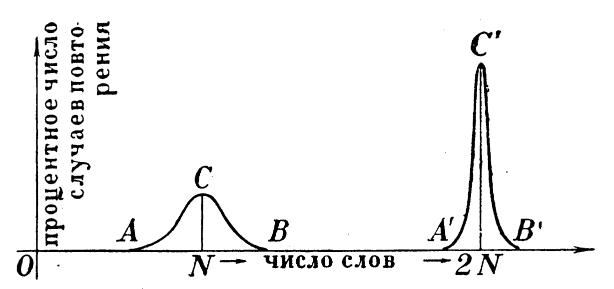

Рис. 30. Широкая или узкая вариационная дуга вероятных отступлений многократно повторяющихся фактов от средней нормы, при малом или большом количестве их подсчитанных повторений.

Да и вообще нельзя решать вопроса об авторстве по какому-либо одному небольшому спектру, в роде взятого нами и состоящего лишь из трех членов. Необходимо составить очень длинный многочленный спектр, или несколько коротких, но разнородных по своему содержанию спектров, и это тем более необходимо, что не всякий член спектра абсолютно постоянен у данного автора по частоте своего употребления. Здесь в полной мере господствует закон *случайных отклонений от средней нормы*, дающей вместо средней частоты употребления вариационную с размахом AB, который, однако, тем более суживается, чем больше тысяч слов отсчитано нами в исследуемом отрывке, т.-е. если при числе N слов (рис. 30) вариационный криволинейный треугольник будет иметь вид ABC, то при числе 2N слов он получит вид $A^1B^1C^1$, а при большем числе слов его основание еще больше

5 — 3570

сузится насчет вырастающей высоты, так как площадь его всегда одна и та же, если перечислена на промилли (или на проценты).

Но и при меньшем числе слов неправильное определение по причине значительной величины вероятной ошибки возможно лишь тогда, когда мы исследуем только три — четыре распорядительные частицы, а при десятке их всегда обнаружится общий характер лингвистического спектра для данного писателя.

Особенно обязательно это для старых авторов рукописного периода, которые не могли десятки раз «исправлять свой слог в корректурах», заменяя другими как раз те распорядительные частицы, которые для них слишком привычны.

Очень интересно отметить, например, что те самые члены главного предложного спектра *(в, на, с)*, которые обнаружили постоянство у Пушкина и у Гоголя, совсем не обнаруживают этого у Толстого, и главный предложный спектр у него является в двух вариациях. Первая (например, в «Смерти Ивана Ильича» и в «Корнее Васильеве») напоминает спектр Пушкина, хотя и с несравненно меньшим числом частицы *в* (рис. 29), а вторая вариация (например, в «Трех смертях» и «Трех старцах») напоминает Гоголя, но с несравненно меньшим числом предлога *с*.

Здесь является вопрос: отчего зависит это расчленение главного лингвистического спектра Толстого на два типа? Оттого ли, что он сильно корректировал свои произведения и этим сделал свой главный предложный спектр *неопределенным*, или те перевороты, которые он переживал в своем мировоззрении и направлении своего творчества, отзывались и на слоге его речи? Конечно, у каждого автора, писавшего более полувека, лингвистический спектр не может оставаться все время совершенно неизменным. Он должен подвергаться медленной эволюции, как и световые спектры физических тел, изменяющиеся по мере повышения температуры. Однако, у Толстого обе вариации так резко различились на приведенных мною графиках, что наводят на мысль о специальной корректурной обработке автором их частоты, и исследование в этом отношении всех других его произведений является в высшей степени желательным.

Перейдем теперь к другим спектрам тех же писателей и в тех же их произведениях. Рассмотрим, например, один из многих возможных *союзных спектров* (рис. 31). Я взял для его составления, как видно по таблице, сначала союз *а*, затем

союз *и*, когда он употребляется в выражениях в роде «был *и* он», «я *и* знал», т.-е. служит не обозначением конца перечня, а чисто *слоговой* приставкой, вследствие чего я и поставил его в кавычках («*и*»). Затем я взял тот же союз *и* в начале фраз, когда он пишется с большой буквы. В спектре Библии этот член дал бы преобладание над предыдущими, а у взятых мною писателей он всегда в минимуме, как видно по его графике. Этот спектр тоже оказался различен у них всех. У Гоголя и Пушкина здесь преобладает *слоговое* «*и*», у Толстого же «*а*»; кроме того, Пушкин отличается от Гоголя почти полным отсутствием библейского

Рис. 31. Один из союзных спектров.

предфразного *И* (как оно употребляется во фразах в роде: «И был вечер, и было утро», «И пошел Иисус» и т. д.).

Спектр из наиболее часто встречающихся местоимений: *этот, свой, тот* оказался уже несоставимым у современных писателей при подсчете только одной тысячи слов, так как этих местоимений у них оказалось лишь по нескольку на тысячу, а малое количество повторений какого-либо случайного фактора, как известно из статистики, не дает возможности для вывода в нем закономерностей, благодаря уже отмеченному мною закону случайных отклонений от средней нормы тем более широких, чем меньше взято слов для подсчета. Для того, чтобы местоименные и другие спектры дали достаточно типичные графики, нужно подсчитать их число по крайней мере среди пяти тысяч слов

(а потом разделить полученную цифру на пять, с целью приведения их к однородности с вышеприведенными спектрами).

Но, даже и при значительной частоте повторения некоторых служебных частиц речи, могут обнаруживаться, как мы уже видели у Толстого, значительные колебания их числа в различных произведениях того же самого автора, если мы будем брать

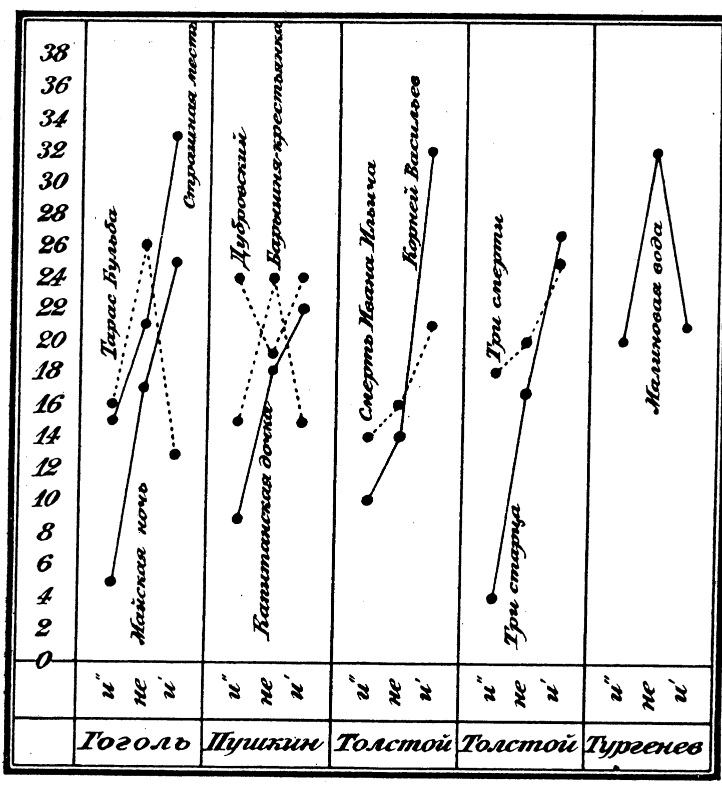

Рис. 32. Спектр и″ — не — и′.

всего лишь тысячу слов. Образчиком такого *неопределенного* спектра является, между прочим, и приводимый мною на рис. 32, где я сопоставил отрицательную частицу *не* с союзом *и*, в его двух вариациях: первая (*и″*) соединяет между собою существительные или прилагательные имена, вторая (*и′*) — глаголы или целые фразы. Мы видим, что колебания их числа в различных произведениях у того же самого автора настолько же резки, как и у двух различных писателей. Однако и тут могут найтись

авторы, у которых этот спектр обнаружит явное постоянство во всех произведениях.

Все лингвистические спектры, где, как у предыдущих, лишь высчитывается прямое *среднее* число той или другой служебной частицы на тысячу слов, можно назвать *естественными*. Они не всегда удобны для наглядного выражения слоговой физиономии автора и, кроме того, с ними надо уметь обращаться при их подборе для спектра. Составьте, например, спектр из каких-либо двух часто употребляемых служебных частиц и из одной мало употребительной. Поставив ее на графике в середине между двумя первыми, вы получите всегда фигуру в роде *V*, в которой сольются все индивидуальные особенности слога различных авторов. Но особенности каждого из них станут ясно определенными, когда мы расположим все такие частицы не в случайном порядке, а по мере уменьшения или по мере увеличения их *средней* употребимости у писателей данной эпохи. Так я и сделал в предыдущих таблицах, иначе мои графики обнаружили бы лишь ложное сходство.

III.

Чтобы избежать подобных фикций, при дальнейшем развитии предлагаемого мною метода следует все естественные спектры обращать в *приведенные*. Для этого надо только соблюдать следующее правило.

Среднее число повторений каждой служебной частицы на тысячу слов данного произведения нужно разделить на *среднюю* повторяемость той же частицы, вычисленную по многим авторам данной эпохи. Тогда вместо предыдущих *абсолютных* цифр получатся *коэффициенты индивидуальности* авторов, величиною своею то *более*, то *менее* единицы. Изобразив для их представления на графике *единицу высоты* горизонтальной линией (*АА* рис. 33) и обозначив выше ее избыток исследуемой частицы в десятых долях единицы, а ниже недочет (в таких же долях), мы и получим *приведенные спектры*. Образчик их я дал здесь на рис. 33 для спектра из предлогов *в*, *на* и *с*, который в естественном виде был показан уже ранее, на рис. 29.

Составил я его так. Определив среднюю повторяемость этих трех предлогов на тысячу слов по приведенным в примечании

десяти произведениям Пушкина,[1] Гоголя и Толстого, я получил *знаменатели однородности* для этих предлогов. Именно:

для *В*	26
для *НА*	20
для *С*	11

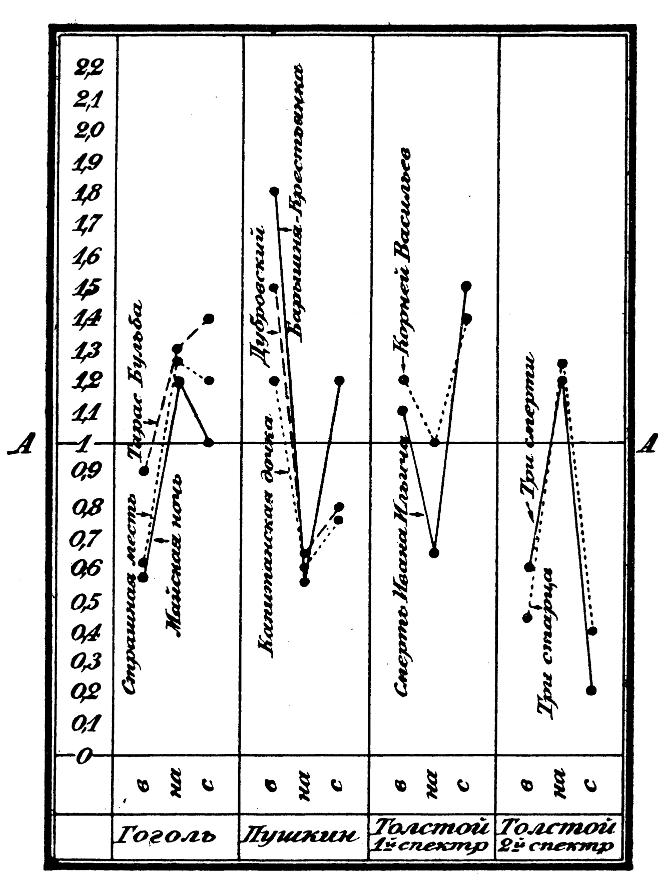

Рис. 33. Приведенный спектр предлогов в — на — с.

[1] Вот их вывод:

	в	*на*	*с*
в Майской ночи	15	24	11
» Страшной мести	16	26	13
» Тарасе Бульбе	23	26	15
» Капитанской дочке	32	11	8
» Барышне-крестьянке	40	12	13
» Дубровском	46	13	13

Здесь предлоги *в*, *на* и *с* написаны надстрочными буквами в знак того, что они не относятся к какому-либо отдельному автору, а представляют собой *обобщенные величины*. Разделив на них число повторений тех же самых предлогов (найденных среди тысячи же слов) в *отдельных* произведениях Гоголя, Пушкина и Толстого, мы получаем результаты, приведенные на таблице XIII.

ТАБЛИЦА XIII.

АВТОРЫ.	$^1/_{26}$ *в*	$^1/_{20}$ *на*	$^1/_{11}$ *с*
Гоголь.			
Майская ночь	0,58	1,2	1,0
Страшная месть	0,61	1,3	1,4
Тарас Бульба	0,9	1,3	1,2
Пушкин.			
Капитанская дочка	1,2	0,6	0,8
Барышня-крестьянка	1,8	0,55	1,2
Дубровский	1,52	0,65	0,8
Толстой.			
Смерть Ивана Ильича	1,1	0,65	1,5
Корней Васильев	1,2	1,0	1,4
Три смерти	0,6	1,2	0,2
Три старца	0,46	1,25	0,4

Перенеся это на графику, мы и находим для указанных произведений *главный предложный приведенный спектр* (рис. 33). В нем оказываются исключенными все *ложные* сходства, зависящие от случайных группировок между собой исследуемых

	в	*на*	*с*
» Смерти Ивана Ильича	28	13	15
» Корнее Васильеве	31	21	16
» Трех смертях	12	24	2
» Трех старцах	15	25	4
Сумма	258	195	110

Разделив эти суммы на число взятых нами произведений (т. е. на 10), мы и получаем приблизительные средние знаменатели: 26, 20 и 11, как и указано в тексте.

служебных частиц речи, а остаются только одни действительные сходства или различия.

Из двух последних колонок этой таблицы мы видим, между прочим, что в своих произведениях «Три смерти» и «Три старца» Толстой специально обрабатывал свой слог, вычеркивая предлоги «*с*» и «*на*» и заменяя их другими распорядительными частицами речи, чтобы приблизить свой слог более к народному, где эти предлоги сравнительно редки. У старых авторов мы такой тщательной обработки не находим.

Значит, всякий раз, когда вы для составления лингвистических спектров группируете между собою распорядительные (т.-е. служебные) частицы, сильно различающиеся по своей *общей* употребительности, вам необходимо сначала составить для них *приведенные числа*, а из них *приведенные спектры* по данному выше образчику. Только тогда вы будете вполне гарантированы от ложных сходств, да и сами спектры получат большую определенность.

IV.

Таковы общие основы *лингвистического анализа*, предлагаемого мною, главным образом, для доказательства плагиатов и апокрифов, которыми полна литература, приписываемая авторам древности и начала средних веков. Лингвистический анализ дает нам здесь объективные основы для суждений об одноавторности и разноавторности произведений. Что же касается применимости этого метода ко всякому языку и ко всякой эпохе, то в этом не может быть сомнения. Все различие в слоге у разных писателей, одинаких по языку и по роду своего творчества, именно и заключается в средней длине и сложности их фразы и в различном употреблении ими служебных частиц речи. Точный подсчет этих частиц, отнесенный к определенному количеству слов (к 1000), только численно выражает (в *промиллях*) то, что мы и без того чувствуем слухом.

Возьмем хотя бы сочинения «Платона», как наиболее исследованные в этом отношении. Я ставлю это имя в кавычках, потому что, как говорил уже выше, не считаю доказанным, что они написаны одним и тем же человеком, называвшимся Платоном (или, как утверждают некоторые, Аристоклом), «учеником Сократа и учителем Аристотеля, жившим между 430 и 344 г. до

начала нашей эры». В подлинности многих из этих произведений сомневались и все вообще их исследователи. «*Фрасилов канон сочинений Платона*», приводимый в книге Лаэртия и приписываемый им автору I века нашей эры «Фрасилу», дает нам 36 произведений «Платона», поименованных на таблице XIV. «Канон» этот оставался, так сказать, священным со времени появления книги Лаэртия в печати (когда он только и стал известным ученому миру) вплоть до XIX века, когда величайший из всех исследователей «Платона» Аст в своей книге «Platos Leben und Schriften» (1816 г.) решился отвергнуть более половины из вошедших в него книг (см. нулики на таблице XIV). Шааршмидт (1866 г.) признал заслуживающим доверия только 9 диалогов, в том числе *Законы*, оспариваемые другими. В более умеренном виде высказали скептицизм по отношению ко многим произведениям этого «канона» и все другие исследователи (напр., Штальбаум, Ибервег, табл. XIV), но они не пришли к единогласию, и те книги, которые одними признавались подложными, другими объявлялись подлинными, и наоборот.[1] Ясным было для всех только одно, что сочинения, приписываемые Платону, опровергают друг друга по своему идейному содержанию. В одних автор проповедует идеализм, в других реализм, в третьих является скептиком, в четвертых мистиком и так далее... В *Федоне*, например, психика человека определяется автором как дуализм духа и тела, а в *Федре* и *Тимее* та же психика сводится к тройственному делению души на *разум*, *дух* и *похоть*. В *Политике* автор утверждает, что важна не форма правления, а то, хорошо управляется государство или нет, и что при хороших законах демократия хуже аристократии, а аристократия хуже монархии, а при дурных законах наоборот. В книге *Государство* проповедуется аристократическое правительство философов, а в *Законах* автор считает лучшей формой правления *тирана* (т.-е. автократа), доступного хорошим внушениям.

Все противоречия разных книг, приписываемых Платону, конечно, лучше и проще всего были бы объяснены допущением, что эти книги принадлежат различным авторам. Но тогда что останется от философа Платона как исторической личности? — Благодаря естественному желанию сохранить эту привычную нам

---

[1] См. W. Lutoslawski: The origin and growth of Plato's logic. 1897.

ТАБЛИЦА XIV.

«Фрасилов Канон» из 36 сочинений «Платона».

	Аст.	Зохер.	Штальбаум.	Ибервег.
Алкивиад I	0			
⊕ Алкивиад II	0		0	
Апология	0			
Горгий	.			
Государство	.			
Евридем	0			
Евтифрон	0			
Законы	0	0		
⊕ Иппий I	0			
Иппий II	0			
⊕ Иппарх	0		0	
Ион	0			
Кратил	.			
Критий (неоконч.)	.			
Критон	0			
⊕ Клитофон	0		0	
Лахет	0			
Лисид	0			
⊕ Любители	0		0	
Менон	0			
Менексен	0			
⊕ Минос	0		0	
Парменид	—	0		0
Протагор	.			
Политик	—			0
Пиршество	.			
⊕ Письма	0			
Софист	—	0		0
Тимей	.			
⊕ Феаг	0		0	
Федон	.			
Федр	.			
Феэтет	.			
Филеб	.			
Хармид	0			
⊕ Эпиномис	—		0	

Крестики в кругах налево перед названиями обозначают диалоги, *всеми* признанные за подложные. Нулики справа обозначают произведения, признанные подложными указанными вверху исследователями.

личность, большинство исследователей выбирало другое решение загадки, именно, что все эти трактаты писаны Платоном в разные периоды его жизни, при чем он радикально менял все свои политические, моральные и религиозные убеждения на противоположные, т.-е., ставя точку над *i*, был типичным идейным хамелеоном. Но точно ли это значит сохранить историческую личность Платона? — Его моральная физиономия является при таком допущении совсем неприглядной и мало соответствует правильному представлению о творческих умах вообще.

Меняют свои основные убеждения только те, кто не сам их выработал, а заимствовал готовыми от других. Почти все великие творческие умы отказывались от того, что было заимствовано ими без критики в детстве от окружающих, ради новых более совершенных идей, но мы не знаем ни одного случая, где великий и оригинальный ум выработал бы *сам* в различные периоды своей жизни несколько противоречащих друг другу убеждений. А «Платон» по своему времени должен был бы являться именно самостоятельным мыслителем и творцом своих идей, вынашивавшим их своим собственным потом и кровью. Все, что мы видим в сочинениях, приписываемых Платону, более соответствует творчеству различных мыслителей одного и того же литературно-философского течения, тотчас разбившегося на несколько ручейков, хотя и имевших общий исток и общую эпоху развития. Вот почему очень важно разобрать и выяснить этот вопрос объективно, нашим методом наглядного диаграмметрического исследования склада речи данных произведений, приняв за основное положение, что склад речи меняется очень медленно и немного у отдельных личностей и что вообще нельзя допустить, чтоб один и тот же человек писал сначала карамзинским слогом, а потом перешел к тургеневскому и не в каком-нибудь одном отношении, а во многих.

К сожалению, статистические данные, представленные разными исследователями стиля «Платона», не однородны между собой, и большинство их обращает особенное внимание именно на слова *редкие*, специально придуманные самим автором данного произведения и часто заключающиеся только в нем одном. Вот, например, табличка таких слов, взятая у Кемпбелля (таблица XV).[1]

[1] Lewis Campbell (1867 г.), цитировано у W. Lutoslawski: The origin and growth of Plato's logic, p. 92. Беру из нее лишь часть.

ТАБЛИЦА XV.

(По Кемпбеллю.)

Диалоги, приписываемые Платону.	Число оригинальных слов на 1 стр.	Других слов, общих с *Тимеем + Критиасом* и *Законами.*
Федр	4,36	1,56
Феэтет	1,75	0,51
Софист	2,47	1,42
Политик	3,77	1,74
Филеб	1,28	1,21
Тимей + Критиас	6,67	
Законы	4,55	

Табличка эта в первой колонке дает для каждой страницы издания Didot'a среднее количество оригинальных слов, найденных в показанных сбоку диалогах, т.-е. имеющихся лишь в одном данном диалоге и не встречающихся во *всех* других.

У Кемпбелля расчет был сделан на 100 страниц текста, так что все *оригинальные* слова выражались сотнями, в целых числах. Я же здесь отделил запятою последнюю пару цифр, чтоб отнести величины к *одной* странице текста (в издании Didot), что более ясно говорит нашему уму. Мы видим, например, что *язык* (т.-е. уже словарь, а не слог) у автора *Федра* настолько отличается от языка каждого из остальных «платонианских» произведений, что на *каждой* странице содержит в среднем более четырех (4,36) своеобразных слов, не употребляемых более нигде в «платоновых» произведениях. Язык *Законов* еще более своеобразен, так как на каждой странице содержит более $4^1/_2$ слов, не имеющихся ни в *Федре*, ни в других платонианских книгах. То же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать о *Политике* и *Софисте.*

Тимей же и *Критиас*, как сложенные вместе, показывают нам только одно, что и они тоже очень оригинальны по языку, хотя неудачная идея сложить их и не дает нам права заключить, велика ли разница их собственных словарей друг от друга.

Даже приняв во внимание, что некоторая часть оригинальных слов объясняется в «платонианских» диалогах разностью их сюжетов, нельзя не поразиться этой своеобразностью языка каждого из них, так как на *специальные* слова нельзя отнести даже и четверти полученной здесь разницы. Из приложенной таблички XVI, даваемой Кемпбеллем, к сожалению, только для *Политика* и *Софиста*,[1] ясно видно, что специальных слов, каковы физические и математические термины в *Политике*, только 0,15 на странице (т.-е. одно на четыре страницы), в *Софисте* же и того менее — 0,08 на страницу (что соответствует одному слову на двенадцать страниц). Значит, почти вся разница языка, даваемая нами в предыдущей (XVI) таблице, сводится, главным образом, к таким словам, которые *могли* быть почти безразлично употреблены и в других диалогах. Однако же о них там нет и помина; это указывает на то, что каждое из этих произведений написано особым автором.

ТАБЛИЦА XVI.

(По Кемпбеллю.)

Язык Софиста и Политика.	Софист.	Политик.
	На каждую страницу в среднем.	
1) Физические и математические термины	0,08	0,25
2) Диалектические	0,19	0,25
3) Политические	0,30	0,44
4) Необычно сложенные слова	0,19	0,49
5) Совсем редкие слова	1,87	2,95

Даже и на группы разделить все произведения «Фрасилова Канона» по трем или четырем авторам, повидимому, невозможно. Взявши, например, вторую колонку цифр Кемпбелля, показывающую для вышеприведенных произведений число слов, встречаю-

[1] L. Campbell. The Sophistes and Politicus of Plato. Oxford. 1867. Цитировано у Лютославского: O pierwszych trzech tetralogiach dzieł Platona. Kraków. 1896, p. 162.

щихся только в них да еще в *Тимее*, *Критиасе* и *Законах* и нигде более, мы видим, что таких слов несравненно меньше, чем слов своеобразных. Однако, эта разница есть разница только «*словаря*» или, лучше сказать, «литературного наречия» у авторов указанных произведений, а не та, о которой я специально говорю здесь. Она не поддается *лингвистическому* анализу, для которого важен только склад речи автора, выражающийся в строении фразы и частоте употребления ее конструктивных, распорядительных частиц (неудачно называемых служебными). Но исследователи «Платона» дали некоторые скудные материалы и для этого. Такова, например, составленная мною по данным, приводимым у Лютославского,[1] табличка, показывающая для *Протагора* и *Законов* число существительных, прилагательных и глаголов на тысячу слов, отсчитанных в них под-ряд (таблица XVII).

ТАБЛИЦА XVII.

(По Лютославскому.)

В тысяче слов текста.	Протагор.	Законы.
Существительных	126	204
Прилагательных	26	62
Глаголов	182	158
Сумма	334	424
Прилагательных, предшествующих своему существительному	14	18
Прилагательных, следующих за своим существительным	*нуль!*	26
Прилагательных одиноких	12	18

Мы видим прежде всего, что существительных в *Законах* почти вдвое более, чем в *Протагоре*, а прилагательных почти втрое, тогда как глаголов значительно менее. Из суммы их мы видим, что на местоимения и другие служебные словечки и частицы оставлено менее места в *Законах*, чем в *Протагоре*. Но всего

[1] W. Lutoslawski. The origin and growth of Plato's logic. London. 1897, p. 71.

важнее сравнение числа прилагательных, которые авторы ставят после своего существительного (соответственно, например, выражениям: «на небе носились тучи серые», вместо «на небе носились серые тучи»). Рассматривая нашу русскую литературу, допускающую, как и греческая, подобные вариации, мы видим, что предрасположение к той или иной конструкции характеризует эпоху, а не отдельных авторов той же эпохи. Карамзин скорее сказал бы «тучи серые», а писатели следующего поколения в *прозаическом произведении* выразились бы наоборот, и можно сказать с уверенностью, что ни один из современных историков не озаглавил бы своей книги «История Государства Российского», в каком бы возрасте своей жизни ни писал ее. Совершенно так же и автору *Протагора*, как видно из таблички, совершенно чужда манера помещать прилагательное вслед за своим существительным, тогда как автор *Законов*, у которого прилагательных почти втрое больше, преимущественно употребляет этот способ.

Допустить, что один и тот же автор, «переменив к концу жизни свои убеждения», вместе с тем переменил и способ размещения прилагательных в своей речи, значило бы сделать сопоставление, не оправдывающееся никакими прецедентами. Поэтому приходится допустить, что оба произведения писаны не только разными авторами, но и принадлежат к разным поколениям или к разным странам.

К такому же выводу приводит сопоставление Диттенбергером[1] частоты употребления пары служебных частиц ὥσπερ (так как) и καθάπερ (потому что), являющихся синонимами, которые безразлично можно ставить один вместо другого, и такое же сопоставление пары синонимов: ἀλλὰ μήν (но все-таки) и καὶ μήν (а все-таки). Это же подтверждается и указанной Гефером[2] частотой союза τε, соответствующего латинскому конечному-*que* и заменяющего союз καὶ (русское *и*).

Переложив эти данные на диаграммы (рис. 34), мы видим ясно: 1) *Государство, Федр* и *Феэтет*, у которых греческое *потому что* (ὥσπερ) очень редко сравнительно с *так как* (καθάπερ), не могут быть писаны тем же автором, как остальные, у которых

[1] Dittenberger. Sprachliche Kriterien für die Chronologie der Platonischen Dialoge (Hermes: V. 16, p. 321, 1881).

[2] Hermann Hoefer. De particulis platonicis capita selecta. Bonn. 1882.

потому что сильно преобладает над *так как.* 2) ***Пиршество, Политик*** и ***Законы***, у которых греческое *но все-таки* (ἀλλὰ μήν) очень редко (см. на рис. 35, расстояние от ломаной линии до верха), сравнительно с *а все-таки* (καὶ μήν), едва ли писаны тем же автором, как ***Лахет, Фэтет, Критиас*** и ***Филеб*** и особенно все другие, не помеченные здесь, сочинения, приписываемые «Платону», где *но все-таки*, по Диттенбергеру, сильно преобладает. 4) ***Республика, Федр, Филеб*** и ***Законы***, у которых греческое конечное *и* (τε) встречается очень редко, не могут быть писаны тем же автором, как ***Тимей*** и ***Критиас***, где эта частица очень часта.

ТАБЛИЦА XVIII.

Числа в первых четырех столбцах показывают процентное отношение каждого синонима к его сумме с другим (т.-е. на 100 случаев употребления обоих).

	1-я пара синонимов.		2-я пара синонимов.		Число τε или конечных *и* (-que) на одну стран. изд. Didot.	περὶ (около) перед своим существительным.	περὶ после своего существительного.
	ὥσπερ (так как).	καθάπερ (потому что).	καὶ μήν (а все-таки).	ἀλλὰ μήν (но все-таки).			
Государство	97%	3%	? %	? %	0,13%	78%	22%
Пиршество	?	?	82	18	?	93	7
Федр	87	13	?	?	0,54	79	21
Лахет	?	?	60	40	?	88	12
Феэтет	96	4	65	35	?	89	11
Софист	39	61	71	29	?	78	22
Политик	32	68	78	22	?	79	21
Филеб	21	79	65	35	0,02	68	32
Тимей	36	64	?	?	3,73	86	14
Критиас	29	71	50	50	2,45	91	9
Законы	14	86	82	18	0,65	71	29

Интересно также (рис. 34) разнообразие процентного содержания περὶ (около), находящегося сзади своего существительного. В ***Филебе*** и *Законах* оно близко к трети всех употребленных

περὶ, в других много меньше, а если мы обратимся к остальным, не показанным в таблице, диалогам, то увидим, что в ***Критоне*** и ***Хармиде*** нет ни одного περὶ сзади, а в ***Протагоре, Евридеме, Кратиле, Федоне, Апологии, Евтифроне, Горгии, Пармениде***

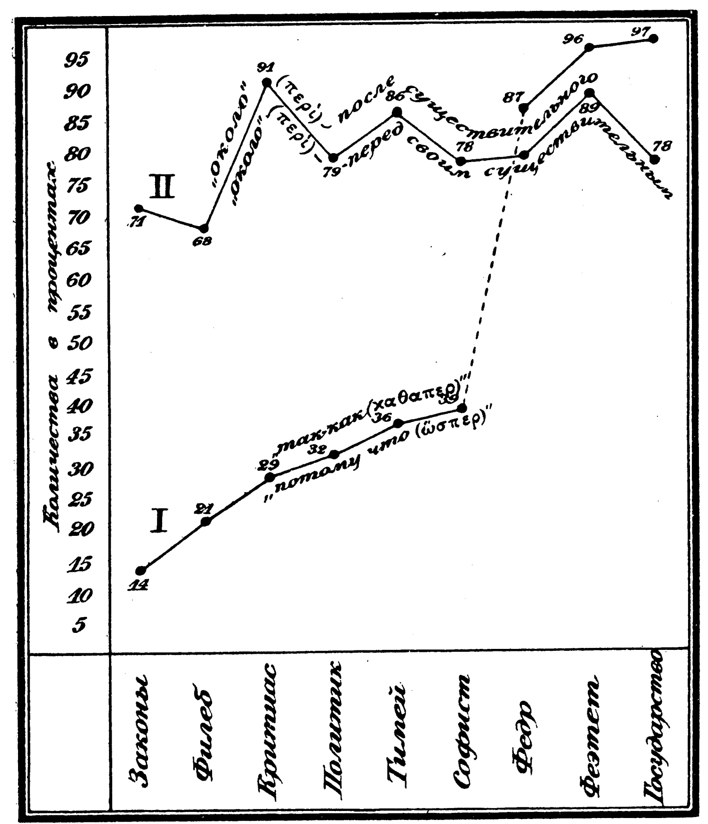

Рис. 34. Переложение на графику части цифр таблицы XVIII. *Линия I* изображает процентное распределение частицы «потому что» (ὥσπερ, вниз от линии I) и частицы «так как» (χαθάπερ, вверх от нее). *Линия II* дает тоже для предлога «около» (περὶ) перед своим существительным (вниз) и после него (вверх от линии II). Обращает внимание огромное количество ὥσπερ в *Федре, Феэтете* и *Государстве* сравнительно с остальными, где сильно преобладает χατάπερ.

частота этой частицы *сзади* не достигает ни разу 10% всех περὶ, а обыкновенно менее.

В результате, как видит сам читатель, лингвистический анализ дает многочисленные указания, что греческий текст диалогов, приписываемых «Платону», принадлежит не одному и тому же

писателю, будто бы менявшему свой слог, словарь, литературное наречие и убеждения по мере течения своей долгой жизни, но совершенно различным писателям той же эпохи и среды. Если бы слог его менялся, то при расположении его произведений в один ряд по мере возрастания, например, частицы ὥσπερ (как мы сделали на рис. 34), и все остальные служебные частицы показывали бы или падение своего числа, или возрастание, т.-е. некоторое плавное изменение (или постоянство), а между тем на диаграммах рис. 34, 35 и 36 мы видим совсем другое: вместо плавных изменений одни беспорядочные скачки, чем и доказывается, что это не изменение слога одного автора с течением его жизни, а слог разных авторов. Все ли из произведений, приписанных Платону, апокрифичны, а, следовательно, и сама личность Платона мифична, или некоторые из этих диалогов действительно принадлежат человеку с таким прозвищем (Платон по-гречески значит: *широкий*), жившему очень давно, я не берусь решать таким способом. Для этого нужно заново проследить лингвистическим анализом (и стилеметрией вообще) историческое развитие греческого языка, особенно же того языка, каким писали в эпоху Возрождения, чтоб иметь объективное средство отличать ее апокрифы от действительных произведений древности. Я приведу здесь по этому вопросу только одно сопоставление Дросте относительно числа *различных друг от друга* прилагательных (таблица XVIII), оканчивающихся на -ειδής и -ώδης.[1] Дело в следующем:

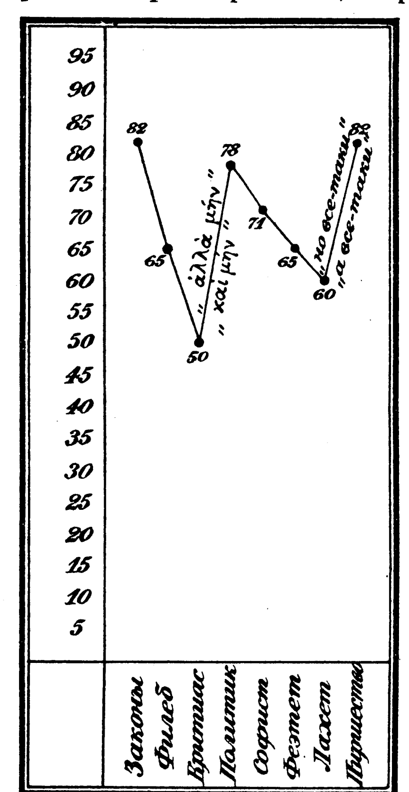

Рис. 35. Переложение на графику чисел для приставки «а все-таки» (καὶ μὴν) и приставки «но все-таки» (ἀλλὰ μὴν) с таблицы XVIII. Названия диалогов взяты в том же порядке как на рис. 34.

[1] В роде πολιειδής (разновидный) или αἰνιγματώδης (загадочного рода).

В научной и философской литературе довольно часто употребляются прилагательные, оканчивающиеся на *-ро́дный* и на *-ви́дный*, как, например, *разнородный, разновидный*. По-гречески эти окончания будут: *ейде́с* (ειδής) и *о́дес* (ώδης)[1] и они даже заменяют друг друга.

Мы видим, что дело здесь идет не о каких-нибудь специальных прилагательных, способных войти преимущественно в одни или другие философские трактаты, а об общих литературных, даже поэтических словах. И однако же, как ясно из приложенной таблицы (XIX), в «словаре» греческих поэтов и истори-

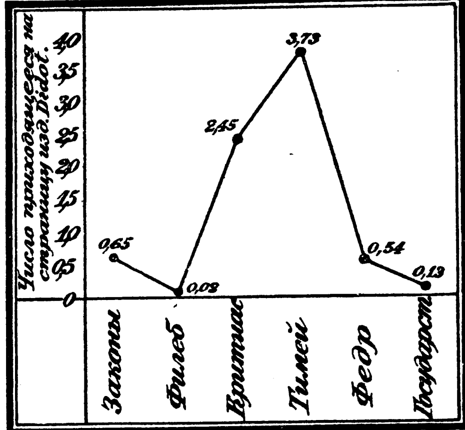

Рис. 36. Переложение на графику чисел послесловного союза τε (тэ, латинское que, вместо греческого καὶ) с таблицы XVIII. Названия диалогов взяты в той же последовательности как на рис. 34, чтобы показать, что число τε не возрастает пропорционально ὥσπερ.

ТАБЛИЦА XIX.

Число прилагательных на -обра́зный (-ώδης) *и на -видный* (-ειδής) *в «словаре» разных греческих авторов.*

Число самостоятельных прилагательных, оканчивающихся:	Феогнис.	Гезиод.	Пиндар.	Эсхил.	Гомер.	Геродот (историк).	Эсхил.	Аристофан.	Фукидид (историк).	Ксенофонт (историк).	Еврипид.	Платон.	Аристотель.	Писатели конца эпохи Возрождения.
На о́дес (-ώδης) . .	0	1	2	2	4	7	10	10	11	17	22	48	152	900
На ейде́с (-ειδής) .	2	4	1	3	7	7	1	1	3	6	5	22	48	430
Сумма . .	2	5	3	5	11	14	11	11	14	23	27	70	200	1330

[1] P. Droste. De adjectivorum in ειδής et in ώδης desinentium apud Platonem usu. 1886 (цитировано у Лютославского на стр. 112 книги: Origin and growth of Plato's logic. London. 1897).

ков число таких прилагательных ничтожно. Оно делает огромный скачок в книгах, приписываемых Платону и Аристотелю, а в словарях греческого языка, употреблявшегося в конце эпохи Возрождения, делает еще больший скачок. Все это невольно приводит к *предположению*, что эпоха сочинений, приписанных Платону и Аристотелю, значительно позднее той, в которую составлялись книги Геродота и Фукидида, или Гезиода и Пиндара.

* * *

В первой книге «Христа» [1] я уже говорил, как около 1481 года один флорентиец, Марчеллино Фичино, принес богатому меценату-издателю Лаврентию Ве́нету 36 имевшихся у него латинских рукописей, выданных им за свои переводы сочинений некоего древнего греческого философа по прозвищу Широкий (Платон), которых в греческом подлиннике никому не показал. Только после их напечатания имя «Широкого философа» загремело по всему тогдашнему читающему миру вместе с именем переводчика, исправившего в следующем издании и ряд анахронизмов, указанных ему читателями, но все же не показавшим греческих подлинников, которых не предъявляли *до сих пор* и его наследники. Тогда другой меценат-издатель, Альдо Манучио, обещал по золотой монете за каждое исправление фичиновых переводов по представленному кем бы то ни было оригиналу. Но все же только через 31 год после первого *латинского* издания венецианский купец Марк Мазур представил в 1512 году будто бы найденные им *греческие* тексты тех же самых произведений.

Все выходит так, как если бы хитрый мореплаватель, узнав о запросах издателей, заказал во время своих путешествий в греческие страны 36 грекам перевести на греческий язык (и притом в разных областях) по одному произведению фичинова сборника и, собрав их, продал их не без выгоды итальянским издателям, как подлинные «Платоновы произведения». Оттого их лингвистические спектры так и разнородны, а философизм и манера изложения так напоминают XV век нашей эры и его апперцепционные представления о древнегреческой культуре.

И такова же история открытия греческих подлинников после напечатания их «латинских версий» и у многих других «классических авторов. Как же можно упрекать меня за скептицизм?

[1] «Христос», кн. I, ч. I, гл. I.

На этом я пока и закончу свое применение лингвистических спектров к исследованию древних произведений, ибо у меня нет здесь ни времени, ни места для такого же разбора остальных древних писателей. Но было бы очень желательно, чтоб наши молодые филологи, а особенно историки древней литературы и жизни, обратили внимание на предлагаемый мною метод исследования. Как видит читатель, он существовал в зародыше еще в начале XIX века, но до сих пор не был достаточно разработан, чтоб давать читателю однородные и наглядные результаты при сопоставлении произведений разных авторов или различных возрастов того же самого автора. В своем окончательном виде этот метод еще нов, а потому целесообразное и объективное применение его, как и всего нового, может привести к неожиданно важным результатам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОЛОСА ВЕКОВ

Рис. 37. Физическая эмблема исторического миража древней жизни человечества, показывающего нам висячие сады Семирамиды там, где в действительности не было ничего кроме песка да чахлой растительности.

ГЛАВА I.

НАЧАЛА ЯЗЫКОВ И НАЧАЛО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ.

Нет ни малейшего сомнения, что раньше, чем началась в долине Нила письменность, положившая начало историческому периоду человеческой жизни, был в доисторической Европе долгий период интенсивного развития языка.

Как он развивался? Для этого нужны были два условия.

Первое из них психологическое: возникновение болтливости, т.-е. желания немедленно сообщать другим, как можно скорее и занимательнее, обо всем, что видели и слышали, выдумали и узнали. Потребность скорости заставляла сокращать все распорядительные слова, имеющие лишь косвенное значение, обращая их остатки в префиксы и суффиксы, а потребность занимательности — осложнять фразу придаточными словами и предложениями.

Этой потребностью и теперь особенно отличаются женщины. В то время, как мужчина большую часть виденного или слышанного только принимает к собственному сведению, женщина, прежде всего, бежит сообщить всем другим.

Подсчитывая, хотя бы по каталогу, произведения печатной литературы, требующей от автора долгого одиночества, мы видим, что на двадцать мужских произведений едва ли найдется одно женское, а если бы мы могли подсчитать в любой стране число всех слов, произнесенных за день, то увидели бы, что, наоборот, среди двадцати женских слов едва ли прозвучало одно мужское. Да разве и сами мужчины не выучены разговору главным образом своими матерями?

Вот почему можно сказать с уверенностью, что главная роль в разработке нашей звуковой речи принадлежала, вплоть

до возникновения письменности, именно женщинам. И недаром в языках латинского корня слово *женщина* (латинское *femina*, французское *femme*) одного и того же доисторического происхождения, как и латинское слово *fama* (молва), а по-гречески даже и слово: *говорю* произносится *феми* (φημί). [1] Все формы, все интонации и все распорядительные частицы различных языков есть женское дело, и так называемая «женская болтливость» является лишь пережитком той, еще большей, доисторической экспансивности и сообщительности женщин, которая создала фонетику, морфологию и синтаксис нашей речи. Мужчинам принадлежала тут лишь вспомогательная роль.

Но для того, чтобы так пышно и сложно развилась речь европейского типа, недостаточно было одной психической потребности сообщать, необходимо было ежедневно иметь и тех, кому можно было все сообщить и которые, в свою очередь, стремились бы сделать как можно скорее и свои ответные сообщения. В одной своей семье не выработаешь сложного языка, как в небольшом сосуде не вырастишь огромного дерева. Необходимо было постоянное соприкосновение многих семейств на дружеских началах, а это, как я уже показывал во второй книге, легче всего могло возникнуть на архипелагах не слишком больших и не слишком малых островов, где основным средством существования служит ловля морских животных.

Жизнь кочевников, хотя бы для безопасности она и происходила значительными стадами, менее способствовала постоянным взаимоотношениям, так как потребность самостоятельного приискания растительной пищи должна была изолировать каждое стадо от других.

Все это заставляет думать, что наиболее пышным периодом развития человеческой речи на нашем северном полушарии был последний «ледниковый» период, когда около Западной Европы и к северу от Средней Азии были многочисленные архипелаги, [2]

[1] Один из переписывающихся со мною гебраистов Б. И. Топоровский (в Екатеринославе) отметил мне, что и имя первой женщины в Библии *Ева* (חוה) значит не только *Жизнь*, но также и *возвещать, говорить*.

[2] Я думаю, что ледниковый период характеризовался, главным образом, плавучими ледяными полями на мелководных морях, так как нельзя допустить движения наземного льда и образования морен при незначительной покатости почвы северных равнин Европы, Азии и Америки. Наземный лед прилип бы к земле и не двигался бы на равнине.

и послеледниковый период, когда архипелаги стали соединяться с сушей, и хлынувшее с них в равнины разноязычное население стало смешиваться в одно целое, заимствуя друг у друга и корни новых слов, и разнообразные грамматические формы, главным образом тоже через разговорчивость женщин.

Считая, что последний ледниковый период был в полном разгаре на Северном полушарии земли от 8 до 13 тысяч лет назад, мы приходим к заключению, что наиболее сильный период развития речи у европейских народов был не так уже давно, не многим раньше или позднее библейского «сотворения мира в 5508 году до рождества христова». При этом эволюция языка и его форм происходила не плавно, а ступенчато, как и письменность, которую я уже разделил в первом томе на ступени — стенную, пергаментно-папирусную, бумажную и печатную.

Первое и притом псевдо-научное изучение языка, если мы будем оставаться на более или менее твердой почве, приписывается софисту V века Далекому (по-гречески Проклу, 410 — 485), который, говорят нам, стоял на точке зрения, что между словами и предметами мысли существует естественная связь, т.-е., что слова являются как бы тенями обозначаемых ими предметов.[1] Такое мнение действительно и соответствует представлениям конца IV и начала V веков, когда автор Апокалипсиса высчитывал число имени мистического зверя, долженствующего притти на землю.

И уже одно это обстоятельство достаточно указывает на апокрифичность сочинений знаменитого древнего ученого, по имени «Наилучшее Завершение» (по-гречески Аристотель),[2] потому что в них имеется уже опровержение Прокловых (т.-е. в переводе: далеких) идей о неразрывной связи имен и их предметов.

Относительно того, что «Наилучшее Завершение» не есть собственное имя человека, достаточно свидетельствует само это название, которое могло быть дано только чьим-то трудам, а не лицу, и это вполне соответствует всему, что мы о них знаем.[3]

[1] Полное собрание приписываемых ему сочинений издано только в XIX веке.

[2] От ἄριστος (аристос) — наилучший и τέλος (телос) — окончание, завершение.

[3] Древних рукописей Аристотелевых сочинений нигде нет. Приписываемые ему сочинения были изданы сначала в *латинском* изложении

Нас уверяют авторы эпохи Возрождения, что это «Наилучшее Завершение» родилось в Македонии еще в 381 г. до начала нашей эры и умерло, прожив на свете 53 года, на острове Эвбее, куда бежало из-за обвинений в атеизме; нам говорят затем *(они же)*, что, пролежав потом около тысячи лет в пренебрежении, это же самое «Наилучшее Завершение» воскресло в VIII веке в переводах на арабский язык, а оттуда в XIII и XIV веках распространилось между учеными Западной Европы и стало здесь (ровно через 2000 лет после своей преждевременной кончины в Эвбее!) таким популярным, что его называли «верховным учителем в человеческих делах».

Но если вы внимательно и беспристрастно присмотритесь к этому «Завершению» хотя бы по имеющимся в русском переводе его частям: «Политике», «Риторике», «Поэтике», «Этике», «Метафизике» и т. д., то без большого труда убедитесь, что все оно—не представления древних, а представления о древних, сложившиеся в эпоху Возрождения, когда ученые Западной Европы писали от их имени и по-латыни, и по-гречески свои собственные мысли, и что это даже сочинения не одного лица, а целой школы, аналогично тому, как это я показал уже на стилеметрическом разборе сочинений, приписываемых его воображаемому современнику «Обширному» (Платону по-гречески), умершему будто бы в 347 году до начала нашей эры. Действительный же факт остается тот, что сочинения «Наилучшего Завершения» были собраны на латинском языке и изданы только в 1489 г. в Венеции с лже-комментариями Аверроэса, а по-гречески они были собраны лишь в 1495—1498 гг., через 6 лет после появления латинского издания (чего было вполне достаточно для того, чтоб перевести их и на греческий язык).

Но если «Наилучшее Завершение» апокрифично, если «Обширный» (т.-е. *Платон* по-гречески, как я уже упоминал ранее) составлен Марчелином Фичином около 1482 г. нашей эры, а «Далекий» сомнителен,[1] то с какого же момента начинается в Европе лингвистика, как действительная наука о том гениальном, еще доисторическом женском изобретении, которое называется человеческой речью?

Всю ученость средних веков сосредоточил в себе по этому предмету, как и по многим другим, только испанец Фома Санчес,[1] книга которого «Минерва», вышедшая в 1587 году, была признана современниками высшим выражением деятельности схоластиков на лингвистическом поприще, и ранее этого мы не имеем ничего фактического, а это большой недочет по следующим причинам.

При всяких действительно научных исторических исследованиях мы никогда не должны забывать, что их непосредственным объектом служит для нас только сам документ, а не описанные в нем события. То, что в нем написано, служит только выражением представлений автора о данных событиях и никогда не свидетельствует об их точности, особенно в тех случаях, когда сам автор их не наблюдал и сообщает нам от имени некиих «Обширных» или «Далеких», или «Наилучших Завершений», которых он тоже не мог знать лично.

Вот почему, оставив в стороне всякие древние авторитеты, обратимся и в этой области к реальным фактам и посмотрим, насколько достоверна древность и неприкосновенная сохранность даже самих языков, на которых написаны наши первоисточники.

ГЛАВА II.

ЯЗЫКИ И ГОЛОСА.

Молчат гробницы, мумии и кости...
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена.

Валерий Брюсов.

«Особенности произношения долее сохраняются, чем сам язык», — говорит отец сравнительной лингвистики славянских говоров Бодуэн-де-Куртенэ, и это совершенно верно и неизбежно.

и даже для достоверности с латинскими комментариями от имени испано-арабского философа Аверроэса (1126—1198) из Кордовы в 1489 г. в Венеции. А через 6 лет появилось и их греческое изложение, изданное там же Альдом Мануцием в 1495—1498 гг. Очевидно, греческий текст был, как и у «Платона», переводом с латинского.

[1] Я нарочно не упоминаю о легендарном индусском грамматике Панини, написавшем 8 томов грамматических правил для индусов и жившем, будто бы, одновременно с европейским «Обширным», и об огромных лексикографических трудах китайцев будто бы еще за 1000 лет до этого. Повторю только, что астрономические явления, описываемые в китайских летописях, подтверждаются вычислениями никак не дальше начала нашей эры.

[1] Sanchez (по-латыни *Sanctius*.) Minerva. 1587.

Ведь полость человеческого рта, прежде чем в ней составится желаемый звук, долго должна наудачу артикулироваться так и сяк, чтобы найти, наконец, нужное для него положение всех своих частей. А раз все это совершилось у ребенка, инстинктивно старающегося подражать голосу своей матери и окружающих, то привычка прочно удерживает приобретенное и в дальнейшей жизни человека, когда чуткость уха в этом отношении всегда значительно слабеет. Взрослый человек должен особенно долго практиковаться, чтоб получить из органов своего говора характеристичные метатоны незнакомого ему звука иностранной речи и без усилия его произносить где нужно. Да и самое его ухо долго должно приспособляться, чтобы правильно доводить до сознания неотмечаемые им в обычной родной речи метатоны. Так, например, когда мы, русские, произносим наши гулкие звуки *ж* и *з*, то шведам, у которых этой вариации нет, кажется,[1] что мы произносим имеющиеся у них и соответствующие им шопотные *ш* и *с* с призвуком *р*. Китайцы, у которых нет звука *р*, а только *л*, даже и выучившись произносить этот звук (кажущийся им видоизменением *л*), долго путают оба: они говорят *рошадь*, вместо *лошадь*, *колова* вместо *корова* и т. д., а восточные монголы вместо русского *р* слышат *ж* и говорят *жубули* вместо *рубли*.

Когда Руднев произнес перед одним восточно-монгольским мальчиком из Дурбуш-Бойсе слово *солнце*, тот расслышал его как *тонтэ*, а слово *куртка* — произнес как *кужсха*.

И мы не должны смеяться над этим мальчиком, потому что и сами не лучше его слышим и повторяем с первого раза новые для нас звуки иностранных языков.

«Когда произношение наблюдаемого объекта, — говорит очень удачно А. И. Томсон,[2] — не отличается существенно от произношения наблюдателя, последний всегда склонен слышать в речи наблюдаемого те звуки, которые сохраняются в его собственном воспоминании, т.-е. подставлять свои готовые звуковые представления вместо воспринимаемых».

«С одной стороны, мы воспринимаем как тожественное,— замечает также удачно и Л. В. Щерба,— все мало-мальски сходное с акустической точки зрения и ассоциированное с одним и тем же смысловым представлением, а с другой стороны, различаем все, способное само по себе ассоциироваться с новым значением».

---

[1] По А. Д. Рудневу.

[2] «Сравнительное языковедение». 1906. Стр. 103.

Так мы не слышим разницы звука Е в словах *одет* и *одеть*, тогда как французы различают обе вариации, из которых первая имеется у них в dé — *игральная косточка*, а вторая в dais — *балдахин*. Они называют второе Е *(ai)* широким, потому что при нем рот раскрывается шире.

Благодаря обычности такого рода психо-акустических галлюцинаций, особенно ярких у прежних необразованных людей, перепутались почти все собственные имена при переводе на иноязычную почву. Я уже указывал, как из еврейского *Эшуа* — спасателя, врача — греки сделали *Йесýса*, итальянцы *(Дж)езу* (Gesù), французы *Жезю* (Jesus), англичане *(Дж)изес* (Jesus), немцы и латинисты *Йезус* (Ièsus), русские *Исус*, а потом и *Иисус*. Тут даже не произошло никакого приспособления чуждых сочетаний звуков к осмысленным словам своего родного языка, в роде того, как в простом народе говорят: *чихаус* вместо *цейхгауз*, *карасин* вместо *керосин*, *волосипед* вместо *велосипед*, *галдарея* вместо *галлерея*, и как еще ранее наши предки из монеты *рупии* сделали сначала *рупь*, а потом и *рубль*, приспособив к своему слову *рублю*, а из английского слова *морская корова* (see wash) сделали *сивуча*. Особенно же часто происходит замена *р* через *л*, как, например, *лыцарь* вместо *рыцарь*, *перфил* вместо *порфир* и т. д.

Все это замены грубые для нашего научно-развитого слуха, но в меньшей степени, как я уже говорил, и мы не застрахованы от подобных же воспроизведений совсем незнакомых звуков.

Все это вполне понятно с физиологической точки зрения. Прикройте, например, как я уже говорил, маленькими бумажными полосками струны открытого рояля и произнесите перед ним громко и отчетливо звук *о*. Вы увидите, что только некоторые из его струн, соответствующие по частоте колебаний его основному тону и наиболее ясным обертонам, дадут резонантный отзвук и сбросят колебаниями свои бумажные колпачки, и вы услышите, как рояль произнесет вам постоянно замирающее, но совершенно ясное *О-о-о*... Произнесите громко и отчетливо звук *е* и вы увидите, как тот же рояль сбросит другие колпачки, и ответит вам тем же замирающим *Е-е-е*...

То же самое делает и маленький рояль в улитке вашего уха, но вы воспринимаете звук не ухом, а определенными нейронами височных областей мозга, к которым идут от каждой струнки уха нервы и приводят их в колебания, подобные электромагнитным, при чем для сознательного ощущения звука, повидимому, необходим еще (может-быть, по способу беспроволочного телеграфа) резонантный отзвук соответственно настроенных нейронов в коре мозжечка, без чего не будет сознательно координированного ответного действия на звук, а только рефлекторное, как в гипнотическом состоянии.[1]

Вот именно на этом-то пути от Сильвиевой области мозга к мозжечку и происходит превращение звуков. Благодаря тому, что проводящие пути от этой области к той части мозжечка, которая сознательно координирует все доходящие до нее впечатления, недостаточно проторены для незнакомых метатонов, те метаморфозируются в более привычные, благодаря чему сознательная область мозжечка и слышит не тот, а привычный ей звук. С этой точки зрения чрезвычайно интересно проверить, насколько верно загипнотизированные лица, дающие бессознательный речевой рефлекс, повторяют незнакомые им иностранные звуки, так как это и определит, где именно происходит их метаморфоза.

Особенно поучительны для нас те ежедневные и даже ежеминутные галлюцинации нашего слуха, которые мы называем *мысленным шопотом,* или «*разговором про себя*». Произнесите, например, мысленно:

— Я слышу! Я слышу!

Ведь вы ясно *слышите* каждый звук этой фразы, а между тем, не открывая рта, вы *не могли ничего произнести*, потому что не было струи шумящего воздуха в полости вашего рта, и вы ее не артикулировали для соответствующих обертонов. А между тем вы можете мысленно произнести и стихи с их полным ритмом и пропеть песню с интонациями, когда в действительности весь ваш голосовой аппарат абсолютно молчит. Вы только в воображении посылали в него нервные импульсы для всех соответствующих манипуляций. И этого было достаточно для того, чтобы сознающая область вашего мозга (которую я локализирую в мозжечке) *услышала* вместо этих, ни к чему не приводивших, манипуляций *настоящие звуки и тоны.* Уже одно это показывает, что наша сознающая звуки область лежит обособленно от височных лопастей нашего мозга у Сильвиевой борозды, и не тут совершается их превращение в иные. А при «чтении про себя», при каждой новой видимой букве происходит еще и ее метаморфоза из зрительного ощущения в соответствующую слуховую галлюцинацию, которая составляет канву нашего мышления.

[1] Аналогичное можно сказать и о зрении. Мы видим не сетчатой оболочкой, на которой, как на дне фотографического аппарата вырисовываются внешние изображения, а зрительными нейронами, в которые передаются нервами от сетчатой оболочки получаемые ею световые впечатления. А для сознательного отношения к ним необходима еще и передача их в соответствующие нейроны мозжечка.

Все эти обстоятельства и должен брать в соображение работающий в области антропофоники, и он должен тренировать свой слух и язык, чтобы не впадать в такие грубые ошибки, как люди, принимающие английское *J* за *дж* или не замечающие, что русский звук *щ* просто состоит из мягкого *шь* перед мягким *чь* (не замечающие, например, что начертание *щи* все равно что *шьчи).*

Благодаря отсутствию преподавания антропофоники в общеобразовательных учреждениях и недостатку проторенных проводящих путей от новых звуков к новым фонемам, огромное большинство людей все равно что глухие по отношению к незнакомым иностранным звукам, и говорить с ними об общечеловеческой речи раньше, чем они усвоили хотя бы мои звуковые квадраты, не легче, чем с глухими.

Не многим меньшее затруднение представляет и задача выяснить эволюцию человеческой речи в ее корневых и грамматических формах даже и при достаточном знакомстве с филологической акустикой. Когда биолог задается эволюционными вопросами, он пользуется и онтогенетическим методом, состоящим в том, что каждый, даже и наиболее развитой, организм проходит в зародышевом состоянии через предшествовавшие ему формы. Он пользуется и методом сравнения друг с другом современных видов животных и растений, из которых одни эволюционировали быстрее, другие медленнее и в разных направлениях, а потому и в настоящее время мы видим представителей животного мира как бы сидящими на всех ступеньках нескольких био-эволюцион-

ных лестниц, отклонившихся от своего общего микробиологического основания в различные стороны и достигшие различных высот. Он пользуется и палеонтологическими остатками вымерших видов, и явлениями атавизма, или возвращения к типу предков среди случайных уродцев.

Всеми этими методами должен владеть и филолог-теоретик, классифицируя языки по их общим грамматическим и звуковым признакам на семейства, роды и виды, и определять их эволюцию (за невозможностью воскресить давно отзвучавшие речи наших отдаленных предков), главным образом онтогенетически, по развитию языка ребенка у разных человеческих рас, и классификационно (рис. 38).

Посмотрим, насколько это сделано в настоящее время и чего тут недостает.

Все существующие языки разделяются теперь на два типа: односложно-корневые — интонативные и многосложно-корневые, распадающиеся в свою очередь на суффиксовые и префиксо-суффиксовые.

К **односложно-корневому типу** принадлежат: китайский, тибетский, корейский, аннамский, сиамский, бирманский. В них, как и во всех остальных, фраза состоит из подлежащего, сказуемого и дополнений и определений к последнему, но все слова односложны, и взаимные отношения их обозначаются посредством их места в грамматическом предложении и посредством изменения интонации при произнесении их одинокой гласной (как изредка и в языках германского корня, например, в английском, *man* — человек и *men* — люди).

Так, обозначая звуки обычным европейским способом, имеем в китайском: *жэнь хáй ли*—человек любит пользу и *хай ли жэнь,*—любящий пользу человек. Этот тип аналогичен суставчатым животным в зоологии, где твердый хитиновый покров, заменяющий внутренний скелет позвоночных, не дает возможности для дальнейшего роста и потому их членики остаются сравнительно мелкими. То же самое и в односложно-корневых языках. Там рост словесных корней ограничен, а потому и разнообразие невелико, и приходится давать отличительным словам членистóе строение, как у насекомых. Так, например, *льу*, как существительное, значит и роса и путь, а *дай* и знамя, и путь. И вот, чтоб отличить росу и знамя от дороги, китаец вместо простого *дай*

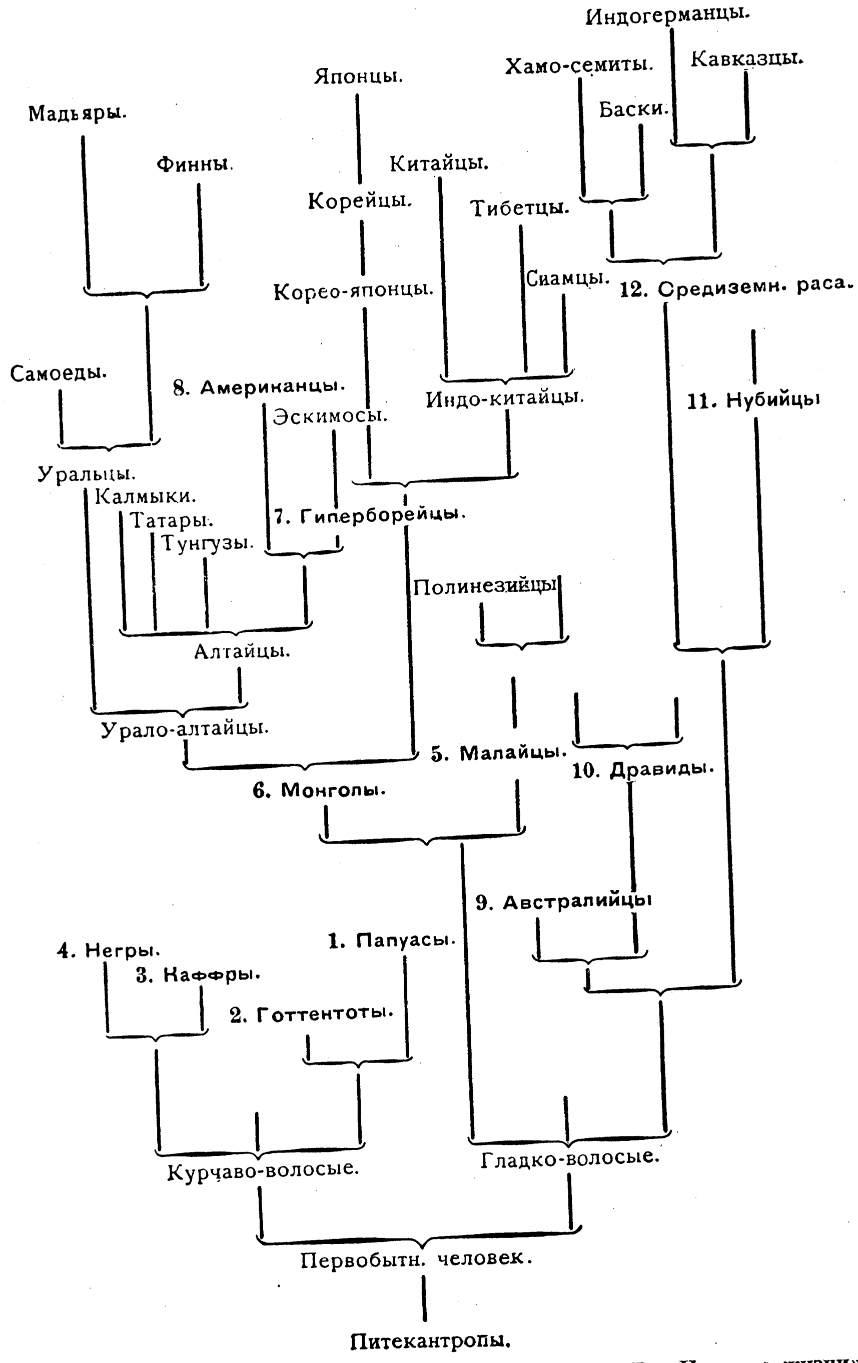

Рис. 38. Родословное дерево народов и языков. (Из «Науки о жизни» Лункевича.)

говорит *дай-лъу* — путь-повозка. Можно думать, что таков же был вначале процесс образования и наших многосложных слов.

Многозвенные нацепления корней особенно употребительны в односложно-корневых языках для обозначения собственных имен, каковы, например, личные и географические. Мы все, например, знаем на географической карте столицу Китая, имя которой *Бый Дин* — Северная столица — переиначено средневековыми европейскими путешественниками в *Пекин;* знаем и главную реку этой области *Хўан-Хэ* — Желтая река, — имя которой переиначено у нас в *Гоанго* и т. д. Тут мы ясно видим, как и везде в чуждых говорах, грубые ошибки в нашем произношении, которые было бы легко устранить систематической азбукой, а на обычных, особенно на западно-европейских, где нет даже мягкого знака, так же трудно выразить многочисленные китайские осмысленные интонации, как заставить курицу заговорить по-человечески.

Самую древнюю и значительную литературу развил в односложном лингвистическом типе китайский язык, но для чтения ее надо предварительно заучить до 3000 значков его безазбучной письменности, из которых древнейшие прямо рисуют указываемый предмет, применяемый и к однозвучному с ним незрительному представлению. Относясь вполне скептически к утверждению китайцев, что их первый историк Сы-Ма-Тянь жил в I веке до начала нашей эры, когда и зарисовал символически историю китайских событий, происходивших между — 263 и — 122 годами, я могу только подтвердить довольно хорошую передачу астрономических событий китайскими летописями Шы-Тьи (что значит «Исторические записи», у европейцев они переделаны в Ше-Ке) и Ма-Т(в)ань-Линь после IV века нашей эры, с возможностью случайных верных зарисовок и до него. Указываемые в них небесные явления сходятся в этих пределах с получаемым астрономическим вычислением.

Личные имена у китайцев сводятся к прозвищам, как и у европейских народов в до-христианский период. Так, имя только-что названного первого китайского историка Сы-Ма-Тянь значит: «Управляющий конюшнями», то же, что шталмейстер по-немецки. Конфуций значит «Пустопорожний философ», что по-китайски представляет высшую похвалу (Кун—пустой, Фу—господин и Цзы — старик). Более подходят к европейскому вкусу

женские имена: Йюй Фын (где *н* — длительно) — «Повелительница ветров»; Бый Сўэ — «Белый снежок»; Сянь-Юй — «Ароматная яшма» и т. д. Уроки китайского произношения я брал у А. Железновой, преподавательницы русского языка в китайских учебных заведениях. Но я извиняюсь перед жителями великого «Срединного цветущего государства» (Чжун-Хўа-Хо) за то, как мои читатели будут произносить их слова, написанные по нашей однобокой европейской азбуке, и за самое название их «китайцами», неизвестное в «Китае».

Во всяком случае, китайский язык один из древнейших среди существующих в настоящее время, и сложная рисунковая письменность его указывает на огромную зрительную память старинных ее разработчиков, вместе с их способностью соединять зрительные символы со слуховыми ощущениями. А это могло быть достигнуто только благодаря сильному развитию у них проводящих путей между зрительными и слуховыми областями серого вещества большого мозга.

Переходя теперь ко второму типу коренного состава словесных элементов человеческой речи, т.-е. к **многосложно-корневым языкам,** я не могу не отметить их аналогии с позвоночными животными, у которых скелет помещается внутри и дает возможность нарастания на развившемся значительно корне слова еще многочисленных приростков и отростков, дающих словам особые оттенки, при выработке, кроме того, целого ряда специальных распорядительных частиц речи в грамматической конструкции фразы.

Переходя к этому типу, я ничего не буду говорить о тех человеческих языках, которые не могли развиться до серьезной письменности. Такова, прежде всего, группа полинезийско-малайская на островах Великого Океана, к которой принадлежат: 1) языки ново-гвинейских и австралийских дикарей, 2) меланезийские языки на Фиджи и на других островах к северо-востоку от Австралии, 3) малайская группа на Малайских и Филиппинских островах и 4) полинезийская в Полинезии, Новой Зеландии и на Мадагаскаре. Если правда, что и мадагаскарцы говорят на языке этой же группы, то такое обстоятельство будет прекрасным подтверждением высказанной мною в предыдущей книге «Христос» теории, по которой центр тяжести земного шара периодически перемещается через 12700 лет то к северу, то

к югу, вследствие чего южные архипелаги периодически сливаются в континенты, а северные превращаются в архипелаги, так что от них остаются над водой лишь вершины гор. В согласии с этим будет и высказанная еще Дарвином теория коралловых атоллов, основанная на том, что кораллы могут жить лишь на глубине не более 45 метров, тогда как основные разветвления их теперь начинаются нередко около километра (почти версты) под современной поверхностью океана. Отсюда ясно, что вековое понижение дна южных континентов перешло в обратное повышение лишь теперь, так как вершины этих островов уже выступили вверх и подвергаются выветриванию и размыванию.

К этому же выводу приводят и остатки северных третичных морей, которые когда-то соединялись с Ледовитым океаном на несравненно большем протяжении, чем показывают их сохранившиеся до сих пор осадки. Ведь несомненно, что с тех частей морского дна, которые первыми выступили из воды, последние осадки смывались дождями в области, еще находящиеся под водой, и при медленном оползании береговой полосы не только к северу, но и в боковые низины и заливы остаточные следы последних доисторических морей могли сохраняться только в таких заливах. Сухопутные же остатки животных и растений обыкновенно истребляются и истлевают целиком на поверхности земли, за исключением тех случаев, когда они сразу глубоко заносятся землей, вследствие большого прорыва воды в какую-нибудь низину, или когда они попадают в глубокий омут большой реки.

За попеременное перемещение земных вод то на север, то на юг говорят и *меридиональные трансгрессии* отдельных морей северного полушария земли, выражающиеся в явных следах предъисторического векового отступления их воды от северных берегов с затоплением южных. Мы видим, что следов таких перемещений много на земле, и в этом первостепенно-важном для человечества вопросе сравнительная филология может оказать ценные услуги даже и геологии.

Не меньшее значение в этом отношении может иметь и всестороннее исследование — как по звуковому составу, так и по грамматическим формам — американских языков, которые характеризуются исследователями как полисинтетические, где несколько

слов составляют как бы одно в роде «во вчера-написанной статье», что, впрочем, характеризует также и английский, и немецкий языки.

То же можно сказать и об южно-африканских говорах, разделяемых: 1) на группу готтентотских и бушменских языков Южной Африки, в которых есть и звуки прищелкивания языком (у кафров и бушменов), 2) на группу каффрских языков на ее Юго-Востоке, 3) на негрских центральной Африки от Сахары до Конго. Их изучение, давая мало материала для исследователя исторического периода человеческой культуры, может бросить свет на ее предъисторические времена, которые там, впрочем, доходят вплоть до нашего времени.

Совсем иное можно сказать об *африканско-азиатских* языках, распадающихся на два семейства: 1) хамитские языки, к которым причисляются: ливийские говоры берберов в Марокко, Алжире, Тунисе, Триполи и оазисах Сахары, эфиопские на юге Египта и вымерший теперь коптский язык и 2) группа семитских языков, к которым принадлежат арабский и сирийский, при чем Аравия и Сирия геофизически более связаны с Африкой, чем с Азией, да и арабский язык употребляется как господствующий во всей Северной Африке, от Марокко до Египта и Аравии включительно, и только национализировался в Сирии и Месопотамии. А в средние века он был господствующим в Испании, Сицилии, Сардинии, Корсике и в Южной Италии. Это, кроме китайского, был единственный из неевропейских языков, развивший в средние века богатую литературу, особенно если присоединить к нему и еврейский (т.-е. переселенческий)[1] язык, как его чисто литературное эмигрантское ответвление.

Главный признак семитических языков, это — частое употребление в них трех согласных в корне слова. Хотя в них существует значительный процент и односложных и двусложных словесных корней, но трехсложные значительно преобладают.

Второй их признак — это внутренняя флексия. Подобно тому, как в немецком языке обозначение множественного числа достигается часто не суффиксом, а смягчением гласной внутри корня,[2] так и здесь:

[1] Снова напомню, что слово *еврей* значит *переселенец*.

[2] Например, в английском man (человек) и men (люди), в немецком Bruder (брат) и Brüder (братья).

дабара — он говорил,
а *дубира* — ему говорили
или
катаба — он писал
и *кутиба* — ему писали.

В арабском имеются три падежа: именительный, родительный и винительный, но другие наречия этой группы не обладают даже и ими. В еврейском встречаются лишь редкие их случаи, и падеж определяется местом слова в предложении или соответствующим предлогом без изменения звукового состава.

Здесь впервые получаются для существительных имен мужской и женский роды, а времена глаголов еще не вполне развились. Тут мы обычно находим только совершившееся время и не совершившееся, где настоящее сливается с будущим. Так, для глагола *писать* мы имеем только

катаб-та — ты писал
та-ктубу — ты пишешь и ты напишешь.

Отмечу, что и в русском языке настоящее время часто сливается с будущим: «ты ему пишешь это завтра» — приказываете вы кому нибудь. Но благодаря такому слиянию живое поэтическое описание событий легко переходит тут в форму пророчества. Представьте, например, что вы написали лирически по воспоминанию:

«Вот падают стены нашего города. Огонь вырывается из жерла вулкана и пожирает все кругом. Бегут люди без оглядки и бросают своих близких» и т. д.

Ведь это будет то же самое, что сказать:

«Вот падут стены нашего города. Огонь вырвется из вулкана и пожжет все. Побегут люди без оглядки и бросят своих ближних»...

При переводе на другой более определенный язык вы принимаете описание за пророчество и передаете его как таковое. Не потому ли еврейский язык и особенно богат пророчествами?

В этой семитической группе мы имеем языки с внутренней флексией, представляющей дальнейшее развитие китайских интонаций при произнесении их одиноких гласных, но здесь

появились вместе с ней уже и некоторые префиксы и суффиксы особенно для придания предметным именам фантастического мужского и женского рода, что наложило половую окраску на всю окружающую семитов природу и способствовало развитию их мифов.

Об этом я буду говорить еще подробно далее, когда отмечу такую же черту и в европейских языках, а теперь перейду к чисто азиатским многосложным языкам.

Я пропущу здесь семейство северо-западного угла Азии с юкагирским, корякским, камчадальским и чукотским языками, пропущу и северо-кавказские языки (черкесские, чеченские, лезгинские) и южно-кавказские (сванетский, мингрельский и грузинский—георгинский, на котором письменность, как говорят, началась еще с IV века нашей эры, литература с VI и книгопечатание с 1709 года). Я отмечу только доказанную академиком Н. Я. Марром принадлежность к этой группе также и языка пиринейских басков, указывающую на то, что эта лингвистическая группа была одна из самых распространенных в доисторический период в Европе, и прямо перейду к огромному по занимаемой территории отделу **суффиксовых языков**, заполнивших всю северную половину Азии и значительную часть восточной Европы и обычно называемых урало-алтайскими. В них совсем не развилось префиксов, т.-е. предлогов и других вспомогательных частиц впереди слов, а только задние приставки, как, например, в турецком:

Ода — комната,
ода-га — в комнате,
ода-лар — комнаты,
ода-лар-га — в комнатах.

Или:

Эл — рука,
эл-им — моя рука,
эл-им-де — в моей руке,
эл-им-де-ки — находящийся в моей руке.

Здесь нет различия рода в существительных, а не склоняемые прилагательные ставятся (как в английском языке) впереди существительных.

Сюда принадлежат:

1. Тюркская группа с языками: турецким, татарским, киргизским, якутским, чувашским, башкирским и их мелкими разно-

видностями, называющими себя издревле «тюрки». Здесь только на турецком языке, называемом *османли*, возникла с IX века и значительная литература, когда вместе с исламом проникла в Малую Азию арабская азбука, получившая лишь несколько дополнений.

2. Монгольская группа с восточно-монгольским, бурятским (на юге Сибири) и калмыцким (в Чжунгарии) языками, имеющими лишь зачаточную литературу и несколько летописей.

3. Тунгузская группа, с манчжурским языком, развившим лишь с начала XVII века свою первобытную литературу при помощи монгольского алфавита, и с несколькими другими ответвлениями, в роде ламутского в Якутской области, оставшегося до последнего времени без национальной письменности.

4. Самоедская группа на северо-западе Старого света имеет четыре наречия па протяжении от низовьев Енисея — до западной части Архангельской губернии, без самостоятельной письменности.

5. Финская группа, в которой волжско-болгарская ветвь — мордва, черемисы, чуваши, и пермская — пермяки, зыряне, вотяки — не развили до последнего времени своей литературы; финны, эсты, ливы, корелы, мещеряки поздно примкнули к письменности, а в угорской группе вотяки и вогулы прошли исторический наш период тоже незаметно.

Во всей этой группе лишь мадьяры играли большую роль в средние века в Дунайской области и выработали свою старинную литературу.

На дальнем востоке Азии представителем **суффиксовых языков** является японская группа, заключающая в себе лишь наречия японского языка. Она сильно подверглась в средние века влиянию китайской культуры и заимствовала ее символическую рисуночную письменность, но с XIX века примкнула к европейской культуре.

На юге Азии представителями этой группы суффиксовых языков являются дравидийские, на которых говорит главная составная часть Ост-Индского полуострова, и ее же ветвями являются наречия: телугу, тамиль, малайялим и канара.

Отсюда мы видим, что всю среднюю, северную и южную Азию, с некоторыми ответвлениями в Европу, занимают суффиксовые агглютинирующие языки, а потому и санскритский

язык, обнаруживающий полное несходство с этими говорами и полное сходство с европейскими, должен быть занесен в Индию из Европы, на что имеется, как я покажу в особой главе, много указаний и в нем самом.

* * *

В противовес чисто суффиксовым языкам, которые мы видели выше, мы должны были бы искать группу **чисто префиксовых языков,** в которых все склонения, спряжения и другие грамматические соотношения слов определялись бы предшествующими словам вспомогательными частицами — префиксами. Такими и являются немногие из африканских языков, в которых и склонения, и спряжения совершаются приставками к началу слов.[1] Но вся эта группа не имела своей литературы, и потому нам нет надобности разбирать ее здесь.

Что же касается до европейских языков, развивших свою богатую письменность, то все они являются **префиксово-суффиксовыми,** так как впитали в себя и африканскую систему поясняющих смысл передних приставок в виде ряда предлогов и азиатскую систему задних суффиксов, и даже заимствовали иногда и аравийский метод внутреннего склонения, как, например, в образовании множественного числа некоторых немецких и английских слов (Vater — Väter, Mutter — Mütter, man — men) и в обозначении падежа путем перемены ударения в русском:

из селá я вижу сёла,
из окнá я вижу óкна,
от рекѝ я вижу рѐки,
от сосны́ я вижу сóсны.

Все префиксы и суффиксы выработались, повидимому, из сокращения слов, носивших первично реальные значения.

Таковы, между прочим, и падежные окончания наших прилагательных. Возьмем хотя бы слова: свеж-ий, свеж-его, свеж-ему и т. д. Ясно, что они являются первичным словом, к которому приставлены: ий (итальянско-французское il — он) и его первичные падежи ie-go, ie-mu. Так и наш предлог *кроме* произошел от древнего существительного *крома* (край), так и опре-

[1] Бодуэн-де-Куртенэ. Общий характер звуков в отдельных языках славянских (Русск. Филолог. Вестник, т. V, 1881, стр. 283—300).

деленный член среднего рода в греческом языке *та* (τα) есть не что иное, как славянское местоимение *тот, та, то,* приставляемое, как и в славянских языках, в качестве определяющего члена. А там, где строй речи еще изолирован, т.-е. нет или не было ни распорядительных частиц, ни внутренней флексии, их приходится (или приходилось) заменять жестикуляцией, которая и является характеристической чертой бедно-язычных народов, а как атавистическое возвращение к типу речи предков она характеризует и теперь в Европе всех страстных ораторов. Но ясно, что жесты не могут быть воспроизведены в письменности, а потому такие языки и негодны для литературы. На крайнем западе Европы мы видим преобладание префиксов, а на востоке Европы — суффиксов.

По отношению к именам существительным, мы имеем, например, английский, французский и итальянский языки, где падежи определяются изменениями лишь одного члена или приставкой различных предлогов, а в спряжения входит префиксом вспомогательный глагол и обязательные личные местоимения: *я, ты, он...*

То обстоятельство, что почти все префиксы отделяются в письменности от определяемых ими слов, не должно нас смущать: с таким же правом мы могли бы отделить и суффиксы, написав: *хорош-его, хорош-ему, хорош-им, хорош-ими* и т. д. В произношении же префиксы и предлоги так же связаны с корнем, как и суффиксы, и стали отделяться лишь с возникновением словарей для удобства разыскания слов. Однако, и в наиболее префиксовых языках множественное число определяется всегда окончанием, что свидетельствует о том, что если на западе Европы и был когда-нибудь чисто префиксовый язык африканского типа, то он давно уже трансформировался соприкасавшимися с ним суффиксовыми языками Азии.

В европейской суффиксово-префиксовой группе мы имеем:

1. Кельтский язык, остатки которого еще сохранились в глухих деревушках Ирландии и в Бретани.

2. Италийские языки: румынский, вымершие умбрийский и окский, и особенно сильно развившиеся в литературном отношении в средние века: итальянский, французский, испанский и португальский.

3. Германские наречия: готский, немецкий, голландский, английский, датский, шведский, норвежский и исландский с началами письменности в средние века. В этой западной группе особенно сильно развились формы глаголов. Не говоря уже о множестве оттенков прошлого времени и даже будущего, в этих языках иногда и настоящее время можно выразить несколькими оттенками. Так у англичан *I write* — я пишу, *I am writing* — я занят писанием. А у существительных имен, кроме собственных, обязательно еще разделение по смыслу на определенные или неопределенные во всей этой группе.

4. Из славянских наречий: русского, польского, чешского, словенского, сербско-хорватского, болгарского и лужицкого в средней Германии, болгарский язык, повидимому, первый приобщился к литературе. Из них в русском особенно характерны виды глаголов: несовершенный, многократный, совершенный и однократный.

5. Греческий язык с очень древней литературой.

6. Албанский или иллирийский.

7. Латышские наречия: литовское, древне-прусское и собственно латышское, поздно воспринявшие письменность.

8. Иранские языки: персидский, армянский (в нем по Сиверсу есть взрывные вариации английских *th* и *Th*, к которым приводятся и греческие ϑ и δ) и древний зендский, *т.-е. комментаторский* [1] язык, ответвлением которого служат и санскрит *(т.-е. искусственный язык индусских браминов)*, и па́ли *(священный язык буддистских жрецов)*, и кави на Яве, и индустани или урду *(язык индийских мусульман)*, и бенгали, и муратори, и синди, и хинди, и близкий к нему индустани, на которых говорит ближайшее к городам население Индустана. О зендском же языке в Европе впервые узнали от Анкетиль-дю-Перрона, привезшего в Европу в 1762 году текст Зендавесты 1.

Все это показывает, что суффиксово-префиксовые языки совсем неправильно были когда-то названы индо-европейскими. Это настоящие европейские языки, которые, развив, благодаря своей сложности и гибкости, огромную литературу, перелились, постепенно варьируясь под влиянием местных говоров, в средние века через иранское плоскогорье до самой Индии, точно так же, как после распространения океанического мореплавания они перелились в Америку, Австралию, Южную Африку и на

[1] От Zend — комментарий и Abastâ — закон.

*

острова Тихого океана, везде быстро становясь языком культурной части населения и ассимилируя ему язык туземцев. И если в наше время английский, испанский и португальский языки в отдаленных странах не разошлись сильно в своих грамматических формах и в произношении с языками своих родин, то это только благодаря школьным влияниям и общности литературы, чего не было в средние века между Европой и срединной или южной Азией.

С такой точки зрения и санскрит, и индусский па́ли никогда не были в Индии народными языками, да и пракрит не может считаться их прародителем, а, наоборот, вульгаризацией.

Та сексуализация всех или почти всех предметов окружающего мира, разделяемых на мужские и женские, которую я уже отметил при характеристике семитических языков, достигла в некоторых из европейских говоров полного завершения. В то время, как в армянском ее еще нет, в английском уже имеются ее зачатки, так как перед названием каждого предмета там можно поставить *he* — для обозначения мужского пола и she — для обозначения женского, что делается лишь при специальной надобности в сказках. В других же европейских языках это обозначение пола обязательно входит в имя предмета, нередко в противовес здравому смыслу. Так, всякой *мыши* мы невольно приписываем женский пол, и всякому *грачу* — мужской, хотя под каждым из этих названий должны подразумеваться оба пола. Для неорганических предметов существует, правда, средний род в греческом, немецком и славянских языках, но и он применяется лишь к меньшинству, а в романских языках среднего рода совсем нет: там все мужское или женское.

В своей интересной заметке о связи грамматического рода с миросозерцанием и настроением людей, говорящих разными языками, Бодуэн-де-Куртенэ[1] совершенно справедливо отмечает, что «сексуализация всего субстанциального — вот существенный признак этого различения» (стр. 58). «Мозг арио-европейцев пропитывается, — говорит он, — сексуальностью. Само божество приняло у них половую окраску». Этому же обстоятельству Бодуэн-де-Куртенэ приписывает и особенную силу

[1] Лингвистические заметки. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900 г., № 10, ч. II.

эротических элементов в арио-европейской изящной литературе, сравнительно с литературами других, не сексуальных языков, и во всяком случае разделение всех предметов природы на по́лы лежало в основе как астральной, так и остальной мифологии европейско-аравийских народов.

Этот маленький всеобщий очерк человеческих наречий, звучащих и теперь на земле, является совершенно необходимым для понимания множества частных выводов и соображений, разбросанных почти во всех главах моей книги.

Я не считаю себя специалистом по сравнительной лингвистике. Она лежит лишь на берегу тех отделов человеческого знания, которые я более полно изучал. С детства я знал только русский и французский языки, потом в гимназический период выучился латинскому, греческому, славянскому и немецкому. Совершенно случайно ознакомился в Москве с украинским, близко сойдясь с киевским студенческим кружком, где пели украинские песни, читали стихи Шевченки, «Наталку Полтавку» и «Москаля Чаривника» Котляревского. Из церковных служб и чтения духовных книг я ознакомился с церковно-славянским. А после, уже самостоятельно, во время первого заточения, в 1875—1878 годах я выучился английскому, на котором прочел тогда и потом особенно много книг (не менее нескольких сот томов), и, увлекшись языкознанием, тогда же подучился итальянскому и испанскому (хотя последнему и недостаточно хорошо). На итальянском я прочел всего десятка два — три книг, а на испанском, кроме учебника, читал несколько раз только одного Дон-Кихота, по причине невозможности достать в Доме предварительного заключения что-либо другое. Затем уже в Шлиссельбургской крепости я выучился с помощью товарища по прогулкам, Яновича, польскому языку и говору и прочел десятка два привезенных туда польскими заточенными книг. С древне-еврейским я познакомился только в 1912 году во время годичного заточения за стихи в Динабургской крепости и читал на нем только одну Библию, а на санскритском, арабском, новогреческом не читал ничего, кроме грамматик да словарей.

С деталями французского, английского и немецкого живого произношения я ознакомился довольно хорошо во время моего пребывания в этих странах в качестве эмигранта, а из восточных говоров я слыхал только кавказские и китайско-манчжур-

ские произношения, не занимаясь ими специально, во время недолговременных пребываний в этих странах.

Я никогда не слыхал большинства тех говоров, о которых упомянул в своих предшествующих перечислениях, и знаю о них немногим более того, что написал здесь, но общность анатомического устройства как голосовых, так и слуховых органов у всех людей заставляет меня думать, что все земные языки и звуки речи усвоимы для европейского исследователя после соответствующей тренировки его слуха и голоса, и легко изобразимы небольшим числом самостоятельных значков систематической научной азбуки, без которой немыслима общая научная филология.

Отсутствие всесторонних знаний по сравнительной лингвистике и прямая невозможность представить при помощи русской азбуки (которая все-таки самая лучшая!) даже и того, что знаю, лишает меня возможности обосновать многие из моих второстепенных идей по этому предмету, и потому я остановлюсь лишь на звуковой характеристике немногих, доступных моему исследованию, человеческих языков.

Я уже показывал ранее, что некоторые звуки очень употребительны в одних из европейских языков, а в других даже и совсем отсутствуют, и в каждом языке мы можем расположить его звуки в виде постепенно убывающего ряда. Так, в русской письменности (выбросив твердый знак и объединив в одном символе *е*, *ѣ* и *э*, а в другом *и* и *і*) мы получаем ряд, представленный на таблице, которая помещена на таблице XXI стр. 171.

Вся эта последовательность настолько мало подвергается колебаниям в различных произведениях, что если какое-либо из них будет написано неизвестными вам буквами, то вы легко определите эти буквы по только-что приведенной табличке, считая, что значок, повторившийся около 72 раз, будет О, повторившийся около 56 раз окажется А или С или Н и т. д. Выставив над каждым значком соответствующие им по частоте немногие значения из этой таблички, вы легко найдете звуки, при которых данный вам отрывок перестает быть их бессмысленным сочетанием, и если даже некоторые значки и будут определены вами неправильно, то вы найдете их звуки по смыслу. Так однажды я разобрал в один вечер шифрованное письмо, от которого мой товарищ по «Народной Воле» потерял ключ, и я восстановил самый его ключ. Еслиб писавший это письмо был опытен, он никогда не стал бы употреблять для каждого звука речи только один значок, а взял бы несколько, и тогда расшифровать стало бы почти невозможно.

В древней письменности не знали еще этого постоянства в частоте употребления каждого звука речи в разных произведениях на том же языке и потому не умели, зная общую частоту употребления в нем различных звуков, легко разбирать всякие древние незнакомые алфавиты и устанавливать в них значение каждого значка, да и теперь еще этот метод не применен ни к иероглифам, ни к клинописям.

На приложенной XX диаграмматической таблице (стр. 168—169) я даю частоту повторения значащих звуков в нескольких знакомых мне языках.[1]

Уже при первом взгляде на нее видна характеристика всех взятых тут языков и их отличительные особенности по отношению друг к другу.

Не останавливаясь уже на ясно заметном и без чертежей почти полном отсутствии мягких согласных звуков в западно-европейских языках, где только Л всегда мягко, да N во французском и Ch в немецком принимают иногда высокие обертоны, мы остановимся прежде всего на мягких и твердых гласных.

Среди твердых гласных мы видим замечательный провал на месте Є и Ы, к которым западно-европейцы могут прола-

---

[1] Для русского языка я перечислил на промилли обычные нормы типографских шрифтов, при чем на диаграмме получились несколько иные числа, чем в табличке I (дающей способ расшифровки писем), потому что я в ней принял во внимание *звуки*, а не *буквы*, разложив, например, Я на *ИА*, Ю на *ЙУ* и т. д. (хотя и слил в одно число неударенные гласные с ударениями и не принял в расчет их второстепенных оттенков и «подгласника»). То же сделано и для немецкого языка. Для английского, где письменность совсем разошлась с произношением, я прямо взял отрывок из первой главы романа Wilkie Collins: The Moonstone; для французского сделал то же по книжке P. H. Jacob: Curiosités des sciences occultes, при чем ввел в счет и немые *e*, как произносимые в поэзии, и конечные *s* и *t*, как произносимые перед гласными. Для итальянского я взял I главу романа A. Manzoni: I promessi sposi. Для древне-еврейского — XIX главу книги Бытия (прямо по письму, а не по современным произношениям). Для древне-греческого — сказание περὶ Κροίσου καὶ Ἀδράστου. Для латинского — отрывок из Тита Ливия о Фабии и Муниции и т. д.

ТАБЛИЦА XX.

		Гласные		Согласные					
		твердые	мягкие	сложные	губные	задне-небн.	передне-десн.	верхне-десн.	средне-небн.
		АЄЫОU	ÄЕİÖÜ	MNLR	ФВПБ	ХҺКГ	С ЗЦТҺ	ШЖЧ$\mathfrak{F}$	йЙТД
Русский язык	125 100 75 50 25	76 0 20 70 40	0 90 92 0 0	33 56 37 50	10 49 25 19	15 1 30 27	56 25 11 1	14 18 21 1	(17) 0 50 34
Английск. язык	125 100 75 50 25	29 ? ? 64 20	42 49 92 64 2?	23 85 32 69	40 10 14 20	4 15 25 3	51 20 1h 6 Th 33	4 1 2 4	(32) 20 86 40
Немецк. язык	125 100 75 50 25	48 0 0 28 41	? 131 84 7 7	25 95 34 73	35 13 11 18	28 24 18 27	50 18 18 0	Отсутств. кроме Ш 8 0 0 0	(30) 13 63 39
Французск. язык	150 125 100 75 50 25	72 0 0 44 30	? 163 52 17 18	22 84 60 91	16 21 31 4	0 1 30 4	60 48 0 0	Отсутств. кроме Ш и Ж 6 10 0 0	(3) ? 69 47
Итальянск. язык	125 100 75 50 25	103 0 0 116 36	0 119 94 0 0	28 90 60 70	10 14 26 4	0 0 38 13	30 5 4 1	3 0 7 9	(9) ? 61 49
Латинск. язык	125 100 75 50 25	87 0 0 40 71	0 79 105 0 0	58 56 23 77	17 7 33 13	3 9 42 7	74 6 18 0	Все отсутств. 0 0 0 0	(4) 5 102 26
Древне-греческ. яз.	125 100 75 50 25	104 0 0 114 20	0 130 43 ? 14	25 93 21 45	14 6 31 ?	5 15 40 17	72 ? 13 ?	Все отсутств. 0 0 0 0	(48) ? 79 32
Древне-еврейский язык: В транскрипции	125 100 75 50 25	93 0 0 29 136	0 79 105 0 0	80 54 68 47	5 20 5 26	12 24 21 9?	18 4 20 0	Отсутств. кроме Ш 37 0 0 0	(10) ? 53 30
Древне-еврейский язык: В произнош. литовск. евреев	125 100 75 50 25	68 0 120 98 48	0 67 54 0 0	74 42 45 52	8 40 4 15	38 13 27 10	40 3 13 ?	30 0 0 0	35 ? 13 31

Частоты употребления различных звуков речи в разных языках.

гать в своем мозгу проводящие пути лишь с большим трудом, особенно в сочетании с предшествовавшей твердой согласной.

Среди мягких гласных мы видим полное отсутствие мягких Ä, Ö, Ü в русском, итальянском, латинском, древне-греческом и древне-еврейском языках, при чем до сознающей области мозга их народов (если он не тренирован специально) Ä доходит в виде *йа*, Ö в виде *йо* и Ü в виде *йу*. Только у англичан мы видим полный набор, да у немцев и французов, которыми мягкое Ä как-будто сознается.

Если мы будем продолжать считать латинский язык за натуральное ответвление древне-итальянского языка, то становится непонятным присутствие в нем соединения гласных в роде ae, показывающее на мягкое ä и т. д. Точно также мы видим в еврейской письменности число фактически употребленных гласных не меньшее, чем в итальянском, и потому едва ли в нем действительно существовало то огромное число дополнительных гласных, какое дает современная пунктуация, но в нем, как восточном, обязательно должен был существовать на родине и звук Ы, исчезнувший в современном произношении западно-европейских евреев, но сохранившийся в произношении польско-литовских, живущих в таких местностях, в национальном говоре которых существует и такой звук. Это лучше, чем что-либо другое, показывает нам, как местное произношение врывается в говор принесенного туда иностранного языка, и как мало мы должны поэтому доверять правильности нашего чтения латинских, древне-греческих и санскритских слов.

В отделе сложно-резонантных согласных фонем мы видим вообще преобладание N и R над M и L, за исключением древне-еврейского языка, где получается обратное соотношение. Во всех этих фонемах, при их произношении европейцами, мы не видим в азбуке особых значков для гулкой и шопотной, отрывной и длительной вариаций, хотя они и существуют.

В губном звуковом квадрате остается нерешенным, как надо произносить греческую бету (β). Приравнивать ли ее к *б*, как в Западной Европе, или к *в*, как на востоке, или, наконец, читать ее, как современные греки? Последнее, конечно, всегда лучше. Аналогичное можно сказать и о еврейской вите (ב).

В передне-десновом квадрате мы видим во французском языке полное отсутствие взрывных вариаций (шопотного *ц* и гулкого Џ) и интересную замену их в английском придувными th и Th, да и в древне-греческом сюда же, вероятно, приходится отнести *өиту* (Θ), а в средне-нёбном квадрате мы отмечаем везде смягчение длительной вариации из Ы в Й.

Особенный же интерес представляет верхне-десновый (*ш, ж, ч, чж*) квадрат, который существует в полном виде только в русском и английском языках. В немецком и древне-еврейском имеется из него только Ш, а в латинском и древне-греческом весь он отсутствует. В чем причина такого исчезновения, когда на родине латинского языка — Италии — этот квадрат существует почти целиком? Очевидно, это потому, что древне-греческое произношение прошло через фильтр немецкого средне-векового языка, а древне-италийское произношение латинского — еще ранее прошло через греческий фильтр.

ТАБЛИЦА XXI.

Число русских букв на 1000 (без Ъ и с соединением воедино И и I, Е и Ѣ, Ф и Ѳ для разбора русских шифрованных писем).

92 (и + і)	37 (д)	16 (й)
85 (е + ѣ)	32 (м)	13 (х)
72 (о)	31 (у)	13 (ч)
57 (а)	30 (я)	11 (ж)
56 (с)	29 (к)	11 (ю)
55 (н)	26 (г)	10 (ц)
50 (т)	24 (п)	10 (ш)
49 (в)	24 (з)	8 (щ)
48 (р)	23 (ь)	7 (ф + ѳ)
38 (л)	20 (ы)	5 (э)
	18 (б)	

Распространяясь и на другие языки, такие недочеты букв могут привести к очень важным историческим соображениям, и потому является совершенно необходимым такое же фонемометрическое исследование всех остальных языков человеческого рода и, на ряду с фонемометрией необходимо также и обоснование антропофонической географии, где частота употребле-

ния каждого звука на поверхности земного шара была бы показана различиями цветных оттенков на географических картах.

К не менее важным выводам может привести и расследование происхождения тех букв, которые соединяют в себе два звука, например, греческие *кси* и *пси*. Очень трудно допустить, чтобы, имея и К и С, кому-нибудь пришло в голову употреблять для их сочетания особые буквы: кси (ξ=*кс*) и пси (ψ=*пс*). Такое сокращение еще можно было бы допустить для скорости, *если бы эти сочетания употреблялись очень часто*. Но дело в том, что они, наоборот, принадлежат к особенно редким. Сочетание *кс* вы встретите лишь раза два—три на целой странице, а сочетание *пс* нередко не найдете и на двух или трех страницах. Так зачем же нужно было именно для них изобретать объединяющее начертание, когда оставлены без него самые частые из обычных сочетаний? Ведь это не русское *щ*, которое возникло потому, что звук *ш* в русском языке смягчается лишь перед *ч*, благодаря чему первый орфографист и не догадался, что тут надо произнести не *ш* и *ч*, а непривычный для него звук *шь* перед *чь*. Ясно, что в греческом было что-то другое и что *кси* и *пси* обозначали какие-то особые звуки, которые не прошли через ушной фильтр наших средневековых учителей.

Не произошло ли тут того же самого, что случилось с превращением греческого звука х в латинское *кс*, благодаря неуменью итальянцев и франков произносить первый звук? Но в таком случае как же звучали *кси* и *пси* у себя на родине в том алфавите, который взяли греки для своей азбуки? Скорее всего *кси* был тот персидско-арабско-итальянско-английско-манчжурский звук, который мы перековеркали в *дж* в словах в роде арабского Girgeh (псевдо-Джирджех), персидского Ginnistan (псевдо-Джиннистан), итальянского Giulio (псевдо-Джулио) или английского Jems (псевдо-Джемс) и т. д. С этой точки зрения во всех восточных, иностранных для греков, именах надо *кси* и читать как гулкое Ч, и надо писать по нашей современной орфографии вместо, например, неудобопроизносимого Ксэркса Джордж (Георгий), несмотря на то, что он обратным рикошетом перескочил в Персию в виде Хшайарши.

Что же касается до *пси* (ψ), то это, вероятно, было на перво-родине греческого алфавита гулкое Ц (псевдо-*дз*) и потому в иностранных для грека и особенно восточных словах мы всегда

можем заподозреть под *пси* этот звук и, например, читать Псамметиха как Дзаметтих, а греческая *дзета* (ζ) могла произноситься, как теперь у новогреков, просто *з;* так и читается она в еврейской азбуке.

Все это я, понятно, говорю не для того, чтобы обязательно настаивать на своем произношении *кси* и *пси*, а только для того, чтоб подчеркнуть, что в нашем современном произношении восточных собственных имен в древне-греческой транскрипции мы можем оказаться в положении того манчжурского мальчика, который вместо *солнце* говорил *тонтэ*.

ГЛАВА III.

СВЯЩЕННАЯ ЛАТЫНЬ.

Грубая церковная латынь средних веков на западе Европы была матерью более совершенной классической латыни, а не ее уродливой дочерью.

Из моей записной тетради.

После этих предварительных замечаний я решаюсь, наконец, приступить и к предмету, который, без сомнения, возбудит негодование всех горячих патриотов латинского, санскритского и древне-еврейского языков. Но я надеюсь, что мои предшествовавшие заметки и этюды покажут более широко и бесстрастно смотрящим филологам, что я уже совсем не так легкомыслен в своих выводах об искусственности древних языков, как это может показаться с первого взгляда.

Я, конечно, вполне понимаю, что после всего того, что нам преподавали в гимназиях, трудно даже слушать, не зная всех причин такого вывода, мое утверждение, что мертвые языки созданы потомками эмигрантов из Италии, Египта и Балканского полуострова, позабывшими неупотребительные на чужбине звуки их родной речи, вследствие чего древне-италийский язык превратился под готским влиянием в латинский; арабский перешел в Испании, Египте и Италии в древне-еврейский, самое имя которого в переводе значит—переселенческий, а греко-славян-

ские языки Византии, смешавшись в Индостане у балканских проповедников Христа (положивших начало касте браминов), создали санскритский язык, подобно тому, как немецкий язык превратился у польских евреев в «ново-еврейский».

И вот, само собой понятно, что раньше, чем продолжать мою работу о «Христе», в которой мне еще не раз придется возвращаться к подобным утверждениям, мне необходимо показать, что и для них у меня имеются не одни поверхностные аналогии, а серьезные причины, вышедшие, главным образом, из совершенно неожиданной для моих оппонентов области, из науки о звуках человеческой речи, подобно тому, как и предъидущие мои возражения против достоверности древней истории и неразрывно сплетенной с нею мистической теологии были основаны на астрономических вычислениях и геофизических соображениях.

Что такое представляет собою латинский язык? Его имя происходит от Лациума, области средней Италии. Но там говорили с незапамятных времен на таком же италийском языке, как и в других областях Аппенинского полуострова.

Под впечатлением большей сложности грамматических форм латыни сравнительно с итальянским, французским и испанским у некоторых лингвистов, считающих его более древним, составилось даже представление о «нисходящем движении языков в первичный период времени» и стремление отнести наибольшее совершенство языков чуть не в палеолитическую эпоху.

«В исторические времена,—говорит Потебня,—мы замечаем падение языков. Латинский, например, гораздо богаче формами, чем происшедшие от него романские. Поэтому восходящее движение языка должно быть отнесено ко временам доисторическим».

И действительно, такой противоестественный регресс романских языков в самую прогрессивную и в самую общественную эпоху жизни этих народов на земле пришлось бы и мне неизбежно признать, еслиб мы согласились, что латинский язык был когда-то народным и влиял на развитие романских языков, а не сам образовался из италийского и греческого с примесью даже и славянского, как искусственный конгломерат, не ранее IV века нашей эры.

Рассмотрим же его звуковой состав по нашим звуковым квадратам.

Латинский звук Ц итальянцы произносят как Ч: *Чезаре* вместо *Цезарь*; *(дж)енте*—вместо *генс* (народ); буква *h*, которая в латинском читается как гулкое *х*, совсем не произносится итальянцами,— они говорят: *abitare* (обитать) вместо *habitare*. А в латинском *h* скорее заменяет жесткое придыхание (’), с которым греки произносили бы италийские слова, начинающиеся с гласных звуков. Вот первый след греческого влияния при переработке древне-италийского языка в латинский.

Буква Z в Италии читается как русское Ц; для звука Ш у итальянцев нет специального обозначения, как у греков, и он заменяется сочетанием *SC;* латинская буква U не произносится итальянцами, как *v* даже и после q, а как гласный звук *u* или как Ŭ—короткое (согласное), например, вместо латинского *кватвор* имеем *quattro* (куатро). Буква *x* встречается в итальянской литературе лишь в иностранных словах, в которых разделяется на два звука *k* и *s*.

В итальянском есть член определенный, мужской и женский (il и la), и неопределенный (uno и una), а в латинском членов нет. Латинского среднего рода в итальянском тоже нет. Характеристического окончания существительных имен на *-us*, соответствующего греческому *-os*, тоже не существует в италийском.

Как и когда мог такой итальянский язык образоваться из латинского, если латинский ему предшествовал? Мы просто должны сказать: **никак не мог образоваться.** Звуки речи в каждой стране держатся особенно прочно. И это не мнение меня одного, а всех серьезных исследователей. «Особенности произношения,—говорит отец нашей сравнительной лингвистики Бодуэн-де-Куртенэ,—долее сохраняются, чем сам язык, когда он переходит в другой».

Точно также очень прочен и грамматический строй всякой национальной речи: **итальянское чисто префиксовое склонение не могло выработаться из латинского чисто суффиксового.** Сколько греческих слов вошло в современные нам европейские языки, и однако же каждый народ склоняет их по своей грамматике, а не по греческой!

Значит, если имя Цицерон произносится современными итальянцами как Чичероне, то так же произносилось оно народом и в древнем Лациуме; если слово *Genoa* (Генуя) произносится итальянцами как *(Дж)еноа,* то так произносилось оно

и латинами. Если греческая ζ (псевдо-дзета), попав в итальянский язык в виде *z*, произносится в нем как Ц и как псевдо-Дз (особенно в удвоении *zz*, например, в *mezzo* — средина), то так же произносилась она и в латинском, если он был когда-нибудь народным в Южной Италии. И если какой-нибудь Антоний склоняется теперь в Италии, как и все мужские имена, префиксами—Antonio, d'Antonio, ad Antonio,—то он и никогда не склонялся там народом по латинскому суффиксовому способу: Antoni-us, Antoni-i, Antoni-o.

Объяснение всех этих псевдопревращений лежит в том, что латинское произношение пришло к нам не от итальянцев, а профильтровалось сначала через произношение греческих колонистов в самой Южной Италии, составлявших там когда-то господствующий класс и имевших суффиксовое склонение, а потом еще оно просеялось и через средневековое немецкое произношение, при чем передатчики, не умевшие произносить итальянских звуков: псевдо-Дз, псевдо-Дж и Ч, заменили их своими привычными, как это делается постоянно и теперь.

Посмотрим, прежде всего, какие звуки должны были не пройти через такие сита? Как раз те, которые мы и предусмотрели a priori.

Рассматривая нашу сопоставительную таблицу, мы видим, что в европейской письменности хорошо развился губной квадрат (ф, в, р, б). Там есть особые начертания для всех четырех вариаций. Только в греческом β заменяет сразу и Б и В, которое выработалось в латинской азбуке, как губная вариация краткого Ŭ, писавшегося в древности тоже как V. Вот почему все эти звуки дошли до нас неизменно и в латинском языке, и это же показывает нам, что греческая бэта (β) у самих греков произносилась в одних словах как Б, а в других—как В, хотя и с придувным оттенком.

Передне-десновый квадрат (с, з, ц, Ц') развился в европейской письменности слабо; в греческом языке для обеих взрывных вариаций (ц и Ц') тут только символ ζ, а для обеих длительных выработались только σ в средине слова и ς на конце слова. Последнее, длительное обозначение (S) перешло без расчленения и в древне-италийскую письменность, вероятно потому, что в Италии звук *s* почти всегда делается гулким между двумя гласными, а в редких случаях, когда этого нет, предпочитали ставить *ss* вместо того, чтобы придумать два особых начертания. В таком же неопределенном виде дошел этот звуковой квадрат до нас и в латинском языке, и мы не можем быть вполне уверены, где букву S в нем надо читать как *з* и где как *s*.

Еще труднее ориентироваться во взрывном обозначении Ц у этого квадрата. В каких случаях оно читалось гулко, как итальянское удвоенное *zz*, и в каких шопотно, как (большею частью) итальянское одинокое *z*, если латинский язык действительно был народным в Лациуме?

Для филолога-теоретика, не доверяющегося слепо средневековым авторитетам (не умевшим даже и выговорить звука псевдо-Дз или произнести S как *з* не между двумя гласными), этот недочет алфавитных обозначений причиняет большие затруднения при установлении правильного произношения слов, содержащих буквы S и Z в древних языках.

Еще более это относится к сходным друг с другом буквам C и G. Первая перед гласными *e* и *i* читается итальянцами как русское Ч, немцами—как Ц, и французами—как *s*. А вторая буква G итальянцами произносится как псевдо-Дж тоже только перед этими же двумя гласными (*e* и *i*), французами как Ж, немцами как Г. Но эта буква по ее первичному начертанию (G) есть только вариация С, а по месту в азбуках соответствует греческому ζ, или еврейскому ז, которое в славянской азбуке расчленилось на Ж и З. Не следует ли отсюда, что и в древне-италийской письменности буква С читалась первично всегда как К или Г, а буква G произносилась всегда как псевдо-Дж, при чем и самое начертание С есть сокращенное итальянское G (т.-е. С читалось как Ч)?

Если это так, то и слова в роде Цицерона, Цезаря и других подобных писались прежде как GIGERONE, GESARE (Чжичжероне, Чжесаре), а потом значок у G стал сокращаться, и она превратилась по одному жаргонному произношению в К *(Кесарь* вместо *Чезаре, Кикерон* вместо *Чичерона),* а по другому, немецко-латинскому жаргону, стремившемуся быть ближе к итальянскому, но не умевшему произнести Ч и заменившему его через *ц*, эти же имена получили наши современные произношения *Цезарь, Цицерон* и т. д.

Как выйти из этой двойственности тому, кто желал бы правильно произносить звуки С и G перед *e* и *i* такими, какими

они действительно существовали в Лациуме, а не у одной немецкой и французской интеллигенции эпохи Возрождения?

Здесь трудно дать общее правило. Но если мы допустим, что латынь была когда-нибудь там национальным языком, то наиболее вероятное произношение будет современное народно-итальянское, так как звуковой состав языка, как я уже сказал, изменяется на своей родине медленнее всего остального, потому что он инстинктивно усваивается всеми еще в раннем младенчестве. Без предварительной искусственной и продолжительной последующей тренировки языка, доступной лишь культурным слоям населения, необычное произношение иностранных слов в народе совсем не прививается. Если чуждое произношение пришло к нему извне, то туземные массы изменяют все его непривычные звуки на свой, обычный лад, так как находятся в любой стране в огромном большинстве.

Но я решаю здесь этот вопрос много проще: *латинский язык нигде и никогда не был народным, а только языком пришлой или совсем чужой интеллигенции.* Подтверждение этому мы снова увидим сейчас.

Перейдем к дальнейшему исследованию задне-деснового квадрата итальянской азбуки. В ней мы уже видели особое обозначение для обоих взрывных произношений согласных G (псевдо-Дже) и C (русское ЧЪ). А для шопотно-длительного Ш и для гулко-длительного Ж в латинской письменности недостает особых обозначений. В итальянской азбуке взамен их пишется комбинация SC, читающаяся как русское Ш. Здесь мы снова натыкаемся на недоумение относительно латинского языка. Если верить традиции, то в нем **совсем не было задне-десновых звуков, не было ни Ж, ни Ш, ни псевдо-Дж, ни Ч**, из которых последними очень богаты все говоры современной и средневековой Италии!

Но если в первичной Италии их не было, то как же и откуда они появились в ней в средние века? Они не могли притти извне. Ни в одной из окружающих стран—ни во Франции, ни в Германии, ни в Греции, нет ни звука псевдо-Дж, ни русского Чэ (у немцев вместо него—*тшэ*). Ясно, что это национальные итальянские звуки, господствовавшие здесь с доисторических времен. Но если так, то почему же вся эта группа исчезла в латинском языке? И тут может быть опять только

одно естественное и научное объяснение: латинский язык это жаргон иностранцев, которые не имели в своем родном языке таких звуков и, усваивая итальянский говор вне Италии и лишь в зрелом возрасте, уже не могли выговаривать непривычных для них его звуков.

Не видя верхних представителей этого квадрата во французском и немецком языках, мы можем смело заключить, что это (в окончательной своей трансформации) был говор средне-вековой французской и немецкой интеллигенции, употреблявшей латинский язык, как международный.

Но тут явно помогли и греки.

Подумаем только: какою причиной можно объяснить недостаток особого начертания для звука Ш, очень частого в итальянском языке? Почему он заменяется в Италии комбинацией букв SC, например, в словах: scesa—*шеза*—склон, scintillare—шинтилляре—искриться или SCI перед буквами A, O и U, например, sciocco—*шокко*—глупый, sciugare—*шугаре*—осушать, и так далее? Мы неизбежно должны заключить из этого, что если бы латинская азбука была выработана *итальянскими* учеными, познакомившимися с греческой грамотностью и приспособившими ее азбуку к своему говору, то они поступили бы как славяне или копты, которые, ясно видя ее недостаточность для своего языка, пополнили ее нужными буквами. А раз этого нет, то латинская азбука есть дело греков, которые, приехав в Италию,—захотели ввести в пределы своей письменности и усвоенный ими итальянский язык. Не умея выговорить итальянского звука Ш, они приняли его за СК и ввели в свою литературу в этом сочетании (sc), оставшемся по традиции и теперь в итальянской литературе. А немецкий фильтр переменил еще это *СК* в *СЦ* и получились латинские слова в роде nescio (*нэсцио*)—не знаю, вместо итальянского *нэшо*—непонимающий.

Рассмотрим теперь и длительные глоточные звуки—немецкое h и русское Х. В итальянском языке этих звуков совсем нет, во французском—тоже. Не должно их быть поэтому и в латинском, если он был народным в Италии. А между тем, первый звук в нем есть. И по самому начертанию его h видно, что он представляет введенную в итальянскую азбуку греческую эту (η), которая стала употребляться потому, что греки начали про-

*

износить и итальянские слова, начинающиеся с гласной со своим жестким, гулким придыханием, говоря вместо Uomo (человек)—*homo*, вместо *ora* (час)—*hora* и т. д. Но еще хуже вышло со звуком X. Греки ввели и его как шопотное придыхание в италийское слово Re (царь), а последующие фильтровщики из франков, не умея произнести этого звука, расчленили его на КС, и начертание Rex (читавшееся как русское *рэх*) стали читать как *рекс*.

Все это подтверждается и тем, что звук X, начертание которого взято с греческого χ, остался без изменения в конце слов и далеко от Греции — в испанском языке, и его превращение в КС могло произойти лишь в такой стране, где *не* было совсем такого звука. Его и нет в Италии, не было, следовательно, и в древнем Лациуме, а потому и появление греческой буквы χ в латинских словах (в роде *lux* — свет, или *nox* — ночь) представляется последующим искажением первичного произношения *люче (luce)* и *ноче* (теперь *notte*), хотя и трудно сказать, где и когда оно произошло.

Загадочным также остается и разнообразие начертаний для звука К. Его и до сих пор в Западной Европе пишут тремя способами: С, К и Q (да еще вдобавок в виде Ch перед *e* и *i*) и в придачу к этому еще скрывают этот же звук в начертании *икс*. Всего же страннее то, что его пишут через Q только перед кратким U, как и в современном итальянском (например, в слове *quattro* — четыре), а в виде К только в иностранных словах. Почему была такая изобретательность для обозначения звука К, тогда как для звука Ш не сумели заимствовать ни одного специального начертания хотя бы от коптов или евреев?

Все это требует еще специальной разработки, при которой мы никогда не должны забывать, что наше современное латинское произношение есть произношение германцев эпохи Возрождения, и они нас вполне поняли бы и одобрили в ту эпоху, а если б мы заговорили на таком языке с римлянами первых веков нашей эры, считая его за ихний, то они не смогли бы нас слушать от приступов непреодолимого хохота.

Не вдаваясь теперь в детали, мы рассмотрим только еще одну сторону затронутого нами вопроса.

Я уже говорил, что итальянский язык склоняется посредством передних распорядительных частиц, т.-е. предлогов с членом определенным и неопределенным, а в латинском члена нет

и он склоняется конечными приставками, и я отметил уже, что естественное превращение в большой стране суффиксового склонения в префиксовое невозможно. Я говорил еще, что, кроме того, у итальянцев существительные и прилагательные слова мужеского рода обыкновенно оканчиваются на *-о* и женского рода—на *-а (figlio*—сын, *figlia*—дочь), а по-латыни обыкновенно на *-us* и на *-а (filius, filia)* соответственно греческим -ος и -α. Кроме того, в латинском жаргоне есть еще средний род на *-um* (соответственно греческому -ον), которого нет в современном итальянском, и никогда не было в прошлом, иначе средний род не исчез бы из него без следа.[1]

Откуда же произошли все эти изменения?

Здесь, повторяю, может быть опять только один ответ. **Латинский язык есть итальянский, прошедший в средние века сквозь фильтр греческой культуры.** Приезжие греки, привыкшие оканчивать имена мужеского рода непременно на согласную S, а среднего на N, колонизировав Сицилию и юг Италии и оставив в ней верхний класс населения, стали употреблять для сношений с простым народом древне-итальянский язык, но придавали ему свою грамматику. Так, вместо итальянского *dio* (бог) вышел *deus*, вместо *fato* (судьба) вышел *fatum*, а в склонениях греки-колонисты стали отбрасывать итальянский член и префиксы и довольствоваться изменением окончания слова по образцу восточных народов.

Такое метаморфизирующее влияние греческого языка на итальянский при образовании из него латинского сказывается во множестве и других всевозможных деталей, когда к ним присмотришься без предубеждения.

Возьмем хотя бы местоимение первого лица «Я». В итальянском языке оно с древнейших времен произносилось *io*. Это слово того же незапамятно древнего корня как и русское—Я *(йа)* и французское *жё* (je), так как у французов слог *йе* постоянно переходит в *же*: вместо Юпитера они говорят *Жюпитер*, вместо Иезуса (Исуса) произносят *Жезю* и т. д. Это наше Я—остаток первичного общего личного местоимения, потому что

[1] В древних латинских надписях мы видим для мужеского рода прямо греческое окончание -ος: *Manios* вместо *Manius* (Маний), *filios* вместо *filius* (сын), а в среднем роде окончание *-om* вместо *-um*, например, *donom* вместо *donum* (дар) соответственно греческому окончанию на -ον.

оно сохранилось, как в окончании русских прилагательных в виде *ій* (*свеж-ий* и т. д.), так и в итальянском и французском определенном члене *il*. А в греческом языке, как совершенно исключительный местный случай, мы имеем для *Я* совершенно посторонний звуковой комплекс *эгó* (ἐγώ). И вот в латинском языке это же самое *эго* (лишь с перемещением ударения на первый слог) и заменяет древнее *io*! Понятно, что такую вещь могли сделать только греки, в большом числе приехавшие в Италию, да и то лишь для своего говора, а не для народного, потому что вместе с латынью исчезло из Италии и слово *эгó*, уступив место первичному *io*.

Возьмем также и самые употребительные числительные имена:

	Итальянские.	*Греческие.*	*Латинские.*
один:	уно (uno)	эйс, энос (εἷς, ἑνός)	унус (unus)
два:	дуэ (due)	дюо (δύο)	дуо (duo)
три:	трэ (tre)	трэйс (τρεῖς)	трес (tres)

Везде латинские числительные здесь ближе к греческим, чем к италийским!

Точно также вот два самые первые слова, которые произносит человек:

	По-итальянски.	*По-гречески.*	*По-латыни.*
мать:	мадре (madre)	мэтер (μήτηρ)	матер (mater)
отец:	падрэ (padre)	патэр (πατήρ)	патэр (pater)

А также:

ночь:	нотте (notte)	нюкс (νύξ)	нокс (nox)
свет:	люче (luce)	лейкос (λευκός)	люкс (lux)

Откуда взяты латинские *пáтер* и *мáтер?* От греческих ли *патер* и *мэтер* или от италийских *падре* и *мадре?* Одного их произнесения достаточно, чтобы сказать, что итальянский язык и тут временно уподобился греческому, а после того, как последний выбыл из Италии, в ней остались первичные слова для: отец и мать.

Такое же уподобление греческому мы видим и во множестве других особенностей латинского языка. Вот хоть итальянский петух — *il gallo*. Вырастив себе греческий хвост, он превратился в латинского *галлюса* (gallus) и улетел в Грецию под именем *галлоса* (γάλλος), как там и до сих пор зовут французов, потому что их средневековые предки носили шляпы с петушиными перьями.

* * *

Я не буду приводить дальнейших примеров, которыми мог бы заполнить несколько страниц, потому что и этих вполне достаточно.

Все эти эллинизмы закрепились возникшей «латинской письменностью», для которой даже итальянские ученики под влиянием своих учителей старались, как они, ломать природный свой язык и писать на возникшем итало-греческом литературном жаргоне, пренебрегая природным говором «некультурного италийского населения». Насколько эта подделка чужого словаря под свою национальную грамматику является общим правилом эволюции языков, мы можем видеть из того, что и сами мы склоняем по своей грамматике все входящие в употребление в нашем языке иностранные слова и фамилии и даже коверкаем их, называя Боклем Бёкэля, Дарвином Дарўина и т. д.

А наши первые писатели приделывали к иностранным словам и привычные им русские окончания. Из *Дидро* у них вышел Дидерот, из Мара — Марат, а по-латыни авторы эпохи Возрождения писали бы этого самого Марата — Maratus, прибавляя обычное окончание *-us* и ко всем иностранным именам.

Таким образом, из итальянского языка и вышел неумышленно тот международный латинский жаргон, в роде самопроизвольно зародившегося эсперанто или воляпюка, на котором возникла своя поэзия, литература и наука, прекратившаяся лишь в XIX веке, когда развитие просвещения в европейских странах, выросшее на этой самой искусственной международной гряде, достигло такой широты, при которой стало возможно появление национальных литератур на натуральных языках.

По таким же причинам, как увидим далее, выработался в юго-восточном районе бассейна Средиземного моря и тот международный жаргон арабского языка, который мы называем

7 — 3570

библейским или древне-еврейским (т.-е. древне-пересселенческим, эмигрантским) языком, тоже никогда не существовавший в смысле какого-либо национального языка, и санскритский язык, как латино-греко-славянский, добравшийся до самой Индии.

* * *

Мне остается только выяснить, когда же на латинском языке выработалась та богатая литература, которую мы называем *классическою?*

Конечно, не раньше, чем образовался и сам латинский язык из итальянского под влиянием культурных греческих колонистов. А эти колонисты не могли появиться в южной Италии раньше изобретения кораблей дальнего плавания, и уже одно это обстоятельство, при доказанной мною (во второй книге «Христос») несостоятельности легенд о Тире и Сидоне, показывает, что выработка латинского языка не могла начаться в Италии до начала нашей эры и даже до тех пор, пока сношения между эллинским востоком и романским западом стали постоянными.

В наше время господства эволюционной теории во всем органическом мире, когда самопроизвольное зарождение не только людей и крупных животных, но даже и блох из сырости и грязи подвергнуто учеными остракизму, когда теория геологических катастроф Кювье давно уже опровергнута Ляйэлем, трудно даже представить себе, каким образом еще остается в исторических науках старинная метафизическая идея о внезапных появлениях и внезапных бесследных исчезновениях высоко-развитых человеческих культур. Возьмем хотя бы наши современные представления о латинской классической литературе.

Относительно ее внезапного появления еще можно сказать, что до тех пор, пока не подвергнута сомнению древность такой же греческой литературы (а я это сделаю далее), такой необыкновенный случай можно объяснить посторонней прививкой: «начитавшись, мол, греческих писателей, итальянцы стали и сами писать такие же вещи, приспособив, как мы видели и свой собственный язык к греческим грамматическим формам и звуковому составу».

Что может быть проще этого? Такое происхождение латинской литературы подтвердит даже и мою теорию происхождения латинского языка и будет в полном согласии и с современными

явлениями жизни, например, с быстрой прививкой западно-европейской беллетристики и поэзии в России.

Но как же объяснить внезапное **исчезновение** всего этого, если верить нашей хронологии, во II веке нашей эры, сейчас же после того, как Апулей написал своего «Золотого Осла» и почил крепким сном без сновидений вместе со всеми своими предшественниками на тысячу слишком лет, вплоть до 1469 года нашей эры, когда завалявшиеся где-то (но будто бы бережно хранившиеся многими поколениями неизвестных добрых душ!) сочинения древних классиков были подобраны издателями (см. табл. XXII)? Как объяснить появление их непосредственных подражателей в XV веке?

Взгляните на приложенную таблицу, где сбоку даны года по пятидесятилетиям, а в средине соответствующие им трагики, комики, сатирики и т. д. Целый ворох их вдруг вывалился откуда-то в латинизировавшуюся Италию между —150 и +150 годами нашей эры, а затем, и притом помимо каких-либо геологических или социальных катастроф, все прекратилось на 1000 лет, после чего вдруг вновь воскресло тут же и дало пышные ростки во всей Европе. Возможно ли в реальной жизни что-либо подобное?

Рассказы о богатырях, заснувших на тысячу лет, мы, правда, встречаем в волшебных сказках, но и там воскресший витязь видит через тысячу лет все новое, все чужое и с трудом приспособляется к ушедшей далеко жизни, а не приспособляет ее, наоборот, к себе. А, между тем, нам говорят, что именно это самое случилось сейчас же после того, как издатели XV века вывели из заколдованных гробниц спокойно почивавших там более 1000 лет латинских и греческих писателей! Началась — нам говорят — ново-классическая эпоха в западно-европейской литературе, представлявшая воскресение из мертвых греческих и латинских авторов, и их эволюционное продолжение.

Прежде всего, во Франции появились — говорят нам — под их влиянием драматурги Жоделль (1532—1573), Гарнье (1534—1590) и Мерэ (1604—1687). Затем явился в Англии Шекспир (1564—1616), первые драмы которого «Перикл», «Тит Андроник», «Два веронца», «Сон в летнюю ночь» — отличаются от латинских и французских только его огромным талантом. Появились сатиры и драмы Драйдена (1631—1700), сатирические, дидактические и юмористические поэмы Александра Попа (1688—1714). Все

они носят характер непосредственного продолжения латинских писателей, окончивших, будто бы, свое писательство еще во II веке нашей эры и забытых более 1000 лет. Возродились и их миросозерцание, и их форма изложения, и их содержание, и приемы творчества, и даже их скабрезность, но только постепенно совершенствуемая. Одновременно с этим нео-классицизм захватывает и Германию и господствует там вплоть до Лессинга (1729 — 1781) и, наконец, перебрасывается в Россию, отразившись в лирике Ломоносова (1711 — 1765), в трагедиях и комедиях Сумарокова (1718 — 1777), одни названия которых «Семира», «Нарцисс» или «Цефал и Прокриса» показывают на влияние палео-классицизма, зарытого прежними историками в бездонную глубину тысячи веков!

Затем во Франции эволюционно появляются более высокие отпрыски этой школы: Корнель (1606 — 1684), Расин (1639 — 1699), Мольер (1622 — 1763), перенесшие место действия своих пьес уже на национальную почву, а из поэтов — Буало (1636 — 1711). Одновременно с драмой совершенствуется и поэзия, в которую вводятся рифма и новые размеры, заменяющие прежний латинско-греческий гекзаметр, и Аристотелева мудрость превращается в современную. Одним словом, все идет так, как еслиб нео-классицизм XVI — XVIII веков был прямым продолжением палео-классицизма, неправильно относимого к началу нашей эры, да и переход нео-классицизма в современную реалистическую драму, роман и поэму как-будто не является его неожиданной гибелью, а только дальнейшей эволюцией человеческой изящной литературы, поднимающейся чуть не с каждым десятилетием на высшие и высшие ступени!

Мы должны раз навсегда оставить наивное мнение, что литература и ее постепенный прогресс есть дело человеческого произвола, а не неизбежный результат эволюции человеческой психики и человеческого языка. Мы улыбаемся, когда читаем в Библии:

«И сказали люди: Наделаем кирпичей и будем строить из них дома! И стали они делать дома из кирпичей». «И сказали люди: Пойдем и построим башню до небес! И начали строить башню до небес».

Точно также должны мы улыбаться и тогда, когда читаем о том, будто нео-классики XV — XVIII веков вдруг вздумали продолжать то дело, которое исчезло с поверхности земного

шара за тысячу лет до них. Ведь никакое дерево не может вырасти за тысячу километров расстояния от своего корня! А если этот корень вдобавок должен был еще и ежегодно гнить во время тысячелетнего периода своего лежанья на земле без ростков, то такое дело становится вдвойне невозможным.

Единственным разумным решением вопроса здесь служит только одно: подобно тому, как законодательство Моисея и Арона было отправлено с Везувия на Синай, да вдобавок еще и отодвинуто на тысячу слишком лет назад, так и латино-греческая классическая литература возникла накануне нео-классицизма, главным образом, в Средней и Южной Европе, на тогдашних международных языках, но была апокрифирована фиктивными древними авторами, самые имена которых были вымышлены тогда же или просто служили псевдонимами, а в некоторых редких случаях могли, конечно, принадлежать и действительным писателям начала средних веков, сочинения которых были забыты.

С этой точки зрения и та «кухонная латынь», на которой написаны средневековые клерикальные и научные сочинения, является не перерождением классической латыни, а ее предшественницей, и сам латинский язык в своем начале был языком священников и монахов, а не ученых. Это был такой же священный язык, как и церковно-славянский в русском богослужении и русской церковной литературе, и если мы хотим познакомиться с ним в том виде, каким он действительно был в древности, то нам надо итти его послушать не в наши аудитории, а в католическую церковь, и читать не Виргилия и Горация, а тамошние латинские молитвенники и «Жития Святых».

Естественнее всего его эволюция, вплоть до классического, шла таким путем. Это первоначально был богослужебный итальянский язык у подножий Этны или Везувия. Этна по-гречески значит—Языческая или Народная, а Везувий по-еврейски значит—Гвоздь Ужаса. Борьба единобожнических жрецов Громовержца с языческими жрецами сводилась, вероятно, к тому: Где надо молиться? у подножья Этны или у подножья Везувия? И куда нужно совершать пилигримства: на Везувий или на Этну? А так как Везувий был ближе Этны по сухопутному пути из средней Европы, то культ Громовержца и взял в ней верх, тогда как у греков, приезжавших в Италию через Мессину, язычница-Этна еще долго могла служить главным алтарем.

Благодаря постоянному притоку пилигриммов из Средней Европы к подошве Везувия, после грозного начала его вулканической деятельности, или даже к подошве Этны до него, у той и другой горы образовался большой штат священников, повидимому, ливийского или греческого происхождения. Принужденные совершать свои молитвы на новом для них местном итальянском языке, они придали ему чуждые грамматические формы и чуждое местоимение первого лица (греческое *эго* вместо итальянского *іо*). Произошло то же, что происходит и теперь во всех церквах, то самое, почему и теперешние священники нигде не хотят перейти к чистым национальным языкам: полупонятное служение на несколько чуждом говоре дает ощущение особенной торжественности, чего-то необычного.

Когда одного русского священника спросили:

— «Почему вы не хотите перевести богослужение на современный русский язык?»

Он очень удачно ответил:

— «А попробуйте-ка при причастии вместо:

Приидите, пиво пием новое,
не от камени неплодна чудодеемое,

запеть это же по-русски:

Приходите! Выпьем нового пива,
не чудом сделанного из бесплодного камня!

Какое чувство благоговения у вас останется?»

Вот то же самое случайно вышло и с первым католическим богослужением. Понимая только наполовину свой язык в говоре чужеземных священников, итальянцы приняли его за что-то таинственное, мистическое, наводящее благоговение! Затем, вместе с распространением христианства по Западной Европе, этот язык, как богослужебный, стал распространяться и повсюду. В романских странах, где он был наполовину понятен по одинаковости коренного состава большинства слов, его легко усваивали все слушающие богослужение. В германских странах совершилось сначала то же самое, хотя и с несравненно бо́льшим трудом. Звуча повсюду в церквах, этот жаргон стал естественно международным языком всех католических священников и монахов, а так как почти вся средневековая письменность сосредоточивалась в духовенстве или около него, то на нем же стали писаться и духовные гимны, как первые зачатки лирической поэзии, и возникли наполовину или совсем фантастические рассказы из жизни «Великого Царя» и других святых, как первые зачатки романа.

Но, вот, возбужденная на этой почве фантазия, а иногда и юмористика, стала естественно обращаться и на другие, на фривольные предметы: кроме воспевания божественной мадонны, начали воспеваться по-латыни и просто донны, вместо одного чувства благоговения стали выражать и другие человеческие чувства; вместо божественной *проскомедии*, как ряда ритуальных действий и разговоров при богослужении, стали писать и просто *комедии*. «Церковная латынь» первых ее основателей, священников, сильно развилась в своей фразеологии, обогатилась придаточными предложениями и превратилась накануне эпохи Возрождения в обычную классическую латынь, которую и преподавали потом в классических гимназиях. По самым условиям тогдашнего существования писать что-либо фривольное или чисто житейское на священном языке богослужений было не безопасно, и потому авторы стали приписывать свои собственные произведения вымышленным ими языческим писателям того отдаленного времени, когда христианства еще не существовало, или оно еще не было господствующей религией. Появившийся дух свободомыслия и скептицизма стал вызывать на этом же, когда-то священном, но теперь уже опрофаненном языке, и скептические сочинения относительно самого христианства. Подписывать свои произведения латинскими и греческими псевдонимами стало всеобщей модой, а потом, когда умирали авторы и их близкие друзья, а копии произведений распространились среди посторонних людей, последние стали относить их к началу нашей эры.

Но позднее происхождение их доказывается не только общим и детальным сходством этих произведений по их языку и приемам изложения с откровенными латинскими и греческими произведениями знаменитых писателей эпохи Возрождения, но и многими деталями мировоззрения их авторов. Вот хотя бы отрывок из легенды о «Фаэтоне», т.-е. в переводе: о «Метеоре».

МЕТЕОР.

(Овидий: Метаморфозы, кн. II.)

Огненно-красною медью и золотом ярко горящим
Солнцев [1] дворец утверждался на чудных высоких колоннах...
Виделись горы внизу и дубравы, и дикие звери,
Нимфы и все божества, населявшие чащи и поле.
Сверху художник поставил блиставшее звездами небо,
Где находилось шесть входов направо и столько ж налево.
Входы всегда сторожили двенадцать Огромных Животных,
Светлый царь-дня восседал на пурпурном и дивном престоле
Из изумруда зеленого.
Справа и слева вкруг трона
В стройном порядке стояли дни, месяцы, годы и веки,
А между ними виднелись часы в расстояниях равных.
С ними — Весна молодая в венке из цветов благовонных,
Лето нагое со сжатым снопом, пожелтевшим от жара,
Осень, в земле от работы в садах виноградных,
Также Зима с волосами седыми, торчащими дыбом.
Сняв лучезарный венец и к себе подозвав Метеора, [2]
Крепко и нежно его обнимает отец его солнце.
«Мать твоя верно сказала, что мне ты потомок по крови,
«А чтоб сомненье покончить, проси у меня чего хочешь,
«Все от меня ты тотчас же получишь, клянусь тебе, сын мой,
«Тою рекою, которую ставят в свидетели боги
«И до которой лучи моих ясных очей не доходят.» [3]
Но не успел он еще довести до конца своей речи,
Как Метеор пожелал получить у него колесницу
С правом на ней прокатиться, приняв управленье конями.
В клятве раскаялся Феб и, своей головою прекрасной
Несколько раз покачав, отвечал:
«Эта просьба, я вижу,
«Всю необдуманность клятвы с моей стороны обличает.
«В полном неведеньи, сын мой, ты хочешь, чего невозможно
«Даже богам получить. Если кто и решится на это,
«Не устоит он никак на оси раскаленной как пламень.
«Мне лишь все это возможно, и сам Громовержец Олимпа,
«Он, чья десница бросает на землю могучие громы,
«С той колесницей не справится... Ну, а, ведь, ты понимаешь,
«Кто у вас больше его? Сверх того указать тебе должно,

---

[1] Φοῖβος (Фойбос) — лучезарный, эпитет солнца.

[2] Φαέθων (*Фаэтон*) — сияющий метеор, а никак не Сириус в этой поэме (по неправильному толкованию филологов).

[3] Стикс, подземная река.

«Что при начале дорога крута... Быстроногие кони,
«В ночь хорошо отдохнувши, едва лишь взбегают на кручу.
«Неизмеримая высь в середине. Я сам ужасаюсь,
«Если на море и земли оттуда взгляну ненароком.
«Путь, наконец, завершается страшным обрывистым скатом.
«Где не удержишь коней, и жена Океана со страхом,
«В море меня принимая, глядит, чтобы я не свалился.
«К этому надо прибавить, что вечно вращается небо
«И, увлекая светила, кружит их с ужасною силой.
«Только борьбой непрестанной я сам устранить успеваю
«Этот ужасный напор, увлекающий все остальное.[1]
«Круговороту полярному противостать ты не в силах,
«И увлечет тебя страшная сила крутящейся оси...
«Если и верно пойдешь по пути, не собьешься с дороги,
«Все же нельзя миновать тебе встречи с Тельцом круторогим,
«С Луком Стрельца и с ужасною Львиною пастью.
«Там Скорпион с удлиненной и Рак с серповидной клешнею,
«Прямо к тебе протянувшись, стараться схватить тебя будут.
«Не заставляй же, мой сын, подарить тебя гибелью верной
«И пока время еще не ушло, измени свою просьбу».
Кончил отец увещанье. Ему Метеор не внимает
Крепко стоит на своем: колесницы отцовской желает.
Горести полный родитель, промедливши сколько возможно,
Сына ведет, наконец, к колеснице, подарку Вулкана.
Вот на блестящем востоке раскрыла уж настежь Аврора
Двери пурпурные, портики розовым светом облила.
Звезды бежали. И светлый Люцифер,[2] их строй замыкая,
Скрылся последний со стражи небесной. Заметив, что стали
Быстро рога у луны притупляться, как пар исчезая,
А поднебесные земли все алою краской зарделись,
Феб повелел своим слугам-часам — запрягать колесницу.
Близкое горе душой прозревая и тяжко вздыхая,
Так говорил он:
«Последуй же, сын мой, хоть этим советам
«Не налегай ты на бич, лишь затягивай возжи потуже.
«Пять ты увидишь кругов параллельных, но их не держися.
«Истинный путь мой эклиптика, выйдя дугою,
«Соприкасается только с тремя поясами.
«Он далеко от Медведицы, где Аквилон обитает,
«И в расстоянии таком же от южного полюса с Австром. [3]
«Ты поезжай, где увидишь прорез от колес колесницы,
«Не поднимайся высоко к Дракону и Жертвенник пусть будет ниже».

---

[1] Солнце идет по эклиптике против суточного вращения небесного свода.

[2] Теперь Венера.

[3] Auster — южный ветер, Аквилон — северный.

Тут Метеор во мгновение ока вспрыгнул в колесницу,
Знаки привета сыновнего шлет недовольному Солнцу.
Огненный, Светлый, Лучистый, Пылающий — кони могучего Феба —
Нетерпеливой ногой по засовам ворот ударяют.
Моря богиня, не зная, что внука ее ожидает,
Настеж ворота ему распахнула, и мир беспредельный открылся.
Кони, свободу почуяв, помчались. Работают ноги,
Встречный туман рассекая. Взвиваются легкие крылья,
Опережая рожденных от их же движения ветров.
Не узнавали однакоже кони своей колесницы,
Груз был так легок, что прыгал хомут на плечах их.
Сбившись с привычной дороги, бегут не туда, куда надо.
Сам Метеор испугался! Куда ему возжи направить?
Жар испытать привелось тут впервые холодным Трионам [1]
И тяжела показалась для них невозможность, хоть ныне
В море запретном для них погрузиться от страшного зноя. [2]
Свившийся с холоду в кольца, всегда неподвижно лежавший
Между Медведиц, ленивый Дракон, безопасный дотоле,
Снова согрелся, и вновь закипела в нем прежняя злоба.
Помнят, что сам Волопас, несмотря на природную леность,
Вялость свою позабывши, бежал от палящего зноя.
Книзу взглянувши и вдруг увидав под ногами
Будто как в бездне глубоко лежащие земли,
Весь обомлел Метеор, задрожали от страха колени,
Света не взвидел, хотя окружен был сияньем.
Быстро мелькают пред ним по дороге различные дива,
И замирает в нем сердце при виде громадных животных.
По небу много рассеяно их. Существует опасное место,
Где Скорпион, как две равные дуги, расставил широко
Две ядовитых клешни, занимая хвостом и клешнями
Ровно два места один. [3] А теперь от палящего зноя
Черным он ядом потел и хотел нанести Метеору
Острым хвостом своим с жалом смертельную рану.
Бедный возница при этом утратил последний рассудок,
Весь охладел, опустилися руки. Но только лишь возжи
К спинам коней прикоснулись, ударили в сторону кони,
По незнакомым путям необдуманно-быстро помчались,
Волю почуяв, метались туда и сюда в беспорядке,
По бездорожью в пустынях небесных влача колесницу
И на ходу задевая в эфире за встречные звезды.
То вдруг подымутся вверх, то помчатся, к земле опускаясь,

[1] Septemtrio — север, от septem — семь и trio вол. Так называлось созвездие Б. Медведицы.

[2] Отсюда видно, что легенда возникла не южнее Калабрии или Константинополя, так как Б. Медведица там уже отчасти заходит.

[3] Его клешни в древности охватывали созвездие Весов.

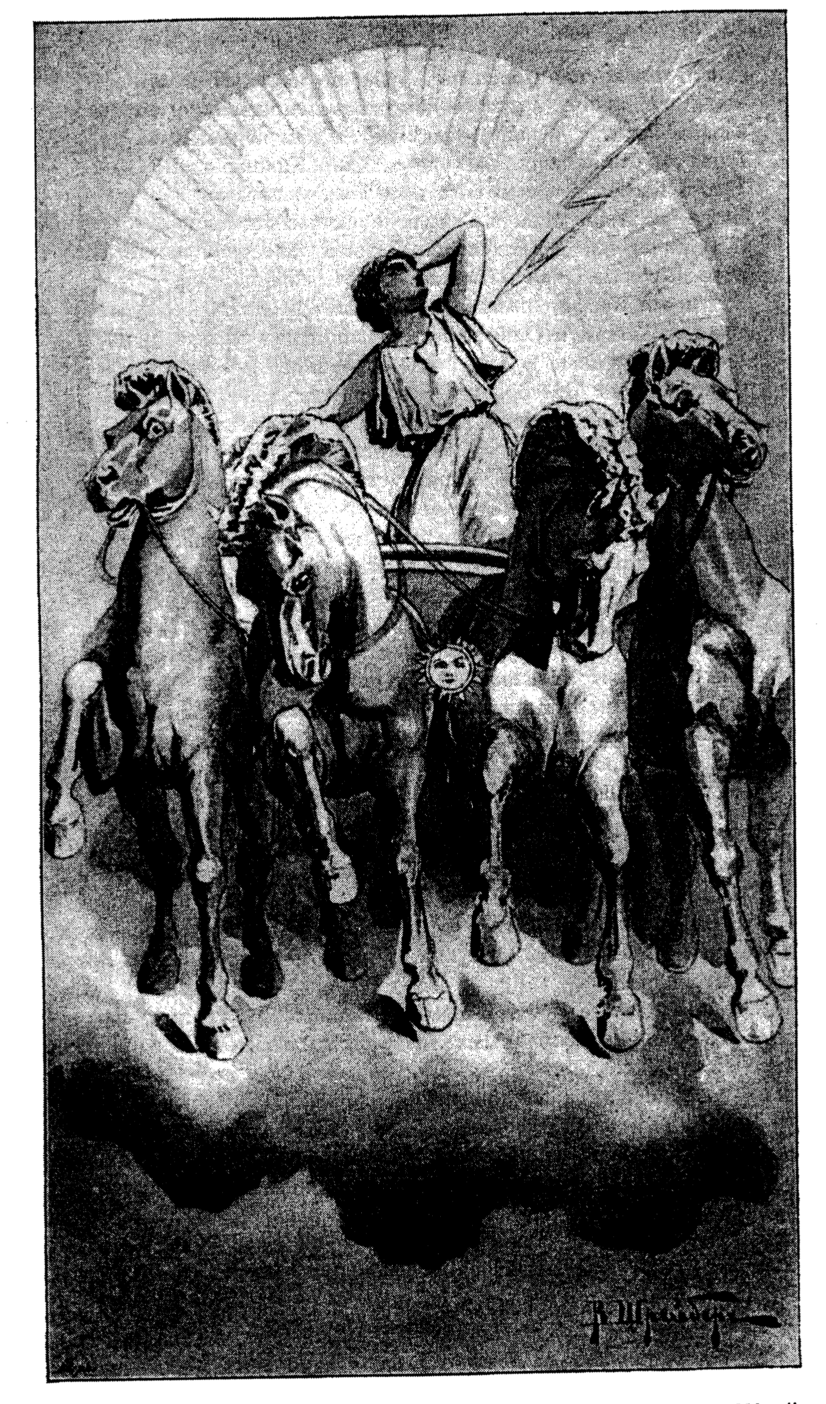

Рис. 39. Утренняя Заря подает колесницу Солнцу. Рисунок Шрейберга. Классический миф в апперцепции европейского художника XIX века.

Прямо по кручам ужасным. Луна не могла надивиться,
Видя, что кони у брата ее понеслись непривычной дорогой.
Копоть валит с облаков, поднимается дым коромыслом,
Горы зарделись, леса; загорается Тавр Киликийский,
Эта, и Тмол, и Афон, и богатая прежде ключами,
Ныне иссохшая Ида, и Гем (не Балканы как ныне),
И Геликон еще девственный. С силой удвоенной пышут
Этна высокая, Отрис, Парнас двухголовый и Эрик, [1]
Нет и для Скифии пользы в морозах. Зарделись вершинами Осса,
Пинд и Кавказ, и Олимп, поднимавший над ними вершину,
Альпы воздушные и Аппенины с вершинами в тучах.
Чувствует уж Метеор, что не выдержит долее жара,
Сил не хватает стоять в колеснице отца раскаленной
И выносить отовсюду врывавшийся в горло и в очи
С искрами жгучими, с дымом густым перемешанный пепел.
В черном тумане не видит он, где и куда ему ехать,
И бессознательно мчится по воле коней быстроногих.
С этих-то пор, — говорит нам преданье, — вся кровь в эфиопах,
К коже прихлынувши, черным окрасилась цветом,
Страны Ливийские влагу утратив, бесплодными стали,
Вплоть до средины курились Донские [2] могучие воды,
Ганг и Евфрат Вавилонский, [3] Дунай [4] и Рион, и Оронто.
Золото в Таге расплавилось. Даже и Нил устрашенный,
В дальние страны сбежав, на пределах Земли поселился,
Так свою голову скрыл, что ее не видать и доныне.
Высохли Рона и Рейн, как и По, гесперидские славные реки.

---

[1] Ardet in immensum geminatis ignibus Aetne Parnasusque biceps et Erix, Cynthus et Othrys.

Это сопоставление с Этной заставляет предполагать, что двухголовым Парнасом называется Везувий, Отрисом — Стромболи и Эриком — Гекла в Исландии.

В подтверждение своей догадки о Парнасе, отожествляемом классиками с современными скромными Лиакурскими горами в Греции, приведу, что его имя происходит, очевидно, от италийского faro — маяк (латинское fornus — печь, французское fourneau — горн). Отсюда же и еврейское פאר (ПАР) — гореть и русское слово *пар*. Самое определение: *двухголовый* дает фигуру Везувия, и на это же указывает посвящение Парнаса богу света Аполлону-Фебу, с его лирой в руке и колчаном и стрелами за плечами. Тут же, на Парнасе, жил и воскресший из мертвых Дионис, Вакх с его причастной чашей (по-латыни — кратером, crater) в руках, об избавлении от которой молился по сказанию и евангельский Христос.

[2] Tanais — Дон.

[3] Euphrates Babylonius, при чем Babylonius, должно быть, очень поздний эпитет.

[4] Ister — Дунай.

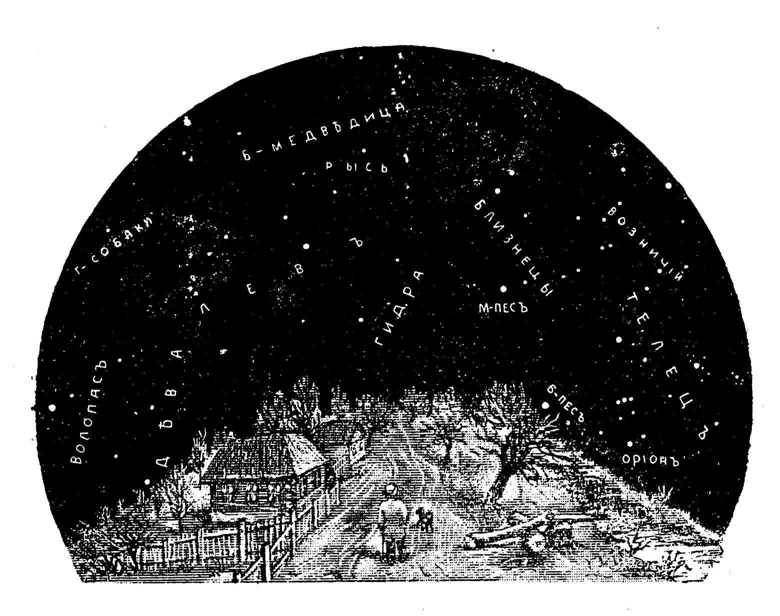

Рис. 40. Вид северной части неба в сентябрьскую полночь.

Рис. 41. Вид южной части неба в сентябрьскую полночь.

Даже и Тибр, обнадеженный будущей властью над целой вселенной,
Был иссушен всегубящим, пылающим зноем.
Море сбывало и сохло. Где прежде оно волновалось,
Там широко распростерлось песчаное днище.
Кроткая даже Земля, океаном вокруг обвитая,
Между морей и источников водных, собравшихся вместе,
Производительный лик свой из них приподнявши до шеи
И заслонивши от блеска глаза, содрогнулась, а с нею
Все всколыхнулось. Осевши пониже от жара,
Так возопила она к Громовержцу:
— «О, боже, из всех величайший!
«Что твои молнии медлят? Уж если судьбою жестокой.
«Мне суждено погибать от огня, то пускай я погибну

Рис. 42. Гея-Земля. Рельефное изображение на Фризе алтаря Громовержца в Пергаме. (Берлинский музей.)

«Прямо от молний твоих. Для меня и погибель сноснее.
«Если виновником будешь ты сам, наш отец всемогущий!
«Видишь, как в рот и в глаза мне влетают горящие искры,
«Сжалься над небом своим! Посмотри: оба полюса пышут!
«Если огонь повредит их, — разрушатся неба чертоги.
«Видишь, как страждет Атлант, напрягая последние силы,
«Чтоб на плечах удержать раскаленную ось мировую.
«Если и земли, и море, и неба чертоги погибнут,
«Все мы, пожалуй, опять в первобытный хаос обратимся.
«Что не сгорело — спаси, и приди на защиту Вселенной!»
И прогремел Громовержец... Пустивши стрелу роковую,
Разом ссадил Метеора с воздушной его колесницы,
Дрогнули кони, в противную сторону быстро метнулись,
И понеслись, хомуты исковеркав и возжи порвавши,
И разбросав по дороге обломки от дивной запряжки (рис. 43).

А Метеор бездыханный скатился стремглав с колесницы
И, распустивши по ветру пылавшие русые кудри,
Воздух мгновенно прорезал, как звезды, которые с неба
Падают (или как будто бы падают!) в ясные ночи.
Божьего сына в стране, отдаленной от родины милой,
Принял чужой для него Эридан в свои хладные волны,

Рис. 43. Взрыв большого метеорита (в Австрии).

И, пораженное молнией, сплошь обгорелое тело
Предали гробу потом геспериды [1] и сделали надпись:
«Здесь погребен Метеор, колесницы отцовской возница,
«Доблестно подвиг свершивший, хотя и не смог ею править».

Астрономический смысл этой поэмы указывался и до меня, но только греческое слово «Фаэтон» — т.-е. светоч, служащее

[1] Жители западных стран.

тут заголовком, неправильно толковалось как Сириус, тогда как все детали описания указывают, что поэма эта навеяна падением большого ночного метеорита, сначала ярко осветившего все алым светом, как бы зажегшего всю природу, а потом взорвавшегося с грохотом, дымом и пламенем, при чем обугленные обломки его упали в реку По (древний Эридан) в Ломбардии перед глазами автора этой поэмы.

Нам интересен здесь не сам метеорит, а подробности его падения. Автору поэмы известны уже и небесный экватор и эклиптика и, кроме того, не только два тропика, но и два полярных круга, за которыми солнце восходит не каждый день, и не каждая ночь остается без солнца. Здесь имеется уже представление и о земной оси, которая служит для вращения звезд-

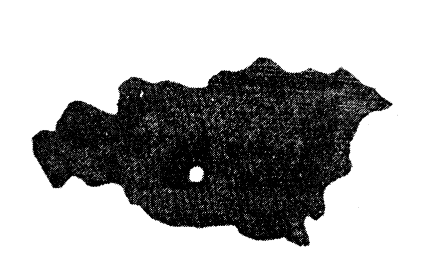
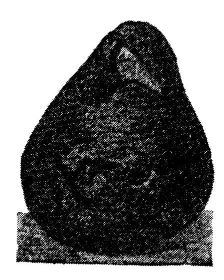

Рис. 44. Осколки взорвавшихся метеоритов (Овидиевы «обгорелые кости Метеора»).

ных небес. Созвездие колесницы превратилось в Медведицу, а взамен древних уродливых представлений о метеоритах, изображавшихся в виде огненных летучих змей и злых чудовищ, мы видим уже большую литературно-художественную фантазию, обнаруживающую у автора сильно развитое творческое воображение, недосягаемое для жителей земного шара в начале нашей эры, так как им тогда не на чем было его изощрить.

Вот, например, еще поэтическое объяснение солнечных затмений у Овидия, показывающее, что автор знал их причину не хуже Коперника:

«Не от того ты бледнеешь, о солнце, что прямо луна поместилась
«Между тобой и землей, как светило соседнее с нею, —
«Но от любви к Левкотее... Одну ты, одну ее любишь! [1]

[1] Nec, tibi *(soli)* quod lunae terris propioris imago
Obstiterit, palles; facit hunc amor iste colorum. *(Metam. IV, 203.)*

Точно так же и цинические пьесы Овидия совершенно в таком же духе, как рассказы у Раблэ, или в Декамероне.

В других его поэмах передаются тоже более чем средневековые представления о мироздании и понятие о боге-отце, как творце вселенной.

Вот хотя бы поэма в начале первой книги.

ВЕЧНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ВЕЩЕСТВА.

Дух мой в восторге стремится воспеть, как тела изменялись
Из первообразов в новые виды. Молю вас, — о боги! —
Вы, как виновники тех превращений, меня вдохновите
Песнь непрерывно провесть от начала вселенной доныне.

Прежде земля и вода, и небесные чудные своды,
Вся, одним словом, природа была одинакова видом
И называлась хаосом неясная, грубая масса,
Смесь безразличная. В ней, в постоянной вражде меж собою
Споры друг с другом вели современных существ элементы.
Не было Солнца-титана, который светил бы вселенной,
Не обновляла рогов и Луна бледнолицая ночью,
Не утверждалась Земля в окружавшей ее атмосфере
Осью своей, как с обоих концов равновесная тяжесть,
И не сжимали земли океаны в объятиях влажных,
Руки свои протянувши по дальним окраинам суши.

Где находилась вода, там и воздух в смешеньи с землею:
Так что вода не казалася жидкою, воздух — прозрачным,
Суша — достаточно твердою. Все было в виде превратном,
Все было в вечной борьбе. Ибо в теле одном совмещались:
С мягкостью твердость, с холодным горячее, с влажным сухое,
С тяжеловесным и плотным — лишенное всякого веса.
Бог и могучая сила природы борьбу прекратили,
Порознь раздвинувши небо с землей, с океанами сушу,
А с невесомым эфиром плотнейший строением воздух.
Но, разобрав все на груды и врозь по частям разложивши,
Все, разобщенное местом, связали союзом согласья.

В светло-лазурном, тончайшем эфире огонь засветился,
Местом жилища избравши высокий свод тверди небесной;
Тотчас примкнул к нему близкий по легкости воздух прозрачный.
Плотною массою суша под собственным гнетом осела,
Все элементы тяжелые вместе с собой увлекая.
Землю, кругом обогнувши, вода по краям разлилася,
После того, когда бог (неизвестный доселе, всесильный)
Каждой из этих частей предназначил отдельное место.

Он же и землю скруглил наподобие шара большого,
Чтоб ни с одной стороны не казалася гладкой равниной,
Пролил моря, чтоб они обошли по окраинам сушу
И поднимали волну при напоре бушующих ветров.

К ним он прибавил источники, реки, озера, болота;
Берег крутой приподнял по излучинам рек, из которых
Часть поглощает друг друга; иные ж, раскинувшись вольно,
Водной, широкой равниной, вливаются в бурное море.
Он повелел протянуться полям, приподняться пригоркам,
Зеленью лесу покрыться, восстать каменистым стремнинам.
В небе устроил — два пояса справа, два пояса слева.
Пятый в средине — жарчайший. Таким же числом разграничил
Промысл божественный землю, кругом заключенную в небе.
Столько же поясов в ней оказалося. Средний —
Необитаем от жару, два крайних снегами покрыты;
Но средь холодных и жарких по поясу лучшему сделал
С климатом мягким, как-будто там смешан был пламень с морозом.
Сверху их воздух устроил, который огня тяжелее настолько,
Сколько земля тяжелее воды. А по сферам прозрачным
Он повелел разместиться и влажным туманам, и бурям,
Молниям, ветрам, с собой приносящим морозы и тучи.
Ветрам, однако, премудрый Строитель вселенной дозволил
Краем воздушным и легким владеть не кому как попало:
С ними при строгом порядке, едва лишь управиться можно,
Чтоб не разрушили мира: таков уж раздор между братьев.
Выше над всеми — поставлено было эфирное небо,
Где даже признака грубой земли отыскать невозможно.
Только-что каждая область поставилась в верные грани,
В небе зажглися лежавшие долго под сводами звезды.
И закипело своею отдельною жизнью все в мире огромном.
Боги и разные виды светил в небесах поселились,
Рыба, блестя чешуею, нырнула в прозрачные воды,
Воздух удобоподвижный достался в жилище пернатым,
Дикие звери в удел получили сухие пространства.
Не было только животного с разумом крепким и с волей,
Чтобы законы всем прочим предписывать, властвовать всюду.
Произошел человек. Порождение лучшего мира,
Был ли он создан Строителем прямо из семени вышних,
Или же в новорожденной земле, разлученной недавно
С светлым эфиром, родных ей небес семена удержались,
И Иафетов потомок, смешавши ту землю с водою,
Сделал из смеси подобье богов, — неизвестно доселе.
Так из земли безобразной и грубой Строителем мира
Был сотворен человеческий образ, незнаемый прежде.
Первый век был золотой, — уважавший и честность, и правду,
Не из боязни закона иль казни, а доброю волей.
Горестей, страха и муки в то время не ведали люди.
Грозное слово закона на медных досках не читалось,
Все без судьи и суда проживали в покое и мире.
Вечно царила весна, и Зефиры, резвяся, летали,
Теплым дыханьем цветы, без семян выраставшие, нежа.

Землю не драли плугами, а хлеб в изобильи родился,
Поле, в *пару не лежавши,* желтело от тучных колосьев.
После ж того, как Сатурн был низвергнут титанами в Тартар.
Миром правление принял Юпитер, и век изменился.
Стал уж серебряным: золота хуже, а меди ценнее.
Древнюю вечную вéсну Юпитер тогда уничтожил,
Год разделив на четыре неровные части: на зиму,
На переменную осень и лето с короткой весною.
Воздух от сильного жара впервые тогда накалился.
Лед от холодного ветра повис на деревьях безлистных.
Все забралися в дома, а домами избрали пещеры,
Или густые кусты, или лыком скрученные лозы.
В первый раз семя Церерино под бороздой завалилось,
И закряхтели быки, под тяжелым ярмом надседаясь.
Третий век медный настал, предыдущих гораздо грубее,
Более к войнам пристрастный, однакоже век не преступный,
Только в последний — в железный, все разом пороки ворвались,
Правда и честь, и стыдливость с земли навсегда удалились.
Место же их заменили обманы, коварства и козни,
И ненасытная, гнусная жадность к захвату чужого.
Сосны, стоявшие долго на горных родимых вершинах,
Легкой ладьей обратившись, спустились в морские пучины,
И понеслись по волнам прихотливым в открытое море
На парусах, незнакомых еще с своеволием ветров.
Общую прежде, как солнечный свет или воздух свободный,
Землю тогда землемер обошел, разделив на участки.
Но не плодов или жатв от земли ожидали народы,
А, углубившися в недра, на горе себе добывали
Смерти орудье, железо и — ах! — еще хуже железа —
Золото. Ибо и то, и другое у них обращалось
В средство к ведению войн беспрерывных и вечных усобиц.

Но ведь это же все — в астрологической части — предкоперниковские представления, а в космогонической части они дышат кануном Лавуазье и Лапласа! Как можно подумать, что все это писалось за тысячу лет до них? Это значит прямо издеваться над всеми законами эволюции.

А вот и литературные приемы того же «Овидия», подписаться под которыми не отказался бы и Лессинг. Возьмем хотя бы его поэтическое объяснение происхождения эхо:

ЭХО.

Раз, когда робких оленей Нарцисс уловлял в свои сети,
Нимфа красавица, звучное Эхо, его увидала.
Ныне она обратилася в звук, а в то время имела

Обыкновенное тело, но словом все так же владела,
Как и теперь, потому что она из всего, что услышит,
Только и в силах была передать лишь последние звуки.
Так захотела Юнона, которой нередко был случай
С нимфами мужа застать на горе средь объятий преступных,
Но, как нарочно, богиню, бывало, займет разговором
Ловкая Эхо, а нимфы в то время как раз и исчезнут.
Сметивши хитрость, Сатурния так прорекла в озлобленьи:
«Будешь ты плохо владеть языком, посмеявшись над мною,
«И перестанешь болтать без умолку!»
Сбылися угрозы:
В ней вдруг осталася только способность в конце разговора
Снова слова повторять, передать только то, что услышит.
Видя Нарцисса, бродившего в темном лесу на охоте,
Эхо его полюбила, за ним все следила украдкой.
Чем она больше к нему приближалась, тем больше пылала.
Словно смола на кудели, которая вспыхнет мгновенно,
Если ее хоть немного поближе к огню пододвинуть.
Сколько раз думалось ей подойти к нему с милым приветом,
С ласковым словом. Но есть ли возможность природу осилить?
Силы начать разговор не хватает, и ждет не дождется
Звуков его, чтоб на них отвечать, по природе.
Раз, отделившись от прочих товарищей, юноша крикнул:
«Гоп-Гоп! Здесь кто-нибудь есть?»
«Есть»,—ответила Эхо проворно.
Юноша был поражен, с удивленьем вокруг осмотрелся
И еще громче:
«Сюда!» — восклицает.
Ему отвечают
Зовом на зов его.
«О! для чего от меня убегаешь?»
Он говорит, никого подходящего близко не видя,
И получает в ответ свою фразу от слова до слова.
Остановился Нарцисс и, увлекшись таким повтореньем
Собственных слов, восклицает:
«Вот здесь мы с тобою сойдемся!»
Не было звука на свете, который бы Эхо хотела
С большей любовью теперь повторить, и сказала:
«Сойдемся!»
Речью своею увлекшись, вот, из-лесу нимфа выходит
В полной надежде обвиться вкруг шеи, столь долго желанной,
Но убегает Нарцисс, на бегу отвечая поспешно:
— «Прочь отними свои руки! Скорее лишу себя жизни,
«Нежели повод подам, что отвечу на страсть твою страстью».
Эхо, в ответ повторивши:
«Отвечу на страсть твою страстью!»
Бросилась в лес, и румянцем стыда запылавшие щеки

Спрятала в зелени. С этой поры для отринутой нимфы
Стали приютом всегдашним пустынные только пещеры,
Но в ней любовь не остыла, а больше росла от отказа.
Тело несчастной заботы бессонные все источили,
Только лишь голос остался, а кость обратилася в камень.
Скрылася Эхо в леса. На горах уж ее не видали,
Слышать же слышали все: ее жизнь проявляется звуком.

Как можно даже на минуту подумать, что такая «изящная поэзия» существовала в то время, когда еще не было известно даже и бумаги, за 600 лет до того, как сторонники Магомета писали его Коран на бараньих лопатках, когда папирус был драгоценностью в Европе? Ведь при такой литературе для пергамента, при широком употреблении, не хватило бы бараньих кож, да и выделка его была такая дорогостоящая, что приходилось писать на нем без черновиков. А изящная литература, как и артистическая игра на рояли, требует постоянного упражнения и преемственности. *Она—дитя скорописи и беглого чтения.*

Нет! Это явный апокриф эпохи Возрождения, такое время, когда тряпичная писчая бумага была уже в широком употреблении, и ее не жалели тратить на предварительные опыты и черновики.

С тех пор, как укрепилась в науке эволюционная теория и вошла в сознание идея о том, что фундаментом психического совершенствования человека является материальная культура, приписывать «классическим писателям» большую древность стало совершенно невозможно. Самая манера латинских классиков давать своим героям греческие имена характерна для эпохи Возрождения.

В одном из своих произведений сам Овидий говорит, что по происхождению он не какой-либо новоиспеченный, а старинный знатный рыцарь — equis illustris (Reiter, chevalier, cavaliere), хотя и не состоял никогда на военной службе. Родиной его считают именье на реке Пескаре в Неаполитанских Абруццах, потом он, — говорят, — жил в Риме, путешествовал по Греции и, наконец, был сослан «Августейшим» неизвестно за что на Нижний Дунай в какое-то Томи, где и умер.

Знаменитость его, не известного в средние века, сделалась так велика (и не напрасно!) в начале XVI века нашей эры, что в царствование большого любителя классиков Фридриха III Мудрого (1486 — 1525), основавшего Виттенбергский универ-

ситет, было открыто вслед за быстрым распространением сочинений Овидия и несколько его гробниц. Особенно посчастливилось в этом отношении 1508 году, когда были сразу найдены две несомненные, судя по надписям: одна в Нижней Венгрии, на которой начерчено прямо: P. OVIDII NASONIS, и другая в Саварии с такой же точно надписью. Из остальных его могил более достоверны: одна в Паннонии, другая на пути из Понта в Рим и третья в Томи на Дунае, где Овидий, — говорят нам, — писал стихи и на немецком (готском) языке.

Все это показывает, что он жил едва ли много ранее XV века нашей эры, но, к сожаленью, я не нашел в его стихах (хотя в них и постоянно упоминаются планеты и созвездия) ни одного астрономического места, годного для точного вычисления времени его жизни.

Прибавлю еще, что и в самих псевдо-именах классических писателей, когда их произносишь, зная смысл, выходит иногда сплошной комизм. Вот хотя бы знаменитый Виргилий, рукописи которого Медицейская и Ватиканская были открыты лишь в 1740 году, почти через триста лет после того, как в 1469 году были изданы его сочинения. Его полное имя Publius Virgilius Maro (или Marro) в переводе с латино-итальянского значит «Публичный девичий каштановый орех», при чем еще вдобавок «каштановый орех» по-итальянски фигурально обозначает секретную книгу для чтения.[1] Немногим лучше выходит при переводе и Корнелий Непот, по-латыни «Рогатый внук», и сам знаменитый оратор Марк Цицерон — в переводе «Увядший горох»,[2] и только что цитированный Овидий, полное имя которого Публий Овидий Назо — значит «Публичный яйцевидный нос» (Ovidius — Ovoideus).

А если обратимся к разговорам древних исторических деятелей, то и в трагически-патетическом предсмертном восклицании Юлия Цезаря, убиваемого своими же друзьями: «*И ты, Брут!*», мы с изумлением услышим: «*И ты, скотина!*», потому что имя

[1] Publius — вариация слова publicus, Virgilius или Vergilius — прилагательное от слова virgo (древне-италийское vergo) — дева. А если допустим, что maro не есть транскрипционное сокращение marro, то находим в итальянском и просто maro — кошачья трава, италийское название растения из рода marum.

[2] Marcus — увядший, усопший, клейменый; cicero — горох.

«*Брут*» и значит по-латыни «*скотина*».[1] Невольно спрашиваешь себя: не юмористика ли это средневековых апокрифистов, нарочно выдумывавших себе такие псевдонимы?

В общем же мне кажется, что частые прибавки букв M, C, L и R перед именами «римских» деятелей имели в Италии и значение титулов: M — marchese (маркиз), C — conto (латинское comitus — граф), L — lucidezza (его светлость), publico (его знаменитость). В церковном же языке M могло означать *усопший* (mortus), C (Caius) — *святой* (греческое ἅγιος). А потом уже все это было превращено в латинские собственные имена.

При специальном обзоре классической литературы, в связи с развитием религиозных представлений в средневековой Италии и Западной Европе, я еще буду специально развивать эти свои воззрения на палео-классическую литературу, как на апокрифы конца средних веков, а теперь я сделал только краткие замечания, без которых мое скептическое отношение к древности классицизма показалось бы слишком необоснованным непредупрежденному читателю, особенно же специалистам по этому предмету, которым с юности внушена идея о древности классической литературы.

Но я убежден, что ее детальное исследование посредством указанных здесь мною стилеметрических, астрономических и других рациональных методов вольет новый свет и в этот запутанный предмет.

«Средневековой латинский язык (т.-е. еще носивший многочисленные следы современных ему живых средневековых говоров) существовал вплоть до эпохи Возрождения, — говорит В. А. Богородицкий[2] — и лишь потом был *восстановлен* древне-латинский язык».

И вот, вся моя разница в воззрениях на этот предмет с нашим ученейшим сравнительным языковедом заключается лишь в одном слоге: вместо *вос*становлен, я говорю *у*становлен.

---

[1] Латинское brutus, итальянское bruto, французское brute — грубый зверь, скотина.

[2] Лекции по общему языковедению. Казань. 1913.

ГЛАВА IV.

ГРЕЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Грубая церковная греческая литература средних веков была матерью классической греческой литературы, а не ее дегенеративной дочерью.

Из моей записной тетради.

Разделение труда, — говорят нам, — есть одно из важнейших условий его производительности. Вот хоть изготовление булавок, как оно было в XIX веке. Один режет проволоку, другой ее заостряет, третий пристукивает головку, четвертый укладывает в пачки. Изготовляемая булавка переходит из одних рук в другие, каждый делает лишь свою деталь, и все быстро кончается, потому что происходит в одном месте и в одно время. Но что сказали бы вы, если б кто-нибудь устроил свою мастерскую так, чтобы в одном городе только рубили проволоку, в другом, и притом очень отдаленном, только ее заостряли, и в третьем, еще дальше, только пристукивали бы к ней головку и везли в четвертый город на склад для распределения?

А если это было бы нелепо, то как же можно себе представить, что именно так и случилось при развитии литературы какого-либо передового народа, где поэзия и проза, наука и беллетристика, во всех их формах, представляют только различные стороны деятельности пробудившегося человеческого гения, всегда и везде рвущегося по всем доступным направлениям? Как можно себе представить, чтобы они были распределены по различным векам и городам? Как можно представить, что, например, греки несколько сот лет разрабатывали в одной своей области только один род литературы, потом, забросив его, несколько сот лет занимались в другом месте другим, потом, забросив и это, несколько столетий занимались третьим, и опять в новом месте? Возможно ли такое разделение литературного труда по городам и векам?

Конечно, нельзя себе даже и представить. А между тем нам говорят, что это было так, и разделяют греческое умственное творчество на пять периодов.

I период. В нем, — говорят нам, — греческая и вся вообще человеческая лирическая поэзия была начата сразу величайшим из всех поэтов Орфеем — сыном музы Каллиопы, укрощавшим зверей своими песнями, выведшим с ними свою жену Эвридику даже из подземного царства, но разорванным, наконец, на клочья восхищенными его музыкой вакханками более чем за 1000 лет до начала нашей эры, и от его песней и стихотворений ничего не осталось.

Затем был поэт Музей (которого, быть-может, сделали из Музея-Грамматика, автора поэмы «Геро и Леандр»). Затем Эвтолп и Памир и, наконец, Гомер, будто бы живший около 900 года до начала нашей эры и написавший «Илиаду» и «Одиссею». Однако, по исследованиям современных авторов, он был только талантливым компилятором, скомпановавшим в одно целое песни греческих баянов, героем которых в Илиаде является быстроногий Ахиллес, а в Одиссее — хитроумный Одиссей-Мореплаватель.

Когда же это было? Действительно ли за 900 лет до начала нашей эры? Но появление в полном виде таких огромных поэм (для которых не хватило бы никаких глиняных плиток и на которые даже пергамента пришлось бы употребить целый воз) явно невозможно в древности. Это — компилятивная литература скорописного и бумажного времени. Такие вещи не могли быть написаны ранее средних веков. Да и город Илион в Тройаде очень напоминает Элию Престольную (Aelia Capitolina), как назывался палестинский современный Псевдо-Иерусалим при Траяне. А самое имя Элий то же самое, что и Илия.

Что же касается до «Войны мышей и лягушек», тоже по стилю приписывавшейся прежде Гомеру, то эта поэма теперь считается лишь талантливой пародией на «Илиаду», в которой в напыщенной, величавой форме описываются под видом битв лягушек и мышей совершенно такие же деяния, как и в «Илиаде». Думать, что это произведение тоже очень древнее, совершенно невозможно.

Да вообще о всех эпических больших поэмах нельзя сказать, чтоб какая-нибудь из них предшествовала другим видам литературного творчества. Вот и у нас, в России XVIII века, Ломоносов пишет «Петриаду», Тредьяковский — «Телемахиду» и Херасков — «Россиаду». Перед этим, в Западной Европе Камоэнс

создает «Луизиаду», Тассо «Освобожденный Иерусалим», Ариосто «Неистового Роланда», Фирдуси пишет «Шах-Намэ», Руставели «Барсову кожу», а еще ранее Виргилий пишет «Энеиду», тоже в такое время, когда на латинском языке существовали уже все виды поэзии и прозы. Так почему же мы должны обязательно думать, что «Одиссея» и «Илиада» (взятые целиком) предшествовали остальным видам греческой литературы, а не представляют собой даже очень поздних компилятивно-поэтических работ, непосредственно предшествовавших Виргилию, или даже являющихся дальнейшим развитием его «Энеиды?»

С этой точки зрения все большие эпические произведения, не исключая и «Нибелунгов» в Германии, и «Калевалы» у Финнов, и «Эдды» у Скандинавцев, являются результатом чьего-то индивидуального творчества, которое только пользовалось отдельными мелкими поэмками своих предшественников, как каменщик кирпичами при постройке большого здания, даже очень сильно обтесывая их, где это нужно по его форме.

Ведь и теперь у нас талантливый поэт мог бы из былин об Илье-богатыре создать целую «Илиаду», расположив их в определенном порядке, обтесав, где нужно, и сцементировав промежутки собственными вставками в том же стиле и размере.

Отодвижение этого рода литературы у греков в глубокую древность не представляется естественным с эволюционной точки зрения. Много легче, наоборот, допустить очень позднее его происхождение, когда накопилось достаточно литературного материала и начитанности для цементировок больших поэм.

И вот мы дошли теперь до Гезиода, считающегося завершителем этого **древнейшего** периода греческой литературы, создавшего будто бы в Беотии рапсодии, т.-е. сочинения на народные темы в фантастической форме, и дидактические, т.-е. поучительные, стихотворения, к которым принадлежат его «Труды и Дни» и, кроме них, «Теогония» и считаемый подложным «Щит Геракла». Эта форма поэзии, излагающая в стихах научные предметы, пропав куда-то у греков после Гезиода, вдруг воскресла на латинском языке у Виргилия в «Георгиках», у Горация в его «Поэтическом искусстве», а затем снова заснув на тысячу слишком лет, опять воскресла к пышной жизни в эпоху Возрождения у нео-классиков и даже попала в русскую литературу, как, например, воспевание бога Державиным:

О, ты, в пространстве бесконечный,
Живый в движеньях вещества,
В теченьи времени предвечный,
Без лиц в трех лицах божества!

Или в стихотворении Ломоносова «О пользе стекла».

И вот, я во второй раз спрашиваю: возможны ли в эволюции человечества такие долгие спячки и внезапные короткие пробуждения одного и того же рода литературы в иных странах и иных веках, уснув навеки на своей родине? Ведь, если так, то и наша современная наука и литература могут вдруг неожиданно и беспричинно заснуть тысячи на две лет и потом внезапно пробудиться к новой жизни... например, на луне.

Перейдем теперь ко *второму периоду* древне-греческой литературы, начавшемуся с VIII века до начала нашей эры. Здесь тоже своеобразный колорит.

Вот, — говорят нам, — встает в VII веке до начала нашей эры Каллин в Эфесе и создает стих из двух строк, на военные и патриотические темы, но его произведения имеются лишь в цитатах поздних авторов. А на Паросе поднимается, одновременно с ним, творец ямба, Архилох, писавший такие эпиграммы, что люди, против которых они были направлены, кончали жизнь самоубийством, как это было, например, с некиим Ликамбом и его дочерью Необулой. А потом его стихотворный размер подхватил Гораций в Риме через 600 лет после смерти изобретателя.

В том же минус седьмом веке восстают Ксилин и Хромой Тиртей (Тиртевс) в Афинах, до того воодушевивший своими песнями спартанцев, что только благодаря ему они одержали победу над мессинцами.

А Мимнерм в Колофоне пишет в том же веке замечательные любовные элегии. Терпандр на острове Лесбосе в — 676 году изобретает музыкальный инструмент кифару, и первый напевает под говор струн свои, не дошедшие до нас, лирические произведения. Алкей в Митиленах пишет в — 600 году оды, гимны и любовные песни, громит тиранов и воспевает храбрость.

Его современница — поэтесса Сапфо, названная Платоном «Десятой Музой», конкурирует с ним в тех же Митиленах в любовных стихотворениях и гимнах, изобретает сапфический стих и бросается в море со скалы из-за несчастной любви.

Затем Анакреон (ум. — 495) творит короткие куплеты из четырех строк, и все поселяне и горожане ведут хороводы в рощах под звуки струн и лирических напевов своих поэтов и поэтесс.

В этот период мелодическая песнь, —говорят нам, — разделилась на эолийскую, при которой, вероятно, под звуки эоловой арфы греческие пастушки и пастушки воспевали веселье и чувственные радости жизни, и хорическую, когда все пели хором возвышенные гимны при торжественных процессиях в честь богов.

Одновременно с этим, Теогнис в Мегаре и Фукидид в Милете публикуют свои поученья — гномы. Симонид первый, современник «десятой музы» — Сапфо, в 600 году до начала нашей эры, в Аморге ядовито осмеивает женщин, а Симонид второй вслед за ним (— 556, — 468) воспевает битву при Фермопилах, и одновременно с ним Гиппонакс в Эфесе делается знаменит своими недошедшими до нас сатирами.

Стесихор, умерший в — 556 г. в Сицилии, создает там лирические произведения в гомеровском стиле, а в Фивах восстает величайший лирический поэт Пиндар (— 522, — 448), придумывающий необыкновенные по своей силе гимны богам, дифирамбы героям и эпиникии, т.-е. хоровые оды с музыкой и пляской в честь победителей на олимпийских, пифийских, немейских и истмийских играх. Сорок пять из приписываемых ему эпиникий имеются и в русском переводе, но древность их рукописей, как и всех греческих, не доходит до пределов даже средних веков.

В это же время, — говорят нам, — Сусарион в Триполи и Фестид создают комедии и трагедии в виде религиозного дифирамба божественному Дионису, миф о котором носит все основные черты евангельских мифов о Христе. Он был сыном бога Громовержца, творца небес и земли, от земной девушки Семелы, которая в позднейших мифах превращается в богиню Деметру. Разорванный *тиграми*, он ожил после того, как его сердце проглотил Громовержец, и празднества в его честь сопровождались попойками, отдаленные следы которых остались в современном запивании причастия красным вином, разбавленным, по древнему греческому обыкновению, водою.

Отсюда происходит и слово «комедия» (греческое комой-дии), т.-е. процессии богу Громовержцу, остаток которых мы имеем

в православной прос-комедии, что значит, — предшествие богу Громовержцу. Менее ясно происхождение слова трагедия (τραγῳδία), сокращение слова *трагос* (τράγος) — козел и *одэ* (ᾠδή) — ода, песнь, т.-е. процессии в честь Козерога с человеческим жертвоприношением. Да и самое имя Дионисий на востоке превратилось в Богуса, т.-е. бога (в латинской транскрипции Бахус).

Все это указывает, что комедии вообще начались с христианской прос-комедии, и их напрасно относят в дохристианскую древность.

Из философов этого времени,— говорят нам,— Анаксимандр из Милета (— 611, — 545) выделяет из беспредельности четыре элемента средневековых алхимиков: сухое и влажное, холодное и теплое. Анаксимэн в Милете (—VI век) утверждает, что начало всего есть беспредельный воздух, из которого через разрежение образуется огонь, а через сгущение — вода, земля и ветер. А Ксенофан (— 570, — 480) провозглашает, что «бог и мир одно и то же», и восстает против средневекового теологического антропоморфизма.

Начинается, — говорят нам, — *классический период* греческой беллетристики, когда авторы, перелетев мыслью через 1000 лет в будущее, начинают писать совершенно тем же языком, как и в эпоху Возрождения.

Выходит на сцену Эсхил (— 525, — 466), истинный отец греческой трагедии, положивший начало диалогу. Он пишет «Прикованного Прометея» и, — говорят нам,— творит *(без бумаги)* 70 других трагедий, из которых семь имеются в наших библиотеках в полном виде. Вслед за ним выступает Софокл (— 485, — 400). Вместо слепого следования року, характеризующего произведения Эсхила, он вносит психологическую мотивировку действия, вводит кроме диалогов и трилоги, и патетические разговоры. В цельном виде из приписываемых ему трагедий мы имеем тоже семь, но в отрывках ему приписывают до 130.

Выступает Еврипид (— 480, — 405), особенный мастер в изображении женских дурных характеров, введший прологи и злоупотреблявший вмешательством богов для разрешения запутанных человеческих действий.

Появляются Ион на Хиосе (—V век), со своими, не дошедшими до нас, элегиями и трагедиями; Агафон (— 448, — 401) с риторическими местами в своих пьесах; сатирик-драматург

Ахей (— 480, — 406) и Крития. Комики — Хионид, Магнет и Кратин (— 520, — 423) выступают с комедиями обличительного характера и, наконец, появляется сам Аристофан (— 452, — 380), осмеявший демагогов, философов, писателей, судей и женщин с претензиями на общественную деятельность.

Вслед за ними выступают Антифан (— 405, — 330) из Родоса, написавший *(без бумаги)* 200 пьес; Евбул (—376) пишет пародии на Еврипида и 104 комедии, относительно которых неизвестно даже имен. Менадр (— 342, — 290) творит реалистические комедии, известные только в латинских текстах Теренция и Плавта.

Неожиданно появляются, как deus ex machina, многотомные историки.

Геродот, отец истории (— 485, — 425), дарит нам «Историю персидских войн», во введении к которым много говорит о возвышении персидского царства, Вавилонии, Ассирии, Египта, Скифии и Ливии, при чем древнейшей рукописью считается медичейская, относимая к X веку нашей эры.

Фукидид (— 424, — 404) пишет многотомную «Историю пелопонесской войны». Ксенофонт (— 434, — 359) дает ее продолжение и описывает отступление 10 000 греков под его начальством из Малой Азии; Ктесиас (— 400) пишет персидскую историю; Феопомп (—IV век) продолжает историю Фукидида и дает нам очерк своего времени; Ефор (—400) пишет всеобщую историю со времени «переселения дорийцев» до —340 года...

Но вот величайший оратор мира Демосфен (— 383, — 322) произносит свои «филиппики», и огромный урожай на историков прекращается в минус четвертом веке. Он возобновляется с новой силой только в минус втором веке, когда Полибий (—205, — 123) пишет *(без бумаги)* сорокатомную историю распространения римского владычества. Из этих сорока томов известны, правда, только пять книг, но многочисленные цитаты из него находятся у разных поздних авторов в доказательство верности их представлений. Диодор Сицилийскй, живший в самом начале нашей эры, доводит в сорока томах своей «Исторической библиотеки» историю всех, известных в то время, народов до минус 60 года. Художник Аполлодор (—520) изобрел в это время уже штриховку и тени в живописи, а другой Аполлодор (—140) написал географию в стихах, историческую хронику и сборник мифологических сказаний. Дионисий Галикарнакский дарит нам

в минус первом веке на греческом языке 20 томов «Римской археологии», из которых известны девять. Страбон (—54,—24) пишет *(без бумаги)* семнадцать книг всеобщей географии, считающейся лучшим первоисточником для изучения земли и ее народов[1] во времена евангельского Христа, хотя и не говорит о нем. И, наконец, появляется сам этот «Христос», великий врач, исцеляющий больных одним своим прикосновением и воскрешающий даже мертвых, великий алхимик, превращающий воду в вино и признанный компетентными людьми за сына самого бога Громовержца.

Начинается христианская эра, и ее основатель хотя и был «еврей из Сирии», но ученики его оказываются почти все греками и пишут исключительно по-гречески.

Оставляя пока характеристику первых веков христианства, обратимся снова к его кануну и посмотрим другие стороны тогдашней умственной жизни.

Не менее процветают в это время и наука, и философия. Разработка их в Греции, — говорят нам, — началась еще в то время, когда Симонид Старший осмеял женщин.

Прежде всех поднялся гигант науки и философии Пифагор (— 580, — 500) и основал в Кротоне свое пифагорейское товарищество, открыл знаменитую в эпоху Возрождения теорему «Пифагоровы штаны», выработал теорию чисел (сделавшуюся в действительности возможной только через тысячу лет после него, со времени изобретения арабами десятичной системы счисления) и, наконец, основал астрономию, которая по тем же нашим первоисточникам создана лишь в минус втором веке Гиппархом, жившим через 400 лет после него.

Оглохший к раздававшимся еще звукам последнего поэта того периода — Пиндара, греческий гений бросается к науке. Поднимается Гераклит (—500 г.) в Эфесе, провозгласивший огонь (он же: святой дух) первопричиной всех веществ, которые возникают из него и исчезают в нем. — Но ведь это — флогистон эпохи Возрождения, изгнанный из науки только гением Лавуазье! Он объявляет, что Слово (Λόγος — по-гречески) есть мировой разум, но это же самое открывает через 500 или даже через 1000 лет и автор евангелия Иоанна, и провозглашает, как свое,

---

[1] Прекрасный русский перевод Мищенко.

в знаменитом изречении «в начале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было — бог». Кроме этого, Гераклит же произнес и гремевшее в эпоху Возрождения изречение: «*все течет*».[1]

Одновременно с ним, в Ионии рождается Анаксагор (—400, — 428), но переселяется в Афины (впервые возрождающиеся при нем к умственной жизни) и провозглашает там, что все состоит из множества делимых до бесконечности и вечно неизменных первовеществ, распределяемых мировой мыслью; за них его, будто бы, прогоняют из свободомыслящих Афин, как это ни странно. И в то же время, в колонизированной греками Сицилии, в нынешнем Джирдженте, Эмпедокл (— 490) поправляет и Гераклита, и Анаксагора и объявляет то самое учение, которое воскресло через две тысячи лет и господствовало безраздельно в ученом мире вплоть до возникновения новейшей химии, — учение о четырех стихиях: огне, воде, земле и воздухе, из которых будто бы слагается все сущее, когда соединяет их предвечная Любовь, и разрушается, когда их разделяет Вражда. А Зенон создает Диалектику, как искусство спора, путем приведения опровергаемого положения к нелепости...

Но, вот, не успели еще они умереть, как поднимается новый гигант мысли, Демокрит (— 460, — 370), и, низвергая (будущие!) средневековые теории о делимости вещества до бесконечности и о четырех стихиях, провозглашает полностью атомистическую теорию новейшей химии за 2200 лет до ее возникновения! Он делает это открытие во Фракии, и как раз в городе Абдере, считающемся в классической литературе «глупейшим из всех земных городов», так что слово «абдерит»[2] было синонимом дурака.

«Все — говорил он так же, как и Лавуазье потом в Париже,— состоит из неделимых атомов, и все явления природы объединяются их движениями». Читатель видит сам, что даже и наша современная электронная теория была предвосхищена за 2300 лет до нас в самом глупом из древне-греческих городов!

И одновременно с ним на острове Ко́се Гиппократ (—460,—356) основывает медицину совершенно в том же виде, в каком она будто бы вторично «воскресла из забвения в эпоху Возрождения».

[1] πάντα ῥεῖ (панта рей) — все течет.

[2] Абдерит — синоним крайней глупости у греческих классических писателей.

Он пишет «семь книг об эпидемиях», создает диагностику, издает *(без бумаги)* книгу о переломах костей, о членах человеческого тела,[1] и все в ней так, как писали *(уже на бумаге!)* в Европе, в XIII веке!

Одновременно с ним эффектно является на сцену и уходит с нее прославленный Сократ (т.-е. по-гречески: Спаситель Власти, а имя жены его—Ксантиппа—значит Рыжая Кобыла). Он, — говорят нам, — не оставил ничего от своей великой мудрости, потому что учил обыкновенно на улицах и площадях, где было очень трудно его записывать, но он был продолжен плодовитым писателем Платоном (— 427, — 347), диалоги которого я уже разбирал выше стилеметрическим способом, при чем указывал, что между ними нет ни одного, который не считался бы за подложный тем или иным из новейших ученых платонистов. И наиболее характерной особенностью его философии является то, что всякому бытию, будто бы, предшествовала его идея, заменившая тут «Слово» евангелиста Иоанна, и она же по нему является и вездесущим богом, творцом всего. Но, ведь, это уже исправление наивного представления Иоанна!

И вот, — говорят нам, — вслед за Платоном выходит на историческую сцену сам Аристотель (— 384, — 328) из Македонии, мудрейший и величайший из всех ученых. Он основывает логику, дает до-Линнеевскую классификацию животных и становится, — говорят нам, — после долгого полного забвения руководителем западных ученых эпохи Возрождения по вопросам биологии, органографии, систематики, науки о государстве и делит душу животных на три души: растительную, животную и мыслящую, существующую только у человека. Через 1000 лет (не ранее VIII века) его сочинения появляются, — говорят нам, — на арабском языке, а в XIII и XIV веках он открывается в Европе и объявляется незыблемым авторитетом и всеобщим верховным учителем. Не мудрено после этого, что вместе со смертью Аристотеля урожай на философов в древней Греции прекращается.

Наступает *четвертый период,* называемый **Александрийским,** со времени постройки Александрии, как выражаются, «*в 335 году*

[1] «Epidemiorum libri septem»; «De articulis»; «De fracturis»; «Praenotiones et Prognosticon».

до Рождества Христова», и он продолжается до самого этого «рождества».

Прекращаются на греческом языке и трагедия, и комедия, и поэты лирические и сатирические (таблица XXIII); философы перестают философствовать, политические ораторы смыкают свои уста, и только буколические поэты родятся на свет, чтоб восхвалять прелести сельской жизни, да дидактические поэты воспевают научные предметы, и продолжают пышно цвести физико-математические науки, возникшие еще в предыдущий период.

Филон в —250 г. пишет свой «Механический синтаксис», из которого нам дают отрывки только очень поздние авторы. Герон открывает свой знаменитый фонтан, Гиппарх в минус втором веке основывает в Никее (!) астрономию, дает широты и долготы для земли и неба и, составивши каталог звезд, открывает, что климатический год длиннее звездного...

— Но как же мог он это сделать, — перебиваете вы меня, — когда в то время не была еще известна даже и приблизительно длина климатического года, впервые установленная юлианским календарем, считавшаяся даже на Никейском соборе тожественною с длиной звездного и с длиной климатического года?

— Никак не мог, — решительно отвечу на это я. — Ведь для того, чтобы определить прецессию, недостаточно было составить грубым угломером каталог звезд. Для непосредственного измерения передвижения *точки* равноденствия нет и теперь в астрономии никаких инструментов, потому что и самой этой *точки* нигде не видно. Передвижение равноденствия могло быть установлено лишь косвенным путем. Когда на Никейском соборе (325 г.) декретировали, что день бывает равен ночи 21 марта, то думали, что так будет и всегда. И лишь через 128 лет астрономы 453 года впервые могли бы заметить, что весеннее равноденствие пришлось уже на 20 марта. Но заметили ли они? Конечно, нет, потому что тогда не было еще и верных часов для определения равенства дня и ночи, и во все средние века мы не видим ни одного указания на то, чтобы ученые в Европе усомнились в верности никейского решения. Нужно было пройти более 1000 лет, чтобы, сделав новые точные измерения гномонами длины теней в солнцестоянии и придумав точные часы для определения длины дня и ночи, а также наблюдая очень

долго гелиатический восход близ-эклиптикальных звезд, особенно Регула (от которого и произошел термин: регулирование), — астрономы могли убедиться, что равенство дня и ночи приходится и весной, и осенью в их время ранее, чем положили никейские ученые, и что Регул начинает восходить на 9 дней позднее.

Перечислив это из дней солнечного годичного пути на градусы эклиптики, тогдашние ученые легко могли перевести все это и в те градусные единицы, в каких дается теперь прецессия в астрономии. Иначе никак нельзя было измерить величины прецессии. Одно поднятие созвездия Феникса над горизонтом еще не показывало «ловцам этой птицы» обращения полюса неба вокруг полюса эклиптики...

Как же определил ее Гиппарх, только-что изобретший небесные координаты и не имевший еще достаточного количества наблюдений ни над отступлением равноденствия от чисел Юлианского календаря, которого при нем еще не было, ни над отступлением гелиатических восходов и закатов звезд от чисел того же самого, неведомого ему, Юлианского календаря?

Ясно, что это — миф о каком-нибудь более позднем астрономе. Не о Птолемее ли Александрийском? И этого не может быть. Отступление равноденствия от Юлианского календаря и отступления от него гелиатических восходов звезд были еще в пределах ошибок тогдашних наблюдений, а потому и мои сомнения даже о принадлежности сочинений самого Птолемея второму веку нашей эры вполне уместны.

Но, обратившись к истории древней астрономии, мы находим и еще более поразительные вещи. Вот Фалес, живший между —639 и —546 годами, еще не зная длины солнечного года, уже предсказывает солнечное затмение не иначе как «на 28 мая минус 584 года» по Юлианскому календарю, и оно сбывается! Вот Аристарх Самоский (—III век) за две тысячи лет до Коперника уже учит о движении земли!

Все это так невероятно, что хочется поскорее оставить астрономов Александрийского периода и обратиться к другим гениям того времени. Особенно посчастливилось в это время Аполлониям, т.-е. лицам, одноименным с провозвестником будущих времен, Аполлоном-Фебом, изобретателем цитры и предводителем муз.

Аполлоний Родосский, поэт, пишет в минус III веке поэму «Аргонавты»; Аполлоний Тралевский, скульптор, изваивает группу Фарнезского быка, хранящуюся в Неаполе; Аполлоний Пергский в Памфилии создает теорию конических сечений еще в —200 году нашей эры! Аполлоний Тианский живет в Малой Азии одновременно с евангельским Христом и так же, как и он, проповедует чистое богопознание и считается олицетворением самого божества.

Из остальных деятелей Арат (—230) в Киликии создает астрономическую поэму Phaenomena et Prognostica, известную только в латинском переводе, приписываемом самому Цицерону. Каллимах (—310, —235), царь элегии, служит потом, через триста лет, образцом для латинских произведений Овидия, Виргилия, Проперция и Катулла. Он пишет, — говорят нам, — более 800 произведений в стихах и прозе, множество гимнов, поэм, эпиграмм и эротических стихотворений, и его сборник «Причины» (Αἰτίαι) в четырех книгах послужил (через 2000 лет!) источником многих романических сюжетов в европейской литературе нового времени. Теокрит (—250) в Сиракузах создает свои идиллии из жизни древне-греческих невинных пастушков и пастушек. Бион (—200 л.) в Сицилии продолжает писать в стиле Теокрита, но прибавляет и эпиграммы, и чисто эротические куплеты.

Мосх (т.-е. Москвич по-гречески) в минус втором веке пишет в том же роде поэму «Европа».

Маленькие рассказы авторов этого направления, противопоставляющие простоту и невинность деревенских обитателей испорченности городов, окончившись быстро в Греции, вдруг возрождаются сначала на латинском языке у Виргилия и Кальпурния, оканчиваются навеки и у латынян, а затем вдруг воскресают во Франции в XVI веке у Ронсара, Мадам Дезульер и Делиля, к великому ужасу академика Буало.

Несмотря на его вопли, пастушеская идиллия переносится Томсоном (1700—1748) в Англию, Геснером, Фоссом и отчасти даже Гёте в Германию, а в Россию Сумароковым, Княжниным, Владимиром Панаевым, Гнедичем и Карамзиным.

Возможно ли, с эволюционной точки зрения, такое пробуждение одного и того же экзотического рода литературы на чужбине через тысячелетия после того, как оно вымерло у себя на родине? Мы прямо должны ответить: НЕТ!

Так мы дошли до *пятого периода* греческой литературы, называемого **римским**, а у теологов — христианским, хотя по нашим предыдущим вычислениям христианский период начался только с «Великого царя» (Василия Великого по-гречески). Продолжением Теокритовых пастушков и пастушек являются в это время евангельские рыбаки и грешницы.

Но точно ли евангелия были продолжением, а не началом пасторальной литературы? По существу своему, — это начало, потому что греческий язык евангелий, этих зародышей сентиментального романа, несравненно менее совершенен, чем у классических авторов, у которых он сходен с языком писателей эпохи Возрождения. Но и с евангелиями не все обстоит благополучно. Казалось бы, что, раз возникнув, этого рода литература должна была пышно расцвести и развиться во втором и третьем веках нашей эры. Однакоже на деле не оказывается ничего подобного.

После того, как появились евангелия Марка и Иоанна, творчество этого рода приостановилось. Евангелие Иоанна не имело совсем пополнителей, а евангелие Марка вскоре значительно пополнилось новыми легендами. С одной стороны, Матвей прибавил к нему родословную и детство Иисуса вместе с несколькими другими сказаниями, а с другой — Лука сделал несколько прибавок в средине — и таким образом произошли еще два производные евангелия, основой которых служит Марк. Затем еще вышли евангелия Иакова, Никодима и некоторых других, и творчество европейских авторов в этом отношении надолго приостановилось, и, если верить церковным историкам, почти никто не хотел поклоняться новому богу. Даже во время Апокалипсиса, как видно из него самого (гл. II и III), существовали только семь общин в Малой Азии.

Взамен этого появляются обстоятельные греческие и римские историки, ничего не знающие даже и о таких первостепенно важных событиях, как сошествие на землю самого бога-Громовержца, его вочеловеченье в Палестине и обратный отлет на небо в глубоком разочаровании, вследствие того, что почти никто из людей не поверил его рассказам, будто он и есть творец небес и земли, в одно и то же время и отец, и сын самого себя, и один в трех персонах (uno in trinità).

Мы можем, конечно, не удивляться тому, что тогдашние греческие философы, ученые, историки и беллетристы не пове-

рили последним двум странным утверждениям, возможным только в доме умалишенных (удивляться приходится лишь тому, что им верят многие современные люди, считающие себя образованными и находящимися в здравом уме). Но как же они умолчали об этой повальной болезни своих современников, когда так подробно описывали другие, несравненно меньшие, общественные бедствия, в роде сравнительно скоропреходящей чумы?

Я уже не буду ничего говорить о Рыжем Иосифе (Иосифе Флавии), родившемся, как говорят, вслед за смертью Иисуса в 37 году нашей эры, этом «фарисее», с отцом которого, вероятно, и разговаривал Иисус в Эль-Кудсе о том, нужно ли платить подати царям. Возьму другую знаменитость того времени.

Вот восстает почти одновременно с Рыжим Иосифом знаменитый Властелин Богатства (Плутарх, от 50 до 120 г.) в греческой Беотии и пишет в назиданье потомству свои «Жизнеописания знаменитых людей». Как не упомянул он ничего о такой знаменитости, как сам творец неба и земли, родившийся при его отце от палестинской девушки, и ни слова не сказал о таких философах, как Иоанн Богослов с его учением о Логосе-Слове?

На весь этот период греки совершенно бросают беллетристику, не пишут более ни драм, ни комедий, ни поэм. Подобно хозяевам, ведущим земледелие по способу трехпольного хозяйства русских крестьян, сеющих сначала рожь, на следующий год овес, а потом оставляющих землю на год под паром, они тоже оставили «под паром» свои головы для изящной литературы.

Идет целый ворох историков. Аппиан в Египетской Александрии пишет *(без бумаги!)* Римскую историю с древнейших времен до Октавиана Августа в 24 книгах. «Современник Христа Страбон» (—54, +24) пишет в Понте свою огромную «Географию» в 17 книгах (есть русский перевод Мищенко, 1879 года). Дион Кассий (155—230) пишет *(без бумаги)* «Историю Римской империи от основания Рима» по 229 год нашей эры в восьмидесяти книгах. Геродиан (170—241) пишет политическую историю той же империи от Благочестивого Антонина до Гордиана III.

Великий астроном «Хромой Птолемей» в Александрии создает «Оптику» в пяти книгах, в которой излагает современное нам учение об отражении и преломлении света; пишет три книги о музыке, учение о гармонии, создает нашу новейшую картографию с 360-градусной сетью параллелей и меридианов (которые бла-

годаря извилистости земной поверхности и морей можно определить только с помощью наших переносных точных часов!); доводит границы исследованного мира в Африке до Занзибара, в Азии—до Китая и Сиама, в Европе—до Скандинавии и Северной России; дает замкнутые очертания Каспийского моря и указывает

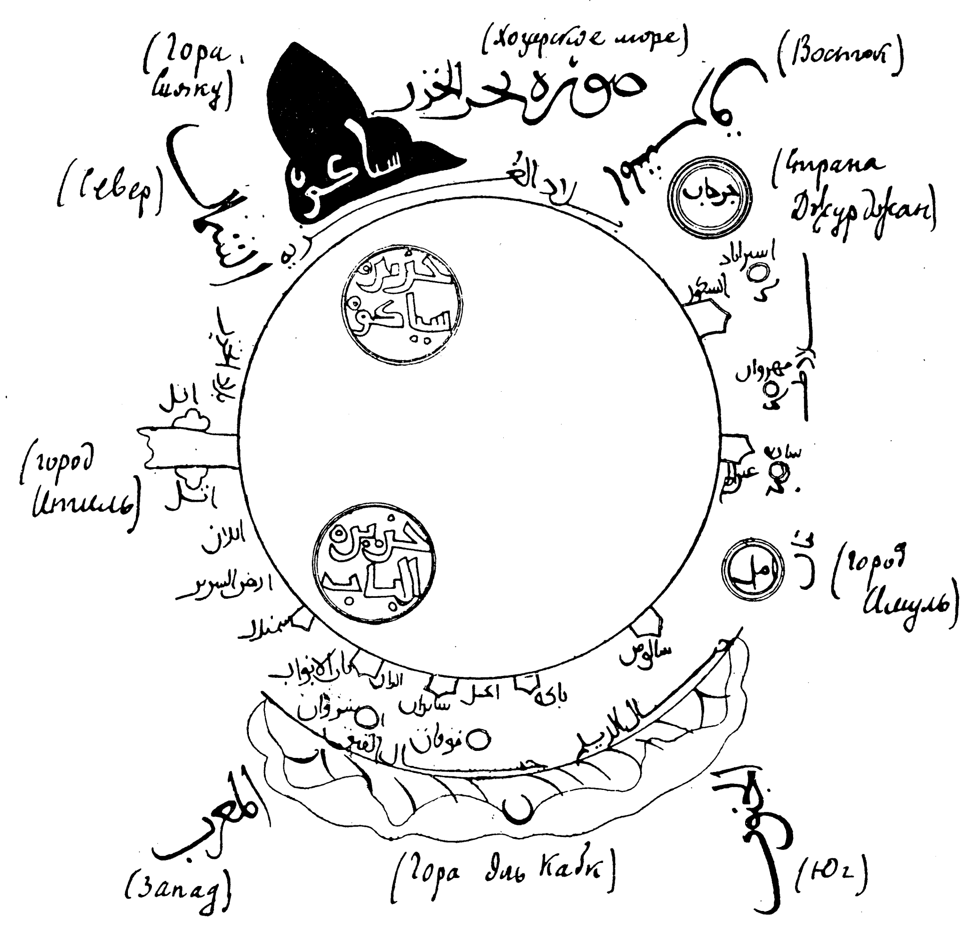

Рис. 45. Образчик средневековой картографии арабов X века нашей эры. Карта всего мира Аль-Истахри, около 950 года в «Книге путей и государств».

впадающие в него реки: Волгу под именем Ра (река, древнее рка или rha) и Урал под именем Даик (русское: Яик) и даже ставит север наверху карт, как мы, а не восток, как даже в XII веке.

И вот оказывается, что в средние века еще никто ничего этого не знает... «Средние века, — говорят нам историки гео-

графии, — были **эпохой возвращения к первобытным представлениям о земле**, как о плоском четырехугольнике или как о круге, и только в XV веке Марк Бехаим сделал первую попытку изобразить землю действительно в виде шара, т.-е. глобуса».

Но точно ли тут было простое **возвращение**, т.-е. впадение юношеского возраста человечества в младенческое состояние, через которое оно прошло уже тысячелетие назад? Точно ли «География» Птолемея, «**остававшаяся ранее забытой**», была открыта, как нам утверждают, — лишь вместе с открытием Америки Колум-

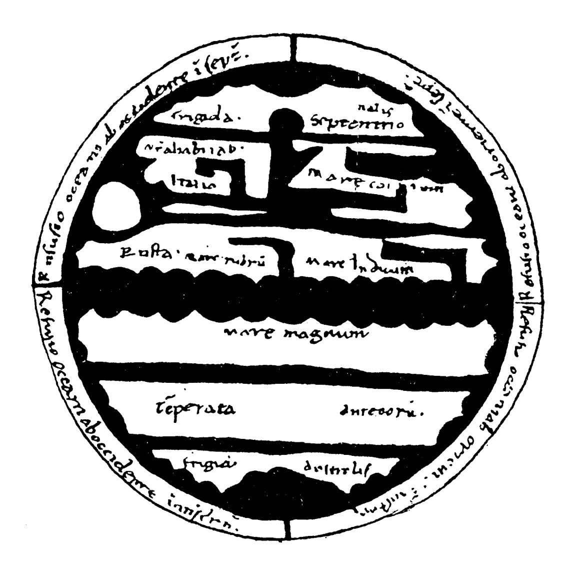

Рис. 46. Карта всей земли Макробия из рукописи X века.

бом в 1492 году? Не проще ли допустить, что эта книга была и написана от имени древнего греческого ученого незадолго до поездки Колумба? Ведь только к этому времени и накопились для нее достаточные предварительные материалы (см. рис. 45, 46, 47, 48). Лишь в XIII веке Марко Поло (1254 — 1323) ездил из Венеции к монгольскому хану Кублаю[1] и написал мало распространившуюся тогда рукопись, в которой дал первые точные сведения о Монголии и впервые сообщил о существовании

[1] См. перевод его книги в «Чтениях Московского Общества Истории» 1861, кн. 3 и 4, и 1862, кн. 1 — 4.

Японии и Малайского архипелага? Лишь в XIV — XV веках появились первые карты, в роде Каталанской или Фра Мауро (XV век), и лишь после изобретения компаса (1300 год) и боль-

Рис. 47. Образчик картографии европейцев накануне эпохи Возрождения. Из рукописи Cottoniana, около XI века, хранящейся в Британском музее.

ших килевых судов с системой расположения парусов, позволяющей ходить в открытом море, по ветру и даже против ветра, начались далекие океанические путешествия, вызвавшие исклю-

чительный интерес к географии. И все же лишь благодаря изобретению книгопечатания в 1450 году открылась возможность сделать рукописи отдельных лиц доступными не только для личных знакомых автора, но и для посторонних образованных людей. Книги, приписанные Птолемею, якобы жившему еще во втором веке нашей эры, вдруг стали необычно популярными и расходились во многих изданиях, конкурируя с другими не апокрифическими «космографиями», пока открытие способов тригонометрической съемки, изобретение точных астрономических инструментов для определения широт и точных переносных хронометров для определения долгот не поставили географию на ее современную высоту.

Так трудно и постепенно доставались человечеству действительные успехи географии, всецело зависящие от успехов техники и астрономии! И вдруг нам говорят:

— Успокойтесь! Почти все это было известно и Клавдию Птолемею во II веке, но только было потом забыто на тысячу слишком лет. А Страбон в Понте[1] еще до начала нашей эры предвосхитили идеи Рихтера и Бокля о тесной связи между географией и историей, но только и это было «*забыто*» почти на две тысячи лет!

Но успокоиться в науке нельзя.

Как можно даже подумать, что в IX, X и XI веках самые образованные по тому времени арабы, уже овладевшие давно Египтом и Южной Испанией, и образованнейшие по тому времени византийцы и итальянцы начали, забыв все предшествовавшие географические сведения, чертить такие карты мира, как приложенные у меня на рисунках 45, 46, 47 и 48, когда в монастырях бережно сохранялись Птолемеевские карты земного круга, почти совершенно такие же, какие рисовались в XV веке нашей эры? Ведь это же невозможное утверждение, хотя бы оно и основывалось на показаниях целых тысяч лжесвидетелей! И именно, чем больше здесь свидетелей, тем меньше вероятности, чтоб известное такому числу людей было неизвестно ни одному из составителей средневековых карт!

Не легче обстоит дело и с астрономией. По всем эволюционным соображениям «Альмагест» Птолемея должен быть непосредственным прологом к книге Коперника «De Revolutionibus Orbium Coelestium», около 1543 г., а нам говорят: «обе книги отделены промежутком в 1300 лет».[1] Но и это еще не все.

[1] Его «География» в 17 книгах переведена Мищенко в 1879 г.

* * *

Почти вслед за Птолемеем,— говорят нам современные историки, — греки на Востоке, а с ними и весь культурный мир Европы, на много столетий «забывают прекрасный, классический греческий язык» и начинают говорить более первобытным языком церковных писателей.

Этот средневековый период, называемый византийским, начинается, действительно, с Юстиниана, куда относят, между прочим, Прокопия (VI век), написавшего книги: «Тайная История», «История войны с персами, вандалами и готами», «О постройках Юстиниана», а также, — говорят нам, — и явную «Историю» в 8 книгах. В VII веке пишут «дурным языком» Теофилакт Симокатта, Иоанн Малама, появляется первая действительно историческая книга «Пасхальная хроника». В IX веке пишут Амартолл, в X веке Константин Багрянородный, Лев Грамматик, Симеон Магистр; в XII веке выплывают историки: Анна Комнена, Никифор Вриенний, Иоанн Киннам, Никита Акоминат, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Михаил Глика, Георгий Акрополит. И никому из них не было известно ничего о богатой классической науке и литературе!

Но вот начинается эпоха Возрождения, и классический язык пробуждается от своего заколдованного тысячелетнего сна. Им начинают и говорить, и писать совершенно такие же книги, как и в древности. Поистине плодопеременное хозяйство с оставлением голов всего культурного человечества на несколько столетий «под паром!»

Возможно ли что-нибудь подобное при естественной психической эволюции человечества? Пусть везувианские катастрофы и дали религиозной фантазии местной интеллигенции мистиче-

[1] Как доказательство давности некоторых мест Альмагесты, мне указывали, что координаты звезд показаны там от начала Овна, но такими же мы видим их и на звездных картах Любинецкого в XVII веке. А прецессию, почти в том же виде, как и мы, хорошо знали составители Грегорианского календаря в 1582 году, приспособившие его к ней, по числовым данным предшествовавших веков.

ское, испуганное направление, но эти катастрофы были лишь местными и приводили в беспорядок лишь одну сторону умственной деятельности людей. Средневековая теология была тем, что в психиатрии называется idée fixe, т.-е. расстройством представлений лишь об одном, определенном предмете, благодаря связавшейся с ним местной порче мозгового аппарата от какой-либо страшной личной катастрофы, при чем все остальные части мозга функционируют совершенно нормально и нисколько не повреждены. Подобно людям, которые совершенно умно рассуждают обо всем, но как только вы перейдете к определенному предмету, с которым связался у них, положим, необычный ужас, локализировавшийся в той же части мозга, где остались о нем воспоминания, они вдруг начинают нести одну и ту же чушь,— так и средневековые монахи и ученые были совершенно нормальны и даже талантливы, как и современные, во всем, что не касалось божественных предметов, с которыми у их предков связался панический страх везувианских катастроф, передавшийся и им. Они могли писать очень хорошие светские трагедии и драмы и делать научные исследования и открытия вполне целесообразно и разумно. Но как только перед ними произносили слово «бог» (т.-е. потрясатель неба и земли), — у них начинались по традиции от предков местные судороги в данной области серого вещества головного мозга, и взамен разумных представлений эта часть мозговых извилин начинала выбрасывать в ясную область их сознания (которую я считаю находящейся в мозжечке) всегда одни и те же уродливые представления и даже те же самые словесные выражения, в роде испуганных:

«Один в трех лицах!...» ...«бог девственно зачат Марией при Октавиане Августе»... «он, бог, был соблазняем дьяволом, однако, устоял!»... «В одно и то же время и свой отец, и свой сын!»... «Умер в 33 году после своего рождения, но воскрес потом, трехдневен от гроба!»... «Улетел на небеса и сидит теперь на них направо от отца!»...

Всякое возражение против хотя бы одного из этих пунктов вызывало еще большие судороги той извилины серого вещества большого мозга, где локализировались эти нелепые представления, как и у всякого другого односторонне помешанного, когда касались пункта его помешательства. Вместо спокойного и логического размышления начиналось раздражение против возражающего и подавляло все остальное. Но оно, как и во всех других случаях одностороннего помешательства, вскоре проходило, если разговор переходил к другим предметам: человек опять начинал рассуждать совершенно разумно.

Вот почему с психологической точки зрения мы и не видим никаких причин для того, чтоб при возникновении христианской мистической теологии, — как результата чисто местного функционального повреждения небольшой части головного мозга у испуганных Везувием поклонников бога-Громовержца, — должны были ослабеть у средневековых его поклонников и все другие области серого вещества мозговых полушарий и чтоб могло у них прекратиться или ослабеть и не связанное с теологией литературное и чисто научное творчество.

Ведь мы же знаем, что религиозные мистики нового времени, как, например, Гоголь или Шатобриан, часто были прекрасными беллетристами, да и сами основатели современной астрономии Коперник и Ньютон были религиозными мистиками, убежденными, что Иисус улетел в человеческом виде на небеса и сидит теперь там направо от отца, хотя сами же они отвергли существование кристаллического купола на небе, на котором было бы можно усесться человеку более или менее комфортабельно.

* * *

Резюмируем же все сказанное.

Таблица XXIII наглядно представляет все это плодопеременное хозяйство в древне-греческой литературе. Взгляните на нее, и вы сами увидите, как оно неправдоподобно.

До пятого века родятся только лирические, героические и сатирические поэты. И первый же из героических поэтов творит (хотя бы и из прежних отдельных поэмок, приспособляя их друг к другу, как членики длинных кольчатых морских червей) целые эпопеи в роде «Илиады» и «Одиссеи». Ведь для того, чтоб написать их тогдашним крупным почерком, нужен был свиток пергамента до версты длиною, а сшитая книга была придумана лишь в конце средних веков. И если это было все-таки возможно, то почему не сделал таких же гигантских свитков и какой-нибудь прозаик, составив, таким образом, нечто в роде арабской «Тысячи и одной ночи», растянутой версты на две?

*

Ведь прозаический конгломерат такого рода много легче было составлять прозой, а не выдержанным гекзаметрическим стихом. Почему нет ничего подобного «Тысячи и одной ночи» на древне-греческом классическом языке, если «Одиссея» и «Илиада» не апокрифы эпохи Возрождения (хотя отдельные сказания их и существовали раньше)? Почему во времена создания «Одиссеи» нет историков, хотя исторические записи и являются всегда первым предметом, к которому прилагается письменность? Почему, затем, этот посев лирических и героических поэтов прекращается до эпохи Возрождения, и вместо него вырастают богатые всходы драматических авторов третьего периода или, лучше сказать, посева?

Почему и драматические авторы, — как комики, так и трагики, — прекращаются от IV века перед нашей эрой до эпохи Возрождения, а взамен их выходят ростки из посева буколических и дидактических поэтов вместе с математиками четвертого, александрийского, периода?

Почему с начала нашей эры их заменяют прозаики-евангелисты со своими теософическими сентиментальными романами из жизни доброго сына бога-Громовержца? Почему их продолжением служат лишь несравненно более первобытные и по языку, и по конструкции Жития Святых? Почему продолжением таких разносторонних и хитроумных историков, как Геродот, Фукидид — служат только летописи Иоанна Малалы, Пасхальная Хроника и целый ряд других простодушных исторических сообщений, занимающих все средние века?

Если вы мне скажете: это плодопеременное хозяйство произошло лишь потому, что в первый и второй периоды все затерялось, кроме поэтов, в третий — все, кроме комиков и трагиков, да софистов и т. д., то я отвечу, что это совершенно невозможно с точки зрения математической теории вероятностей, по которой из всех родов должно было затеряться приблизительно одинаковое число процентов.

Если же вы мне скажете: в различные периоды была различная мода в литературном творчестве: в один — мода на поэзию, в другой — мода на драму, в третий — мода на сентиментальный теософический роман, а потом — мода писать простодушные летописи, то я отвечу: моды бывают только в нарядах. Само собой понятно, что матери в древности могли одевать своих новорожденных детей в разные века в пеленки разного покроя и цвета, как и писатели могли оригинальничать той или иной манерой изложения, но совершенно невозможно допустить, чтобы в одном веке у матерей была мода родить исключительно брюнетов, в другом блондинов, в третьем курчавых, а в четвертом безволосых детей. Но не то ли же самое мы видим в только-что указанном мною рождении греческими матерями в одном веке лириков, в другом драматургов, в третьем богословов, в четвертом летописцев?

Не естественнее ли допустить, что все они рождались в беспорядке, как и следует, но только **это было в эпоху Возрождения** и на ее кануне, при чем действительно **была мода** (или просто обычай) **апокрифировать** лирические и героические поэмы в самые древние века; драмы, комедии, философские и ораторские произведения вслед за этим, а буколическую и дидактическую поэзию еще позднее. Историков же поневоле пришлось распределить по разным векам: ведь в то время, как в один и тот же год могли быть написаны десятки различных по содержанию комедий или стихов, нельзя же допустить, чтоб в одно и то же время Греция имела несколько различных историй?

Исторические сообщения поневоле приходилось располагать в последовательном порядке, как мы и видим на нашей таблице-диаграмме, а с ними и самих историков и политических и научных деятелей, в виду явной эволюционной преемственности их сообщений, взглядов и выводов.

Итак, мы видим, что держащаяся до сих пор в головах историков древнего мира идея о возможности плодопеременного хозяйства в умственном творчестве человечества, с оставлением на время той или другой части его мозга «под паром», является совершенно неприемлемой с эволюционной точки зрения. Значит, и все, что сообщают нам наши первоисточники эпохи Возрождения о богатом умственном творчестве греков в до-христианскую эпоху, совершенно неправдоподобно с этно-психологической и эволюционной точек зрения и должно бы быть отвергнуто серьезной наукой уже с того момента, как она начала отвергать все чудесное в исторической жизни народов и стала на эволюционную точку зрения. Вместе с тем, приходится признать, что не церковный язык византийского периода греческой литературы регрессивно развился из предшествовавшего ему более богатого

классического, а наоборот: греческая литература после своего детского состояния до IV века нашей эры начала развиваться первоначально на византийском церковном языке, сразу и как религиозная, и как ученая. Апокалипсис служит ее высшим представителем в конце четвертого века. Ничего подобного ему не знали ранее, а потому он и имел такое огромное влияние на тогдашние умы. Придав религии мессианский и демагогический характер, он, вместе с тем, сделал греческий язык обязательным для церковных служб на Востоке, и этот язык начал там распространяться, как богослужебный (подобно латинскому на Западе), среди других народов, каковы были, прежде всего, балканские славяне. Таким образом на клерикальной основе образовалась и на востоке Европы международная интеллигенция, писавшая по-гречески не только религиозные увещания, но и драмы, и комедии, и исторические и философские произведения, а потом все это проникло и на Запад, конкурируя с тамошней латынью и создавая лже-греческие подлинники множества тамошних латинских произведений эпохи Возрождения, подписанных греческими псевдонимами.

Вместе с тем богато развился и сам греческий язык и, к кануну эпохи Возрождения, принял те грамматические и стилистические формы, которые мы и видим у его апокрифических палео-классических писателей и у действительных нео-классических.

Это единственная рациональная точка зрения на эволюцию латинской и греческой литературы до конца эпохи Возрождения, как она ни неожиданна для тех, кто не посвятил, подобно мне, многих лет специального внимания этому предмету, в связи с эволюцией естественных и пред-естественных наук.

Такой мой взгляд подтверждает и астрономия, позволяющая нам вычислять время различных небесных событий, описываемых у древних авторов. Этому предмету у меня посвящен целый отдел в одном из следующих томов, где вычислено свыше ста затмений и планетных соединений, а как образчик таких вычислений я приведу здесь пока лишь следующие два случая.

Первый случай беру из Тита Ливия, цитируя его, для беспристрастности, не по своему переводу, а по переводу Адрианова, лишь с такими четырьмя поправками:

1) По Адрианову в описываемой истории фигурирует Сульпиций Галл, претор, трибун 11 легиона, консул. Но галлами на греческом языке и до сих пор называются французы, и Франция — Галлией. Это же слово проникло и в латинский язык, как эллинизированный (по моим предыдущим доказательствам) итальянский язык III — IV веков нашей эры. Так зачем же и по-русски нам употреблять греческое, а не свое, название француза, только спутывая этим ясность представления у читателя? Желая быть ясным, я заменил слово *галл* в переводе Адрианова истинным его греческим значением: *француз*.

2) Но и Сульпиций есть только латинское произношение французского собственного имени Сюльпис, употребляющегося и теперь во Франции. Зачем же латинизировать его и по-русски?

3) Точно так же слово претор есть лишь латинизация французского слова praître — священник, употреблявшегося первоначально в смысле духовного судьи, исповедника, а трибун и теперь значит судья, откуда и слово трибунал — судилище.

4) Легион по-латыни значит просто — полк, а консул — политический руководитель и советник. Я и заменил эти четыре чисто латинские слова в переводе Адрианова соответствующими русскими и тогда вышло следующее:

«Когда укрепление лагеря было окончено, француз Сюльпис (Sulpice le Français), военный судья 11-го полка, бывший исповедником (praître) в прошлом году, с дозволения политического руководителя, созвав воинов *(накануне сражения с македонцами)* на собрание, объявил им:

— В предстоящую ночь — пусть никто из вас, солдаты, не считает этого за чудо! — от второго до четвертого часа *(от начала)* ночи будет лунное затмение. Так как это явление происходит естественным порядком и в определенные времена, то о нем можно знать наперед и предсказывать его. А потому, как не удивляются тому, что луна то является в виде полного круга, то, во время ущерба, имеет форму небольшого рога, потому что солнце и луна восходят и заходят в определенных временных соотношениях, то не должно считать предзнаменованием и того обстоятельства, что свет луны затемняется, когда ее покроет тень земли».

«В ночь накануне сентябрьских нон (т.-е. с 4 на 5 сентября), — продолжает «Почтенный Ливиец», [1] — когда в указанный час про-

[1] Тит Ливий по-латыни значит «Почтенный Ливиец».

изошло лунное затмение, мудрость француза показалась воинам почти божественною. На македонян же это подействовало как зловещее предзнаменование, предвещающее гибель их царства и народа. Так объяснил это явление и их прорицатель. Крик и вопли раздавались в лагере македонян, пока луна не заблистала снова своим светом». [1]

Вот чрезвычайно точное описание лунного затмения перед битвой латынян с македонским царем Персеем, происшедшей, как сообщает нам историческая традиция, в 586 году от «основания города Рима», т.-е. за 178 лет до начала нашей эры. Еслиб такую речь произнес Наполеон I перед битвой под Аустерли-

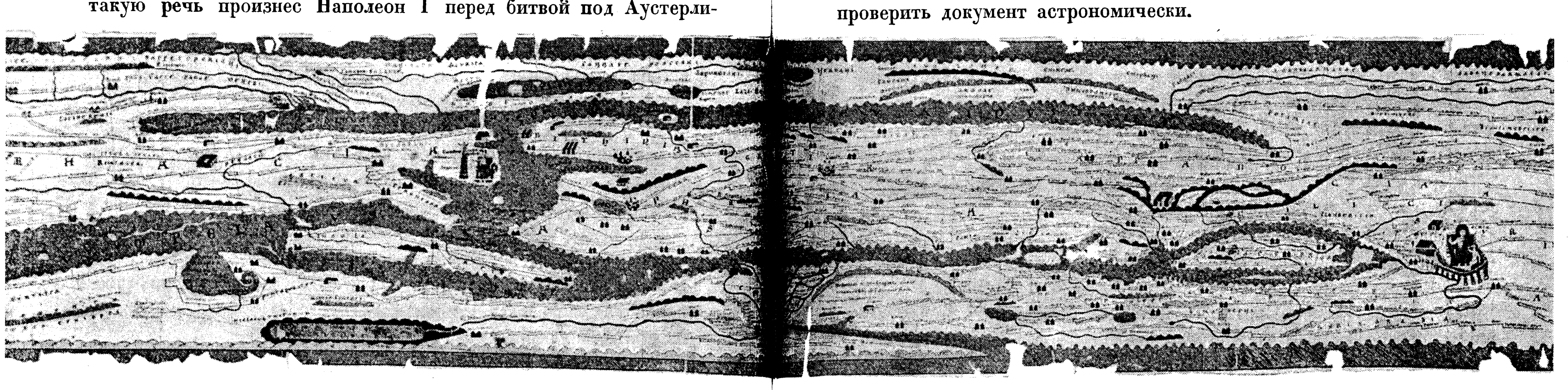

Рис. 48. Пентингерова карта (tabula Pentingeriana), найденная в Аугсбурге в 145 году на 12 листах пергамента длиной в 6,82 метра и шириной в 1/2 метра. На ней даны названия дорог и их длины между городами, изображенными в виде домиков, а леса представлены группами деревьев. Считается за результат маршрутной съемки Латино-Эллино-Сирийско-Египетской империи, сделанной будто бы еще по приказанию Октавиана Августа, за полтораста лет до Птолемея, но проредактированной и окончательно вычерченной уже через полтораста лет после Птолемея не ранее IV века нашей эры. Из географии Птолемея нет здесь и следов!

цем, то вы, конечно, не удивились бы. Но когда вам сообщают, что это было в те времена, когда в горах южной Европы еще жили пещерные люди, то вы в праве усомниться и попытаться посмотреть, не было ли чего-нибудь подобного позднее, особенно, когда вы видите, что в указываемый исторической традицией момент **ничего подобного не было.**

Я уже говорил, что сочинения всех классических авторов, в том числе и «Почтенного Ливийца», дошли до нас или исключи-

---

[1] Тит Ливий. Римская история от основания столицы, кн. 44, § 37.

тельно в печатных изданиях первых веков книгопечатанья, или в рукописях на пергаменте, древность которых почти никогда не уходит в глубину времен далее XI века. Данная рукопись, хранящаяся теперь в Венской государственной библиотеке, найдена была в Гессене, в городе Лорш, в Бенедиктинском монастыре, в первой половине XVI века и была тотчас же отпечатана в базельском издании 1531 года.

При таких условиях всегда возможно допустить если не апокрифичность всего сочинения, то возможность вставок в него из последующих эпох, а потому и важно иметь быстрый способ проверить документ астрономически.

Но по имеющимся в настоящее время немецким изданиям Оппольцера [1] или Гинцеля [2] очень трудно быстро ориентироваться в случаях, подобных только-что приведенному из Тита Ливия, или проверить, насколько удовлетворительны решения, даваемые предшествовавшими вам исследователями. Это и побудило меня сделать особую классификацию затмений на каждый

---

[1] Oppolzer. Canon der Sonnen- und Mondfinsternisse.

[2] Ginzel. Specieller Canon der Sonnen- und Mondfinsternisse für das Ländergebiet der klassischen Altertumswissenschaften. 1899.

месяц, тем более необходимую, что для эпохи до начала нашей эры Оппольцер употребляет рациональный астрономический счет, в котором *год эры* считается *нулевым* годом, а Гинцель употребляет вульгарный счет, где год эры — нулевой — считается *первым до ее начала*, а начало считается моментальным промежутком между обоими отделами, так что и все предыдущие годы сдвигаются на единицу, и то, что у Оппольцера считается, например, 10-м годом до начала нашей эры, у Гинцеля считается 11-м. Это приводит Гинцеля к согласию с апокрифическим счетом старинных историков, но при выяснении движений небесных светил вызывает ошибку на один год.

Классификация по Оппольцеру сделана была под моей редакцией моим сотрудником по Астрономическому Отделению Научного Института имени Лесгафта в Ленинграде В. А. Казицыным, а классификация по Гинцелю — моей научной сотрудницей по тому же Институту Н. М. Штауде и напечатана в «Известиях Института» (т. V и VI).

Как легко и просто делаются проверки хронологии посредством этих таблиц, видно из следующего.

Когда могло быть описанное выше лунное затмение француза Сюльписа, датированное ночью с 5 на 6 сентября?

Мы легко пробежим глазом по нашей таблице в V томе «Известий Научного Института им. Лесгафта» в пять минут все сентябрьские лунные затмения в ночь с 4 на 5 сентября. Вот они, вспять от 600 года нашей эры.

1. *Лунное* 5 сентября 499 года со срединой в 15 часов 6 минут от Гринвичской полночи. Наибольшая фаза 21″3 (очень глубокое, сверхполное, так как полное обозначается фазой 12″0, а неполные меньшими фазами, чем 12″0). Невидимо в Риме, а конец был видим в Афинах, Мемфисе и Кандигире. Но оно было уже вечером 5 сентября, а не перед ним. **Не подходит.**

2. *Лунное* 5 сентября 480 года со срединой в 4 часа 57 минут от Гринвичской полночи. Наибольшая фаза 7″6 (неполное). Начало было видимо в Риме и в Афинах уже на рассвете, а в Мемфисе и Кандигире совсем невидимо. **Не подходит.**

3. *Лунное.* 4 сентября 453 года со срединой в 2 часа 43 минуты от Гринвичской полуночи. Наибольшая фаза 2″0 (очень малая). Видимо во всей Европе. Но после него был еще промежуточный день 4 сентября. Значит, это не канун 5 сентября. **Не подходит.**

4. *Лунное* 4 сентября 434 года со срединой в 18 часов 18 минут от Гринвичской полуночи. Наибольшая фаза 17″6, т.-е. очень глубокое, тень земли не только покрывала весь лунный диск, считаемый в 12″ 0 баллов, но заходила за него в обе стороны на 5″ 6 баллов, т.-е. помрачение было продолжительное. В Риме, Афинах и всей Западной Европе луна вечером взошла уже в средине затмения, а в Восточной Европе, в Мемфисе и Кандигире оно было видимо все. Оно было часа на два ранее, чем предсказал француз Сюльпис при счете начала ночи от заката солнца. **Почти подходит.**

5. *Лунное* 5 сентября 415 года со срединой в 2 часа 50 минут от Гринвичской полуночи. Наибольшая фаза 11″7 баллов: почти совершенно полное затмение. В Риме и в Западной Европе — было видно все, в Афинах, Мемфисе и в Восточной Европе — начало и средина, т.-е. утром 5 сентября луна зашла еще в ущербе от не успевшей сойти с нее земной тени. Это затмение, начавшееся между 2 и 3 часами Македонского времени, считаемого от полуночи, **вполне подходит** к предсказанному французом Сюльписом.

6. *Лунное* 5 сентября 41 года (т.-е. уже до начала нашей эры, а по историческому счету в 42 году «до Р. Х.»), неполное, в 5″0 со срединой в 18 часов 55 минут после Гринвичской полуночи, т.-е. уже вечером нон, а не накануне их, и потому **не подходит.**

7. *Лунное* 4 сентября 106 года, а по историческому счету 107 «до Р. Х.», со срединой в 23 часа 8 минут перед Гринвичской полуночью. В Македонии его середина была около 3 часов пополуночи; его наибольшая фаза была 8″9 баллов, т.-е. закрывалось 2/3 лунного диаметра. Оно было видно целиком во всей Европе. **Второе подходящее** затмение, но в это время нельзя было предсказывать затмений, так как еще неизвестна была точная длина года и даже не было выработано точного календаря, **без которого предсказание затмений абсолютно немыслимо.**

От этого момента до — 424 года не было ни одного затмения между 4 и 5 сентября юлианского счета, да и самого этого календаря не было.

И вот мы задаем вопрос: каким же образом Петавиус, уже устанавливавший в XVI веке нашей эры астрономическим путем

время этого самого затмения, отнес его вместе с вышеописанной победой над царем Персеем к 21 июня *минус* 167 года, т.-е. почти за полтора века до начала нашей эры? Ответ очень прост: не видя никакого решения на указанный ему историками период времени и не решаясь опровергать их, он предпочел пожертвовать и теорией вероятностей, и самой астрономией и допустил, что римляне того времени, хотя будто бы и употребляли уже юлианские месяцы, но еще не знали точной длины юлианского года, и потому *4 сентября ихнего — 167 года приходилось на 21 июня (!)*, т.-е. осеннее равноденствие будто бы справлялось у них в этом году во время летнего солнцестояния!

Но разве такое допущение логически мыслимо? Разве мыслима даже возможность вычислений и предсказания затмений при подобных натяжках и при таком календаре? И вот приходится допустить, что в книгу Тита Ливия каким-то образом попало единственное соответствующее предсказанию француза Сюльписа затмение в ночь с 4 на 5 сентября 415 года нашей эры, когда действительно было уже возможно предсказывать лунные затмения и толковать их так, как истолковал это затмение военный судья 11-го полка. Около этого времени и была действительно победа римлян, но не над македонянами, а над готами.

Пусть читатель сам просмотрит мои таблицы в «Известиях Лесгафтского Института» и он убедится в несколько минут, что другого затмения, подходящего к описанию Тита Ливия, не было.

Возьмем и еще пример, хотя уже и латинский для разнообразия.

У Плиния в его знаменитой «Historia Naturalis» написано (11, § 180), что «при консулах Випсане и Фонтейо произошел ущерб солнца накануне майских календ (т.-е. 30 апреля) в «Кампанье» между 7 и 8 часами дня.

Прежде всего, что тут значит Кампанья?

По-латыни так назывались две местности: теперешняя Campagna di Roma, болотистая местность по Тибру, ниже Рима, где пасется только скот (хотя Кампанья и называется «классиками» богатой и густо населенной), и французская Шампань (Champagne), действительно богатая и густо населенная, с главным городом Trois на реке Сене. Возьмем сначала римскую, болотную.

В солнечной таблице, помещенной мною в VI томе «Известий Научного Института имени Лесгафта» (аналогичной вышеуказанной лунной), мы находим за весь промежуток от 600 года

нашей эры и до *минус* 823 только два затмения на 30 апреля, проходившие через нее.

1. Солнечное — 30 апреля 59 года нашей эры, максимальная фаза которого была в Риме 9″8; в Афинах 11″3, в Мемфисе 10″2 и в Кандигире 11″5 баллов (это почти полное затмение, так как полное обозначается через 12″0).

2. Солнечное—30 апреля *минус* 462 года (т.-е. до начала нашей эры). Его максимальная фаза была в Риме 11″2; в Афинах 11″8, в Мемфисе 8″5 и в Кандигире 9″4. Но оно, конечно, слишком древне для Плиния.

Здесь затмение 59 года одно почти удовлетворяет описанию, если будем считать за Кампанью—римские болота. Но почему тогда не сказано прямо, что затмение было в Риме? Ведь все, что было видно в римских болотах, было видно и в городе. Его максимум в Италии был около 2 часов 50 минут пополудни. Можно ли это считать «между 7 и 8 часами дня», как говорит Плиний? Солнце в конце апреля в Италии восходило тогда около 5 часов утра. Следовательно, до максимальной фазы затмения прошло около 9 часов, время близкое к указываемому Плинием. Но интересно (хотя это и не указывает наша таблица), что если мы не ограничимся пределами классического мира, а захватим и среднюю Европу (т.-е. Францию и Германию), то найдем вплоть до 1500 года нашей эры, кроме указанных нами двух затмений, только еще одно: затмение *30 апреля 561 года* нашей эры, центральная линия которого шла от Нью-Фаундленда через Исландию в Ледовитый океан к Камчатке. В частном виде оно могло быть видимо и в Северной Италии около 8 часов 50 минут утра по Гринвичскому времени. Здесь счет часов более подходит к указываемому Плинием, если считать от полуночи, но его едва ли могли заметить в итальянской Кампаньи, а во французской Кампаньи оно было видимо очень хорошо в 8 часов утра.

Здесь можно принять за достоверное, что автор «Естественной истории Плиния» пользовался в этом месте своей книги каким-то верным первоисточником, относящимся скорее всего к затмению 30 апреля 561 года нашей эры, виденному во французском герцогстве Шампань, родине шампанского вина. Но это почти единственный случай, имеющий подходящее решение и по «классическому счету». Почти все остальные затмения, при вычислении без натяжек, в роде только-что приведенной у Петавиуса, дают

решение только в средние века, если они помечены современными историками до 400 года нашей эры. А почти все помеченные более поздними датами целиком подтверждаются астрономией. В случае же двух астрономических решений выбор принадлежит логике.

Ведь если бы вычисление даже и дало случай лунного затмения за полтора века до начала нашей эры, более или менее подходящий к предсказанному французом Сюльписом, то неужели вы признали бы возможным поверить, что приведенная «Почтенным Ливийцем» его речь, с объяснением фаз луны и ее тени, ничем не хуже объяснения современного учителя космографии и требует предварительного знания, что солнце никак не меньше земли, да и луна немногим меньше, была произнесена еще за 2000 лет до Коперника? И, кроме того, что поняли бы из нее тогдашние безграмотные солдаты?

Вот почему мне хочется, оставив пока француза Сюльписа и ему подобных знатоков астрономии до начала нашей эры, заключить свои предварительные замечания о древних языках лишь общим взглядом на уровень их литературы в общем процессе ее исторической эволюции.

Как это ни странно, но она имеет большую аналогию с палеонтологическим развитием позвоночных животных.

Отдельные клеточки живого вещества слеплялись генетически сначала в элементарные группы, как слова в элементарные фразы. Потом группы клеточек слипались генетически, почти не теряя своей индивидуальности, в более сложные, но все еще элементарные организмы, как фразы в отдельные элементарные рассказы. Элементарные организмы, нацепляясь друг на друга генетически, давали начало суставчатым существам, в роде червей, с общим пищевым каналом, но еще без головы и без дифференциации сросшихся звеньев (так, что при разрыве на несколько частей, каждая продолжает жить как самостоятельное существо), так и отдельные элементарные рассказы, сцепляясь между собой, давали начало более сложным повествованиям, но все же суставчатым по сущности, хотя бы, подобно морским нереидам, они и достигали такой значительной длины, как арабская книга «Тысяча и одна ночь», связанная лишь личностью их воображаемой рассказчицы Шехеразады и относимая только к XV веку нашей эры. В таком же длинном суставчатом виде сложились

моральные и философские поучения Заратустры, Магомета, Иисуса сына Наместника (Сираха), «Премудрость» Соломона (а в последнее время «Премудрость» Ницше) и длинные суставчатые поэмы в роде «Одиссеи», «Илиады», «Энеиды»...

Но, подобно тому, как из суставчатых животных, путем дифференциации физиологических функций между разными звеньями, образовались эволюционно позвоночные животные с хвостом, животом, грудью и головой, представляющие одно неразрывное целое, так и из суставчатых произведений путем художественной и, наконец, психологической обработки человеческим умом накопленного им литературного материала, подновленного притом и более проникновенным наблюдением окружающей жизни позднейшими поколениями авторов, начали возникать большие, цельные сами по себе, произведения с завязкой, рядом возникающих из нее действий и развязкой в конце, которые уже нельзя разделить на несколько самостоятельных частей, настолько же годных для чтения, как и все целое.

Древняя литература до IV века нашей эры имела, повидимому, только мелкие произведения, способные уместиться на отдельном свитке папируса или пергамента, так как сшитая книга, какую мы имеем теперь, была изобретена только в средние века. Ее мы не находим ни в Геркулануме, ни в египетских гробницах, и нигде в древности, а потому тогда не могло быть ни «Истории» Геродота, ни «Истории» Фукидида, ни «Одиссеи», ни «Илиады», а только разве отдельные рассказики, вставленные потом в эти поздние произведения, немыслимые для помещения даже и на самых длинных из возможных свитков папируса. Корешок переплетенной книги — это ее позвоночный столб, и только при нем и могла возникнуть высшая литература, соответствующая позвоночным животным в зоологии.

Таким образом, определение времени изобретения сшитой книги (помимо фантазий Тишендорфа и его мании относить всякий исследуемый им документ в наиболее глубокую древность, и употребление книг приписывать даже IV веку нашей эры) будет вместе с тем определением времени и возможности суставчатой литературы, а позвоночная литература с цельным художественным скелетом, зачатки которого имеются уже и в евангелиях, могла возникнуть только еще позднее, когда книги стали и переплетаться для возможности их чтения многими. Вот почему вы не должны удивляться, что, и евангелия я отнес (в первой

книге «Христа») только к кануну Крестовых походов, хотя и по совершенно другим соображениям.

Само собой понятно, что, отрицая древность классической литературы, я ни в каком случае не подвергаю сомнению ее самостоятельный огромный интерес или необходимость ее преподавания даже в общеобразовательных учреждениях.

Ведь, кроме так называемых политических или династических историй, существуют и истории человеческой культуры и человеческой литературы. Если с моей точки зрения латинские и греческие классические писатели теряют значение в качестве первоисточников для сочинения династических и политических историй древнего мира, то они сторицею становятся важными, как непосредственные бабушки нашей современной европейской литературы и культуры. То же самое можно сказать и о художестве, и об архитектуре, которые даже в VI веке нашей эры не стояли выше помпейских.

С обычной точки зрения классическая культура представляется чем-то в роде праотца нашего, Адама, непосредственно сотворенного богом по своему образу и подобию, потом умершего и погребенного, и воскресшего *(через тысячу лет)* по писанию, взошедшего на небеса *(эпохи Возрождения)* и сидящего там одесную своего отца *(клерикальной литературы)*. А с новой точки зрения клерикальная литература, как более первобытная и по языку, и по фабуле, и по идеологии, была истинной матерью классической литературы, как части той же самой литературы эпохи Возрождения, лишь апокрифированной в прошлое по религиозно-дипломатическим причинам.

Выражаясь человеческим термином, я скажу, что клерикальная наука и литература были — *тезисом*, классические (и ренессанские) — ее *антитезисом*, а последующие за нею современные литература и наука — *синтезисом* их обеих, а потому и изучение как классической, так и клерикальной приобретают для современного историка-реалиста неожиданно глубокий интерес. Здесь надо только раз навсегда покончить с «глубокой древностью» классических писателей и со взглядом на их «исторические сообщения», как мы смотрим на истории Карамзина, Маколея или Тэна. Это были исторические романы эпохи Возрождения, в роде тех, какие в наше время писал Эберс, изображая египетскую жизнь.

ГЛАВА V.

«ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК» ИНДУССКИХ СЛУЖИТЕЛЕЙ БОГА-СЛОВА (БРАМЫ ПО ИНДУССКИ) И ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ИНДИИ.

Приступая к этому предмету, я должен прежде всего сделать оговорку. Я не читаю по древне-санскритски, хотя учебники, словари и переводная литература у меня всегда под рукой. Я знаю об этом языке только то, что о нем передают на ново-европейских языках его исследователи, и потому руковожусь лишь их рассказами и европейской транскрипцией слов.

Но если географ, никогда не посещавший отдаленных стран, может высказывать и о них свое суждение по словам других, если историк, не имеющий никакой возможности побывать в прошлом, может писать историю минувших событий по сообщениям летописцев, то и я могу с таким же правом высказать свое общее мнение о санскрите и о его возникновении.

Только с 1559 года нашей эры миссионеры при помощи одного брамина, перешедшего в христианство в Гоа, узнали от него о существовании философской и теологической литературы у браминов на этом языке. И только в 1855 году печатаются неизвестные до тех пор письма итальянца Филиппо Сассетти из Индии на родину, относимые к промежутку 1583 — 1588 гг. и сообщающие «о языке sanscrita», о его азбуке и сходстве с европейскими языками. Более основательно изучил санскрит и дравидические языки Roberto de Nobili около 1620 г., но только Гейнрих Ромм сообщил в 1664 г. известному иезуиту мистику Афанасию Кирхеру первый образчик санскритского алфавита того же характера, как и еврейский. Ганкследен (1699—1732) первый составил санскритскую грамматику и малабарско-санскритско-португальский словарь, так и оставшийся в рукописи, и только в 1790 году была напечатана очень плохая санскритская грамматика Paulino Bartholomeo.

Мы видим отсюда, что санскритология есть дитя XIX века и что она, стремясь, как и все науки о далеком прошлом, уйти как можно далее в глубь тысячелетий, легко могла заблудиться во мгле веков и принять давнишние столетия за тысячелетия.

И вот, на современном исследователе лежит тяжелая задача выяснить детально достоверность первоисточников такого мнения.

Санскрит (San-Scrita) в переводе значит «искусственный язык» и, подобно средневековой кухонной латыни в Европе, он был до самых последних лет известен лишь индусским священникам, между тем как население огромной Ост-Индии говорит с незапамятных времен другими, национальными языками. Одни из них, как я уже показывал, — дравидического корня на юге Декана, не имеют никакого сходства ни с санскритом, ни с европейскими, а другие — хинди, бенгали, мусульманский, индустани и все остальные — северные, которые я перечислял выше, хотя и дают много созвучий с санскритом по своему коренному звуковому составу, но несравненно менее сходны с этим «ученым жаргоном», чем наши европейские языки греко-итальянского корня.[1]

В классическом санскрите, — говорят нам, — встречаются слова, заимствованные не только с древне-персидского, но и из новых иранских языков. В нем есть не мало заимствований даже с греческого, особенно в математической и астрологической терминологии.

Мы здесь рассмотрим прежде всего, насколько соответствуют общим эволюционным законам наши современные представления о развитии его литературы? Выходит, что очень мало. Прежде всего мы видим и тут ту же самую схематизационную несообразность, какую видели при разборе латинской литературы.

Сначала все идет довольно хорошо с хронологической точки зрения. Возникновение индийской драмы санскритологи относят к VI веку нашей эры, когда, — говорят нам, — появилась «Сакунтала» Калидаса, величайшего из индусских драматургов. А потом начался и целый ряд других таких же писателей и поэтов, вплоть до IX века нашей эры. Я не имею поводов возражать что-либо против этой датировки, близко совпадающей по моей хронологии с распространением на севере Индостана греческого влияния, сменившегося в IX веке мусульманским, но у меня есть все причины сомневаться, чтобы поэмы эпического

[1] См. ручной санскритский словарь Каппеллера (1887 года) и подробный санскрито-немецкий Бетлинга и Нота, изд. Петербургской Академии Наук (1853—1875). Также см. Миллер и Кнауэр. Руководство к изучению санскрита.

содержания, каковы «Магабгарата» и «Рамаяна», или поэмы лирического, эротического и дидактического характера, пышно цветшие в Европе лишь в эпоху Возрождения, принадлежали здесь к предыдущему периоду и не сопутствовали драме, подобно тому, как у нас уживаются с нею и лирическая, и юмористическая поэзия, и роман, и сказка для детей, и публицистика, и сатира.

Некоторые второстепенные особенности санскритского языка при огромном пространстве Ост-Индии, почти равняющейся Западной Европе, могут много проще быть объяснены локальными, чем хронологическими причинами. Ведь на всем **ясно видимом** горизонте истории любые, раз начавшиеся роды литературного творчества имели тенденцию развиваться совместно, или, во всяком случае, сосуществовать с возникающими после них более молодыми ветвями, а не заглушаться ими. Особенно же невероятна мысль, что раз исчезнувшие ветви могут вновь воскреснуть в литературе через несколько веков забвения, даже к более роскошной жизни, чем было раньше. Это было бы то же самое, как допустить, что через некоторое время на ряду с людьми начнут родиться в современном человеческом роде также и вытесненные им когда-то с лица земли первобытные племена, не устоявшие в борьбе за свое существование, и не только родиться, как случайные уродцы атавизма, но и процветать вновь.

Трудно допустить, что период научной философии и критического отношения к чужим рассказам, или даже к впечатлениям, полученным нами самими через органы наших внешних чувств, развился ранее чисто литературного описательного творчества, каковы: лирическая поэзия, сказка и первичная авантюристическая беллетристика. Это то же самое, что сказать, будто кто-нибудь родился от своей матери вполне ученым взрослым человеком, а потом постепенно начал превращаться в юношу и, наконец, дошел до грудного ребенка.

А между тем это самое мы видим с точки зрения современной индусской хронологии, относящей религиозно-философские книги высоко теоретического содержания к периоду, предшествовавшему развитию индусской лирической и эпической поэзии и литературы удивительных приключений. Можно ли этому поверить даже на минуту? Возьмите для примера все современные дикие народы, запоздавшие в своем умственном развитии, благодаря

*

изолированному положению или особым условиям жизни. Куда ни заходили к ним европейские исследователи, они везде находили у них прежде всего рассказы об удивительных приключениях с антропоморфизмом всевозможных явлений природы уже на очень значительной стадии развития, в то время, как научная и отвлеченная философия, хотя бы и первичного мистического периода, не вступала даже и на первую ступень своего развития.

Но если мы не видим этого в современной жизни, то как же допускаем мы это в прошлом? Вот, например, ост-индские «Веды», написанные на санскритском языке, этой латыни жрецов бога-Слова (Брамы), даже более богатой лексиконально, чем язык поэзии и драм. Слово *веда* значит веденье, от славянского корня *ведать*. Это теологическая наука индусских жрецов и, судя по тому, что между славянскими народами Балканского полуострова и областью ученого санскрита такого имени для науки нет, приходится допустить, что оно или попало в Ост-Индию с Балканского полуострова с македонскими проповедниками христианства, или, наоборот, пришло в «допотопные времена» на Балканский полуостров из Индии и распространилось также по России, Польше и другим славянским государствам, не привившись, однако, в Греции и в Западной Европе.

Первые исследователи допустили последнее предположение и считали искусственный язык (San-Scrita) ост-индских ученых теологов — прародителем всех славянских и западно-европейских языков, а не занесенным в Индостан особым видоизменением богослужебного языка средневековых славяно-греко-македонских ученых, обогатившимся на ост-индской почве местными или попутными словами и своеобразными грамматическими формами.

Но есть ли серьезные причины для такого взгляда, кроме голословного утверждения браминов, будто их предки говорили между собою на этом языке с самых отдаленных времен, незапамятных даже для их дедов и прадедов?

Конечно нет.

Ведь пра-прадеды их жили не раньше, как в XVII веке нашей эры. Получив этот язык от своих пра-прадедов XIV века, без сообщения того, откуда и как получили его эти пра-прадеды, они могли остановиться на мнении, что это и был первичный язык Индостана.

Мы видим, что такой довод в пользу древности санскрита совершенно отпадает, тем более, что выдача чужого за свое находится в полном согласии со всеобщей тенденцией средневековых народов приписывать себе все, что пришло к ним извне не только за два или три десятка поколений на протяжении более тысячи лет назад, но даже и за один десяток поколений, за каких-нибудь 500 лет, если данный период не имел за это время ряда последовательных летописцев.

Все логические выводы говорят за то, что санскрит сам пришел в Индостан из Европы через Месопотамию вместе с религиозными миссионерами славянского, греческого и итальянского происхождения. Все эти народы смешались в Византии с конца IV века и, под влиянием мощных вулканических и сейсмических явлений того времени, выработали фанатических проповедников грозного бога Громовержца, потрясателя земли, и грядущего Мессии, его сына, долженствующего притти на землю и водворить на ней всеобщее счастье. Они бросились и на запад, и на восток. На западе они выработали из смеси балканских диалектов с местными — латинский, тоже искусственный, язык, привившийся к христианскому богослужению и создавший на западно-европейской почве, среди народов с такими же многообразными языками, как и в Индостане, пышную научную и изящную литературу эпохи Возрождения. А бросившись на восток, проповедники Христа выработали мессианство Иезеуса Кришны, того же самого греко-еврейского Иисуса Христа, даже и по имени.

Оба языка, и латинский, и санскритский, с такой точки зрения, сыграли одинаковую культурную роль, и это наиболее естественное представление о их истории и о их возникновении. «Искусственного языка (сан-скрита), — говорят нам, — нет теперь, как разговорного, ни в Индии, ни в Европе, но большинство корней его европейские и притом взятые отчасти из западно-европейских, отчасти из славянских наречий».

Что же легче себе представить из трех предположений: 1) принесли ли его в Индию средневековые миссионеры тогдашней «благой вести» ко всем народам? 2) целые ли народы, в том числе и славяне, и греки, и латины, хлынули в доисторические времена в Индию и сменили там свои языки на местные? и 3) индусские ли переселенцы занесли свой «искусственный язык» в до-

исторические времена в Европу, а потом, оставив его в наследство местным жителям, исчезли бесследно для истории?

Оба последние передвижения несравненно более громоздки, чем первое, и потому естественно приходится прежде всего допустить, что не гора пошла навстречу Магомету, а Магомет навстречу горе, и только тогда, когда это простейшее допущение оказалось бы неприемлемым, было бы нужно рассматривать и оба другие. Разберем же прежде всего это простейшее допущение, но, чтобы сделать наши доводы более наглядными, начнем изложение с соображений общего характера.

Характерной особенностью санскритского письма, каким его застали европейцы, является, как и в еврейском квадратном почерке, его линованность: каждая буква ставится под толстой короткой черточкой и, можно думать, не без умысла: первобытные писаки были не искусны и потому выводили строки криво. Для того, чтоб избежать этого, и проводились, вероятно, сначала по линейке ряды коротких и равных друг другу черточек, под которыми писались потом истинные буквы, — символизирующие данный звук.

Этот же способ писания мы видим, хотя и в меньшей степени, в арабском и в еврейском письме, и я не могу не обратить внимание читателя на то, что все толстые (жирные) линии идут у них не поперек строки, как у нас, а вдоль нее. Но это, ведь, легко делается лишь в том случае, если мы пишем, как китайцы, строку по направлению к себе, т.-е., как говорят, сверху вниз, а не справа налево, или слева направо, как европейцы. Кроме того, и самая возможность писать один ряд черточек толстыми, а другой, поперечный к ним, тонкими требует уже расщепного пера, а не «трости», или «кисти» древних писцов. Значит, в то время, когда вошло в употребление такое санскритское, еврейское и арабское письмо, существовали не только гусиные перья, но и перочинные ножи, которыми их концы расщеплялись наподобие современных стальных. Такое письмо уже явный признак средних веков, а никак не древности.

По характеру своему санскритские буквы мало похожи на наши европейские. Только значок *ē* совсем такой же как наше рукописное *е*, да краткое *ȳ* напоминает латинский игрек. Остальные же значки совсем своеобразны, вероятно, потому, что приспособлялись для удобного помещения под своими черточками.

Привычка еврейских писателей выбрасывать из транскрипции гласные существует в полной мере и здесь, и исключенные гласные тоже изображаются особыми значками под соответствующими им согласными буквами или над их черточкой, за исключением самой частой в санскритской письменности буквы *а*, которая обязательно подразумевается после всякой согласной буквы, при которой не отмечено другой гласной или не поставлено под ней значка вирамы, имеющего вид нашей запятой и символизирующего безгласное произношение.

Из всех гласных звуков санскритского письма звук *а* настолько в нем преобладает, что частота его употребления вдвое превышает частоту всех гласных звуков, взятых вместе (табл. XXIV).

Возможно ли это однообразие при естественном образовании какого-либо человеческого языка? Ведь всякий язык начинался когда-то именно с гласных звуков и потому разнообразие их является неизбежным. Отсутствие его указывает на регрессивную эволюцию, которая возможна лишь тогда, когда данный язык попал на чужбину. Отсутствуя в семье, он стал достоянием только взрослых ученых и притом исключительно мужчин. Начиная его изучение сравнительно поздно, и притом по книгам сокращенной транскрипции по отношению к гласным звукам, они естественно произносили звук *а*, как самый первоначальный у людей, везде, где сомневались в произношении, и накопили, наконец, его в чрезмерно огромном количестве. Возможно, что в него перешло и первоначальное *ы*, отсутствующее в современном санскрите, но частое в славянских языках, с которыми он обнаруживает большое сходство по корням слов.

Возьмем хотя бы некоторые из славянских слов, которые вошли в санскрит.

Вот хоть его числительные:

1 — *эка*, русское *экий*,

2 — *два*, русское *два*,

3 — *три*, русское *три*,

4 — *чатур*, русское *четыре*,

5 — *паньча* (польское *пенць*, греческое *пенте*, русское *пять*),

6 — *шашь*, русское *шесь* (*шесть*),

7 — *сапта*, латинское *септем*, славянское *седемь* (*седмь*, *семь*),

8 — *атта*, италийское *отто*,
9 — *нова*, италийское *нове*,
10 — *дэша*, русское *десять*, италийское *дьечи*,
20 — *виншять*, италийское *venti* с прибавкой славянского окончания *цать*.
30 — *триншят*, русское *тридцать*,
40 — *чатвариншят*, славянское *четвердесять*,
50 — *панцашят*, русское *пятьдесят* и т. д.

Мы видим, что слово *четыре* здесь перешло в *чатур*, *пенць* — в *паньча*, *шесь (шесть)* — в *шашь*, *септем* в *сапта*, *отто* в *атта* и т. д. Везде *е* или *о* перешли в *а*, путем регрессивной эволюции, откуда видно, что никак не европейские говоры расчленили санскритское *а* на разные другие звуки и что совсем неправильно утверждение первых санскритологов, будто европейские языки пришли к нам из Индии, а не сами в нее вошли, смешавшись между собою.

Точно так же приняло звук *а* вместо других звуков и множество других европейских слов, вошедших в санскрит: *путь* перешел в *пать* (или в *пата*), *мед* в *маду*, *мера (метр)* — в *матра*, *огонь* в *агни*, латинское *дэус (бог)* в *дэвос*, *номен (имя)* в *намен*, *датель (даватель)* в *датар*, *матерь* в *матар*, греческое *атем (дыхание)* в *атман*, латинское *ювен (юноша)* в *юван*, *едящий (едатель)* в *адат*, *бывающий (быватель)* в *бават*, *рэгс (царь)* в *раджу (рачжу)*, *мог-учий (могий)* в *маг*, откуда и *магия*. *Томиться* перешло в *там*, утратив славянское окончание; греческое местоимение *эгд* (т.-е. *я*) преобразовалось в *агам (aĥam)*, предлог *пред* перешел в *пра*, предлог *против* в *прати* и т. д. А те слова, у которых в корне был звук *а*, так и сохранили его без повреждения: *дать* лишь сократилось в *да*, *падать* в *пад (=пат)*, *трясти* в *трас;* латинское *навис* (корабль) обратилось в *наус*, *ведающий (ведун)* в *ведвана*, и прочее, и прочее, и прочее.

Отсюда ясно, что санскрит есть конгломерат славянских, греческих и латинских слов, которые туда могли притти только с христианскими миссионерами и с их богослужебными книгами, а регрессивная эволюция этих языков в Индии, с переходом самых разнообразных их гласных звуков в упростительное *а* едва ли требует еще новых примеров, так как сам читатель может набрать их сколько угодно, просмотрев санскритский словарь.

ТАБЛИЦА XXIV.

Промильное содержание звуков речи в европейском произношении первых 13 параграфов «Наля и Дамаянти» по-санскритски.

ГЛАСНЫЕ

Твердые			*Мягкие*	
Ū	7	36	E	24
U	29		Ī	30
O		14	I	38
Ā	80	285		
A	205			
Всего		335	Всего	92

СОГЛАСНЫЕ

Губные		*Глоточные*		*Небные*	
Ф	0?	X	0?	$\breve{U}_1$	?
В	33	h	19	U_2	5?
П	30	К	18	Т	49
Б	3	Г	7	Д	30
Bh	13	h	10	t	1
		Kh	2	Й	33
Всего	79	Всего	56	Всего	118

Верхне-десновые		*Нижне-десновые*	
Ш	21	S	53
Ж	0	З	0
Ч	14	th	6
Ч̄Ж	10	dh	6
Шь	11		
Всего	56	Всего	65

Язычные		*Носовые*	
L	5	M	52
R	67	Ṁ	14
Ṛ	1	N	49
		Ṅ	1
		Ṇ	10
Всего	73	Всего	126

Точно также и в основных деталях произношения звуков речи, и в грамматике санскрит обнаруживает явные следы европейского происхождения, а не местных индусских народных говоров.

Относительно процентного содержания звуков речи я нашел в первой песни «Наля и Дамаянти» (1—13) соотношения, показанные на таблице XXIV, при чем я оговариваюсь, что это лишь произношение западно-европейских санскритологов, на правильность которого нельзя вполне положиться.

В словах, оканчивающихся на согласный звук, все гулкие звуки перешли в шопотные, Д в Т, Б в П и так далее, совершенно как в русском языке, где слово *мороз* мы произносим *морос*, *лоб*—*лоп* и т. д.

Санскрит, как и славянский язык, имеет три рода и восемь падежей. Имена мужского рода оканчиваются в нем, как в греческом, на *-s*, а женского, как в русском и итальянском, на-*а*.

Но насколько такие лингвистические следы могут служить надежными руководителями для установления древних передвижений народов? Конечно, они годны лишь тогда, когда подтверждаются и другими соображениями.

Представим себе, что, например, какой-нибудь археолог наших дней, позабыв все, что говорят нам русские летописцы, захотел бы восстановить «доисторическую» жизнь северной России, руководясь названиями ее городов и местечек и фамилиями ее жителей.

Вот перед нами старый Петроград и прежнее название его—греческое и значит—Каменный город; вот Архангельск и имя его тоже греческое—оно значит Верховный Вестник; вот Петрозаводск—Каменный завод. А среди мелких поселков наш археолог находит целую массу названий тоже все греческого корня, в роде сел: Николаевское (народо-победное), Демьянское (посвященное римской богине Дамии), Андреевское (мужественное) и так далее. Чуть не четвертая часть всех местных названий явно греческого корня!

Исследователь обращается к фамилиям жителей, которые они «сохранили с незапамятных времен», и тоже видит массу явных греков: Ивановых, Петровых, Сидоровых, Карповых и т. д. Все—чисто греческие фамилии; да и в личных именах нет почти ни одного русского, кроме Владимира да Надежды с Любовью, так как даже имя Вера—латинского корня. Повсюду

живут в России почти одни греки, несмотря на их современный русский язык.

И вот он заключает, что в древние, до-исторические времена на всем севере России жили только греки с легкой примесью латинян, а потом, благодаря постепенному охлаждению страны, они, как более культурные и изнеженные, постепенно отодвинулись к югу, оставляя на своих прежних местах смешанную расу, более выносливых русских.

И однакоже мы знаем, что на деле не было ничего подобного. И еслиб даже кто-нибудь сказал, что все эти бесчисленные греческие имена и названия северной России были результатом культурного влияния греческих колонистов на эту страну, то он и в этом утверждении ошибся бы жестоко. Ни один грек никогда не ступал сюда своей ногой вплоть до времен Иоанна Грозного, когда в северную Россию могли уже заезжать отдельные греческие путешественники, не имея тут, однако, никакого культурного влияния.

Все эти имена, как мы хорошо знаем, были результатом не непосредственного соприкосновения с греческой культурой, а только старинной русской модой на все греческое, как отдаленный отголосок высшей греческой культуры средних веков.

Благодаря развитию христианства, пришедшего из Византии, установилась мода давать детям греческие имена, подобно обычаю тогдашних привилегированных классов одеваться в платье греческого фасона. Вот и все. Греческие имена перекинулись на самый север России не с пришедшими туда людьми, а поочередно передавались от человека к человеку, подобно тому, как электроны передаются от молекулы к молекуле, или скорее подобно волнам, распространяющимся путем упругого контакта вечно качающихся на своих местах молекул воды от места наибольшей упругости своего давления к наименьшим, и никогда не наоборот.

Точно так же распространились по России и обряды христианского богослужения, и письменность среди духовенства. Распространение от центра наивысшей упругости к менее упругой периферии, это—общий закон не только стихийных физических явлений, но и социальных: все жизненные культурные новшества зарождались в центрах культурной жизни, а все новшества, возникавшие на периферии, скоро замирали или приносили для своей

страны лишь отрицательные результаты, показывая другим то, чего не нужно было делать на данной стадии культурного развития человечества.

Христианскую культуру (может-быть, в виде только евангелий Марка да Иоанна) занесли в Россию даже и не греки, а балканские славяне. Предполагаемые творцы славянской письменности Кирилл (ум. 869 г.) и Мефодий (ум. 885 г.), по мнению славянских исследователей XIX века, Погодина, Иречека и других,— были настолько же греки, насколько и русские Иваны и Петры. Это были болгары, или, по мнению других, паннонские славяне, жившие на Балканском полуострове вперемежку с греками и отчасти с румынами и итальянцами, как живут и до сих пор, и выработавшие, благодаря ежедневному контакту этих народов между собою, общую культуру. В ней, вероятно, принимали одинаковое участие все народы Балканского полуострова, и славяне должны были играть в ней особенно выдающуюся роль как при наследниках «Александра Македонского» (которого я имею причины отожествлять с Александром Севером, около 222 г. нашей эры), так и при последующей Иллирийской династии Юстиниана с 518 года и при Македонской династии в Византии с 867 года нашей эры. Придворные этих царей, вероятно, чаще говорили между собою по-болгарски, албански и славянски, чем по-гречески, хотя подобно нам и носили греческие имена и писали большею частью по-гречески, как в Западной Европе писали по-латыни.

Этим обстоятельством я и объясняю проникновение многих славянских слов даже в «старозаветную» Библию, о чем я уже говорил не раз при ее разборе, и этим же, а не передвижением целых народов из Европы через Иран в Индию, я объясняю и появление в Индии санскритского языка.

О множестве совпадений коренных санскритских слов не только с греческими и латинскими, но и со славянскими, говорилось в филологической литературе уже так много, что мне нет надобности их повторять.

Жаколио, который за свои антиклерикальные выпады и некоторое увлечение беллетристикой совершенно напрасно объявляется чистым фантазером (он действительно прожил много лет в Индии и несомненно был в близких сношениях с браминами), вывел из санскрита в своей книге «La Bible dans l'Inde» основы

чуть не всей классической литературы европейцев. Вот для курьеза некоторые из его отожествлений в этой книге, которая, по моему мнению, не многим уступает книге Делича: «Bibel und Babel», хотя и не пользуется таким уважением из-за нападок на христианскую религию (делаю оговорку, что я не проверял эти слова сам, по словарю):

Имя Нептун созвучно с На-пата-на (na-pata-na) — повелитель ярости волн.

Другое его имя, Посейдон, сходно с Паса-уда (pasa-uda) — успокоитель вод.

Имя Марс сходно с Мри (mri) — умертвитель, как и по-русски — мор, по-латыни mors и по-французски mort (а мне кажется, что это ближе к итальянскому morso — укус, удило).

Имя Плутон сходно с Плушта (pluchta) — бьющий огонь.

Имя Юпитер сходно с Зу-Питри (Zu-Putri) — Зевс-Отец.

Имя Минерва — сходно с Ма-нара-ва (ma-nara-va) — поддерживающая сильных.

Имя Атенайя (Афина) — сходно с А-тана-я (a-tanaja) — бездетная.

Имя Паллас (Паллада) сходно с Пала-са (pala-sa) — покровительница мудрости.

Имя Пифагор созвучно с Пита-гуру (pita-guru) — школьный учитель.

Имя Анаксагор — созвучно с Ананга-гуру (ananga-guru) — учитель духа.

Имя Протагор — созвучно с Прата-Гуру (prata-guru) — учитель всезнания.

Имя Геркулес — созвучно с Гара-кала (hara-cala) — герой битв.

Имя Тезей — созвучно с Та-саха (tha-saha) — союзник.

Имя Андромеда — созвучно с Анда-ра-меда (And-hara-meda) — пожертвованная страсти бога вод.

Имя Персей — созвучно с Пара-сага (para-saga) — помощь во-время.

Слово Центавр (Кентавр) — созвучно с Кентура (Kenturu) — конь-человек.

Имя Артаксеркс (персидское Ардашир) — созвучно с Арта-Ксатриас (arta-xatrias) — архи-царь.

Имя Зороастр (Заратустра) — созвучно с Суриа-Стара (suria-stara) — миссионер солнца.

На основании таких совпадений автор (предваряя современных исследователей лет на восемьдесят) выводит из Индии не только всю греческую мифологию, но и само христианство, и самую Библию считает родившейся в Индии, так как там есть на Цейлоне и Адамов Пик, и мост в виде торчащих из воды скал, по которому, по местному сказанию, изгнали Адама из цейлонского рая на континент.

Но само собой понятно, что такой всеобщий извод населения Европы и ее культуры и религии из Индии не удовлетворил позднейших исследователей, и появилась идея об обратном переселении.

Исходя, между прочим, из того, что слово береза имеет тот же корень и в русском, и в санскрите (burjah), и в литовском (bersas), и в немецком (Birke), заключили, что родина арио-европейцев есть область березы, т.-е. умеренный пояс Европы, к чему привело и существование одного и того же корня для названий волка, зимы, снега, меда.

Такие же созвучия в названиях собаки, коровы, овцы, козла, коня и домашних растений — ячменя, полбы, или предметов хозяйства: ярма, повозки, оси, колеса, лодки, весла, кожи, топора, привели к заключению, что родоначальники санскрита до расселения из средней Европы уже обладали значительной культурой. Однако, как ни вероятно возникновение нашей европейской культуры как раз в средней Европе и потом на берегах Средиземного моря, однако миграцию слов нельзя соединять с миграцией масс населения: слова распространяются, как мы видели сейчас, много легче и быстрее. Припомним только современное быстрое распространение греческих названий в научных языках всего земного шара. С этой точки зрения и «искусственный язык» современных ост-индских священнослужителей Иезеуса-Кришны, сына девушки, зачавшей от святой троицы (Тримурти), есть только пережиточный конгломерат церковно-славянского, церковно-греческого и церковно-итальянского (латинского) языков на чужбине. Такие конгломераты всегда образуются в странах, где говорят на двух или трех разных языках. Дети всегда начинают перепутывать между собою разноязычные слова. Так, в русских семьях после бегства из Москвы Наполеона I, когда появились всюду гувернеры из его попавших в плен воинов, сейчас же образовался особый франко-русский язык, которым и говорили светские дамы почти до конца XIX века и который дал повод к пародиям, в роде известной поэмы «Мадам де Курдюков», или институтских куплетов в роде:

Regardez, ma chère сестрица,
Quel joli идет garçon!
Нам пора остановиться
И итти à la maison.

Этот жаргон не развился в особый язык только потому, что наполеоновские воины-гувернеры постепенно вымерли и, кроме того, собственная русская изящная литература, благодаря Жуковскому и его современникам, уже выработала свой, закрепленный обязательным школьным преподаванием, национальный язык. Низшая и средняя школы — это единственный закрепитель национальных литературных слов и оборотов речи, а высшая школа, наоборот, их разрушитель и интернационализатор языков. Возьмите, например, любую нашу научную книгу, и вы на каждой ее странице найдете фразы в роде следующей:

«При гистологическом исследовании организма встречаются патологические трансформации его тканей».

Если вы человек образованный, то вы ни мало не сомневаетесь, что читаете это по-русски, а для необразованного это не лучше, чем вышеприведенное стихотворение: «Regardez, ma chère сестрица». Здесь русских слов только пять: «при» «исследование», «встречаются», да «его тканей», а все остальное греко-латынь. Да и последнее из пяти русских слов «ткань» употреблено здесь не в его национальном и литературном, а в своеобразном физиологическом значении.

В философских трактатах вы увидите этот конгломератный язык русских ученых еще в более ярких формах и, сравнив его с современным языком изящной русской литературы, вы подумаете, что оба принадлежат к двум разным культурным периодам развития русского языка.

Вот хотя бы первое пришедшее мне на ум общеизвестное стихотворение того же XIX века:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда
и т. д.

Где здесь хоть одно греко-латинское слово? Пересмотрите всю нашу изящную литературу, и если вы увидите в каком-либо ее стихотворении после Тредьяковского или в каком-либо беллетристическом произведении (до футуристов, или поэтов науки, в роде меня) какое-либо греко-латинское слово, то всегда лишь как редкое исключение.

Какой же отсюда вывод? Только тот, что *если на каком-либо древнем языке коренной состав употребляемых слов различен в научных и литературных творениях, то это еще не значит, что они писаны в разные эпохи.*

А между тем такие выводы были сделаны прежними историками и для санскритской, и для греческой литературы, и пережитки таких взглядов существуют у нас, нередко бессознательно, до сих пор.

Ост-индские «Веды», например (т.-е. «Ведения» по-русски), считались долго и мной самим более древними, чем драмы и поэзия индусов, хотя в таком случае пришлось бы, как мы только-что видели, допустить (сравнивая современную русскую научную литературу с современной беллетристикой по их языкам), что и русская наука предшествовала русской беллетристике и была до нее даже за много веков, когда русский язык еще не обособился вполне от греческого.

Вы сами видите, что с чисто наблюдательной точки зрения, когда нами руководит реальный жизненный факт, искусственный язык индусских священников проще всего принять не за первобытный, а за конгломератный язык бросившихся туда, как я уже сказал, славянских, греческих и латино-румынских проповедников Кришны-Христа.

Этот-то язык первых ост-индских грамотных людей и развился при преемственной передаче привезенных ими с собой латино-греко-славянских книг в самостоятельный жаргон. Обрабатывая на нем религиозный и научно-философский багаж, принесенный с Запада посредством прившихся к нему местных представлений, возникшая жреческая каста породила самостоятельную богатую литературу в Ост-Индии, аналогичную той, которую создал тот же греко-итальянский (латинский) язык на западно-европейской почве в средние века и особенно в эпоху Возрождения.

Здесь я опять особенно хочу отметить еще не указанную никем огромную роль, которую играли в византийской культуре славянские народности Балканского полуострова.

Живя между греками, они одинаково хорошо владели и греческим, и славянским языками. Они легко усваивали италийский, и в этой способности к иностранным языкам, характеризующей и современные славянские народы, было их большое

преимущество над другими и в то же время большой недочет. Все способные к наукам и имевшие средства для их изучения славянские юноши отправлялись в Софийское, Адрианопольское или Константинопольское книгохранилища, при которых всегда были школы, и там прежде всего знакомились с греческой литературой. У них составлялось представление, что только на этом языке и возможна истинная поэзия и истинная наука, для которой на их собственном языке не выработалось даже и терминов. И это представление еще более укреплялось, когда они, окончив образование в Афинах, посещали Италию, в которой культурными центрами были тогда старо-греческие, полуассимилировавшиеся с местным итальянским населением, колонии Лациума близ Неаполя и в Сицилии, уже превратившие тогдашний местный итальянский язык, — почти тот же, что и теперь, — в ту самую смесь итальянского с греческим, которую мы называем теперь латынью (языком Лациума).

Я не знаю, было ли обращено лингвистами внимание хотя бы даже на то, что греческий определенный член ho, he, to (ὁ, ἡ, τὸ) есть только применение к первобытному греческому, чисто суффиксовому языку славянского местоимения *тот, та, то* для обязательного выражения определенного смысла употребляемых существительных, чем даже злоупотребил классический греческий язык, прилагая этот префикс и кстати, и некстати даже к прилагательным.

Ведь этот член *тот, та, то* и до сих пор существует в балканских славянских языках, но явно пришел не от греков, так как только у славян он имеет самостоятельный смысл, а на греческом обратился лишь в формальную приставку. А между тем это очень существенное указание, так как в греческом придыхательные члены именительного падежа (ho, he) меняют свое придыхание на Т в остальных падежах, показывая, что и тут были ранее *тот и та.*

Мне нет здесь нужды приводить все остальные многочисленные доказательства влияния славянских языков на древне-греческий, так как для моей цели много важнее указать на влияние греческого языка на славянские, в котором, конечно, никто и не сомневается. Ведь у нас существуют даже целые словари иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Из этих словарей сразу видно, что коренной лингвистический состав слов

интеллигентного русского человека более чем удвоился на греческий счет, и если наша грамматика еще не подвергается таким же нововведениям иностранных форм речи, — (кроме разве предлога *а ля* (à la), — то лишь потому, что она, подобно орфографии и азбуке, искусственно удерживается, — как я уже и говорил, — современной средней и низшей школой в национальных границах. И я прибавлю от себя, что об этом можно даже и пожалеть, так как некоторые иностранные формы, в роде определенного и неопределенного членов и различных отсутствующих в русской грамматике оттенков времени при спряжениях глаголов, делают европейские фразы более колоритными.

В древности не было еще таких искусственных оград, а потому в соприкасающихся языках конгломерировали не только корни слов, но и грамматические формы и обороты речи. В одних случаях они осложняли фразы, в других урезывали язык, а потому и преподававшийся в наших школах греческий классический язык не есть ни первоначальный язык ионийских греков, ни родоначальник псевдо-ново-греческого языка, а во многом его сын. И он не менее отступил от первичного вульгарного языка греков, чем латинский от итальянского, и так называемые «различные периоды его развития» представляют лишь местные вариации той же самой сравнительно поздней эпохи.

Правда, что славянской литературы, такой же богатой произведениями, как и греческая, не образовалось на церковно-славянском языке, но это только потому, что, как я уже говорил, все балканские образованные славяне так же хорошо знали литературный греческий язык, как и свой собственный, и писали на нем, а не на церковно-славянском, вплоть до того времени, когда Кирилл и Мефодий (не бо́льшие греки, чем мы), взявши контскую азбуку, как образец, перевели, против воли тогдашних грамотеев, некоторые из священных книг на свой язык.

Это относилось уже к тому периоду, когда стали одно за другим появляться и евангелия, тоже на греческом языке, хотя может-быть первый из евангелистов Марк и назывался в детстве своими родителями по-славянски *Марко*.

Ведь греческие имена восточных религиозных писателей так же мало говорят нам о греческом происхождении носивших их людей, как и наши собственные, тоже греческие, имена.

Точно так же и предания о Кирилле (Константине) и Мефодии рассказывают нам, что они оба были уроженцы славянского города Солуни в Македонии и притом аристократического происхождения: Кирилл был товарищем по учению одного из сыновей императора Михаила III, а потом библиотекарем Софийской библиотеки, когда фактическим правителем государства был уже славянин Василий Македонский, захвативший престол в 867 году, за три года до смерти Константина-Кирилла. Мефодий же, старший брат Константина-Кирилла, жил, — говорят нам, — до 885 года. Сначала он был на военной службе, потом правителем одного славянского княжества, и он-то вместе с братом, — как говорят, — перевел евангелие и некоторые другие книги с греческого на славянский язык.

Его попытка образовать национальную славянскую литературу была встречена враждебно тогдашними учеными, как попытка профанировать теологию — науку, истины которой могли быть обсуждаемы только посвященными в их тайны на латинском и греческом языках. Мефодий отправился тогда в землю паннов (Паннонию) в задунайской части Моравии, потом в Чехию, где тоже начались на него гонения за вывод теологической премудрости из пределов классических языков на славянскую улицу, и он был даже заточен на некоторое время в одном из швабских монастырей.

Мы видим отсюда, что выведение тогдашней науки и литературы из границ греко-латинской письменности было не так-то легко даже и в IX веке нашей эры и что благодаря этому среди классических греческих произведений, может-быть, целая половина, если не более, принадлежит работе славянской мысли, подобно тому, как более половины книг, написанных по-латыни на Западе, принадлежит не итальянцам, а германцам, французам и англичанам.

Еще более труден был переход от такой религиозной письменности к национальной литературе в Индии с ее сплошь безграмотным тогда и разноязычным населением, когда отголоски славянского гения и славянских заблуждений в византийский период жизни Востока достигли, наконец, как я старался показать выше, и до пределов отдаленного Индустана.

Мы легко приходим отсюда к выводу, что первоначальную касту ученых-жрецов Тримурти-Троицы и ее сына Иезеуса-

Кришны образовали в Индии именно славяне, и что, следовательно, каста словесников (браминов) там не такая уже древняя, как думают ее современные жрецы по обычаю всех остальных священнослужителей.

Понятно, что, возникнув первоначально из ученых переселенцев Запада, эта священническая каста в Индии постепенно национализировалась, но осталась замкнутой в самой себе, тщательно оберегая тот смешанный славяно-греко-итальянский язык, который она унесла с собою и который ее дети, или внуки, признали священным языком своих предков, единственным, на котором серьезный человек может говорить и писать о высоких предметах.

Все было здесь по тому же шаблону, как и в Западной Европе при распространении католицизма через Италию из той же Византии на греко-итальянском (латинском) языке.

Прием нового бога всегда совершался политеистическим населением в высшей степени охотно, а новая идеология всегда была достоянием лишь ее специалистов. Она не отвергалась населением, пока не затрагивала существенных экономических или бытовых интересов физически-трудящихся масс и пока сама приспособлялась к их национальному быту, как и происходило при распространении всех религий, несмотря на их стремление стать общечеловеческими.

— Но точно ли,— скажут мне,— в начале средних веков существовал такой же Drang nach Osten христианских проповедников из Византии, как и их Drang nach Westen?

Спрашивать это так же неуместно, как сказать: будет ли газ при взрыве в свободном пространстве стремиться распространяться во все стороны, или только в одну? В самом вопросе заключается и его решение. Распространение во все стороны неизбежно, а потому и единобожие в момент своего вулканического взрыва у подошвы Везувия должно было с одинаковым напором стремиться и на запад, и на восток, и на север, и на юг и проникать везде и всюду, где еще существовало язычество. Появившееся в VII веке магометанство было лишь следующей, вторичной волной того же землетрясения, подготовленной первою, уже пронесшеюся через Аравию и Сирию. И новая волна тоже хлынула (может-быть от землетрясения) в Сирии и на запад и на восток, и на север и на юг, но

нигде не догнала первой. Обратив к вере Магомета Западную Азию и Северную Африку, она не покрыла вполне ни «Христа» в Европе, ни «Кришну» в Индии, ни «Будду» в Тибете.

И это не одни мои предположения. Мы имеем и исторические указания, сама легендарность которых обнаруживает их древность.

Греческие теологи нам говорят, что христианство в Индии было заложено Фомой, учеником самого «Спасителя», будто бы жившего в I веке нашей эры.

Но мы уже знаем, что основателем христианского богослужения был Великий Царь (Василий Великий) и временем его богослужебных реформ была вторая половина IV века. В соответствии с этим и христианство первых веков нашей эры в Ост-Индии, вместе с его проповедником Фомой (имя которого значит Близнец), оказывается лишь апокрифированием событий V века.

В соответствии с этим является и сказание об обращении Индии в христианство не христовым «Близнецом», а Сыном Ламы (Вар-Ламом) и Судьей Громовержца (Иоасафом), которое я нарочно привожу в том виде, как оно дано в «Житиях Святых».

«Есть на Востоке,— говорит нам эта книга по Иоанну Дамаскину,— зело великая и многонародная страна, нарицаемая Индией, изобилующая паче всех иных стран всякими богатствами и плодами, окруженная морскими пучинами и соприкасающаяся на суше с персидскими пределами. Она *некогда* была просвещена святым апостолом Фомой, но *не оставила* идольского нечестия и прелестей бесовских. Она *(будто бы!)* отступила от истинной веры. И возрастало в ней нечестие, как терние, и подавляло оно *(еще не существовавшее в то время!)* доброе семя благочестия. Наконец, восстал в той стране некий царь, именем Отец Света (Авенир), и служил бесам и поклонялся «воздушным идолам».

«Но в это самое время пришел туда монах Сын Ламы (Вар-Лам) и обратил в христианство его сына Иоасафа (Судью Громовержца), который вслед за тем окрестил и большинство индусского народа».

Мы видим, что повествование о крещении Индии Судьею Громовержца совершенно аналогично повествованию о крещении Руси Владимиром святым: проповедник обратил в свою веру

властелина страны, а этот приказал принять ее и всему своему народу. Способ вполне естественный: так было и везде. Вслед за Сыном Ламы (или, если хотите, «Близнецом» Фомой), в просветленное царство хлынули многочисленные проповедники Кришны-Христа из Византии и, принеся с собой смешанный греко-латино-славянский язык своей родины для целей богослужения и письменности, прочно осели по стране, образовав там священную касту «служителей бога-Слова», и создали потом на нем такую же литературу, как и классическая на латинском.

Мы видим, таким образом, что рассказ о крещении Индии по образцу крещения Руси заслуживает серьезного исследования, тем более, что параллельно с греческим текстом он существует издревле и на арабском языке.[1] Прочтем же его и далее по «Житиям Святых».

«Как только,— говорят нам они,— у «Отца Света» родился сын, безмерная телесная красота которого предвещала имеющую быть такую же красоту душевную, он собрал волхвов и астрологов и вопрошал их:

«— Чем будет этот родившийся ребенок?

«По многом рассмотрении звезд они сказали, что он будет больше всех царей, бывших до него. Мудрейший же из звездочетов, вдохновившись не от звездного течения, а от откровения святого духа сказал:

«— Думаю, что он примет гонимое тобою христианское учение» (которого, *как говорит сам автор*, уже не было тогда в Индии).

Чтоб не исполнилось такое неприятное для него пророчество, преподобный царь Аб-Енир построил для сына уединенный огромный дворец и запретил слугам впускать к нему кого бы то ни было из посторонних, и, кроме того, никто из приставленных к нему слуг не должен был говорить при нем ничего печального, а только одно веселое и хорошее.

Так Иоасаф достиг юношеского возраста, никогда не выходя из своего дворца и не видав никаких человеческих бедствий, но «научился всей эфиопской и персидской премудрости».

Раз он спросил своего отца:

---

[1] Академик С. Ф. Ольденбург. Арабский перевод сказания о Варламе и Иоасафе. «Изв. Академии Наук».

«— Зачем ты заключил меня внутри этих стен и сделал меня невидимым?

«— Я не хочу,— ответил отец,— чтобы ты видел что-либо могущее опечалить твое сердце, а жил бы здесь в непрерывной сладости и весельи.

«— Твой затвор мне делает не радость и веселье, а скорбь и печаль,— отвечал ему сын.— И если ты не хочешь, чтобы я умер с горя, то позволь мне ходить, куда хочу, и увеселять мою душу виденьем того, чего я не видал до сих пор.

«— Пусть будет по твоему желанью,— ответил опечаленный царь.

«Он позволил ему выезжать, но запретил спутникам показывать ему какую-либо нищету и скорбь, а только одно хорошее и красивое, и всегда сопровождать его с пеньем и плясками.

«Однажды, когда его слуги зазевались, он, проезжая на коне, увидел прокаженного и слепого. Он спросил, что это значит, и ему объяснили, что таковы человеческие болезни.

«— Бывают ли они у каждого?— спросил он, и ему отвечали, что не у всех.

«Другой раз он увидел дряхлого старца, и ему объяснили, что это доля каждого живущего человека, если он не умрет ранее.

«Тут он впервые услыхал о неизбежности старости и смерти.

«Он уехал печальный в свой дворец и там предался мыслям о том, как было бы можно избежать смерти. И бог помог ему в этом.

«В Сенаридской пустыне жил тогда некий христианский священник Вар-Лам. Узнав от осенившего его святого духа о состоянии принца Иоасафа в Индии, он сел на корабль, переодевшись купцом, и приехал в его город.

«— У меня есть драгоценный камень, подобного которому нет на свете,— сказал он евнуху царевича.— Он дает слепым зрение, глухим слух, немым речь, а больным здоровье, изгоняет бесов и дает разум не имеющим его. Посредством его все можно получить, и я хочу подарить его твоему принцу.

«Евнух привел его к Иосафату, и Вар-Лам ему сказал:

«— Все, что я говорил твоему слуге,— правда, но, прежде чем дать тебе мой камень, надо подготовить к нему твою душу.

«И он начал говорить ему о едином боге, о праотце Адаме и его изгнании из рая, об искуплении людей воплотившимся сыном божиим и о бессмертии души.

«— Я понял, — ответил ему царевич, когда он кончил, — что это и есть твой драгоценный камень.

«И он не хотел более отпускать от себя Вар-Лама. С этого времени исчезла его печаль и страх смерти. Он захотел тотчас же поступить в монахи, но Вар-Лам уговорил его остаться пока в своем высоком положении, чтобы лучше послужить богу.

«— Хочешь ли быть сыном божьим? — сказал он, — и прочел ему (будто бы) Символ Веры в том же виде, как мы читаем его и теперь, но с соответствующими толкованиями в средневековом стиле, и окрестил его.

«В это самое время один из сторожей, Зардан, заподозрев, что Вар-Лам христианин, стал уговаривать царевича прекратить свидания, а Иоасаф вместо ответа пригласил его послушать, укрывшись за драпировкой, поучения Вар-Лама, думая, что и он убедится в правильности его веры. Однако, Зардан не убедился и пригрозил сообщить царю. Вар-Лам заблаговременно уехал домой, «оставив на память царевичу свою ветхую власяницу».

Иоасаф стал «так усиленно молиться, надевая ее вместо рубашки, что опечаленный Зардан заболел с горя». Встревожившийся царь послал к нему врача, но врач не мог узнать причины его болезни, и сам Зардан пришел к царю и покаялся со слезами в своем упущении. Царь позвал к себе первейшего из своих вельмож Арахию, «премудрого советника, искусного в астрологии», и сообщил ему все случившееся.

«— Будь беспечален, царь! — ответил ему астролог. — У меня есть старец Нахор, живущий в пустыне и научившийся звездочетству и всякой магии. Повели ему принять вид Вар-Лама. Мы будем спорить с ним в присутствии царевича о вере, и Нахор даст нам средство опровергнуть себя и сам согласится с нами.

«Он пошел в пустыню к Нахору, жившему там вместе с бесами, и умолил его превратиться в Вар-Лама. Чтобы лучше сделать дело, он послал потом воинов схватить его и привести к царю, как будто действительного Вар-Лама.

«Царь повелел тогда собрать большой собор из всех индусских мудрецов для спора с лже-сыном Ламы, чтобы решить, кто из них прав. К нему пришли все персидские, халдейские и индийские волхвы и чародеи, хитрые в своей неправде.

«Царь сел на престоле, и волхв Нахор был тоже приведен туда в виде Вар-Лама.

«— Защищайте каждый свою веру! — сказал им царь. — Но знайте, что тех, которые будут побеждены, я погублю мечом и дам их тела на съедение зверям.

«Царевич, услыхав это, обрадовался и, зная от святого духа, что перед ним не Вар-Лам, а Нахор, специально погрозил ему и от себя, говоря, что лично отрубит ему голову, если он будет побежден.

«Нахор так испугался его угрозы, что вдруг, подобно Валааму, приехавшему к Валаку на ослице проклинать израиля, но проклявшему вместо того его врагов, обратился в такого мудрого защитника христианства, что посрамил всех жрецов. Рассерженный царь вымазал им сажей головы за плохую защиту своих богов и выгнал вон, нанеся много побоев, а с Нахором ничего не мог сделать, потому что его оставил у себя на ночь царевич, который утром дал ему, превратившемуся вдруг в христианина, возможность убежать к себе домой».

Но и сам царь уж не знал после этого спора, к какой вере пристать ему самому. Жрецы же, вымыв свои начерненные сажей лица, обратились за помощью к волхву Феуде, «пребывавшему тогда тоже в пустыне с бесами». Феуда, взяв с собой множество бесов, пришел к царю и сотворил с ним большой праздник бесам. «А лукавые, чувствуя здесь свое собственное бессилие против Христа, посоветовали царю обратиться вместо себя к женщинам:

«— Замести, — сказали ему бесы через Феуду, — всех слуг царевича одними юными красивыми девицами и предоставь им соблазнить его».

Царь так и сделал, и царевич, — уверяют нас «Жития», — «убедился, что женщины много опаснее бесов».

«Одна из них, пленная царевна, самая прекрасная из всех, особенно прельщала Иоасафа, и один из бесов научил ее мудрой беседе, чтобы особенно очаровать Иоасафа не только телом, но и духом.

«Она сначала обещала ему сделаться христианкой, если он вступит с нею в супружество», и будто бы говорила ему:

«— Разве не велел бог людям плодиться и размножаться? Разве пророки и святые и сам Петр не жили со своими женами?»

Не успев убедить его на законный брак, она предложила ему, наконец, «проспать с нею только одну ночь, потому что на небесах бывает больше радости об одном кающемся грешнике, чем о многих праведниках, а она уже непременно раскается и после этого примет христианство».

«Все бесы возрадовались, слыша такую убедительную речь. А Иоасаф, не зная, что возразить, в отчаянии бросился на землю и стал о нее биться, но тотчас же заснул. Он увидел во сне райский сад со святыми и под ним бесовский ад с грешниками и так пленился первым и испугался второго, что, проснувшись, вдруг почувствовал, что «вся женская красота», — как выражается автор «Житий Святых» (синодское издание в Петербурге 1839 г.),— стала для него «хуже кала и гноя».

Не трудно поверить после этого, что царевич, — как продолжают далее наши первоисточники, — сейчас же заболел (вероятно психически) до того, что обеспокоенный отец «увел от него всех дев, а бесы в отчаяньи сами убежали к своему волхву Феуде».

И вот «Феуда, подстрекаемый бесами, пришел препираться с царевичем о вере, но был так посрамлен его ответами, что тотчас сам обратился в христианство и сжег все свои ученые книги к полному отчаянию бесов».

«Царедворец Арахия посоветовал царю отдать Иоасафу половину царства, чтобы он отвлекся от религии государственными делами», но и это мало помогло. Царевич согласился лишь с благою целью и, «получив свою половину, тотчас же разорил в ней все языческие храмы, заменив их христианскими» и вскоре привел в чувство и самого своего отца. Окрестив его лично, он, «таким образом стал ему вместо сына отцом». Когда Аб-Енир наконец, умер и все царство было приведено в христианскую веру, Иоасаф тайно бежал от своих подданных в пустыню, завещав им поставить вместо себя царем «Сына святого» (Бар-Ахию).

По дороге в пустыню напали на него бесы, смущая разными помыслами, устрашая привидениями. Они являлись ему черными, скрежеща зубами, устремлялись на него с мечами в руках, принимали образ змей, зверей и аспидов, но он легко их прогонял «мечом крестного знамени».

«Он пришел к Вар-Ламову вертепу уже весь, как и Вар-Лам, обросший волосами, и оба они (волосатые) обнялись со слезами и долго беседовали друг с другом. Они съели немного фиников, выпили воды из ручья и стали жить вместе, пока не умер Вар-Лам. Оставшись одиноким, Иоасаф отслужил над ним литургию *(неизвестно чью, Василия Великого или Иоанна Златоуста)* и зарыл его тело в землю». Потом он умер и сам, на 85 году жизни 19 ноября, «оставив свое земное царство 23 лет и пробыв в пустыне еще 60 лет».

Такова самая ранняя легенда о проникновении христианства в Индию.

Я нарочно привел ее со всей сопроводительной беллетристикой, так как именно она и подтверждает древность сказания, суть которого заключается, конечно, лишь в том, что какая-то обширная область Индии (если не вся она) была обращена в христианство в средние века, по образцу крещения Руси Владимиром с призывом священнослужителей из Византии. Судя по оставшимся в легенде собственным именам арабского корня, легенда эта попала в греческие святцы из еврейско-арабской литературы средних веков.

Нельзя отрицать правдоподобия в том, что христианство (или мессианство) в Индии было впервые одобрено в начале средних веков одним молодым местным царем, которому, будто бы, давали имя бог-Судия (Ио-асаф) того же значения как и Даниил. И я прибавлю к этому, что Вар-Лам и Иоасаф считаются и историками за действительно существовавшие личности, хотя время их средневековой жизни не определяется даже приблизительно.

Само собою понятно, что христианства в современном виде еще нигде не было даже и в начале средних веков, а было своеобразное мессианство, как раз то самое, которое вместе с помазанником Кришной принесло туда и тот славяно-латино-греческий язык, который, благодаря долгой изоляции, сильно приспособился к местным говорам и отлился, наконец, в современный санскрит. Легенда о Вар-Ламе и Иоасафе важна для нас тем, что она показывает на действительный религиозный захват Индии христианскими проповедниками в ее «доисторические» времена, хотя они и были уже историческими в Европе. Вар-Лам значит сын Ламы, т.-е. по-тибетски сын Небесной Матери. А только-что рассказанная история детства Иоасафа чрезвычайно напоминает историю детства Будды, имя которого происходит от глагола *будить* и по-санскритски значит *Пробужденный*. Он

называется сыном короля Сидгарта, и время его *(из любви к древности)* относят к VI веку до начала нашей эры.

Основой его учения, как и евангельского христианства, является отрицание сословий и жертвоприношений и утверждение, что бедные ближе всего к спасению. Он, — говорят нам,— никогда не считал себя богом, но его последователи возвели его после смерти в верховного бога и ввели в свою теологию, как и средневековые христиане Кришну и Христа.

Буддизм, — говорят нам, — будто бы возник в Индии еще в V веке *до* начала нашей эры, а наша поправка при его отожествлении с ламаизмом будет состоять лишь в том, что мы его отнесем к V веку *после* начала нашей эры, оставив фабулу той же самой и приравняв сущность учения к монофизитству.

Но первичная монофизитская христианская теология быстро распадалась в разных странах на ряд враждебных друг другу течений, и это быстро отразилось и на Ост-Индии.

Новое учение о божественной троице проникло и туда, а буддизм бежал в Монголию и Китай, заменяясь в Индии новым учением о Святой Троице и ее сыне Иезеусе-Кришне, т.-е. Иисусе Христе.

И вот мы приходим к заключению, что эта новая фаза была принесена в Индию уже в средине средних веков, когда началось и в Европе евангельское учение, но в виде особой его отрасли—брамаизма. Бог-Отец европейских христиан получил здесь национальное имя Брамы, т.-е. «Слова» как и в евангелии Иоанна, в котором оно встречается в первый раз, являясь результатом философских размышлений его автора, Иоанна Дамасского. Бог-Сын получил название Вишны и воплотился последний раз в Иезеусе-Кришне, т.-е. в Иисусе Христе, подтвердив, таким образом, и евангельское утверждение, что Иисус существовал, как бог-Сын, и до своего воплощения, что̀ говорится и в символе православной веры, где утверждается, что бог-сын, Вседержитель, был «рожден прежде всех веков» и только «воплотился в человеческом виде» посредством Девы Марии.

Более дифференцировалось от Европы здесь только представление о третьем лице божественной троицы — святом духе, Шиве, с титулом Мага-Дева, латинским Magnus Deus — Великий бог. Здесь нельзя даже сказать, в какой из двух стран это первичное латино-греческое представление о третьем олицетворении божества, о всеочищающем и всеразрушающем огне, эволюционировалось сильнее и более удалилось от первичного представления.

Это лицо православной троицы по самой своей сущности было наиболее пластично. Ведь огонь считался материализированным, по древним представлениям, во всех металлах, когда они выплавлялись из руд, и это учение было опровергнуто только в конце XVIII века основателем современной химии — Лавуазье.

Огонь же, по мнению древних, придавал и спиртным напиткам их жгучий вкус и опьяняющие свойства, опьянение смешивалось с вдохновением, и самое имя спирта (Spiritus) по-латыни значит *дух*. И вот, святой дух, сойдя на головы апостолов в виде языков пламени, дал в то же время повод и к объяснению причины их божественного вдохновения. Они заговорили, по мнению окружающих, на непонятных никому языках потому, что напились какого-нибудь спиртного (т.-е. в буквальном переводе: *духовного*) напитка.

Вся эта смесь представлений о божественном огне, взятом с неба для людей по эллинской мифологии «Пророком» (Прометеем по-гречески), тоже «сыном Япета», т.-е. Юпитера, что в переводе и значит «сын бога-Отца», кристаллизировалась как в христианских религиозных представлениях о «святом духе-вдохновителе», так и в браминских представлениях о боге Шиве, соединение с которым очищает и разрушает все. Самый Прометей, т.-е. по-русски пророк, с этой точки зрения есть легенда того же времени, к которому принадлежат и легенды о Кришне и Христе.

Соответственно христианским монахам разных орденов, и в Индии мы видим и факиров (по-арабски: бедных), и иогов — соединенных с богом, и саниассов — умерших для мира, и авадутосов — лежащих на берегах священной реки Ганга. Чем отличаются они от средневековых европейских столпников? И почему думать, что это эндемическое помешательство средних веков происходило в таких же формах еще раз в древности, будучи отделено от второго раза и территориально, и хронологически? Не проще ли предположить, что эта зараза один только раз, подобно кори, завладевала человеческим организмом лишь на определенном возрасте?

Что же касается до единства идеологической части у браминских и христианско-мессианских мифов и до единства их конструкции у обоих, то в этом нет никакого сомнения.

Большинство библейских легенд повторяется с некоторыми вариантами и прибавками и в браминских преданиях.

Первый человек, сотворенный богом-Словом — Брамой, — называется Адам, а жена его — Ева, при чем Ева и по-санскритски значит Жизнь, как и по-еврейски, но аллегория этого имени уже затемнена беллетристическими прибавками, чем и доказывается, что индусское предание заимствовано из Библии. Место действия (земной рай) перенесено на Цейлон, с которого бог запретил им выходить. Грехопаденье их состояло в том, что царь злых духов, из зависти к творениям бога-Слова, соблазнил Адама перейти на континент, вызвав перед ним мираж роскошнейшего сада с самыми соблазнительными плодами. И не Ева-Жизнь увлекла (у браминов) Адама к непослушанию своему творцу, а сам Адам увлек ее против воли, и именно потому обещанный искупитель их потомства должен был произойти от нее одной без мужа.

Некоторые географические названия Цейлона и до сих пор приспособлены к этой легенде, как, например, Пик Адама и Адамов мост — гряда скалистых островков, соединяющих остров с континентом через пролив. Однако, следует ли из этого вывести, что легенда об Адаме и Еве впервые возникла здесь?

Это было бы так же неосторожно думать, как и приписывать самой легенде цейлонское происхождение. Адам и Ева коренные еврейско-арабские, а не индусские имена.

Легенда о потопе тоже рассказывается в «Ведах» с несколькими вариациями, но имя Ноя переделано на индусский манер в Вайвасвату, который построил свой гигантский корабль по совету спасенной им чудесной рыбы. Эта рыба и возила его корабль по океану, как созвездие Дорады (Золотой рыбы) возит теперь по небу созвездие Корабля (рис. 49). Но астральный смысл легенды и здесь уже затушеван беллетристикой. Потом—по Рамацарьяру — является на сцену и арабский Отец Многих Народов Аб-Раам, превратившийся в Абунгарта. Он и здесь по повелению бога-Слова собирается приносить в жертву своего сына, но Вишну, спустившись на голову юноши, в виде голубя, останавливает его руку.

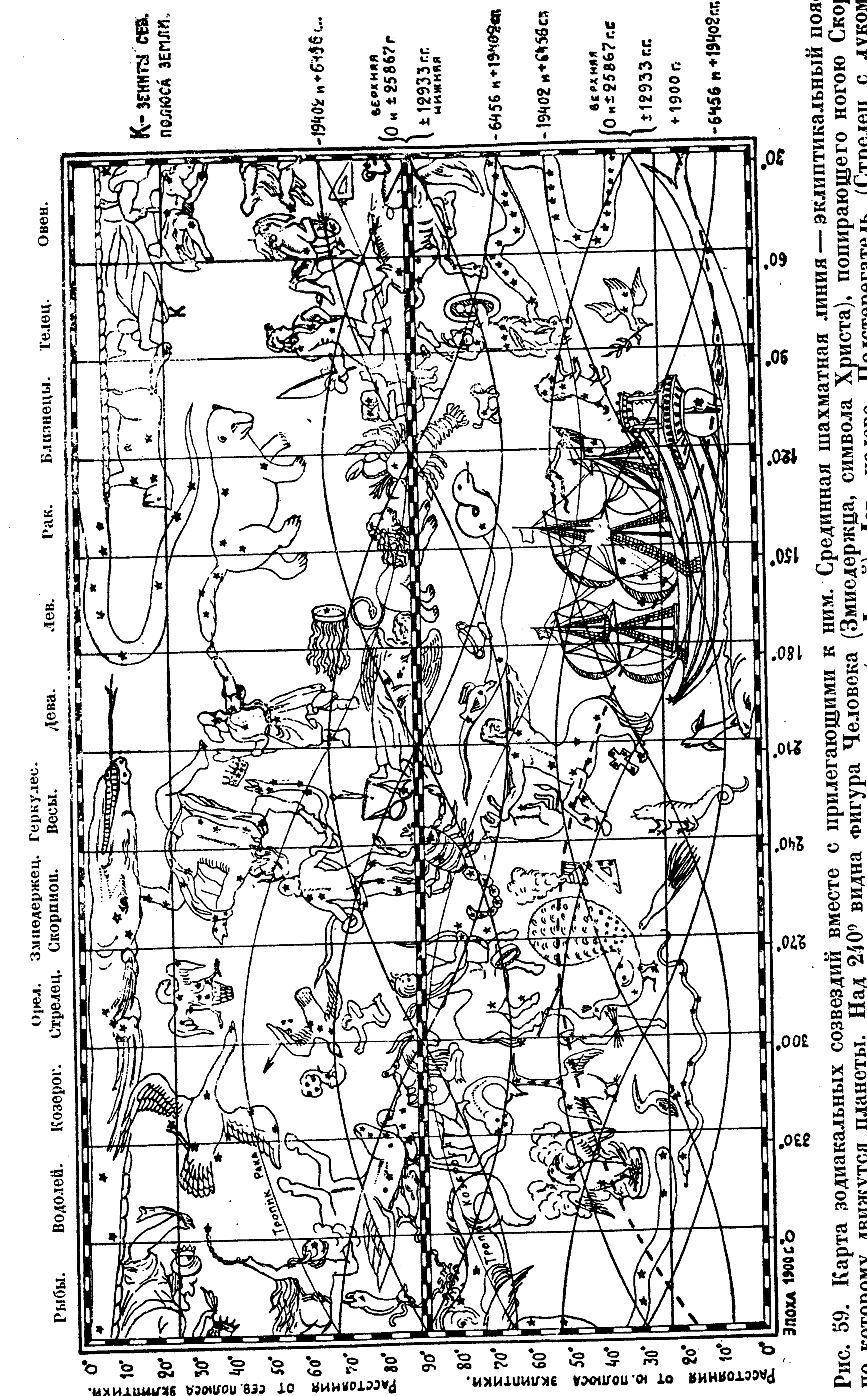

Рис. 59. Карта зодиакальных созвездий вместе с прилегающими к ним. Срединная шахматная линия — эклиптикальный пояс, по которому движутся планеты. Над 240° видна фигура Человека (Змиедержца, символа Христа), попирающего ногою Скорпиона (символ смерти) над Жертвенником. Направо от него (за Девой) Лев, налево Подстерегатель (Стрелец с луком), а над ним Орел. Четыре планеты предполагаются между Весами и Скорпионом, идущими в Ущелье Млечного Пути между Весами и Стрельцом (не обозначено на карте).

Соответственно библейским пророчествам о рождении Иисуса, мы находим и индусские:

«Во чреве женщины примет форму человека луч божественного великолепия, и Дева зачнет ребенка» (из «Веданг»). «В первые годы царствования Кали-Йуга (Cali-youga) родится Сын Девы» («из Веданты»).

Кто такой этот Кали-Йуга? Мы уже отмечали поразительное совпадение многих санскритских имен с латинскими и греческими. Так и здесь невольно хочется видеть в Кали-Йуге Калигулу, хотя он и не предшествовал рождению Иисуса по обычной фиктивной европейской хронологии, а следовал за ним. Прибавлю, что обычное, не уменьшенное имя Калигулы было Калиг, что̀ близко к Кали, а Йуга значит *век*. Предыдущий век индусских теологов, век «Дапара» (Dwapara), окажется тогда веком Тиберия, а два предшествующие им века «Трета» и «Крита» окажутся царствованиями Октавиана и Юлия Цезаря, с которого и начался по обычной традиции современный Юлианский календарь. Понятно, что с нашей точки зрения, отождествляющей Калигулу с Юлианом, время деятельности Кришны и по индусским источникам будет время Юлиана и его преемника Валента от 361 по 378 годы нашей эры.

Этот индусский Христос — Кришна, по браминским традициям, был зачат чудесным образом девой Деванаги (что переводят: созданная для бога), при чем перед ее глазами вдруг явился во время молитвы сам бог Вишну-Вседержитель в ослепительном сиянии при звуках волшебной музыки, и она стала беременна.

Родившийся младенец назван был Кришна, что санскриты и переводят по его греческому корню Христос, т.-е. посвященный, и рассказывают чудеса о его детстве.

Шестнадцати лет он, будто бы, отправился проповедывать по Индостану свое новое учение, и слушавшие его говорили:

— Во истину это искупитель, обещанный нашим отцам.

К нему собралось много учеников, между которыми он особенно отличал юношу Ард-Юна (Ard-jouna), соответствующего Иоанну богослову, принадлежавшего будто бы к одной из самых аристократических фамилий Мадуры. Однако, новое учение Кришны возбудило против него мадурского царя, находившегося под влиянием сторонников прежнего учения. Его хотели

схватить и умертвить, но посланный для этого с отрядом военачальник так поражен был божественностью его вида, что обратился сразу *(как Павел)* в одного из самых усердных сторонников Кришны.

Поучения Кришны были совершенно однородны с поучениями евангельского Христа. Он говорил о бессмертии души, о свободе воли, о воздаянии за добро и зло в будущей жизни и о вере в безграничную доброту вседержащего бога. Преподавались такие поучения Кришной тоже в притчах и в простых коротких поучениях в роде:

«Подобно тому, как земля поддерживает тех, кто ее попирает и кто раздирает плугом ее грудь, так и мы должны воздавать добром за зло», — говорил он между прочим.

Единство обоих учений ясно для каждого беспристрастного исследователя. Оно проявляется и в чудесных деталях жизни Кришны, вплоть до его преображения перед своими учениками, после чего они и назвали его Иезеус, т.-е. Иезус — Иисус, что значит по-еврейски Спасатель, а индусы неправильно толкуют это слово, как «Исшедший из чистой божественной сущности».

А вот и смерть индусского Спасателя по браминским преданиям.

Когда настало время для него оставить земной мир, он отправился к священной реке Гангу, окунулся в нее три раза, и коленопреклоненный стал молиться, ожидая своей смерти.

На берег пришел обличенный им когда-то Андага с многочисленными воинами, но он не предал Кришну, как евангельский ученик, а пронзил издали стрелою, как воин евангельского Христа у его столба. Воины повесили тело Кришны на ветвях дерева, чтобы его склевали вороны, и ушли. Его ученики пришли снять его, но Кришна исчез с дерева, которое оказалось покрытым огромными красными цветами и распространяло вокруг себя упоительное благоухание.

А Андага, поразивший его стрелой, был осужден богом-Отцом на вечные скитания по земле и блуждает теперь на берегах Ганга, не принимая другой пищи, кроме мертвых трупов, кости которых он гложет вместе с шакалами и другими нечистыми животными.

Мы видим, что и в индусских преданиях выпущено место о попытке столбовать Василия Великого, как выпущено оно

и в легенде о вознесении на небо пророка Илии и в жизнеописании самого Василия Великого, первоисточника всех этих легенд.

Легенда о Кришне впервые появляется в той части индусской Магабараты, которую относят ко второму веку «до Рождества Христова», а с нашей точки зрения мы должны отнести эти сказания по меньшей мере на два века позднее смерти Василия Великого, т.-е. к VI веку нашей эры, как и следует по эволюционной совокупности относящихся сюда фактов.

Это явно тот же век, та же самая идеология и те же приемы литературного творчества, и мне остается только повторить слова, которые, я, может-быть, слишком поспешно, сказал еще в первой книге моей работы).[1]

«Не индусская Тримурти (т.-е. Троица) вместе с младенцем Кришной на руках приехала на белом слоне на берега Средиземного моря из девственных лесов Индии, а совершенно наоборот: она перекочевала в Индию из культурных городов Эллино-Сирийско-Египетской теократической империи Феодосия II на верблюдах вместе с торговыми караванами не ранее VIII века нашей эры.

Это и была в Индии первая достоверная «благая весть» о приходившем на землю Кришне в виде основателя христианского богослужения, имя которого в переводе значит Великий Царь (Василий Великий), и все предыдущие воплощения Кришны «сделались известными» в Индии уже позднее (по мере развития легенды)».

И эта же Тримурти на верблюдах, — прибавлю я теперь, — привезла туда из Европы и священный «искусственный язык» проповедников бога-Слова (браминов, по-индусски):

— «Вначале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог!» — говорили они языческим индусам словами евангелия Иоанна.

И это учение о Логосе осталось в Индии до сих пор под названием брамаизма.

---

[1] «Христос». Первая книга, ч. III, гл. V, конец.

ГЛАВА VI.

«ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ЯЗЫК БИБЛЕЙСКИХ БОГОБОРЦЕВ».[1]

Все приведенное в предшествующих главах показывает нам, перед какими непреодолимыми (без помощи антропофоники) затруднениями мы стоим, когда хотим восстановить произношение слов на языках, которые уже давно перестали звучать на земном шаре. А это очень важно при исторических исследованиях, когда самый смысл многих имен и названий уже затерялся, и его приходится отыскивать путем словопроизводства. Собственно говоря, все это мне надо было бы сделать еще в прологе к первой или второй книге «Христа», и тогда я не подвергся бы упрекам некоторых критиков в том, будто без достаточных оснований отвергаю современное произношение чуть не половины всех библейских собственных имен, и некоторым из них даю значение, непривычное для современных гебраистов. Но в таком случае мне пришлось бы пожертвовать астрономическим или геофизическим прологами, присутствие которых было особенно важно для предыдущих томов, и, в результате, мне не оставалось другого выхода, как отложить объяснение своих лингвистических соображений до настоящей книги.

Главное из этих соображений по отношению к «древне-переселенческому» (т.-е. еврейскому) алфавиту заключается, как я уже упоминал, в том, что первым изобретателям фонетического письма было не до того, чтобы одну и ту же букву читать в одном слове так, а в другом иначе. Запоминание новых значков всегда очень трудно, даже при их одиночном значении. Пример здесь налицо: как ни прост представленный мною выше образчик рациональной азбуки, в которой вместо каждых четырех букв дается только одно различно повернутое начертание, но и его вы не запомните после первого же вашего чтения. И, наверно, вы сочли бы прямо нелепым, еслиб вместо этой простоты я начертил вам несколько десятков, да вдобавок пред-

---

[1] Слово «еврей» (עברי-ЭВРИ) значит — «переселенец, эмигрант», а потому и «еврейский язык» значит «переселенческий язык, язык эмигрантов».

*

ложил бы чуть не половину своих значков читать различно в разных словах.

А вот в современном английском языке и в древне-переселенческом (еврейском) буква *a* читается иногда как *o*; буква *i* в обоих языках произносится иногда как *ай* и как *i*; буква *э* (*хета*) — и как *э*, и как *a*, и как χ и т. д. Ведь совершенно ясно, что эти изменения звуков речи произошли уже после возникновения и английской, и еврейской письменности, которая, таким образом, лишь закрепила первоначальное, древнее произношение. Значит, если мы желаем его восстановить, то должны читать все одиночные значки однообразно, приняв лишь во внимание, что при их введении в иностранные языки «просветители народов» не решались большею частью вводить в азбуку новые начертания и потому для выражения новых звуков своей речи довольствовались комбинациями букв прививаемой азбуки, откуда и вышли такие нелепости, как комбинация *ch* по французски и *sch* по-немецки для обозначения звука *ш*, отсутствующего в греческом и латинском языках, или приставка *i* к некоторым гласным, чтобы придать им необходимое мягкое произношение, как мы видим во французском *ai* или *ei* и т. д.

Для восстановления первоначального значения древних букв могут прежде всего служить два способа: 1) сравнение древних алфавитов и 2) процентное содержание каждого из значков в древней литературе, сравнительно с современной литературой близкого к ним языка в той же местности (это то же самое, что способ расшифрования зашифрованных писем, о котором я говорил ранее).

Рассмотрим с первой точки зрения еврейский алфавит.

В нем только двадцать две буквы, которые носят почти одинаковые названия с греческими и коптскими (таблица XXV). Устанавливая их фонематическое произношение по аналогии с соответствующими алфавитами существующих и теперь языков, мы можем притти к ряду таких выводов.

Гласная буква алеф (א) читалась первоначально как *a* и, может-быть, еще иногда как *o* (подобно тому, как мы читаем теперь русское *o*, иначе под ударением и иначе вне ударения).

Гласная ו, произносимая современными польскими евреями как *воф*, читалась в древне-еврейском языке, повидимому, почти как немецкая гласная *U* или *Ü*, оставляя от себя в сочетании с другими

ТАБЛИЦА XXV.

Сопоставление четырех алфавитов.

Звуки	Еврейские названия и их значение.	Греческие (и коптские)[1] названия.	Русские названия.	Латинские названия
А	Алэф—бык . . . א	Альфа (алфа) . . . . . A	Аз . . . . А	а . . . . . . A
Б–В	Бэт—дом . . . . ב	Бета (вида) . . . . . . B	Буку ведай . . БВ	бэ . . . . . . B
Г	Гимэль-верблюд ג	Гамма (hамма) . . . . Γ	Глагол . . . . . Г	кэ (и це) . C
Д	Далэт—дверь. . ד	Дельта (дальда). . . . Δ	Добро . . . . . Д	дэ . . . . . . D
Е	Эй!—вот! . . . . ה	Э - нагое (э-псилон) . . E	Есть . . . . . . Е	э . . . . E
(f)(y)	Уау—гвоздь. . . ו	осталось лишь в счислении как символ числа 6.		эф . . . . . . F
Ж-З	Зайн—кинжал . ז	Зета (зида) . . . . . . Z	Живет земля ЖЗ	жэ (и гэ) . G
(h)	Хэт—ограда . . ח	Хета (hida) . . . . . . H	Иже . . . . . . И	ha . . . . . H
(θ)	Тэт—мех . . . . ט	Тета (Thuda). . . . . . Θ		
І-И-Й	Иод—рука . . . י	Иота (йовда) I	И . . . . . . ИІЙ	i, йота . . I, J
К	Кап—ладонь . . כ	Каппа (кабба) . . . . . K	Како . . . . . . К	ка . . . . . K
Л	Ламэд—рожон . ל	Ламбда (лавда) . . . . . Λ	Люди . . . . . . Л	эль L
М	Мем—вода . . . מ	Ми (ми) . . . . M	Мыслите? . . . М	эм . . . . . . M
Н	Нун—рыба . . . נ	Ню (ню) . . . . N	Наш . . . . . . Н	эн . . . . . . N
?	Самэх—подпора ס	Кси (экси) . . . . Ξ		
О	Ойн—глаз . . . . ע	О-малое (о-микрон) . . O	Он . . . . О	о . . . . O
П	Пэ—рот . . . . . פ	Пи (пи) . . . . Π	Покой. . . . . . П	пэ . . . . . . P
(Ц)	Цадэ—багор . . צ	*Выпало, ибо в греческом нет такого звука*		
(Кх?)	Кхаф—ухо . . . ק	q — символ числа 90		ку . . . . . Q
Р	Рош—голова . . ר	Ро . . . . P	Рци (*говори*) . . Р	эр . . . . . . R
Ш	Шин (шикэм)— ש *(горный хребет).*	Сигма (из шикэм) . . . Σ *(ибо греки не умели произносить Ш)*	Слово . . . . . . С	эс . . . . . . S
Т	Тау—крест . . . ת	Тау (дав) . . . . T	Твердо . . . . . Т	тэ . . . . . . T
	В греческой, славянской и в латинских азбуках дополнены:	Ю - нагое (франц. U) . Υ	У! . . . . У	у . . . . . . U
		Фи (вариация Пи) . . Φ	Ферт . . . . . . Ф	вэ, уэ . . V,W
		Хи X	Хер! . . . . Х	икс X
			Цы(ц) . . . . . Ц	(цэт . . . . Z)
		Пси (Эбси, вариация П) Ψ	Червь! . . . . . Ч	
			Ша, Ща . Ш, Щ	
		О - большое . . . . Ω	Еры . . . . . . Ы	и-греческ. . Y

[1] Коптские буквы однозначны с греческими и идут в той же последовательности вариации их названий: они даны в скобках третьей колонки.

согласными лишь свой характерный обертонный шум, подобно тому как русское неударенное *и* после гласной оставляет лишь свои обертоны, соответствующие букве *й* (из *воина* получается *война*). Вот почему в еврейском языке и наблюдаются постоянные переходы этой буквы в иоту (И, Й). К тому же заключению приводит близость ее начертания к греческой ι (йота).

Интереснее всего то, что эта фонема, очень частая в качестве грамматического союза, соответствующего русскому *и* (постоянно читающемуся и как *ы*, например, во фразе: *вол и бык = вол-ы-бык* и т. д.). Звук ו (ўаў), точно также как у русских *ы*, никогда не начинает собою никаких слов, за исключением имен иностранного происхождения. Даже и единственное слово гвоздь (וו), начинающееся с нее, произносится как псевдо-ВУ (или псевдо-ЎАЎ). Ее употребление как союза *и* соответствует итальянскому *э*, французскому *э* (хотя оно и пишется *et*), а потому эта фонема могла произноситься как низкотонное восточное Є. Я буду здесь обозначать ее условно через русское У. Она осталась в греческом алфавите только как знак числа 6, на том же шестом месте, как и в еврейском. Почему это вышло? Очевидно потому, что первичная арифметика пришла к грекам, не имевшим этого восточного звука, через посредство арабского языка. Таков первый исторический вывод из сравнительной фонетики.

Гласная ה (эй) выговаривается современными евреями часто как русская согласная *х*, но первоначально, в первичном еврейско-арабском жаргоне, она, несомненно, произносилась как греческая η (*эта* или *ита*), или как русское *Е* (йе), место которого она занимает в алфавите.

Гласная י (йод, т.-е. рука) первично произносилась как *i*, потому что соответствует греческой иоте (ι). Она, должно быть, правильно передается нашим гласным звуком *i*, и так же, как он, оставляла в сочетании с другими гласными часто лишь свой согласный призвук *й*.

Гласная ע (Ойн, т.-е глаз) соответствует по своему месту греческому О, а по начертанию — славянским Э и У. Она читалась, вероятно, то как восточное Є, которое и по-русски, как мы видели, переходит в *о* в неударенных слогах, а в сочетаниях с другими гласными оставляла лишь свой характерный шум *Ŭ*, (как в немецком языке в слове Haus), и т. д.

Таким образом, в еврейской азбуке мы имеем все пять гласных итальянского языка, а для отсутствующего в итальянском и в других западно-европейских языках (не исключая и латыни) гласного звука *ы* мы не находим обозначения и в алфавите евреев, хотя этот звук и част во всех восточных языках.

Как объяснить такой недочет? Мне кажется только тем, что звук *ы* непременно подразумевался во всяком сочетании двух согласных, между которыми не было показано другого согласного знака, т.-е., например, БН — сын, читалось как БЫН или *БЄН*, считая здесь Є за низко обертонное Э, приближающееся к *ы*.

Не умея даже произнести твердые взрывные согласные, в роде Б, К, П, чисто звуковым способом, первые грамотеи брали их всегда с ближайшим к ним твердым гласным звуком, каким, несомненно, был звук *ы* на Востоке. В этом же роде латины произносили звуки своей азбуки БЭ, КЭ, ПЭ и т. д., заменяя *Ы* низкотонным Э.

Но в таком случае зачем же было первым грамотеям и писать звук *ы*, например, в слове БЫН — сын, и тому подобных? Конечно, с нашей современной точки зрения выходит, что в таком случае надо было бы произнести не БЫН, а БЫНЫ, но первобытное ухо было еще глухо к таким мелочам.

При общем изложении антропофоники я уже говорил о *подгласнике* в некоторых языках балканских славян, называемом западно-европейскими лингвистами, не умеющими его произнести, «иррациональным звуком», и о том, что некоторые слова, в роде болгарского слова *крх* — хлеб или сербского *срб* — серб и многих тому подобных, пишутся лишь с подразумеванием в них этого звука, сходного с восточным Є или русским коротким *ы*. Вот почему и в древне-раввинской письменности для нас, славян, нет ничего нового. Зачем же вместо одного *подгласника* нам вставлять между двумя согласными все без исключения западно-европейские буквы, как будто и мы не умеем его произнести?

Подтверждением моего вывода, что еврейские гласные первоначально читались так, как я их читаю, а не так разнообразно, как их читают современные польские или испанские раввины или караимы (да и сами они все произносят их вразброд), является основное и психологически неопровержимое положение, что во всяком алфавите в момент его первого появления

каждый значок соответствовал своему специальному звуку. Поэтому нельзя называть еврейские гласные, как их зовут в современных учебниках, просто *гласными значками*, которые можно произносить еще разнообразнее, чем современные англичане произносят *а* в различных словах. Ведь и английская азбука в момент своего появления только закрепила тогдашнее произношение слов, которое с тех пор разнообразно изменилось, в особенности по отношению к звуку *а*. А еще более это произошло с древне-египетским наречием арабского языка, пропутешествовавшим в свое время с колонистами и завоевателями и в Испанию, и в Сицилию, и в Южную Италию и служившим в средние века на чужбине, под именем переселенческого (еврейского), общепризнанным литературным языком, в роде латинского в эпоху Возрождения.

Другим подтверждением этого моего мнения являются все наши алфавиты, явно происшедшие от еврейского. Мы видим, например, сравнение четырех из них на таблице XXV. Взгляните на IV колонку, где дана старинная русская азбука. При ее возникновении еще не было фонетического метода преподавания, а употреблялся совершенно оригинальный прием, о котором я уже говорил в прологе.

Показывая на последовательный ряд написанных, как здесь, букв, говорили фразы (подписанные у меня курсивом под ними):

А Б В
Аз-буку-ведай!

Г Д Е
Глагол (т.-е. речь) *добро есть*, и т. д.

Ученик твердил эти фразы, водя пальцем по буквам, пока не запоминал эти их пароли. А потом его учили читать по складам, чтобы он привык употреблять лишь первые звуки этих слов.

Значит, каждая буква имела свое имя.

Но взгляните на мою таблицу. Там во II колонке дан еврейский алфавит, из которого видно, что вместо славянских фраз там говорили, водя пальцем по буквам: Вол, дом, верблюд, дверь; вот, гвоздь, кинжал, ограда, мех и т. д., но употребляли, конечно, их еврейские названия: Алеф, Бит, Гимель, Далет, Эй и т. д.

Первоначально все азбучные знаки, вероятно, и представляли данные предметы, и потому ученики быстро переходили к складыванию их первых звуков. Затем эти сложные начертания упростились до неузнаваемости, и только имена их остались памятниками их прежнего происхождения.

Теперь приглядитесь к греческому алфавиту в III колонке моей таблицы.

В нем все еврейские названия сохранились, хотя они и представляют для грека, как и для русского, простой набор странных звуков. Относительно возможности случайного совпадения здесь не может быть и речи. Еврейскому Алефу *(быку)* соответствует греческая Альфа, Биту *(дому́)* — Бета, Гимелю *(верблюду)* — Гамма, Далету *(двери)* — Дельта и т. д. **и то же у египетских коптов,** как видно из названий в скобках, тогда как древние начертания коптских букв совершенно одинаковы с церковно-славянскими.

Все это значит, что греческая азбука была просто — перенесенная в Грецию коптско-еврейская и притом почти без малейшего изменения имен букв.

А это, в свою очередь, значит, что **греков первоначально обучили ей еврейские учителя,** а ученики бессмысленно повторяли их названия, не понимая смысла. В русской же азбуке названия букв давали уже славянские учителя, предварительно обучившиеся иностранному литературному языку и потому упростившие способ запоминания букв переделкой их названий на свой язык и, как видим, довольно остроумно.

Таким образом, простой компаративный взгляд на современные алфавиты дает нам их историю лучше, чем исторические предания, и в то же время указывает и произношение. Как *Альфа* по-гречески всегда произносилась *а*, так и *Алеф* по-еврейски всегда был *а*. Как Е-наго *(е́-псилон)* у греков было по самой своей характеристике Е, чистое от всяких призвуков, так и еврейское *Ей* должно было произноситься чисто, в отличие от придыхательного, гортанного Э, т.-е. Хета, соответствовавшего греческой Хете (η), и служившего также и для обозначения согласного звука *h*.

Об единстве *йода* евреев с *иотой* греков не стоит и говорить: обе эти буквы были одно и то же и читались как *и*. А последняя из еврейских гласных *Ойн* (глаз), хотя это название глаза

и произносится теперешними гебраистами как *айн*, несомненно произносилась как *о* даже и в самом еврейском названии глаза.

Остается только вопрос о том, как читалось еврейское *Уау* (гвоздь). В греческом и в славянских языках это начертание совсем выпало из азбуки, а в латинском заменилось через *f*. Но если мы припомним, что в латинском языке через V писали и У, и В *(русское)* и только потом, после эпохи Возрождения, в случае произнесения как *у*, стали закруглять угол у V, обратив его в U, то убедимся, что и еврейское *Уау* может читаться перед гласной как *у*, а перед согласной — как В.

На отсутствие знака для обозначения звука *ы* в еврейской азбуке, хотя этот звук несомненно был в древне-еврейском языке, как одном из восточных, я уже указывал, да и теперь повторю, что его надо всегда подразумевать в тех случаях, где корень слова дается нам лишь в виде двух или трех согласных букв в роде, например, слова БН, которое значит *сын* и вероятно произносилось *Бын*, но я, конечно, не отвергаю в еврейской письменности и сокращения уже имеющихся в алфавите гласных, в роде того, как славяне писали БГ (вместо бог), или ЧЛК (вместо человек). Делалось это, вероятно, уже в более поздний период, когда люди достаточно наловчились в чтении и стали экономить место, в роде того, как и мы теперь пишем: *т.-е.* вместо *то-есть*, или *и т. д.* вместо *и так далее*. Это, конечно, приводило и к двойственности значения многих фраз: начертания в роде БГ можно было произнести и бог и бег, а ЧЛК могло значить не только человек, но и чулок и челка, а потому, когда мода сокращать гласные у евреев дошла до крайней степени, то многим написанным фразам оказалось возможным иногда давать даже три различные по смыслу значения.

И вот в библейских текстах, вместо того, чтоб возвратиться к старинному употреблению гласных, стали заменять их разными точками и черточками под предшествующими им согласными, но так как в это время первоначальное значение фраз уже позабылось, то таким способом было закреплено много индивидуальных толкований, и для современного беспристрастного исследователя пунктуация приносит только вред, заставляя его ходить на чужом поводу. И я ее поэтому совершенно отбрасываю при своем изучении текста...

Посмотрим теперь, что обнаружит нам еврейский алфавит, если, отбросив традицию, мы будем выяснять первичное произношение его согласных букв по методу звуковых квадратов. Исключим из разбора носовые звуки מ (мем) и נ (нун), как явно соответствующие ново-европейским и тоже не дифференцировавшиеся в своем начертании на четыре оттенка; отбросим и звуки ל и ר, как соответствующие русским Л и Р (хотя все они и могли иметь еще мягкое нёбное произношение), а также нёбные ת и ד, как соответствующие русским Т и Д, и обратим внимание только на 11 остальных согласных, расчленяемых на четыре отдельные группы: губные, передне-десновые, заднедесновые и глоточные.

Схема 1.

Длительные

Шопотные (θθ) ט — ? ВВ Гулкие

(пф) פ — ב БВ

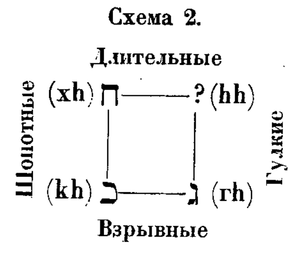
Взрывные

Если первую из этих групп — **губную** (схема 1) — мы примем за три угла соответствующего квадрата и будем их произносить сильно придувным западно-азиатским способом, как ФФ, *ПФ*, *бв*, то мы едва ли много ошибемся в их первичном произношении.

Однако, при обозначении в дальнейшем еврейских слов русскими буквами я буду для простоты употреблять вместо них просто Ф, П и Б. При этом сразу обнаруживается недочет еврейского азбучного обозначения для верхнего правого угла квадрата, где должно бы быть придувное В. Это тот же самый недочет, который наблюдается в греческом алфавите, где соответствующая буква *бета* (β) читалась то как Б, то как В. В современной еврейской транскрипции первое произношение обозначают точкой внутри буквы, но за правильность такого регрессивного восстановления старинного звука у нас нет никаких ручательств. Помощь может оказать тут только современный арабский язык.

Обратимся теперь к **глоточной** группе (схема 2).

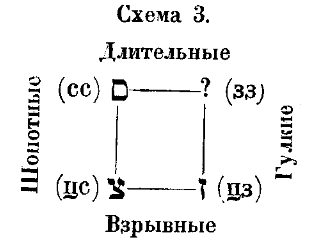
Схема 2.

Произнося эти звуки, как показано при них в скобках, с такой же, как и ранее, сильно придувной интонацией, мы получаем хриплые для нашего уха горловые восточные xh, kh, гh, hh, которые я для простоты буду изображать Х, К, Г. И тут для верхнего правого угла квадрата, где должно быть придувное hh, мы не имеем обозначения в еврейском алфавите.

Делая это же для третьей передне-десновой (схема 3) группы,

Схема 3.

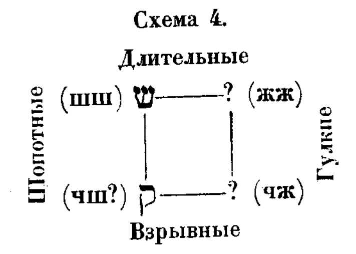

имеем мы те же самые три угла звукового квадрата, произносимые приблизительно как СС, ЦС, ЦЗ (для простоты я буду и их обозначать через С, Ц и З).

Мы видим теперь фонетические свойства древне-еврейского языка (или только его алфавита). В звуковых квадратах его согласных не выработалось верхнего правого угла. Это дает нам схему для построения и его остающегося еще неисследованным нами задне-деснового квадрата. Для него в еврейской азбуке остаются только два значка, один из которых представляет в точности славянскую букву Ш, а второй букву Ч, перевернутую правой стороной налево (ק), соответственно обратному направлению чтения строк в еврейской письменности. Это дает нам левую сторону квадрата, а для нижнего правого угла остается их гулкое произношение. Теперь евреи произносят букву ק как К, хотя для этого у них есть уже своя буква כ. Но прежнее ее произношение как Ч обнаруживается не только сходством

начертаний в русском и коптском алфавитах, а также и из ее частых переходов к близкому по артикуляции Ц.[1]

Схема 4.

Но почему же, — спросят меня, — эту самую букву читают теперь как К, а по-латыни даже как КВ, хотя у итальянцев и есть звук Ц? Это совершенно понятно. Первоначальный египетский (коптский) алфавит перешел туда не прямо, а просеявшись, как через сито, через письменность какого-то промежуточного языка, в котором не было звука Ц, и потому этот значок стал произноситься неправильно. Это должно было произойти по тем же причинам, по которым еврейское слово ИШУЕ (спасатель) обратилось по-гречески в Иэсуса, по-русски в Исуса, по-французски в Жезю, по-английски в Чжизеса, так что от первоначального имени не осталось ни единого звука.

Аналогичная порча произошла и с несколькими другими словами. Так, значок греческой азбуки ξ (кси), стоящей на месте еврейской ס (самеха), читается нами не как придыхательное СС, а как КС, а значок ψ (пси), заменяющий ЦС (хотя он и вынесен в конец греческого алфавита), читается нами теперь как ПС. Точно также и при переходе греческого Кх (χ) в западно-европейские языки оно стало произноситься как КС. В этих последовательных прохождениях первичного алфавита через сито различных языков при переносе к ним письменности коренится и источник происхождения всех двугласных букв, кроме русской Щ, возникшей благодаря тому, что мягкое *шь* встречается в русском языке лишь исключительно при его соединении со всегда у нас мягкой согласной Ч и никогда более. Потому у нас и стали писать *щи* вместо *шьчи*, *щука* вместо *шьчюка* и т. д.

[1] Например, в словах צלה (ЦЛЕ) и קלה (КЛЕ = ЧЛЕ), одинаково значащих — жарить. Таких случаев очень много.

Я очень извиняюсь перед читателями моей книги, не интересующимися историей еврейской письменности, за эту главу. Но она необходима мне для выяснения первичного происхождения многих библейских имен и для того, чтобы читателю не был непонятен мой способ передачи их русской азбукой, часто не совпадающей с традиционным европейским способом произношения.

Ведь все мое лингвистическое вступление в эту третью книгу «Христа» есть только ответ на недоумения, которые вызвали у гебраистов некоторые мои отступления от произношения еврейских слов немецко-польскими раввинами, приспособившими его к своему ново-еврейскому языку, представляющему вариацию современного немецкого. Но я уже указывал, что их произношение не единственное на земном шаре. В Крыму и на Кавказе евреи произносят слова уже значительно ближе к моей транскрипции, а испанские евреи ассимилировали свое произношение к испанскому говору своей страны.

Но где же и когда произошел прежний еврейский язык? Когда-то он считался первым и совершеннейшим из всех человеческих языков. На нем, — по сообщениям раввинов, — за 5507 лет до начала нашей эры говорила с Адамом Ева в земном раю, да и после их изгнания оттуда он был единственным на земле вплоть до Вавилонского столпотворения. На нем одном, — по словам каббалистов, — могло существовать действительное познание сущности вещей, а потому и самые имена оккультных древних наук оказываются еврейского корня: алхимия значит — божественная, магия значит — могущество бога, каббалистика значит — связывающая.[1]

Средневековая транскрипция еврейских слов умышленно подводилась под три согласные звука, будто бы заключающиеся в их корне в соответственности с «тройственным принципом природы». Но стоит только заглянуть в еврейский словарь, чтобы убедиться, что самые употребительные еврейские слова, как отец (АБ), сын (БН), брат (АХ), море (ИМ) и т. д., не подходят под это правило.

Только Лейбниц (1646—1711) решился отвергать безраздельно господствовавшую до него историческую традицию о том,

[1] אלהים־יה (АЛЕИМ-ИЕ) — божественная; מג־יה (МГ-ИЕ) — могучая, כבל (КБЛ) — оковы.

будто еврейский язык был прародителем всех остальных, но и его идеи не были усвоены вплоть до возникновения наблюдательной лингвистики. Даже и в самое последнее время господствует взгляд на «переселенческую» (еврейскую) литературу, как на возникшую за полторы тысячи лет до начала нашей эры, когда, — говорят нам, — были написаны десять заповедей Моисея на «огнедышащем Синае».

Но я уже показал во второй книге «Христос», что Синай состоит из сплошных меловых наслоений, никогда не бывших огнедышащими, и что законодательство Моисея было составлено на Везувии. Весь миф о Моисее везувианского происхождения и принадлежит IV веку нашей эры. Я показал в первом томе астрономическими вычислениями, что библейские псевдо-пророческие книги написаны в промежуток от V до VIII века нашей собственной эры и составляют подражания Апокалипсису и что вставки во все библейские книги делались и позднее. Все это показывает, что расцвет переселенческой (еврейской) литературы был уже в средние века или на их историческом кануне, а местом этого расцвета была не Палестина, никогда не шедшая по своим геофизическим условиям в передних рядах человеческой культуры, а южная Европа, самой природой назначенная к роли передового застрельщика человеческой мысли и гражданственности в средние века, когда успехи техники не были еще так велики, чтобы дать средней Европе преимущество в этом отношении.

Переселенческий (т.-е. еврейский) язык, по самой конструкции своей грамматики и по всему коренному составу своих слов есть несомненный вариант арабского языка с примесью европеизмов. Он менее отличается от арабского, чем современный польский жаргон евреев от немецкого или чем латинский от итальянского. Нигде в Азии мы не находим его местных остатков. Это язык без собственной территории, и потому естественно является вопрос: да был ли он и когда-нибудь территориальным? Ведь его собственное название Эбри (עברי) — значит язык переселенцев, и самое слово еврей по-еврейски значит — переселенец.

Следовательно, это — язык переселившихся куда-то арабов, которые на чужбине изменили свой говор под влиянием местных диалектов. Но как, куда и зачем переселились выработ-

тавшие его арабы? Переселился ли при этом целый народ с женами и детьми, с повозками и скотом? И что тогда сталось с оставленной им страной?

Ответ здесь прост: таких невообразимых ни с психологической, ни с экономической точки зрения событий не может быть в реальности. Поголовное бегство из какой-нибудь области могло произойти только при каких-либо огромных стихийных катастрофах, в роде той, какая была в окрестностях Везувия при его первых извержениях, соединявшихся со страшными землетрясениями, да и то бежал не целый народ, а только один округ.

В Палестине же и в Египте ничего подобного не было. Рассказ о «Навуходоносоре», будто бы уведшем к себе в гости целый чужой народ, а на место него приведшем свой, может вызывать только улыбку у серьезного читателя.

Чтобы решить удобнее этот вопрос, рассмотрим более достоверные времена.

Нам говорят, что с VI по VIII век нашей эры был установлен «точный текст Библии». Но как раз это выходит и по моим представлениям; только гебраисты говорят, что в это время была восстановлена некая испорченная старинная библия, а я говорю, что она была не восстановлена, а установлена, и что все предъидущее — миф.

Но где же ее установили? Ведь почти все ее события локализируются в Западной Европе: история богоборческих (т.-е. по-еврейски израэльских) царей есть, как я уже показал в первой книге «Христа», лишь переселенческий (еврейский) вариант западно-римской династической истории; описание бегства богоборцев из Миц-Рима, среди землетрясения и страшного вулканического извержения, как я только-что сказал, произошло в Италии в конце IV века нашей эры, а окончательно в начале пятого. Сама река Хабур (по-переселенчески כבר), на берегах которой Иезекиил совершил свои астрологические наблюдения, более похожа на реку Эбро в Испании, чем на созвучный с ней по имени приток Евфрата. И вот само наше исследование приводит нас к выводу, что дело происходило сначала (до 420 г.) в Италии, а потом в Испании, которая по этой причине и до сих пор называется в физической географии Иберийским (т.-е. еврейским, переселенческим) полуостровом. Мы приходим прямо к периоду господства там арабско-испанской поэзии, языкознания, филосо-

фии, математики, медицины и изъяснения Библии. Здесь, а не в Месопотамии была и библейская Вавилония.

Становятся понятными с этой точки зрения и искажения в произношении арабских национальных звуков в еврейском (т.-е. иберийском) языке мавров: искажены все те арабские звуки, которых нет в испанском языке.

Вот на таблице XXVI наличность всех испанских звуков среди 1000 букв, подсчитанных мною в Дон-Кихоте. Мы видим, что этот язык особенно беден десновыми звуками (средняя колонка), и эти же звуки выпали при превращении арабского языка в еврейский у мавров, и только часть их восстановилась в немецком произношении еврейского языка.

ТАБЛИЦА XXVI.

Звуки испанского языка.

I. ГЛАСНЫЕ	II. СОГЛАСНЫЕ			
Твердые	*Губные*	*Нижне-десновые*	*Нёбные*	*Мягкие*
V — 23	Ф (f) — 11	S (s) — 116	V̌ — 7	Ль (l) — 53
O — 86	B (v) — 6	З —	T — 51	Й — 16
A — 140	П (p) — 12	Ц —	D — 45	Нь — 2
	Б (b) — 7	Z —		Дь — 1
Мягкие			*Носовые*	Сь — 1
E — 130	*Глоточные*	*Верхне-десновые*	M — 24	Кь — 3
I — 61	X (j) — 6		N — 70	
	H (h) — 3	Ш —		
	K (c,q) — 39	Ж —	*Рокочущие*	
	Г(g,gu) — 10	Ч (ch) — 5	R — 62	
		Ч' —		

Таким образом и сам переселенческий (еврейский) язык представляется обычным арабским в испанском литературном произношении. Почти вся Библия, это — литература египетских арабов и мавров, колонизировавших Испанию с 711 года. Здесь, смешавшись с местным испанским населением, они образовали самостоятельное псевдо-мусульманское, а на самом деле еврей-

ское государство, так как в то время культ бога Ала (греческого Элиоса — солнца) лишь постепенно развивался в культ Аллаха на Востоке и в культ Аллахима (Элоима) — на Западе. Когда испанские евреи, гонимые в Европе, со времени появления евангелий (с VIII века), обвинявших их в распятии на кресте самого сына божия, пришедшего спасти людей, захотели искать убежища у своих единоверцев на Востоке, главным образом в Палестине, где они начали неправильно предполагать свою родину, они (сделавшиеся по крови совсем испано-португальцами) до того разошлись и в расовых признаках, и в говоре, и в миросозерцании с азиатским-арабским населением, что оно уже не хотело признать в них ни своих единоверцев, ни соплеменников. Во втором томе я уже показывал почти полное отсутствие евреев в Палестине и в Месопотамии в средние века. Я намекал и на то, что и самое название Вавилон, что по-еврейски значит врата господни, напрасно прилагают к Месопотамии. Это было скорее название всей католической церкви, а потому и родину «вавилонского Талмуда» я ищу не на берегах Тигра и Евфрата, а, главным образом, в Испании, считая современную теологическую локализацию упоминаемых в нем местностей такой же ошибочной, как и локализация их в Библии, где есть даже и Париж, итальянский Париджи (Parigi), библейский Паридзи, что послужило и для названия всей Франции Парижией, аналогично древней Московии, а славянские переводчики вдобавок еще перепутали это имя и сделали из него страну Ферезею и народ ферезеев.[1]

— Но как же,— скажут мне, попали библейские легенды о первых людях, о потопе и некоторые другие библейские сказания на глиняные пластинки, найденные при раскопках в Месопотамии?

— Да так же,—отвечу я,—как попали в русские музеи и окаменелые обломки иглокожих животных из гуронских наслоений Северной Америки, как попали в Индию библейские же сказания об Адаме вместе с Кришною-Христом: они были занесены туда проповедниками единобожия. Ведь я уже показывал ранее, что и сама легенда о всемирном потопе выросла из ежегодных разливов

[1] В Библии слово פרזי (ПР-ДЗ-И) является названием всей страны паридзов, т.-е. парижан, завоеванных потом по Библии аф-римлянами, т.-е. католиками-римлянами, как это и было в действительности.

Нила, затопляющих весь средний Египет, и что настоящее имя Ноя — Нэх (НХ по-библейски) — тожественно с именем египетского султана Нехао, и что все «Пятикнижие Моисея» является описанием итальянских событий III—V веков. Значит, и Месопотамия перешла к самостоятельной культурной жизни только при халифах, а до тех пор была ареной кочующих племен под иностранным влиянием лишь с редкими оседлыми поселками на берегах Тигра и Евфрата.

К особенно интересным результатам приводит исследование языка месопотамских клинописей всеми изложенными здесь мною способами. В нем, при современном чтении, получаются совершенно невероятные соотношения между промильными количествами различных звуков речи, когда их распределишь по звуковым квадратам, и полное несоответствие этих звуков и словесных корней с теми, которые имеются в существующих языках месопотамского лингвистического бассейна и его окрестностей. Он совсем не местный язык и никогда не был местным или, вообще, народным, где бы то ни было.

Обо всем этом здесь мне еще рано говорить, но некоторые намеки все же необходимы, так как не известно, скоро ли мне удастся напечатать следующие томы моего исследования.

* * *

Этим я и закончу свои «лингвистические соображения». Они сделались теперь необходимыми среди других отделов моей работы, из которых даже астрономия легче изложима в общепонятной форме, чем лингвистика на наших современных азбуках.

Само собой понятно, что я показал здесь свои звуковые квадраты и выяснил на них, посредством систематических значков, все недочеты современных европейских и азиатских алфавитов не потому, чтобы мечтал, будто сейчас же их и примут к общему руководству. Они были нужны мне самому для упрощения своего изложения, так как на обычных азбуках без них мне пришлось бы только топтаться на одном месте, и окончательно усыпить читателя.

Палеографии я здесь умышленно не коснулся.

Довольно хорошо применимое для определения времени рукописей, написанных после IX века нашей эры, это орудие не бьет на такие далекие расстояния, которые служат предметом

моего исследования. Здесь проверка одного ненадежного документа другим, еще менее надежным, то же, что хождение на двух ногах: опираясь на каждую ногу по очереди, всегда придешь, куда хочешь.

Ведь даже и для конца средних веков нельзя установить повсюду определенного почерка, как теперь, когда он устанавливается государством через его школы. Когда в Риме уже писали латинской скорописью, старый почерк еще не одно столетие держался в глухих провинциях и в чужих странах. Когда в Константинополе уже давно забыли древне-греческую транскрипцию, она могла быть еще во всеобщем употреблении на Синае. О легкой возможности подделки почерка любой эпохи я уже не говорю.

Трудно поддается подделке только индивидуальное письмо, а «письмо эпохи» ничего не стóит подделать, приглядевшись к нескольким образчикам его.

В дальнейшем изложении мне не раз еще придется опираться на высказанные в этом отделе соображения при указании лингвистических следов, ведущих к тому или другому из моих исторических выводов, хотя бы я и пришел к ним совсем другими путями.

Изолироваться от филологических наук при исследованиях древней человеческой жизни и культуры совершенно невозможно. Вот почему я и внес в мое повествование более подробную, чем очерки других вспомогательных наук, эту лингвистическую интермедию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗНАМЯ БОГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ АППЕРЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТЕЙ И ЖИЗНИ ОСНОВАТЕЛЕЙ ЕДИНОБОЖИЯ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Рис. 50. Царь Миротворец (Соломон) как ученый. Библейская легенда в апперцепции современного европейского художника. Из книги La Sainte Bible, с рисунками Густава Дорэ.

ГЛАВА I.

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АППЕРЦЕПЦИЯ?

Почему возник язык?

«Физиологическая необходимость принуждает живую душу выражать звуком общий характер ее внутреннего состояния» — говорит нам современная физиология. И действительно, вряд ли кто-либо отвергает связь чувства со звуками в криках испуганных животных, в плаче ребенка, в смехе и стоне взрослых. Но и членораздельный звук был первоначально непроизволен, а имел характер междометий, хотя потом и стал послушным орудием мысли, несмотря на то, что мысль может и отделиться от голоса, выбрав себе другие членораздельные символы, как это и бывает при обучении чтению глухонемых.

«Язык,—говорит В. Гумбольдт,—развивается только в обществе, и человек начинает понимать себя, только испытавши на других понятность своих слов». «В языке живее, чем где-либо, каждый человек чувствует себя только эманациею всего человеческого рода»,—прибавляет к этому А. А. Потебня,[1] прекрасной книгой которого я не раз буду пользоваться здесь и далее.

Да, никто не может достаточно высоко оценить огромное значение дара слова для нашей общественной и индивидуальной жизни. Мысли, выражаемые нами в речи, переходят вполне или отчасти к слушающим, нисколько не убавляя нашего умственного багажа, но это происходит лишь потому, почему не убавляется и пламя свечи, от которой зажигается множество других. Но, подобно тому, как в каждой новой свече воспламеняются свои собственные газы, так и от нашей речи возбуждается только лич-

[1] А. А. Потебня. Мысль и язык. Одесса. 1922.

ная умственная деятельность понимающего ее, который все же мыслит при этом своею собственною мыслью.

Вот почему люди понимают нас не путем воспроизведения в себе абсолютно одинаковых с нами впечатлений, а тем, что мы затрагиваем в них своими словами те же последовательные звенья в цепи их чувственных представлений и понятий, прикасаемся к той же клавише их душевного инструмента. И это заставляет в слушающем звучать соответственно настроенную, но не тожественную с нашею, психическую струну.

Последовательность членораздельных звуков нашей речи есть орудие понимания, на первый взгляд невероятно простое сравнительно с важностью того, что им достигается. Звуковые импульсы открывают человеку целый новый мир, уже переработанный и ассимилированный другою душою, и этим показывают ему другое существо с такими же способностями восприятия и настроений, а потому и способное разделить с ним все его душевные стремления. Келейная одиночная работа мысли есть явление уже позднейшее и предполагающее в душе предварительный, значительный запас знаний и опытности в выражении своих мыслей, невозможный без предварительного развития письменности, сторицею заменяющей разговор. Без предшествовавшей большой начитанности никто не мог бы быть способен в уединении к сколько-нибудь продолжительным и плодотворным усилиям ума. В одиночном заключении прежде других погибают мало читавшие люди.

Таким образом речь и письменность не только служат посредниками между мыслящими людьми и устанавливают между ними разумную связь, но являются и рычагами их дальнейшего умственного развития, налагая новые восприятия нашего сознания на находящийся в нем прежний запас мыслей и впечатлений. Но, именно благодаря этому последнему обстоятельству, восприятия слушающего и не бывают никогда тожественны с тем, что в действительности воспринял в свое сознание рассказывающий человек.

«В процессе речи полученное впечатление подвергается новым изменениям, как бы повторно воспринимается», или, как выражаются в психологии, **апперцепируется.**

Но что же такое этот чисто-психологический термин — апперцепция? Он впервые введен в науку Лейбницем, и означал у него просто сознательное впечатление. Гербарт определил его как взаимодействие нового сознательного представления с целым рядом прежних, а Вундт — как усиление данных представлений среди других, вследствие сосредоточения на них внимания. Но можно и соединить вместе оба последние определения.

«Когда одна из дам, — говорит Потебня, — фигурирующих в 9 и 10 главах «Мертвых Душ» Гоголя, находит, что губернаторская дочка манерна нестерпимо, а румянец на ней в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками, а другая дама утверждает, что эта девица — статуя, и бледна, как смерть, то обе лишь различно апперцепируют, т.-е. освещают своим предварительным душевным настроением почти совершенно одинаковые реальные впечатления, полученные ими из внешнего мира от той же самой особы.

«Обе дамы были, конечно, совершенно искренни и глубоко убеждены, что говорят абсолютную правду.

«Точно так же был искренен и убежден в своей правоте и гоголевский почтмейстер в тех же «Мертвых Душах», воскликнувший при сообщении о необыкновенных покупках Чичикова:

«— Это, сударь мой, никто другой, как капитан Копейкин!

«Новое представление о Чичикове и старое о капитане Копейкине неразрывно слились у него, и оба уже не различались душою, несмотря на ряд последующих впечатлений, опровергавших такое представление.

«Но не в одном слиянии новых восприятий со старыми проявляется апперцепция (так как слияние возможно и без нее), она проявляется также и в стремлении отбросить из сознания или исказить в нем все, что не соответствует устанавливающемуся слиянию. Все постороннее, мешающее раз составленному представлению, прямо вызывает неудовольствие. Так, та же гоголевская дама, которая неправильно апперцепировала губернаторскую дочку, спеша к своей знакомой передать ей как можно скорее новость о странном приезде Чичикова, апперцепировала свою собственную езду, как нестерпимо медленную, и сказала кучеру, что он «несносно долго едет». Попутную богадельню она назвала проклятым строением, не имеющим конца»... [1]

[1] А. А. Потебня. Там же.

Так, конечно, и эта моя книга о «Христе» будет апперцепироваться многими, как ни на что негодная, «которую не стоило даже и печатать, а прямо надо запретить», потому что ее содержание плохо наляжет на их прежние апперцепции...

Отсюда видно, что апперцепция состоит в видоизменении нашим сознанием получаемых им из внешнего мира впечатлений, и это видоизменение происходит, повидимому, только при их переходе из серой коры большого мозга, этого огромного склада подсознательных впечатлений всей нашей прошлой жизни, в мозжечок, как единственную совершенно светлую область нашего сознания, при чем всякое новое впечатление приходит туда из вечной тьмы мозговых полушарий уже на фоне прежних родственных с ним впечатлений или даже смешавшись с ними. Иначе трудно анатомически объяснить апперцепцию, так же, как и многие другие несоответствия между сознаваемым нами и реальным, которые мы увидим далее при разборе гипнотических явлений, нужных для понимания некоторых евангельских сообщений. И результатом апперцепции не всегда является заблуждение, как в только-что приведенных случаях, но также и истина.

Ведь всякая апперцепция есть, собственно говоря, *объясненное* ощущение реального события, а объяснение бывает тем полнее и правдивее, чем богаче и правильнее сорганизован тот склад прошлых впечатлений в сером веществе большого мозга, сквозь который оно должно профильтроваться и из которого должно увлечь с собой в мозжечок, как сознательно-волевой координирующий орган, все однородные или ассоциировавшиеся с ним следы прежних впечатлений.

В вышеприведенных примерах отмечены лишь уродливые апперцепции, потому что Гоголь в «Мертвых Душах» является никак не реалистом, а только карикатуристом русского общества начала XIX века, и сам апперцепирует это общество в высшей степени односторонне, как нетрудно видеть, сравнив его апперцепции с апперцепциями того же общества Тургеневым, или Гончаровым, или Львом Толстым.

В некоторых случаях, а в особенности в области точных знаний, подвергающихся математическому анализу, апперцепция сообщаемого и наблюдаемого бывает почти тожественна у всех образованных людей. Так выражение «дважды два четыре» понимают одинаково все умеющие считать. Выражение «квадрат, построенный на гипотенузе прямоугольного треугольника, равен сумме квадратов на двух его катетах» — понимают однородно все, изучавшие элементарную геометрию, а для неизучавших, это — фраза без смысла, разговор на незнакомом иностранном языке.

Но попросите, например, ребенка московского учебного округа нарисовать цветок, и вы почти всегда увидите, что он нарисует тонкий стебелек с очередными узкими листьями, а наверху венчик лепестков, в роде полевой ромашки. А между тем растения, называемые цветками, бывают и с колокольчиками, и с зонтиком на вершинах, и с колосками, и с язычками (как у фиалок), и с округленными, и с перистыми листьями. Здесь обобщенное понятие апперцепировалось с обычнейшим из частных случаев, а так как обычные для одной местности цветки являются редкими для другой, то апперцепция понятия «цветок» неизбежно бывает различна у народов, живущих в отдаленных друг от друга местностях, сильно различающихся по своей флоре. Египетский ребенок нарисует «дерево» наподобие пальмы, европейский—наподобие лиственных деревьев, северный сибиряк—по типу хвойных, и эти апперцепции общего понятия «дерево» бессознательно сохраняются и у взрослых.

Таким образом, апперцепция является везде, где получаемое сложное восприятие пополняется и объясняется наличным, хотя бы и самым незначительным, запасом других понятий, ассоциирующихся с ним.

Когда этот запас (локализирующийся в различных областях коры большого мозга) мал, тогда и **сознательное мышление**, т.-е. последовательное соединение психически обработанных импульсов, посылаемых корою (как мне кажется) в мозжечок, бывает неизбежно ничтожно. Когда запас предварительных впечатлений хотя и велик, но односторонен, как это бывает у специалистов с недостаточным общим естественно-научным образованием, тогда и мышление бывает односторонне и большею частью ошибочно во всем, что уходит за пределы их специальности.

Но даже и при разносторонних сведениях не может быть сильного творческого мышления у тех людей, которые приобрели свои знания не из общечеловеческой потребности «знать истину во что бы то ни стало», а исключительно с какою-либо личной утилитарной целью (например, из честолюбия и, в частности,

для карьеры). Эта личная цель, присутствуя как общий фон мыслительного аппарата, неизбежно будет накладывать свой отпечаток и на весь ход его мышления; такой ум сможет усовершенствовать уже проложенный до него путь, но никогда не создаст новых путей в науке.

К этой же категории относятся и люди, у которых страстность берет верх над объективным отношением как к личностям, так и к вопросам мысли. Апперцепция у них часто достигает степени галлюцинации, что легче всего можно видеть на современных полемиках враждебных друг другу политических и социальных деятелей, или на таких же полемиках былых религиозных сектантов. Вся наша церковная история обратилась, благодаря этому, в ряд галлюцинаций, а связанные с нею исторические документы вернее можно назвать *истерическими*, тем более, что мышление бывает особенно криво у того, кто вместо реальных знаний приобрел лишь призрачные, какими являются забытые теперь псевдо-науки минувших дней — магия и каббалистика, и не забытая до сих пор мистическая теология.

Апперцепируясь на этом фоне, многие впечатления внешнего мира принимают в мозгу мистиков волшебный характер и служат к созданию фантастических рассказов, легенд и мифов, которыми они и окружают жизнь каждого, так или иначе известного, общественного деятеля прямо пропорционально квадрату его известности, так как впечатления о нем увеличиваются не только пропорционально мощности его деяний, но и пропорционально числу передач о них, при чем при каждой передаче в той же среде происходит односторонняя апперцепция. И чем дальше такой деятель уходит в прошлое, т.-е. чем больше было число передатчиков о нем не только в пространстве, но и во времени, от поколения к поколению, из которых каждое апперцепировалось одинаково односторонне, — тем более осложняется небылицами миф, особенно в те времена, когда господствовала мистика и когда печатный станок еще не закреплял исторических документов, размножая их сразу в тысячах экземпляров и делая этим мало вероятной их пропажу, особенно при возникновении официальных книгохранилищ, где их тем более берегут, чем древнее документ.

Вот почему все наши сведения о древних знаменитых деятелях являются не реальными представлениями о них, а только

историческими апперцепциями их былого облика и деятельности, доходящими у многих до степени галлюцинаций, с которыми совсем невозможно бороться: человек становится похожим на сумасшедшего, уже не отличающего реальных впечатлений от призраков своего воображения, и реальных ассоциаций идей — от беспорядочной их последовательности. Он не способен даже выслушать не сходящегося с ними чужого мнения.

И все это легко объясняется физиологически, если читатель станет на мою точку зрения, что светлая область нашего сознания сосредоточена в регулирующем наши сознательные впечатления мозжечке, и все приходящие из мира внешние впечатления передаются в мозжечок не непосредственно органами чувств, а обязательно через серое вещество полушарий большого мозга, которое, подобно тенденциозному передатчику, сообщает в мозжечок лишь то, что находит нужным, скрывает неподходящие детали, а когда сильно взволновано неправильной деятельностью кровообращения, сообщает ему из своего склада прошлых впечатлений беспорядочно что попало, а светлая область сознания в мозжечке принимает все это за реальность.

Когда в до-печатные времена такие апперцепции с течением времени безгранично слагались или скорее помножались друг на друга в благоприятном и возвеличивающем смысле, тогда из первоначального реального зерна вырастали грандиозные исторические мифы, какими являются библейские повествования о царях Давиде и Соломоне, или о библейском Моисее и евангельском Христе, где фантастическое уже совершенно поглотило реальное. Когда апперцепции накоплялись в отрицательном смысле, миф не принимал самостоятельного характера, благодаря тому, что человек вообще не любит вспоминать неприятное, а потому и всякие прошлые чьи-либо низости и гадости вспоминаются и дополняются воображением лишь в том случае, когда посредством них возвеличивается какое-либо доблестное лицо. Так возникли все мифы о героях и о великих мыслителях и учителях, которым приписываются невозможные в природе дела или невозможные по данному времени познания, а их противники изображаются в карикатурном виде или ничтожествами. Попав в разные местности, такой миф начинает в каждой развиваться самостоятельно, и, благодаря фонетической ассимиляции имени героя к местному языку или переводу его прозвища на новый

язык, каждая вариация становится различно национальной, место и время передвигаются в разные стороны, и одна и та же реальная личность превращается в нескольких, грандиозно не реальных.

При этом надо отметить, что то историческое лицо, которое является чрезвычайно доблестным и полезным с точки зрения *своего* народа, может казаться вредным и злобным для другого враждебного ему, а потому в различных этнических бассейнах и мифы о том же самом деятеле могут иногда принимать прямо противоположное содержание.

Кроме всего этого, при изучении древних исторических апперцепций мы не должны упускать из вида и недостатков нашей собственной памяти. В нашем воспоминании всегда забываются менее заметные части виденного нами предмета и их связь с другими, а при попытке восстановить в памяти весь этот образ мы, не замечая, цементируем существенные детали чужими подробностями, взятыми нами из того же общего склада в сером веществе мозга, и считаем их уже за реальные. Так происходят и те странные явления, которые при ярких психиатрических процессах мы называем результатом внушения. Оно с нашей точки зрения тоже легко объясняется локализацией светлой области нашего сознания исключительно в мозжечке и тем, что серое вещество мозговых полушарий способно, бессознательно для нас, воспринимать (через ту же барабанную перепонку наших ушей) и такой тихий шопот, какой обычно не вызывает у них импульсов для передачи в мозжечок при нормальном состоянии, но вызывает это в состоянии того сна на яву, который характеризует загипнотизированных (если мы не допустим, что нейроны серого вещества нашего большого мозга способны и непосредственно действовать на чужие такие же нейроны по способу беспроволочного телеграфа).

Огромную роль при создании мифов играет то обстоятельство, что всякий рассказ дает нам лишь неполные образы реальных впечатлений рассказывающего, подобно рисункам тех художников-символистов, где недостающие детали мы пополняем собственным воображением, т.-е. творим их уже сами, а не художник, который несколькими штрихами лишь предоставил нам простор, хотя и связал его отчасти тем, что отметил на бумаге.

* * *

Таким образом, **психологический метод** исследования всех без исключения исторических документов должен быть основан не на одном стремлении поскорее заапперцепировать в себе апперцепции авторов, а на ясном представлении, что во всяком документе мы имеем не фотографический снимок описанного события, а его переработку чужим сознанием.

Если бы это сознание было настолько же совершенно и разносторонне, как и наше, то мы, очевидно, ни в чем тут не смогли бы разобраться. Но, к счастью для нашей исторической науки, современный всесторонне образованный человек стоит настолько выше средневекового, через которого мы получили наши первоисточники, что он может часто по его рассказу апперцепировать давно минувшую личную жизнь какого-либо общественного деятеля или сложное общественное событие много ближе к реальности, чем апперцепировал сам автор документа, хотя бы он и был единственным нашим первоисточником. Руководясь отчасти лингвистическими следами, сохранившимися в прозвищах действующих лиц, отчасти сложными числовыми соотношениями событий, менее всего подвергающимися апперцепции, а отчасти астрономией и геофизикой, позволяющими иногда точно установить время и место действия, он может научно интерпретировать документ и действительно создать историческую науку, на основании общих законов социологического развития человечества, подобно тому, как опытный зоолог может определить животное по его зубу или узнать пролетевшую птицу по ее тени на единственно видимом ему клочке почвы.

Попыткой создать такую точную науку о древней жизни по относящимся к ней мифам и является все мое настоящее исследование. В первом томе я дал абрис возможности определять время по астрономическим деталям первоисточников; во второй книге — абрис возможности локализировать их на основании геофизических соображений, а в этой — я пытаюсь дать возможность внутреннего исследования мифов отчасти психологическим методом и отчасти лингвистическим, руководясь в понимании документов и самого их языка исключительно лишь собственным непосредственным наблюдением, а не просто апперцепируя апперцепции своих предшественников.

ГЛАВА II.

АНАТОМИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА.

Среди библейских книг есть одна замечательная книга, носящая название: «Знамя Бога», по-еврейски Саму-Ил. В греческом тексте она неправильно присоединена к книге «Цари», под именем их первой и второй книг, а действительные первая и вторая книги «Цари» переименованы в третью и четвертую книги. В таком виде оба сочинения и перешли в церковнославянский, а с ним и в русский перевод с греческого. Однако, обе части книги «Знамя Бога» и обе части книги «Цари», начиная с 12 главы первой части), явно составлены компиляторами разных религиозных течений. Книга «Знамя Бога» и первые 11 глав первой (III по-гречески) книги «Цари» не отделяют еще идеологически мессианцев (т.-е. богославных, христиан-евреев) от ариан (богоборцев), а последние 11 глав первой книги «Цари» уже называют богоборцев (т.-е. ариан) — ересью *Иеровоама*.

Вот почему, желая разобрать критически книгу «Знамя Бога» (имя которой совсем выбыло у славян), я присоединил к ней здесь и органически связанную с ней первую половину первой книги «Цари», в результате чего получилось совершенно замкнутое в себе и, повидимому, первоначальное целое. Можно думать, что книга «Цари», имеющая вид сухой летописи, пополненной легендами астрального происхождения, была составлена много ранее «Знамени Бога» и в другой стране, а потому «Знамя Бога» было апокрифировано к ее началу, и чтобы спайка была менее заметна, из «первоначальной трилогии» героических протороманов «Царь Ад, Царь Пыл и Царь Миротворец» (Саул, Давид и Соломон по-еврейски), составлявших содержание книги «Знамя Бога», последний царь был выделен в начало книги «Цари» и составил в ней первые одиннадцать глав. А от Соломона к Иеровоаму был сочинен искусственный переходный мостик.

Я еще раз хочу напомнить читателю, что как евангелия, так и библейские книги и даже все светские сложные легенды, в роде «Одиссеи», «Илиады», «Наля и Дамаянти» и т. д., представляют собою лишь сборники различных мелких анекдотических рассказов, образовавшихся в среде древней зачаточной интеллигенции, каждый эпизод в отдельной голове и по отдельному поводу. В то время не было еще настолько сильного мозга и настолько разносторонних предварительных знаний, чтобы один человек был способен самостоятельно написать целую повесть или большую сложную сказку с содержанием, подобранным по одному плану. Через несколько страниц писания начиналось у пишущего уже переутомление мозга, и самый интеллигентный человек первых пяти или шести веков нашей эры, кроме Иоанна Антиохийского, ум которого поднимался над всеми остальными умами, как могучий дуб над мелким кустарником, не мог даже и мечтать о написании цельной, самостоятельной книги с систематическим содержанием, хотя бы в размере «Апокалипсиса».

Он был способен лишь собрать в несколько лет несколько десятков различных рассказов и переписать их почти буквально в несколько недель, друг за другом, переменив имена на какое-либо одно, и, таким образом, приписать героические подвиги или чудесные дела многих одному и тому же лицу. Стоило только поставить в начале те (чужие) рассказики, которые рисуют кого-то еще юношей, и поместить в конце те, которые присущи только старческому возрасту, а остальные соединить между собою какими-нибудь переходными мостиками, чтобы придать рассказу вид связности.

Но что же это за переходные мостики? — спросит меня читатель, мало опытный в литературе. Я лучше всего объясню это из своей лекционной практики.

Всякий лектор по научной части знает, что для того, чтобы держать внимание слушателей в продолжение обычного срока наших научных лекций — двух часов, с перерывом на четверть часа в середине, нельзя ни в каком случае читать по тетрадке. Как бы хорошо вы ни читали, внимание многих слушателей утомится уже через полчаса, и между знакомыми друг с другом соседями большой аудитории начнется постороннее перешептывание.

При живой речи несравненно легче удерживать внимание, особенно, если через каждые 10 — 15 минут словесного изложения прочтешь, как пример рассказываемого, страничку (не более) из первоисточника или покажешь друг за другом, с короткими пояснениями, от 5 до 10 туманных картин, относящихся к предмету, но не вразброс, а сразу группою, или, наконец, если сде-

лаешь какой-либо эффектный опыт. Но, несмотря на эти способы разнообразия, при двухчасовом говорении приходится коснуться стольких деталей, что удержать всю их последовательность, весь их план разом в голове, не рискуя пропустить чего-либо в надлежащем месте, без возможности к нему возвратиться впоследствии, нельзя.

Приходится составлять при этом конспект, но тут иногда часто является затруднение, как плавнее перейти от одного предмета к другому, от изложения к опыту или цитате, или к серии картинок, чтобы это казалось не калейдоскопом различных самостоятельных сообщений и иллюстраций, но последовательным, хотя и разнообразным развитием одной общей идеи, проходящей через всю лекцию. Вот тут-то и полезно при подготовке лекции записать между ее отделиками также и переходные мостики, т.-е. идеи общего характера, объединяющие факты. Очень хорошо даже написать на четвертушке бумаги первые фразы (или напоминающие начала их) для каждого нового предмета изложения, а также и первую фразу вашего по возможности эффектного заключения, а не то и всю конечную фразу целиком, если вы ее удачно придумали заранее.

Когда этот конспект, с заголовком содержания и всеми переходными мостами, лежит перед вами на кафедре, вы каждый момент имеете возможность заглянуть в него, и хотя бы вы и не воспользовались, как часто бывает, таким пособием ни разу в продолжение всей лекции, предмет которой вам хорошо знаком, то это все же дает вам необходимое душевное спокойствие и уверенность, что с вами не случится вдруг того, что называется в лекционной практике столбняком, когда человек вдруг начинает подыскивать фразы, путаясь в словах, или останавливается совсем, забыв как перейти к следующему предмету. А это очень важно: только при уверенном и плавном рассказе у слушателей составляется впечатление, что лектор стоит на высоте своего предмета, и его стоит послушать. А при сбивчивости рассказа, хотя бы человек и превосходно знал свой предмет, у слушателя остается ложное впечатление недостаточной подготовки.

И вот, если после такого рода лекционной практики вы прочтете евангелия и библию, то сразу же увидите, как на своей ладони, такие же переходные мостики между их отдельными рассказами и притом иногда в самом наивном, примитивном виде простых союзов речи. Пусть, например, из одного первоисточника мы имеем сообщение: «Иисус был распят, но воскрес», а из другого первоисточника: «Иисус торжественно вошел в Иерусалим». В таком виде они оба еще не составляют связного рассказа, но вставьте между ними переходный мостик «а затем», и у вас выйдет: или «Иисус был распят и воскрес, а затем торжественно вошел в Иерусалим», или: «Иисус торжественно вошел в Иерусалим, а затем был распят и воскрес». Но читатель видит сам, что этот мостик, как вставляемый по произволу, еще не определяет реальной последовательности обоих сообщений, и современный исследователь должен их хронологировать, не по ним, а по естественной логической последовательности событий, из которых естественнее первая.

То же самое мы имеем и в евангелиях. Так, любимым переходным мостиком отдельных рассказов в Евангелии Луки является наивная фраза: «После сего Иисус *(сделал то-то)*» или: «Сказав сие, Иисус *(пошел туда-то)*», а у Матвея переходным мостом служит просто слово: «тогда» *(тогда Иисус сказал...)*. Опытный лектор сразу видит, что эти трафаретные выражения («после сего», «тогда» и т. д.) соединяют между собою совершенно самостоятельные рассказы, но придают им фиктивную последовательность, так как благодаря им получается впечатление не сборника самостоятельных анекдотов вне времени и места, как это есть на деле, а фикция цельной биографии «Христа».

В старозаветной Библии переходные мостики построены искуснее евангельских.

Так, к конгломератному же, как Евангелие, сборнику рассказов об Иисусе-Рыбе (Навине), чтобы сделать его якобы продолжением книг о Моисее, поставленных перед ним, проведено даже несколько мостиков, которые я выпишу по церковному переводу:

«После смерти Моисея, раба Громовержца *(это — первый воздушный мостик от Моисея к Иисусу)*, сказал Громовержец Иисусу:

«Моисей, мой слуга, умер *(второй воздушный переходный мостик)*. Встань же и перейди за Эридан, ты и весь народ, в землю, которую я даю детям Богоборца. Всякое место, на которое ступит ваша нога, я вам даю, **как я сказал Моисею»** *(третий воздушный мостик к Моисею)*.[1]

---

[1] «Иисус, 1, 1—3».

После перевода сознания читателя через эти три моста (совершенно достаточные для того, чтобы внушить, будто следующий рассказ есть продолжение истории Моисея), начинается калейдоскоп самостоятельных сообщений об Иисусе уже большею частью без упоминания о Моисее, но соединенных между собою в связный конгломерат другими подходящими переходными мостиками, и вот, благодаря им, простой сборник отдельных анекдотов начинает давать впечатление исторического рассказа, хотя и пересыпанного неправдоподобными событиями.

Ведь и всякий современный большой роман есть, в сущности, только калейдоскоп всевозможных отдельных впечатлений автора из его собственной реальной жизни, из слышанного им в детстве или из прочитанных им чужих романов, объединенный подобными же мостиками. Разница между древними и современными писателями лишь в том, что первые, как непривычные к беглому чтению с раннего возраста и не имевшие позднее в распоряжении достаточного количества книг, не обладали достаточным количеством материала для обработки и не привыкнув к беглому чтению, возможному только при печатных книгах, мыслили и писали несравненно медленнее нас. Вот почему они и должны были при попытках составления сложного занимательного рассказа пользоваться, как кирпичами при постройке здания, чужими мелкими сообщениями, переписывая их почти буквально; а современные беллетристы, как более проникновенные, черпают детали и из своего внутреннего мира. Но как тогда, так и теперь авторское искусство заключается в комплектовании ряда разнородных элементарных рассказов в несколько систематизированных по общему плану серий, подобно тому, как я говорил об иллюстрировании лекций посредством смешивания рассказа с опытами и картинками.

В современном романе прежде всего отдельные детали жизненных и душевных явлений распределяются по отдельным лицам, среди которых, в талантливом сложном изложении, должны быть и мужчины и женщины, и взрослые и юные разных уровней развития. Эти детали должны время от времени сменяться и картинами природы, и философскими размышлениями самого автора. Но все это не даст еще ничего целого, если автор не сумеет построить между ними более или менее искусные переходные мостики хорошей архитектуры. Без этого

выйдут только арабески, а не художественно цельная, хотя, по своей сущности, всегда мозаическая картина.

В искусстве строительства таких мостов между разнообразными и яркими предварительными впечатлениями автора, а также и в том, чтобы в комбинацию этих впечатлений входили, хотя бы отчасти, еще не вошедшие ранее в литературу ощущения и идеи, существующие в окружающей жизни, и состоит авторский талант. А основной материал для романов и даже волшебных сказок дает не воображение, как это нам внушили думать, а полный коллектив предыдущих впечатлений, которые у талантливых людей бывают исключительно ярки, сравнительно со средним уровнем данного поколения, а потому и изображаются ярко. Тусклый и вялый мозг не подскажет ничьему сознанию ничего, кроме тусклого и вялого. Таким образом, человек, не имевший возможности много читать в детстве, по причине неимения библиотеки у своих родителей и невозможности пользоваться ими на стороне, и не имевший времени помечтать над прочитанным, никогда не сделается крупным литератором, хотя бы и обладал в организме (как Кольцов или Никитин) самыми лучшими задатками.

Среди библейских книг по своей самобытности и яркости исключительно выдается, как я уже не раз отмечал, Апокалипсис Иоанна, почему его автор и сделался потом на несколько столетий главным источником подражательного творчества, какое мы видим у более поздних библейских пророков и у различных авторов средних и новых веков, пробовавших писать в том же роде вплоть до Ламеннэ с его «Словами верующего к народу».

У современных писателей главным цементом сложного романа служат психологические или философские размышления, в которые и вкрапляются отдельные события в подходящих местах. Ранее всех других писателей, насколько могу припомнить, такие философские мосты начал строить Теккерей в Англии в 40-х годах XIX века, и в его романах они даже подавляют фабулу. А у древних и средневековых мы видим почти одну авантюру.

С этими предварительными замечаниями мы и приступим к разбору библейской триады царей.

ГЛАВА III.

ЦАРЬ АД И ЕГО ЮНЫЙ ВИТЯЗЬ.

(Фантастический прото-роман об испрошенном царе.)

Из наших сопоставлений в первой книге[1] мы уже видели, что основатель богославного царства, Саул, хронологически налегает (так же, как и одноименный с ним римский Сулла) на Аврелиана «Восстановителя Земного Круга» (Restitutor Orbis). Мы видели, что Давид хронологически налегает на Констанция Хлора и его соправителя Диоклетиана, прозванного Громовержцевым (Iovius), умершего в глубокой старости в 313 году, и на их апокрифических двойников, Юлия Цезаря и Помпея Великого, и что Соломон хронологически налегает (отчасти!) на Константина I и его преемников. Однакоже, в библейском описании жизнь реальных исторических деятелей этого времени так астрализирована, перемешана друг с другом и украшена мифическими подробностями, что без помощи астрономии и математики мы едва ли смогли бы определить историческое время и реальные зерна этих трех мифов, во многом принявших форму аллегорической сказки.

На самом деле библейские повести о жизни Саула, Давида и Соломона — не исторические биографии, а первые зародыши романа в его примитивной форме, когда вымысел граничил со сказкой, потому что неправдоподобное для нас было еще правдоподобным для наивных авторов этих рассказов и для их еще более наивных читателей.

Просмотрим же с такой точки зрения сначала библейские рассказы о первых трех богославно-богоборческих царях.

Что такое первый царь богоборцев Саул? Его имя по-библейски имеет два значения: «ссуженный на время» и «ад».[2] Ни одна мать не позволила бы себе назвать своего младенца одним из этих имен, хотя древний ад и не был еще христианским, а только подземным царством умерших, и ни один реальный царь не позволил бы так себя называть. Это нелепо даже

[1] «Христос». Книга первая, часть III, гл. II и III.

[2] שאול (ШАУЛ) — ад, преисподняя; и также: данный взаем, ссуженный на время.

подумать и с этно-психологической точки зрения, и с точки зрения всякой индивидуальной психологии. Подтверждением того, что это было лишь посмертное прозвище, явится все последующее наше изложение.

В первой книге этого исследования мы выяснили себе астрономически, что богоборческое царство хронологически налегает на Латино-Эллино-Сирийско-Египетскую империю, основанную Аврелианом, а во второй книге убедились, на основании геофизических соображений, что центральной областью деятельности богоборцев и богославцев (называемых по-еврейски израильтянами и иудеями) были южная Италия и Сицилия с их огнедышащими горами, а никак не Сирия. После этого стало совершенно очевидно, что Саул, Сулла и Аврелиан — одна и та же историческая личность в трех различных апперцепциях.

С этой точки зрения имя «Ад» (или адский) могло быть только посмертным прозвищем Аврелиана. Имя «Пыл» (Давид)[1] могло быть лишь прозвищем Диоклетиана или Констанция Хлора, а имя «Миротворец» (Соломон)[2] — прозвищем одного из ближайших преемников Констанция Хлора, и нам остается только выяснить причины возникновения таких прозвищ и в чем первоисточники этих рассказов.

Но они ясны из самого мифа.

Реальные первоисточники этих легенд — Аврелиан, Диоклетиан и «Великий Царь» (Василий Великий) — были приведены в астрологическую связь с тремя внешними планетами: царь Ад (Саул) с Сатурном, богом подземного царства, царь Пыл (Давид) с огненно-красным Марсом, а царь Миротворец (Соломон) со справедливым и могучим, вечно светлым Юпитером.

А слово «богоборцы» (по-еврейски израэлиты), над которыми они царствовали, употребляется здесь вовсе не в смысле соперников «творца небес», желающих с ним сравняться силой, как древние титаны. Правда, что по библейским сказаниям это имя получил хромой родоначальник богоборцев Богоследи-

[1] От глагола דוד (ДУД) — чувствовать пыл любви, волнение; в частности: влюбиться, кипеть. Обычно переводят: возлюбленный. Также—дядя.

[2] שלמה (ШЛМЕ) — переводится как воздание, но происходит от слова שלם (ШЛМ) — покой, примирение.

тель (Иаков) от самого бога, именно потому, что бог с ним боролся ночью до рассвета, но не мог одолеть, а только наступил ему на ногу и сделал его этим хромым (по-латыни Клавдием) на всю жизнь. Но такое толкование, конечно, есть лишь позднейшее объяснение уже установившейся за богоследителями клички. А эта кличка могла быть им дана только за то, что они боролись, — как мы видели во второй книге «Христа», — со всеми языческими богами во имя идеи единобожия, которая была внушена им страшными извержениями Везувия и сопровождавшими их еще более ужасными землетрясениями в окрестностях Неаполитанского залива, низвергшими все статуи богов. Астральными же символами богоборцев были небесные звезды, души умерших поколений.

Таким образом, легенда о возникновении богоборцев или израэлитов приводит нас здесь снова от сейсмологии к астрологии. Она же объясняет нам и происхождение легенды о титанах, которые низвергли (по «Метаморфозам» Овидия) царство Сатурна (Саула-Аврелиана) в Тартар (одиозвучный с татарией) и вместо «золотого века» бог Громовержец (Иове-Патер-Юпитер), воцарившись, установил «серебряный век». [1]

В первое время титаны-богоборцы,—говорит нам легенда,—управлялись своими пресвитерами, т.-е. старейшинами и руководителями (в современных библейских переводах судьями), [2] а в астральном смысле — небесными светилами.

Таким, например, был знаменитый Самсон, имя которого в переводе значит Солнце-Богатырь, и все сказание о нем, как мы видели выше, [3] носит чисто астральный характер. Потом богоборцы, — по словам легенды, — захотели иметь своего коронованного главу, в житейском смысле — царя, а в духовном — патриарха. С этого момента и начинается библейский исторический роман из времени царствования Аврелиана, где земное перемешано с небесным, и потому для понимания его содержания нам необходимо знать и земные, и небесные детали того времени.

Посмотрим сначала земные. По греческим средневековым авторам, сохранившимся лишь в рукописях эпохи Возрождения,

---

[1] См. ранее, ч. I, гл. III.

[2] По-библейски שפט (ШФТ)—шеф, заступник, руководитель, судья; это же название мы находим в иероглифах и для египетских царей.

[3] «Христос». Первая книга, часть II, глава IX.

Люций Домиций Аврелиан (270—275 гг.) имел, как я уже говорил, прозвище: «Восстановитель всемирной империи (Restitutor Orbis)». А по нашим выводам он был истинным ее основателем, при чем его предшественника, Клавдия Марка Аврелия, со всеми предъидущими, приходится считать лишь местными италийскими князьками или прямо апокрифическими личностями. Только Аврелиан, изгнав из Италии германцев и богемцев, сделал Рим из бывшего тут сторожевого поселка крепостью, а потому и мог получить прозвище Ромула или Рема. Он, — говорят нам, — разбил готов на Дунае и присоединил к своему царству страну Пальм (Пальмиру), т.-е. Египет с Сирией, где царствовала тогда Богоживущая (Зиновия), аналогичная Клеопатре, которую он с триумфом привез в Рим, а потом во время похода на персов (или на парижан, которых толкователи Библии смешивают с персами) [1] был убит своими приближенными.

Таковы основные черты этого «Восстановителя Всемирной Римской империи» по более правдоподобным преданиям.

Но этого же Люция Домиция Аврелиана мы находим и в другой, уже апокрифической исторической апперцепции (и притом более романтичной) в виде Люция Корнелия Суллы (т.-е. Саула) с титулом: Счастливый (—82, —78 гг.). Только вместо германцев и богемцев он изгоняет там из Италии приверженцев Мария и устраивает избиения и проскрипции своих противников. Вместо поражения готов на Дунае, он поражает черноморского (понтийского) царя Митридата и отнимает у него Малую Азию. Он тоже укрепляет Рим и получает за это прозвище Restitutor Urbis («Восстановитель столицы»), соответственно прозвищу Люция Аврелиана Restitutor Orbis, но умирает не от руки приближенных, а «от распутства».

Которая апперцепция вернее? Более сухая или более романтичная? Попробуем выяснить это и на библейском романе из жизни того же Аврелиана-Суллы, взяв из него лишь канву, без явной беллетристики, которую изложим далее.

Там его зовут тоже Суллой — Саулом. Вместо изгнания богемцев (или «сторонников Мария») из Рима, Саул изгоняет «аммонитян (т.-е., повидимому, египтян) из Юпитерова города (города Иовиса), а царем изгнанных назван вместо Мария — Змей

---

[1] פרזי (ПРЗИ)—парижанин, француз и—פרסי (ПРСИ) — персиянин.

(НХШ).[1] Вместо поражения готов (или сторонников черноморского царя Митридата) он поражает кочевников-переселенцев (по-еврейски филистимлян). Вместо захвата Сирии с Египтом он завоевывает аммонитян, т.-е. поклонников Амона — верховного бога Египта, и вместо привоза на триумф царицы Богоживущей привозит туда царя амонитян Агога.[2] Как Сулла, так и Саул стал вскоре подозрителен и устроил гонения на своих бывших противников и их «проскрипции».

Люций Аврелиан, — говорят нам, — был убит приближенными во время похода на персов (или парижан); его двойник, Люций Сулла, — говорят нам, — умер от распутства; а их тройник, Саул, — говорят нам, — умер, как и Аврелиан, в походе на «кочевников» от руки одного из его воинов.

Таковы три «исторические» апперцепции жизни и деятельности основателя Латино-Эллино-Сирийско-Египетской теократической империи III и IV веков нашей эры. Посмотрим теперь, каковы были небесные явления этого времени.

Люций Аврелиан, — говорят нам более достоверные первоисточники средних веков, хотя их сообщения и основаны на неизвестных документах, — был провозглашен императором в 270 г. нашей эры и умер в 275 г. За это время Сатурн, властелин Ада, его библейский патрон, прошел из передней части Льва (270 г.) в Весы и умер там в сентябре, потонув в огне вечерней зари при подходе к самой клешне Скорпиона (275 г.), как бы готовой его схватить и утащить в ад. А перед этим — 29 марта 275 г. — произошло в *подоле созвездия Девы* сверхполное лунное затмение (15″4) в 0 часов 50 минут после Гринвичской полуночи,[3] в то время как Марс (символ царя Пыла, Давида-

[1] נחש (НХШ) — Змей.

[2] אגג (АГГ) — по Cruden'у — крыша, но я склонен считать это слово за особое произношение имени Гог (גוג).

[3] Вообще за время его царствования были лунные затмения в годы:
270 — VI — 20; 22 ч. 3 мин. (7″2); все видимо в Стрельце.
271 — XII — 4; 2 ч. 51 м. (14″4); все видимо в Близнецах.
272 — V — 30; 3 ч. 5 м. (20″4); начало утром в Скорпионе.
273 — X — 13; 17 ч. 17 м. (0″2); все видимо, но ничтожно, в Овне.
274 — IV — 8; 18 ч. 9 м. (12″2); все видимо в подоле Девы.
275 — III — 29; 0 ч. 50 м. (15″5); все видимо в подоле Девы.
275 — IX — 22; 15 ч. 19 м. (13″9); конец вечером в Рыбах.
А солнечные были:
270 — VII — 5; виден только конец утром (9″0) в Италии, и 272 — XI — 8; почти полное (11″0) видно во всем бассейне Средиземного моря.

Диоклетиана) короновался в лучах солнца при входе в Овна. Юпитер же, символ царя Миротворца (Соломона), при провозглашении Аврелиана императором в 270 году был высоко, в Близнецах, и, обогнав Сатурна в 373 году в Деве, был ко времени его смерти в 275 году впереди его в Скорпионе. Кроме того, мы должны отметить, что в год смерти Аврелиана, в январе 275 г., китайские летописи указывают меч-комету в Вóроне, как раз на том месте, где находился Сатурн.

Оказывается, что все эти небесные детали и вплелись в легенду о царе Аде, как факты из его жизни, взамен реальных подробностей, и придали всему рассказу беллетристический, сказочный вид.

Если мы будем читать его с обычной точки зрения, то никак не поймем причины возникновения этой сказки и тем более занесения ее в серьезную книгу, а с астрологической точки зрения объясним себе все.

— Но как же астральные детали попали в биографию реального лица? — спросите вы меня.

Мне кажется, очень просто.

При Аврелиане был уже придворный летописец, который заносил в свою хронику все, что казалось ему замечательным во время его жизни в таком роде:

«В первом году *(от провозглашения Аврелиана)* Ад *(т.-е. планета Сатурн, у которой еще не было общепринятого имени, как теперь)* вошел в пасть Льва, но вышел невредим. Царь поразил германцев. Пророк *(т.-е. жрец-астролог)* возвестил ему горе. Знамя бога *(месяц)* обрезал подол...» *(произошло обрезное затмение луны в подоле созвездия Девы)* и т. д.

Получив потом, уже после смерти Аврелиана, эту мешанину, мало развитой и тяжелодумный обработчик, не будучи в силах разобраться, принял все в самом вульгарном житейском смысле, приделал от одного сообщения к другому переходные мостики, посредством обычных связующих фраз, а если где-нибудь и понимал, что под Адом надо подразумевать Сатурна, то считал, что все, что делала эта планета, было «прообразом» того, что делал ее земной представитель, а потому и не различал обоих.

Но, кроме фактов, мы видим здесь уже и их философскую обработку.

Тенденция легенды, это — стремление объяснить возникновение латино-эллино-сирийско-египетской монархии на прибрежьях Средиземного моря не влиянием бессознательно действующих социальных эволюционных процессов того времени, как думаем мы теперь, а сознательным решением самого народа, совершенно как в «Contract Sociale» Руссо, а детали взяты большею частью из астрологии, с целью показать людям, что из их монархического замысла вышло нечто не особенно хорошее.

Вот эта сказка-роман, с моими примечаниями.

«Священник, по имени «Божий», — говорит первая книга библейского сборника «Знамя бога»,[1] — предсказал Красе[2] *(созвездию Девы),* бесплодной жене Божьего Посоха[3] с Аф-Римской горы *(созвездия Волопаса),* сына (I Сам., 1, 51). Это предсказание и осуществилось в конце года. Краса родила сына *(т.-е. небесная Дева сначала взошла в Риме, вечером 17 марта 257 года, совершенно девственной, без луны, которая в то время должна была в ней быть, а потом совершились и роды: месяц в ней появился сначала в виде серпика, как новорожденный, достиг перед полуночью полной величины, а на следующую ночь уже вышел из ее живота.*[4] «Мать дала своему сыну имя: Знамя Бога, вскормила его и, заколов в жертву Тельца *(который в это время сгорает в лучах вечерней зари),* посвятила сына Громовержцу у его Жертвенника *(к которому месяц пришел через 5 дней)* в Силоме,[5] произнеся при этом пророческую песню-

---

[1] שמו־אל (ШМУ-АЛ)=שמ־אל (ШМ-АЛ)=שמה־אל (ШМЕ-АЛ)— знамение бога, знамя бога.

[2] חנה (ХНЕ) от ХН — краса, прелесть, также — склоненная.

[3] אל־קנה (АЛ-КНЕ) — божий посох, божья ревность. Здесь, очевидно, Волопас, над Девой.

[4] Лунное затмение 17 марта 257 г. в самом животе Девы было сверхполное (13″9). Луна взошла в Италии, Греции и Египте совершенно невидимой в 17 часов 16 минут от Гринвичской полуночи, т.-е. тотчас после захода солнца, и это могло подать первую идею о рождении Девою сына. Потом такое же затмение было 10 марта 350 г. (14″5) в 17 часов 20 минут от Гринвичской полуночи, но уже в груди Девы. А потом не было таких затмений до VII века нашей эры. Ранее же были: 4 марта 90 г. (21″1) в 17 часов 18 минут от Гринвичской полуночи в груди Девы и 24 марта 61 года (19″2) в 17 ч. 40 м. от Гринвичской полуночи уже в ногах Девы.

[5] שי־לה (ШИ-ЛЕ) — дань ему.

речитатив, совершенно в том же роде, как в евангелии Луки пропели (дуэтом) Симеон и Анна пророчица (3, 36) при зачатии Иисуса.

Вот оно буквально:

Развеселил мое сердце Громовержец,
Он открыл мои уста против моих врагов,
Восхищена я его Спасителем,
Нет святого, подобного ему!
Он есть бог всезнающий:
Умерщвляет и оживляет,
Низводит в преисподнюю и выводит из нее.
Он поднимает бедного из праха
И дает ему в наследие престол славы.
Ему принадлежат основы земли,
И на них он поставил вселенную!
Он низложит восстающих на него,
Загремит на них с небес,
И будет судить все концы земли.
Он даст силу своему царю
И возвысит род своего Христа».[1]

Вся ее песня есть, конечно, позднейшая вставка уже христианского пополнителя, и потому мы не остановимся на ней, а будем далее следить за первоначальной легендой.

Сын этой Красы и Божьего Посоха *(Волопаса),* названный «Знамя бога» *(Месяц),* стал затем служителем Громовержца при божьем священнике (Змиедержце) в Силоме, — говорит нам библейская книга (I Сам., 2, 10). — Он вырос там и был потом «судьею богоборцев во все дни своей жизни».

« — Поставь над нами царя, — обратились к нему *(Месяцу)* богоборцы, когда он уже состарился (т.-е. готовился уйти за солнце), но он произнес против них за это речитативом такую пророческую речь:

Зачем вам царь? Он возьмет ваших сыновей
И определит их к своим коням и колесницам,
Чтобы бегали впереди их.
Одних он назначит полковниками и ротными,
А других пошлет распахивать свои поля,
Жать ему жатву и делать воинские снаряды

---

[1] Здесь прямо стоит אשי־מו (МШИХУ) — помазанник, Христос, и переведено словом «Христос» в самых древних переводах. Sublimabit cornu Christi sui *(«Вульгата»);* ὑψώσει κέρας Χρισοῦ ἀυτοῦ *(«Септуагинта»).*

И оружие для его всадников.
Он возьмет ваших дочерей
В свои мироварницы, хлебницы и поварихи.
Он отберет у вас самые лучшие
Из ваших полей, виноградников и масличных рощ
И раздаст своим слугам и царедворцам.
Он будет брать десятую часть
Из всего вашего остального.
Вы будете ему рабами
И заплачете из-за вашего царя,
Но не услышит вас тогда Громовержец.

«И все же народ не захотел слушать «Божьего Знамени»,— продолжает легенда.

« — Пусть будет над нами царь! — упрямо говорили ему все».

Богу-Отцу *(т.-е. Солнцу)* надоели, наконец, эти вопли.

« — Послушайся их голоса, — сказал он «Знамени бога» *(Месяцу)*. — Они отвратили меня от царствования над ними» (I Сам., 8).

И вот произошло избрание «первого царя» таким оригинальным способом.

«У одного обывателя, — продолжает рассказчик, — которого звали «Жестокосердый *(созвездие Лев)*, из колена «Сына Смерти», потерялись ослицы (в *созвездии Рака)*. Его сын Ад *(Сатурн)* пошел их разыскивать с одним из своих слуг, и когда они пришли в страну Медовых Сот *(созвездие Вереники)* [1], слуга ему сказал:

« — Здесь есть божий раб, по имени Знамя Бога (т.-е. Месяц), и все, что он говорит, непременно сбывается. Пойдем теперь туда, может-быть, он укажет, куда нам итти.

«Придя на высоту, они встретили Дев *(звездочек созвездия Девы)*, шедших черпать воду *(заходивших в море)*, и спросили их:

« — Не здесь ли прозорливец?

« — Вон он перед вами,—ответили они,—только поспешите, потому что сегодня у народа жертвоприношение на высоте.

«А между тем еще за день до прихода Ада, бог Громовержец дал откровение о нем «Знамени Бога» *(Саму-Элю, Месяцу, символизирующему здесь Ария)*.

[1] צוף (ЦУФ) — сотовая ячейка.

Рис. 51. Пророк «Знамя бога» (Самуил) помазывает юношу Ада (Саула) на царство. Библейская легенда в апперцепции современного европейского художника, при чем кувшин с маслом уже исчез. Из книги La Sainte Bible, с рисунками Густава Дорэ.

«И вот в воротах крепости *(при переходе из Льва в Деву)* Ад *(Сатурн)* встретил этого самого пророка и сказал ему:

« — Укажи мне, где тут прозорливец?

« — Я этот прозорливец, — ответил ему Знамя Бога, — иди со мной на высоту (I Сам., 9, 17).

«Они пробыли вместе весь этот день и всю ночь, и когда взошла заря и они выходили из города *(восходили)*, Знамя Бога взял сосуд с маслом *(созвездие Чаша над Львом)*, вылил его на голову Ада, поцеловал *(Месяц коснулся Сатурна)* и сказал:

« — Вот этим помазал тебя Громовержец в цари над своим наследством. Иди домой. Нашлись твои ослицы, и отец твой беспокоится о тебе... Ты придешь на Божий Холм, где стоит стража, и когда будешь входить в город, увидишь *(в символе звезд)* толпу сходящих с высоты, несущих гусли, тимпаны, свирель и цитру и пророчествующих. Тебя тоже охватит вдохновение Бога Громовержца, и ты будешь пророчествовать вместе с ними» (см. вульгарную апперцепцию этого на рис. 51).

Все так и сбылось, и знавшие Ада говорили с изумлением:

« — Неужели и Ад стал пророком? [1] — и это вошло в пословицу» (11, 11).

На требование народа дать ему царя Знамя Бога (Самуил) бросил жребий, и жребий выпал Аду, но его не было видно.

« — Придет ли он сюда? — спросили богоборцы.

« — Вон он спрятался в обозе! [2] — ответил им бог Громовержец *(Сатурн спрятался в облаках)*.

«Все побежали за ним, вытащили из обоза, и он оказался выше всего народа от самых плеч *(проходил через меридиан)*.

— «Видите, какого царя выбрал вам Громовержец? — сказал «Знамя Бога». — Во всем народе нет ему подобного.

« — Да здравствует наш царь! — закричал народ, но тот молча пошел в свой дом на Холме» [3] (I Сам., 10,27).

---

[1] Такова главная причина, почему я перевожу слово Саул (как это, впрочем, делает и Cruden в своей «Concordance to the Bible») адом, а не «ссуженным». Только при таком переводе пословица и получает смысл.

[2] כלים (КЛИМ), множественное число от כל (КЛ), но значение неясное, я оставил церковный перевод.

[3] גבעתה (ГБЭТЕ) — холм.

Читатель сам понимает, что вся эта нелепость получает смысл лишь при моем астральном объяснении. То же самое можно сказать и о следующем удивительном сообщении.

«И вот пришел Змей (НХШ), язычник (Комета 268 года в созвездии Гидры), и расположился против Юпитера (ИВУШ-Iovis, *который был над Гидрой в Деве*).

«— Будь нам союзником, — сказали ему богоборцы, — и мы будем тебе служить.

«— Вот мое условие, — ответил он. — Я выколю у вас правый глаз *(дело в том, что 5 июля 270 года во Льве вслед за провозглашением Аврелиана императором, солнце в Италии взошло с затемненным (9"0) правым глазом, если считать его за обращенное к вам лицо)*.

«Весь народ поднял вопль *(как и бывает у всех полудикарей во время затмений)*.

«— Что случилось? — спросил Ад, шедший с поля позади волов *(облаков около Волопаса)*.

«И вот, когда ему сказали о предложении Змея, в нем воспылал сильный гнев. Он разрубил *(метеоритами)* дважды Тельца, разослал куски по всем народам Богоборца и сказал:

«— Так будет поступлено с тельцами всякого, кто не пойдет за мною и за «Знаменем Бога».

«Народ перепугался. Все пошли за ним, 300 000 богоборцев и 30 000 богославных, и поразили язычников *(метеоритами)* во время утренней стражи, так что и двоих не осталось на месте.

«Весь народ направился тогда в Круг Сферы *(эклиптику)*, воцарил окончательно Ада, заколол мирные жертвы, и очень веселились тогда Ад и все богоборцы (11,15). А Знамя Бога сказал:

«— Вот царь, какого вы искали и просили! Посмотрите на великое дело, которое совершит сейчас перед вами Громовержец. Не жатва ли теперь пшеницы? Но я позову Громовержца, и он пошлет грозу и ливень, чтобы вы знали и видели, какое огромное зло вы сделали перед его глазами, прося себе царя.

«И вот разразились гроза и ливень *(вероятно извержение Этны, так как простая гроза не была бы отмечена)*.

«— Помолись скорее за твоих рабов! — закричал испуганный народ Знамени Бога. — Помолись, чтобы нам не умереть!

Мы видим теперь, что ко всем нашим грехам мы добавили еще новый!

— «Не бойтесь, — ответил Знамя Бога. — Вы уже совершили свое зло. Только не отступайте от Громовержца и не отклоняйтесь от него, ходя за иконами, которые не помогут вам. Он не оставит своего народа ради своего великого имени» (12,22).

Так началось царствование Ада (Саула по-еврейски, он же Сулла и Аврелиан), которое все сводится на его борьбу с кочевниками,[1] символизируемыми астрально в облаках, заслоняющих звезды, а территориально, как мы видели, с германцами, македонцами и египтянами и с Народом захвата[2] (символизируемым грозовыми тучами).

С кочевниками-переселенцами он воевал успешно, но с Народом захвата дело вышло нехорошо. Громовержец велел ему совершенно истребить этот народ, а царь Ад вместо того бросился после победы над ними на добычу, чтобы принести ее в жертву.

«— Послушание лучше жертвы, — сказал ему после этого пророк Знамя Бога *(в символе месяца)*, — и покорность лучше сала Овнов. Ты пренебрег словом Громовержца, и он более не удостаивает тебя быть царем» (15,23).

«Царь Ад ухватился за край его епанчи и оборвал его *(произошло лунное затмение 29 марта 275 года в подоле Девы около Сатурна)*.

«— Так отторгает от тебя Громовержец царство богоборцев, — сказал ему пророк, — и отдает его другому, лучше тебя».

Что означает эта совершенно не житейская сцена?

Если царь Ад отожествлен с Сатурном, а пророк Знамя Бога — с Месяцем, одним из судей избранного народа бога, то сообщение, что Сатурн оборвал край его епанчи, принося в жертву всесожжения Овнов, может быть объяснено только лунным затмением в то время, как Овен погружался в огонь вечерней зари, т.-е. когда солнце было в Рыбах, а месяц проходил мимо Сатурна, бывшего в Деве. Такое затмение за весь исторический период времени было только одно: 29 марта 275 года нашей эры, т.-е. как раз во время убийства или самоубийства Аврелиана — Саула. С доисторических времен оно было единственным небесным случаем, дающим повод написать такую легенду. Затмение это было сверхполное (15″4), со срединой в 0 часов 50 минут от Гринвичской полуночи, т.-е. все было превосходно видимо во второй половине ночи в подоле (епанче) Девы во всей Европе, Африке и Западной Азии.

[1] פלשתים (ФЛШТИМ) — кочевники; в церковных переводах филистимляне.

[2] עמ־לק (ЭМ-ЛК) — народ, беруший дань.

«Потом, — говорит нам автор, — Знамя Бога взял рог с маслом и по слову Громовержца помазал им рыжего красивоглазого юношу Пыла *(Давида-Марса, мимо которого прошел роговидный Месяц в лучах зари, после того как Ад оборвал ему подол)*, — и стал с тех пор дух Громовержца споспешествовать юноше Пылу, а от царя Ада отступил, и его стал мучить злой дух *(Сатурн стал приближаться к клешне Скорпиона)*.

«— Найдите мне человека, хорошо играющего на лире! — сказал царь Ад, напоминая этим легенду об Орфее в Аду.

«К нему привели юношу Пыла, и, вот, когда нападал на царя злой дух, Пыл брал лиру и играл на ней. Царь Ад начинал тогда свободнее дышать, и злой дух отступал от него» (16,23).

«Кочевники *(в символе туч)* снова вышли на войну против богоборцев, — начинается новая легенда (гл. 17). — Они стояли на склоне одной горы, а богоборцы — на склоне другой. В средину между обоими вышел единоборец по имени Голиаф *(что значит Выселенец)*[1] из Виноградных Тисков *(т.-е. январская утренняя комета 275 года, которую отмечают китайские летописи в созвездии Ворона под Девой, при солнце в Стрельце. Она была как раз около звезды Виноградарницы в Деве и прошла также через Скорпиона и Весы в год смерти Аврелиана)*. Рост его был шесть локтей с ладонью, на голове его был медный шлем, на теле чешуйчатая броня, а вес этой брони был пять сиклей меди. На его ногах были медные щиты, на плечах медное металльное копье, а перед ним шел щитоносец.

«— Для чего вышли вы на сражение? — сказал он богоборцам. — Не я ли кочевник, и не вы ли рабы Ада? Выберите у себя человека, и пусть он придет сразиться со мною. Если он

[1] גלות (ГЛУТ) — выселение.

*

поразит меня, то мы будем вашими рабами, а если я его одолею, то вы будете нам служить.

«А перед этим юноша Пыл встал рано утром *(Марс в январе 275 года выходил из лучей зари на востоке в созвездии Стрельца, под Лирой при Сатурне в Весах и Юпитере в Скорпионе)* и пришел к ограде лагеря, когда войско *(планеты)* становилось в строй, и трубили тревогу *(луна была близ Сатурна в виде рога)*.

«— Пусть никто не падает духом перед ним, — сказал юноша Аду *(Сатурну)*, — я пойду сразиться с этим пришельцем.

«— Ты еще молод, — сказал ему Ад, — а он ратоборец с детства.

«— Я пас овец своего отца, — ответил ему юноша, — и когда приходил Лев или Медведь и уносил из стада овцу, я пускался вслед за ним и вырывал ее из его пасти, а если он восставал на меня, я брал его за челюсть и умерщвлял *(Марс в каждые два года проходит через пасть созвездия Льва)*.

«— Тогда, иди, — сказал ему Ад, — и пусть Громовержец будет с тобою.

«Он одел его своею воинскою одеждою, возложил на его голову свой шлем, надел на него броню и опоясал мечом, но юноша Пыл не мог в них ходить, так как не привык еще к этому. Он сложил с себя все вооружение, взял только пять гладких камней из потока *(Млечного пути, в котором тут видны, как черные валуны, так называемые «угольные мешки»)*, положил их в свою пастушью сумку и пошел с пращею к Пришельцу.

«Пришелец стал подходить к юноше, и Возноситель [1] *(Скорпион?)* шел впереди его. Взглянув презрительно на юношу, пришелец сказал:

«— Разве я пес, что ты идешь на меня с палкой?

«Он проклял его именем своих богов. А Пыл опустил руку в свою сумку, взял оттуда камень и поразил его *(в символе яркого метеорита, пролетевшего от Марса из Стрельца через Скорпиона и Весы в Гидру)* прямо в лоб, и он упал лицом на землю *(комета зашла под горизонт)*.

«Подбежав к пришельцу, Пыл встал над ним и, вынув его меч, отсек им его голову, а остальные, увидев, что убит их

[1] איש־נשא (АЙШ НША) — муж возноситель или бодатель, так как «возносить» (НША) значит также и «поднимать на рога».

богатырь, пустились в бегство. Ратники богоборцев и богославных побежали *(в символе огненных стрел — дождь метеоритов)* с криками вслед за ним по дороге в Ворота *(Млечного Пути)* [1] до Точила [2] и до Скорпиона». [3]

Прежде чем итти далее, сосредоточимся немного над предшествовавшим, чтобы не давать нашим старым представлениям гипнотизировать себя.

Читатель видит сам, что вся эта история, — как бы мы ни смотрели на нее! — не есть жизненная реальность. Действительно, что мы в ней прочли? Прежде всего, требование себе царя со стороны каких-то богоборцев у своего пророка и судьи по имени «Знамя Бога», дружеские переговоры последнего по этому поводу с богом Громовержцем, обидевшимся, что люди хотят ставить посредника между собою и им. Но ведь это уже разочарование автора в монархизме! Мы видим тут и соответственные отговоры пророка от устройства у людей монархии, и, наконец, несмотря на них, поставление им на царство царя-великана по имени Ад (Саул) посредством вылитого ему нежданно на голову кувшина с маслом. Потом идет история знакомства этого царя с каким-то нереальным юношей Пылом (Давидом по-еврейски), который, как древний Орфей, сошедший в Ад, изгоняет из царя Ада злых духов игрою на лире, и, наконец, мы читаем и только-что описанную борьбу этого юного Орфея, разрывающего голыми руками челюсти львам в защиту своих овец, с великаном Пришельцем (Голиафом по-еврейски), одетым в шлем и чешуйчатые латы, которые, однако, не смогли защитить его от камня, брошенного в него юношей-музыкантом.

Где же тут хоть зерно исторической реальности, которое дало бы историкам право считать таких лиц действительно существовавшими когда-нибудь, хотя бы это и было не в мертвом сирийском городишке Эль-Кудсе, называемом нами Иерусалимом, который по своему захолустному географическому положению не мог никогда быть чем другим, кроме как деревушкой, и держится

[1] שערים (ШЭРИМ) — ворота, расщелина Млечного Пути в Скорпионе

[2] גת (ГТ) — виноградное точило, в котором топтали ногами виноград, чтобы получить вино. Топчущим его назывался Змиедержец.

[3] עקרון (ЭКРУН) — испорченное переписчиками название עקרב (ЭКРБ) — Скорпион.

теперь только субсидиями христианских и мессианских паломников и их европейских меценатов, да еще продажей христианских амулетов тем же паломникам, а без них обратился бы в простой провинциальный поселок.

Ведь таким историкам пришлось бы считать реальностью и самого Орфея в аду, и Энея, и Одиссея, и вписать их путешествия и подвиги в курсы древней истории даже с большим правом, чем эти библейские сказания, так как «Энеида» и «Одиссея» несравненно более правдоподобны. Ведь никакую сказку нельзя написать так, чтобы в ней решительно все, от начала до конца, было неправдоподобно, потому что в таком случае это была бы уже не сказка, а бред сумасшедшего, которым ни один ребенок не стал бы увлекаться. Нет такой сказки, из которой методом отброса всего неправдоподобного и оставлением только правдоподобного нельзя было бы сделать лже-историю. Но такой прием совершенно антинаучен, и потому в настоящем своем исследовании, указывая на сказочный характер всей истории царствования царя Ада (Саула) и его отношений к юноше Пылу (Давиду), я и пытаюсь выяснить только происхождение самих рассказов, а никак не очищать эти рассказы от неправдоподобного, чтоб сделать из остального мираж исторической реальности.

Конечно, основное историческое зерно я вижу здесь в реальных замечательных деятелях древней истории, в Аврелиане и Констанции Хлоре, но почти все сказочные подробности я считаю почерпнутыми из основного колодца религиозно-мифического творчества древности — звездного неба. И всякий раз, когда я нахожу объяснение такого мифа в сочетаниях планет и комет и в их движении по созвездиям и, при всем желании, не могу найти ничего другого, реального, то я и считаю вопрос решенным астрономией.

В данном случае так же, как и в легенде об Иисусе Рыбе (Навине),[1] я вижу первоисточник описанных здесь великих боев богоборцев с «пришельцами» не в реальных человеческих боях, а в огнеметах метеоритов, приведенных астрологами в связь с тогдашними династическими событиями и с религиозными спорами. Поэтому и описываемые тут поголовные истребления

[1] См. «Христос». Вторая книга.

целых народов от малого до великого я не понимаю буквально, а только в аллегорическом смысле, в том, что их культ или независимое существование по гороскопическим выводам тогдашних или последующих астрологов был окончательно уничтожен богоборцами.

Мы не должны забывать, что пророческие символы для всего земного богоборцы находили в движениях планет и в положениях созвездий неба. Гороскоп у них детерминировал все: и прошлую, и будущую историю народов, и отдельных людей они считали возможным устанавливать не по записям, а по истолкованию сочетаний планет в их время. Тот, кто мог вычислять гороскопы и вспять, и впредь, имел, по их мнению, всегда возможность рассказать, что происходило в таком-то году и что будет происходить в таком-то. Этому помогала и каббалистика, подводившая все поступки действующих лиц под смысл их прозвищ. И вот, на ряду с псевдо-пророческими книгами второй части Библии, возникли таким путем и псевдо-исторические книги ее первой части. Представляют ли они какой-нибудь научный интерес?

Никакого, если мы будем смотреть на них как на средство узнать по их сообщениям реальные события древней жизни, и огромный интерес, если мы сделаем их самих (как здесь я) объектом нашего изучения, стараясь восстановить по ним психический облик лишь самих авторов, а не тех лиц, о которых они рассказывают, потому что все, что они говорят,—одни апперцепции.

Земною чертой в них служит везде их общий фон, дающий живую картину умственных настроений того времени, а мелкие детали берутся, понятно, не только из созвездий, но также и из жизни каких-либо замечательных людей прошлого, хотя бы носивших совсем другие имена, живших совсем в другие времена и в других местностях, чем мы до сих пор думали, и занимавших совсем иное общественное положение, чем современные земные цари. Мои хронологические отожествления богоборческих библейских царей, начиная с Иеровоама, с царями Латино-Эллинно-Сирийско-Египетской империи, начиная с Константина I, в первой книге «Христа», уже привели нас путем экстраполирования к тому, что Саул тожествен с Аврелианом, «восстановителем империи», Пылкий (Давид) тожествен с Констанцием Хлором (или Диоклетианом), а Соломон — с окончательным установителем теократического строя этой империи.

Но исторические черты здесь совершенно заслонены астрологическими деталями, сделавшими из библейского изложения чистый миф. И, кроме того, некоторые детали брались сюда также и из сейсмических и метеорологических явлений, поражавших воображение древних хроникеров своей необычайностью.

Заметно также, что старинные компиляторы не всегда могли справиться со своим материалом, благодаря своему тяжелодумству, не позволявшему их воображению взлетать очень высоко. Так, после только-что изложенного мифа о единоборстве юноши Пыла с пришельцем в легенде о Сауле и Давиде произошла, неожиданная для современного интеллигентного читателя, невязка, показывающая, что автор, или позднейший компилятор, уже позабыл, что царь Ад сам отправлял своего (давно помазанного на царство вместо него) юношу-музыканта на бой с пришельцем, что он сам его вооружал и был хорошо с ним знаком. Вот что мы неожиданно читаем далее.

«Когда царь Ад увидел юношу Пыла,— заканчивает кто-то только-что приведенный рассказ,— выходящим на бой против пришельца, он спросил Отца Света (т.-е. утренний рассвет), [1] начальника над своим войском:

«— Отец Света! Чей это сын?

«— Клянусь твоей душой, не знаю! — ответил ему тот.

«И Отец Света взял юношу Пыла и представил царю Аду с головою пришельца в руке *(в виде Персея с головой Медузы, появившегося из-за солнца, находившегося в Тельце,* рис. 52).

«— Чей ты сын, молодой человек? — спросил его царь Ад, а юноша Пыл, тоже как-будто позабывший, что он давно уже знаком с царем Адом, ответил:

«— Раба твоего Иисуса из Вифлеема». [2]

В окончательном результате здесь как-будто вышло то же, что раз было с близоруким и рассеянным немецким историком древнего Рима Момзеном, который, сидя в вагоне против своей дочки и очнувшись от своих исторических размышлений, взглянул на нее и сказал:

[1] אב־נר (АБ-НР) — отец света, отец светоча.

[2] (ИШИ-БИТ-Е-ЛХМИ) — Иисуса Вифлеемлянина, т.-е. Спасателя из Дома Борьбы, Спасателя из Дома Яств. Думаю, что это относится к Овну или Тельцу, в часовой полосе которых находится и Персей с головой Медузы.

— Ах, какая хорошенькая девочка! Чья ты дочка?

— Твоя, папа,—ответила она ему.

Но Саул пошел здесь много далее Момзена и не узнал своего музыканта даже и после его ответа, а только взял его к себе и «не позволял ему возвратиться в дом своего отца» (18,58).

Этот неожиданный лапсус в рассказе теологи объясняют не тем, что последующий пополнитель мифа запутался в деталях небесного свода, которые захотел вплести в рассказ, а тем, что с царем Адом сделался от ужаса при виде Голиафа припадок сумасшествия и он «позабыл свое близкое знакомство

Рис. 52. Созвездие Возничего с конскими уздами, Треугольника и Персея с мечом над эклиптикой в Млечном Пути. Из старинной латинской астрогнозии (Пулковская обсерватория).

с Давидом». Но такое объяснение напоминает страуса, который прячет свою голову в песок, когда его настигают охотники, и современным теологам пора уже стать на рациональную точку зрения и понять, что это лишь доказательство несообразительности древних составителей книг.

Задавшись вопросом, что̀ на небе могло бы вызвать такую невязку конца рассказа о Давиде и Голиафе с началом, я обратился к тогдашним необычным явлениям на небе и нашел разгадку в китайских летописях Ше-Ке и Ма-Туань-Линь.

Дело в том, что в этой легенде смешаны две кометы того времени. Комета 275 года при воцарении Аврелиана-Саула, с ко̀торой, как мы видели, списано начало, и комета 296 года при Констанции

Хлоре — Давиде, которая тожественна с кометой Галлея, наделавшей много тревоги и при ее последующих появлениях. На этот раз она прошла весной в эффектной мечевидной форме через созвездие Персея с его мечом, приподнятым над головой Медузы, и была затем во Льве и в Большой Медведице, упоминаемой также и в легенде. Перескок от кометы Аврелиана — Саула к комете Констанция Хлора — Давида и вызвал здесь невязку конца сказания с его началом, соединив две независимые записи конца III века. Вот что было тогда на небе.

Из лучей Отца Света, т.-е. рассвета, в конце мая 296 года появились почти разом: созвездие Телец, как прообраз первого царя—Саула, его дочь Андромеда, соответствующая дочери Саула Купели, невесте Давида, и сам Давид—Персей, пастух Овна и Тельца, под ним. А перед ним в голову Медузы вонзился еще огромный меч — комета. Все это было аккуратно записано, как одно из событий царствования Констанция Хлора, а потому и понятно, что царь Ад—Сатурн мог не узнать в этом видении своего красноволосого оруженосца, арфиста Марса, и имел полное право спросить: «кто этот юноша?»

Так мы и остались тут без моста между двумя сценами рассказа о Сауле и Давиде, и нам ничего теперь не остается сделать, как прямо перескочить через эту бездонную пропасть на другой ее край, не пытаясь самим построить тут мост посредством выдумки внезапного помешательства Саула... А на другом краю пропасти мы читаем следующее:

«**Когда окончился** разговор юноши Пыла с царем Адом *(видите ли теперь в словах «когда окончился» новый переходный мост?)*, душа Богоданного *(вероятно созвездия Ориона)*, сына царя Ада *(метаморфозировавшегося теперь после перескока через «пропасть без моста» в созвездие Тельца)*, соединилась с душой Давида. Он заключил с ним союз, снял с себя епанчу и отдал ее юноше, вместе со всем своим военным нарядом до меча, до лука и до своего пояса *(пояса Ориона?)*. Царь Ад поставил юношу Пыла начальником над всем войском, но, вот, случилось, что во время их возвращения домой женщины *(в символе звезд)* выходили хороводами из всех богоборческих городов с тимпанами, цимбалами и радостными восклицаниями:

«— Ад *(Телец)* поразил тысячи, а Пыл *(Персей)* — тьмы!»

Царь Ад косо посмотрел на юношу, и на другой же день

напал на царя от бога злой дух (18,10). Он пришел дома в исступление, и когда юноша Пыл играл на гуслях *(сети небесных меридианов и параллелей)*, как обыкновенно, он вдруг бросил в него копье *(яркий метеорит пролетел от Тельца к Персею)*, сказавши:

«— Приколю его к стене!»

Но Пыл дважды увернулся от него, и царь Ад стал его бояться.

«Его дочь Купель[1] *(в созвездии Андромеды)* полюбила Пыла, и когда царю донесли об этом, он сказал:

«— Передайте тайно юноше: «Царь благоволит к тебе, и все его слуги тебя любят. Породнись с ним». И объявите ему, что царь не желает другого брачного выкупа за свою дочь, кроме ста краеобрезаний от детородных органов кочевников».

Все это он сказал в надежде, что юноша попадет за такие операции в их руки (18,25). Но Давид (теперь Персей), очевидно, руководясь песней влюбленного русского разбойника:

Много за душу твою одинокую
Всяких я душ погублю,—
Кто ж виноват, что тебя черноокую
Больше, чем душу, люблю,—

пошел со своими ратниками и, желая породниться с царем, убил не сто, а двести кочевников *(огнеметом персеид)*, и представил царю их краеобрезанья. Царь отдал ему тогда свою дочь Купель в супружество, но с тех пор стал еще больше его бояться и сделался врагом его навсегда. Он сказал об этом своему сыну богоданному *(Ориону)*. Но тот был очень привержен к своему другу и потому сказал ему:

«— Мой отец хочет тебя убить. Поберегись, пожалуйста, и завтра утром скройся в тайном месте.

«Юноша Пыл это сделал *(вероятно, скрывшись в лучах проходившего тут весной солнца)*, но когда опять началась война с пришельцами *(новый августовский огнемет персеид)*, он нанес им такое сильное поражение, что они все убежали от него. Злой дух от бога Громовержца охватил опять царя Ада, и когда он сидел в своем доме, а юноша играл на лире, он хотел снова приколоть его копьем к стене, но тот опять увернулся. Копье

[1] מיכל (МИКЛ) — купель, водоем.

вонзилось в стену, а юноша убежал и, таким образом, спасся от опасности в ту ночь (19,10). Ад послал нарочных в его дом (дом Марса считался астрологами в Овне), чтоб подстеречь и утром убить его. Но жена его, Купель, сказала ему:

«— Если ты не позаботишься сегодня спасти свою душу, то завтра будешь мертв.

«Она спустила его из окна, и он ушел *(Персей скрывается в лучах солнца ежегодно в марте)*. Взяв домашний кумир, она положила его на постель своего мужа, прикрыла одеждою, а под голову его положила ковер из козьего волоса и сказала посланным:

«— Он болен.

«— Принесите его на постели ко мне, — сказал тогда Ад,— чтобы я мог убить его.

«Но посланные принесли ему только кумир с ковром из козьего волоса под головой.

«— Зачем ты так обманула меня и дала ему спастись?— спросил он дочь свою Купель.

«— Он сказал мне,—ответила она:—отпусти меня, а не то я тебя убью».

Так окончилась неудачно и эта попытка Ада убить юношу Пыла.

«Потом царю донесли:

«— Юноша Пыл в кочевище у Высоты.

«Царь тотчас послал туда пророческих учеников *(планет)* под начальством «Знамени бога» *(Месяца)*, и они начали прорицать. Сам царь Ад *(опять в символе Марса)* пошел на кочевище у Высоты, но и на него сошел там дух бога Громовержца, и он пророчествовал в продолжение всего пути, а потом снял свою одежду и *(голый!)* прорицал перед Знаменем бога *(Месяцем)* весь тот день и всю ночь. Вот почему и говорят *(повторяет автор)*: «неужели и Ад стал пророком?» (19,20).

«После этого юноша Пыл,— продолжает легенда,— вновь спустился с высоты и сказал своему другу *(Ориону)*:

«— Вот завтра *(весеннее)* новолуние, когда мне следует сидеть у царя за обедом. Отпусти меня, чтобы я мог скрыться в поле до третьего вечера, и скажи своему отцу: «упросил меня Пыл поспешить в Дом Борьбы» *(созвездие Рыб, где происходит борьба зимы с летом)*, на *ежегодное жертвоприношение* в его доме *(в созвездии Овна, значит, рассказ относится к пасхальному ново-*

лунию). Если он скажет: «хорошо!», то мир мне, твоему слуге; если же он разгневается, то знай, что он решил сделать мне зло.

«— Выйдем в поле,— сказал ему Богоданный,— три дня ты тщательно скрывайся в том же месте, как и прежде, у Скалы Ухода *(или Печали)*.[1] На третий день я приду, пущу там три стрелы и пошлю слугу искать их. Если я скажу слуге: «вон стрелы ближе тебя!» — то мир тебе: ничего не будет. Если же я скажу юноше: «вон стрелы дальше тебя!» — то отсылает тебя отсюда Громовержец.

«Юноша Пыл скрылся в поле, и, когда наступило (пасхальное) новомесячье, Отец Света сел подле царя (в созвездии Тельца). Место Пыла осталось пусто, но царь ничего не сказал. Он думал:

«— Пыл осквернился чем-нибудь и еще не чист».

Но и утром на второй день не было занято место юноши.

«— Отчего не пришел сын Спасителя к обеду ни вчера, ни сегодня?—спросил он Богоданного.

«— Он убедительно просил меня отпустить его в Дом Борьбы, ибо у них там домашнее жертвоприношение. Он мне сказал: «позволь мне поспешить туда, если я заслужил благоволение в твоих очах, чтобы я мог увидеть своих братьев.

«— Сын упрямой женщины! — сказал ему царь. — Разве я не знаю, что ты полюбил его к своему стыду и посрамлению твоей матери? Все время, пока он будет жив, не утвердишься ты на царстве. Сейчас же приведи его ко мне, потому что ему должно умереть.

«— За что его умерщвлять? Что он сделал? — возражал Богоданный своему отцу.

«Тот бросил в него копье, чтобы поразить его, и из этого Богоданный заключил, что отец его решил умертвить его друга. Он сильно заскорбел и не принимал пищи весь второй день новолуния, а на следующее утро в назначенное время вышел в поле с мальчиком.

«— Беги, — сказал он, — ищи стрелы, которыми я буду стрелять! — и бросил стрелу дальше его.

«Когда тот прибежал к месту, он закричал ему вслед:

«— Нет ли стрелы дальше тебя? Скорей, спеши, не останавливаясь!

---

[1] אזל (АЗЛ)—уходить, точно также печаль.

«Мальчик ничего не понял, потому что только Богоданный и Давид знали, в чем дело. Богоданный отдал мальчику свои доспехи и сказал ему:

«— Ступай, отнеси в город!»

И вот, когда он ушел, юноша Пыл вышел с Южной стороны и трижды поклонился оставшемуся тут Богоданному лицом до земли. Они поцеловались и плакали оба, но Богоданный плакал более.

«— Иди с миром,— сказал он.— Бог Громовержец да будет между мною и тобою, между моим и твоим потомством вовеки» (20,42).

Вы, читатель, конечно, уже спрашиваете: к чему была разыграна вся эта комедия со стрелами, когда так просто было вызвать Давида и без них! Как плохо составлена эта сказка!

Но действительно ли она составлена «плохо»?

Ведь если придать этому астральный характер, приняв созвездие Тельца, считавшееся тогда первым вождем Зодиака, за первого царя богоборцев, а созвездие Ориона за символ Богоданного, то три яркие метеорита, пролетевшие от него к Персею — Давиду (еще не сделавшемуся царем и потому не попавшему в Зодиак), и будут тремя этими стрелами.

Если же стоять на точке зрения, что три царя богоборцев— Ад-Саул, Пыл-Давид и Миротворец-Соломон—были три внешние планеты Сатурн, Марс и Юпитер, а дочь Купель и сын Богоданный—Венера и Меркурий,—то и в этом случае три метеорита от Меркурия к Марсу объяснят дело. Правда, что слово Давид теологи переводят Возлюбленный, но это только потому, что оно, действительно, имеет по-библейски два значения, а потому и легенда составилась двойственная. Часть деталей — каковы многочисленные военные подвиги юноши Пыла—взята из характеристики Марса, а некоторые черты его нравственного образа взяты из значения его имени, хотя прибавим, что Марс по классической мифологии был не только богом войны, но и символом любовного пыла, так что и мой перевод его имени не противоречит гебраистике.

Рассмотрим теперь и следующий частный рассказ, введенный в роман о царе Аде и о царственном юноше Пыле (гл. 21) и соединенный с предыдущим очень слабым переходным мостиком в виде простого союза «и»:

«И юноша Пыл *(Марс)* пришел в город Пророчество[1] к священнику Царственному Отцу.[2] Тот вышел ему навстречу и спросил:

«— Почему ты без сопровождающих?

«— Царь поручил мне дело,— ответил Пыл,— о котором никто не должен знать. Дай мне пять хлебов или что найдется.

«— У меня только освященный хлеб, который могут есть лишь очистившиеся.

«— Наши жены были отлучены от нас как вчера, так и третьего дня, и одежды чисты у всех наших людей, — ответил ему Давид.

«Царственный Отец дал ему тогда хлебы предложения, снятые с трапезы Громовержца, чтобы потом положить взамен их новые хлебы.

«— Нет ли у тебя меча или копья? — спросил юноша Пыл.

«— Есть меч пришельца (Голиафа), которого ты поразил на склоне дубровы. Вот он лежит, завернутый в покрывало за священным облачением.

«— Нет ему подобного, — ответил Давид, — дай мне его».

Он убежал с ним к Верной Опоре,[3] царю готов из Виноградного Точила,[4] но сильно его боялся и потому представился сумасшедшим, чертил фигуры на дверях ворот и пускал слюну на свой подбородок.

«— Вы видите, что это безумный, — сказал Верная Опора.— Зачем вы привели его ко мне? Чтобы он сумасбродствовал передо мною?»

«Тогда юноша убежал в пещеру Свидетельства *(расщелину Млечного Пути над Скорпионом)*, куда к нему пришли его братья и весь дом его отца, и собрались все угнетенные, неоплатные должники и все душевно-огорченные, и он стал начальником над ними, до 400 человек» (Сам., 22,2).

[1] נב (НБ) от НБА—пророчествовать, или от НБУ—Меркурий, которого арабы считали богом красноречия и летописцем событий на небе и на земле. Домами его были: созвездие Девы и Близнецы.

[2] אבי־מלך (АБИ-МЛК) — царственный отец.

[3] אכ־יש (АК-ИШ) — верная подпора.

[4] גת (ГТ) — виноградное точило, где давят ногами виноград для вина, также «гот».

«Он оставался в недоступных местах, потом расположился на горе в пустыне Глотки, к югу, и хотя искал его Саул каждый день, но Громовержец не предал его в руки царя» (23,14).

«Он засел в неприступных местах Козлиного Глаза, а царь Ад взял три тысячи отборных воинов и пошел его искать на вершине скалы Горных Коз. Он пришел к загону овец, где пещера, и вошел в нее для исполнения естественной нужды, а Пыл и его люди сидели в ее глубине. Юноша встал и незаметно отрезал край епанчи царя Ада, пока он делал свое нужное дело, и не допустил своих людей нападать на него. Когда царь вышел, окончив, из пещеры, Пыл тоже вышел и, когда тот оглянулся на его оклик, пал перед ним лицом к земле.

«— Зачем слушаешь ты слова людей, говорящих, что я ищу твоей погибели? Пусть видят твои глаза, как Громовержец предал тебя в пещере в мои руки. Мне говорили, чтобы я тебя убил, но я сказал: не подниму руки на моего государя, потому что он помазанник божий. Посмотри на край твоей одежды в моей руке! Из того, что я отрезал его, а не убил тебя, ты можешь видеть и знать, что нет во мне ни злобы, ни измены, а, между тем, ты хочешь взять мою душу. За кем гоняешься ты? За дохлым псом, за блохой! (рис. 53). Пусть Громовержец разберет мою тяжбу с тобою и защитит меня от твоей руки!

«— Твой ли это голос, сын мой, Пыл? — спросил его царь, и застонал, и заплакал. — Ты справедливее меня, так как воздал мне добром за зло. Когда человек поймает своего врага, отпустит ли он его итти добрым путем? Теперь я уверился, что ты непременно будешь царствовать после меня. Поклянись же мне Громовержцем, что не истребишь моего потомства!

«Давид ему поклялся, и Саул пошел в свой дом, а Давид и его люди в свое укрепление» (24,23).

Что это опять, читатель? Реальная история отношений Аврелиана и Констанция Хлора, когда первый был царем, а второй еще юношей-вассалом, или это эпизод из рыцарского романа, или тут описано истолковательно солнечное или лунное затмение?

Я думаю, что верно только последнее предположение, а основою такого мнения служат мне общие соображения о законах эволюции человеческого творчества, которые я уже излагал в первой главе этого отдела, и повторю, в другой форме, отчасти и здесь в применении к данному случаю.

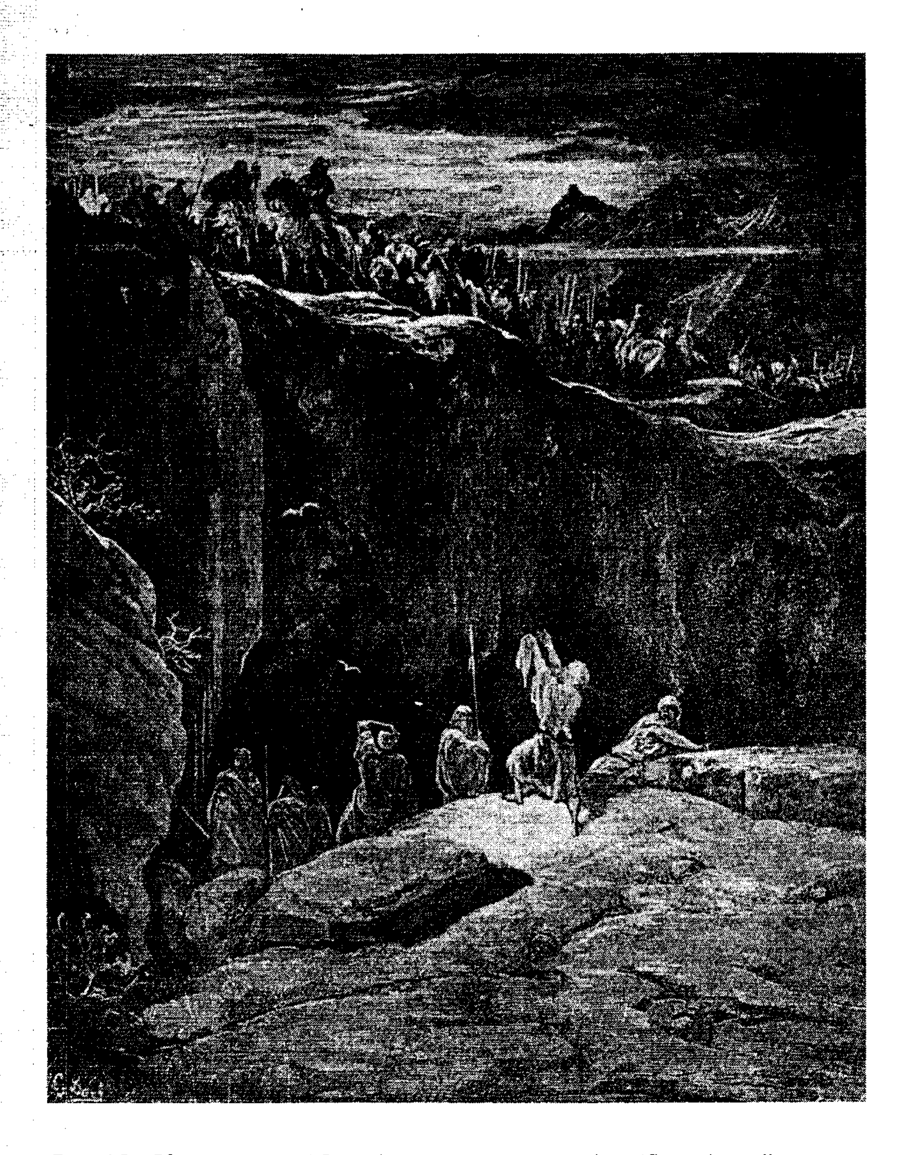

Рис. 53. Юноша Пыл (Давид) показывает царю Аду (Саулу) край отрезанной им у него епанчи. Библейская легенда в апперцепции современного европейского художника. Из книги La Sainte Bible, с рисунками Густава Дорэ.

Каждому из нас приходилось слышать выражение: «прирожденный гений». Но отдавали ли мы себе ясный отчет в его смысле? Значит ли это, например, что кто-то, не читая ни одного стихотворения, мог бы написать самостоятельно такие же сборники стихов, какие пишут теперь даже и не очень гениальные, но много читавшие поэты? Значит ли это, что, не читая ни одного романа, он был бы способен написать современный нам, хотя бы и посредственный роман?

Это так же нелепо подумать, как то, что «прирожденный математик» был бы способен одним порывом своего творчества восстановить всю современную математику, если бы она вдруг была затеряна при каком-нибудь перевороте на земном шаре. Нет! Прирожденный гений отличается от остальных средних людей только тем, что через область его ясного сознания, (локализирующуюся, как я думаю, в мозжечке), все впечатления, получаемые извне полушариями его большого мозга, проходят в более быстром порядке и в более ярком виде, чем у остальных средних людей, вследствие более тонкого устройства серого вещества его мозговых полушарий и мозжечка и большей подвижности их плазматических отростков.

Но это только потенциальное качество гения. Это лишь признак могучей мельницы, которая может много намолоть муки, но только тогда, когда для нее есть большой запас зерна, а без него она будет вертеться без пользы. Для того, чтобы талантливый ум мог работать, производя обширные и оригинальные комбинации впечатлений, полученных им из внешнего и внутреннего мира, нужно, чтоб он их предварительно **получил.** Но впечатления, воспринимаемые лично из внешнего мира, обыкновенно бывают элементарны и однообразны. они не достигают и сотой доли того, что интеллигентный человек получает из чтения и притом получает уже в целесообразно комбинированном виде, в виде сложных рядов ассоциированных представлений. Вот почему для того, чтобы самый талантливый, самый ярко впечатлительный, быстро работающий мозг мог написать современную повесть или роман, он предварительно должен был прочитать не одну сотню романов, которые незаметно для него и для всех окружающих выгравировались в его мозговых полушариях. Но эти полушария каждую секунду будут посылать в серое вещество его мозжечка их отражения в беспорядочных

комбинациях, и лишь оно будет распоряжаться их воспроизведением на бумаге не в беспорядке, как во сне, а по вырабатываемому им плану, отбрасывая из калейдоскопа посылаемых ему мозговыми полушариями впечатлений все те, какие кажутся тусклыми, не характерными или не подходящими для данного литературного произведения. Понятно, что все образы и настроения мозговых полушарий будут не самовыработаны ими, а получены извне, через органы внешних и внутренних чувств, но сопоставления их могут оказаться очень оригинальными, и личные наблюдения могут к ним прибавить, если ум талантлив, и неиспользованные еще никем сюжеты. В общем можно сказать, что если в каком-либо произведении есть хоть один процент оригинальности, а все остальное подражательно другим произведениям в том же роде, то и тогда оно нам покажется оригинальным, а не подражательным.

Точно так же и в поэзии. «Прирожденный поэт» не может написать хоть одну книжку годных для современного интеллигентного человека лирических стихотворений, не прочитав предварительно нескольких тысяч чужих стихотворений и не зная наизусть многих сотен их отрывков, написанных на всевозможные размеры. И все-таки его первые стихотворения будут чистыми подражаниями особенно любимому им поэту, т.-е. лишь новой комбинацией вычитанных из него строф и импрессий.

Только потом, когда ум уже утомится писать подражания, начинается у него внесение в комплекс вычитанных идей новых впечатлений, полученных из личной жизни, так как понятно и без объяснений, что все ниоткуда не полученное нашим умом не может быть и передано им какими-либо словами другим людям.

Значит, для того, чтоб написать что-нибудь осмысленное и притом большое и многообразное, нужно предварительно, еще в юности, много и разнообразно изучить или прочесть; надо провести юность и детство в интеллигентной среде и быть свободным от ежедневного постороннего труда, будет ли это физический, или канцелярский, или торговый, или какой-либо другой, отнимающий время, необходимое для большого и разнообразного чтения и изучения. Иначе, всякий «прирожденный гений» недоразовьется и заглохнет, не произведя ничего, кроме подражаний или нелепостей.

*

Рассматриваемая нами теперь библейская литература не есть литература зачаточная. Она не могла быть составлена в таком виде, как мы ее теперь имеем, еще в те века, когда не было не только сотен, но и десятков других книг, которые мог бы предварительно прочитать автор. В века до начала нашей эры, и даже в первые ее века, никто не мог выражаться разнообразно. Ведь даже для того, чтоб получить импульс написать серьезную историю о том, как царь Ад (Саул) зашел в пещеру «по своей нужде», а юноша Пыл (Давид) во тьме обрезал ему, — пока он сидел на корточках, — край приподнятой сзади для удобства епанчи, не достаточно было видеть, как какой-нибудь мальчик шалун сделал такую глупую шутку со своим приятелем. Никому не пришло бы в голову заносить такой пустяк в знаменитую во всем христианском мире книгу библейского пророка «Знамя бога» (Самуила), хотя бы такая шутка и была сделана с самим царем. Да и вообще первобытное писанье по буквам и складам было таким трудным, благочестивым и дорогостоящим делом, а распространение рукописей происходило в таком ограниченном кругу путем переписки на дорогостоящем пергаменте, или редком вне Египта папирусе, записок, имеющихся у знакомых, — что все неважное не входило в область письменности, а сама письменность была до изобретения арабами тряпичной бумаги исключительно малострочная.

Такие длинные и сложные книги, как библейские пророчества Иезекиил, Даниил, Исаия, Иеремия (не говоря уже о Геродоте, Фукидиде, Евклиде или об «Одиссее» и «Илиаде»), не могли быть даже и в помыслах у людей до широкого распространения писчей бумаги и до развития скорописи, о чем я не устану повторять, чтобы хоть это, наконец, твердо запомнили мои оппоненты. Такие произведения литературы требуют сложной предварительной подготовки авторов и большого предварительного чтения, для которого не было тогда материалов. Думать, что они могли произойти без предварительной, доступной многим, литературы, это то же самое, как сказать, что в небольшом горшке с песком может вырасти гигантское дерево.

Все это ясно для реалистически настроенного ума и без моих вычислений. Точно так же ясно, что и книга Бытия, да и разбираемая нами теперь сложная история Давида и Саула не могли вырасти без предварительных подготовительных ступеней

«святым духом из одной головы» или путем «самородной фантазии» малокультурного древнего человека.

С эволюционной и реалистической точки зрения, даже и отдельные легкомысленные легенды, в роде только-что изложенной нами, должны были возникнуть в мозгу древнего человека лишь как аллегорическое изображение чего-то серьезного. Обрезанье края епанчи Саула я, скорее всего, объяснил бы частным затмением солнца 8 ноября 272 года, видимым во всех странах Средиземной империи (фаза 11″0), при Аврелиане—Сауле и юноше Констанции Хлоре—Давиде, в созвездии Змиедержца (и Скорпиона) в пещере Млечного Пути между двумя его ответвлениями в этом месте.[1] Сатурн был тогда, правда, еще в Деве и не мог сидеть на корточках под Змиедержцем, но явлению этому могло быть придано и самостоятельное толкование, раз оно было действительно при царе Аврелиане и его будущем преемнике.

В заключение я хочу еще сказать, что такого рода астральные записи, скомбинированные вместе, читаясь впоследствии как земные рассказы о древних людях, дали потом человеческим мозгам материал и для развития рыцарских романов, представляющих калейдоскопы различных приключений, а эти романы вызвали, наконец, третью, еще более высокую, ступень литературного творчества — современный психологический роман.

* * *

В дальнейшем развитии калейдоскопической истории о царе Аде и царственном юноше Пыле рассказывается, как умер помазавший их на царство пророк Знамя бога (Саму-Ил) в Раме,[2] т.-е. месте пускания стрел, что намекает на полное закатное лун-

---

[1] С начала нашей эры частные солнечные затмения, видимые в странах близ Средиземного моря при Сатурне за солнцем были только:
в 212—VIII—14 во Льве; Юпитер в Водолее;
» 240— VII— 5 во Льве; Юпитер в Раке;
» 349— IV— 4 в Овне; Марс был далеко; Юпитер в Водолее;
» 388—VIII—18 во Льве; Марс был далеко; Юпитер в Близнецах;
» 418— VII—18 в Раке; Юпитер в Стрельце; Сатурн во Льве;
» 497— IV—18 в Овне; Юпитер во Льве;
» 538— IX— 1 в Деве; Юпитер в Козероге и т. д.

А лунное в Скорпионе было 272 — V — 30 при Сатурне в Деве и Юпитере во Льве около Сатурна.

[2] רמה (РМЕ) — пускать стрелы; также: высота.

ное затмение в созвездии Стрельца. Такое сверхполное (16"0) затмение и было действительно перед смертью Ария 5 декабря 336 года, но могло быть по воспоминаниям апокрифировано не к концу царствования Константина, а к концу царствования Аврелиана. При нем месяц совершенно «умер» на небе при наблюдении из Италии и Греции, и в таком виде был погребен в землю перед восходом солнца в 5 часов 25 минут после Гринвичской полуночи. А бывший юноша Пыл, — теперь уже атаман разбойников, — ушел в Горящую Пустыню (вероятно, в полосу вечерней зари[1] и там второй раз женился следующим беллетристическим способом:

«Был человек в божьем Жилище,[2] владевший Садом[3] и очень богатый. У него было 3000 овец и 1000 коз и звали его Меркурий божий[4] из рода Сторожевого Пса. Он был очень злонравный и скупой, а жена его была Мать Хоровода,[5] умная и красивая женщина *(Венера)*. Юноша Пыл услышал, что Меркурий стрижет овец *(находится в созвездии Овна)*, послал к нему десять служителей сказать:

«— Да будет мир тебе и всему, что у тебя в доме. Когда были с нами твои пастухи, мы их не обижали, и ничего у них не пропадало, спроси о том у них самих. Вот близок праздник, дай же твоему сыну, Пылу, и его слугам что найдется у тебя под рукой.

«— Кто такой Пыл? Кто такой сын Спасателя? Много теперь рабов, убежавших от своих господ. Разве я отдам хлеб и воду и животных, заколотых для моих служителей, людям, о которых не знаю даже, откуда они пришли?

«Слуги возвратились и передали эти слова своему начальнику.

«— Опояшьтесь мечами! — сказал он, опоясываясь сам.

И пошли за ним тотчас около четырехсот человек, а двести остались при Возничем».

---

[1] פארן (ФАРН) от פאר (ФАР) — гореть.

[2] מעון (МЭУН) — жилище, прибежище, особенно о небесах.

[3] כרמל (КРМЛ) — сад.

[4] Если читать נבו־אל (НБУ-АЛ) — Меркурий бога, то тут путем выброса гласных из средины получилось נבל (НБЛ) — нечестивый, подобно тому как из בב־אל (ББ-АЛ) — врата бога получилось בבל (ББЛ) — Вавилон.

[5] אב־גיל (АБ-ГИЛ) — отец хоровода, но я перевел мать, чтобы выдержать женский род изложения.

Один из слуг Меркурия дал знать об этом его жене, Матери Хоровода. Она тотчас взяла двести хлебов, два меха с вином, пять заколотых овец, пять мер сушеных колосьев, сто пучков изюму и двести лепешек из смокв, положила все это на ослов и сказала своим слугам:

«— Ступайте впереди меня, а я пойду за вами».

И вот, когда она спускалась на осле по ущелью гор, Пыл со своими людьми сходил с высот, говоря:

«— Из всего имущества этого человека я не оставлю завтра даже и собаки».

Мать Хоровода увидела его, соскочила с осла и простерлась перед ним лицом на землю.

«— Позволь, мой государь, — сказала она, — говорить твоей рабе в твои уши. Не обращай внимания на этого негодного человека, Меркурия. Его имя значит безумный, и потому безумно поступил он. Вот приношенье. Прости, молю тебя, дерзость твоей рабы. Бог Громовержец утвердит твой дом за то, что ты ведешь его войны, и не будет в тебе зла никогда. Вспомни твою рабу, когда он осчастливит тебя.

«— Благословен Громовержец, бог богоборцев, — ответил ей Пыл, — за то, что он послал тебя сегодня навстречу мне, и благословенна ты за то, что не допустила меня до кровопролития и самоуправства. Но клянусь, что, если бы ты не поспешила выйти мне навстречу, то до завтрашнего рассвета у него не осталось бы и пса».

Мать Хоровода вернулась к своему мужу, а у него был пир, как у царя. Он был очень пьян, и веселилось его сердце, а утром, когда он вытрезвился, она ему рассказала все. У него замерло сердце, и он стал как камень *(Меркурий остановился в своем поступательном пути навстречу Марсу)* и через десять дней умер *(скрылся в огне утренней зари)*.

«Тогда послал Пыл *(Марс)* к Матери Хоровода *(Венере)*, чтобы взять ее себе в жены. Она села на осла, отправилась за посланным от Давида и стала его женой» (Сам., I, 25,1—42).

Так женился второй раз юноша Пыл, и этот рассказ опять есть явный зародыш средневекового романа, взятый из встречи Марса с Венерой во время остановки Меркурия около пасхи, а под посланцами здесь нужно подразумевать дни, протекшие от одного события до другого. Даже и языческие источники рисуют

нам Венеру женою Марса, но определить время по этим двум данным хлопотно, так как встречи Марса с Венерой около пасхи происходят очень разнообразно, и потому мы пойдем прямо далее.

«Царь Ад с тремя тысячами отборных воинов, — продолжает компилятор легенды, позабывший, что Ад уже помирился с юношей Пылом, — спустился на пастбище Глотки, чтобы искать его и остановился на ночлег на возвышенности, называемой Багряная [1] против Удела Спасателя [2] *(т.-е. на заре в созвездии Девы против созвездия Овна)* подле дороги *(эклиптики)*. Атаман Пыл находился на пастбище и видел, как пришел за ним царь.

«— Кто пойдет со мною в стан Ада? — спросил он.

«— Я пойду, — ответил ему Отец Спасенья. [3]

«Они пошли ночью, и вот царь Ад лежит и спит посреди стана, и копье его воткнуто в землю подле его изголовья, а Отец Сияния, сын Рассвета и весь народ спят подле него.

«— Предал сегодня Громовержец врага в твои руки, — сказал Отец Спасенья, — позволь мне приколоть его к земле одним ударом моего копья. Другого удара не будет нужно.

«— Не губи его, — ответил Пыл. — Только возьми, пожалуйста, копье у его изголовья и сосуд с водою, и пойдем к себе.

«Никто не видел, никто не заметил, никто не пробудился, потому что все спали. Пыл остановился на вершине горы на большом расстоянии и закричал:

«— Откликнись, Сын Сиянья!

«— Кто ты такой, что кричишь при царе? — ответил тот.

«— Не знатный ли ты человек? — сказал ему Пыл. — Кто равен тебе среди богоборцев? Почему же не бережешь ты своего государя? Посмотри, где копье и сосуд с водою, что были у его изголовья? Клянусь Громовержцем, вы заслуживаете смерти за то, что не охраняли помазанника божия!

«— Не твой ли это голос, Пыл, мой сын? — спросил его царь Ад.

---

[1] חכילה (ХКИЛЕ) — «в ней моя надежда» по толкованию Крудена в его Concordance to the Bible, но мне кажется, что это скорее происходит от חכל (ХКЛ) — багрянить.

[2] ישי־מן (ИШИ-МН) — удел Иисуса.

[3] Здесь слово אב־ישי (АБ-ИШИ). Я перевожу его халдейским значением — Отец Спасения.

«— Мой, государь, — ответил тот. — За что ты преследуешь своего раба? Что я сделал? Ведь ты, царь богоборцев, преследуешь в горах какую-то блоху, какую-то куропатку.

«— Согрешил я, — ответил ему царь. — Возвратись ко мне, мой сын. Я не буду больше обижать тебя, так как ты дорожишь моей жизнью, а я поступал безумно и очень много ошибался.

«— Вот твое копье, — ответил ему тот. — Пусть один из твоих слуг придет его взять. Как была сегодня ценна твоя жизнь в моих глазах, так да будет ценна моя жизнь в очах Громовержца, и да избавит он меня от всякой скорби!

«— Благословен ты, сын мой, — ответил ему царь Ад. — Поистине ты сделаешь свое дело и непременно восторжествуешь.

«И пошел юноша Пыл своей дорогой, а царь Ад возвратился в свое место» (Сам., I, 26,1 — 25).

Первобытные души, впервые читавшие это сказание и еще не избалованные нашими современными сложными рассказами о трогательных происшествиях, несомненно много раз умилялись до слез, читая это наивное описание «кротости Давида и его доблести», и, конечно, не замечали, что это лишь повторение в другом виде предыдущего случая, когда они хохотали над очень комическим для них положением Саула, зашедшего «по своей нужде» в пещеру, где Давид отрезал ему край приподнятой им для удобства епанчи. Они не замечали, что и разговор после обоих этих происшествий между царем Адом и юношей Пылом составлен почти в тех же самых фразах и что этот сентиментальный дубликат прежнего юмористического рассказа вставлен без всякого предупреждения о том, будто царь Ад почему-то вновь рассердился на юношу Пыла, своего бывшего Орфея.

Да и далее идет опять повторение предыдущего. Мы уже видели ранее, как атаман «вольных людей», Пыл, искал себе убежища у Верной Подпоры, царя готов (ГТ), у Виноградного точила, притворившись сумасшедшим, но тот не захотел его принять в таком виде. Теперь он делает то же, а Верная Подпора уже не выгоняет его, а дает ему город «Весы». В благодарность за такое гостеприимство атаман Пыл (он же библейский Давид) тайно поражает, время от времени, его подданных, не оставляя в живых ни мужчин, ни женщин, чтоб некому было доносить на него Верной Подпоре. Забрав их овец, ослов, волов, верблю-

дов и одежду, он каждый раз возвращается к царю этих ограбленных им и убитых.

« — Не делали ли вы набега? — спрашивает его тот.

« — Да, делали, на южную часть земли богославных, — обманывает его Пыл-Давид.

А Верная Опора верит ему и говорит:

« — Он сделал себя своими набегами ненавистным своему народу, богоборцам, и теперь останется навсегда моим слугой» (27,12).

И неизвестно, сколько времени продолжалось бы это надувательство юношей Пылом своего покровителя, но все на свете кончается... Кончилось и это. Собираясь на войну с богоборцами, Верная Опора сказал Пылу:

« — Пойди со мною в ополчение с твоими людьми.

« — Тогда ты и узнаешь, что сделает твой раб, — ответил ему хитро Пыл-Давид.

« — После этого похода, — сказал ему Верная Опора, — я поставлю тебя навсегда хранителем моей головы.

«Пыл ничего не ответил ему на это».

И вот, когда царь Ад увидел ополчение готов-кочевников, он сильно встревожился своим сердцем и спросил предвещания у Громовержца. Но тот не ответил ему ни во сне, ни через первосвященника, ни через пророков.

« — Найдите мне женщину, владеющую духом прорицания, — сказал царь своим слугам, — я пойду и осведомлюсь у нее.

« — Есть такая в Глазе Круга, [1] — ответили ему.

Царь Ад переоделся, чтоб его нельзя было узнать, и вместе с двумя сопровождающими пришел к ней ночью.

« — Вызови мне с того света пророка «Знамя Бога» (Саму-Ила), — сказал он.

Она вызвала его и вдруг вскрикнула громким голосом:

« — Зачем ты обманул меня! Ведь ты Ад!

« — Не бойся, — сказал ей царь, — что ты увидела?

« — Нечто божественное, выходящее из земли.

« — Какой он видом?

« — Старец, одетый в мантию.

« — Для чего ты потревожил меня, заставил выйти из земли? — спросил царя пророк.

---

[1] עין־דור (ОИН-ДУР) — око круга, око века.

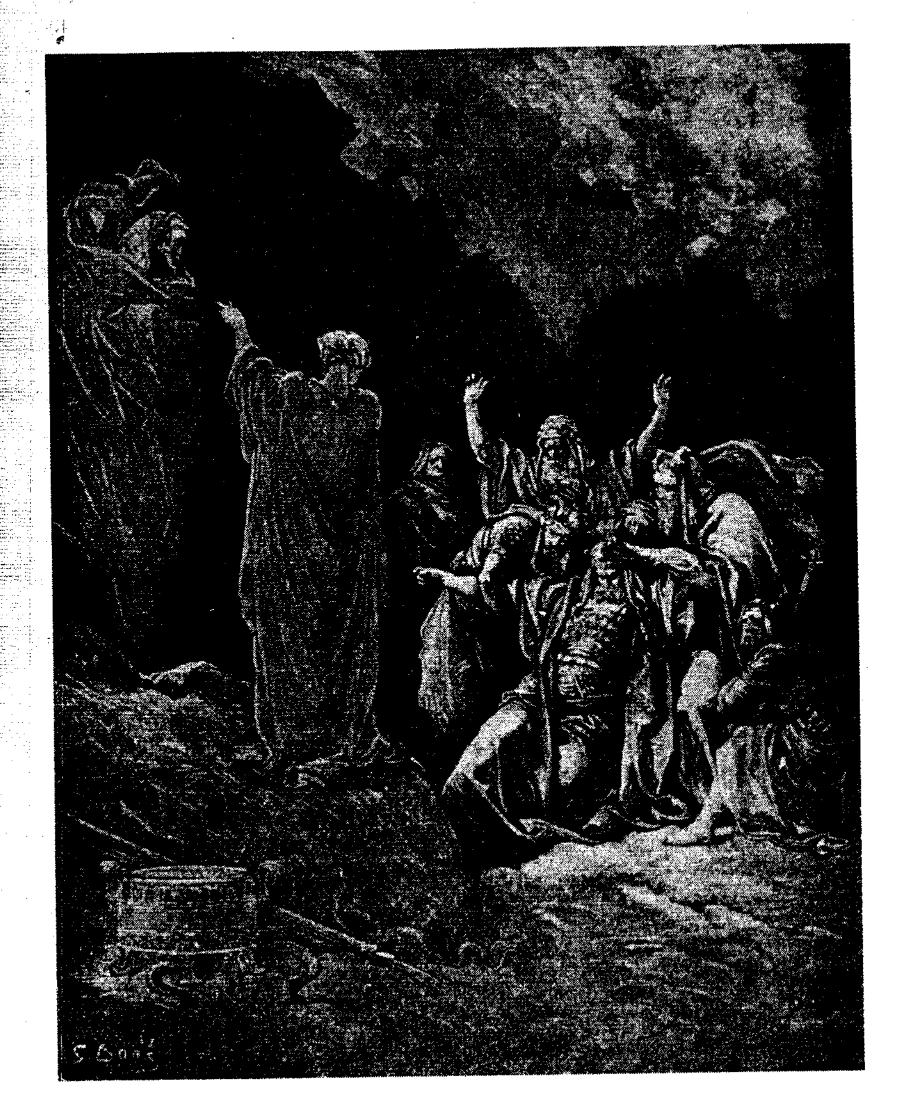

Рис. 54. Прорицательница показывает царю Аду (Саулу) призрак «Знамени бога» (Самуила). Библейская легенда в апперцепции современного художника. Из книги La Sainte Bible, с рисунками Густава Дорэ.

« — Тяжело мне очень, — ответил тот. — Кочевники-готы воюют со мною, а ты меня оставил. Мне нет ответа ни через пророков, ни в сновидениях.

« — Зачем же ты меня вопрошаешь, — ответил Божие Знамя, — если тебя оставил сам бог? Отнимет у тебя Громовержец царство и отдаст его твоему ближнему, Пылу. Он предаст тебя в руки готов и предаст богоборцев вместе с тобою. Завтра ты с сыновьями твоими будешь со мною» (рис. 54).

Царь так страшно испугался этих слов умершего пророка, что упал на землю всем телом. Он ослабел, потому что не ел весь тот день и всю ночь.

«Женщина-пророчица подошла к нему и сказала:

« — Я послушалась тебя, твоя раба, подвергая опасности свою жизнь. Теперь послушайся и ты моего голоса. Я положу перед тобою кусок хлеба. Поешь, чтобы иметь силу, когда отправишься в путь.

« — Не стану есть, — сказал он, лежа на земле.

«Но когда она настойчиво начала его просить, он встал с земли и сел на постель.

«Она заколола откормленного Тельца, испекла пресные хлеба и подала все это царю и его слугам. Они поели и, встав, ушли в ту же ночь» (28,1 — 25).

«Между тем кочевники *(готы)* собрали свои войска при Русле,[1] а богоборцы при Глазе, что в Семье бога.

«Военачальники готов (ГТ), увидев Давида и его людей, идущих с ними в последнем отряде, сказали своему царю:

« — Зачем здесь переселенцы? Отправь назад этого человека, он не должен итти с нами в сраженье, чтобы не сделался во время его нашим врагом. Не тот ли это, о котором пели: «Ад поразил тысячи, а Пыл тьмы?»

«Верная Опора сказал тогда Давиду:

« — Ты хорош в моих глазах, как ангел божий, но начальники мои говорят, что ты не должен итти с нами в сражение. Встаньте же все вы рано утром и уйдите, когда будет светло.

«Пыл-Давид и его люди послушались царя и три дня возвращались к себе в город Весы.[2] Но пока они шли, захватники напали на Южную Сторону, разрушили и сожгли их город.

---

[1] אפיק (АФИК) — русло, проход, источник, лощина, труба.

[2] צקלג (ЦКЛГ) от שקל (ШКЛ) — взвешивание.

Они взяли в плен, не умертвив никого, всех женщин от мала до велика, и пошли своей дорогой. Взяты были и обе жены Пыла. Он заплакал горько, придя в город, и все они плакали, пока хватало сил для плача. Потом Пыл, надев священническое облачение, спросил Громовержца:

« — Преследовать ли мне это полчище и догоню ли я его?

« — Преследуй, — ответил Громовержец, — ты непременно догонишь его и отнимешь добычу.

«Пыл взял 600 человек и пошел с ними к потоку Возвещения, где оставил на берегу 200 человек усталых, а сам с 400 перешел на другую сторону.

«В поле они нашли Миц-Римца, который три ночи ничего не ел и не пил.

« — Не доведешь ли ты меня до этого полчища? — спросил его Пыл.

« — Поклянись, что не предашь меня в руки моего господина, оставившего меня на пути, когда я заболел.

«И когда ему поклялись, он провел всех к лагерю захватчиков, которые, рассыпавшись по всей той местности, ели, пили и плясали по случаю своей великой добычи.

«Их поражали с рассвета до вечера следующего дня и не спасся из них никто, кроме 400 юношей, убежавших на верблюдах. И не пропало у воинов Пыла ни малого, ни большого, ни из сыновей, ни из дочерей. Все возвратил он. А когда он вернулся к 200 оставшимся сзади от усталости, некоторые злые и негодные люди из ходивших с ним говорили:

« — Не отдадим им ничего, кроме их жен и детей!

« — Не поступайте так, мои братья, — сказал им Пыл. — Какова доля ходившему в сражение, такова и оставшемуся при обозе. — И он поставил это в закон и в обязанность богоборцам до настоящего дня» (30,25).

Между тем готы с Верной Опорой напали на богоборцев на горе, убили сыновей царя Ада (Саула), и их стрельцы, сильные луком, погнались за ним.

« — Обнажи твой меч, — сказал он своему оруженосцу, — и заколи меня, чтоб не издевались надо мной эти необрезанные!

«Но оруженосец побоялся так сделать, и потому царь Ад сам бросился на свой меч. Так умер он с тремя сыновьями, с оруженосцем и со всеми своими ратниками в один день» (31,6).

В этом конце легенды о Сауле нет ничего невероятного. Тут мы видим даже новый шаг литературного творчества: отвлечение к другому предмету на самом интересном месте, чтобы поддержать интерес читателя. Когда царь готов увел юношу Пыла воевать против его же соотечественников-богоборцев, и ему, казалось, не было приличного выхода из такого гнусного положения, автор вдруг бросает его и, перескочив к царю Аду, — описывает его тревогу и вызов им через чародейку из подземного царства пророка Знамя Бога, который предсказывает ему гибель. Потом автор опять подводит рассказ к тому критическому положению, в котором он оставил Пыла. Как ему быть? Его законный царь выходит против готов, а он — его вассал, возлюбленный богом, оказывается в их рядах против него! Как выйти из этого критического положения?

И вот в тот самый момент полководцы готов сами протестуют против его участия в бою из опасения, что он им изменит, и отсылают его домой.

Оставив читателя снова в неизвестности, как пойдет бой, автор следит за возвращением Давида, который находит место своего жительства опустошенным, а женщин и детей уведенными в плен «захватчиками». Он гонится за ними, отбивает добычу, и автор, оставив его на этом заключительном акте, опять переходит к царю Аду и описывает его трагический конец.

Но, ведь, это, читатель, уже настоящий роман в зародыше! Правда, он очень коротенький, но тут употреблены все приемы новейших беллетристов.

Я могу допустить, что автор этого рассказа **первый** применил такой удачный метод поддерживать интерес читателя, увлекать его, как мы выражаемся, перерывом рассказа на самом интересном месте, чтобы потом подойти к нему снова через ряд других событий, приводящих к тому же положению через иных лиц.

Честь и слава автору библейской книги «Знамя Бога» в таком случае! Но для того, чтобы человек мог исполнить такой сложный замысел, он должен был предварительно уже много читать и привыкнуть комбинировать в своем воображении разнообразные положения. Допустить, как обычно делают, будто эта повесть написана (можете себе представить!) *в тысячу пятьдесят шестом году до начала нашей эры,* и за 3000 лет до нас, при чем вновь открытый метод интересного писания оставался без подражателей две тысячи пятьсот лет, вплоть до эпохи Возрождения, — это значило бы отвергнуть основные законы эволюции человеческого творчества, т.-е. отвергнуть все, что есть научного в исторических науках.

Такой рассказ не мог быть написан ранее средних веков, хотя материалы для его начала и были, повидимому, взяты из астрологических записей и наблюдений, сделанных действительно еще при Аврелиане.

Таким образом, это не история, а героический роман.

Подсказчиками фантазии служили здесь солнечные и лунные затмения, движения Марса и Сатурна по небу, их встречи и расхождения; повидимому участвовали здесь и метеориты, да и тучи помогали воображению, но, как и всякий исторический роман, — это не точное описание реальной жизни двух действительно существовавших людей.

Я изложил здесь большею частью подлинными словами все существенное в первой из двух книг, носящих название «Знамя Бога» (Саму-Ил по-еврейски). Хотя одноименное с ней лицо и фигурирует в ней, как один из героев рассказа, по писал ее, конечно, не он. Ведь в книге говорится о нем всегда в третьем лице, да кроме того его же там вызывают через колдунью и из царства мертвых. А из других действующих лиц царь Ад от его помазанья на царство вплоть до его смерти на собственном мече (что притом же будет далее опровергнуто!) совершенно исчезает в этом рассказе как историческая личность. Хотя он по нашим экстраполяциям и налегает хронологически на римского императора Аврелиана, но от истинной биографии последнего здесь осталось очень мало. Все ее детали наполовину подменены деталями жизни звездного мира в то время, да и сам царь Ад (Саул по-еврейски) на половину фантастическое земное существо и на половину планета Сатурн, низведенная на землю переводчиками, не имевшими понятия ни об астрономии, ни об астрологии. То же самое и юноша Пыл, или Возлюбленный (Давид по-еврейски).

Самое имя этой книги «Знамя Бога» есть просто заголовок беллетристического рассказа, в роде «Лунного Камня» Коллинза или «Войны и Мира» Толстого. Только с этой точки зрения ее и можно разбирать критически, стараясь определить, что в ней исторически правдоподобно и что нет, что удачно и что неудачно,

и нельзя ли из нее вывести общую характеристику той эпохи, когда эта книга была писана.

Прежде всего, обратим внимание, что как Саул, так и Давид были не такими как остальные библейские цари, в «Книге Цари», восходившие на престол обычным восточным путем, по наследству или вследствие завоевания. Они были **помазанниками,** т.-е. по-гречески **христами,** [1] которым пророки, всегда неожиданно для них, бывших в то время простыми гражданами, выливали на голову кувшин лампадного масла и этим освящали их.

Отмечу, что слово *помазанник* употребляется в Библии по отношению к священникам постоянно, а по отношению к царям всего только пять раз: обряд этот был произведен только над Саулом, Давидом, Соломоном, Азаилом (для Страны вождя, АШУР) и Ииуем (для богоборцев), и все они являются не исключительно светскими правителями, а теократами, как читатель уже мог убедиться из предшествовавшего изложения. Но если так, то эти легенды могли возникнуть только с того времени, когда церковь уже соединилась с государством, когда цари прибрежий Средиземного моря получили титул августейших (augustus), т.-е. священных, что, повидимому, началось в Римской империи только под влиянием вулканической деятельности Этны и Везувия и притом уже после начала нашей эры, когда культурный уровень населения на прибрежьях Средиземного моря был довольно высок.

ГЛАВА IV.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Да позволит мне читатель завершить этот мой критический разбор зачаточного романа о царе Аде несколькими замечаниями общего характера, без которых все рассказанное осталось бы, как картина без фона.

В основе всякой государственной эволюции лежат три фактора: 1) психическая эволюция человеческого организма, выражающаяся в усовершенствовании его мозга и в увеличении его знаний; 2) экономическая эволюция, зиждущаяся на развитии техники, и 3) гражданская эволюция, выражающаяся в объединении народов посредством общего нормирования правительствами их гражданственности. Руководящая роль между ними всегда принадлежит психической эволюции, как фактору чисто биологическому, возникшему еще до появления на земле человека.

[1] В английском переводе их называют anointed, во французском oint, в немецком Gesalbte.

Головной мозг животного, а не руки и ноги их, является инициатором всякого усовершенствования в индивидуальной и общественной жизни как животных, так и человека, но мозг может осуществлять свое творчество, только опираясь на ноги и руки и на все предшествовавшие общественные усовершенствования жизни, поэтому и эволюция культуры является результатом взаимодействия между этими тремя факторами. Как для того, чтобы выбраться из топкого болота, в котором вы увязли, вам необходимо по очереди опираться то на одну ногу, чтоб вытащить немного другую, то на другую, чтоб немного вытащить первую, то действовать руками, чтоб вытащить обе ноги, и ногами, чтоб вытащить обе руки, так и в общественной эволюции приходится поочередно опираться на каждый из трех перечисленных факторов. Но как без участия своего мозга вы не сделаете ни руками, ни ногами целесообразных движений и не выберетесь из болота, а только будете барахтаться на месте, так и в государственной эволюции ни один народ не сделает ни шага вперед без постоянного усовершенствования мыслительного органа составляющих его индивидуумов, или, по крайней мере, их правящей части, и потому понятно, что все катастрофические перевороты в жизни великих государств, не зависящие от сейсмических причин, происходили только тогда, когда мыслительный орган правителей отставал от жизни, зацепившись за устаревшее мировоззрение.

Тогда неизбежно совершалась революция, в окончательном результате которой был всегда лишь скачок вперед, а не гибель испытывавших ее народов.

Совсем не то мы находим в современных курсах древней истории.

Читая их, мы видим, что все они стоят еще на той же точке зрения, на какой стояла геология до Чарльза Ляйелля (1797—1875), т.-е. держатся теории гибельных катастроф, бла-

годаря которым в той или другой высоко-культурной стране погибала от собственного внутреннего переутомления всякая культура, и, взамен одичавшей страны, какая-нибудь другая повторяла чуть не с самого начала все, сделанное в ней.

Но точно ли древняя история подчинялась другим законам, чем современная? Мы имеем все причины не доверять этому и скорее заподозреть неправильность представлений о прошлой жизни людей у наших первоисточников и, прежде чем поверить им, подвергнуть их самих строгой критической проверке.

Прежде всего мы должны основательно знать, где хранятся самые древние рукописи наших первоисточников по древней истории? Как велика их древность сравнительно с событиями, о которых они говорят? Как определили древность их самих? Вот хотя бы книги Тита Ливия, Фукидида, Тацита, Плиния, Сократа-Схоластика и других, из которых переписывают сообщения современные историки. Их *древних* рукописей (да и всех, вообще, имеющихся у нас исторических первоисточников) нигде на свете нет, а чаще всего существуют только печатные издания, при чем рукописи, с которых производился набор, бесследно «пропали», т.-е. явно были *уничтожены* владельцами после их напечатания.

Отсюда ясно, что владельцы совсем не дорожили ими, как реликвиями, переходившими из рода в род... Но это могло быть лишь в том случае, если сами рукописи были недавнего происхождения, и их не жалко было отдать в руки наборщиков, хотя и ясно было, что те их испачкают типографскими чернилами и попортят при наборе.

Эта психологическая несообразность сразу должна насторожить внимание их исследователя, особенно после того, как стало известно всем, занимавшимся этим предметом, огромное количество апокрифической литературы в эпоху Возрождения и такой же литературы первых веков книгопечатания, показывающее, что писатели того времени прекрасно владели классическим греческим и латинским языками, на которых все это писалось, и их собственных сочинений нельзя отличить по слогу от тех произведений, которые считаются подлинными, а только «по анахронизмам».

Вот почему при оценке достоверности первоисточников я и стал здесь руководиться не палеографией, не дающей одно-

родного почерка для передовых и отсталых местностей того же века, а главным образом тем, насколько все излагаемое в этих документах согласно с общими законами умственной эволюции человечества, с геофизическими и климатическими условиями местности, в которой происходит действие, с уровнем местной техники и знаний. В период первого скептицизма, продолжавшийся до моего осуждения по процессу 193-х в начале 1878 года, я уже написал несколько статей по этому предмету и вынес их под подкладкой моего пальто при освобождении в 1878 году, но все мои рукописи были потом сожжены во время обысков и арестов моими друзьями, которым я их отдавал на хранение, или исчезли неизвестно куда во время превратностей моей тогдашней «нелегальной» жизни.

Общий же характер изложенных в них идей заключался в том, что все три только-что поименованные эволюции — умственная, гражданская и экономическая — должны были неизбежно пройти через период авторитаризма в таком виде: 1) всякая человеческая гражданственность, основанная на равноправии, должна была, возникнув из хаоса индивидуальных стремлений, предварительно пройти через светский деспотизм; 2) всякая свободная умственная деятельность, основанная на самодовлеющей критической оценке всего изучаемого каждым отдельным умом, должна была, возникнув из хаоса разрозненных и большею частью ошибочных сведений, притти путем победы одной ошибочной теории над всеми другими к периоду духовного самодержавия (авторитаризма) и, только преодолев его, умственная деятельность могла сделаться окончательно свободной, и 3) всякая свободная общественная организация труда, возникнув тоже из хаотического индивидуального производства, должна была пройти через авторитарный, сначала рабовладельческий, потом капиталистический, строй, запоздав в этом отношении, сравнительно с эволюцией двух первых факторов, именно потому, что она в одно и то же время и их крыша, и их фундамент.

По этой теории эволюционирующая человеческая культура Европы, возникнув, благодаря удобным для нее географическим и климатическим условиям, в Греческом Архипелаге, как колыбели торгового мореплавания, перебросилась потом с одной стороны в долину реки По в Италии и на берега Мраморного моря, где должна была сначала опереться, главным образом, на ското-

водство, так как для земледелия в этих странах не было еще найдено удобных способов добывания из руд железа, а без него оно не оправдывало затраченного труда, а с другой стороны в долину Нила, в которой было можно прямо бросать зерна в нанесенный рекою ил и начать первичное земледелие. А вне долины Нила первичное земледелие и садоводство должно было существовать лишь как дополнение к скотоводству, и мучные продукты представляли лакомство даже и в то время, когда Кипр и Испания достигли цветущего состояния благодаря медным и оловянным рудникам, создавшим «бронзовый век».

Но вот в Средней Европе, около VII века нашей эры, была изобретена человеческим гением доменная печь для массовой выплавки чугуна из руд и для приготовления из него стали и железа. Она не была, повидимому, нигде открыта ранее этого времени, так как мы не имеем до сих пор никаких достоверных памятников, указывающих на употребление железа для древних построек или земледельческих орудий ранее этого времени, хотя метеорное железо и железо как драгоценный металл (ценнее золота) могло быть известно и много ранее. Эта печь, сделав железо и сталь доступными для широкого применения, подняла человеческую культуру на земледельческую стадию, и центр тяжести ее перенесся на плодородные, при условии хорошей распашки, равнины Средней Европы, на берега Рейна и Дуная, и, вместе с тем, возникла в Ахене, «в день Рождества Христова» 25 декабря 800 года», Западно-Римская империя Карла Великого, после того, как он принял от папы Льва III императорскую корону, а из нее в X веке возникла и священная (т.-е. августейшая) Римская империя, существовавшая до 1806 года, с миропомазанным церковью императором, как наместником бога на земле по светским делам, почти наравне с римским папой, хотя столицей ее и не был Рим. Рим был совершенно непригоден для мировой столицы в стратегическом отношении, тогда как были очень удобны для нее именно берега Рейна и Дуная с плодородными равнинами по всему их бассейну, с хорошими стратегическими путями по всему европейскому континенту для подвоза, куда нужно, войск, и с близостью Богемских гор, богатых железом, серебром, свинцом, гранатами, топазами, сапфирами, рубинами, как удобными продуктами торговли. Припомним, что в «Московской Руси» австрийский император назывался не иначе как цесарь, а Австрия называлась Цесария. Оттуда же и немецкое слово Kaiser.

Таким образом, идя перспективно в глубь времен, от более известных нам поздних лет к менее известным давним, мы находим, как и следовало ожидать по геофизическим соображениям, центры гражданского объединения народов путем централизации их политической власти,—один на Рейне со Страссбургом и другой на берегах Дуная со столицей в Вене или Буда-Пеште, с помазанником божиим, императором, имеющим титул августейшего (augustus), т.-е. священнейшего, и с правами на священство. Вот почему в средние века так называемая «Римская Империя» имела в итальянском Риме только своего духовного помазанника—папу, а светский помазанник и центр его военной власти находились очень далеко от него, сначала на Рейне, а потом на берегах Дуная, на которых вплоть до конца великой европейской войны еще существовало большое и сложное самостоятельное государство Австрия, а от прежней Римской империи осталась Романия (Romania), или по нашему Румыния, как пережиток «прежней священной Римской империи». Таким образом, «железный светский Рим» Карла Великого вырос действительно на железных рудах Эльзаса и Богемии и на изобретенных в последней огромных доменных печах для сложной выплавки чугуна, стали и железа, не столько как материала для мечей, сколько как средства для приведения необозримых плодородных равнин этих стран с их мягким климатом в земледельческое состояние.

А духовный клерикальный Рим, т.-е. римско-католическая церковь, могучий когда-то своим моральным воздействием, пока поддерживал его своим огненным столбом отец его, Везувий, остается в виде пережитка и теперь в его соседстве. Но это уже тень прежнего могущества.

До сих пор у нас все выходит соответственно геофизике и не возбуждает сомнения. В светской Римской империи конца средних веков столица была там, где и полагалось ей быть по стратегическим соображениям,—на берегах Дуная, а религиозный центр духовной Римской империи был там, где тоже было для него вполне подходящее место,—в Риме, к которому привел в конце III века Моисея-Диоклетиана, а с ним и Констанция-Давида столб огня и дыма, поднявшийся из Везувия при его извержении.

Значит, «в день Рождества Христова 25 декабря 800 года» мы видим в Ахене не что иное, как акт фактического отделения центра светской власти от центра духовной, благодаря положению последнего в стратегически неудобном пункте, в Риме. Как только Везувий замолчал надолго с 512 года, и суеверный страх перед богом Громовержцем, имевшим своего наместника в Риме, ослабел, а плодородные равнины Средней Европы начали приносить богатые урожаи благодаря доменным печам, тогда и римскому папе ничего не оставалось делать, как короновать себе гражданского соправителя.

Карл Великий именно и получил свое прозвище «Великий» потому, что жил не в Риме, а на хорошем стратегическом пункте, где он установил рейхстаг и откуда распространял школы и церкви по стране и созывал к себе ученых, которым не менее покровительствовал, как и торговле и промышленности.

В его время Константинополь все еще был столицей Восточной Римской империи, тоже называвшей себя просто Римскою, и там царствовала Ирина, восстановившая незадолго до него, в 787 году, иконопочитание после периода иконоборства при императоре Льве, и эта Восточно-Римская империя имела тоже итальянский Рим своим религиозным центром, так как отделение от нее Востока произошло только в 1054 году, когда Восточная Римская империя (которую стали называть на Западе просто Византией) отказалась признавать своего верховного главу в папе, живущем в отдаленной области, вулканические чудеса которой отчасти прекратились, а отчасти перестали вызывать суеверный ужас.

В таком виде мы и прослеживаем обе «Римские Империи» в глубь веков до 420 года нашей эры, когда страшное извержение Везувия произвело анархию в Италии и вызвало ее завоевание Теодорихом Готским.

А что же было ранее этого? Раньше было нечто непонятное с обычной точки зрения, рассматривающей «римскую империю», вплоть до Аркадия и Гонория, как сильное военное государство, потому что оно не могло быть таким до изобретения доменных печей, да еще с центром в Риме, никуда не годным в стратегическом отношении, особенно для того времени.

Совсем другое дело, если мы допустим, как я это сделал во втором томе «Христа», что это было не военное, а клерикальное государство, основанное на суеверном ужасе перед извержениями Этны и Флегрейских полей Италии и перед живущим на Везувии ужасным богом Громовержцем, летающим повсюду на грозовых тучах и мечущим везде свои молнии на непокорных.

Этот бог Громовержец, в существовании которого никто тогда не сомневался, мог действительно охранять своих «помазанников» вернее, чем все железо богемских рудников, и они с небольшими отрядами могли гулять, где хотели, и все встречные падали перед ними ниц, пока продолжался этот гипноз.

Аврелиан, повидимому, первый использовал суеверное чувство для создания могучей клерикальной империи, а его преемники достигли необычайной силы, благодаря начавшейся деятельности Везувия.

Значит империя Аврелиана и Констанция Хлора была — клерикальная империя. Их власть была такой же, как власть пап, но только сильнее, потому что с нею ничто не конкурировало, и если для поддержания ее они и должны были постоянно путешествовать на Восток и даже иметь резиденцию в Константинополе или Александрии, то для триумфов и коронаций приезжали в Италию, и там был их сенат и главная моральная опора. Но и в их время Рим был лишь моральной столицей того же рода как и теперь.

Значит и вплоть до Аврелиана (270 — 275) все у нас выходит естественно и потому не возбуждает подозрений, но с этого момента, идя в глубь веков и прочитывая относимые сюда первоисточники, начинаешь чувствовать, как-будто с твердой почвы перешел вдруг на топкое болото, где кто-то бродил по всем направлениям, отыскивая путь, но так и не нашел.

Ясно только одно: если первый римский император, с путанным именем Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, и его преемники: Клавдий, Нерон, Веспасиан, Тит, Домициан, Траян, Адриан и т. д., действительно существовали и не были чем-то в роде римских пап, царствовавших «милостию божиею», а не «силою оружия», то для того, чтобы поддерживать свою власть над всеми прибрежьями Средиземного моря, они **не могли иметь столицей итальянский Рим,** а имели столицу где-то в другом месте и непременно на восточной половине Средиземного моря. Иначе с ними вышло бы то же, что выходило и потом каждый раз, когда Италия отделялась от крупных стратегических центров на Востоке,

т.-е. вся империя осталась бы с одним Аппенинским полуостровом и под вечным страхом своих соседей. Светская империя могла быть тогда, до изобретения ковки железа, экономически основана лишь на скотоводстве и морской торговле. Но для скотоводства Понтийские болота Римской области мало пригодны, а утверждению средневековых историков, будто в древности эти болота «были густо населены», противоречит их почва, которую не может осушить даже современная техника и которую тогда могли густо населять лишь лягушки. А для всемирной морской торговли Римская область не дает удобных гаваней. По суше же из этого континентального угла пришлось бы для путешествия на богатый Восток делать каждый раз крюк чуть не через Швейцарию. Да и чем было бы отсюда торговать? Это был уголок земли, совершенно невозможный для возникновения тут центра мирового владычества или мировой торговли.

Все это длинное отступление в историю священной Римской империи вспять от 1806 года, когда это название окончательно исчезло из употребления, сделано мною, главным образом, для того, чтобы выяснить, откуда и когда установилось за земными царями звание помазанников божиих, т.-е. августов — по-латыни, христов — по-гречески и моисеев — по-еврейски.

Исключив всякие фантастические экскурсии в «глубокую древность», возьмем только надежные источники, и мы увидим, что это название берет свое начало только в христианский период и установилось лишь с тех пор, когда императоры священной Римской империи ездили из своих столиц в Рим лишь для того, чтобы тамошний наместник бога помазал их на царство при трубном звуке тамошних вулканов. И сама империя стала называться «римской», вероятно, лишь оттого, что ее императоры получали оттуда, так сказать, мандаты от бога на свое воцарение на земле, чтобы быть царями царей (или князей того времени).

С этой точки зрения и легенда о царе Пыле, или Давиде, как помазаннике божием, могла возникнуть лишь в то время, когда священники бога Громовержца и Потрясателя земли, жившие у его трона на Везувии и Этне, стали помазывать императоров на верховную власть.

Какое высокое значение придавал званию царя автор книги «божие Знамя» (по-русски вторая книга Царств), мы видим из

начала ее второй части, которое поправляет рассказ первой части о том, будто царь Ад (Саул) окончил жизнь самоубийством, бросившись на свой меч, а не был убит приближенным, как Аврелиан.

«Пришел человек,— говорит она,— из стана царя Ада в разорванной одежде и с пеплом на голове и пал на землю перед юношей Пылом.

« — Откуда ты пришел? — спросил тот.

« — Спасся бегством из богоборческого стана.

« — Что там случилось? Расскажи мне, пожалуйста.

« — Побежал народ со сражения, и множество пало и умерло, даже царь Ад с его сыном «божиим Даром.

« — Как узнал ты, что они умерли?

« — Совершенно случайно: я пришел на гору, и вот царь налегает на свое копье, а колесницы и всадники врагов настигают его. Оглянувшись назад, он увидел меня и позвал: «Упади, пожалуйста, на меня и умертви. Смертельные страдания я испытываю, а душа еще во мне». Я замахнулся и умертвил его, так как знал, что он уже не будет жив. Я взял венец с его головы и запястье с его руки и принес сюда тебе, мой государь».

Атаман Пыл схватил свои одежды и разорвал их, то же сделали и бывшие с ним люди. Они все стонали и плакали.

« — Как ты не устрашился поднять руку свою на помазанника божия? — сказал вестнику Пыл. — Кровь твоя на голове твоей, твои собственные уста свидетельствовали против тебя, когда ты говорил, что убил помазанника божья.

«Он подозвал одного из служителей и приказал ему:

« — Убей его.

«И умер вестник» (II, 1—14).

«Тогда оплакал Пыл царя; он запел такую плачевную песнь:

Какая знаменитость
Поражена на твоих высотах, богоборец!
Как пали доблестные!
О, горы Швейцарские![1]
Да не будет на вас ни росы, ни дождя,
Ни полей плодоносных!
Потому что на вас опозорен доблестный щит царя,
Как еслиб царь не был помазанником божиим!

---

[1] גלבע (ГЛВЭ) — Гельвеция, Швейцария.

Дочери богоборцев,
Плачьте о царе,
Который одевал вас в багряницу
И возлагал на ваши наряды золотые украшения!
Как пали доблестные
И как погибли боевые доспехи!» (II, 1, 27).

Читатель сам видит, насколько все это правдоподобно. Какой древний или новый претендент на престол стал бы убивать вестника, нанесшего последний удар его смертельному врагу и притом по его же собственной просьбе! И кто, получив такую весть, не нашел бы лучшего способа выразить свое горе, как импровизируя экспромтом плачевную песнь? Я думаю, что даже сам Шаляпин не догадался бы выразить так свое горе по получении им известия, например, о неожиданной смерти тенора Мазини, вставши немедленно в трагическую позу и запев:

Какая знаменитость
Поражена на театральных подмостках!
Да не будет на них более ни росы, ни дождя и т. д.

И разве не расхохотались ли бы все присутствующие, слыша это?

Но для наивного составителя легенды вся эта психологическая неестественность оставалась незаметной, а для наивного средневекового читателя, не ясно представляющего себе то, что он читает, это пение казалось даже чрезвычайно трогательным:

— Какой он был добрый и кроткий, этот царь Пыл! Пожалел своего врага!

Все это, опять повторяю, не историческая реальность, а фантазия. Для нас в ней важно лишь отношение автора к царям, как к помазанникам божиим, как к августейшим (священнейшим) особам, к которым ни при каких обстоятельствах не может прикоснуться рука простого смертного, хотя бы они были бесноватыми, как сам Ад, и если бы даже сами умоляли об ускорении своей смерти в предсмертных мучениях! Такое отношение к императорам может быть объяснено лишь крайним ужасом перед будто бы поставившим их на царство богом Громовержцем и потрясателем земли.

Это психика не древних, до-клерикальных народов; это средневековая психика.

ГЛАВА V.

ЦАРЬ ПЫЛ.

(Фантастический прото-роман о возлюбленном царе.)

Начнем и здесь с наших исторических апперцепций из жизни и деятельности Констанция Рыжего (Хлора) «верховного императора Римской империи», отметив прежде всего, что Констанций (по-испански Constante, по-французски Constant) значит стойкий, то же что и Кесарь (קשר) по-еврейски. [1]

Он был,— говорят нам средневековые историки,—с 293 года западным соправителем Диоклетиана, жившего на Востоке. В 298 году он разбил аллеманов при Лангре и Виндонисе. Потом сделался верховным императором на один год (305—306) и умер в 306 году, уступив престол одноименному с ним сыну Константину Великому (оба имени значат по-гречески одно и то же: стойкий, и не различимы по-еврейски, так что в Библии жизнь Константина легко могла быть принята за продолжение жизни Констанция Рыжего, и тогда вместо года царствования у него выйдет 30 лет после смерти Диоклетиана, да и при нем лет десять). Припомним также, что прежде, чем достигнуть единодержавия, он должен был в 312 году (при Юпитере в Стрельце и Сатурне между Стрельцом и Козерогом) завладеть Италией, победив Максенция, а затем еще в 323 году (при Сатурне в Тельце и Юпитере в Раке) победить неподчинившегося ему Люциния.

Двойник Констанция Хлора Гай Юлий Цезарь (т.-е. святой божественный царь), [2] апокрифированный в I век до начала нашей эры, был сначала светско-духовным тронным судьей (aedilis curulis) и получил потом звание претора (praetor curulis), что обозначало исповедника, как это видно из сохранившегося до сих пор в итальянском языке слова prete — священник, французское prêtre.

Значит, Юлий Цезарь был сначала лицо духовное и притом высшего сана, так как преторы, кроме своего трона (seda curulis),

---

[1] קשר (КШР) — стойкий (латинское Констанций), откуда и слово Кесарь, по-итальянски Чезаре (Cesare), в латинском Caesar.

[2] АЛЕ (אלה) — бог, греческое Элиос-Феб.

носили еще белую мантию с пурпурной каймой, называвшуюся toga praetexta, и два ликтора несли перед ними, при выходах в городе, пучки розог с топорами, воткнутыми в середине в знак власти карать грешников и преступников, и шесть таких же ликторов предшествовали им при поездках в провинцию. При вступлении в должность каждый претор издавал свой эдикт (т.-е. буллу) совершенно так, как и римские папы до последнего времени, и собрание этих булл составило потом кодекс преторского права (jus praetorium). Таков был первоначально Юлий Цезарь, которого я отожествляю, по астрономическим вычислениям небесных явлений при его жизни, с Констанцием Хлором. Его же я (после многих колебаний) склонен считать и поводом к созданию легенды о царе Пыле (Давиде), тем более, что ко времени смерти Суллы-Саула Юлию Цезарю было только двадцать два года, а продолжением его был Октавиан Август, соответствующий Константину I.[1]

Итак, Юлий Цезарь, прежде чем стать светским вождем народа, был сначала (как и Моисей) священником (prêtre). Потом он получил звание «Утешителя», console по-итальянски, откуда и произошло потом латинское слово consulus, тогда как у себя на родине, в Италии, это звание и до сих пор имеет смысл простого «утешителя».[2]

Как символ власти утешать перед божественным царем (т.-е. Юлием Цезарем) ходили после возведения в «Утешители» уже не два, а двенадцать ликторов с пучками розог, в которых вставлено двенадцать топоров, вероятно по числу двенадцати народностей империи и по числу двенадцати знаков Зодиака. Соответственно тому, как Констанций Хлор управлял империей в соправительстве с Диоклетианом и Галерием Максимианом,[3] так и Юлий Цезарь в соправительстве с Помпеем и Крассом.

Соответственно покорению Констанцием Хлором «аллеманов», т.-е. французских немцев, и Юлий Цезарь покоряет Францию,

[1] См. «Христос». Первая книга, ч. III, гл. III.

[2] Consolare — утешать, a consolato — значит сразу и утешенный и консульство.

[3] При чем Максимиан по недоразумению отделен от Галерия в особого соправителя под именем Marcus-Aurelius-Valerius-Maximian, а за Галерием оставлены прозвища Gaius-Aurelius-Galerius-Maximian, и таким образом из триумвирата сделан тетравират.

дважды переходит через Рейн и вступает даже в Британию. При нем же Созиген провозглашает Юлианский календарь.

Поссорившись с Помпеем, — говорит нам сказанье, — он разбил его приверженцев в Греции на берегу Эгейского моря, в Испании и в Африке; назначил Клеопатру египетской царицей под главенством Рима, усыновил сына своей сестры Гая Октавиана и, наконец, 15 марта был убит «Скотиной и Дрянью».[1] Но уже самые имена убийц заставляют сомневаться в том, чтоб это были люди, а не звери. А относительно царя Пыла-Давида я думаю теперь, что в первой книге «Знамени Бога» это одна из исторических апперцепций Юлия Цезаря (Констанция Хлора), как соправителя Диоклетиана, потому что все, что я уже рассказал о его воинственности, соответствует этому предположению. А во второй книге «Знамени Бога», составленной независимо от первой и только связанной с нею литературным переходным мостиком, царь Пыл списывается уже, как-будто вместо Констанция, со следовавшего за ним Константина Великого. Как и последний, он устанавливает священство и алтарь завета в городе Святого Примирения у подошвы Везувия, и его город назывался первоначально Вюз, или Ивнс (ИЕ-ВИС), откуда и название бога Громовержца Je-Vis (сокращенное ИЕВЕ), а также и слово Византия, которое перешло потом на Восточную империю. А легенда о том, что это был город-предшественник Константинополя и на том же месте, основанный будто бы «за 658 лет до начала нашей эры некиим Византом (Bysantus), сыном Посейдона, бога морей, главой переселенцев из Милета», конечно, не имеет для нас исторического значения.

Он также поражает германцев, называемых в Библии готами (ГТ — откуда слово готический стиль), сначала делает своей границей «Миц-Римскую реку», т.-е. теперешнюю реку По в Ломбардии (древний Эридан-Иордан), потом доводит границу до реки Прута (ПРТ), как, вероятно, назывался весь Дунай, а не один его приток, захватив перед этим город Династического Правления (Дармаск — Будапешт или Вену). Семь лет он царствовал в Хеб-Роне и тридцать три—в городе святого Примирения (Вюзе-Везувии).

[1] Брутом и Кассием, при чем Bruto по-итальянски и теперь значит скотина, а Casso — дрянь, ничтожество, вульгарно — говно.

Рассмотрим же и второй отдел сказаний о нем, составляющий вторую книгу «Знамени Бога». Прежде всего мы находим в ней явно астральное место, где небесные явления вписаны в его биографию.

«— Вступить ли мне в богославный город *(в Овна)*? — спрашивает Марс *(символизирующий Давида)*, подобно Юлию Цезарю, собирающемуся перейти через Рубикон.

«— Вступи, — ответил ему Громовержец.

«— Куда итти?

«— К Друзьям *(Близнецам)* [1] (II Сам., 2, 1).

«А между тем Отец Света, сын Сияния, начальник войска царя Ада *(Сатурна)*, взял Срамника, [2] сына Ада *(созвездие Скорпиона)*, и воцарил его *(как Максенция)* в месте Остановок [3] над всеми богоборцами *(солнце короновало собою это созвездие в Наяборе)*» (Сам. 44, 2, 10, 11).

Произошло сражение между обоими царями с романтическими подробностями (в символе огнемета геминид бывшего тогда 18 ноября юлианского стиля, теперь 10 декабря нового стиля) и с разговорами. Сначала двенадцать юношей вступили друг против друга попарно *(в символе Близнецов)* и разом вонзили ножи *(метеориты)* друг другу в бока, а затем богославные воины царя Пыла совершенно разбили богоборцев, потеряв только 20 человек, тогда как богоборцы потеряли 360, по числу градусов в окружности неба (II Сам., 2, 31).

Потом «Возничий и Бороздящий *(Телец)*, военачальники Срамника, вошли в его дом, как бы для покупки пшеницы, во время полуденного зноя, когда он спал, и отсекли ему голову в постели (закатное солнечное затмение в Тельце, как раз под отсеченной головой Медузы, было 6 мая 319 года, при чем солнце в Риме зашло отрезанным луною на $^5/_6$ своего диаметра). «Они шли с головою всю ночь и принесли ее *(в виде взошедшей головы Медузы)* к царю Пылу *(в созвездие Овна, дом Марса, взошедшее на рассвете, где был и сам Марс)* со словами:

[1] חברנה (ХБРНЕ) — сотоварищество, друзья, толпа, созвездие Близнецы.

[2] Это оригинальное двойное имя איש־בשת (АЙШ-БШТ) — муж Срама, перековеркано теологами-переводчиками в Евосфея, неизвестно почему.

[3] מחנים (МХНИМ) — остановка.

«— Вот голова врага, искавшего твоей души.

«— Жив Громовержец, спасший мою душу от всех бедствий! — ответил им царь Пыл. — Но если вестника о смерти царя Ада я умертвил, то еще более поступлю так с людьми, убившими невинного человека в его постели.

«Он приказал своим слугам убить их, отсечь им руки и ноги и повесить у пруда Друзей, а голову Срамника похоронить в гробнице Отца Света» (II, 4, 12).

И вот, — говорит легенда, перескакивая от небесного к символизируемому им земному, — старейшины богоборцев «снова помазали юношу Пыла в цари над всеми двенадцатью богоборческими народами (II, 5, 7). Он шел все дальше и выше, взял еще много наложниц и жен, и бог небесных воинств *(планета Марс)* [1] шел вместе с ним» (II Самуила, 5, 10).

Мы видим здесь, как царь Пыл, начавшись астрально в виде планеты Марса, начал в этой волшебной сказке превращаться в легендарного земного царя, лишь покровительствуемого этой планетой, в историю которого стали примешиваться детали из биографии жившего в это время латино-эллино-сирийско-египетского императора Константина I, заменившего как во сне во второй книге «Знамени Бога» одноименного с ним Констанция I. Далее этот процесс вочеловечения Марса продолжается еще глубже.

Вот, например, рассказ в духе Мопассана:

«При наступлении нового года *(т.-е. в марте, месяце Марса)*, — продолжает эта суставчатая легенда, — когда цари выходят на войну, царь Пыл встал под вечер со своего ложа и, прогуливаясь по крыше своего дома, увидел оттуда купающуюся женщину *(в символе Венеры среди созвездия Рыб?)* очень красивую видом, по имени Светлана из Семи, [2] дочь божьего народа, [3] жену божьего Рассвета. [4] Он послал нарочных привести ее к себе, и спал с нею эту ночь, а потом она возвратилась в свой дом и через несколько времени послала сказать ему:

«— Я беременна» *(Венера перешла в созвездие Близнецов)*.

[1] По-библейски אלהי־צבאות (АЛЕИ-ЦБАУТ) — Бог Воинств.

[2] בר־שבע (БР-ШБЭ) — Светлая Седмица, или степь семи.

[3] אלי־עם (АЛИ-ЭМ) — бог народа.

[4] אור־יה (АУР-ИЕ) — Рассвет бога Громовержца.

Как ему было поступить? Ему захотелось устроить так, чтоб Рассвет, его полководец, подумал, что это его собственный ребенок.

Он послал за ним, бывшим в походе, и, расспросив его, когда он явился, о ходе войны, сказал:

«— Ступай теперь к твоей жене и вымой дома ноги».

Но Рассвет не пошел к жене, а переночевал у входа во дворец царя, вместе с его слугами.

«— Разве не с дороги ты пришел? — сказал ему царь на следующее утро. — Почему же не пошел ты домой?

«— Клянусь твоей жизнью, — ответил ему Рассвет Громовержца, — я не сделаю такого поступка. Могу ли я итти в свой дом, чтоб пить и есть и спать со своею женою, когда богоборцы и богославцы находятся в походных палатках?

«— В таком случае побудь в городе еще и сегодня, — сказал ему царь Пыл. — А завтра утром отправляйся.

«Он пригласил его к своему столу и напоил до-пьяна. Но Рассвет все-таки не пошел к жене, а переночевал со слугами царя».

Как видит читатель, лукавый прием выдать свое дитя от Светланы за ребенка Рассвета не удался. И вот царь Пыл *(он же благочестивый Давид)* придумывает такой, совсем уже не астральный, способ выйти из своего неловкого по отношению к слуге положения. Он послал с ним же письмо своему главнокомандующему в походе, Богоотцу,[1] в котором написал ему:

«— Поставь его на месте самого жестокого сражения, и потом все отойдите от него, чтобы он умер».

Так и было сделано, и посланник Богоотца вскоре написал царю Пылу:

«— Мы гнались за твоими врагами до входа в ворота их города, а их стрелки стреляли в нас со стены.

«Так погиб Рассвет, из готов» *(поясняет автор, чтоб его иностранное происхождение менее смущало читателя)*.[2]

«— Передай Богоотцу, — сказал царь Пыл посланнику, — чтоб он не считал этого события бедою. Меч врага пожирает то одного, то другого».

---

[1] יואב (ЙУ-АБ) — Бого-отец.

[2] חת (ХТ) — ужас, то же что גת (ГТ) — гот. Я считаю это имя за название готов, так как отношу время рассказа к V или VI веку нашей эры, тем более, что далее (II Самуила, 15, 18 — 19) Давида сопровождает отряд иностранцев готов (גת), где ח уже заменено через ג.

«А когда прошло время траура у вдовы Рассвета, царь Пыл велел взять ее в свой дом *(Марс лег спать, т.-е. закатился, рядом с Венерою)*, и она стала его женою» (II Сам., II, 27).

Читатель сам видит, что если здесь купанье красавицы да и самое ее имя «Светлана среди Семи» взяты из астралистики, то все же окончание рассказа очень похоже на то, что делали в таких случаях старинные правители со своими верными слугами. Здесь сцена действия романа как будто переходит с неба на землю, и только по временам снова поднимается на него. Царь Пыл — прежний Марс, а теперь лишь покровительствуемый им Константин I, — начинает представляться не бесстрашным воином, как в первой книге «Знамя Бога», где он списан еще с Констанция I, а типическим лицемером, тайно посылающим, с одной стороны, на убийство преданных ему слуг и явно приказывающим, с другой стороны, казнить тех, кто «осмелился поднять руку на помазанника божия», хотя и злейшего своего врага, и поющий о нем, как дурной актер, плачевную песнь, хотя в глубине души он и не мог не радоваться его исчезновению с житейской сцены.

Однако, на этот раз и Громовержец не похвалил его.

«Пророк по имени Поставленник, — продолжает далее вторая книга «Знамя Бога» (12, 1), — пришел к нему и сказал:

«— В одном городе были два человека — богатый и бедный. У богатого было много овец, а у бедного ничего не было, кроме одной овечки, которую он вырастил со своими детьми. Один кусок она с ним ела, из одной чашки пила, спала на его груди и была ему как дочь. Но к богатому человеку пришел гость, и он пожалел угостить его своими овцами, а взял овечку у бедного человека.

«— Жив Громовержец! — воскликнул, разгневавшись, царь. — Этот человек повинен смерти, а за овцу он должен заплатить четверых.

«— Ты этот человек, — ответил ему Поставленник, — и потому не отступит меч от твоего дома вовеки. Так говорит Громовержец: как ты взял жену Рассвета, так я возьму твоих жен и отдам твоему сопернику, и он будет спать с ними явно, перед солнцем.

«— Согрешил я перед Громовержцем, — сказал раскаявшийся царь Пыл.

«— За твое раскаянье,— ответил тот,— Громовержец отпускает тебе твой грех. Но сын, родившийся у тебя от нее, непременно умрет».

Поставленник пошел домой, а дитя тотчас тяжко заболело.

И вот царь Пыл поступает опять очень оригинальным способом:

«Он стал молиться о ребенке, постился, проводил ночи, лежа на голой земле, не хотел встать, несмотря на уговоры. Он ничего не ел, так что, когда на седьмой день дитя умерло, слуги думали:

«— Как ему сказать? Будет с ним беда!».

Но, увидев, что слуги шепчутся, царь понял в чем дело.

«— Верно умерло дитя? — спросил он.

«— Умерло.— ответили ему».

И он тотчас встал с земли, умылся, намазался маслом, переменил одежду и пошел помолиться в доме Громовержца, а вернувшись, велел подать себе есть.

«— Что значит, что ты так поступаешь? — сказали ему слуги. — Когда ребенок был жив, ты постился и плакал, а когда он умер, ты встал поесть.

«— Я думал тогда,— ответил царь Пыл,— что Громовержец помилует меня и оставит дитя в живых. А теперь, когда дитя умерло, зачем мне поститься? Могу ли я возвратить его?

«Он пошел, утешил Светлану Семи, проспал с нею эту ночь, и она родила ему *(в символе Юпитера, проходившего через Деву в 320 году)* другого сына, которого назвала Миротворец *(Соломон по-библейски)*. Его возлюбил Громовержец и дал ему через своего пророка Поставленника имя Давидий, т.-е. Возлюбленный Громовержцем [1]» (II Сам., 12, 25).

Так беллетристически родился от чужой жены третий и последний из легендарных обще-богоборческих царей, знаменитый Соломон, которому по легенде суждено было выстроить земной храм богу Громовержцу, а до него, очевидно, молились под открытым небом.

В то же самое время главнокомандующий Давида «Богоотец» взял город язычников, [2] прижитых по легенде Лотомлатинянином от одной из его дочерей, и присудил их быть пильщиками, молотобойцами, дровосеками с железными топорами и посылал их в печь для обжигания кирпичей» (II Сам., 12, 31).

---

[1] ידידיה (ИДИД-ИЕ) = דידיה (ДИД-ИЕ)—Возлюбленный Громовержца.

[2] עמון (ЭМУН) — от корня עם (ЭМ) — народ. Мне кажется, это то же, что евангельское ἔθνοι (этной) — языческие народы.

Здесь содержание рассказа характеризует уже такое время его составления, когда выплавливались из руд не только чугун, но и ковкая сталь.

А в семействе царя Пыла произошла в это время новая неприятность, которую трудно объяснить астралистикой.

«Сын царя Пыла — Договор [1] — заманил к себе обманом Пальму, сестру своего брата Успокоителя Людей (Авессалома), изнасиловал ее и тотчас после этого возненавидел ее величайшей ненавистью и сказал:

«— Встань! Иди прочь!

«— Нет повода прогонять меня, — ответила она ему, — и этим увеличивать зло, которое ты причинил мне.

«Но он не хотел ее слушать и, позвавши состоящего при нем служителя, сказал:

«— Выгони, пожалуйста, эту от меня вон и запри за нею дверь.

«Выведенная Пальма посыпала золой свою голову и, разодрав бывшую на ней длинную одежду, которую носили царские дочери, с громким плачем пошла, положив руки на свою голову. Царь Пыл сильно огорчился, а брат Пальмы Успокоитель Людей не сказал «Договору» ни дурного, ни хорошего, хотя и возненавидел его. Но вот через два года, когда у него стригли овец, он сделал пир и пригласил на него и «Договора», сказав слугам:

«— Смотрите, пожалуйста! Когда развеселится от вина его сердце, убейте его и не бойтесь: я приказываю это! Укрепитесь и будьте храбры.

«Слуги так и сделали, а все остальные царские сыновья вскочили и убежали. Да и сам Успокоитель Людей, отомстив за свою сестру Пальму, убежал в город Мост и пробыл там три года, ожидая времени, когда царь Пыл утешится об умершем сыне и перестанет думать о наказании» (II Сам., 13, 39).

«И вот женщина по имени Порука пришла к царю и пала перед ним лицом на землю.

---

[1] אמנון (АМНУН) от אמנה (АМНЕ)—договор.

*

«— У твоей рабы, — сказала она *(подражая фигурировавшему перед этим пророку-Поставленнику)*, — было два сына. Они поссорились в поле и некому было их разнять, и вот, один убил другого. Все мои родные восстали на меня, говоря: «выдай братоубийцу, чтоб мы истребили его за душу брата». Но они погасят этим у меня последний оставшийся уголь и не оставят моему мужу потомства на лице земли.

«— Ступай домой, — сказал ей царь, — и пусть приведут ко мне того, кто говорит против тебя. Жив Громовержец! Не упадет и волос с головы твоего сына».

А женщина сказала ему:

«— Если ты так думаешь, то почему же не возвращаешь и своего изгнанника?

«— Не действует ли в этом деле через тебя друг моего сына, Божий-Отец? — спросил ее царь Пыл, зная, что его полководец близок с Успокоителем Людей.

«— Точно так. Он вложил эти слова в мои уста, — ответила она. — Я вижу, что государь мой мудр, как ангел божий, и знает все, что происходит в стране.

«Тогда царь Пыл возвратил своего сына *(в символе Юпитера, мимо которого прошел Марс в 304 году в Тельце)* и, поцеловав, позволил ему жить как прежде».

Но тут вышло нечто непредвиденное.

Возвращенный Успокоитель Людей «завел себе колесницы с конями и пятьюдесятью скороходами». Он вставал рано, становился у входа в городские ворота, расспрашивая о делах всякого приходившего с жалобой к царю, и «успокаивал» его довольно оригинально.

«— Ты правильно говоришь, — прибавлял он в конце, — но некому выслушать тебя у царя. Ах, кто поставит меня судьею в этой земле, чтобы всякий, имеющий тяжбу или жалобу, приходил ко мне, и я оказывал бы ему справедливость!

«И если кто хотел поклониться ему, он подхватывал его рукой и целовал. Так он привлек к себе сердца богоборцев» (II Сам. 14,6).

«Потом он *(через год)* сказал царю:

«— Позволь мне пойти к «Товарищам» и исполнить там мой обет Громовержцу.

«— Иди с миром, — ответил царь.

Успокоитель Людей ушел *(т.-е. перешел в Близнецы, как было в 303 году)* и послал лазутчиков во все двенадцать народов Богоборца сказать:

«— Когда услышите звук трубы *(в символе кометы или луны в новолуние)*, объявите: воцарился Успокоитель Людей.

«И вот один вестник пришел к царю Пылу и передал, что сердца богоборцев обратились к его сыну.

«— Встанем и убежим! — сказал царь своим слугам в Городе Святого Примирения. — Иначе нам не спастись».

Он вышел пешком со всеми своими сторонниками, оставивши только десять своих жен-наложниц в отдаленном доме *(мелких звездочек в «Яслях» Рака?)* для хранения своего дворца. При нем были воины из критян [1] и скороходов, а впереди шестьсот человек готов. [2]

«— Для чего ты идешь с нами?» — сказал он предводителю их, готу Плугу *(в символе Возничего?)*. — Возвратись и останься с новым царем, потому что ты иностранец. Ты можешь даже итти к себе на родину. Ты только вчера пришел, и могу ли я сегодня утруждать тебя итти с нами?

«— Жив Громовержец и государь, мой царь! — ответил Плуг. — Куда бы ты ни пошел, на жизнь или на смерть, там буду и я, твой слуга.

«Все местные жители и все прохожие плакали *(в символе Плеяд?)* громким голосом, когда царь переходил Мутный Поток [3] по пути к степи» (15, 23).

«Но когда они дошли до места Испытаний, [4] оттуда вышел человек из родных царя Ада, по имени Подслушник [5] *(созвездие Малого Пса?)*, который начал ругать его.

«— Прочь, прочь, кровожадный, негодный человек! — говорил он. — Громовержец обратил теперь на твою голову всю кровь дома Ада, вместо которого ты воцарился! Он отдает тебя в руки твоего сына! Вот тебе за злобу и кровожадность!

---

[1] כרתי (КРТИ) — критяне.

[2] גת (ГТ) — гот.

[3] כדרון (КДРУН) — темный, мутный, затмение.

[4] בחר (БХР) — испытывать.

[5] שמעי (ШМЭЙ) — внемлющий, подслушивающий и שמעון — Симеон.

«— Зачем ругает этот дохлый Пес моего государя? — сказал царю «Спаситель», сын Теснины Громовержца *(Орион)*, — позволь мне пойти и снять ему голову.

«— Пусть ругается, — ответил ему царь Пыл, — может-быть, это велел ему Громовержец. Вот и сын мой посягает на мою жизнь. Тем более это может делать человек из рода Сына Смерти».

И он пошел по склону горы далее, а Подслушник шел рядом, проклиная и бросая в него сбоку камнями и осыпая пылью.

Между тем, Успокоитель Людей вошел в Город Святого Примирения вместе со своими советниками — одним Бессмысленным [1] и другим Чутким, тайным соглядатаем, подосланным к нему царем Пылом.

«— Войди к наложницам твоего отца, которых он оставил для присмотра, — сказал Бессмысленный. — Когда услышат богоборцы, что, благодаря такому делу, ты стал смертельно ненавистен для твоего отца, тогда они успокоятся, и окрепнут руки тех, кто идет за тобою!

«И вот слуги Успокоителя Людей раскинули для него палатку на кровле того дома, и он вошел в нее к наложницам своего отца перед глазами всех богоборцев, потому что советы, какие давал в то время Бессмысленный, считались как бы изречениями самого Громовержца» (II Сам., 16, 23).

«— Позволь мне выбрать 12 000 ратников, — сказал после этого Бессмысленный. — Я погонюсь за твоим отцом ночью и наведу на него такой страх, что разбежится весь его народ. Но я поражу только его одного, и тогда весь народ успокоится».

Этот совет был правилен в глазах всех богоборческих старейшин. Однако, Успокоитель Людей сказал:

«— Позовите еще, пожалуйста, Чуткого, чтоб нам послушать, что скажет и он.

«— Не хорош на этот раз совет Брата Бессмыслия, — ответил тот (тайно подосланный царем Пылом). — Ты знаешь своего отца и его ратников. Они храбры и притом озлоблены, как медведица, свирепствующая в поле из-за отнятых у нее детей. К тому же отец твой опытный воин и скрывается в каком-нибудь ущельи. Тогда и самый храбрый, у которого

---

[1] אחי־תפל (АГИ-ТФЛ) — брат Бессмыслия.

сердце как у льва, растеряется перед ним. Я советую тебе непременно собрать всех богоборцев в таком множестве, как песок у моря, и самому итти в сражение. Тогда мы наступим на него, как падает роса на землю, и не оставим в живых ни его, и никого из его людей.

«— Совет Чуткого лучше совета Бессмысленного, — сказали богоборцы».

А Громовержец уже определил разрушить хороший совет Бессмысленного и навести беду на сына царя Пыла.

Как раз в это время у источника Регула [1] стояли Богодар [2] и Светоч, соглядатаи царя Пыла. Их увидел один юноша и дал знать Успокоителю Людей. Но когда его посланные отправились за ними, соглядатаи спустились в колодец во дворе одного жителя в месте Испытаний, а его жена разостлала покрывало над устьем колодца и еще насыпала на него крупы, чтоб не было подозрительно.

«— Где Богоданный и Брат Света? — спросили ее посланцы Успокоителя.

«— Отправились далее за водоем, — сказала она.»

Они поискали их там, но не нашли и возвратились ни с чем в Город Святого Примирения. А те вышли из колодца и уведомили обо всем царя Пыла. Он переправился тогда за Реку Нисходящих еще до рассвета и не осталось из его слуг ни одного не перешедшего. А бессмысленный советник, увидев, что не исполняется его совет, оседлал осла, отправился домой и, сделав завещание, повесился» (II Сам., 17, 23).

«Царь Пыл осмотрел людей, которые были с ним, поставил над ними полководцев и ротных и выступил в поле против богоборцев. Сражение произошло в Аф-Римском лесу,[3] богоборцы были разбиты богославными в великом поражении. Их пало двадцать тысяч, и больше народа поглотил лес, чем меч. Успокоитель Людей встретился на лошаке со слугами царя Пыла, и когда лошак вбежал под ветви большого дуба, его волосы

---

[1] רגל (РГЛ) — нога вообще и в частности звезда Регул (царек) в созвездии Льва.

[2] יהו־נתן (ИЕУ-НТН) — богоданный.

[3] אפרים (АФРИМ) или множественное число от אפר (АФР) — пепел, покрывало шеи, или אף־רים (АФ-РИМ) — высокомерный Рим.

13 — 3570

зацепились за ветви, и он повис между небом и землею, а лошак убежал дальше» (II Сам., 18, 10).

«— Я видел, что Успокоитель Людей висит на дубе, — сказал Божьему Отцу один из его людей.

«— Зачем же ты не поразил его и не сбросил на землю? Я дал бы тебе за это десять сребренников и один пояс.

— «Хотя бы я получил в мою руку тысячу сребренников, я и тогда не поднял бы моей руки на сына царя, ибо мы слышали, как он говорил: «пощадите мне юношу Успокоителя».

«— Не стану тратить время на разговоры с тобою, — ответил ему Божий Отец и, взяв в свои руки три стрелы, вонзил их в сердце Успокоителя Людей, когда тот был еще в живых под ветвями дуба.

«Он затрубил в трубу, и его народ перестал преследовать богоборцев. А Успокоителя бросили в лесу в глубокую яму и нагромоздили над ним очень большую груду камней. Божий Отец сказал одному эфиопу:

«— Ступай и донеси царю о том, что ты видел.

«Тот поклонился и побежал.

«— Добрую весть приношу тебе сегодня государь, — сказал он. — Громовержец наказал всех восставших на тебя!

«— А благополучен ли юноша Успокоитель? — спросил тот.

«— Пусть сбудется со всеми врагами моего государя, что сбылось с ним, — ответил посланный».

Царь Пыл ушел в свою горницу и стал горько плакать.

«— Сын мой, Успокоитель! Сын мой, сын мой, Успокоитель! Кто дал бы мне умереть вместо тебя!

«Божий отец» пришел к нему, наконец, сам в дом.

«— Посрамил ты сегодня спасших твою душу, и души твоих сыновей и дочерей, и жен, и наложниц! Ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих. Теперь я знаю, что еслиб все мы умерли сегодня, а сын твой был бы жив, то это лучше было бы для тебя! Выйди и скажи что-нибудь приятное для сердца твоих слуг, иначе, клянусь Громовержцем, что в эту ночь не останется при тебе ни одного человека!» (II Сам., 19, 8).

Эта угроза подействовала на царя Пыла. Он вышел к воротам и «склонил к себе своими словами сердца всех богославных воинов, до одного человека. Когда он подошел к Реке Нисходящих, то и Подслушник, ругавший его, поспешил выйти ему навстречу. Он пал перед ним на землю и сказал:

«— Да не вменит мне государь в преступление то, в чем я провинился, да не примет этого к своему сердцу! Я, раб твой, сам знаю, как согрешил! И вот сегодня я первый пришел встретить моего царя и государя!

«— Ужели он не будет умерщвлен за то, что проклинал помазанника божия? — спросил царя Божий Отец, его полководец».

Но царь Пыл ему ответил:

«— Что тебе за дело до меня? Можно ли сегодня умерщвлять кого-нибудь среди богоборцев? Разве я не знаю, что теперь я царствую над ними?

«— Ты не умрешь при моей жизни, — ответил он Подслушнику» (II Сам., 19, 24).

А потом, как увидим далее, он лукаво завещал своему наследнику убить его вместе с Божиим Отцом тотчас же после своей смерти.

«Придя в свой дом, царь Пыл взял десять своих жен-наложниц, к которым вошел его непокорный сын, и поместил их в дом под стражу. Там они и были заключены до дня своей смерти, живя как вдовы» (20, 3).

А далее автор — не только наивно думающий, что все это было очень хорошо сделано, но также и нисколько не сомневающийся, что восстание народа легко произвести, если только у вас есть в руках труба, продолжает:

«И вот случилось, что один негодный человек, по имени Сытый, сын Верблюжника, затрубил в трубу и сказал:

«— Нет нам дела до царя Пыла, нет дела до сына Спасателя! Ступайте, богоборцы, каждый в свой шатер!

«И разошлись все богоборцы, а при царе остались только богославцы» (20, 1).

«Тогда ратники царя Пыла из критян и все храбрецы его пошли преследовать Сытого, прошедшего уже через все колена богоборцев, и осадили его в твердыне Дома тисков.[1] Они насыпали вал перед городской стеной и стали уже ломать ее, чтобы она обрушилась. Но одна разумная женщина закричала им из города:

[1] אבנה בית־ה־מעקה (АБНЕ-БИТ-Е МЭКЕ)—твердыня (или камень) дома тисков. Я читаю здесь АБНЕ по Таргуму.

«— Послушайте! Послушайте! Скажите, пожалуйста,[1] Божьему Отцу, чтобы пришел сюда поговорить со мною.

«— Ты ли Божий Отец? — спросила она, когда тот подошел.

«— Я.

«— Выслушай слова твоей рабыни.

«— Готов слушать! — ответил он.

«— Прежде всего тебе надлежало бы войти в переговоры. Здесь много верных богоборцев, а ты хочешь разрушить одну из главных богоборческих крепостей. Для чего тебе истреблять наследие Громовержца?

«— Очень противно, очень противно мне делать это! — ответил Божий Отец. — Но некто Сытый поднял руку против царя. Выдайте его, и я отступлю.

«— Его голова будет выброшена тебе через стену, — ответила она, и пошла с этой разумной речью ко всем жителям крепости.

«Они тотчас отсекли голову Сытому и сбросили Божьему Отцу. Он затрубил в трубу, и все разошлись по своим домам» (II, 20, 21).

Так оканчивается легенда о возмущении богоборцев против их царя Пыла. Я ее перевел почти дословно, изложив содержание лишь современным, а не архаическим слогом церковных переводов, и опять спрашиваю читателя:

Неужели считаете вы все это за протокол действительных событий, при чем автор знает даже и то, что «разумная женщина», обращаясь к полководцу царя Пыла, употребила еврейскую частичку вежливости НА, которую я перевел словом *пожалуйста*. Неужели кто-то, действительно, скакал на лошади с карандашом в руках, как современный военный корреспондент, на место, где висел мятежный сын царя Пыла, запутавшись волосами (ох!) в ветвях дуба, и неужели этот корреспондент слышал спор Божьего Отца с его воином о том, убивать ли сына царева или нет? Неужели он же прискакал потом и в столицу царя Пыла и запротоколировал на месте, как тот голосил: «Сын мой, Успокоитель! сын мой, Успокоитель!»

Пытаясь найти астральные корни этого иначе совершенно нелепого рассказа, я не нашел ничего подходящего при жизни Константина, но, допустив, что отдельные сказания перемешаны

[1] Здесь прибавлена к глаголу частица вежливости (НА), выражающая просьбу.

здесь не в хронологическом порядке, я сделал гипотезу, не представляет ли вся эта, дикая по внешности, история описания астральных явлений 305 года, когда Констанций Хлор — он же Юлий Цезарь — был единовластным императором, и результат моих изысканий получился удовлетворительный. От сентября 305 года по май 306 года Юпитер в Близнецах все время гонялся за Марсом *(символом царя Пыла)* взад и вперед, и только в мае месяце Марс убежал от него совсем, а Юпитер «сгорел» после этого в огне вечерней зари. Уже усопший в это время царь Ад *(Сатурн)* ходил в 305 году взад и вперед по Весам над протянутой под ними клешней Скорпиона. А в дополнение ко всему, 26 сентября 305 юлианского года был огнемет Орионид, направленный как раз на Марса и Юпитера в Близнецах (теперь 18 октября нового стиля), и Орион же обстреливал одновременно с ними и комету 305 года. Когда солнце в сентябре перешло из Льва в Деву, комета прошла, — по китайским летописям Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, — обратным движением из Льва, через Рака и Близнецов, в Тельца и была по утрам видна у Плеяд прямо под Персеем и Головой Медузы. Если считать Ориона—богоотцом, полководцем царя Пыла; Юпитера — Успокоителем, сыном царя Пыла; Меркурия и Венеру—соглядатаями: «Разумную женщину» — Андромедой; если считать, кроме того, Малого Пса (Прокиона), все время лаявшего на Марса, бегавшего взад и вперед от Юпитера, за Подслушника; голову Медузы — за голову возмутителя «Сытого»; роговидную луну под ним за Трубный рог, а сеть небесных координат за ветви леса, в которых запутались волосы принца-Успокоителя, то выходит довольно хорошо. Однако, я вполне готов допустить, что корни многих сцен этого фантастического прото-романа находятся и не на небе, а в каких-либо земных событиях, и что автор скомбинировал их подобно тому, как и всякий романист черпает материалы для своего рассказа из обычных житейских событий. Я здесь утверждаю только, что корни эти сборные, что все жизненные детали, примешанные к астральным, взяты из жизни многих лиц и только представлены гиперболически сгруппированными около одного имени. Это не история, и не биография, и не материалы для них.

Просмотрим же с этой точки зрения и дальнейшие сообщения разбираемого нами теперь первичного романа.

«Был голод, — продолжает автор, — три года. Царь Пыл спросил *(наконец-то!)* Громовержца о причинах.

«— Это за царя Ада и его кровожадную династию,—ответил ему Громовержец.— За то, что тот умертвил (II Сам., 21, 1) живущих на Высоте *(в конце жизни Константина 5 декабря 336 года луна, при Сатурне в Скорпионе, зашла в Близнецах под землю в глубоком, сверхполном затмении (16''0) в Италии и Греции в 5 часов 25 минут от Гринвичской полуночи).*

«— Что мне сделать для вас, — спросил царь Пыл Холмцев,[1] — чтобы вы благословили меня, наследие Громовержца?

— «Мы не ищем ни серебра, ни золота с царя Ада и его дома, — сказали они, — но выдай нам семь человек из его потомков и мы растычем [2] их перед Громовержцем.

«— Выдам! — ответил царь Пыл».

Он взял двух сыновей Огненной Полосы [3] *(зари)*, дочери Поморья [4] и пять Сыновей Реки Океана,[5] дочери Ада, и отдал их Холмцам *(Близнецам)*, а те растыкали их всех вместе на горе перед Громовержцем в начале жатвы ячменя. [6]

Умилостивился тогда Громовержец над землею, но после этого началась война у пришельцев с богоборцами. Царь Пыл *(в виде Марса)* утомился во время сражения, и на него напал великан *(вероятно, огромный метеорит)*, сын готской исполинки, по имени Поселенец, опоясанный новым мечом, и копье у него весило триста сиклей меди. Но Спасатель подошел к царю и убил пришельца (II Сам., 21, 14). Потом были убиты в разных местах еще трое детей той же исполинки *(метеориты)*, у одного из которых «чрезмерного роста было по шести пальцев на руках и ногах, всего двадцать четыре пальца» (II Сам., 21, 20).

[1] גבענים (ГБЭНИМ) — из גבה (ГБЕ)—высота и עון (ЭУН) — склонение.

[2] По-гречески ἐξελιασωμεν — от εξελίσσω—растягиваю, развертываю. По-еврейски здесь הוקענום (ЕУКЭНУМ) вероятно от קוע (КУЭ) — тыкать. В европейских переводах неправильно употребляют слово: *распнем.*

[3] רצפה (РЦФЕ) — пылающий помост, горячая полоса.

[4] איה (АЙЕ) вместо אי (АЙ) — поморье, остров.

[5] מי־כל (МИ-КЛ) — вода окружности (כל = כלל) — океан.

[6] Соединение всех семи планет в Близнецах было только в июне 590 года нашей эры, да еще в мае 353 года, а потом Юпитер и Сатурн не сходились друг с другом до 1207 года.

А царь Пыл, освобожденный, таким образом, от всех своих врагов взял да и запел (вместо того, чтоб поблагодарить своего «Спасателя») нечто совсем неподходящее к делу:

Окружили меня смертоносные волны,
Устрашил меня поток злодеев,
Узы ада объяли меня,
Сети смерти разостлались передо мною,
Но я воскликнул к моему богу,
И он услышал мой голос из своего храма.
Дрогнула и потряслась земля,
И поколебались основания небес.
Поднялся дым от его гнева
И огонь из его уст.
Запылали от него горящие угли,
Он наклонил небеса и сошел на облаке,
Сел на колесницу и полетел:
Явился на крыльях ветра,
Покрыл себя мраком, как крышей,
Обложил себя громадами вод в облаках небесных.
Загремел с неба Громовержец,
Всевышний подал свой голос,
Он послал свои стрелы и рассеял моих врагов,
И привел их в смятенье молниями.
Открылась постель моря
И обнажились основания вселенной
От дуновенья его гнева.
Он простер с высоты руку
И извлек меня из бездны вод.
Он избавил меня от моего могучего врага
И от ненавистников моих,
Хотя они и были сильнее меня.
За это я славословлю тебя, Громовержец,
Воспеваю твое имя, о, спасающий своего царя
И творящий милость твоему помазаннику
И его потомству вовеки (II Сам., 22, 1 — 53).

Окончив петь, царь Пыл, повидимому, пришел, наконец, к сознанию действительности и сказал начальнику своих войск:

«— Пройди-ка по всем областям богоборца от Судного Места [1] до Колодца Семи и сосчитай жителей.

[1] דן (ДН) — греки произносят Дан, а во второй книге мы видели, что астрально это созвездие Весов, а географически Дунай (или Дон).

«— Да прибавит тебе бог, — ответил ему тот, — во сто раз больше народу, чем есть. Но для чего, мой государь, делать такое дело?»

Но царь не хотел даже и слушать его. Военачальник пошел считать, и оказалось «у богоборцев 800 тысяч человек, а у богославных 500 тысяч, способных владеть мечом».

Вот, наконец, место, которое приходится признать уже не за роман, а за исторический факт. Дело идет о первой известной в истории переписи народа, произведенной одним из его царей, как я об этом уже имел случай упоминать во втором томе «Христа». Нет ли какой-либо возможности определить, какой из земных монархов первый это сделал и когда?

Оказывается, что есть. Во второй книге «Божие Знамя» (Сам., 11, 24), по которой мы до сих пор следили за царем Пылом, и в скопированной с него, отчасти с дополнениями, а отчасти с сокращениями, первой части первой книги «Затерянных Дел» (по-гречески Паралипоменон) говорится по этому поводу нечто очень характерное и для евангелий.

Чтобы выяснить значение этого события, я обращу прежде всего внимание читателя, что всенародная перепись требует уже высоко-организованной администрации государства. А в Библии она упоминается несколько раз. Когда же она была впервые?

Прежде всего в евангелии Луки говорится, что во время рождения «Христа» вышло повеление от Цезаря Августа (т.-е. «Октавиана Августа», которого мы в первой книге уже признали за апокрифический двойник Константина святого) сделать перепись по всей земле. А затем прибавляется еще, «что это была первая перепись, когда Квиринией был правителем Сирии».

Затем в пророчестве «Грядущая свобода» (Исаия) мы читаем в связи с извержением Везувия:

«Устрашились грешники на Столбной горе. Трепет овладел нечестивыми.

«— Кто из нас, — говорят они, — может жить при пожирающем огне? Кто из нас может жить при вечном пламени?

«— Только тот, кто ходит в правде и говорит истину!.. Сердце его будет только вспоминать об ужасах. Где делавший перепись? Где весивший дань? Где осматривающий башни?» (Ис., 33, 18).

Значит, перепись и извержение вулкана здесь ставятся в связь друг с другом, а в первой книге «Христа» я уже доказал, что книга «Иса-ия» писана в V веке нашей эры.

А вот в Деяниях Апостолов упоминание и о бунте во время переписи:

— «Во время этой переписи,— сказал «Божий Верблюд» — явился богославец (иудей) из Галилеи и увлек за собою много народа, но он погиб, и все, слушавшиеся его, рассеялись» (Деян., 5, 37).

А вот и лекарство от моровой язвы, назначенной в наказание за перепись, в книге Исход:

«Так сказал Громовержец Моисею (которого мы уже отожествили с Диоклетианом, соправителем Констанция Хлора и Константина I):

«При переписи пусть каждый даст Громовержцу полсикля выкупа за свою душу, и тогда он не погибнет от назначенной за нее губительной язвы» (Исх., 30, 12 — 13).

Все это совершенно понятно с этно-психологической точки зрения. Мы знаем, что перепись всегда была неприятна малокультурным народам. Толпа никогда не могла себе представить, чтобы кому бы то ни было из ее властелинов захотелось перечислять ее иначе, как с какой-то своекорыстной целью. А такая цель для нее всегда казалась очевидной: «переписывают для того, чтобы знать, сколько народу обложить налогами», а в соответствии с этим легко прививалась и усваивалась массами идея, что это дело греховное, неприятное богу Громовержцу.

А умы, настроенные так, охотно готовы были воспользоваться для подтверждения своего мнения первым стихийным поводом или небесным знамением, как выражением гнева бога на царя за такой грех.

Это мы и видим в рассматриваемой нами теперь легенде о царе Пыле (Давиде). В ней есть деталь, которая дает нам счастливую возможность определить не только небесные, но и земные источники происхождения исследуемого нами теперь прото-романа о нем, а также позволяет точнее определить его время и исторических личностей, с которых списаны деятели его легендаризированной биографии.

Я воспользуюсь для этого 21 главой I книги «Забытых Дел» (I Парал., 21).

«Сатана восстал на богоборцев и побудил царя Пыла (Давида) сделать перепись. И пошел Божий Отец (Иоав) и обошел всех богоборцев. Он возвратился в Город Святого Примирения и подал царю список народной переписи. Всех богоборцев было миллион и 100 тысяч, способных владеть мечом, а богославных, обнажающих меч, 470 тысяч» (I Парал., 21, 5).

Мы видим здесь некоторое несогласие с числовыми данными, приведенными в книге «Знамя Бога» (II Сам., 24, 9). Мы видим, что здесь богоборцев, способных владеть мечом, указано 1 миллион 100 тысяч, а там только 800 тысяч, а таких же богославных здесь 470 тысяч, тогда как в «Знамени Бога» 500 тысяч, без духовенства и монахов.[1] Но в среднем числа довольно сходны, и потому мы можем серьезно отнестись и к другим деталям, сопровождавшим это событие и приводимым в последующих строках обеих книг, часто в тех же самых выражениях.

«Нехорошо было это дело в глазах Громовержца, — говорит автор, — и он поразил богоборцев».

Явился царю Пылу провозвестником «Юпитер»,[2] как увидим далее, в Стрельце, и возвестил ему *(этим сочетанием)*:

«Выбирай себе одно из трех: или три года голода,[3] или три месяца ты будешь тесним своими врагами, и Опустошитель (Везувий)[4] будет настигать тебя, или Опустошитель будет действовать лишь три дня, но зато моровая язва будет свирепствовать на земле, и вестник Громовержца (МЛАХ — комета) будет истреблять людей во всех областях богоборца».

Понятно, что царю Пылу менее всего понравилось три месяца бегать от человеческих врагов и настигающего Везувия, и он сказал:

« — Пусть лучше попаду я в руки Громовержца.

«И вот навел Громовержец моровую язву на богоборцев, и умерло их 70 000 человек. Он направил своего посланника в его столицу Город святого Примирения *(Иеру-Салим)*, чтобы истребить его *(извержением)*, но потом пожалел город и сказал

[1] Левитов и сынов смерти (вениаминовцев).

[2] Гад (גד) по-вавилонски обозначает планету Юпитер.

[3] У Самуила: голод семь лет (II, 24, 13), а не три.

[4] חרב (ХРБ) — Опустошитель. Тут то же самое начертание, какое употребляется для Везувия в книге Второзаконие.

своему посланнику — Опустошителю, когда тот заслонял уже собой гумно Вместилища Смерти[1] у Попирающего Ногою (т.-е. кратер):

« — Опусти твою руку!»

Царь Пыл поднял в это время свои глаза и увидел Посланника Громовержца, стоящего (рис. 55) между небом и землею, и меч *(Опустошителя)* был обнажен в его руке и простерт над

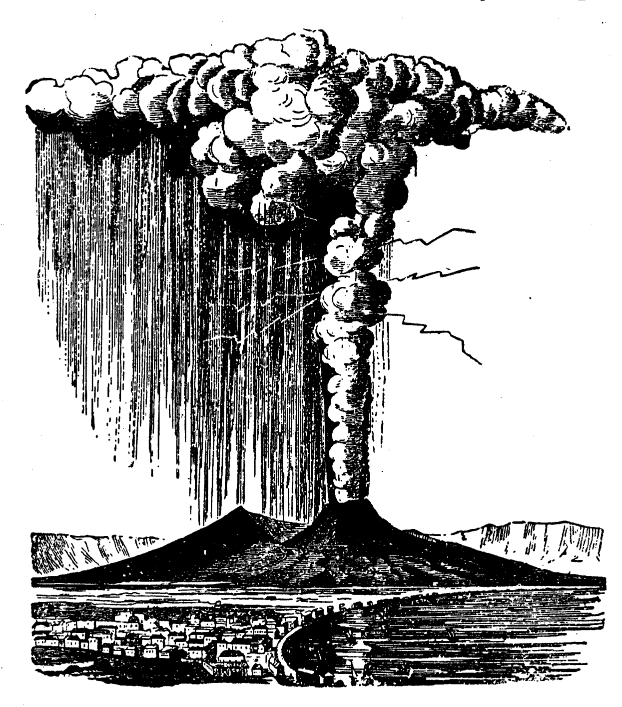

Рис. 55. Вестник Громовержца, стоящий над городом между небом и землей.

городом. Он упал на свое лицо вместе со старейшинами и возопил к Громовержцу:

« — Не я ли один велел исчислить народ? Не я ли один сделал зло? Чем же виноваты эти овцы? Да будет рука твоя на мне и на доме моего отца, а не на твоем народе!

[1] Здесь в первой книге Паралипоменон стоит עם גרן ארנן ה־י־בוסי (ЭМ ГРН АРУН Е-Й-БУСИ) — закрывая гумно гроба у Попирающего Ногою.

«И вот Посланник Громовержца сказал Юпитеру:

« — Передай царю, чтобы он поставил Жертвенник Громовержцу на поле Вместилища Смерти у Попирающего Ногами *(Юпитер был над Жертвенником в 299, 311 и 323 годах)*.

«Вместилище Смерти молотил тогда на своем гумне и *(после этого)* скрылся с четырьмя его сыновьями.

« — Отдай мне место под твоим гумном! — сказал ему царь Пыл. — Я устрою на нем Жертвенник Громовержцу, чтобы прекратилось истребление народа!

« — Делай все, что тебе угодно, — ответил Вместилище Смерти. — Вот я отдаю и волов во всесожжение, и молотила на дрова, и пшеницу в жертву. Отдаю все.

« — Не буду приносить даровой жертвы, — ответил ему царь и отдал Вместилищу Смерти *(вероятно, бросил в кратер)* 600 сиклей золота.[1]

«Он соорудил там Жертвенник Громовержцу, и Громовержец ответил огнем с неба на жертвенник всесожжения и повелел своему Посланнику вложить меч в ножны» (I Парал., 21 и 11—27).

После этого царь Пыл начал заготовлять, по словам летописи, материалы для построения храма богам, но, будто бы, не успел и завещал окончить своему сыну царю-Миротворцу.

* * *

Остановимся немного и на только-что рассказанных поразительных событиях.

Из содержания последней легенды мы видим, что Юпитер был над Жертвенником и в то же время на небе появилась комета, почти одновременно с извержением Везувия, как-будто еще не очень сильным (так как рассказы о том, что он совершенно молчал сотни лет до уничтожения им Помпеи, едва ли могут считаться достоверными).

Время извержения мы, конечно, не можем определить астрономически, но кометы того времени нам хорошо известны по астрономическим записям, передававшимся от поколения к поколению много точнее исторических.

И вот, пересматривая их по кометографии Любинецкого, мы находим только одну подходящую:

[1] А у Самуила только 50 сиклей серебра (Сам., 11, 24—24).

«В 324 году (другие читают в 323-м), — пишет Любинецкий в 1681 году, — была комета в знаке Девы. За этим последовала ужасная война между Константином Великим и Лицинием (очень похожая на войну царя Пыла со своим сыном Успокоителем), в которой Константин победил Лициния, при чем сражению предшествовали в воздухе ужасные знамения, повидимому, огненные, и был осужден *(наоборот: только утвержден!)* догмат Ария 118-ю епископами, собравшимися в Победном городе стремительно низвергнутой *(Вифинской)* области.[1] Потом произошла тяжелая война между свевами и тюрингами, а на богоперевернутую землю *(Киликию)*[2] и Сирию свирепо напали чума и голод, а христиане *(опять анахронизм!)* жестово и сурово преследовались нечестивыми (по Рокенбахию)».

«И Эктормий, — продолжает Любинецкий, — отмечает по Герлицию эту комету в знаке Девы. Альстедт полагает, что время ее появления было в 323 г., и говорит, что пагубному учению Ария предшествовали разнообразные кометы. Таким образом, мы видим гибельные учения, возникшие перед появлением этой кометы, видим сражения в домах и на площадях.

«Послушаем же об этом и мудро судящего Эвтропия. Он говорит:

« — Константин, великий муж, совершающий все, что задумал, и вместе с тем стремящийся к мировому владычеству, объявил войну Лицинию, хотя между ними были и дружба, и родство, ибо сестра его, Констанция, была замужем за Лицинием. Между ними, однако, происходит под-ряд несколько войн, и мир то восстановляется, то нарушается. Лициний, побежденный в последнем морском и сухопутном сражении при Никомидии, сдался и, вопреки святости присяги (данной ему Константином), не официально был убит в Фессалониках» (кн. 19).

«То же утверждает Сабеллик в восьмой книге, и то же указывает Виктор, то же отмечает и Сигоний в третьей книге об убиении императора. Постоянно указывает на это и Зосим, осуждающий обычное вероломство Константина» (кн. 2).

[1] Эта область Βιθυνία считается эллинистами за современный Исмик у Мраморного моря, а по-еврейски — это слово значит по К р у д е н у: стремительно низвергнутая.

[2] По К р у д е н у.

«Но возвратимся к Рокенбахию. Он относит Никейский собор, который осудил *(т.-е. установил по нашим определениям)* в 325 г. (327) достойный проклятия арианский догмат, не знаю почему, к периоду между печальными появлениями комет. Однако, если бы собор захотел определить ясно и точно их время, то имел бы возможность сделать это и яснее, и точнее Рокенбахия. Я пойду и далее по стопам Функция, которому обыкновенно следует Рокенбахий. В 332 году Константин Великий приказал строить по всем городам империи священнические храмы, и священнослужителям их выдавать государственное содержание. Потом, как полагает Функций, а затем и Сигоний, и Кальвизий (мнение коих подтверждает и расчет Петавия и Гельвеция), в 328 году император положил основание стенам и законам Византии, освятил их торжественным богослужением, назвал город по своему имени Константинополем. Затем, в 334 г., как полагает Функций, внутренние обитатели Индии, а в 335 г. иберийцы и армяне приняли священническую *(арианскую)* религию.

«Но чума и голод и преследование посвященных в Персии относятся к 336 году и, отделенные двенадцатью годами от появления этой кометы, относиться к ней не могут.

«Однако, если обратиться к Сигонию, то он даст нам указание на более близкие к тем событиям появления комет. Например, на пятилетнюю комету Цезасов *(Константина Младшего и Констанция II)* в 330 году, весьма благоприятную для них и доставившую им победу над напавшими на них готами и мир, заключенный ими в 332 году, и на другие кометы, о которых я умолчу».[1]

В этом описании, как мы видим, имеются налицо все три альтернативы, предложенные возлюбленному царю «Юпитером», который должен был проходить еще несколько месяцев как раз в «угрожающем войною» созвездии Стрельца, недалеко от «несущего мировые поветрия» Скорпиона, откуда явилась комета, тогда как зловещий Сатурн выходил вон из несущего плодородие и богатство Тельца, чтобы, три года восходя все выше и выше, повернуть обратно на юг в Раке.

Тут небо, по древним представлениям, действительно предлагало на выбор или поражение на несколько месяцев, или трехлетний голод, или непродолжительную моровую язву.

---

[1] St. Lubienietski. Historia omnium cometarum. 1681 года, стр. 63.

Тут же мы видим и результаты этого небесного явления, но только не в фотографическом снимке, а в христианской апперцепции средних веков, навязавшей тому времени целый ряд событий, происходивших много позднее. Таково осуждение ариан на соборе в Победном городе (Никее) и возвеличение поклонников Иисуса, который в то время только-что родился на свет в виде Василия Великого.

Здесь мы опять видим, как царь Пыл, или по-еврейски Давид, начавшись астрально в виде планеты Марса, постепенно сошел на землю и превратился в легенде в смесь двух латино-эллино-сирийско-египетских императоров — Констанция I и Константина I, основателя до-Иисусовского христианства, так как христианство первоначально значило просто: освященство.

Итак, царь Пыл (или Возлюбленный, или Давид) есть легендаризированный Констанций Хлор, к которому прибавлен, повидимому, в виду непродолжительности его царствования, и Константин I, что тем более легко можно было сделать, что и Констанций, и Константин значат одно и то же: *стойкий,* а разница их греческих окончаний совершенно теряется на еврейском языке. Библейские ивусы или, вернее, и-вюсы (по церковному иевуссеи),[1] первоначальные поклонники Jovis'a, и оказываются итальянцами. Их до-Константинопольская столица по-библейски называлась И-вюс, а по-гречески, вероятно, Вюза [1] (Βύσα), легендарным основателем которой считался Вюсант (Byzantus), сын бога морей Посейдона, глава Переселенцев (по-еврейски филистимлян) из Милета. Но это никак не город, будто бы стоявший на месте Константинополя еще чуть не в ледниковую эпоху, а город в окрестностях Вюзы, каково, вероятно, было первоначальное имя Везувия.

Легенда о возлюбленном царе Пыле (Давиде) спустилась окончательно на землю, но не в турецкий захолустный городок Эль-Кудс, куда сослали его средневековые проповедники Крестовых походов, а туда, куда и следовало по геофизическим соображениям для создания теократической империи: в окрестности самого страшного из европейских вулканов.

---

[1] י־בוסי (И-ВУСИ) = יה־בוסי (ИЕ-ВУОСИ) — божьи Визы, так как прибавка И или ИЕ вместо полного имени Jovis чрезвычайно часта в библейских именах. Самое имя И-исус заключает ее в себе и придает этому имени значение Бого-Спаситель.

Вот как описывается в книге Паралипоменон (гл. 13) всеобщий собор духовенства, устроенный царем Пылом в своей столице, которую греческие авторы называют «Победным Городом» (Никеей) и относят к 325 году нашей эры, при чем «Никею» по геофизическим соображениям приходится признать за греческое название Помпеи.

«Посоветовался царь со своими полководцами, ротными и другими вождями и сказал:

« — Если это вам угодно и приятно нашему богу, пошлем по всем богоборческим землям, к настоятелям (священникам)[1] и диаконам (левитам)[2] и к прочим нашим собратьям в города их округов, чтобы они к нам съехались на собор, и перенесем к себе жертвенник[3] нашего бога, к которому мы не обращались во дни царя Ада.

« — Да будет так! — сказали приглашенные».

И собрал царь Пыл всех богоборцев от Миц-Римского Черного[4] до Курдюка,[5] и все они пошли в Капитолий[6] город Святилища[7] — город господа,— что в стране богославия, чтобы перенести оттуда Жертвенник Громовержца. Они повезли его на новой колеснице из дома Содействователя, а Сильный и Божий-брат сопровождали колесницу. Все богоборцы ликовали изо всей силы перед лицом Громовержца с пением и игрою на цитрах, тимпанах, цимбалах и трубах. А когда подошли к Полю Гибели, «Сильный» протянул свою руку, чтобы поддержать

1 כהן (КЕН),— настоятель, священник, жрец.

2 לוי (ЛУИ) — увенчанный, левит.

3 ארון (АРУН) — считают за гроб, раку для мощей, а я считаю это за греческое название престола в храме: ara (жертвенник).

4 שיחור (ШИХУР) — черный, гебраисты считают за Нил.

5 חמת (ХМТ') — курдюк, но более похоже на название Германии Heimat.

6 בעלתה (БЭЛТЕ) от БЭЛТ — главенствующий, по-латыни Капитолий.

7 קרית־יערים (КРИТ-ИЭРИМ) — где КРИТ значит — крепость, город, а слово ИЕРИМ множественное число от ИЕР — медовый сот, лес. Но я склонен считать это слово за греческое ἱερόν (иерон) — святилище. Дело в том, что в самой Библии два раза говорится, что у него было второе имя — Город Господа קרית־בעל (КРИТ-БЭЛ) (см. книгу Иисус 15, 9 и 18, 14), а место его указывается «по ту сторону реки По (древнего Иордана), где жили АМРЫ (умбры)» (Иисус, 9, 17).

жертвенник, так как волы наклонили его, но Громовержец разгневался на него за это и поразил его на смерть *(очевидно, молнией налетевшей грозы)*.[1] Царь Пыл сильно опечалился и назвал это место Поражением Сильного. Так оно и называется до настоящего времени.

— «Не принесу я к себе Жертвенник Громовержца,— сказал он,— и направил его не в свой город, а к дому гота, слуги Рима (Эдома), у которого он и оставался три месяца, принося ему благословение» (I Паралипоменон, 13, 14).

Узнав об этом, царь Пыл успокоился и перенес Жертвенник в свой город. «Одетый в льняную рубашку, он прыгал и скакал при этом под радостные восклицания и трубные звуки спутников. Его жена, дочь царя Ада, увидев, как прыгает он перед Громовержцем, почувствовала к нему презрение в своем сердце и, когда он возвратился домой, сказала:

— «Как славно вел себя сегодня царь богоборцев! Выставлял себя напоказ рабыням слуг своих, как какой-то плясун!

— «Это я веселился перед Громовержцем,— ответил ей царь Пыл,— потому что он предпочел меня твоему отцу и назначил вождем над своим народом.

«И не было за это детей у нее до дня ее смерти» (6, 23).

Тут мы и закончим наш критический разбор библейского романа о царе Пыле. Сообщение о последних днях его жизни относится уже к другому литературному произведению средневековья, к прото-роману о царе-Миротворце, которым мы и займемся далее.

Ничего годного для реальной истории народов в нем нет, кроме его самого, как продукта умственного творчества средних веков.

1 Один из иностранных толкователей Библии, считающийся серьезным, старается доказать этим местом знакомство древних священников (даже в Палестине!) с электрическими батареями, способными убить всякого, прикасающегося к ним. Но это только напоминает анекдот о споре польского хуторянина с соседним евреем.—«Посмотри-ка, пан Янкель, я копал яму под моим домом и нашел кусок ржавой проволоки. Значит, мои прадеды уже владели телеграфом задолго до его открытия.— А я, пан Тадеуш,— отвечал еврей,— сколько ни копал под моим домом, никакой проволоки не нашел. Значит, мои прадеды в то время употребляли уже беспроволочный телеграф».— Не проще ли допустить, что и перед ковчегом был просто случайный удар молнии, какие попадают в церкви и теперь почти ежегодно?

Восстанавливать по нему детальную жизнь и деятельность каких-либо реальных личностей так же бесполезно, как выяснить и «реальную личность» находившегося с ним в постоянных сношениях бога Громовержца. Но этот прото-роман очень важен для того, кто захотел бы установить по нему и по другим, ему подобным, **историю общечеловеческой** средневековой литературы.

ГЛАВА VI.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПРОТО-РОМАН О ПРЕМУДРОМ ЦАРЕ-МИРОТВОРЦЕ, СТРОИТЕЛЕ ХРАМА БОГУ ГРОМОВЕРЖЦУ.

Еврейское имя Мелех Соломон значит царь-миротворец. Он называется сыном царя Пыла (Давида по-еврейски, иначе царя-дяди) от коварно отнятой им у своего полководца красавицы жены, подобно тому, как по греческим легендам Юлий Цезарь отнял «Славу Отечества» (Клеопатру по-гречески) у своего вассала Птолемея. В этом случае сын Клеопатры Цезарион соответствует библейскому царю Миротворцу, а хронологически налегает на цезасов, как по Сигонию, цитируемому и в Кометографии Любинецкого, назывались преемники Константина — Константин, Констанс и Констанций, имена которых сливались для иностранного уха да и по смыслу одинаково обозначают: стойкий. Из них только Констанций был потом, с 353 года, единовластен, но в его греческих биографиях мы не видим ничего соответствующего общему облику библейского царя-Миротворца.

Точно также и в императоре Тиберии, апокрифированном в промежуток от 14 до 37 года от начала нашей эры, который по нашим параллелизмам[1] есть лишь двойник Констанция, мы не видим ничего, что дало бы ему право на звание царя-Миротворца, строителя храма единому богу Громовержцу.

Но Тиберий по обычным историкам был современник евангельского Христа. Он,— говорят нам,— воцарился, когда Христу было 14 лет от роду, а умер через три года после столбования

[1] «Христос». Первая книга, часть III.

Христа. А Констанций II (335—361) был современник Великого Царя (Василия Великого), основателя христианской литургии, с которого и списан апперцепционно евангельский Христос.

Что же у нас выходит?

Выходит, что библейский царь-Миротворец (Соломон), и евангельский царь иудейский (т.-е. богославный по-русски), и Великий Царь Четьи-Миней (Василий о-Мегас — по-гречески) только три исторические апперцепции той же самой (и действительно чем-то чрезвычайно замечательной) личности.

Выходит, что на столбе, к которому был по евангелию приставлен Иисус, не напрасно было написано на трех языках империи, итальянском, греческом и арабском: Иисус Христос, царь богославных. Недаром и на суде он признал себя царем, недаром и в «Житиях Святых» он называется всегда Великим Царем (Василием Великим). Во втором томе «Христа» я показал уже, что Иерусалимом в IV веке называлась Помпея (или Геркуланум, так как мы не знаем, не перепутываем ли мы теперь имена тех городов, которые так называем), а страной богославия — Иудеей называлась вся Южная Италия, тогда как в Палестине ничего не было в то время, кроме арабов-кочевников, почему и самое имя *Палестина* значит: *кочевая страна*. Отсюда же выходит, что та замечательная реальная личность, которая дала повод к возникновению небывалого в истории человечества количества легенд и, так сказать, поднялась на столбе Везувия до самого «небесного свода», была первоначально южно-итальянским соправителем Констанция-Тиберия. Флегрейские поля Италии благодаря ужасу, возбуждаемому их вулканами, были с давних времен местом религиозного пилигримства, а потому здесь и скопилось огромное по тому времени количество прибавочных ценностей физического человеческого труда, которые подняли в ней живопись, скульптуру, зодчество и науки на невозможную по тому времени в других странах высоту и создали ее верховным правителям такую власть над умами, с которой не могло тогда соперничать никакое чисто светское могущество. Отдаленным эхом ее и до сих пор является «Царь Царей» в Ватикане.

Рассмотрим же с этой точки зрения и библейское сказание о царе-Миротворце, еще не переселившемся, как его преемники, для безопасности в Рим или в Константинополь.

«Одряхлел царь Давид, вошел в лета,— начинает проводить окончательный общий редактор библейских книг свой мост от одного царя к другому, — и ему всегда было холодно, несмотря на одеяла.

« — Пусть поищут девушку,— сказали его слуги,— самую красивую во всей стране богоборцев, чтобы она спала у его груди и тогда ему будет тепло.

«Ему нашли такую, и он спал с нею, но был бессилен» (I, 4).

«Он призвал своего сына-Миротворца и сказал ему:

« — Я ухожу от вас путем всего земного, но ты крепись и будь мужествен. Ты знаешь, что сделал мой полководец, Божий-Отец, как он пролил бранную кровь моего сына. Не отпусти седины его мирно в преисподнюю, а «сынам оков из Холма-Свидетеля» окажи милость: пусть они питаются от твоего стола, за то, что были близки мне, когда я бежал от сына моего «Успокоителя». Вот еще и Подслушник, злословивший меня страшным злословием... Ты мудрый человек и знаешь, что с ним сделать, чтобы низвести его седину в крови в преисподнюю.

«И почил царь Пыл *(произнеся такое доброе завещание)* и был погребен в своем городе» (I, 2—10).

«Полководец Божий-Отец *(узнав, что так отблагодарил его царь Пыл за верную службу)* убежал в Палатку Громовержца к Жертвеннику и ухватился за его рога.

« — Ступай и умертви его,— сказал царь-Миротворец Сыну Громовержца, когда ему доложили об этом.

«Тот пришел в Палатку и сказал Божьему-Отцу:

« — Выходи!

« — Нет! Пусть я здесь умру».

Тот пошел и передал это новому царю.

« — Сделай, как он сказал,— ответил ему царь-Миротворец.— Да обратит Громовержец кровь двух мужей праведных и лучших, чем он, на его голову и на головы его потомства вовеки и да будет мир царю Пылу и его потомству вовеки...

Тогда Сын Громовержца напал на Божьего Отца, убил его и поступил на его место, а вместо первосвященника Отца Тельцова [1] царь Миротворец поставил первосвященником Праведника.[2]

---

[1] אבי־תור (АБИ-ТУР) — отец Тельца.

[2] צדק (ЦДК) — праведник.

Затем, он призвал Подслушника (злословившего царя Пыла) и сказал:

« — Не выходи из твоего дома. Как только ты пойдешь из него куда-нибудь, ты непременно умрешь.

« — Хорошо,— сказал тот.— Как приказал мой господин, мой царь, так и сделаю».

Но по прошествии трех лет убежали двое его рабов к германцам (готам). Он оседлал осла и отправился их искать. Когда он возвратился, было доложено об этом царю-Миротворцу, и тот призвал его к себе.

« — Зачем ты не исполнил моего приказания? — сказал он.— Ты знаешь зло, которое сделал моему отцу? Да обратит Громовержец твою злобу на твою голову, а я, царь-Миротворец, да буду благословен, и престол царя Пыла да будет непоколебим вовеки».

И он повелел сыну Громовержца, своему военачальнику, убить его.

« — И упрочилось царство в руках Миротворца,— заканчивает автор» (I Царей, 2, 46).

Таков беллетристический мост для плавного перехода от царя Пыла—Давида к царю-Миротворцу—Соломону. Он, с первого взгляда, как будто не имеет в себе астральных следов, а скопирован прямо с земных событий. Ведь старинные монархи очень часто начинали свое царствование с расправ, чтобы внушить к себе более страха. Возможно, однако, что этим рассказом была объяснена гибель каких-нибудь двух знатных смельчаков от извержения Везувия, так как название «Сын Громовержца» тут может относиться и не к реальной личности, а именно к столбу дыма над Везувием.

Перейдем теперь и к главному событию царствования царя-Миротворца — постройке храма богу Громовержцу, грозному отцу всех других богов, все время помня основной закон легендарного творчества, заключающийся в том, что причудливая по самой своей сущности легенда, какой является вся древняя история, очень часто преемственно соединяет воедино лиц из совершенно разных поколений и заставляет действовать вместе деятелей из самых отдаленных друг от друга местностей.

Констанций II был одним из выдающихся императоров и царствовал, — говорят нам, — от 337 до 361 года нашей эры,

двадцать четыре года, но после него и совместно с ним царствовал еще более замечательный император Юлиан, племянник Константина, который еще в 355 году был провозглашен цезарем и соправителем Констанция, и которого историческая традиция приводит в связь с богославцами (иудаистами, которым он покровительствовал) и с постройкой «Соломонова храма», под видом его **возобновления** из развалин. В это же время жил и Великий Царь (Василий Великий), основатель христианской литургии, он же евангельский Христос.

Если считать правильным евангельское сказание, что храм царя-Миротворца строился сорок лет, то окончание его придется уже на царствование Валента, а если он строился двадцать лет, как это написано в «Затерянных Делах» (II Паралипоменон, 8, 1), и время закладки его был последний год царствования Константина I или первый — его преемника, то хронологически время его окончания приходится на 357 год, когда Юлиан уже два года был цезарем и соправителем своего двоюродного брата Констанция. Если же он строился только семь лет, как написано в I Книге Царей (I Ц., 6, 18), то он окончен был обязательно при Валенте. И во всяком случае это было при Василии Великом, великом первосвященнике в Городе Цезарей (Кесарии), который никак нельзя считать за захолустный азиатский городок.

Мы примем библейское детальное описание устройства и величины этого храма за факт, так как действительно по своим размерам он не представляет чего-либо невероятного: наши средние церкви не меньше его даже в уездных городах. А интереснее всего то, что если вы не будете без подготовки читать следующее описание «Соломонова храма», то узнаете в нем христианскую церковь. Вот прочтите сами, представляя ясно в своем воображении то, что читаете.

«Начал царь-Миротворец строить дом Громовержцу во второй день апреля в четвертый год своего царствования [из материалов, будто бы запасенных еще его отцом царем Пылом (Давидом)], и была у храма (рис. 56):

длина	60 локтей,	т.-е.	около 12	сажен.
ширина	20 »	»	только 4	»
вышина	30 »	»	» 6	»

«Притвор перед храмом (*A*,) был такой же ширины как и его стена, т.-е. 20 локтей, а выдвигался он вперед на 10 локтей, т.-е. только на 2 сажени. Вокруг стен были сде-

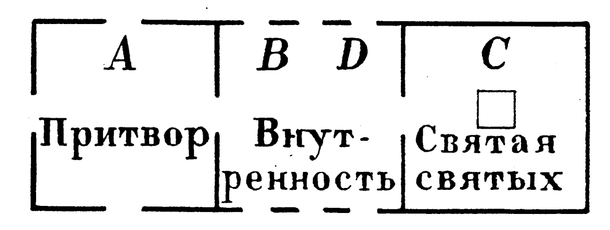

Рис. 56. План Соломонова храма по библейской апперцепции.

ланы три пристройки с маленькими, по современному масштабу, боковыми комнатами, в 5, 6 и 7 локтей шириною. Храм строился из цельных, уже обтесанных, камней (какие стали возможны только с кануна средних веков при распространении стальных

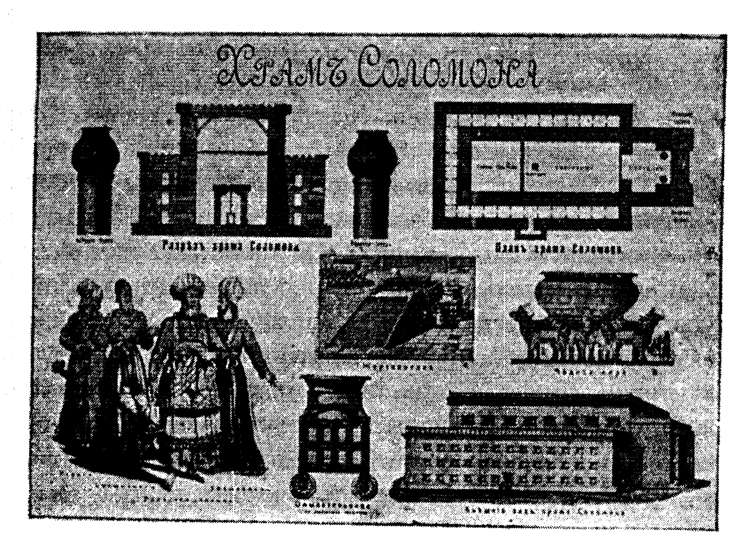

Рис. 57. Храм Соломона и его принадлежности по апперцепции эпохи Возрождения (со старинного рисунка).

долот), так что ни молота, ни топора, ни какого-либо другого орудия не было слышно при его постройке, а крыша его была из кедровых бревен и досок» (I Ц., 6, 7).

Пол был из кипарисовых досок, а «стены храма изнутри были обложены кедровыми досками от пола до потолка *(значит были уже пилы и строгающие инструменты)*, так что не было видно камня. На кедровых досках стен были вырезаны огурцы, распустившиеся цветы, херувимы и пальмовые деревья.

«Святое святых (рис. 56, *С*) было устроено внутри, чтобы поставить там престол, трапезы[1] Громовержца.[2] Оно было 20 локтей длиной, шириной и высотой и обложено чистым золотом (как в православных храмах). На задней стене святого святых *(С)* сделали двух золоченых херувимов из масличного дерева вышиною в 10 локтей (2 сажени), с распростертыми крыльями в 5 локтей, так что конец крыла одного херувима касался конца другого, а внешние концы касались стен. В святое святых вели золоченые пятисторонние двери из масличного дерева с изображениями на них херувимов, пальм и распустившихся цветов.

Рис. 58.

«А у входа в храм сделаны были косяки из масличного дерева и две кипарисовые двухстворчатые двери с херувимами, пальмами и золотой резьбой (6, 35).

«Художник Храм[3] отлил в глинистой земле две медные колонны в 18 локтей ($3^1/_2$ сажени) высотой и два медных венца наподобие лилии на их вершину, в 5 локтей вышиной, и на них сетки плетеной работы и шнурки в виде цепочек. Он приставил их к притвору храма, и сделал также литую полированную круглую купель, стоящую на двенадцати тельцах, обращенных задами внутрь, а края купели были отворочены наружу, как у распустившейся лилии. Вмещала она 2000 чаш и была поставлена на правой стороне внутренности храма, на юго-восточном его углу (значит, был ориентирован с запада на восток, как русские церкви). Храм сделал еще десять налоев, с изображениями львов, тельцов и херувимов, каждый на четырех медных же

[1] ארון (АРУН) — то же, что греко-латинское церковное ага — жертвенник, но по-библейски оно значит в то же время и гроб, как в христианских храмах, где под жертвенником обязательно должны быть мощи хотя бы в виде нескольких волосков.

[2] ברית (БРИТ) — множественное от בריה (БРИЕ) — яства, кушанье.

[3] חרם (ХРМ) — значение неясно, может-быть просто: храм.

колесах, с круглым возвышением наверху. Он сделал, кроме того, еще десять медных умывальниц.

«В святом святых был устроен золотой жертвенник и золотой престол, на котором клались просфоры. Во внутренности храма *(как у православных)* было поставлено пять канделябров по правую и пять — по левую сторону перед святым святых, все из отборного золота. И блюда, и ножи, и кропильницы, и ложки, и кадила тоже были из отборного золота» (I, 7, 50).

«Все это было окончено в сентябре к празднику новогодия *(уже счет с созвездия Девы)*, и священники принесли жертвенник (ага) трапезы Громовержца из палатки, где он раньше находился, в святое святых под херувимов, и в нем не было ничего кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Избавитель на горе Опустошителе, когда богоборцы выходили из Миц-Римской земли.

«Когда священники вышли после этого из святилища, облако дыма (с Везувия) наполнило Дом Громовержца» (I, 8, 10).

«Царь-Миротворец встал с колен и, стоя у жертвенника, благословил все собрание богоборцев, сказав громким голосом:

— «Благословен Громовержец, давший успокоенье своему народу! Не осталось неисполненным ни одно из всех благих его слов, изреченных через слугу его Избавителя (Моисея). Да будет бог наш с нами, как он был с отцами нашими. Да не покинет, да не оставит нас! И да будут эти слова мои близки Громовержцу, нашему богу, и день, и ночь. Пусть он делает, что должно для своего раба и что должно для своего народа-богоборца, чтобы знали все народы, что Громовержец есть бог и нет другого, кроме него» (I, 8, 60).

«Он отпустил народ на восьмой день торжеств. И все пошли в свои шатры, радуясь и веселясь о добре, которое сделал Громовержец своему народу» (I кн., 8, 66).

Одновременно с храмом, царь-Миротворец начал строить дворец и для себя, еще более роскошный по тому времени, чем храм, и выстроил его через двадцать лет после закладки. Я не буду описывать его деталей и роскоши. Желающий найдет все это сам в книге «Цари» и в «Затерянной Книге» (Паралипоменоне).

В постройке большого храма Громовержцу, как отцу богов, мы видим, несомненно, крупный культурно-исторический факт. Считая, что царь-Миротворец и Великий Царь (Василий Великий

Четьи-Миней) только две различные исторические апперцепции одного и того же лица, мы приходим к заключению, что он был не только установитель первичной литургии, носящей и теперь название литургии Василия Великого, но также и создатель прототипа современных христианских обычных храмов. Но только этот факт в его биографии и остается историческим, а все остальное опять легендарно.

«Царь-Миротворец очень любил бога Громовержца, — говорит I книга «Цари», — хотя приносил жертвы и каждения и на высотах. Когда он пошел на Холм, где был главный жертвенник, ему явился Громовержец во сне ночью.

« — Проси, что дать тебе? — сказал он.

« — Я, как отрок малый, — ответил ему Миротворец, — не знаю ни входа, ни выхода среди твоего многочисленного народа, которого нельзя ни сосчитать, ни вычислить по причине его множества (*отметим, что это уже совсем не похоже на небольшой Эль-Кудский вилайет в Турции, где очень легко было бы всех сосчитать по головам как в какой-нибудь русской волости*). Даруй же слуге твоему сердце, умеющее управлять народом, чтобы различать добро от зла.

«— За то, что ты не просил себе ни долголетия, ни богатства, ни душ своих врагов, — ответил ему Громовержец, которому понравилась эта просьба,—а просил себе разума и уменья управлять, я даю тебе мудрое и разумное сердце, так что подобного тебе не было и не будет никогда. А вдобавок я даю тебе и то, чего ты не просил: и славу, и богатство, чтобы и по ним не было подобного тебе во все века».

«Царь-Миротворец пошел в свою столицу, Город Святого Примиренья, поставил перед престолом трапезы Громовержца свечи всесожжения и умиротворения и устроил пир для своих служителей. И вдруг пришли две женщины к царю.

« — О, мой господин, — сказала одна из них. — Мы обе живем в одной комнате, и она родила ребенка на третий день после моего. Потом умер сын этой женщины, потому что она нечаянно придавила его во сне. Но она встала среди ночи, пока я спала, положила своего мертвого у моей груди, а моего живого взяла к себе. И вот, когда я встала утром, чтоб покормить своего, вижу, он мертв. Я присмотрелась к нему — и он не мой.

« — Нет, — ответила ей другая женщина, — мой сын жив, а твой мертв.

Рис. 59. Суд царя Соломона в апперцепции современного художника из книги La Sainte Bible, с рисунками Густава Дорэ.

« — Нет, — повторяла первая, — твой мертв, а мой жив. — И так они препирались друг с другом все время.

« — Подайте сюда меч, — сказал царь. — Разрубите живое дитя на две половины и отдайте одну одной, а другую другой!

« — О, мой господин! — воскликнула первая, — не умерщвляй его! Пусть лучше отдадут его ей.

« — Пусть рубят! — сказала ей другая. — Пусть уж ни мне, ни тебе.

« — Отдайте его первой! — решил Соломон. — Она его мать».

Скажите, читатель, кто из всех древних азиатских царей мог дать повод к возникновению такой легенды? О ком можно было сказать как о властелине *многочисленного* народа, которого никаким способом *нельзя перечесть*, и как о строителе величайших храма и своего собственного дворца небывалой в то время роскоши и как мудрейшего из всех людей?

Неужели это похоже на какого-то эль-кудского князька бедных палестинских пастухов? Да и откуда этот князек мог бы набрать столько меди, серебра и золота? Не одним же грабежом соседних пастушеских народов и проходящих караванов, у которых тоже не могло быть ничего подобного? Совершенно ясно с точки зрения истории материальной культуры, лежащей в основе остальных культур, что густо населенные страны на берегах Нила или в Месопотамии, которые могли путем морской торговли получать золото, серебро и медь из Европы, были настолько сильны, что не дали бы безнаказанно реквизировать и перевозить свои драгоценности на верблюдах куда-то на берега Мертвого озера! Да и какие знаменитые художники и строители пошли бы воздвигать в этой пустыне храм, какого не было нигде в мире, рискуя сами быть ограбленными и зарезанными местными хищниками? А собственным трудолюбием жители этого бедного клочка земли мало что могли добыть, особенно в пастушеский период. Ведь в Египте и Месопотамии с их поемными лугами было гораздо больше своих собственных стад, чтобы не набивать цен до умопомрачения на мертвоморскую говядину.

Все, что рассказано в этой легенде, получает возможность своего возникновения только после перенесения места действия в одну из самых богато одаренных природою местностей и притом среди хороших путей сообщения. Да и сама легенда могла возникнуть лишь там же, а не у Мертвого моря.

Ведь никакая голова, повторяю, не может в своем воображении создать чего-либо такого, что не пришло уже в нее из реального мира. Легенда, как продукт воображения, только причудливо комбинирует детали картин, виденных когда-то нашими глазами, звуков и речей, слышанных нашими ушами, вкусов и запахов, полученных нашим языком и носом, и ощущений, испытанных нашим телом. Для возникновения сказаний о великолепном храме Соломона мог служить поводом только действительный храм, исключительный; рассказы о великолепнейшем царском дворце мог возбудить лишь действительно хороший дворец, а для возникновения легенды о замечательном царе-юристе должна была иметься *его предварительная наличность.*

«Царь-Миротворец, — говорится в пятой главе первой книги Царей, — **владел всеми царствами** от Реки [1] до земли пришельцев и до пределов Миц-Рима, и они приносили ему дары во все дни его жизни». Все это так необыкновенно, что невольно кажется, будто в рассказ о царе-Миротворце вплелись уже, как золотые нитки в обычную льняную ткань, детали из действительно пышного царствования Юстиниана, прославившегося как строитель храмов и основатель юриспруденции. А «история» говорит нам, что после подавления Юстинианом в 532 году (когда в январе явилась комета) восстания в Константинополе (соответствующего библейскому рассказу о том, как Соломон при своем вступлении на престол усмирил своего конкурента Подножие Громовержца (Адонию, I Ц., 1, 51), он «расширил свои владения покорением вандалов в Африке и восточных готов в Европе (библейское начертание ГТ), но воевал при этом не сам, а его полководцы Велисарий и Нарсес.

А вот образчик и хозяйства царя-Миротворца, сосланного на Мертвое озеро, где он не мог бы иметь ничего подобного.

«Продовольствие его двора на каждый день составляли: сорок две четверти лучшей муки и восемьдесят четыре четверти муки простой, десять волов откормленных и десять с пастбищ, сто овец, кроме оленей, серн, диких коз и откормленных птиц, потому что он владычествовал над всеми царями по эту сторону Реки и был у него мир со всеми окрестными странами. У него было 40 000 стойл *(подумайте только!)* для колесничных коней и 12 000 всадников». «И дал бог ему мудрость и очень много разума, как песку на берегу моря, больше

---

[1] נהר (НЕР) — поток, считается за Евфрат.

чем мудрость всех царей Востока и вся мудрость Миц-Рима. Он был мудрее всех людей и знаменит у всех народов, он говорил о всех растениях, от кедра на Ливане до исопа, растущего на валу; о зверях и птицах, о пресмыкающихся и рыбах (это же приписывают и Великому Царю в его проповедях), изрек три тысячи изречений и тысячу пять песен. От всех народов и царей земных приходили послушать его мудрость. 10 000 человек несли у него все время повинность пилки кедровых и кипарисных дерев на Монблане (Ливане) у царя Герма, которому Соломон ежегодно давал 28 четвертей пшеницы, 28 четвертей оливкового масла, чтобы его рабы сплавляли лес плотами по Средиземному морю до места назначения. У него было 70 000 носильщиков тяжестей и 80 000 камнетесов в горах, кроме 3000 надсмотрщиков над ними, и это было все время, пока он строил свой дом и храм» (5, 30).

А камни «были обтесаны по одному размеру, **обрезаны пилою** и в основании имели 8 и 10 локтей длины» (7, 10). Все это показывает уже на значительное развитие **стальной техники** при этом царе.

«По окончании постройки храма и царского дома, — продолжает далее Первая книга Царей, — Громовержец *(в виде нового извержения Везувия?)* явился второй раз, чтобы сказать ему:

« — Я услышал твою молитву, я освятил этот храм, чтобы в нем мое имя пребывало вовек. Но если народ отступит от меня и будет поклоняться чужим богам, то я истреблю богоборцев с лица земли, и всякий проходящий мимо этого дома ужаснется и скажет: за что Громовержец поступил так с этой землею и с этим домом?» (9, 1—8).

Само собою понятно, что такое предупреждение могло быть приписано Громовержцу лишь после того времени, когда землетрясение и лава Везувия уже совершили обещанное возмездие.

«Савойская царица, [1] — продолжает далее легенда, — услышав о славе царя-Миротворца, пришла к нему с верблюдами, навьюченными благовониями и великим множеством золота и драгоценных камней, чтобы испытать его загадками. И не

---

[1] שבא (ШБА) — созвучно со שבה (ШБЭ) — брать в плен и с Савойей Южной Франции, но происхождение мне неясно. Возможно, что происходит от שבע (ШБЕ) — семь.

было ничего сокровенного, чего он не объяснил бы ей. И увидела царица всю мудрость царя-Миротворца и построенный им дом, и пищу, и жилище его слуг, и их стройность, и одежду, и свечи всесожжения в доме Громовержца и вне себя от изумления сказала:

« — Верно то, что я слышала в своей земле о твоих делах и мудрости! Однако, я не верила слухам, пока не пришла к тебе и не увидела собственными глазами. Мне и половины не было сказано. Счастливы твои люди и слуги, всегда стоящие перед тобою и слушающие твою мудрость! Из любви к своему народу поставил тебя Громовержец его царем, чтобы творить суд и правду.

«И подарила она ему 120 талантов золота и великое множество благовоний и драгоценных камней. Никогда не бывало такого множества благовоний, сколько подарила ему она. Корабль Герма, [1] который возил золото из Африки (Афиры), [2] привез ему в это время великое множество красного сандального дерева [3] и драгоценных камней. Царь сделал из сандального дерева крыльца для дома Громовержца и для своего дома и гусли для певцов, и когда Савойская царица отправилась обратно в свою землю, дал ей все, чего она ни пожелала» (I Царей, **10**, 14).

Вся эта легенда почти дословно повторена и в «Затерянной Книге» (Паралипоменон, 1, 9), так что авторы библейских книг, очевидно, придавали ей серьезное значение.

Но что же это за царица? Что это за корабль, возящий золото и руководимый Гермом? Миф это или реальность? Ведь для того, чтобы привезти сандальное дерево, которое растет только в тропической Азии, не ближе Индии, и вместе с ним такое количество драгоценных камней необходимо было и отвезти туда что-нибудь на обмен. Да и как это можно было тогда сделать? Через древний Суэцкий канал или кругом Африки, через мыс Доброй Надежды? Нам нет надобности решать этот

---

[1] חירם (ХИРМ)-חורם (ХУРМ) созвучно с חרם (ХРМ) — сеть, или — приводящий под заклятие. Это или Корабль Ахерона, реки подземного царства, в котором сын Солнца и Земли, низвергнутый с неба после поражения титанов, перевозит души, или корень этого слова: *Германия*.

[2] אפיר (АФИР) — загадочная страна. Созвучно с Африкой.

[3] Очевидно petrocampus santalinum. Но это дерево растет только в тропической Азии и служит для добывания красной краски.

головоломный вопрос, так как корабль Герма мы находим несравненно ближе на древних звездных картах, в виде созвездия Корабль Аргонавтов (искателей золота) под созвездием Гидры. Это созвездие несомненно европейского, греческого, а не египетского происхождения, точно так же, как и созвездие Кита и Водяной Змеи. Только с прибрежий Южной Европы корабль Аргонавтов кажется выплывающим над морем, а в Египте или в средней Месопотамии, «стране Халдеев», ему пришлось бы плыть среди песков пустыни, вместе с предшествующим ему Китом и сопровождающей его Морской Змеей. Другое дело созвездие Феникса, возрождающегося после своего сожжения из собственного пепла. Оно, наоборот, могло возникнуть только в Египте, а не на европейских берегах Средиземного моря.

Взглянем же на небо с южно-итальянских берегов, где корабль Аргонавтов начинает выплывать над золотистыми и сандально-красными оттенками юго-восточной половины утренней зари для того, чтобы при восходе солнца потонуть в голубой лазури неба. Какое другое физическое явление могло бы послужить лучшим поводом для возникновения легенды о корабле, привозящем в Европу (а не в Западную Азию) с Востока золото и сандал в таком количестве, в каком еще никто их не видал на земле? Это и есть первоисточник сказанья о корабле Герма (или по греческой мифологии Ахерона), так как этот корабль большую часть своего ежесуточного пути плывет под землею. Это обстоятельство приводит к заключению, что и царицу Савойскую (которую церковные переводчики назвали царицей Савской) надо искать скорее всего на небе.

Такая царица там и есть. Это Венера, и посещение ею царя-Миротворца, вероятно, обозначает просто схождение Венеры и Юпитера на золотом фоне зари над созвездием Корабля в созвездии Девы.

Но как же она пришла к царю-Миротворцу «испытать его загадками» и какие это загадки могли бы быть? Мне кажется, она предложила ему решать гороскопы и небесные знамения, и он дал ей для этого правила и предсказывал даже и лунные затмения, другими словами: он был выдающимся астрономом своего времени.

Такое схождение планет действительно было в новолуние 7 сентября 332 года, когда Меркурий и Юпитер были в голове

Девы, Венера около нее в конце Льва, Сатурн в средине Девы, а Солнце и Луна в груди той же Девы. Припомним, что это и был сон мид-римского владыки, который был объяснен ему «прообразом Христа» — Иосифом прекрасным, а 332 год дает время юности Великого Царя (Василия Великого).

* * *

Я не могу здесь удержаться, чтоб не сделать маленького отступления. В разборе библейского романа о царе-Миротворце мы пришли к такому времени, когда начались вселенские соборы, т.-е. коллективные законодательные учреждения церкви. На первом из них в Победном Городе (Никее, более похожем на Помпею, чем на турецкий Исник, считаемый за нее) в 325 году было установлено главенство бога Громовержца, как бога-отца. На втором, Константинопольском, в 381 году Великий Царь был провозглашен (после его смерти) сыном божиим...

И мы видим, что ни один из этих двух соборов не был вызван астрологическими соображениями.

При Никейском соборе в 325 году Сатурн был в Близнецах, а Юпитер — в Водолее, т.-е. далеко друг от друга, и притом в двух нейтральных созвездиях. При Константинопольском первом в 381 году Сатурн был в Тельце, а Юпитер в Весах, опять в разных местах неба.

А из трех первых послеапокалиптических вселенских соборов, — все были приспособлены ко времени схождения Юпитера и Сатурна в одном созвездии. Вот их гороскопы.

А. — *Ефесский собор* 431 г. был приспособлен к схождению шести планет в созвездии Козерога на воскресенье 1 февраля 431 года, и потому может быть назван собором Козерога и Рыбы (таблица XXVII). Перед этим, в четверг 29 января, в новолуние, все планеты, кроме Венеры, тесно столпились около 310° современной долготы в средине символа первородного греха, — созвездия Козерога, приносимого в эти дни в жертву всесожжения в огне вечерней зари. А над огнем зари, прямо под Крылатым Конем — Пегасом — созвездием Весны, ярко сияла между Водолеем и Рыбами Вечерняя Звезда — Венера, которую под именем Утренней Звезды автор Апокалипсиса обещал отдать побеждающему, сходящему с неба на светлом коне. Как тут было не собраться теологам-мессианцам V века, чтобы вместе торже-

14 — 3670

ственно встретить Иисуса через 163 года после его столбования и многократных ожиданий по сочетаниям планет?

ТАБЛИЦА XXVII.

Гороскоп Ефесского собора, собора Козерога, на 1 февраля 431 года.

29 января 431 г.

СОЛНЦЕ	307°	в Козероге.
ЛУНА	307°	» »
МАРС	302°	» »
МЕРКУРИЙ	310°	» »
ЮПИТЕР	316°	» »
САТУРН	314°	» »
ВЕНЕРА	350°	в Рыбах.

B.—*Халкедонский собор* 451 года был приспособлен к схождению Солнца, Луны, Сатурна, Юпитера и Меркурия в созвездие Девы 11 сентября 451 года (таблица XXVIII), в то время как воинствующий Марс был в ногах Змиедержца—символа воскресшего Иисуса, спускающегося на землю под огнем вечерней зари, а утренняя звезда Венера возносилась утром на рассвете под Яслями Христа в созвездии Рака.

ТАБЛИЦА XXVIII.

Гороскоп Халкедонского собора, собора Девы и Змиедержца, на 11 сентября 451 года.

МАРС	247°	под Змиедержцем.
САТУРН	около 210°	в Деве.
ЛУНА	192°	» »
СОЛНЦЕ	192°	» »
ЮПИТЕР	около 201°	» »
МЕРКУРИЙ	175°	» »
ВЕНЕРА	143°	в Раке.

C. — *Второй Константинопольский собор* 553 г. был созван уже не в ожидании, а по поводу неудачи апокалиптических предсказаний на соединение всех планет под Троном бога в Овне

и Рыбах в предыдущем году. Дело в том, что 11 февраля 552 года все планеты должны были собраться над Китом, проглотившим пророка Иону, и потому ожидалась кончина мира (таблица XXIX).

ТАБЛИЦА XXIX.

Соединение планет под созвездием Трона бога (Кассиопеи) 11 февраля 552 г.

СОЛНЦЕ и ЛУНА	342°	между Водолеем и Рыбами.
САТУРН	345°	— Рыбы.
ВЕНЕРА	354°	— »
МЕРКУРИЙ	0°	— »
ЮПИТЕР	35°	— Овен.
МАРС	44°	— »

Все над Китом, проглотившим пророка Иону.

Однако, никакой беды ни с кем не случилось, и все верующие, конечно, вознегодовали на своих духовных вождей. Как было спасти свой авторитет? И вот созван был новый собор, на котором астрологи, представляемые епископом Божиим Даром (Феодором), были отлучены от церкви. Ориген был предан анафеме, и кодекс Юстиниана, написанный, как утверждают историки, в 565 году, приравнял астрологов, столько раз напрасно пугавших людей своими неосуществлявшимися предсказаниями, к отравителям.

Таковы были три первые послеапокалиптические до-евангельские собора, но и следующий за ними—третий Константинопольский собор (680 — 691 гг.) был созван, повидимому, хотя и не по официальному поводу астрологических ожиданий, но и не без суеверной оглядки на него (таблица XXX).

Все планеты, кроме Марса, сошлись в последний год заседаний этого собора в Скорпионе под возносящимся над ними Змиедержцем, и один только красный Марс зловеще сиял в грешном созвездии Козерога над огненной полосой вечерней зари.

Он начался в 680 году, когда Сатурн был в Раке, а Юпитер в Козероге, но разошелся только в 691 году, через несколько месяцев или недель после того, как все планеты, кроме Марса, ушедшего в Козерога, соединились в символе Смерти и воскре-

сения из мертвых, в созвездии Скорпиона, под пятою возносящегося в небеса Змиедержца (таблица XXX). Я думаю, что это была последняя вспышка осужденного официально, но все еще не заглохшего в умах первичного религиозного учения Великого Царя о таинственных соотношениях земных событий с движением небесных светил, хотя официальные проповедники этого и были уже анафематизированы и всякое сношение с ними запрещено.

ТАБЛИЦА XXX.

Гороскоп последнего года заседаний третьего Константинопольского собора, Собора Скорпиона, 6 ноября 690 года.

МАРС	315°	в Козероге.
САТУРН	250°	в Скорпионе.
ЮПИТЕР	250°	» »
СОЛНЦЕ	248°	» »
ЛУНА	248°	» »
МЕРКУРИЙ	239°	» »
ВЕНЕРА	230°	в Весах у Скорпиона.

В это же время появилось и евангелие Марка (626—725 гг.), положившее начало новому — евангелическому — периоду христианства. [1]

Следующий за этим седьмой и последний вселенский собор, собранный в 783 году под именем Никейского II, в предместьи Константинополя, начался, когда Сатурн был в Стрельце, а Юпитер в Деве, и окончился он в 787 году, при Сатурне, перешедшем через Козерога в Водолея, и при Юпитере, перешедшем вслед за ним, но не догоняя, из Девы, через Весы, Скорпиона и Стрельца. На этом соборе, вероятно, и были канонизированы первые евангелия.

Самыми символичными были в этот период сочетания:

30 сент. 783 г., когда Марс был около 156° во Льве (при Солнце, Луне и Юпитере в Деве и Сатурне — в Стрельце).

19 октября 784 г., когда Марс был около 290° в Стрельце (при Солнце, Луне и Юпитере в Весах, а Сатурне в Козероге).

7 ноября 785 г., когда Марс был около 192° в Деве (при Солнце, Луне и Юпитере в Змиедержце и Сатурне в Козероге).

---

[1] См. «Христос». Первая книга, часть IV.

Нет сомнения, что ожидаемая за несколько лет комбинация Марса во Льве, Сатурна в Стрельце и благодетельных планет Солнца, Луны и Юпитера в Деве, пришедшаяся на апокалиптическое число 30 сентября 783 года, могла вызвать суеверные ожидания и послужить поводом к заблаговременному созванию и этого последнего из вселенских соборов. Но уже одно то обстоятельство, что собор разошелся, не дождавшись 789 года, когда Юпитер и Сатурн должны были встретиться друг с другом, а также с Солнцем и Луной, весною около точки весеннего равноденствия в Рыбах, достаточно показывает, что ожидания второго пришествия Иисуса после многих астрологических предсказаний и конфузных неудач перестали в это время базироваться на апокалиптическом методе пророчества.

* * *

Здесь мы рассмотрели все семь вселенских соборов и видели, что за исключением двух первых, бывших еще в доапокалиптические времена, да последнего, заключительного, все остальные имели связь с символическими сочетаниями планет по методу Апокалипсиса Иоанна Антиохийского.

Мы видели, что Ефесский собор Козерога был вызван в 431 году желанием совместно встретить Иисуса в Ефесе, как первом из семи городов, которым Иоанн адресовал Апокалипсис.

Мы видели, что Халкедонский собор — Собор Девы 451 года — был вызван таким же желанием встретить совместно Иисуса в Халкедонском предместьи Константинополя, где жил Иоанн после ухода от царя Аркадия, при стечении планет около Девы.

Мы видели, что Второй Константинопольский Собор Божьего Трона 553 года произошел, как мы уже видели, не с целью третий раз совместно оскандалиться напрасным соборным ожиданием прихода Иисуса, а для объяснения, почему же не явился он 1 февраля 552 года, при таком благоприятном стечении планет, вызвавшем, повидимому, пророчество несторианского епископа Феодора, который тут, в 553 году, и был осужден за прошлогоднюю неудачу.

Но, несмотря на осуждение, астрологическая (апокалиптическая) идея все еще не умерла в массах, и духовенство съехалось еще раз в Константинополь к 6 ноября 690 года на собор Скорпиона. Но он так ужалил апокалиптическую идею ожи-

дания второго пришествия Иисуса в соответствии с сочетаниями планет, что последний, седьмой, собор в 787 году окончательно ликвидировал ее, разъехавшись по домам ранее схождения планет около созвездия Рыб, грозившего всемирным потопом, а не гибелью мира от огня. К этому времени, вероятно, и относится окончательное отделение богославных мессианцев, называющихся теперь евреями, от недавно возникших евангельско-христианских, и их презрительное отношение друг к другу, продолжавшееся вплоть до эпохи свободомыслия и рационализма в Европе с конца XVIII века.

* * *

Но возвратимся к предмету настоящей главы — царю-Миротворцу — будущему сыну божию. Его библейская апперценция совершенно противоположна евангельской последнего вселенского собора, считающей, что он проповедывал: «если имеешь две рубашки, то отдай одну из них неимущему» *(а когда ее нужно отдать в стирку, то ходи голым, пока не высохнет)*.

«Каждый год, — говорит легенда, — привозили ему 666 талантов золота[1] (т.-е. около $2^1/_2$ миллионов золотых рублей, совершенно невероятная сумма не только *для сирийского князька того времени, но даже и для императора Юстиниана, размножителя храмов богу Громовержцу)*, сверх того, что получалось сборами с разносчиков-торговцев и купцов и всех пограничных царей и областных начальников. Он сделал двести больших щитов из кованого золота и триста щитов поменьше, и положил их в чертоге-храме Белого Иерея *(митрополита)*.[2] Он сделал себе трон из слоновой кости *(опять из индийского или*

[1] ככר (ККР) — талант, считается около 342 фунтов стерлингов, около 3500 золотых рублей.

[2] יער־ה־לבנון (ИЕР-Е-ЛБНУН) — обыкновенно переводят: дубрава Белая, дубрава Ливанская. Но, относя место действия в Южную Италию, где были в IV веке греческие колонии, я считаю слово יער (ИЕР) за греческое иерей (ἱερεύς). Поэтому и ИЕР-Е-ЛБНУН я перевожу: белый иерей, т.-е. митрополит, так как он отличался белым клобуком. Тогда становятся понятными и многочисленные упреки в библейских книгах за то, что богоборцы не уничтожили этих иеров, т.-е. православных священников. Это слово, толкуемое как дубрава во множественном числе, упоминается в Исаии (10,34) и в Иезекииле (39,10). Но очень сомнительно, чтоб дело тут шло о простых рощах.

африканского драгоценного материала), обложенной чистым золотом, с закругленной спинкой, с ручками с обеих сторон для положения своих рук, с двумя львами, стоящими подле них, и еще с двенадцатью львами, стоящими по обеим сторонам шести ступеней, ведущих на возвышение залы к трону. **Ни в одном из других царств не было ничего подобного этому.**

«Все сосуды для питья у царя были золотые, так же, как и в чертоге храма белого иерея, — из отборного золота. Из серебра не было ничего: оно считалось ни во что во дни царя-Миротворца. Три раза в год приходил к нему Тартесский[1] корабль, привозивший *(из Испании)* золото, серебро, слоновую кость, мартышек и павлинов.

«Все старались увидеть царя-Миротворца, чтобы послушать его мудрости, и каждый год подносили ему в дар, всякий от себя, серебряные и золотые сосуды, одежды, оружие, благовония, коней и мулов. У него было 1400 колесниц и 12 000 всадников, он распределил их в административных городах и при себе в Городе Святого Примирения. Коней приводили ему из Миц-Рима, и царские скупщики покупали их табунами и доставляли все это готским царям и горцам (тирольцам)».

Вдумаемся же снова, читатель, в то, что мы тут читаем! Не сделаемся похожими на тех, о ком сам Иисус сказал: «будете иметь очи и не увидите, будете иметь уши и не услышите, потому что закоснело сердце ваше». Что такое здесь описано в самой Библии? Неужели реальный царский двор в бедном захолустном сирийском городке Эль-Кудсе, к которому не было даже и шоссейной дороги? Кто и как мог там создать все это? Каким непосильным трудом или неслыханным грабежом (потому что других средств не было) могли бедные по самой их природе сирийские пастухи около пустыни Мертвого моря получать на корабле из Африки слоновую кость (очевидно с Гвинейского берега через Сахару) и мартышек из Испании.[1] Для чего им они были нужны? А если царь-Миротворец — Соломон —

[1] תרשיש (ТРШИШ) — Тартес, гавань в южной Испании, между обоими рукавами Гвадалквивира, по-арабски Wadi-al-Khabir (река Хабур — большая река), откуда добывались серебро, железо, олово, мартышки для забавы царей и вельмож. Вот почему и צר (ЦР), произносимое ЦАР, я считаю не за небывалый никогда сирийский город ТИР, как теологи, а за сокращенное Цезарь, как и русское царь. Это было название цар-

настолько же легендарен, как и царь Ад (Саул), то с кого же списал сирийский биограф все эти подробности его обстановки? Ведь еслиб во время автора этой легенды ничего подобного нигде не было, и не бывало до него, то таких подробностей реального характера не пришло бы ему и в голову. Он предпочел бы, раз уже начал фантазировать, изобразить такой волшебный мир, где ездили бы не на обыкновенных лошадях, а на крылатых, где ели бы не хлеб, а небесную манну. А здесь все описание носит характер реальной жизни пышной римской империи кануна средних веков.

«Кроме дочери миц-римского владыки, — продолжает легенда, — полюбил царь-Миротворец много чужеземных женщин, муавок,[1] француженок (эмунок),[2] римлянок, венецианок (цидунок),[3] и немок (готок), о которых сказал Громовержец богоборцам: «не входите к ним и пусть они к вам не входят, потому что они преклонят ваши сердца к своим богам». И вот к ним-то и прилепился царь-Миротворец своею любовью. У него было 700 главных жен и 300 наложниц. И стал он в своей старости служить и Венере, и Меркурию, и Сатурну, и Юпитеру, и разгневался на него за это Громовержец, уже два раза являвшийся ему (в виде извержений Везувия) до того времени, и, наконец, сказал ему:

«— За то, что ты так поступаешь, я отторгну от тебя царство, и останется у твоего сына Расширителя Народа (по-еврейски Рово-Ама) только одно колено» (1,11 — 13).

Так было предсказано царю-Миротворцу то, что случилось лишь через много лет после его смерти: распадение его последователей на мессианцев (евреев) и христиан, считаемых автором за отпавших от истинного учения.

«А через некоторое время после этого, — оканчивает свой рассказ легенда, — разодрал провозвестник Святой[4] свою новую

ской резиденции, применявшееся и к итальянскому Риму, и к византийскому Царьграду, и к египетскому Каиру. Слово ТРШИШ всегда считаю за испанский Тартес, а слово ИЕР не за «дубраву», а за «иерея».

[1] מו־אב (МУ-АБ) — первообраз отца. Может-быть служит просто для обозначения арабов — мавров.

[2] עמון (ЭМУН) — Аммон, но едва ли Юпитер.

[3] צידון (ЦИДУН) от ЦИД — охота, ловитва. Стало синонимом Византии (Финикии).

[4] אחיה (АХИЕ) — я считаю это слово за греческое «ἄγιος» — святой.

одежду на двенадцать частей, и встретив смотрителя над царскими рабочими — Заступника Народа (Ие-Рово-Ама), сказал ему:

«— Возьми себе десять лоскутков, потому что так говорит Грядущий: «я исторгаю царство из руки царя-Миротворца и даю тебе из него десять колен, а одно колено оставляю за ним ради моего слуги царя Пыла (Давида) и ради Города Святого Примирения, который я избрал из всех домов богоборца (11,36).

«Царь-Миротворец хотел убить Заступника Народа, но он убежал к миц-римскому царю Шишаку (каббалистическое изображение слова ББЛ — Вавилон, в смысле римской церкви) и жил у него до смерти царя. И вот почил царь-Миротворец со своими отцами, и погребен в Городе Возлюбленного своего отца, и воцарился вместо него сын его Расширитель Народа» (11,43).

Так печально оканчивается библейская легенда о премудром царе Соломоне.

Я оставляю без внимания фразу: «и воцарился сын его Расширитель Народа вместо него». Это просто «беллетристический мост» для соединения цикла легенд о царе-Миротворце с конгломератом легенд о взаимных отношениях богоборцев и богославных, имевших своим источником отчасти астральные явления, отчасти земные события, происшедшие в промежуток между царствованием Константина I и Феодосия и возникшие еще ранее легенд о царе-Миротворце, которые я считаю, наравне с книгой пророка Даниила (хотя она написана на другом наречии), одними из самых поздних во всей Библии.

Для нас здесь важно отметить то обстоятельство, что библейский биограф царя-Миротворца (Соломона) изображает его в старости отступившим от богославящего (иудаистического) вероисповедания, а это как раз соответствует представлениям об «Иисусе», выработавшимся у талмудистов того времени, когда между мессианцами-астрологами (иудаистами или халдеями) и европейскими христианами впервые образовалась та трещина, которая в последующие столетия привела к ожесточенным гонениям христианского духовенства на мессианцев.

* * *

Я окончу здесь свой критический разбор библейской трилогии царь-Ад, царь-Пыл и царь-Миротворец несколькими замечаниями общего характера относительно эволюции мессиан-

ской и христианской духовной культуры в прибрежных странах Средиземного моря.

Первая ее стадия была — образование после начала нашей эры (особенно от третьего века до седьмого) историко-теологических легенд и мифов, под прямым влиянием сейсмических и небесных явлений, а также появление письменных сборников всяких моральных и житейских изречений, басен и анекдотов.

Международным языком ученых был в это время еврейский жаргон арабского языка, возникший в Египте и окончательно оформившийся в современном виде у мавров в Испании. На нем были написаны почти все библейские книги, а затем и талмуд. Тут же мы находим первые зачатки речитативной поэзии в псалмах, в «Песне Песней» и в полусказочной беллетристике в книгах «Звезда» (Эсфирь), «Удовлетворенная» (Руфь), «Вопиющий» (Иов) и т. д. Особенно же характеризуется этот период исключительным пророческим родом литературы, который так и отмер без дальнейшей эволюции, вызвав впоследствии лишь редкие подражания, в роде «Paroles d'un croyant au peuple» (Письма верующего к народу) экс-аббата Ламенне в 1834 году.

Сборники изречений, в роде «Премудрости Миротворца» (Соломона) или «Премудрости Иисуса сына Сатрапа» (Сираха), — оба, как мы видим, написанные от имени того же самого «Великого Царя», отчасти специализировались в современные кодексы законов, а отчасти вытеснились более совершенными родами лирической поэзии, хотя по временам и от них до настоящего времени остаются отклики, в роде «Also sprach Zarathustra» (так говорил Заратустра) Ницше в конце XIX века.

Зародившийся в это время миф постепенно эволюционировался в современную художественную сказку, а беллетристика — в роман. Комедий, трагедий и драм в библейский период еще совершенно не было. Первым их зачатком были, как я и упоминал уже в первом отделе этой книги, церковные (т.-е. цирковые) представления, недаром и теперь носящие имя проскомидии (т.-е. первичных комедий), а в переводе: шествия богу Громовержцу (Комой-Дии). Светские же комедии и трагедии начались лишь во второй период греческой классической литературной эволюции, который, в противность установившемуся мнению о его древности, едва ли мог начаться даже и одновре-

менно с библейским. Ведь только Афина-Паллада вышла из головы Зевса во всеоружии. Даже и классическая поэзия, в роде «Одиссеи» или «Илиады» с ее разработанным гекзаметром, не могла возникнуть без продолжительных зачаточных прецедентов, приводящих к ней, а эти прецеденты мы видим только в библейской литературе. И раз, на основании наших вычислений, период древне-еврейской письменности продолжался до восьмого века, то период греческого классического творчества начался именно с этого времени.

В первый, еврейский, период литература, наука и религия были неразрывно переплетены между собою, и еврейский язык также объединял все слабые еще ростки тогдашней всенародной интеллигенции Европы, Африки и Западной Азии, как перед эпохой Возрождения «кухонная латынь» объединяла теологов всех этих стран. Для самостоятельного существования нескольких национальных литератур в Средиземно-морском культурном бассейне не было тогда еще достаточных материалов в отдельных народах, потому что национальным авторам тогда пришлось бы лишь самим читать свои произведения.

Для того, чтобы ввести литературу в культурный обиход, нужен был своего рода волапюк, которым и сделался прежде всего изменившийся на чужбине арабский язык библейской эпохи.

Но, вот, на последних вселенских соборах неразрывная связь между духовной мессианско - христианской литературой и светской художественной и научной письменностью порвалась, благодаря осуждению ученых-астрологов малокультурным духовенством. Священник отделился от ученого и от литератора в особый класс, и ученый, хотя и заблуждавшийся по временам, пошел своим отдельным путем, особенно со времен шестого вселенского собора в 690 году, как момента окончательного крушения официальной религиозной астрологии и введения в богослужение латинского языка на западе Европы и греческого на ближнем востоке.

На основании наших астрономических вычислений, приведенных в первой и второй книгах «Христа», библейские книги могли закончиться и быть переведены на греческий язык не ранее седьмого или восьмого века, так как только к этому времени Библия и была вполне написана, несмотря на утверждения писателей эпохи Возрождения, будто даже и Талмуд был уже

закончен около 500 года, т.-е. на 65 лет ранее смерти императора Юстиниана.

Апокалипсис был самой первой из гениальных книг, написанных на греческом языке. Очень возможно, что он и послужил толчком к развитию самостоятельной эллинской литературы, так как сделал изучение греческого языка необходимым для тогдашней международной интеллигенции, и на нем в Южной Европе начали преимущественно писать, в виду большей развитости его грамматики, допускавшей сложную фразу с придаточными предложениями, для чего не давал возможности еврейский язык.

И вот первичная культура, пересаженная на новую почву, дала пышный по тому времени расцвет: появилась былина в гекзаметрических стихах, но еще без рифмы и без других более правильных и более разработанных размеров. Появились сказочная комедия и драма, появились настоящие летописи происходящих событий, действительные описания путешествий и серьезные научные сочинения, вызывавшие по временам подражания и даже попытки конкуренции и в спрятавшейся в отдельный замкнутый уголок арабской литературе средневековья.

Но главное, руководящее течение пошло по греческому руслу и вызвало классический период литературы, закончившийся только в эпоху Возрождения, когда стал господствовать в Западной Европе более близкий по словообразованию латинский язык и пышно расцвели латинская наука и поэзия. С этого времени международная интеллигенция, благодаря усовершенствованию техники и познанию природы, увеличившей зажиточность населения и количество свободных от физического труда людей, стала настолько многочисленной, что появилась возможность образования национальных литератур, первой из которых были, близкие к латинской, итальянская и французская и вслед за этим немецкая и английская. И вот, начался третий период духовной эволюции человечества, выработавшей точные науки, рифмованную поэзию, реалистическую комедию и драму, художественную сказку для взрослых и, наконец, психологический роман.

Господство международных языков в науке и литературе в это время прекратилось и началась только гегемония то одного, то другого из наиболее культурных языков.

Эволюция человеческого духа на берегах Средиземного моря шла с этой точки зрения последовательно и никогда не прекращалась. Все ее кажущиеся вспышки и погасания есть простой результат массовых апокрифирований, которыми особенно много занимались в эпоху Возрождения и в первые десятилетия книгопечатания.

Но об этом я уже говорил в предшествовавшей части моей книги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРИ ТЕНИ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ

Рис. 60. Вознесение пророка Илии на небо перед глазами его последователя Елисея по апперцепции современного библейского иллюстратора (возможно, что огненная колесница в этой легенде навеяна пролетом огненного метеорита, как в сказании о Метеоре в «Метаморфозах» Овидия).

ГЛАВА I.

ИЛИЯ И ЕЛИСЕЙ, КАК СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ АППЕРЦЕПЦИИ ОСНОВАТЕЛЯ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ (ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО) И ЕГО ЛЮБИМОГО УЧЕНИКА ИОАННА ЗЛАТОУСТА (БОГОСЛОВА).

Все наши представления об исторических деятелях, если мы не имеем их собственных писем или дневников, есть только апперцепция нашего сознания, тем более удаляющаяся от истины, чем многозвеннее была цепь передатчиков, посредством которой дошли до нас известия о их жизни. Если даже кто-нибудь и сам написал свои воспоминания, то все, что говорил он о своем прошлом, уже принимало некоторую окраску последующего, хотя бы автор и был вполне искренним человеком. Ведь неправильность общего впечатления заключается не только в том, что он сообщил нам тенденциозно, но и в том, что он *не все* рассказал о себе, исключив, например, такие события, о которых ему тяжело или стыдно было вспомнить, или, наоборот, особенно налегал на них, если писал в припадке раскаяния и самобичевания.

Если же он писал не сам, а другие, которые никак не могли знать о нем *все*, и если, вдобавок, их сообщения дошли до нас не в подлинниках, а через многозвенную цепь **переписчиков** с редакционными наклонностями (какими все они были в допечатный период), то рассказ сильно изменял свой характер при каждой переписке, в зависимости от симпатии или антипатии автора к данному деятелю, а если он передавался от одного к другому **устно** хоть три — четыре раза, то делался совсем неузнаваемым.

Но к счастью почти во всех библейских сообщениях о великом царе-маге мы, несмотря на разнообразие их размещения

по векам и странам, всегда видим достаточно общих черт, чтобы признать, что они все выросли из того же корня. Так и в библейской легенде о пророках Илие и Елисее, вставленной в книгу «Цари» в царствование грешнейшего из всех царей Ахава, мы без труда узнаем евангельского Христа и его любимого ученика Иоанна, а в Ахаве — императора Валента.

Прежде всего сообразим: где и когда они жили в Палестине?

Я уже показал (во второй книге «Христа»), что по геофизическим условиям ее местности в ней никогда не могло быть таких царств, какими описывается в Библии богоборческое (израильское по-еврейски) и богославное (иудейское по-еврейски), и что под именем Столбной горы (Сиона) в Библии описывается Везувий, а под именем Иерусалима — Геркуланум или Помпея. Я показал в первой книге параллелизм династических событий богоборческого царства Библии с династическими событиями «всемирной Римской империи» преемников Аврелиана и то, что библейский царь Ахав (т.-е. «Дядя») списан с императора Валента. Значит, действие относится и тут к промежутку 363 — 368 годов нашей эры, так что Илия хронологически налегает прямо на Великого царя (Василия Великого).

Имя Илия по еврейскому начертанию АЛ-ИЕУ[1] значит бог Громовержец. Он охарактеризован, подобно Иисусу, как обратно придущий[2] и поселившийся на огнедышащей горе Свидетельства, т.-е. не иначе, как на Везувии. Я здесь буду звать его просто Гремящий Пророк, употребляя вульгарное прозвище пророка Илии.

Имя его преемника Елисей (АЛ-ИШЭ)[3] значит богоспаситель, и он характеризуется как сын Карающего Жезла,[4] что приводит его родословную, повидимому, в связь с пиниеобразным облаком над Везувием или с кометой.

Он умер,— говорит нам Библия,— в царствование Иоаша, которого по тому же параллелизму династических событий мы уже отожествили с Аркадием (395 — 408), так что смерть его совпадает со смертью Иоанна Златоуста, автора Апокалипсиса.

---

[1] אל־יהו (АЛ-ИЕУ) — бог - Иегова.
[2] תשבי (ТШБИ) от תשבה (ТШУБЕ) — обратный приход.
[3] אל־ישע (АЛ-ИШЕ) — сокращенное אל־ישועה (ИЛ-ИШУЭЕ)— бог-Спасатель, бог-Освободитель.
[4] שבט = שפט (ШБТ = ШПТ) — жезл для наказания.

Гремящий Пророк вознесся, по легенде, живым на небо, что сближает легенду о нем с рассказами о вознесшемся туда же Иисусе, так что и в Елисее можно заподозреть даже и без династических параллелизмов его любимого ученика Иоанна.

Рассмотрим же и эти библейские рассказы как с психологической, так и с астрологической точек зрения.

«Гремящий Пророк,— говорит нам книга «Цари», — живший на «Горе Свидетельства», сказал царю-Дяде (Ахаву-Валенту, по нашим сопоставлениям):[1]

«— Клянусь Громовержцем, богом богоборцев, перед которым я теперь стою! Не будет в эти годы ни дождя, ни росы иначе, как по моему приказанию (Цари, 17,1).

«Он пошел и остановился у потока Разделения, что рядом с Эриданом *(территориально рекой По в Ломбардии)*, и ворон приносил ему туда хлеб и мясо вечером и утром, а из потока он пил (Цари, 17,5).

«Но вот исчез от засухи и этот поток *(Эридан скрылся за солнцем в мае* (Цари, 17, 5—7). Гремящий Пророк встал и пошел в Твердыню Срама[2] к Великому Ловцу *(солнце пошло из Льва через Деву к Скорпиону)*.[3] При входе туда он увидел вдову *(оставленную солнцем Деву)*, собирающую себе топливо *(в огне зари)*, и сказал ей:

«— Принеси мне немного воды в чаше напиться и дай лепешку хлеба.

«— У меня только горсть муки в кадке, — ответила она,— и немного масла. Возьму здесь два полена дров и приготовлю для себя и сына. Съедим и умрем.

«— Не бойся,— ответил ей Гремящий Пророк.— Сделай хлеб прежде для меня, а для себя и сына сделаешь после. Так говорит тебе бог богоборцев: «не истощится мука в твоей кадке и масло в твоей чаше до того дня, пока не упадет на землю дождь».

«Она сделала, как он сказал, и кормилась вместе с ним и своим домом некоторое время, а хлеб и масло у нее не исто-

---

[1] «Христос». Первая книга, ч. III, гл. 3.
[2] צר־פתה = צור־פות (ЦР-ФТЕ = ЦУР-ФУТ) — твердыня срама царство блудодейства.
[3] צידון (ЦИДУН) — рыболов, часто с эпитетом Великий и постоянно в непохвальном смысле.

шились. И вот заболел ее сын и умер *(захиревший перед новолунием месяц подошел к солнцу в созвездии Скорпиона,* Цари, 17, 16). Гремящий Пророк взял его из ее объятий, положил на свою постель и трижды ложился на него, взывая:

« — О, Громовержец, мой бог! Возврати душу в этого мальчика.

«И, вот, душа возвратилась в юношу.

«— Смотри! — сказал Пророк его матери. — Твой сын жив *(месяц появился вновь).*

«— Теперь узнала я,— ответила она,— что ты действительно от бога и что в твоих устах слова Громовержца» (17, 24).

Не кажется ли вам, что этот рассказ для сказки слишком реален, а для реальности нелеп? Но он теряет свою нелепость, если понимать его в смысле скрытия месяца за солнцем, после его ухода из созвездия Девы, особенно если это сопровождалось затмением, как было 9 октября 348 юлианского года в созвездии Весов, и в частном виде было наблюдаемо во всей Южной Европе вскоре после восхода солнца.

Кроме того, не напоминает ли этот рассказ и евангельскую легенду о воскрешении Лазаря, хотя тот был оживлен и не таким способом? А неистощимые хлеб и масло не являются ли первоисточниками насыщения Иисусом несколькими хлебами уже не троих человек, а нескольких тысяч? Не являются ли даже эти хлебы планетами пекущимися в огне вечерней зари? Иначе, ведь, все это уже слишком нелепо.

Но проследим легенду и далее.

На третий год, когда «был сильный голод в Сторожевой стране,[1] призвал царь-Дядя (Ах-аб) заведующего царским дворцом «раба Громовержца»,[2] человека очень богобоязненного, скрывшего в двух пещерах сто провозвестников Громовержца по пятидесяти человек в каждой и питавшего их хлебом и вином, когда Шакалка шатра небес,[3] жена царя-Дяди, истребляла пророков Громовержца.

---

[1] שמרון (ШМРУН) от שמר (ШМР),—сторожить, название Римской области (см. «Христос». Вторая книга, ч. II, гл. 4).

[2] עבד־יהו (ЭБД-ИЕУ) — раб Громовержца.

[3] אי־זבל (АЙ-ЗБЛ) — происходит от сочетания АЙ — волк, шакал и זבול (збул) — круговорот светил в смысле небесного жилища и просто

«— Пройди по нашей земле ко всем источникам и ко всем потокам,— сказал ему царь,— и посмотри, не найдешь ли где травы прокормить наших лошадей и лошаков, чтоб не лишиться всего рабочего скота.

«Царь пошел искать одной дорогой, а заведующий царским дворцом — другой, и вот навстречу царедворцу идет Гремящий Пророк. Слуга царя пал перед ним на свое лицо:

«— Ты ли это, господин мой? — спросил он.

«— Я,— ответил тот,— пойди и скажи царю, что я здесь» (Цари, 18, 1—8).

«Когда царь-Дядя увидел Гремящего Пророка, он сказал ему:

«— Ты ли это, губитель богоборцев?

«— Не я гублю богоборцев,— ответил ему тот,— но ты и предки твоего отца, потому что вы презрели повеления бога Громовержца и поклоняетесь детям владыки.[1] Собери ко мне в Нагорный Сад [2] четыреста пятьдесят провозвестников владыки и четыреста дубравных священнослужителей, питающихся от стола твоей жены, Шакалки шатра небес» (18, 19).

Здесь невольно вспоминается, что и автор Апокалипсиса в послании к тиатирской церкви в Малой Азии говорит о той же шакалке:

«— Я имею немного против тебя за то, что ты позволяешь Шакалке шатра небес, называющей себя пророчицей, учительствовать и улавливать своих слуг, шарлатанить и есть посвященное изображениям. Я дал ей время покаяться, но она не покаялась, и вот я повергну ее на носилки, а шарлатанивших с нею в великую скорбь, если не раскаются в своих поступках. Я поражу ее детей смертью, и узнают все, что я испытывающий сердца и внутренности» (Апокал., 2, 23).

Простое ли это совпадение имен?

Ведь автор Апокалипсиса Иоанн Златоуст в 395 г. нашей эры называет Шакалкой шатра небес (Ай-Забелью) византий-

---

круг верующих, circus, откуда — церковь. Так, в пророчестве Исаия (63,15) имеем обращение к богу: ראה־מ־זבל־קדשך (РАЕ-М-ЗБЛ-КДШК) — посмотри из шатра святого твоего. А целиком это слово, вероятно, значит Небесный Шакал. Возможно также, что ЗБУЛ обозначает Сивиллу, как прорицательницу.

[1] בעלים (БЕЛИМ) — владыки, владельцы.

[2] כרמל (КРМЛ) — сад.

скую государственную церковь, эмблематически представляя ее в виде супруги цезарей и астрально в эмблеме созвездия Гидры. Имя Ай-Забел (АИ-ЗБЛ) — того же корня, как и Сивилла, — повидимому, взято здесь из Апокалипсиса, а не перенесено в Апокалипсис отсюда. Значит и время составления библейской легенды о Гремящем Пророке (Илие) и о его ученике богоспасателе относится не ранее, как к началу V века нашей эры, когда нарицательный смысл Шакалки шатра небес был еще достаточно памятен. Но возвратимся снова к рассказу.

«— Долго ли вам хромать на оба колена? — сказал Гремящий Пророк всему народу, сошедшемуся с шакалкиными священниками. Если Громовержец есть бог, то следуйте за ним, а если Владыка *(повидимому, Сатурн, и дело идет о сатурналиях)*[1] — бог, то следуйте за ним.

«— Пусть дадут нам двух тельцов, и пусть провозвестники Владыки выберут себе одного из них. Пусть зарежут его и положат без огня на дрова, а я сделаю то же с другим тельцом. Пусть они призовут своего бога, а я призову Громовержца».

Провозвестники Владыки[2] взяли одного тельца, приготовили его и призывали имя своего бога, от утра до полудня, но не было им ни ответа, ни отклика. Гремящий Пророк стал смеяться над ними, говоря:

«— Кричите громче! Может-быть Владыка задумался, или в отлучке, или в дороге, а может-быть и заснул!

«Они стали кричать вдвое, кололи себя, по своему обыкновению, ножами и копьями, так что кровь лилась по ним, но все-таки не было ни голоса, ни звука им в ответ» (Цари, 18, 28).

И вот Гремящий Пророк взял двенадцать камней, по числу сыновей богоборца *(астрализированных в созвездиях Зодиака)*, рассек Тельца *(солнце прорезало созвездие Тельца?)* и положил его даже не на сухие дрова, а велел поливать их по четыре ведра трижды, так что вода полилась кругом Жертвенника и заполнила весь ров, сделанный кругом него. Он подошел к Жертвеннику при закате, во время вечерней зари, и сказал:

[1] Припомним в I книге «Превращений» Овидия:

«После того, как Сатурн побежденный низвергнут был в Тартар.
«Миром правление принял Юпитер, и век изменился» (I, 114).
Юпитер и есть бог Громовержец.

[2] בעל (БЭЛ) — здесь везде стоит это имя, значащее «повелитель», но это не планета Юпитер, которая пишется БЛ, а скорее Сатурн.

«— Услышь меня, Громовержец! Услышь меня, Громовержец! Пусть знает этот народ, что ты — бог.

«И вот ниспал огонь от Громовержца и пожрал жертву всесожжения и деревья, и камни, и землю, и воду, которая была во рве кругом Жертвенника. Это видел весь народ, и все упали на свои лица, говоря:

«— Громовержец — бог! Громовержец — бог!

«А Гремящий Пророк, — продолжает далее легенда, — привел провозвестников Владыки к потоку в Нагорном Саду и заколол их там в жертву Громовержцу» (18, 40).

Опять совершенно нелепое сказание, если это не ежегодное сожжение созвездия Тельца в огне вечерней зари в мае месяце. Как могли бы пятьдесят человек позволить одному вести себя куда-то и заколоть там? Да и дальше не лучше.

«— Пойди к морю и посмотри», — сказал тогда Гремящий Пророк, повидимому уже спустившийся с небес на землю и вочеловечившийся на ней, своему мальчику.

Тот сходил и ответил:

«— Ничего нет.

«— Делай это до семи раз, — приказал он».

И вот, на седьмой раз юноша сказал:

«— Небольшое облачко, величиной с ладонь, поднимается с моря.

«— Пойди, скажи царю-Дяде, — ответил ему Пророк, — чтобы запрягал своих лошадей и ехал домой.

«И вот небо помрачилось от туч и полился дождь» (18, 45).

Царь-Дядя сел на колесницу и поехал в божию Крепость,[1] а Гремящий Пророк *бежал перед ним* до самого города...

Царь-Дядя пересказал Шакалке шатра небес все, что сделал в этот день Гремящий Пророк, и как он убил всех ее священнослужителей. Она рассердилась и послала своих слуг сказать ему:

«— Пусть сделают мне боги, что хотят, если я не совершу завтра с твоей душою того, что ты сделал с душою каждого из них!

[1] י־דרוע־אל=יזרע־אלה (ИЗРЭ-АЛ=И-ЗРУЭ-АЛ) — мышца божия.

«Услышав это, Гремящий Пророк, дрожа, пошел в пустыню и сел под кустом дрока, говоря:

«— Довольно мне, Громовержец! Возьми мою душу. Я не лучше моих отцов».

Он заснул от горя под кустом, но, вот, Вестник Громовержца коснулся его и сказал:

«— Встань! Поешь!»

Он увидел лепешку и кувшин воды у своего изголовья, поел, напился и опять заснул. Вестник во второй раз коснулся его:

— «Еще поешь,— сказал он ему,— потому что далека твоя дорога».

Подкрепившись снова, Пророк шел сорок дней и сорок ночей до божьей Горы, называемой Опустошителем *(т.-е. до Везувия)*, и ночевал там в пещере.

«— Зачем ты здесь? — сказал ему чей-то голос.— Поди и встань на горе. Будет буря, раздирающая скалы, но не в ней бог Громовержец; после бури будет землетрясение, но не в нем бог Громовержец; после землетрясения будет огонь, но не в нем он; после огня будет веянье тихого ветерка (19, 12): там будет бог Громовержец».

Здесь сцена действия, как в театре после смены декораций, переносится уже явно на Везувий.

Как бы вы ни смотрели на это сказание, но вы не найдете другой огнедышащей горы, известной в древности, кроме Везувия (да Этны). Легенда говорит здесь ясно не только об астральных явлениях, на которые намекает само имя Гремящего Пророка — Илия (по-еврейски: бог Громовержец, а по-гречески Солнце, Элиос), но и о путешествии какого-то единственного по своему могуществу пророка, покровительствуемого Солнцем, с востока в Италию, к Везувию.

«Он пришел оттуда в город наследственного правления (Дар-Мешк), вероятно в Буда-Пешт или в Вену, древний Веден,[1] — говорит далее легенда, — и нашел по дороге Богоспасателя (Елисея), сына Карающего Жезла, когда тот *(астрономически)* пахал на двенадцати парах *(небесных)* волов и стоял в то время при двенадцатой паре *(т.-е. наблюдал созвездие Рыб)*. Гремящий

[1] דר־משך (ДР—МШК), от ДР—род, и МШК—двигать, править. А древний Веден (теперь Вена) значит: ведающий, правящий.

Пророк подошел к нему, бросил на него свой плащ *(в символе лунного затмения в Рыбах?)*, и тот пошел ему служить» (19, 21).

Смысл этого места вполне ясен. Гремящий Пророк нашел астролога, усердно исследовавшего путь быстроходного месяца по двенадцати созвездиям Зодиака, в каждом из которых заключалось по два часа прямого восхождения светил. Эти созвездия и есть пашущие пары волов, а время определено лунным затмением в Рыбах, в двенадцатой их паре. Но из таких затмений при жизни Василия Великого было только одно: 368-IX-13, в 4 часа 18 минут от Гринвичской полуночи, почти полное (11″ 9), при чем месяц зашел в затмении при восходе солнца во всей Европе.

Тут временно прерывается легенда об Илие и Елисее, сменяясь в «Книге Царей», где она содержится, посторонними рассказами, из которых только один имеет для нас значение, как явно астрального происхождения.

«Подле дворца царя-Дяди»,— говорит автор,— был виноградник Меркурия[1] из Твердыни божией (21, 1). Царь-Дядя хотел выменять его на свой, лучший, и придать еще серебра *(т.-е. придворные астрологи «царя-Дяди» хотели сделать домом Солнца созвездие Девы — дом Меркурия, а Меркурию отдать дом Солнца — созвездие Льва, прибавив сюда и звездочки сребренники в созвездии Волос Вереники)*. Но Меркурий не согласился отдать свое наследственное владение. Увидев, что царь очень огорчился, Шакалка шатра небес, его жена *(т.-е. государственная церковь)*, подговорила старейшин города найти против Меркурия двух лжесвидетелей *(Близнецов)*, которые показали бы перед старейшинами, что он хулил бога и царя. Его приговорили к побиению камнями *(огнеметом геркулид в апреле?)*, побили, и царь-Дядя взял его виноградник. Но Пророк Громовержец сказал ему:

«— Ты предался тому, чтобы делать неугодное перед очами Громовержца. Поэтому так говорит он: «Я наведу на тебя беды и даже вымету за тобою пол! Я истреблю у царя-Дяди всякого мочащегося к стене... А Шакалку шатра небес съедят псы за стеною его твердыни» (22, 23).

[1] נבות (НБУТ) — Меркурий. Отметим, что астрологический дом Меркурия — созвездие Девы, где находится звезда Виноградарница, и сама эта звезда лежит рядом с домом Солнца — созвездием Льва.

Так неудачно окончилась чья-то астрологическая попытка сделать домом Солнца созвездие Девы, а Меркурию отдать созвездие Льва, затеянная, повидимому, уже из христианских соображений о рождении сына божия от Девы.

«Услышав такое пророчество, — оканчивает автор, — царь-Дядя разодрал свои одежды, возложил на тело вретище, долго постился и ходил печально.

«— Видишь, как смирился предо мною царь? — сказал бог Громовержец Гремящему Пророку. — За это я не наведу обещанных бед в его дни, а наведу их в дни его сына» (21, 2).

И, действительно, царь Дядя, — по дальнейшим словам «Книги Царств» — умер без приключений и над богоборцами воцарился его сын Раб Громовержца *(Охозия)*. Но скоро он упал из окна своего дворца, занемог и послал послов к Владыке планетного круга,[1] богу Истребителю *(Сатурну)*, спросить, — выздоровеет ли он? Но они возвратились с полдороги и сказали царю:

«— Навстречу нам вышел некто, велевший передать тебе: «разве нет бога у богоборцев, что ты посылаешь к Владыке планетного круга — богу Истребителю? За это ты умрешь на своей постели».

«— Какой вид у того человека? — спросил царь.

«— Он весь в волосах *(лучах)* и подпоясан кожаным поясом.

«— Это Гремящий Пророк! — ответил им царь, и послал к нему на гору пятидесятника с отрядом.

«— Богочеловек! — сказал тот, увидев его на вершине, — царь приказывает тебе: спустись!

«— Если я богочеловек, — ответил тот, — то пусть сойдет огонь с неба и пожрет тебя.

«И вот огонь сошел и пожрал посланного со всем отрядом» (11, 1, 10).

То же случилось и со вторым посланником и с его отрядом. А «третий пятидесятник, узнав об этом, пал сначала на колени перед Пророком:

«— Богочеловек! — умолял он его, да будет не малоценна моя душа и душа этих рабов твоих перед твоими глазами!»

Тогда Гремящий Пророк сошел с вершины горы и пошел с ним к царю.

---

[1] בעל־זבול (БЕЛ-ЗБУЛ) — властелин круга планет.

И царь умер по его слову и воцарился вместо него Боговозвышенный (Иорам).

Считая «Боговозвышенного» списанным с Валентиниана II (375 — 392), мы, действительно, видим частное солнечное затмение во всем бассейне Средиземного моря 8 сентября 378 года в созвездии Девы, вскоре после смерти Валента. В полном виде оно шло через всю Сахару из Атлантического в Индийский океан и могло быть принято за пророчество смерти царя.

И вот опять действие явно переносится на небо, так как на земле не могло быть ничего подобного:

«Пророк Громовержец *(в символе солнца)* пошел по Орбите [1] вместе с Богоспасателем *(месяцем)* и сказал ему:

«— Останься здесь *(т.-е. в южном полушарии неба)*, — потому что Громовержец посылает меня в божий чертог»[2] *(астрально в созвездие Близнецов, где солнце поднимается всего выше)*.

«Но тот ответил ему:

«— Клянусь Громовержцем и моей душой! Не оставлю тебя!

«Они пришли к Чертогу бога, и вот, дети тамошних провозвестников *(в символах звезд или планет?)* вышли к Богоспасателю и сказали:

«— Знаешь ли ты, что сегодня Громовержец вознесет твоего господина над твоей головой *(т.-е. солнце в новолуние перейдет через экватор в верхнюю гемисферу неба)*.

«— Знаю, — ответил он. — Молчите!

«— Останься здесь, — сказал ему снова Гремящий Пророк, — потому что Громовержец посылает меня в город Месяца»[3] *(в созвездие Рака, дом луны, куда солнце идет из Близнецов)*.

«— Нет! Не оставлю тебя!» — сказал тот.

И вот, пришли они в дом Месяца.

«Дети тамошних провозвестников и тут подошли к Богоспасателю и сказали:

«— Знаешь?

«— Знаю, — ответил он. — Молчите!

---

[1] גל־גל (ГЛ-ГЛ) — кружащийся круг, орбита планеты.

[2] בית־אל (БИТ-АЛ) — чертог бога, шатер бога.

[3] ירחו (ИРХУ) — от ירח (ИРХ) месяц, луна, созвездие Рака.

«— Останься здесь, — сказал ему в третий раз Гремящий Пророк, — потому что Громовержец посылает меня к Реке Нисходящих *(опять вниз по эклиптике)*.[1]

«— Клянусь Громовержцем и моей душой! Не оставлю тебя! — ответил снова Богоспасатель, и оба пошли к Реке Нисходящих (Эридану).

«Пятьдесят из детей тамошних провозвестников *(облаков)* пошли за ними и встали напротив. Громовержец взял свой плащ, свернул и ударил по воде. Она расступилась на обе стороны, и они перешли реку по-суху.

«— Проси,—сказал он Богоспасателю *(в символе Месяца)*,— что тебе сделать, прежде чем я буду взят от тебя?

«— Пусть будет на мне вдохновение в два раза больше твоего! — сказал ему тот.

«— Многого ты требуешь, — ответил ему Гремящий Пророк,—но если увидишь меня поднимающимся от тебя, то будет так.

«И вот явилась *(в утренней заре)* огненная колесница, запряженная огненными конями, и понесся Гремящий Пророк *(символизируемый солнцем)* в вихре на небо (рис. 60, стр. 422).

«— Отец мой! Отец мой! — восклицал Богоспасатель. — О, богоборческая колесница и ее всадники!»

«Он схватился за свои одежды, разорвал их на две части, и не видел более своего учителя *(месяц через четырнадцать дней перешел на противоположную сторону неба к Эридану)*. Он поднял упавший с него плащ на берегу Реки Нисходящих и ударил им по воде, со словами:

«— Где ты, Громовержец, бог Гремящего Пророка, тот самый?

«Вода расступилась на обе стороны, и он перешел через реку.

«— Дух Гремящего Пророка почил на Богоспасателе!» — сказали провозвестники Реки Нисходящих.

«Они вышли к нему навстречу и поклонились до земли.

---

[1] Здесь ירדן (ИРДН) — спускаться вниз, нисходить в могилу. В Талмуде его производят от сочетания ירד־דן (ИРД-ДН) — Спуск суда—Судный спуск. В астрологии, обычно, это—созвездие реки Эридана, но здесь оно далеко, и потому приходится его принять за другую реку, текущую на старинных астрологических картах от ног Колесницы (Б. Медведицы) вниз ко Льву и Деве.

«— У нас есть пятьдесят скороходов, пусть они пойдут и поищут твоего господина. Может-быть, дух Громовержца низверг его на вершине одной из гор, или в одной из долин.

«— Не посылайте! Не найдете! — ответил он им.

«Но они все-таки искали три дня и не нашли».

Само собою понятно, что и этот рассказ не похож ни на сказку, ни на реальность и может иметь лишь астрологический смысл: затмение луны над Эриданом перед восходом солнца. Но оно могло быть апокрифировано сюда не ранее как с затмения 16 ноября 430 года (19″4). Перед этим было лишь 22 ноября 169 г.

Кроме того, не кажется ли вам эта легенда аналогичной евангельскому рассказу о вознесении Иисуса на небо перед апостолами?

«Новому пророку, — говорит далее книга «Цари», — стали жаловаться на смертоносность Реки Нисходящих (Эридана).

«— Дайте мне новую чашу, — сказал он, — и положите туда соли. Он вылил чашу в воду реки *(т.-е. на следующее новолуние вслед за заходом солнца месяц показался в виде чашечки над зашедшим Эриданом, скрывшимся в огне вечерней зари)*.

«— Так говорит Громовержец, — сказал он, — не будет от нее впредь ни смерти, ни гибели!

«И стала вода этой реки здоровой вплоть до наших дней, а он пошел в Дом бога *(Ясли в созвездии Рака)*. На дорогу к нему вышли дети *(звезды Близнецов)* и, насмехаясь, говорили ему:

«— Иди, плешивый! Иди, плешивый!

«Он оглянулся и проклял их именем Громовержца. И два медведя тотчас вышли из леса и растерзали сорок и два ребенка».

Вот опять известие, которое не годится ни для сказки, ни для реальности... И здесь дело, повидимому, идет просто о лунном затмении в созвездии Близнецов, когда луна стала как бы плешивой, и о тучах, налетевших туда после этого из Большой и Малой Медведиц. А такое затмение мы имеем при Иоанне Златоусте только 26 декабря 372 года, в 23 часа 11 минут перед Гринвичской полуночью, со сверхполной фазой (16″2). Оно было превосходно видимо в средине ночи во всех странах Средиземного моря.

«Оттуда Богоспасатель пошел снова в Нагорный Сад и возвратился в Сторожевой Город *(Рим)*» (11,2, 1—25).

*

«Около этого времени, — говорит легенда, — властвовал Боговозвышенный[1] *(ИЕУ-РАМ,* по нашим династическим параллелизмам — *Валентиниан, 375 — 392 г.г.),* — сын царя-Дяди. — Он снял статую Владыки, сделанную его отцом, но все же держался заблуждений, установленных Заступником народа *(Константином I, первым царем богоборцев),*[2] сыном Прозорливца,[3] введшим народ в заблуждение (Цари, 3, 1—3). Он пришел вместе с Божиим судьей (ИЕУ-ШАФТ), царем богославных и с царем италийским[4] к Богоспасателю, чтобы он предрек, будет ли успешна его война с туземцами (МУАБ).

«— Еслиб я не уважал пришедшего с тобой царя богославных,—ответил ему Богоспасатель, то даже и не взглянул бы на тебя и не увидел бы тебя! А теперь подайте мне гуслиста».

И пока гуслист играл, он говорил:

«— Делайте на этой долине рвы за рвами! Вы не увидите ни ветра, ни дождя, а долина будет полна воды для вас и вашего скота» (Цари, 3, 14—17).

И он умолк, ничего не сказав более.

«И, вот, когда утром солнце засияло над водою реки, она показалась туземцам красною, как кровь.

«— Это, — сказали они, — цари сразились друг с другом. На добычу, туземец!» (3, 12).

«Но богоборцы, внезапно вскочив, стали их бить, вступили в их землю, разрушили города, закидали камнями все хорошие поля, запрудили все протоки вод и срубили лучшие деревья. Царь побежденных, в отчаяньи, взял своего сына первенца и принес его в жертву всесожжения на городской стене. Тогда поднялся сильный «гнев» на богоборцев, они отступили и возвратились в свою землю» (3,22—27).

И тут без астрологии не получается никакого смысла. Я отмечу, что созвездие Реки Эридана погружается каждый год в марте в кровь вечерней зари, и после этого на стене неба

---

[1] יהורם (ИЕУ-РМ) — возвышенный Громовержцем в церковном тексте — Иорам.

[2] ירבעם (ИРБ-ЭМ) — заступник народа, в церковном тексте — Иеровоам.

[3] נבט (НБТ) — глядеть, высматривать, в церковном переводе Новат.

[4] אדום (АДУМ = АДМ) — еврейское имя Италии.

появляется Персей с отрубленной головой Медузы в руках. А под выражением «гнев» на богоборцев можно заподозреть или комету, или огнемет метеоритов.

Труднее поддается объяснению следующее сказание:

«Около того же времени, — продолжает автор, — одна вдова из пророческой семьи, у которой заимодавец хотел взять в рабство сыновей, если она не уплатит долгов умершего мужа, пошла просить Богоспасателя о помощи.

«— Что у тебя есть в доме? — спросил он.

«— Ничего, кроме кувшина с маслом.

«— Пойди и набери как можно больше кувшинов у соседей, запри за собою дверь и наливай в них из твоего кувшина.

«Она сделала по его слову и наполнила маслом много кувшинов. Она заплатила, продав масло, все свои долги, и жила на остатки со своими детьми».

Астрологического смысла здесь не видно, но не аналогично ли это сообщение евангельскому насыщению тысяч народа несколькими хлебцами?

А далее мы находим совсем уже удивительное сообщение:

«Богоспасатель *(Елисей),* — говорит автор, — сказал одной сунамитянке, которая принимала его в своем доме:

«— Через год в это самое время ты будешь обнимать сына».

Она тотчас стала беременной и родила сына в то самое время, как предсказал ей пророк. Ребенок вырос, пошел к отцу на жнитво, но вдруг воскликнул:

«— Голова моя, голова моя!

«Слуга отнес его к матери, и он умер до полудня на ее коленях» (4, 16—20).

«Она пошла и положила его на постель, где обыкновенно ночевал у них в доме богочеловек (АЙШ-АЛЕИМ), оседлала ослицу и сказала слуге:

«— Иди и веди! Не останавливайся, пока не скажу тебе.

«Она приехала к Нагорному Саду и ухватилась за Богоспасателя. Слуга его, по имени Низина Прозренья[1] хотел оттолкнуть ее, но богочеловек сказал ему:

«— Оставь! У нее душа огорчена, а Громовержец скрыл от меня — чем» (Цари, 4,27).

---

[1] גי־חזי (ГИ-ХЗИ) — дол прозренья (גיא־חזוי).

Женщина рассказала ему все.

«— Возьми мой посох в свою руку, — сказал он слуге, — опояшь свои бедра и беги. Если встретишь кого, не приветствуй, и если кто будет тебя приветствовать, не отвечай! Положи мой посох на лицо ребенка» (4,29).

Слуга побежал впереди обоих и сделал, как ему сказали, но не было ни голоса, ни послушания от ребенка. Он возвратился к ним, когда они были еще на полпути, и сказал:

«— Не пробуждается.

«Пророк пришел, вошел в комнату и запер за собою дверь. Он помолился Громовержцу, лег на ребенка *(т.-е. сделал то же самое, что и его учитель Гремящий Пророк в начале этого рассказа)*,[1] приложил свои губы к его губам, свои глаза к его глазам, свои ладони к его ладоням. Согрелось тело ребенка, и тогда, пройдя взад и вперед по комнате, богочеловек снова лег на него. Семь раз чихнул ребенок и открыл свои глаза. Пришла его мать, упала к ногам Пророка, поклонилась ему до земли, и он возвратился к Орбите»[2] (II Цари, 4,38).

Мы видим здесь, как вышеприведенная астральная легенда о возрождении месяца после закрытия его солнцем вдруг была метаморфозирована каким-то дальнейшим пополнителем в такой курьезный способ лечения потерявших сознание. Но очень может быть, что он и употреблялся в древности в этих случаях, так как совершенно такой же поступок совершил, как мы видели выше, и Гремящий Пророк (Илия). Я думаю, что дело идет о покрытии месяцем одной из крупных звезд.

А вот, в дополнение к этому, еще очень простой способ и для излечения отравленных.

«Был голод на земле, — продолжает автор. — Один из пророческих сынов пошел в поле, нашел дикое вьющееся растение и набрал с него полный подол плодов. Пророческие дети накрошили их в котел с похлебкою, но, поевши, вдруг закричали *(от боли в животах)*:

«— Богочеловек! Смерть в этом котле!»

А он всыпал в котел простой муки и сказал:

«— Теперь наливайте и ешьте без вреда!

---

[1] См. выше, а в Библии I Цари, 17, 21.

[2] גל־גל (ГЛ-ГЛ) — кружащееся колесо, орбита, раскат грома.

«И вот в котле не стало ничего ядовитого» (4,41).

Аналогично неистощимому маслу Гремящего Пророка, мы находим то же и здесь.

«Некто пришел от троевластника и принес богочеловеку из начатков своего хлебного сбора двадцать маленьких ячменных хлебцев и небольшой мешечек сырых зерен.

«— Отдай их людям, пусть они едят! — сказал Пророк своему слуге.

«— Что я дам тут ста человекам? — спросил тот.

«— Отдай, — повторил Богоспасатель, — наедятся и еще останется!

«Слуга роздал всем, и все наелись досыта» (4,44).

Вы видите, что случилось почти совершенно то же, как было и в легенде о христианском спасателе! А вот, теперь идет и еще рассказ, напоминающий евангельский, который я уже приводил во второй книге, но напомню и здесь.

«У царя горцев был великий военачальник, очень уважаемый, но прокаженный, по имени Приятный (НЭМН). Маленькая девочка, из богоборческих пленниц, служившая его жене, сказала ей:

«— О, еслиб господин мой побывал у Пророка в моей стране! Он тотчас снял бы с него проказу (II Цари, 5,1—3).

«Полководец передал это своему властелину, и тот отправил его к царю богоборцев с письмом:

«— Посылаю к тебе моего слугу, чтобы снять с него проказу.

«Разодрал царь богоборцев свою одежду, получив такое письмо.

«— Разве я бог, оживляющий мертвых? — сказал он. — Знайте все и смотрите зорко: он подкапывается под меня!

«Но Богоспасатель послал к нему сказать:

«— Зачем ты разорвал свое платье? Пусть он придет ко мне и узнает, что есть Пророк у богоборцев.

«Когда полководец горцев на своих конях и колеснице остановился у входа в его дом, Богоспасатель выслал к нему своего слугу сказать:

«— Пойди, омойся семь раз в реке Эридане *(теперь река По в Ломбардии)*, и твое тело обновится».

Я опять спрошу читателя: не напоминает ли ему это место легенды об исцелении христианским спасателем прокаженных

и о купели Силоамской? Но вот тут и дополнение к ней, которого нет в Евангелии:

«Разгневался полководец.

«— Я думал, — сказал он, — что Пророк встанет передо мною, призовет имя Громовержца, своего бога, возложит руку на прокаженное место, и спадет с него проказа. Не лучше ли всех богоборческих рек Дар-Мешские реки Абна и Фарфар?[1] Разве я не мог бы омыться в них?

«Он повернулся и пошел в гневе прочь. Но его слуги сказали ему:

«— Отец наш! Разве ты не сделал бы чего-нибудь поважнее этого, если бы сказал тебе Пророк? А ведь он сказал тебе только: омойся и будешь чист!

«Он пошел, окунулся семь раз в реке Эридане, как велел ему богочеловек, и обновилось его тело, как тело маленького ребенка.

«Он возвратился к Пророку и сказал ему:

«— Теперь я узнал, что нет бога на всей земле, кроме бога богоборцев! Прими дары от твоего слуги» (5,15).

Но Богоспасатель не согласился взять что-либо, и он поехал домой. А Низина Прозренья, слушая Пророка, побежал за ним и сказал:

«— Мой господин послал меня передать тебе, что к нему пришли с Аф-Римской горы два молодых человека из пророческих детей. Дай им талант серебра и две перемены одежд.

«Полководец дал ему два таланта и два кошелька, кроме двух перемен одежды, а слуга спрятал их у себя. Богоспасатель спросил его:

«— Откуда ты, Низина Прозренья?

«— Я никуда не ходил, — ответил тот.

«— Присутствовало мое сердце в том месте, где поворотился к тебе тот человек со своей колесницы, — ответил ему Богоспасатель. — Время ли теперь брать одежды и серебро, или масличные сады и виноградники, мелкий и крупный скот, рабов

---

[1] אבנה (АБНЕ) = אמנה (АМНЕ) от אבן (АБН) — камень, а פר־פר (ФР-ФР) считают за современный небольшой ручеек по имени Авадж близ Дамаска. Но трудно допустить, чтобы он был лучше всех других рек...

и рабынь? Пусть же его проказа пристанет к тебе и твоему потомству навек!

«И вышел от него слуга весь прокаженный, как снег» (5,27).

Затем Богоспасатель произвел еще чудо, хотя и кажущееся сравнительно простым, но все же не менее поразительное для современного физика:

«У одного из пророческих детей, когда он рубил деревья для дома на берегу Эридана, упал в глубину воды топор».

Как было его достать?

Оказалось, что не нужно было даже и нырять за ним. Богоспасатель отрубил ветку от одного из срубленных этим топором бревен, бросил в воду, и вот, топор тотчас же всплыл к ней (6,6). Само собою понятно, что после этого о всеведении Пророка распространилась такая громкая слава, что когда царь горцев захотел итти воевать с богоборцами, то один из слуг счел долгом предупредить его:

«— Пророк, живущий у них, пересказывает своему царю все, что ты тайно приказываешь войскам, и потому богоборцы не попадут в твои засады.

«— А где он теперь? — спросил его царь.

«— На Горе Закона (Везувии).

«Царь послал туда коней, колесницы и большое войско, и вот, встав утром, слуга Богоспасателя увидел, что гора окружена.

«— Увы, господин мой! — сказал он. — Что нам делать?

«— Не бойся, — ответил ему тот. — Тех, кто с нами, больше, чем тех, кто против нас».

И тотчас после этих слов Громовержец открыл слуге глаза, и он увидел, что вся гора кругом наполнена огненными конями и колесницами.

«Горцы подошли к ней, но Громовержец поразил их ослеплением.

«— Это не та дорога и не тот город, — сказал им сошедший к ним Пророк. — Идите за мною, и я провожу вас к тому человеку, которого вы ищете».

А вместо того он привел их в засаду к царю богоборцев.

«— Громовержец! Открой им глаза! — сказал он.

«И вот, они увидели, где находятся.

«— Не перебить ли мне их, отец мой? — спросил его царь богоборцев.

«— Убиваешь ли ты мечом и луком своим тех, кого взял в плен? — ответил ему Пророк. — Предложи им лучше хлеба и воды, и пусть идут к своему царю.

«Он приготовил им большой обед, и с тех пор горские полчища не ходили более против богоборцев» (Цари, 6,24).

Так эффектно заканчивается новое чудо богочеловека. Однако, в следующей же строке утверждение автора, будто горцы никогда более не нападали на богоборцев, совершенно опровергается:

«После этого Сын Клича,[1] царь горцев, — говорит новый продолжатель этого сборника легенд, — собрал все свое войско и осадил столицу богоборцев. В ней начался большой голод, так что ослиная голова продавалась по 80 сиклей серебра и четверть каба голубиного помета по 5 сиклей...

«— Помоги мне, государь, мой царь! — с плачем сказала царю богоборцев *(повидимому, боговозвышенному Иораму)* одна женщина, когда он проходил по стене. — Моя соседка сказала мне: «давай съедим сегодня твоего сына, а завтра — моего!». Мы сварили и съели моего сына, а теперь она спрятала своего».

Разодрал царь свои одежды, и тут все увидели, что на его теле была власяница.

«— Пусть сделает мне бог все, что хочет, и еще больше того, — воскликнул он, — если сегодня останется голова на плечах Богоспасателя *(за то, что не выручает)*» (Цари, 6,31).

Но, прежде чем пришел посланный от царя в дом, где вместе со старшинами сидел богочеловек, тот сказал:

«— Вот идет посланник сына убийцы, чтобы снять с меня голову, а вот топот ног и самого пославшего.

«Еще не кончил он, как оба вошли.

«— Выслушайте слово Громовержца! — сказал им Пророк. — Завтра у ворот столицы, в это самое время, мера самой лучшей муки будет стоить только сикл и столько же две меры ячменя.

«— Уж не сделает ли Громовержец окно на небе *(чтобы сыпать вниз хлеб)*? — сказал сановник, на руку которого опирался царь. — Может ли это быть?

«— Увидишь своими глазами, — ответил ему Богоспасатель, — но только не будешь есть» (Цари, 7,2).

---

[1] בן־הדד (БН-ЕДД, где БН значит — сын, а ЕДД — клик, шум.

И вот, в сумерки того же дня четверо прокаженных, сидевших за воротами города, встали, говоря:

«— В городе голод, и мы в нем умрем, а если будем сидеть здесь, то тоже умрем. Спустимся лучше в стан горцев, и если там оставят нас в живых, то мы будем жить. А то умрем!»

Они пришли к краю стана, и вот, там нет ни одного человека... Громовержец сделал так, что войску послышался стук колесниц, ржание коней и шум большого войска.

«— Верно царь богоборцев нанял против нас готских[1] и миц-римских царей, — сказали они и побежали в сумерки, оставив свои шатры, ослов, коней и весь стан, как он был, спасая лишь самих себя» (Цари, 7,7).

«Прокаженные пили и ели, взяли серебра, золота и одежд, спрятали их, и, возвратясь, передали эту весть через привратника столицы в царский дворец» (7,11).

Царь (боговозвышенный Иорам, соответствующий Валентиниану II) подумал, что это военная хитрость горцев, и послал две колесницы с конями вслед за их войском. Колесницы доехали до Эридана, и вся дорога туда была усыпана вещами и одеждами, брошенными второпях.

Посланные возвратились, донесли об этом царю, народ вышел из города, разграбил стан горцев, и мера муки и две меры ячменя стали продаваться по сиклю, как обещал Пророк (7,16).

«А сановника, который сказал Пророку: «может ли это быть?», растоптал в воротах теснившийся народ» (7,19).

Еще дальше мы видим и предсказание о грядущем могуществе Австрии, так как во второй книге «Христа» я уже показывал, что под городом династического правления Дар-Мешком надо понимать Буда-Пешт (или Вену).

«Богоспасатель раз пришел в этот город, когда властелин *(тирольских)* горцев был болен (II Ц., 8, 9). Царь прислал к Пророку своего слугу Прозорливца (Аза-Ила)[2] с дарами, узнать, выздоровеет ли он, но Богоспасатель, уставивши на слугу свое лицо, долго молча плакал.

«— Отчего плачет мой господин? — спросил его Прозорливец.

---

[1] גת (среднее между ХТ и ГТ), по смыслу ужасный.

[2] חזה־אל (ХЗЕ-АЛ) — прозорливец бога.

«— Оттого, что я знаю, какое зло натворишь ты детям богоборца, — ответил тот. — Ты предашь огню их крепости, умертвишь их юношей и размозжишь их грудных детей... Громовержец указал мне в тебе будущего царя Нагорной Страны (*Тироля*) (Цари, 8,12). Поди и скажи твоему господину, что он выздоровеет, хотя я знаю, что он умрет» (II Цари, 8,10).

Тот пошел и сказал это, но на другой день, когда царю стало лучше, Прозорливец намочил в воде одеяло, положил на его лицо и, умертвивши, воцарился вместо него (II Ц., 8,15).

«— Подпояшь бедра свои, — сказал после этого Пророк одному из своих учеников, возьми этот сосуд с маслом, иди на высоту Холма Свидетельства [1] и отыщи там человека по имени Сущий (ИЕУА) (*хронологически налегающий на Феодосия Великого*), сына Суда, сына Избавления.[2] Вели ему выйти из средины его братьев, введи во внутреннюю комнату и, вылив масло на его голову, скажи: «по слову Громовержца — помазываю тебя в цари богоборцев!» Потом отвори дверь и беги без оглядки» (II Ц., 9,1 — 3).

Мальчик пошел и сделал так.

Тогда Сущий (Феодосий Великий) со своими воинами тотчас же поехал верхом захватить Город бога,[3] где лежал больной царь Боговозвышенный (Йорам), и куда пришел также и Богодержавный (Охозия), царь богославных, соответствующий кратковременному Евгению, преемнику Валентиниана, посетить его.

Здесь, как мы видим, характеристика библейского Богоспасателя сильно расходится с характеристикой евангельского Христа. Тот не принимал — по евангелиям — никакого участия в войнах и в политике, а этот даже помазывает на царство бунтовщика и низвергает двух царей, как видно из следующей легенды. Это более похоже только на Иоанна Златоуста, автора Апокалипсиса, под влиянием которого Феодосий Великий

---

[1] רמת־גלעד (РМТ-ГЛЭД) от רמות (РМУТ) — высота и ГЛЭД — холм свидетельства. יהוא (ИЕУА) вместо יהו־או (ИЕУ-АУ) — воля Громовержца или просто местное произношение слова יהוה (ИЕУЕ) — Иегова, бог Громовержец.

[2] יהושפט (ИЕУ-ШФТ) — божий судья. נמשי (НМШИ) — спасенного от опасности (по Зандерсу).

[3] יזרע־אל (ИЗРЭ-АЛ) — принадлежащий семейству бога.

истреблял многобожнические культы. А вот и те черты, которые сближают Сущего с Феодосием Великим, помимо их одновременности. Феодосий, родившийся в 346 году, составил себе, — говорят нам, — еще в молодости репутацию талантливого стратега. В 378 году готы, в битве при Адрианополе, уничтожили войска Валента, который погиб во время бегства, после чего вступил на престол Грациан, соправителем которого на Востоке сделался Феодосий. Но Максим, — продолжают греческие историки, — низложив Грациана, хотел низложить и Валентиниана, но был разбит Феодосием при Сисции. Потом франк Арбогаст убил Валентиниана и преемником его провозгласили Евгения. Однако, Феодосий разбил и его при Аквилее и стал единовластным над всей империей. Он жестоко подавлял ариан и многобожников и в 392 году издал эдикт, безусловно запрещающий все многобожные культы. Умер он в 395 году.

Посмотрим же, как отразилось это в библейской апперцепции.

«Страж, стоявший на башне божьего Города, — говорит книга «Цари», — увидел полчище Сущего (Феодосия) и поднял тревогу.

«— Возьми всадника, — сказал ему царь богоборцев, — и пошли спросить: с миром ли?

«— Что тебе до мира? — ответил посланнику новый помазанник, когда тот подъехал. — Поворачивай за мной!

«Страж донес, что посланник не возвращается. Царь послал другого, но и с ним произошло то же. Страж снова донес царю и добавил, что это должен быть Сущий, который водит свои войска необычным строем.

«— Запрягайте! — сказал царь богоборцев и выехал сам навстречу войску, вместе с Богодержавным, царем богославных. Он встретил Сущего на поле Меркурия из божьего Города.[1]

«— С миром ли? — спросил он.

«— Какой может быть мир при распутстве Шакалки шатра божия, твоей матери, и при множестве ее волхвований?

«Боговозвышенный (Иорам) повернул свою колесницу назад и закричал:

«— Измена, Богодержавный!

---

[1] נבות (НБУТ) — Меркурий.

«А в это время стрела Сущего пронзила его между плеч, прошла в сердце, и он упал на колени в своей колеснице.

«— Брось его на этом поле! — сказал Сущий своему сановнику Сыну Пронзения.[1] Вспомни, как изрек Громовержец, когда мы с тобою ехали здесь позади царя-Дяди: «Я отомщу тебе, царь-Дядя, на этом поле!»

Он погнался и за Богодержавным (Охозией) и ранил его на возвышенности Львенка,[2] при Потоке народа.[3] Тот добежал до Города Славы [4] и умер.

«Когда Сущий приехал в божий Город, Шакалка шатра небес насурмила свои глаза, украсила свою голову и спросила его, глядя из окна:

«— Все ли благополучно, певец,[5] убийца своего государя?

«Он поднял лицо к ее окну и сказал:

«— Кто там за меня? кто?

«Оттуда выглянули три евнуха.

«— Выбросьте ее! — сказал он им.

«Они выбросили ее из окна так, что кровь ее хлынула на стену и на коней. Он проехал по ней, потом напился, наелся и сказал (II[IV] Цари, 1 — 37):

«— Отыщите эту прокаженную и похороните, потому что она все же царского рода.

«Но от нее не нашли ничего, кроме черепа, ног и рук: ее съели собаки. Таково было слово Громовержца, изреченное через Гремящего Пророка, на поле надела божия:

«— Съедят псы тело Шакалки небесного шатра и будет ее труп как навоз, так что никто не скажет: «это Шакалка шатра божия» (см. I[III] Царей 21,23).

«Сущий разбил статую Властелина (БЭЛ), разрушил его храм и сделал из него отхожее место, **существующее и до сего дня,** но все же не отказался от ереси Иеровоама, который ввел в грех

---

[1] בדקר (БДКР) = בן־דקר (БН-ДКР) — сын Пронзающего (по Штейнбергу).

[2] גור (ГУР) — львенок.

[3] יבל־עם (ИБЛ-ЕМ) — поток народа.

[4] מגדו (МГДУ) — славный, от арабского МГД.

[5] זמרי (ЗМРИ) — певец, музыкант.

богоборцев: от золотых тельцов в божьем доме и от тех, что в доме Суда» (II Ц., 10,29).

«А мать Богодержавного, царя богославных (Эталия),[1] видя, что умер ее сын, истребила все царское племя и стала царствовать сама (11,1). Но сестра Богодержавного спасла одного из его сыновей, называвшегося Божий Огонь (Иоаш), и скрывала его семь лет в доме Громовержца.

«По истечении этого времени, священник Богослав роздал пришедшим к нему сотникам с их людьми копья и щиты царя Пыла *(Давида)*, бывшие в храме. Скороходы, каждый с оружием в руке, встали от правой до левой стороны храма у жертвенника, а Богослав вывел к ним царского сына и возложил на него **венец**. Его помазали на царство с криками:

«— Да здравствует царь!

«Эталия, услышав голоса бегущего народа, пошла в дом Громовержца, и, вот, стоит там царь по обычаю у столба, князья и трубачи рядом с ним, и веселится весь народ.

«— Заговор, заговор! — закричала она и, разодрав свои одежды, побежала обратно через конский ход к царскому дому, где и была умерщвлена» (II Цари, 11,16).

А народ пошел в дом Владыки, разрушил его изображения и убил дароносца,[2] его жреца, перед его жертвенником (11,18).

Так перемешивается легенда о библейском пророке Богоспасателе (Елисее) с астральными явлениями и с политической жизнью того времени. В этой легенде Богоспасатель рисуется не только врачом и пророком, предрекающим будущее, но также и заговорщиком, низвергнувшим посредством инспирированного им полководца Сущего двух земных царей: Боговозвышенного, царя богоборцев *(Иорама)*, у стен божьего Города, вместе с его матерью Шакалкой шатра небес, и Богодержавца *(Охозию)*, царя богославцев, после которого будто бы воцарилась его мать Эталия, истребившая все царское племя, но потом погибшая сама от руки первосвященника, воцарившего Божий Огонь (Иоаса).

Потом придворные убили и самый Божий Огонь, а у богоборцев, будто бы, воцарился новый Богодержавный [3] (Иоахаз),

---

[1] עתליה (ЭТЛИЕ) — значение непонятно.

[2] מתן (МТН) — дароносец.

[3] יהואחז (ИЕУ-АХЗ) — богодержащий.

придерживавшийся иеровоамовой ереси, а после него будто бы и еще новый Божий Огонь (Иоас), не отступивший от той же ереси. При нем Богоспасатель смертельно заболел, и Божий Огонь пришел к нему с плачем, восклицая:

«— О, мой отец! О, богоборческая Колесница и ее всадники!

«А пророк ему сказал:

«— Положи свои руки на лук, отвори окно на восток и выстрели!

«Тот выстрелил.

«— Это стрела твоей победы над горцами, — сказал Богоспасатель. — Теперь возьми стрелы и бей ими по земле.

«Царь ударил три раза и остановился.

«— Надобно было бить пять или шесть раз! — с гневом воскликнул богочеловек. — Тогда ты совершенно побил бы горцев, а теперь разобьешь только три раза!»

Тут пророк умер, но его кости сделались потом животворными.

«Когда погребали одного человека, то, испугавшись метнувшейся толпы, бросили его в гробницу этого пророка, и вот умерший, коснувшись его костей, воскрес подобно тому, как по христианскому преданию ожил еврейский мальчик, коснувшись вырытого из земли креста, на котором был распят христианский богочеловек и Богоспасатель. А Божий Огонь три раза разбил горцев и взял у их царя Бен-Адада города, отвоеванные им у своего отца» (II Ц., 13,25).

Таковы рассказы, находящиеся в библейской книге «Цари», принимавшиеся когда-то историками древней жизни человечества за основной фундамент всей «древней истории ближнего Востока». Все эти «чудеса» тщательно переписывались вплоть до самого конца XVIII века даже и в светских «всемирных историях», а теперь они сообщаются только в «священных историях христианских стран», да и то с оговорками, что в них присутствует «некий сокровенный смысл». В последнем утверждении теологи оказались правы, так как смысл многих таких рассказов, действительно, до сих пор был «сокровен», скрыт за семью печатями, особенно для незнающих астрономии, геофизики, геологии, сравнительной лингвистики, психологии и других современных наук. Но он не так уже сокровен для знающих эти науки, чтоб нельзя было его расшифровать.

Если легенды о Гремящем Пророке (Илие) и можно принять почти целиком за чисто астрономический миф о Элиосе-Солнце, то миф о Богоспасателе (по-еврейски Ал-Ише, а в греческом произношении — Елисее), на которого бог Солнце бросил будто бы свой плащ, только в некоторых случаях можно принять за чисто астральный. Конечно, о начале и этого мифа можно сказать, что если Илия — солнце, то спутник его Елисей — есть месяц, и брошенный на него солнцем плащ — это солнечная тень во время лунного затмения над созвездием реки Эридана, однако, точно определить время по одному этому указанию невозможно. Затмения такого рода бывают каждое столетие.

Да и некоторые детали обоих сказаний еще не совсем ясны. Кто такой слуга этого Елисея-Месяца Низина Прозрения,[1] на которого он наложил проказу исцеленного им военачальника? Уж не бурое ли затмение луны? — Кто такой и сам военачальник царя Сына Клича (Бен-Адада), по имени Приветливый, исцелившийся после семикратного погружения в Реку Нисходящих?

Основное требование при чтении всех древних собственных имен — это отыскать их значение, так как в древности не было еще интернациональных имен, в роде наших, а только осмысленные прозвища на своем языке. Но это иногда очень трудно сделать. Я пользовался здесь отчасти словарем Cruden'a, приложенным к The English Version of the polyglot Bible в издании S. Bagster'a в Лондоне, а также и огромным томом S. Mandelkern'a: Veteris Testamenti Concordanciae Hebraicae atque Chaldeicae. Lipsiae (1897 года). Я пользовался, кроме того, словарем О. Штейнберга: еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам ветхого завета (Вильна 1878 года); книгой Fabre-D'Olivet: La langue hebraïque restituée et le véritable sens des mots hébreux retabli et prouvé par analyse radicale. (Paris. 1815) и словарем V. Gesenius'a: Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch (Leipzig. 1915). И часто выходило, что определяющиеся по ним значения совершенно не подходят для реальных людей при их жизни.

Действительно, мы знаем русские имена: Любовь, Людмила, Надежда, Святослав, Лев; знаем французские — Роза, Маргарита;

[1] גֵּי־חֲזִי (ГИ-ХЗИ) — дол прозрения.

знаем греческие: София — премудрость, Алексей — мужественный; знаем латинские: Виктор — победитель, Дора — золотая; но никогда мы не слыхали, чтобы какая-нибудь мать назвала свою дочь Ведьмой, Дурой, Рожей, а сына Драконом, Змием или Чортом. Да и как они сами, выросши, стали бы откликаться на подобные имена, даже и не будучи царями? Это невозможно психологически, а при исторических исследованиях вернее и надежнее считаться с очень медленно изменяющейся психикой людей, чем с их капризно-изменчивыми и большею частью тенденциозными сообщениями. Такого рода названия царей и деятелей, как приводимые часто в Библии, могут быть только кличками, данными людям за какие-нибудь их качества. Это прилагательные к настоящим именам действующих лиц, в роде, например, прилагательного Грозный к царю Ивану, или Короткий — к королю Пипину.

Но если это так, то и остальные царские и другие имена в библейских книгах с похвальным значением в роде, например, имени первого царя иудаистов — Ровоам (что значит: распространитель народа), или имени отделившегося от него первого царя богоборцев — Иеровоам (что значит: заступник народа) являются не данными им от рождения, а опять только посмертными прозвищами. Это то же, что прибавить слова Великий к Карлу I, Благочестивый к немецкому Георгу и Завоеватель к английскому Вильгельму.

Ни за одно из древних национальных имен серьезный исследователь не может поручиться как за настоящее имя обозначенного ими лица. Нужно было полное незнание еврейского языка, чтобы построить на них в течение средних веков целые династии царей «избранного народа божьего», разделившегося, подобно Римской империи со времени Константина I, на два царства, то соединявшиеся друг с другом, то воевавшие друг против друга.

И нужно было, как я уже показал во второй книге «Христа», полное пренебрежение геофизикой и политической экономией для того, чтобы поместить их в Палестине, со всеми их соседями. И я опять здесь повторяю то, что говорил и ранее.

Взгляните только на эту карту, как она прилагается в современных географических атласах. Вот, например, воинственное племя Завулона, живущее, как сказано в Библии, «на берегу моря, при

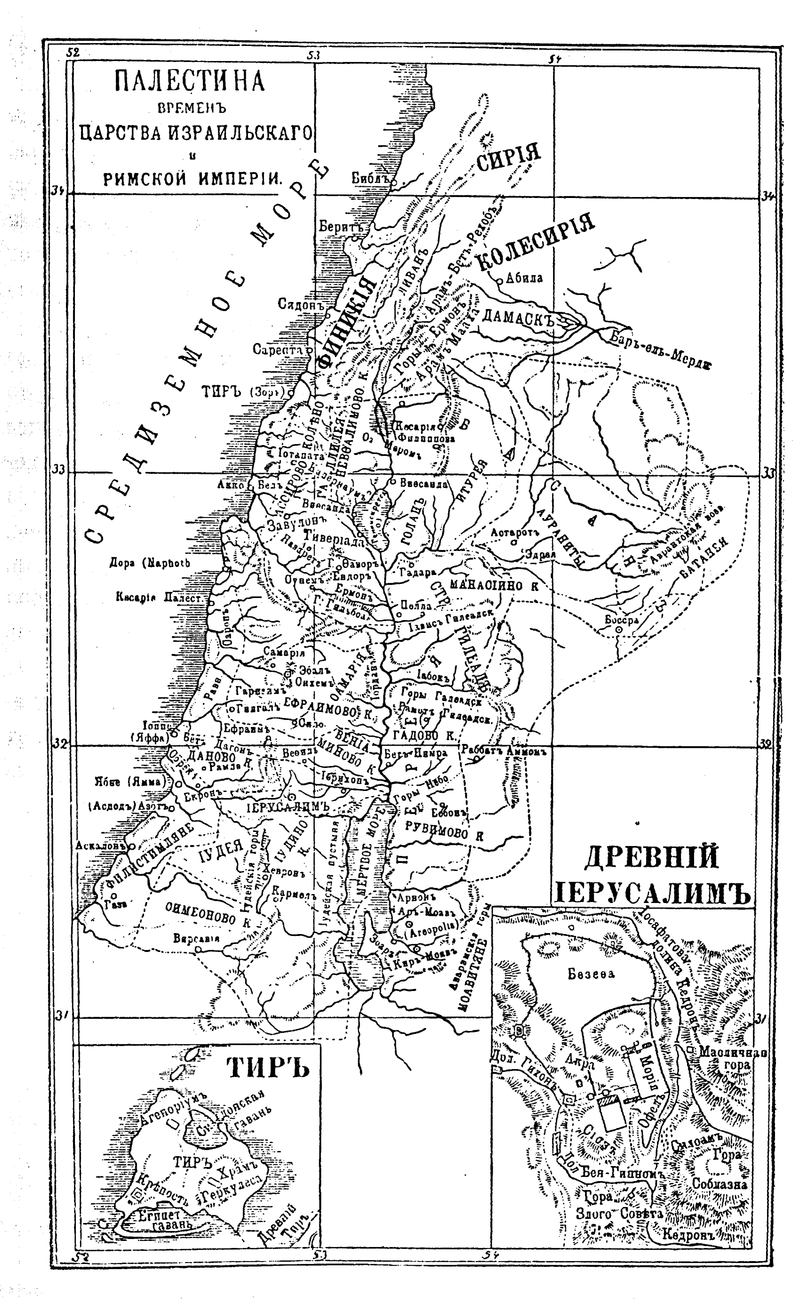

Рис. 61. Воображаемое распределение двенадцати народов в «Стране кочевников» (Палестине по-еврейски. Со старой церковной карты).

корабельной пристани с границей до Сидона». (Бытие, 49,13) (Рис. 61).

Как вы думаете: велика его территория? На хорошей лошади вы проедете поперек нее в два часа, а вдоль — в четыре. Она не более 25 верст в ширину и 50 верст в длину, да кроме того там нет и никакой «корабельной пристани». Этот клочок земли нигде не прилегает к морскому берегу, а по своей природе может иметь лишь редкое небогатое население. То же самое и относительно других одиннадцати племен богоборцев.

И я опять спрашиваю, как в конце второй книги «Христа»: какой наивный ребенок разрисовал и разграничил на участки по мифическим «племенам» узкий клочок земли между морским берегом и несудоходной рекой Шериат-Эль-Кебире, этим лже-Иорданом, вытекающим из поросшего сплошь тростником озера Бар-Эль-Гуле и впадающим через двести верст в Мертвое море, ни малейшего намека на существование которого нет ни в Библии, ни в Евангелии? И какие детски-доверчивые души тщательно перерисовывали все это до сих пор, ни разу не подумав, что ведь это игрушечная, а не реальная география?

Вся история древне-еврейского народа — один мираж средневековья. Действительную разгадку библейских хроник найдет только тот, кому удастся привести их, как пытаюсь и я, в связь с историей Рима и Византии в начале средних веков.

ГЛАВА II.

ИИСУС — СЫН СИРАХА И ИИСУС — СЫН ИОСИФА.

Вот перед нами греческая книга, под названием «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», название которой вернее было бы перевести «Размышления спасителя, сына верховного царского правителя».[1] Ее позднее христианское происхождение обнаруживается в том, что такой книги совсем нет в еврейской библии,

[1] סרך (СРК) — верховный начальник сатрапов, слово персидского корня. Я буду переводить его для краткости — наместник. По-гречески эта книга называется Σοφία Ἰησου υἱοῦ σιράχ.

и потому мы можем заподозреть, что здесь содержатся поучения, апокрифированные когда-то «евангельскому спасителю».

Но почему же Иисус назван здесь сыном царского наместника?

Можно думать потому, что он таким и был. И это предположение подтверждается тем обстоятельством, что отцом евангельского Христа называется Иосиф, т.-е. лицо, одноименное с Иосифом Прекрасным, наместником мид-римского владыки, т.-е. тоже Сирахом.

Правда, что в генеалогии Луки Иосиф называется сыном *«бога»* [Илии по-еврейски и Элиоса (солнца) по-гречески], так что скорее всего мог бы быть отожествлен сам с евангельским Христом, но, ведь, противоречивость, фантастичность и позднее греческое происхождение евангельских генеалогий уже давно указаны. Вот, например, сопоставление, сделанное мною по образцу Марии Валевской в ее книге «Три родословные Христа». Те имена, в которых обе родословные сходятся, поставлены у меня в общей вертикальной колонке, а где не сходятся — косыми рядами. Мы видим, что после Давида (что значит: возлюбленный) они сходятся первый раз только на Салатииле[1] (что значит: веление бога) и на его сыне Зоро-Бабеле (что в переводе значит: чуждый врат господних). А затем обе родословные сходятся только на Иосифе, отце Иисуса, да и то лишь в том случае, если допустить, что у Иосифа было сразу два отца: Иаков и Элий, а это эмбриологически недопустимо даже и в том случае, еслиб оба они были одновременно мужьями одной и той же женщины.

Оправдываясь тем, что по каббалистическим соображениям в генеалогии Матвея должно повторяться число семь, вплоть до Аб-Рама (см. число сбоку), некоторые думают, что отцом опекуна Марии Иосифа был только один Элий, а Иаков был отцом другого Иосифа, настоящего отца Марии. Но если бы и так, то все же и у Салатиила (№ 14), родителя великого библейского зодчего Зоро-Бабеля, оказываются два отца: Иехония (№ 15), сын Иосии, и Нирий (№ 24), сын Мелхии, что опять указывает на двумужество и матери Зоро-Бабеля.

Чему же удивляться после этого, что и самому Иисусу даются по евангелистам тоже два отца — Иосиф и бог Громо-

[1] שאלתיאל (ШАЛТИ-АЛ) — веление бога.

вержец, так как если бы Иосиф не был, хотя бы наполовину, отцом Иисуса, то зачем же было вводить его в родословную Христа, как сделано в I главе евангелия Матвея?

Но точно ли мы должны обязательно согласиться с теологами, что в евангелиях не может быть никакой путаницы, так как они «диктованы самим святым духом»? Ведь ясно, что генеалогия Луки сознательно не сходится с генеалогией Матвея: она «исправляет» ее. А исправление заключается, очевидно, в том, что Лука, имевший перед собою родословную Матвея, еще производившего Иисуса из римской царской фамилии, и не мог согласиться с тем, чтобы спаситель мира происходил от таких грешников, как некоторые из указанных Матвеем римских царей, и потому умышленно заменил их имена другими, оставив лишь Давида. Но почему же он не хотел признать Иакова дедом Иисуса и дал ему другого деда: *«бога»* (Элия), произведя его от Рисая (№ 21), второго сына Зоро-Бабеля? Очень вероятно, что причина была та же самая. Линия Матвея была еще памятна, как латинская аристократическая не только между Иисусом и Зоро-Бабелем, но также и между Зоро-Бабелем и Давидом.

Уже один беглый взгляд на наше сопоставление показывает нам происхождение этих двух родословий. Очевидно, до Матвея и Луки была другая, более короткая, родословная, в которую входили вместе с «Великим Царем» (№ 1) только девятнадцать человек, стоящих у нас (на таблице XXXI) в средней полосе, начиная с основателя Римской империи — отца-Рима. Очевидно, после Давида (№ 29) в ней следовал прямо Салатиил (№ 14), а после Зоро-Бабеля (№ 13) был Иосиф (№ 3), считавшийся отцом Марии, а не опекуном. Но этот список показался евангелисту Матвею слишком мал, и он внес в него между Давидом и Салатиилом четырнадцать богославных царей, начиная с Соломона и кончая Иехонией, а между Зоро-Бабелем и Иосифом поместил девять каких-то первосвященников, начиная с отца богославия (Аб-Иуда, № 12) и кончая Иаковом (№ 4). А евангелист Лука, писавший позднее, не одобрил этих аристократических вставок и, вместо четырнадцати царей Матвея, вставил в первоначальный список (из девятнадцати человек) двадцать каких-то простых людей, а между Зоро-Бабелем и Иосифом поместил восемнадцать, доведя число поколений между отцом-Римом до пятидесяти шести, т.-е. до 7×8, тогда как у Матвея мы имеем сорок два, т.-е. 7×6.

Но тут, по недоразумению, выскочила из счета Мария, переведенная из дочерей в жены Иосифа, при чем еще не было придумано девственное зарождение, при котором вся эта генеалогия потеряла смысл. Интереснее же всего то, что на стенах Абидосского храма в Египте найдена иероглифическая родословная Рамессы Миамуна, т.-е. великого богорожденного царя (по-гречески Василия Великого), приведенная у меня сбоку таблицы XXXI, где повторяется под другими прозвищами вся родословная Христа из евангелия Луки.

Отсюда выходит, что Абидосский список составлен уже в расцвет христианства, и авторы его отожествляли Рамзеса с Христом.

Окончательный результат этого нашего сопоставления ясен: в родословной евангельского спасителя мира может считаться более или менее вероятным лишь то, что отец его назывался Иосифом, а дед Иаковом, прозванным по-гречески Элиосом, может-быть, за исследование годичного движения солнца. Остальное все — фантазия.

Я обращаю снова внимание читателя на то, что библейская хронология впервые была выработана Иосифом Флавием и притом исключительно по полету его собственной фантазии и чисто детской самоуверенности в том, что все, что приходит ему в голову, есть непреложная истина. А книги Флавия были совершенно неизвестны в средние века и, как выражаются, «открыты» в XVI столетии на греческом языке, в рукописях этого же века. В своей книге «Пророки» я уже доказал, что все эти сочинения подложны. Вместо многоженцев, какими были «дети богоборца» вплоть до 1030 года нашей эры, когда знаменитый Вормский съезд раввинов, под председательством Гершома, издал постановление о моногамии евреев, Флавий рисует их единоженцами уже в свое время.[1]

«Наш закон, — утверждает он далее, вопреки тому, что говорится в Библии, — не дозволяет опустошить страну огнем или срубать ее плодовые деревья. Он запрещает грабить павших в битве, а относительно пленных распорядился не подвергать их ни малейшему насилию, особенно женщин.[2]

---

[1] Иосиф Флавий. Иудейские древности, II, 22.
[2] Там же, II, 29.

ТАБЛИЦА XXXI.

Два, сросшиеся в трех местах, призрака родословной христианского бога-мессии, начиная от Отца-Рима.

Они же по Абидосскому иероглифическому списку.

ХУФУ = ХЕОПС △
Дедеф-Ре
Хеф-Ре △
Менкав-Ре △
Шепсес-Каф

Ус-Каф
Шах-Ре
Кака
Неф-ерф-Ре
Неус-Ре
Менку-Гор
Дедке-Ре
Унас

Дода (Тота)
Усск-Ре
Мери-Ре
Мерен-Ре
Неф-Ерк-Ре
Ре-Цефамцаф
Неф-Ерк-Ре
Менк-Ре

Неф-Ерк-Ре
Ерк-Ре Нево
Дедке-Ре Сема
Ре-Хенду
Мерен-Гор
С. Неф-Ерк
Неке-Ре

Неф-Ерк-Ре
Неф-Ерк-Гор
Папа Сениб
С. Неф-Ерк-Эну
. . . Ку-Ре
Неф-Ерку-ре
Неф-Ерку-Гор
Нефер-Ирк-Ре
Неб-Хру-Ре
С. Анх-к-Ре
Пата-Иб-Ре
Хеп-Ерк-Ре

Нуб-Ку-Ре
Хе-Хеп-Ерк-Ре
Хе-Ку-Ре
Мао-Эт-Ре
Мао-э-Хру-Ре
Тата-Ре
Цесерк-Ре
О. Хеп-Ерк-Ре
О. Хеп-Ерн-Ре
М. Хеп-Ерн-Ре

О. Хеп-Еру-Ре
М. Хеп-Еру-Ре
Maeт-Неб-Рое
Цесар-Хепер-Ре
М. Пех-Тата-Ре
М. Ре (*женщина*)
РА - МЕССУ
ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ

РОДОСЛОВИЕ ПО МАТВЕЮ (1, 1):

РОДОСЛОВИЕ ПО ЛУКЕ (5, 23):

7 × 6 = 42 — ОТЕЦ-РИМ = АБ-РАМ. — 57
41 — Исаак — 56 = 7 × 8
40 — Иаков — 55
39 — Иудей — 54
38 — Фарес — 53

37 — Ес-Ром — 52
36 — А-Рам — 51
7 × 5 = 35 — Ами-Надаб — 50
34 — Насон — 49 = 7 × 7
33 — Соломон — 48
32 — Боос — 47
31 — Овид — 46
30 — Йеший — 45

7 × 4 = 28 — Соломон ↑ 29 — Давид — 44

. . . .

Натан — 43
Маттат — 42 = 7 × 6
Маинан — 41
Малеай — 40
Ели-Аким — 39
Ионан — 38
Иосиф — 37

7 × 3 =
27 — Ровоам
26 — Отец бога
25 — Аса-Исус
24 — Иосафат
23 — Иö-Рам
22 — Озия
21 — Ио-Там

Иудей — 36
Симеон — 35 = 7 × 5
Левит — 34
Маттат — 33
Ио-Рим — 32
Ели-Езер — 31
Иосий — 30

20 — Ахаз
19 — Езекия
18 — Амасия
17 — Амон
16 — Иосия
15 — Иехония ↓
7 × 2 = 14 — Салатиил — 23
13 — Зоро-Бабель — 22

Ир — 29
Елмодам — 28 = 7 × 4
Косам — 27
Аддий — 26
Мелхий — 25
Нирий — 24

Рисай — 21 = 7 × 3
Иоанан — 20
Иудей — 19
Иосиф — 18

. . . .

12 — Аб-Иуд
11 — Ели-Аким
10 — Азор
9 — Цадек
8 — А-Ким

Семей — 17
Маттатия — 16
Моаб — 15
Наггей — 14 = 7 × 2
Еслим — 13
Наум — 12
Амос — 11
Маттатия — 10
Иосиф — 9
Иоаннай — 8

7 × 1 = 7 — Ел-Иуд
6 — Ели-Эзер
5 — Маттан
4 — Иаков ↓

Мелхий — 7 = 7 × 1
Левит — 6
Маттатат — 5
Элий — 4

3 — Иосиф — 3
[2 — Мария] — 2
1 — БОГ-МЕССИЯ — 1
ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ

Третьи 14 поколений (по Матвею, 1, 17).

Вторые 14 поколений (по Матвею, 1, 17).

Первые 14 поколений (по Матвею, 1, 17).

Все это рисует уже мягкие нравы эпохи Возрождения, что подтверждается и прекрасно развитым слогом автора, с наклонностью к софистическому многословию и к длинным сложным фразам.

Никакой хронологии библейских рассказов не существовало до Флавия, а потому никак нельзя удивляться и тому, что, например, автор корана[1] утверждает, будто матерью Иисуса была Мириам, сестра Моисея. Это вовсе не есть признак невежества составителей корана, а только доказательство того, что арабские средневековые хронологические сведения о библейских событиях были не похожи на полученные нами из греческих апокрифов, которым мы до сих пор так слепо доверяем.

Коран есть произведение наиболее культурного народа во все средневековье. Он средактирован был, — говорят нам, — при халифе Османе в период между 644 и 654 годами, и эта редакция была объявлена единственной обязательной для верующих, а потому и игнорировать господствовавшее потом у арабов мнение об одновременности и близком родстве Моисея и Иисуса — все равно, являются ли они личностями легендарными или только легендаризированными, — мы не имеем права.

Местом составления корана трудно, конечно, признать Мекку или Медину по причине захолустности их географического положения. Скорее всего он возник в Нижнем Египте после его завоевания халифами, и значительная часть арабской литературы, относимой в Месопотамию, Сирию и Аравию, должна принадлежать мавританской эпохе в Южной Европе, особенно же Испании и Сицилии.

В данном случае нам особенно интересно обратить внимание еще и на то, что в легенде о Моисее, выведшем народ божий из Миц-Рима, фигурирует Иисус бен Навин, т.-е. в переводе на русский язык спаситель, сын Рыбы, что приводит его в связь с созвездием Рыб, в котором находилась точка весеннего равноденствия только с начала нашей эры и находится до сих пор, тогда как ранее была в созвездии Овна. Да и символом христиан первоначально было изображение рыбы. Значит. в «старозаветной Библии» мы находим двух Иисусов: Иисуса от Рыб (Навина)

[1] Коран, 3, 30 — 33. Мириам מרים (МРИМ) есть множественное число от מר (МР) — мирра, благовонная смола аравийского дерева.

и Иисуса сына царского наместника, и оба они имеют такое большое сходство с евангельским Иисусом, какое могут иметь в области легендарного творчества только три ветви, исходящие из одного и того же корня.

Оставляя в стороне Моисея с его сотрудниками — Ароном и Иисусом от Рыб (Навином), о которых было достаточно сказано во второй книге «Христа», я остановлюсь здесь лишь на Иисусе, сыне наместника (бен Сирахе).

Книга его премудрости написана, как я уже говорил, по-гречески, а не по-еврейски, так же, как и «Премудрость царя Соломона», и потому должна быть средневекового происхождения. О личности ее автора ничего не известно, кроме того, что и он жил в городе Святого Примирения и относится теологами к III веку до начала нашей эры.

Еще Ренан в V главе своей книги «Жизнь Иисуса» показал, что много изречений евангельского Иисуса только повторяют или перефразируют фразы этой книги. Но я с этим не вполне согласен. Большинства изречений, приписываемых Иисусу в евангелиях, нет в книге Иисуса «Сираха» и обратно, но некоторые совпадения действительно есть. Так, например, мы имеем выражение Иисуса у Матвея:

«Если вы будете прощать людям их обиды, то простит вам и ваш небесный отец» (7, 14).

А у наместникова сына Иисуса этому соответствует выражение:

«Прости ближнему твоему обиду и тогда по твоей молитве отпустятся и твои обиды» (28, 2).

У евангельского Иисуса есть притча о богатом человеке, который после хорошего урожая сказал своей душе:

« — Много добра лежит у тебя, душа, на многие годы. Покойся, ешь, пей и веселись!»

Но Бог ответил ему:

« — Безумный! в эту ночь возьмут у тебя твою душу; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лука, 12, 16 — 20).

Эта же притча почти дословно повторяется и в Премудрости Иисуса, сына наместника.

«Иной делается богатым по своей предусмотрительности и бережливости, и это часть его награды. Он скажет: «я нашел покой и наслаждаюсь теперь моими благами», и не знает, сколько

пройдет времени, когда он умрет и оставит все другим» (Иисус Сирах, II, 16—18).

Такие совпадения показывают, несомненно, что обе книги не разделены тысячелетиями, а принадлежат той же эпохе творчества, а потому и в «Премудрости» Иисуса, сына наместника, мы имеем лишь одну из многих средневековых попыток изложить учение Иисуса. Значит и этой книгой нельзя пренебрегать как материалом для выяснения исторической личности Христа.

Однако и здесь мы быстро разочаровываемся.

Все, что тут называется громким именем *премудрость*, вовсе не наука, а прежде всего чисто житейская практическая мудрость, придуманная, очевидно, самими компиляторами этой книги от имени Иисуса. И в большинстве случаев они, действительно, носят чисто евангельский колорит, хотя это и не выписки из евангелий.

«— Дети! — говорится в третьей главе, — послушайте меня, отца, и поступайте так, чтобы вам спастись, потому что властелин ваш возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями» (3, 1—2).

А затем идет целый ряд поучений. «Не отвращай очей от просящего и не давай человеку повода проклинать тебя» (4, 5). «Не стыдись признаваться в ошибках и не удерживай течения *реки*» (4, 30). «Подвизайся за истину до смерти, и властелин наш бог будет бороться за тебя» (4, 32). «В собрании старайся быть приятным и кланяйся высшим, чем ты» (4, 7). «Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытании и не скоро вверяйся ему» (6, 7). «Если увидишь мыслителя, ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги его дверей» (6, 36). «Пустословие много-спорящих поднимает дыбом волосы на голове и затыкает уши слушающего» (25, 14). «Сердце глупого—как колесо в экипаже, а мысль его — как вертящаяся ось». «Смешливый друг то же, что конь, который ржет под всяким седоком» (33, 5—6).

«Что за жизнь без вина? — продолжает он на новую тему.— Оно сотворено на веселие людям. Умеренно употребляемое во-время, оно — отрада сердцу и утешение душе. Но оно горесть для души, когда пьют его много и, притом, с раздражением и ссорой». «Оно увеличивает ярость неразумного до преткновения ног» (31, 29—35). «Не показывай себя храбрым против вина, ибо многих погубило оно».

«Не ссорься с человеком сильным, чтобы когда-нибудь не попасть в его руки»,— заводит он опять разговор на очень практическую тему.— «Не заводи тяжбы с человеком богатым, потому что он будет иметь перевес перед тобою» (108, 1—2). «Не давай взаймы человеку, который сильнее тебя, а если дашь, то считай себя потерявшим данное» (8,15). «Не отдавай жене души твоей, чтобы она не восстала против твоей власти...». «Не оставайся долго с певицею, чтобы не плениться тебе ее искусством». Не засматривайся на девицу, чтобы не соблазниться ее прелестями» (9,2—5).

«Я соглашусь,—говорит он еще далее,—лучше жить со львом и драконом, чем со злою женою. Злость жены делает ее лицо мрачным, как у медведя» (25,18—19). «Не одобряй того, что одобряют нечестивые, и помни, что они не исправятся до самого ада» (9,15).

Обращу внимание читателя на то, что в последнем изречении прямо заключается евангельское средневековое представление об аде, в который попадают только нечестивые, тогда как древний *аид* был всеобщим приемником умерших. Это новое доказательство (если такое еще нужно после всего вышесказанного!) возникновения этой книги в ту же эпоху, как и евангелий. А далее есть намек и на самого Иисуса Христа, хотя и приписанный здесь ему же самому, как это часто бывает в апокрифах:

«Много властелинов было на земле, а тот, о ком не думали, получил венец» (11,5).

Характеризуя человеческую премудрость, автор говорит:

«Сын мой! От юности твоей предавайся учению, и ты найдешь мудрость ранее седин своих.

«Для невежд она очень сурова, и слабоумный не останется с нею, она будет на нем, как камень, и он не замедлит ее сбросить». «Наложи на ноги твои ее путы и ее цепь на твою шею, подставь ей твое плечо и не тяготись ее цепями». «Исследуй и ищи, и она будет познана тобою» (6,20—38). «Состояние сердца, — заканчивает он это место, — изменяет человеческое лицо на хорошее или на дурное: веселое лицо есть признак сердца, чувствующего счастье, а составление притчей сопряжено с напряженным размышлением» (13,31—32).

Таким образом, вся «премудрость» состоит и здесь, как в евангелиях, только в составлении удачных изречений или

«заповедей» и в придумывании житейских аллегорий в роде басен Езопа.

А в чем же заключается другая, уже бывшая тогда, не житейская, а научная премудрость, премудрость магии, алхимии, астрологии и медицины? Мы так и не узнаем этого от автора. Почему? Потому что составители этой книги, очевидно, ее не знали, хотя и писали от имени ученого мудреца. Вот их дальнейшие определения, сводящиеся целиком на стилистические увертки.

«Кто исчислит песок морей, капли дождя и дни вечности?» (1,2) — говорится далее. — «Источник премудрости есть слово всевышнего бога и путь ее — его вечные законы» (1,5). «Кому открыт ее корень? Кто познал ее искусство? Только единый премудрый и очень страшный, сидящий на своем престоле, властелин наш. Он произвел ее, и видел, и измерил, и излил на все свои дела и на всякое живое существо по своей щедрости, особенно же на любящих его» (1,7 — 10). «Не убежит от него грешник с воровством своим и не останется напрасной перед ним терпеливость праведника». «Не говори: я скроюсь от властелина моего! Он не вспомнит обо мне со своей высоты и не заметит среди множества народа! Что ему моя душа в неизмеримом его создании? Вот небо, и **над ним небо небес**, где он живет, земля и бездна вод колеблются от его посещения; при его взгляде сотрясаются от страха горы и основания суши». «Кто будет ожидать его суда? Далеко это определение» (16,15 — 22).

Из последней фразы видно, что во время автора было уже и ожидание христианского страшного суда, возникшее только со времени Апокалипсиса. Значит, книга писана не ранее конца V века, когда ожидания второго пришествия Иисуса стали уже откладываться в неопределенную даль.

«Я вышла из уст всевышнего, — лирически говорит о себе далее «премудрость», — и подобно облаку покрыла землю... Я одна обошла **небесный круг** и ходила в глубине морской бездны. Я имела свои владения в волнах моря и на земле во всяком народе и племени... Я укоренилась в прославленном народе, в наследственном уделе своего господина. Я издала ароматный запах, как корица и аспалат, как отличная смирна, как халвани, оникс и стакти, как благоухание **ладана** в святилище

храма» (24,13). Я сказала: «полью мой сад и напою мои гряды, и вот канал мой сделался рекою, и река моя сделалась морем. Я буду сиять ученьем, как утренним светом, и буду изливать его, как пророчество, в роды вечные» (24,6 — 36).

Все это, конечно, очень хорошо. Но ведь это только поэзия, только апология знания, а не его содержание! Пересмотрите всю эту длинную и многословную, как все средневековые произведения, книгу, где приводимые мною здесь наиболее удачные изречения и места попадаются лишь, как блестки, в бесцветной и огромной серой глыбе песчаника, и вы найдете тут лишь немногие сведения о вселенной и ее явлениях.

Вот, например, хотя бы сведения о семи металлах древности:

«Что тяжелее *свинца* и какое имя ему, как не глупый?» — говорит автор в двадцать второй главе, показывая, что в то время был уже известен свинец. — «Легче нести песок, соль и глыбу *железа*, чем глупого человека» (22,15 — 16), — продолжает он, показывая, что в то время было известно выплавление железа из руд.

А еще далее автор говорит:

«Главные потребности жизни человека заключаются в огне, воде, железе, соли, пшеничной муке, меде, молоке, виноградном вине, масле и одежде: все это благочестивым служит в пользу, а грешникам может обратиться во вред» (39, 32).

К учению о «вещих сновидениях», по которым гадали в древности, автор относится уже отрицательно:

«Гадания, приметы и сновидения — это суета. От них сердце наполняется лишь мечтами, как у рождающей женщины. Они многих ввели в заблуждение, и надеявшиеся на них подвергались падению. Если они не будут посланы всевышним для вразумления, то не прилагай к ним своей души» (34,5 — 6).

О причинности явлений в жизни вселенной, как главной основе всякого знания, автор выражается идеально просто:

«Все дела властелина нашего очень благотворны, и всякое его повеление исполняется в свое время. Нельзя спрашивать: что это? для чего это? Ибо все нам откроется в свое время» (39,21 — 22).

О возможности получить настоящую ученость автор говорит в тридцать седьмой главе:

«Книжное знание приобретается в благоприятное время досуга. Только тот, кто мало имеет других занятий, может при-

обрести его. Как может сделаться мудрым тот, кто правит плугом, хлещет бичом, погоняя волов, занят их работами и говорит только о телятах? Его сердце занято тем, чтобы проводить борозды, а ум заботится лишь о корме для телок. Точно также и плотник, и зодчий, проводящий ночь, как день. Резчик или скульптор заботится, прежде всего, о том, чтобы разнообразить формы, чтобы его изображение было похоже на оригинал и чтобы кончить дело в совершенстве. Кузнец сидит у наковальни и думает о железных изделиях, он борется с жаром горна, жар от огня изнуряет его тело, его оглушает звук молота, глаза устремлены на модель сосуда, а сердце на окончание дела. Горшечник сидит и вертит своими ногами колесо, а рукою дает форму глине; и сердце его устремлено на то, чтобы хорошо окончить сосуд и очистить печь. Все они надеются на свои руки, и каждый умудряется в своем деле. Без них не построится город и не поселятся в нем жители, но они не занимаются составлением моральных аллегорий, не рассуждают о гражданских законах, не сидят на судейском седалище, произнося оправдания или осуждения, а поддерживают житейский быт, и их молитва только об успехе их художества. Только тот, кто имеет время посвящать свою душу размышлениям о законах всевышнего, будет искать мудрости **древних (!)** мудрецов, упражняться в предсказаниях пророков, исследовать сокровенный смысл изречений, путешествовать по землям чужих народов, чтобы узнать доброе и злое среди людей. И если великому властелину нашему будет угодно, то такой человек будет источать слова мудрости...». «Многие будут прославлять его знания, и имя его будет жить в родах родов» (38,24 — 39,12).

Все это показывает, что составитель книги был совсем не «халдейский пастух», а житель большого приморского города с зачатками культуры и со значительным расчленением профессии, не меньше, чем в средние века. А о том, что страна, в которой это написано, была не очень южная, а знакома со снегом и льдом, свидетельствует следующее, самое поэтическое, место этой книги:

«О, величие высоты, твердь чистоты! О, вид неба в его славном явлении!

«О, чудные создания всевышнего!

«Солнце возвещает о вас при своем восходе!

«Вот люди раскаляют горны для плавильных работ, но втрое сильное ослепительное солнце палит горы, дыша пламенем огня и блистая своими лучами.

«Луна обозначает время и служит его знаменем, она определяет празднества, ее свет уменьшается после достижения полноты, но она снова дивно возрастает при своих изменениях. Она глава небесных воинств, красота неба, слава звезд, властелин высот.

«Звезды сияют соответственно своему достоинству и не устают на своей страже ночью.

«Взгляни на радугу и прославь сотворившего ее: прекрасна она в своем сиянии. Величественным кругом обнимает она небо. Как распростерла ее рука всевышнего!

«По его воле отверзаются тайники неба, вылетают из них облака, как птицы, и разбиваются камни града, падающего на землю. От его взгляда потрясаются горы и по его соизволению веет теплый южный ветер. Голос его грома повергает в трепет землю, и от него идет вихрь и северная буря. Он посылает вниз снег, подобный крылатым насекомым и падающий, как саранча. Удивляется глаз красоте его белизны и сердце изумляется его падению. Рассыпается по земле инеей и, замерзая, делается остроконечным. **Подует северный холодный ветер—и из воды делается лед. Он расстилается на всяком ее вместилище, и вода облекается как бы в латы. Снег гложет горы и как огонь опаляет травы и обжигает пустыню, но скорым исцелением всему служит туман.**

«Плавающие по морю рассказывают об опасностях на нем, и мы дивимся тому, что слышим своими ушами, потому что там необычайные и чудные дела, разнообразие всяких животных и разные роды чудовищ» (43,1 — 27).

Все это ясно показывает, что книга «Премудрость Иисуса» писана не в Месопотамии и не в Египте, или Палестине, а на северных прибрежьях Средиземного моря и уже в период полного развития его берегового мореплавания, в эпоху отливки чугуна и получения откуда-то соли, как одного из необходимых веществ для обычной жизни, наравне с пшеничной мукой и виноградным вином.

Особенно же интересен для нас конец этой «премудрости», где автор перечисляет и характеризует великих ученых, живших, по его мнению, от глубокой древности до его времени.

«Восхвалим славных мужей, отцов нашего поколения! — говорит он в сорок четвертой главе. — Они давали разумные советы и предсказания, руководили народом при совещаниях и в книжном обучении»... «Они изобрели музыкальный строй и записали гимны. Люди богатые, одаренные силою, они мирно жили в своих домах и были уважаемы между своими соотечественниками. Между ними были и такие, о которых не осталось памяти, которые исчезли, как будто не существовали и сделались как будто небывшими», «но в потомстве пребывает и их доброе наследство. А имена других живут из рода в род. Люди будут долго рассказывать о их мудрости, а **церковь** воздавать им хвалу» (44,1 — 14).

«Посвященный» (Енох)[1] был взят живым на небо» (44,15).

«Вождь» (Ной)[2] остался на земле после потопа» (44,16).

«Не было подобного отцу-Риму (Абраму)[3] в славе» (44,19).

Благословение почило на голове Богоследителя (Иакова)[4] и произошел от него муж милости, возлюбленный богом и людьми Избавитель (Моисей),[5] приобретший любовь в глазах всякого существа» (44,25 — 24). «За верность и кротость бог освятил его и избрал себе из всех людей. Он сподобил его слышать свой голос, ввел его во мглу и дал ему лицом к лицу заповеди, правила жизни и знания, чтобы он дал Богоследителю откровения и научил богоборца своим постановлениям.

Он возвысил Просветителя (Арона — Ария)[6] из рода священников и постановил с ним вечный завет. «Он облек его священническою одеждою из золота, гиацинтовой шерсти, крученого виссона со словами «откровение и истина».[7] Он украсил его

---

[1] Енох חנוך (ХНУК) от חניו (ХНИК) — посвященный в тайны наук, по-гречески Христос, арабы называют его Idris (ученый), так как коран (19, 57, 58) приписывает ему изобретение письмен и начало всех наук.

[2] Ной נח (НХ) от נוח (НУХ) — значит: вождь, а также пристанище кочевников.

[3] Авраам (אב־רם) значит — отец Рима.

[4] Иаков י־עקב (И-ЭКБ) — богоследитель.

[5] Моисей (משה) значит — спаситель, избавитель.

[6] Арон (אהרן) значит — светоч, родственно с אחרן — последующий, последователь.

[7] אורים ותמים (АУРИМ и ТУМИМ) — откровение и истина.

червленой тканью искусной работы, драгоценными камнями в золотой оправе гранильной работы с вырезанными на память начертаниями *(знаков Зодиака)*, по числу двенадцати домов богоборца» (45,7 — 13). «Ничего подобного прежде него не было от века». «Избавитель *(Моисей)* помазал его святым маслом и избрал его из всех живущих, чтобы приносить жертвоприношение и курение и благоуханье в память умилостивления властелина нашего к своему народу» (45,20).

«Силен был в борьбе Спаситель (Иисус) и был преемником избавителя — Моисея в предсказаниях». «Как он прославился, когда поднял свои руки к небу и простер меч *(комету)* на города! Кто до него так стоял?» «Не его ли рукою остановлено было солнце и один день был как бы два? Он воззвал к всевышнему властелину, когда враги стеснили его со всех сторон, и великий властелин наш услышал его и с могучею силою бросил каменный град на враждебный ему народ и погубил его противников на склоне горы *(Везувия)*, чтобы язычники знали его всеоружие и то, что он верно следовал за всемогущим» (46,1 — 8).

«Возлюбленный своим господином Знамя бога[1] (Самуил) — его пророк — учредил царство и помазал царей своему народу». «Он был истинным пророком, и в его словах обнаружена верность предвиденья». «Он пророчествовал даже и после своей смерти и, возвысивши из глубины земли свой голос, предсказал смерть царю *(Аду-Саулу)* и истребление беззаконному народу» (46,23).

«Как сало *(старинной жертвенной свечи)* отличается от мирной жертвы *(просфор)*, так Возлюбленный (*Давид* — Констанций-Хлор, он же Юлий Цезарь) отличается от богоборческих детей. Он играл со львами как с козлятами, и с медведями — как с ягнятами. Не снял ли он в юности позора с народа, когда поднял руку на Переселенца?»[2] «Он поставил песнопевцев перед алтарем, дал празднествам благолепие и с точностью определил их времена» (47,12).

«Миротворец (Соломон), — возвращается он опять к Великому Царю, основателю христианской литургии, — царствовал в мирные дни, и успокоил его бог со всех сторон, чтобы он построил ему храм». — «Как мудр ты был, Миротворец, в своей юности,

---

[1] שמו־אל (ШМУ-АЛ) — знамение бога.

[2] Голиаф גלות — (ГЛЮТ) от גלה — лишать крова, переселять.

*

как полон разума, подобно реке!» «Душа твоя покрыла всю землю, и ты наполнил ее загадочными аллегориями» (47,17).

«Но ты наклонил потом свои бедра к женщинам и поработился им своим телом». (47,22).

«Оттого ты оставил безумие людям в твоем потомстве: скудного разумом Расширителя народа (Ровоама) [1] и Заступника народа (Иеровоама), который ввел в грех богоборцев и указал Аф-Риму [2] (Риму) путь греха» (47,28).

«И разделилась власть на-двое и произошло от Аф-Рима непокорное царство» (48, 23).

«Но восстал Гремящий Пророк *(опять возврат вспять k Иисусу под именем пророка Илии)*,[3] как огонь. Его слово горело, как светильник. Он навел голод и замкнул небесные дожди и три раза низводил огонь *(извержениями Везувия)*. Как прославился ты, Громовержущий Пророк, твоими чудесами, и кто может сравниться с тобою в славе? Ты воскресил мертвого, ты вывел его из ада словом всевышнего, ты низводил к погибели царей и знатных с их тронов, ты слышал на горе Недр *(Синае)* обличение и на горе Опустошителе *(Хориве)* суд мщения.[4] Ты постановлял царей на возмездие и пророков в свои преемники, ты поднят был на небо огненным вихрем на колеснице с огненными конями. «Блаженны видевшие тебя и украшенные твоею любовью!» (48, 1 — 11).

«Ты скрыт был вихрем, а духом твоим исполнился Елисей *(Иоанн Златоуст)*.[5] Не трепетал он перед князьями при своей

[1] רחב־עם = רהב־עם (РХВ-ЭМ=РЕБ-ЭМ) — расширитель народа по греческому произношению — Ровоам.

[2] אפ־רים (АФ-РИМ), где АФ или АНФ (אנף) сродно с АНХ (אנח) — теснить, гневаться (латинское angere). Значит: поднятый нос, высокомерие. АФ-РИМ считается младшим сыном Иосифа и, повидимому, олицетворяет Рим, а старший сын—Манасия, מ־נשה = מנשיא, значит— тот, кто властвует, и, вероятно, представляет символ Византии.

[3] Илия (אל־יהו = АЛ-ИЕУ) значит — бог Громовержец; его прозвище — Феевитянин (תשבי = ТШБИ) значит — обратно приходящий; из живущих в Галааде (גל־עד — ГЛ-ЭД), а ГЛ-ЭД значит — холм свидетельства.

[4] Синай (סיני — СИНИ) — от латинского mons sinus — гора недр; по Торгуму — Южный, а Хореб (הרב = ХРБ) значит — опустошитель, гора опустошения, латинское horribilis — ужасный.

[5] אל־ישע (АЛ-ИШЭ) значит — богоспасатель, а в полупереводе: Всесильный Иисуса.

жизни, и никто не превозмог его, а после смерти пророчествовало его тело, и дивны были тогда его дела *(т.-е. существовали его «чудотворные мощи»)*» (48, 12 — 15).

«Царь Езекия укрепил свой город и провел внутрь его воду, пробив железом скалу». «Саннахерим послал к нему Рапсака, который поднял свою руку на столбную гору (Сион) и много величался в своей гордости», «но воззвали они к милосердному господину своему, и святой скоро их услышал с неба и избавил их рукою Иса-Ии. Он поразил войско страны вождя, и его ангел истребил их». «Во дни его солнце отступило назад *(установлена была прецессия)*, и бог прибавил жизни царю» (48,19 — 26).

«Не было на земле никого из сотворенных подобного Посвященному *(Еноху, взятому живым на небо)* и не родился такой муж как «Кратер Громовержца» *(Иосиф)*. Прославились между людьми Знатный (Сим) и Поставляющий на власть (Сиф), но выше всего живущего в творении — это Человек (Адам)» (49, 16 — 18).

Так кончается сорок девятая глава «Премудрости Иисуса» и если судить по этому числу — семь раз семь — и по окончанию Первым человеком (Адамом), то эта глава первоначально была последней. Но уже в самых ранних рукописях мы видим к ней и прибавку, пятидесятую главу, о великом священнике Симоне, сыне Онии, или иначе: Ионы.

Это имя с первого же своего звука поражает читателя, знакомого с библейской литературой.

Кто такой этот Симон, сын Ионы (по-гречески Ионийца), которого можно поставить на ряду с Моисеем, Ароном, Илией и с другими библейскими знаменитостями? Пересмотрите всю библию и евангелия, и вы не найдете в них никого такого, кроме апостола Петра, настоящее имя которого и было Симон, сын Ионы.

«— Симон, сын Ионин? Любишь ли ты меня больше, нежели они?» — спрашивает его в евангелии воскресший Иисус.

И он отвечает ему:

— «Ты знаешь, что я люблю тебя».

А Иисус ему сказал:

— «Паси овец моих» (Иоанн, 21, 15 — 17).

Значит, в пятидесятой прибавочной главе «Премудрости Иисуса» речь может итти только об апостоле Симоне-Петре.

А так как эта глава, во всяком случае, принадлежит средине средних веков, то в высшей степени интересно посмотреть, как она характеризует этого «камня (по-гречески петра), на котором воздвигнута западная римская церковь», подобно тому, как восточная византийская воздвиглась на Иоанне Златоусте.

Апостол Петр, — говорят нам католики, — был первым римским папой, и вот как характеризует его автор «Премудрости Иисуса»:

«Симон, сын Онии, великий священник, при своей жизни исправил божий храм и укрепил храм небес. В его дни уменьшено было водохранилище *(т.-е. неисследованная южная часть неба, где помещаются водяные созвездия: **Южная Рыба, Кит, Река Эридан, Корабль Аргонавтов, Водяная Змея** и т. д.)* и окружность «Медного Моря» *(на котором плавает Земля своим южным полюсом).*

«Как величествен был он среди народа, **при своем выходе из-за завесы храма** *(совсем православный ритуал!)*. Он был как утренняя звезда среди облаков, как луна в полнолуние, как солнце, сияющее над храмом всевышнего, как радуга, блестящая среди величественных туч!

Он был как цветы розы в весенние дни, как огонь **в кадиле с ладаном,** как кованый золотой сосуд *(в православной церкви)*, украшенный всякими драгоценными камнями, как масличное дерево с плодами, как кипарис, возвышающийся среди облаков.

«Когда он принимал свою великолепную одежду и облекался во все свое величественное украшение, то, восходя к святому алтарю, освещал своим блеском всю окружность святилища. Когда он принимал жертвенные доли из рук священников, стоя у огня алтаря *(припомним, что и теперь на православном жертвеннике во время богослужения горят три огня в лампадках с оливковым маслом, кроме двух стоячих канделябров по бокам для свеч, жертвуемых верующими)*, вокруг него был венец братьев *(диаконов)*, как отрасли кедра на Белой Горе (Монблане), и они окружали его как финиковые ветви» (50, 1 — 14).

«Пред окончанием службы у алтаря, чтобы увенчать приношение всевышнему вседержителю, он простирал свою руку к *жертвенной чаше, лил в нее виноградную кровь* и плескал ее к подножию жертвенника, как благоухание небесному царю всех. Тогда диаконы восклицали *(«свят, свят, свят» и т. д.)*, трубили коваными трубами перед всевышним, и весь народ падал на колени, лицом на землю и кланялся господину своему, богу вседержителю, а песнопевцы *(на клиросе)* восхваляли его своими голосами. В пространном храме раздавалось сладостное пение, и народ молился перед милосердным, пока совершалось его славословие *(«слава в вышних богу» и проч.)*. Так оканчивалась служба.

«А он *(Симон, сын Ионы)*, выйдя, поднимал свои руки на все собрание детей богоборца, чтобы преподать им благословение» (50, 16 — 22).

Но ведь это же все — описание ритуала древней православной службы, а никак не еврейской, как она сохранилась в синагогах! И одеяние, и содержание принадлежат греческой церкви. Читая описание иерусалимского алтаря в никуда негодных греческом и латинском переводах и в еще более никуда негодных современных церковных переводах библий, мы, произнося чуждо звучащие для нас еврейские синонимы знакомых нам служебных слов, начинаем соединять с ними и чуждые представления. Близкое и родное нам начинает казаться чужим, как если вашу мать по ошибке в разговоре называют другим именем, и вы не догадываетесь, что говорят о ней.

Раз мне попалась книга Циммермана «Допотопный мир» в русском переводе, сделанном переводчиком, не знавшим геологии. Вместо «юрской системы» там стояли «юрские горы», вместо «каменноугольных пластов» — «холмы каменного угля». Выходила такая сплошная бессмыслица и чушь, что я, даже и зная геологию, во многих местах никак не мог догадаться, о чем говорит автор. Казалось, читаешь что-то еще неслыханное.

Так и в описаниях библейского богослужебного ритуала. Под именем Иеговы не узнаешь своего собственного, памятного с детства, Христа. Под именем «огня на жертвеннике» не узнаешь трех лампад, горящих на православном алтаре во время службы; под именем «мирного приношения из самой лучшей пшеничной муки» не узнаешь просфор, под именем «жертвы всесожжения из тука (т.-е. сала) овнов и тельцов» — не узнаешь приносимых и теперь к алтарю и иконам свеч, хотя и знаешь, что никакое сало не горит иначе как в форме свечи, да в лампадках с фитилем. А когда, наконец, догадываешься об этом, то становится вдруг понятным, что в прежние времена, когда пчеловодство было

еще мало развито, и церковных свечных заводов не было, свечи делались самими верующими из овечьего и телячьего сала и подносились, как и теперь, во всесожжение перед алтарем. «Мучное же приношение» состояло из просфор (что по-гречески тоже значит: приношение). А другая часть и мучного, и не мучного даяния приносилась как натуральное вознаграждение священникам за их службы и обряды, в роде погребения, совершенно так же, как делается и до сих пор в русских селах, где платят священнику за молебен яйцами, крупой, мукой и т. д... Два отдельно стоявшие в мозгу изображения вдруг соединяются при объединении чуждо звучащих разноязычных слов по их смыслу в одно, но более яркое и полное целое.

Правда, что укоренившаяся с детства привычка делает трудным в первое время этот процесс наложения. Кажется невероятным, что иудейский и православный храм, вплоть до глубины средних веков, были одно и то же, и что иудаизм (т.-е. в переводе: богославие) был лишь одной из православных сект. Я уверен, что и теперь это мое выражение резко ударит по уху и христианского, и еврейского читателя, хотя я и объяснил уже, даже не раз, что христианство по-древнегречески значит просто *посвященство* и что это было имя всех посвященнических или *священнических* сект, у которых нельзя было сделаться жрецом самовольно, а нужно было сначала пройти известный курс наук, быть *посвященным* в тайники тогдашнего мистического и оккультного знания, что и удостоверялось, после достижения достаточной учености и после удовлетворительного отзыва учителей, миропомазанием, опять совершенно одинаковым и у богославных (евреев), и у православных (христиан).

Только с конца средних веков ритуал стал в разных странах развиваться самостоятельно. У католиков и раввинистов, под влиянием Апокалипсиса, изобразившего государственную церковь в виде продажной женщины с золотою чашею в руке (Апок., 17, 4 — 5), была устранена из ритуала чаша с вином, о которой, как мы только-что видели, еще говорится в «Премудрости Иисуса», как употреблявшаяся Симоном, сыном Ионы (он же Петр), и очевидно в Риме в храме Петра. У раввинистов совсем упразднилось омовение, т.-е. крещение младенцев священником, как религиозный обряд, заменившись магометанским обрезанием, а у католиков оно сохранилось наполовину, в виде

поливания струи воды на голову крестимого. Все это были уже последующие средневековые дифференцировки, и сами раввины, хотя и читали библию на ее первоначальном языке, перестали, наконец, узнавать первоначальное единство своей религии и храмов с тогдашними христианскими. Из-за личных ссор и конкуренции позднейших руководителей церкви — она разделилась на враждебные друг другу секты, но учителя этих сект, хотя и делали вид, что не прикасаются к книгам чуждых им учений, чтобы не оскверниться, постоянно это делали исподтишка и, находя там какое-нибудь явное «усовершенствование», переносили его в свои тексты, чем и объясняется, что целый ряд позднейших греческих и латинских вставок проник и в еврейский текст и затемнил его первоначальный смысл.

Мы должны сознаться, что научных осмысленных переводов Библии еще нет ни на одном из новейших языков и не будет, пока за это не возьмется какой-нибудь опытный гебраист, получивший высшее естественно-научное образование и хорошо знакомый с астрономией, астрологией, геофизикой, психологией и другими современными науками.

* * *

Я рассмотрел здесь «Премудрость Иисуса сына царского наместника», потому что еще прежние чтения ее в шлиссельбургском заточении привели меня к заключению, что эта книга принадлежит средним векам и что ее Иисус тожествен с евангельским, а потому из нее можно получить дополнительные сведения о жизни и учении Иисуса. С этой целью и здесь я выписал из нее почти все выдающиеся изречения и места и, мне кажется, достаточно показал, что житейская философия этой книги однородна с евангельской и потому принадлежит той же эпохе творчества, хотя и не представляет собою плагиата.

Эта книга тоже рисует Иисуса составителем коротких изречений и заповедок, повидимому представлявших в начале средних веков наиболее употребительный род житейских мудрствований, а также и аллегорий, называемых притчами.

Поэтому мы должны допустить, что и реальный Иисус, как другие его ученые современники, тоже не был чужд этого рода первобытной литературы, имевшей то удобство, что такого рода сентенции, при трудности добыть папирус или пергамент,

можно было нацарапать на глиняной дощечке или на куске древесной коры. Но что тут принадлежит ему и что написано за него компиляторами этой книги, уже нельзя сказать. Научная сторона его учения совсем оставлена в тени, и причина его столбования тоже замолчена. Единственное новое, что мы узнаем о нем из этой книги, заключается в ее заголовке: Иисус сын Сираха, т.-е. Иисус сын императорского наместника. Значит, он, действительно, происходил из очень высокопоставленной семьи. Это делает понятным и тот факт, что его «столбование за правду» и его чудесное «воскресение из мертвых» произвели такую большую сенсацию в тогдашнем интеллигентном мире. Казнь простого захолустного проповедника, никем не слышанного кроме кучки безграмотных людей в глухом уголке тогдашнего мира около римской крепостцы Эль-Кудса на границе пустыни, не произвела бы в древних культурных кругах никакого впечатления и не вызвала бы большой литературы, да и на местах была бы тоже забыта безграмотным населением в следующем же поколении.

В своих исторических исследованиях мы должны твердо помнить, что все на свете, как идейное, так и материальное, найдено человеческим гением, а не безграмотной древней толпой, которая только давала невещественным идеям материальную оболочку, да и то не по собственной инициативе, а под давлением посторонних сил. Нас сбивает часто слово «народный эпос», каким определяют творчество былин, и мы забываем, что былины тоже творились не обычными тогдашними земледельцами, пастухами и ремесленниками, о которых автор только-что рассмотренной нами книги справедливо замечает, что «их сердце прилежит к их делу», а *баянами,* т.-е. исключительными по своему умственному развитию личностями, специализировавшимися, оставив всякий другой труд, в своем искусстве. Это и была первобытная, очень редкая среди тогдашнего населения интеллигенция, питавшаяся от стола богатых торговцев и князей.

То же самое можно сказать и об Иисусе. Всякая религия возникала на вершинах современной ей культуры и держится в низах лишь до тех пор, пока ее не оставили верхи.

Значит, Иосиф, евангельский отец Иисуса, был не только ученый зодчий, но и наместник императора, повидимому в Неапolитанской области.

Вторая же и наиболее важная вещь, которую мы находим здесь, это только-что приведенная характеристика апостола Симона-Петра, которая рисует его совсем не в том виде, как «Жития Святых» или грубый апокриф Евсевия Вселюбца: «Церковная История».

Мы видим, что Петр, после воскресения и исчезновения Иисуса, произведшего тем большее впечатление, что он был сыном царского наместника, не скрывался в Риме «в катакомбах», как нам внушают, а, напротив, совершал там свои службы в «обширном храме» с небывалым великолепием, и тоже происходил совсем не из бедных рыбаков, а из богатой и образованной греческой семьи.

Когда же была составлена разбираемая нами теперь книга от имени Иисуса? Упоминание об Иезекииле показывает, что это место было написано в ней после 453 года, когда произошло соединение планет под Змиедержцем, составляющее основу пророчества «Иезекиил». А упоминание о царе Езекии, которого мы отожествили уже с Анастасием (491—518),[1] показывает, что «Премудрость Иисуса» была окончательно скомпанована не ранее как в VII веке, т.-е. одновременно с евангелиями, а потому она и носит ясный отпечаток «евангельской премудрости».

ГЛАВА III.

ЦАРЬ ЦЕЛИТЕЛЬ И ЕГО ПРЕДКИ.

(Эмбрион романа о царе-Миротворце.)

Рассмотрим здесь и еще одну средневековую апперцепцию жизни, деятельности и происхождения основателя христианского богослужения, отличающуюся от предыдущих тем, что она имеет внешний вид историчности.

Я уже говорил, что первые одиннадцать глав *первой* (а по-гречески *третьей*) книги «Цари», трактующие о царе-Миротворце, имеют тот же самый литературный колорит, как и две предшествовавшие им библейские книги, посящие по-еврейски название «Знамя бога» (I и II книги «Царей» по-гречески): это

[1] «Христос». Первая книга. Часть III, гл. 3.

фантастические исторические романы, где чудесное подавляет обычное и житейское. Вот почему я и соединил разбор их всех в одну трилогию: царь Ад, царь Пыл и царь-Миротворец (Саул, Давид и Соломон по-еврейски). Ведь все мы уже привыкли соединять их друг с другом, как нечто исключительное. А последующие одиннадцать глав первой книги «Цари» похожи на сухую средневековую летопись, в которой (за исключением позднейшей вставки об Илье-пророке, вознесшемся, как Иисус, живым на небо, и об его ученике Елисее) все совершенно правдоподобно, так же, как и в следующей за ними последней «книге Царей».

Они может-быть и есть не что иное, как считающиеся затерянными Consularii Italici в еврейском, пополненном, изложении. Их литературный слог настолько примитивнее слога трилогии «Знамя бога», что сомневаться в их большей древности, чем эта трилогия, невозможно. Впечатление получается такое, как если бы метранпаж в типографии по ошибке приверстал средневековую хронику французского двора к роману Дюма-отца «Три Мушкетера», а корректор пополнил бы зияющую невязку между обеими частями создавшегося этим способом разномастного рассказа переходным литературным мостиком такого вида:

«После того, как умер третий мушкетер, на французский престол вступил Людовик такой-то, и началась война с англичанами, а по окончании ее Людовик поехал в Париж, где и умер, а вместо него на французский престол вступил его сын, который умер через три года» и т. д., в самом сухом изложении.

Кроме того, представьте себе, что при этом типографском недоразумении оказалось бы еще, что названный Людовик царствовал совсем не после, а раньше «Трех Мушкетеров», живших, по Дюма-отцу, при его сыне, и оказалось бы, что потом и самый сын снова описан в хронике через поколение, но уже без мушкетеров, да и характеристика в летописи дана ему совсем другая, чем в романе Дюма... И вот, вы получите то самое, что мы видим и в I (III) книге «Цари», в которой царь-Миротворец вновь выплывает через поколение под именем «царя Целителя».

Начнем же с его предков, которые приведены еще в фантастической обстановке, рисующей, с одной стороны, разделение поклонников Иисуса на мессианцев и христиан, а с другой—на такое же предшествовавшее разделение единобожников на приверженцев Ария и приверженцев Николая чудотворца.

После того, как умер царь Миротворец, третий царь знаменитых библейских трех мушкетеров—Саула, Давида, Соломона,— «богоборческое царство разделилось, — говорит нам книга «Цари», а с нею и ее подголосок «Паралипоменон», — между Ровоамом (Ῥοβοάμ) и Иеровоамом (Ἰε-Ροβοαμ по-гречески)».

Уже одно такое сходство греческих наименований обоих соправителей, в связи с уже выясненным мною в предшествовавших книгах «Христа» обстоятельством, что еврейская библия написана под сильным влиянием греческой культуры, невольно наводит на мысль, что это одно и то же имя, разделенное тенденциозно на два, и что носил их один и тот же раздвоившийся впоследствии человек, или просто это путаница двух соправителей, при которой не разберешь, к кому что относится. Конечно, то обстоятельство, что Ровоам пишется по-еврейски РХБ-ЭМ — распространитель народа, а Иеровоам пишется ИРБ-ЭМ — заступник народа, устраняет эту мысль, но и здесь мы можем допустить, что ИРБ-ЭМ писался первоначально И-РХБ-ЭМ, т.-е. богораспространитель народа, и выйдет то же, что по-гречески.

Но мы видели уже («Христос», кн. I), что Иеровоам хронологически налегает на Константина I, сына Констанция Хлора, «верховного императора империи Носорога» (Рим по-библейски значит Носорог,[1] откуда и произошло название Римской империи, появившееся в то время, когда ее столицей еще не был «город Носорог»).

Значит, Ровоам не сын царя Миротворца, а скорее его отец, и Іеровоам восставал не на царя Миротворца, а на царя Пыла. Кроме того, самое родство перепутано.

Иеровоам считается основателем иеровоамовой ереси, что соответствует Константину I, а в остальном библейская легенда о нем подверглась позднейшим переработкам, совершенно изменившим его облик.

Это очень хорошо заметно при сравнении сказаний о нем в книге «Цари» со сказаниями книги «Паралипоменон», повторяющей буквально некоторые места первой книги, а в других дающей и самостоятельные вставки, или исключающей из книги «Цари» то, что ей не нравится.

[1] Слово Носорог (РМ=РАМ) по-египетски и халдейски имеет два главные произношения: РИМ и РОМ (или РАИМ), откуда и могла возникнуть легенда, что он был основан не одним человеком, а двумя (Ромулус и Рем).

Вот, прежде всего, исключенный ею рассказ. Автору «Паралипоменона», очевидно, не понравилось, что «Заступник народа» выведен авторами книги «Цари» из бунтовщиков против своего государя, и он выбросил все это сообщение, которое потому я и цитирую исключительно по книге «Цари» (для связности изложения,— так, как оно было цитировано мною раньше).

КНИГА «ЦАРИ» (ГЛ. II, 26).

«Слуга царя Миротворца *(Соломона по-еврейски)*, Распространитель народа *(Ровоам)*, сын пророка в Стране Пепла из *Цариды*,[1] мать которого была прокаженная вдова, поднялся против своего царя, когда тот строил насыпь и чинил повреждения в городе Возлюбленного» (11, 27).

Причина этого восстания,— говорят нам,— была в том, что его встретил на дороге пророк «Брат Громовержца» *(взорвавшийся с грохотом огненный метеорит, рис. 62)* из Крепости Успокоения *(неба)*, разорвал свою новую одежду на двенадцать лоскутков и сказал этим Заступнику народа:

« — Возьми себе десять! Громовержец, бог богоборцев, говорит тебе *(через меня)*: «я исторгаю царство из рук детей царя-Миротворца и даю тебе из него десять народов (11, 31). А сыну его дам одно, чтоб оставался светильник Возлюбленного, моего слуги во все дни перед моим лицом в городе Святого Примирения, который я выбрал себе для того, чтоб жило там мое имя».

«Царь-Миротворец» *(после такого истолкования астрологами десяти кусков метеорита, упавших на дороге «Заступника народа»)* захотел его убить, но он бежал в Миц-Рим к царю Шишаку (ШИШК) и жил там до смерти царя-Миротворца» (11, 40).

Так кончается это интересное место, указывающее на падение осколков метеорита на пути Константина I, считаемого православными историками за сына Констанция Хлора, а здесь объявленного сыном «пророка из Страны Пепла» и взбунтовавшимся подчиненным.

Какая версия вернее?

Мне кажется — библейская, так как финал библейского сказания, что после этого знамения царь-Миротворец искал средства его убить, слишком соответствует нравам старинных властелинов, чтобы счесть все за простую фантазию автора книги «Цари». Впрочем, мы знаем, что древние императоры убивали за такие предсказания и своих собственных детей.

---

[1] צרדה (ЦРДЕ) по-гречески Σαρίδη (Сарида)—созвучно с Сардинией (гл. II, кн. I — по-еврейски, и кн. III — по-русски).

Автор «Паралипоменона»,— как я уже сказал,— выбросил это место и начал свое копирование с конца этой (II) главы. Я привожу его копию справа от текста книги «Цари».

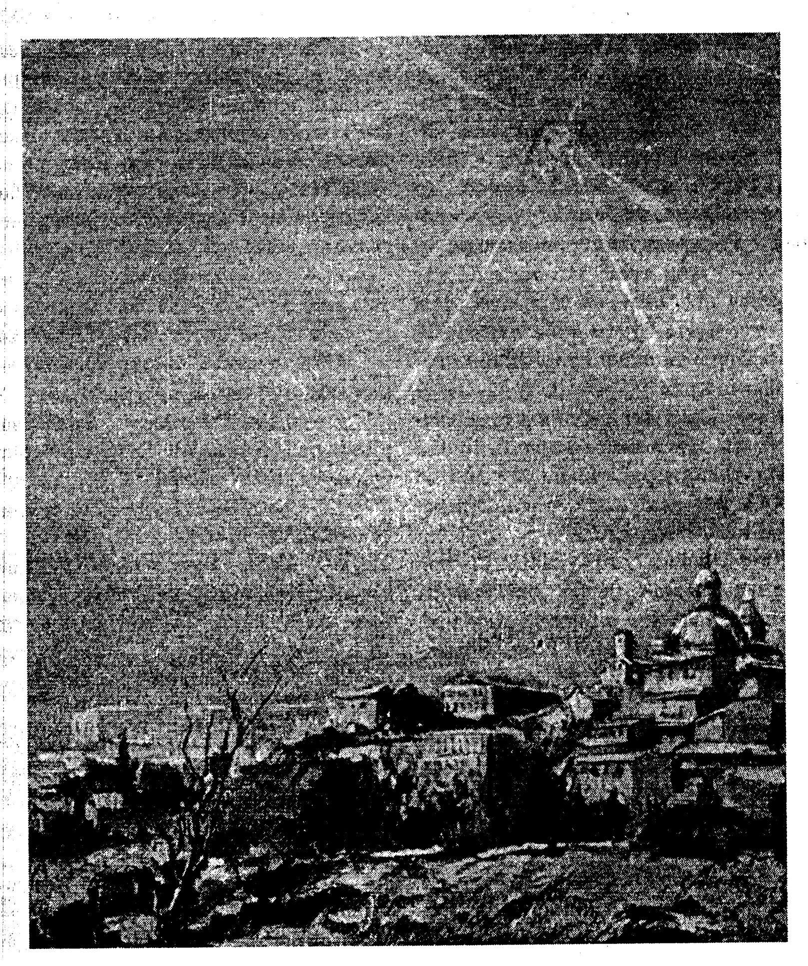

Рис. 62. Взрыв метеорита с летящими от него обломками (с натуры).

БИБЛЕЙСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ НАРОДА ПОТЕРЯЛ ДЕСЯТЬ ОБЛАСТЕЙ СВОЕГО ОТЦА.

Книга 1 (III) Цари, 11, 43.	*1 Паралипоменон (9, 31).*
Почил царь Миротворец со своими предками, был похоронен в Городе Возлюбленного, и вместо него	Почил царь-Миротворец со своими отцами и был похоронен в Городе Возлюбленного, и вместо него

воцарился его сын Распространитель народа *(соответствующий Лицинию, соправителю Константина I).*

Глава 12.

«Он пошел в Сикем *(ШКМ—Неаполь)*, куда пришли и все богоборцы воцарять его. Об этом слыхал Заступник народа, сын Пророка, который находился в Миц-Риме (МЦ-РИМ). Вызванный оттуда со всем собранием богоборцев, он говорил Распространителю народа:

« — Отец твой наложил на нас тяжелое иго, облегчи нам жестокую работу, и мы будем тебе служить».

«Точно также и старейшины говорили:

« — Если ты теперь удовлетворишь их ласковыми словами, то они будут твоими рабами на все дни...»

«А молодые люди, росшие вместе с ним, говорили:

« — Скажи этому народу: мой мизинец толще бедра моего отца. Если он наложил на вас тяжкое иго, то я еще увеличу его; если он наказывал вас бичами, то я скорпионами».

«На третий день, когда Иеровоам и весь народ пришли к нему за ответом, он сказал им, как советовали молодые люди. А народ ответил:

« — Что нам за дело до Возлюбленного? Сын Сущего *(Иессея)* не наследство для нас. Идем по домам, богоборцы!» (12, 16).

воцарился его сын Распространитель народа *(соответствующий Лицинию, соправителю Константина I).*

Глава 10.

«Он пошел в Сикем *(ШКМ—Неаполь)*, куда пришли и все богоборцы воцарить его. Об этом услышал Заступник народа, сын Пророка, который возвратился из Миц-Рима (МЦ-РИМ). Со всем собранием богоборцев он говорил Распространителю народа:

« — Отец твой наложил на нас тяжелое иго, облегчи нам жестокую работу, и мы будем тебе служить».

«Точно также и старейшины говорили:

« — Если ты теперь удовлетворишь их ласковыми словами, то они будут твоими рабами на все дни».

«А молодые люди, росшие с ним, говорили:

« — Скажи этому народу: мой мизинец толще бедра моего отца. Если он наложил на вас тяжкое иго, то я еще увеличу его; если он наказывал вас бичами, то я скорпионами».

«На третий день, когда Иеровоам и весь народ пришли к нему за ответом, он сказал им, как советовали молодые люди. А народ ответил:

« — Что нам за дело до Возлюбленного? Сын Сущего *(Иессея)* не наследство для нас. Идем по домам, богоборцы!» (12, 6).

Читатель сам видит, что это место в книге «Паралипоменон» переписано из книги «Цари» слово в слово и потому не имеет значения самостоятельного исторического документа. Но и первоначальный рассказ носит явно сказочный характер. Ни один вновь воцарившийся царь, каким бы глупым он ни был от рождения, не сказал бы при получении своего царства ничего подобного. Тяжкие государственные работы, конечно, могли

быть действительной причиной распадения империи на две части, но только это одно и можно тут принять за намек на действительность. Все это только переходный мост от трех мушкетеров к последующей хронике.

Продолжим же наше сравнение обеих книг и далее.

Здесь опять мы видим в книге «Цари» очень интересное место, тоже зачем-то выпущенное автором «Паралипоменона».

Книга «Цари», I (III), глава 12 (25—33).

«Заступник народа (Иеровоам-Константин I) обстроил стенами Сихем (ШКМ), на горе Аф-Рим, и поселился там, потом построил Лик божий (ПНИ-АЛ) и сказал в своем сердце:

« — Если мой народ будет ходить для жертвоприношения в город Святого Примирения, то возвратится он к своему государю, Распространителю народа, и убьет меня».

Созвав собор *(Никейский?)*, он сделал двух золотых тельцов, одного в Доме бога (Бит-Ал), другого в Судном Городе (ДН), и сказал:

« — Довольно вам ходить в город Святого Примирения! Вот твои боги, богоборец, которые вывели тебя из Миц-Римской земли!»

Читатель сам видит, что это — повторение Ароновых золотых тельцов, а потому и относится ко времени Арона-Ария.

Народ стал ходить к Тельцу в Судном Городе, и это стало началом религиозного заблуждения. «Заступник народа» *(Иеровоам-Константин)* построил храм на высоте, поставил священников не из левитов и установил годичный праздник в пятнадцатый день восьмого месяца *(если здесь будем считать первым месяцем июль — при солнце в Яслях Христа — то это придется на 15 февраля, когда установлен «праздник православия» со знаменитой анафемой всем иноверцам)*, и сам взошел на жертвенник, чтобы совершить каждение *(Константин I был провозглашен главой церкви и величайшим «священнослужителем»*, Pontifex Maximus).

А затем идет уже чисто астральная вставка, так как было бы смешно придавать ей историческое значение:

I (III) Книга «Цари». Глава 13.

«В это самое время посланник богов *(т.-е. попросту месяц в своем пути по небу)* появился из страны богославия и сказал *(проходя над созвездием Жертвенника, в котором, вероятно, взорвался метеорит).*

« — Жертвенник, жертвенник! Вот родится сын в доме Возлюбленного, по имени Осия *(ИАШ-ИЕУ—Огонь Громовержца, созвучно с именем*

Иисус), который заколет на тебе священников высот и сожжет на тебе человеческие кости.

«Заступник народа *(в символе созвездия Стрельца?)* простер руку от жертвенника *(вероятно, был дымовый след метеорита),* сказав:

«— Возьмите его!

«Но его рука одеревенела, а Жертвенник рассыпался *(брызги метеорита исчезли, и созвездие зашло).*

«— Умилостивь лицо твоего бога,— сказал царь посланнику богов,— помолись, чтобы я мог опустить мою руку.

«Посланник богов помолился, и рука царя стала, как прежде.

«— Войди ко мне в дом,—сказал царь,—и подкрепи себя пищею.

«— Если бы ты мне отдал и пол дома, — ответил тот *(в символе месяца),* — я не пойду с тобой и не буду есть хлеба и пить воды в этом месте, потому что так велел мне Громовержец.

«Он пошел другой дорогой *(т.-е. по другую сторону эклиптики),* но один старый пророк, живший в Доме бога, узнав о всем, что он сделал, оседлал Осла и, найдя уходящего посланника под деревом бога *(АЛЕ— созвездие Яслей Христа, теперь Рак),* солгал ему:

«— Ангел сказал мне по повелению Громовержца: вороти его, и пусть поест он здесь хлеба и напьется воды.

«Посланник богов возвратился *(при следующем кругообороте),* поел и напился, но когда они еще были за столом, старый пророк провозвестил ему:

«— За то, что ты не повиновался повелению Громовержца, твое тело не войдет в гробницу твоих предков.

«Он оседлал для него Осла, и посланник богов поехал снова *(по эклиптике),* но его встретил на дороге Лев и умертвил. Его тело лежало на пути, а Осел *(в созвездии Рака)* и Лев стояли подле него. Когда об этом услышал старый пророк, вернувший его с дороги, он оседлал Осла, привез тело обратно и положил его в своей гробнице, говоря:

«— Увы, мой брат!

«И завещал похоронить и свое тело вместе с ним».

При буквальном понимании это была бы большая нелепость, а при астральном — получается смысл.

Последнее место есть — мне кажется — описание лунного затмения между созвездиями Льва и Рака *(с его двумя Ослами)* в самой пасти Льва. Тут затмения в первые века бывали только около 31 июля и 1 августа. Не было ли их во время Константина I? Взглянув на мою классификационную таблицу лунных затмений в V томе «Известий Научного Института имени Лесгафта»,[1] мы сейчас же и находим при Константине I совершенно такое сверхполное затмение, в ночь с 1 на 2 августа 315 года, в 20 час.

[1] Таблица эта составлена Ниной Штауде и мною.

28 минут от Гринвичской полуночи, а в Италии и Греции около самой полуночи *(при Юпитере в Овне и Сатурне в Водолее).* Оно было видно во всей Европе, Африке и Западной Азии, очень глубокое по фазе (14"4). А солнечных затмений в этом году не было видно в странах Средиземного моря. Кроме того, было одно, лунное, и при Диоклетиане в ночь с 31 июля на 1 августа 296 года, тоже очень глубокое сверхполное (16"0), в 20 часов 44 минуты от Гринвичской полуночи, видимое и в Европе, и в Африке, и в Западной Азии *(при Сатурне между Близнецами и Раком и при Юпитере в пасти Льва).* Солнечных же затмений не было и в этом году. А раньше и после них не было таких лунных затмений несколько веков.

Вот и другая легенда, тоже явно астрологического происхождения, служащая продолжением предшествовавшей.

I книга «Цари», глава 14.

«У Заступника народа (Иеровоама-Константина I) заболел сын Авия *(т.-е. Отец бога, совершенно то же имя, как и у сына его современника богославного Распространителя народа (Ровоама), что указывает на смешение обоих исследуемых нами теперь царей).*

«Он сказал своей жене:

«— Переоденься и пойди в Силох (ШЛХ) к Брату Громовержца, Пророку, предсказавшему мне, что я буду царем этого народа. Дай ему 10 хлебов, кувшин воды и сухарей и узнай, что будет с юношей.

«Она пришла к Брату Громовержца, который был уже слеп, но Громовержец предупредил его, и, услышав шорох ее ног, он сказал:

«— Войди, жена Заступника народа! Зачем тебе было выдавать себя за другую? Так говорит Заступнику народа Громовержец, бог богоборцев: ты сделал себе иных богов и истуканов, меня же бросил себе за спину. За это я истреблю у тебя всякого, мочащегося к стене, раба и свободного, и вымету потомство твое, как сор, дочиста: кто умрет в городе, того съедят собаки *(Большой и Малый Пес?),* кто в поле, того склюют небесные птицы *(Ворон на Гидре?)* Иди в свой дом, и как только твоя нога вступит в город, умрет твое дитя, и оплачут его богоборцы, и положат в гробницу, потому что в нем одном нашлось нечто доброе, по мнению Громовержца, во всем доме Заступника народа (14,13).

«Жена встала, пришла в Искупленный Город и едва переступила порог дома, как умерло их дитя».

И здесь в смерти Божьего Отца в «Искупленном Городе» невольно хочется видеть лунное или солнечное затмение в Овне. Но полных солнечных затмений не было в Овне при Константине I, а лунные были: 293 года 2 октября около Гринвичской

*

полуночи (14″3), все видимое в нашем полушарии земли; и еще 310 года 25 октября (13″9) тоже около Гринвичской полуночи, видимое целиком и почти полное при Константине I; да еще в 357 году 14 октября с фазой 10″1, вечером при восходе луны в 17 часов 37 минут от Гринвичской полуночи.

«Прочие дела и войны Заступника народа *(Константина I)*, — продолжает книга «Цари», — описаны в летописной книге богоборческих царей *(такой нигде нет)*.

«Он царствовал 22 года и почил со своими отцами» (14, 20).

Весь только-что приведенный рассказ (очевидно, тоже чисто астрального характера, хотя смысл и неясен) выброшен автором книги «Паралипоменон», переписавшим отсюда только последнюю строку:

«Он царствовал 22 года и почил со своими отцами».

Понятно, что и в этой легенде нет ничего реального, ничего исторического, а все одни астральные наблюдения, смешавшиеся, как во сне, с обрывками сказаний о земной жизни «Заступника народа», каково, например, сообщение, что его главной резиденцией была, по мнению автора, Турца (ТРЦЕ). При сравнении его библейского облика с византийским обликом римского императора Константина I, кроме сходства в описании их обоих, как ересиархов и понтифекс-максимусов, мы видим и некоторые существенные разницы. По византийским источникам Константин I был сыном Констанция Хлора, верховного римского императора, а Иеровоам выставляется здесь сыном Пророка (НБТ). Есть и другие разногласия с византийскими сообщениями, которые мы увидим сейчас при изложении событий его жизни. Они лучше всего вырисовываются, когда мы проследим историю Ие-Ровоама в связи с историей царя богославных Ровоама, в котором приходится теперь видеть легендаризированного Лициния, соперника Константина I.

Вот легенда о Распространителе народа (Ровоаме) по I (III) Книге «Цари»:

«Цари» (14, 21 и т. д.).

«Сорок один год было Распространителю народа, сыну царя-Миротворца (Соломона), при его воцарении. Он царствовал 17 лет в городе Святого Примирения. Имя его матери было Приятная (НЭМЕ) из Амона. Богословные в это время раздражали бога Громовержца более всех своих предков: они устроили у себя высоты, столбы и дубравы на каждом высоком холме, под каждым тенистым деревом. У них были блудники *(апокалиптическое выражение)*, и они совершали все мерзости народов, которых Громовержец прогнал от лица детей богоборца.

«На пятом году его царствования пошел миц-римский царь Шушак (ШУШК) на город Святого Примирения, взял сокровища царского дворца из Дома Громовержца со всеми золотыми щитами, сделанными царем-Миротворцем. Вместо них Распространитель народа сделал медные щиты, и, когда он шел в храм, скороходы несли их перед ним, а затем относили обратно в ихнюю комнату. И была у него с «Заступником народа» война всю жизнь.

«Он почил со своими отцами и погребен в Городе Возлюбленного».

Вот все, что сказано об этом цезаре в книге «Цари». При сопоставлении его с Лицинием мы видим лишь одно неподходящее обстоятельство. По византийским источникам он был родом из Дакии, один из полководцев при Констанции Хлоре, верховном римском императоре, а здесь сделан сыном царя-Миротворца. А Константин, наоборот, бывший, по византийским источникам, сыном Констанция Хлора, сделан здесь полководцем царя-Миротворца. Случайная ли это путаница, благодаря созвучию имен Ровоам и Ие-Ровоам? Или это тенденциозное искажение, чтоб исключить Константина из родословной Иисуса? Не потому ли преждевременно умер и сын его, Отец бога (Аб-Ие), тогда как Лицинию-Ровоаму дан взамен его такой же сын «Отец бога» (Аб-Ие), который, как увидим далее, и сделан отцом Асы, т.-е. Исуса?

Все это сообщение, — как я уже сказал, — исключено автором книги «Паралипоменон», и взамен него он передает историю Распространителя народа в таких словах:

«Распространитель народа *(тотчас после своей глупой речи перед народом по поводу «тяжелого ига его отца»)* приехал в Город Возлюбленного с 180 000 отборных воинов, чтоб возвратить себе отпавшие 10 государств, но Громовержец сказал Слышащему бога (ШМЕ-ИЕУ), божьему посланнику:

«— Скажи, чтоб каждый возвратился в свой дом, потому что это сделано мною.

«Они послушались и возвратились из похода, а Распространитель народа поселился в городе Святого Примирения. Он обратил в крепости и другие богославные города, снарядил их, дал им начальников, склады хлеба, оливкового масла и вина, щитов и копий. За ним остались богославные и бен-иминовцы, а диаконы (левиты) покидали свои городские предместья и владения (в других областях) и собирались к нему от всех пределов, так как «Заступник народа» *(Константин I)* отставил их от

священства, а вслед за ними переходили к нему и все, предавшие свое сердце тому, чтоб найти бога богоборцев» (11, 16).

«Он имел 18 жен и 60 наложниц и от них 28 сыновей и 60 дочерей. Он поставил над ними князем Аб-Ию *(т.-е. Отца Грядущего бога)*, сына «Теснимой» (церкви), чтобы потом и воцарить его» *(II Паралипоменон, 11, 22)*.

Вот и все о Распространителе народа во второй книге «Паралипоменон». А в книге «Цари» ни о каких этих постройках крепостей Распространителем народа нет ни одного слова и неизвестно, откуда о них узнал более поздний автор «Паралипоменона».

Далее же, в последней книге, идет такой рассказ, о котором в книге «Цари» I (III), 14, 25 (как мы только-что видели) упоминается лишь вскользь в нескольких строках.

II Кн. Паралипоменон, 12, 2.

«На пятом году царствования Распространителя народа пошел миц-римский царь Шишак (ШИШК) на город Святого Примирения с 1200 колесниц и 60 000 всадников, набранных из Миц-Рима, Ливии (ЛУВ), Кия (КИ) и Куша (КУШ).

«Пророк «Слышащий бога» пришел к Распространителю народа и богославным князьям и сказал:

«— Громовержец говорит: за то, что вы оставили меня, я оставляю вас Шишаку.

«Князья богоборческие смирились и сказали:

« — Праведен Громовержец.

«А Громовержец ответил на это своему «Слышащему»:

«— За то, что они смирились, я скоро дам им Избавителя. А теперь они будут слугами Шишака, чтобы знали, каково служить сразу и мне, и земным властям.

«И взял Шишак сокровища царского дома и золотые щиты, поставленные царем-Миротворцем в Доме Громовержца, а Распространитель народа сделал взамен их медные щиты. И отвратился от него гнев Громовержца. Ему был 41 год, когда он воцарился, а царствовал он 17 лет.

«Его деяния от начала до конца описаны в записях пророка Слышащего бога и провидца Свидетеля (ЭДУ)».

Кто же такой этот пророк «Слышащий бога»?

Его имя пишется ШМЕ-ИЕ и представляет собою, очевидно, то же, что и ШМУ-АЛ, т.-е. Самуил по-гречески, потому что и ИЕ, и Ал обозначают одно и то же: *бог*, и все это вместе значит: *слышащий бога* (или знамя бога), да и имя Семеон (ШМЕ-ОН) представляет то же самое. Относительно Самуила я уже показывал, что он есть легендаризированный Арий (дубликат Арона книги Исход), а потому мы можем сказать то же и о Самее. А для миц-римского (т.-е. римского) царя Шишака (значение имени неясно) у нас нет другого выбора, кроме Максенция, тогдашнего властелина Рима.

Перейдем теперь ко второму поколению воображаемых наследников премудрого царя-Миротворца (Соломона), а на самом деле его предков, так как он налегает более всего на самого Христа.

* * *

Название второго (по времени) князя богославных — очень странно: Отец бога Громовержца (АБ-ИЕ)! Что бы это значило?

Если бог Громовержец был евангельский Иисус, то это был бы его отец, евангельский Иосиф (ИУСФ), имя которого, если верить обычным переводам теологов, значит умножение [1] и наводит математика на мысль, что это была первоначально кличка человека, открывшего таблицу умножения, так как объяснение одного из редакторов книги «Бытие», будто подобное имя было дано ему матерью его Овечкой (Рахилью), ожидавшей при его рождении, что бог прибавит (ИСФ) ей еще нового сына (Бытие, 30, 24), не выдерживает, конечно, никакой критики. Во всяком случае, значение имени Иосиф на библейском языке (прибавитель) близко к значению имени Ровоама (расширитель народа). Но я уже показывал, что имя Иосиф может быть переводимо и как «Чаша Громовержца» или «Кратер Громовержца». В виду важности второго царя богославных для нашего исследования, рассмотрим тоже параллельно друг другу два единственные первоисточника о нем: библейскую книгу «Цари» и переработанную выписку из нее в книге «Забытые Дела» (по-гречески «Паралипоменон»).

I Книга «Цари» (гл. 15).

В 18-м году царствования над богоборцами Заступника народа *(Константина I)*, сына Пророка, воцарился над богославными Отец бога Громовержца (АБ-ИЯ). Три года он царствовал в городе Святого

II Книга Паралипоменон (гл. 13).

В 19-м году царствования *(над богоборцами)* Заступника народа *(Константина I)* воцарился над богославными Отец бога Громовержца (АБ-ИЯ). Три года он царствовал в городе Святого Примирения, а имя

[1] יוסף (ИУСФ) обычно производится от יסף (ИСФ) — умножать.

Примирения, а имя матери его Теснимая церковь (МЭКЕ), дочь Отца Успокоения (АБИ-ШЛУМ).

Он жил во всех заблуждениях своего отца, и сердце его не было предано Громовержцу, его богу. Но ради Возлюбленного царя, его отца, бог дал ему светильник в городе Святого примирения в лице его сына (Асы-Исуса), восставшего после него и утвердившего этот город.

И была вражда между Отцом бога Громовержца и Заступником народа во все их время.

матери его богоподобная (МИК-ИЕУ), дочь Огня божия с Горы (БТАУРИ-АЛ МЗ-ГБЭЕ).

Это место выпущено в «Паралипоменоне», или его совсем не было и в книге «Цари», когда копировался с них «Паралипоменон».

В книге «Паралипоменон» сообщаются и вымышленные затем подробности этой вражды, которых нет в книге «Цари»:

«Отец бога Громовержца» вывел храброе войско из 400 000 отборных людей, а Заступник народа *(Иеровоам-Константин)* выступил против него с 800 000 отборных, храбрых человек. Первый встал на вершине Горы Кимвров (ЦМРИМ), одной из Аф-Римских гор, и сказал *(хотя едва ли почти миллион людей под горой могли слышать хоть одно его слово, если будем смотреть на дело с реалистической точки зрения)*:

«— Послушайте меня, Заступник народа и все богоборцы! Разве вы не знаете, что бог Громовержец дал царство богоборцев Возлюбленному царю и его потомкам по завету соли *(евангельское «вы соль земли»)*? Не вы ли изгнали священников Громовержца, детей Арона (Ария) и левитов и поставляете теперь у себя, как народы других земель, священниками вашим не-богам всякого приходящего с Тельцом и с семью Овнами... Не воюйте же с Громовержцем, богом ваших отцов, потому что не получите успеха!

«А между тем «Заступник народа» послал один отряд ему в тыл. Богославные оглянулись, и вот, им битва и спереди, и сзади! Они возопили к Громовержцу, а их священники затрубили в трубы... И тотчас побежали богоборцы от богославных, и пало у них убитыми 500 000 (так!) отборных человек... Отец Громовержца преследовал Заступника народа, взял у него божий Дом (БИТ-АЛ), Старый Город (ИШНЕ—Чивита-Веккиа, гавань города Рима) и Эфрон (ЭФРУН), с зависящими от них местностями. И не входил уже в силу Заступник народа во дни Отца бога Громовержца. А этот усиливался, взял себе 14 жен, и родились ему от них 22 сына и 16 дочерей.

«Прочие дела его, с поступками и словами, описаны в сказании пророка Эды». *(Такого сказания не существует.)*

Ничего подобного нет в книге «Цари», и единство текстов обеих книг восстанавливается лишь в самом конце этой главы в словах:

«Отец Громовержца почил со своими предками и был похоронен в городе Возлюбленного, и воцарился сын его Исус (АСА) взамен его (I Царей, 15, 8).

«Отец Громовержца почил со своими предками и был похоронен в городе Возлюбленного, и воцарился Исус (АСА) взамен его (II Паралипоменон, 13, 23).

Сравнивая эти два описания, мы видим, что к короткой, правдоподобной заметке в книге «Цари» об «Отце Громовержца», который сам жил еще в религиозных заблуждениях своих предков, по которому был дан *Светильник* в лице его сына Исуса (АСЫ), «Затерянная Книга» (Паралипоменон по-гречески), выбросив упоминание о Светильнике, прибавила сюда чисто фантастическое и физически невозможное в старые времена описание сражения между целым миллионом двумястами тысяч (!!!) отборных храбрецов из богославных и богоборцев, с нагорной речью Отца бога Громовержца к последним, хотя этого явно нельзя было сделать даже и в том случае, еслиб он говорил, приставив ко рту рупор, или пользовался современным громкоговорителем. Все это описание — явная фантазия, или какая-нибудь аллегория, которую трудно расшифровать, а потому я и не остановлю на ней особого внимания.

Сущность же дела в том, что «Отец бога Громовержца», в единственной правдоподобной характеристике его в книге «Цари», назван затем и Отцом Светильника, что показывает, что этот Светильник и считался богом Громовержцем и евангельским Христом, так как хронологически налегает на него. Перейдем же прямо к нему, тоже сравнивая его биографию по обоим нашим первоисточникам, строку за строкой.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ АСЕ (ИСУСЕ).

I (III) Книга «Царей» (глава 15, 8).

Почил Отец Громовержца с отцами своими, и похоронили его в городе Возлюбленного.

И воцарился царь Целитель (Аса-Исус), сын его, вместо него.

В 20-й год Заступника народа (Константина I) богоборческого царя воцарился Целитель над богославными и 41 год царствовал в городе Святого Примирения. Имя матери его было Теснимая *(церковь)* (МЭКЕ), дочь Отца Успокоения (Аве-Салома).

II Книга Паралипоменон, 13, конец.

Почил отец Громовержца с отцами своими, и похоронили его в городе Возлюбленного.

И воцарился царь Целитель (Аса-Исус), сын его, вместо него.

В его дни была спокойна страна десять лет.

Но Константин I провозглашен был «Августом» вскоре после смерти Констанция Хлора (библейского Соломона) в 306 году. Царь Целитель — по этой хронологии — родился на его 20-м году, т.-е. в 326-м, и царствовал 41 год, т.-е. до 368 года, когда мы и вычислили время столбования евангельского Христа по лунному затмению 21 марта 368 года.[1] Как видит сам читатель, здесь абсолютное согласие дат, и, кроме того, выходит, что ко времени столбования «Христу» было 42 года, а ко времени смерти Константина I в 337 году только 11 лет. А легенда о приказании царем Героем (Иродом по-гречески) обрезать всех младенцев мужского пола, превращенная в приказание их зарезать, могла возникнуть из действительного приказания произвести обряд обрезания по истолкованию нового лунного затмения у детородного органа Водолея 12 августа 333 года, когда будущему царю Целителю было семь лет. Затмение же было хорошо видно в Италии тотчас после захода солнца и восхода луны в полной фазе, а в Греции и Египте вскоре после его минования, когда луна взошла в Водолее уже обрезанной.

Мы видим, что хронологическое совпадение здесь получается не только в общем, но и во всех деталях, а потому и тожество Асы и Исуса, а также Аса и Васы (Василия Великого), является несомненным.

Продолжим же и далее наше сопоставление сказаний о нем в двух наших первоисточниках.

I (III) книга «Цари» 15, 11.	*I Книга Паралипоменон, 14, 2.*
Царь Целитель делал хорошее и приятное для очей Громовержца, как Возлюбленный, его отец.	Царь Целитель делал хорошее и приятное для очей Громовержца, своего бога.
	Он удалил жертвенники чужих богов и отстранил высоты, разбил статуи, изрубил священные деревья и приказал богославным искать только милости Громовержца, бога своих отцов и исполнять его законы и заповеди.
Он изгнал блудоедов из страны, удалил всех идолов, которых сделали его отцы.	Он отстранил во всех богославных городах высоты и столбы солнца.

[1] «Христос». Первая книга. Часть I, гл. III.

После этого параллелизм обеих книг прерывается. Ничего из приведенного об Асе-Исусе далее нет в книге «Цари». Все это вставлено впоследствии автором книги «Паралипоменон»:

I книга Паралипоменон (гл. 14).

«И сказал царь Целитель богославным:

«— Построим укрепленные города и обнесем их стенами с башнями воротами и запорами. Страна еще наша, потому что мы нашли себе бога — Громовержца, и он дал нам покой со всех сторон.

«У него было вооруженных большими щитами и копьями из богославных *(южно-итальянцев)* 300 000 и из бен-иминовцев *(сицилийцев)* 280 000, все люди храбрые, стрелявшие из лука.

«Против них вышел Сиятельный (ЗРХ)[1] из Африки (Куша) с войском в миллион (!) людей и 300 колесниц и дошел до Владыки Огня (МРАШЕ=МРА-АШЕ). Царь Целитель взмолился Громовержцу, своему богу:

«— Громовержец! Не в твоей ли власти помочь сильному или бессильному? Помоги же нам, Громовержец, наш бог, потому что мы опираемся на тебя и ради твоего имени пошли против такого множества! Громовержец! Ты наш бог! Да не преодолеет тебя человек!

«И вот, Громовержец поразил африканцев (КУШИМ) перед его лицом и перед лицом богославных. Они побежали, и царь Целитель вместе с бывшим при нем народом преследовал их до Герра (ГРР), и падали африканцы, так что ничего живого не осталось от них, потому что их поражал сам Громовержец и его небесное воинство. И все города вокруг Герра были поражены, потому что Громовержец навел на них ужас.

«Воины царя Целителя ограбили их всех и получили много добычи. Они разорили также шалаши их пастухов и угнали к себе в город Святого Примирения множество мелкого скота и верблюдов».

II Паралипоменон (гл. 15).

«Тогда сошло вдохновение от Громовержца на Помощника Громовержца, сына Утвержденного. Он вышел навстречу царю Целителю и сказал ему:

« — Слушай меня, царь Целитель, и все богославные, и бен-иминовцы: Громовержец с вами, пока вы с ним... Много будет дней у богоборцев без истинного бога, и без учащего священника и без закона... В те дни не будет мира ни входящему, ни выходящему, потому что будут великие волнения у всех жителей земли. Будет сражаться народ с народом и город с городом, потому что боги (АЛЕИМ) приведут их в смятение всякими бедствиями. Но вы укрепляйтесь, и пусть не ослабеют ваши руки, потому что будет награда за ваши дела».

[1] Египтологи считают его за Озор-Хана, т.-е. Ашура-царя, преемника миц-римского Шишака.

Так как сбывшихся пророчеств в этом роде современный ученый допустить не может, то отсюда получается лишь такой вывод: все эти места написаны очень поздно. Они прибавлены автором «Паралипоменона» от себя не ранее конца средних веков.

II Паралипоменон (гл. 15).

«Царь Целитель слышал это пророчество Утвержденного (ЭДД) и изверг мерзости из всей земли богославных и из земли бен-иминовцев (Южной Италии и Сицилии) и из городов, взятых им в горах Аф-Рима, и обновил жертвенник Громовержца перед его притвором.

«Он объединил с богославными и бен-иминовцами также аф-римлян (северных итальянцев), манасийцев (ломбардцев) и симеоновцев (арабов), потому что они во множестве перешли к нему от богоборчества, когда увидели, что Громовержец с ним.

«Они (т.-е. их пилигримы) собрались в городе Святого Примирения в третьем месяце *(т.-е. в сентябре, если считать от Яслей Христа в созвездии Рака)*, в пятнадцатом году царствования царя Целителя и принесли жертвы Громовержцу из приведенной ими добычи: семьсот крупного и семь тысяч мелкого скота, и дали обет служить богу Громовержцу, богу своих отцов, от всего сердца и от всей души.

«— Всякий, кто не сделает этого, да умрет, будь он большой или малый, мужчина или женщина! — клялись все громогласно, с криками и звуками труб и рогов.

«И радовались все богославные этой клятве, потому что со всем сердцем искали они бога Громовержца, и он дал им себя найти. И дал он им покой от всех соседей».

Тут кончается вставка «Паралипоменона» и вновь начинается построчное списывание с книги «Цари».

I (III) Цари, гл. 15, ст. 13.	*II Паралипоменон, гл. 15, ст. 13.*
И даже свою мать Мэку *(т.-е. теснимую церковь)* лишил царь Целитель звания царицы *(государственной церкви)* за то, что она сделала истукан для дубравы.	И даже Мэку (т.-е. теснимую церковь), свою мать, лишил царь Целитель звания царицы *(государственной церкви)* за то, что она сделала истукан для дубравы.
Он изрубил ее истукана и сжег у Черной реки.	Он изрубил ее истукана, исколол его в куски и сжег у Черной реки.
Высоты же не были уничтожены при царе Целителе, хотя сердце его было предано Громовержцу во все его дни. Он внес в его храм вещи, посвященные его отцом, и вещи, посвященные им самим: серебро, золото и сосуды.	Высоты же не были при нем уничтожены у богоборцев, но сердце царя Целителя было предано Громовержцу. Он внес в его храм вещи, посвященные его отцом, и вещи, посвященные им самим: серебро, золото и сосуды.

И была война между царем Целителем и Васою, богоборческим царем, во все дни их жизни.	И не было никакой войны до 35-года царствования царя Целителя.
I (III) Цари, гл. 15, ст. 17.	*II Паралипоменон, гл. 16, ст. 1.*
Васа *(греческое имя Василевс — царь)*, царь богоборцев, пошел против богославных и начал укреплять Рому *(РМЕ, т.-е. город Рим)*, чтоб не ходили к царю Целителю *(к подошве Везувия)* и не уходили от него. Царь Целитель взял все золото и серебро из сокровищниц храма бога Громовержца и из своего дворца и послал их к Сыну Клича, сыну Высокородного (ТБР-МИН), сыну Пророчества (ХЗИУН), горскому *(тирольскому)* властелину, жившему в Димешке, говоря:	В 36-й год царствования царя Целителя Васа *(греческое имя Василевс—царь)*, царь богоборцев пошел против богославных и начал укреплять Рому *(РМЕ, т.-е. город Рим)*, чтоб не ходили к царю Целителю *(к подошве Везувия)* и не уходили от него. Царь Целитель вынес все золото и серебро из сокровищниц храма бога Громовержца и из своего дворца и послал их к Сыну Клича (БН-ЕДД), горскому *(тирольскому)* властелину, жившему в Дар-Мешке, говоря:
«— Да будет союз между мною и тобою и между *отцами* (умершими-то ?!) нашими. Расторгни свой союз с богоборческим царем» *(чтобы он перестал укреплять Рим)*.	«— Да будет союз между мной и тобою и между *отцами* (?!) нашими. Расторгни твой союз с богоборческим царем» *(чтобы он перестал укреплять Рим)*.
Сын Клича послушался его и послал своих военачальников против богоборческих городов. Они взяли Эйон, Дан *(дунайские земли славян)* и Поток дома Тисков (Абел-Бит-Мэкс) и всю логовину (КНРУТ) в Навталинской *(французской)* земле. Когда Вааса услышал об этом, он должен был остановить свое укрепление Рима и остался в Турце *(Константинополе?)*, а богославные, собравшись по приказанию царя Целителя, вынесли из Рима камни и бревна и выстроили из них Холм Бен-иминову и Дозорную башню (МЦФЕ).	Сын Клича послушался его и послал своих военачальников против богоборческих городов. Они взяли Эйон, Дан *(дунайские земли славян)* и Абел-Мим (Поток Вод) и все запасы в Нафталинских *(французских)* городах. Когда Вааса услыхал об этом, он должен был остановить свою работу, а богославные, собравшись по приказанию царя Целителя, вывезли из Рима камни и бревна и выстроили из них Холм (ГБЭ) и Дозорную башню (МЦФЕ).
	Но прозорливец Милостивец (ХННИ) пришел к Асе и сказал ему:
	«— Так как ты оперся на горского царя, а не на Громовержца, твоего бога, то спаслось его войско от твоей руки. Не были ли Ку-

О прозорливце Милостивце нет в «Книге Царей» ни слова.	шиты (КУШИМ) и Ливийцы (ЛУВИМ) сильнее колесницами и многочисленнее всадниками? Но Громовержец предал их в твои руки, потому что ты оперся на него. Его очи обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне ему предано, а ты тут поступил безрассудно. За это теперь будет у тебя война». Царь Целитель рассердился на него и заточил в темницу, как и некоторых других в то время.
Все прочие деяния и все подвиги его, и города, которые он построил, описаны в летописной книге богославных царей. В старости у него заболели ноги. И почил царь Целитель со своими отцами.	Первые и последние его деяния описаны в книге царей богоборческих и богославных. У него сильно заболели ноги на 39-м году его царствования. Но в болезни своей он обращался не к Громовержцу, а к врачам и (потому) умер на 41-м году своего царствования.
Он был похоронен в Городе Возлюбленного (I Ц., 15, 24).	Он был похоронен в гробницах, приготовленных им для себя в Городе Возлюбленного. Его положили там на ложе, наполненном благовониями и разными искусными мазями, и сожгли для него большое количество фимиамов.

Вот и все, что мы имеем о царе Целителе и его предках в библейской книге «Цари» и в тенденциозно расширенном в одних местах, а в других тенденциозно сокращенном изложении того же самого предмета в книге, названной по-гречески Паралипоменон, т.-е. Забытые Дела (или приморские рассказы), а по-еврейски ДБРИ-Е-ИМИМ, т.-е. слова денные или слова морские.

Я уже показывал ранее, что этот «Паралипоменон» не есть самостоятельное произведение, а плагиатная выписка из разных других библейских книг и, главным образом, из книги «Цари». И только-что сделанное сопоставление ее текста с текстом последней книги еще раз наглядно показывает справедливость моего вывода.

Читатель видит сам, что все имеющиеся здесь хронологические даты налагают библейского царя Целителя (Асу) на Великого Царя православных святцев *(Василия Великого)*, а с ним и на евангельского Целителя. Последние строки этого рассказа

подводят дело к самому 21 марта 368 года, когда произошло, по моему вычислению,[1] столбование Василия Великого, но тут сказано, что в это время он просто «почил и был похоронен в Городе Возлюбленного на ложе, наполненном благовониями и мазями, и в честь его сожгли много фимиамов».

Ничего подобного не рассказывается о смерти других наследников «Распространителя народа». О том, что он умер только потому, что в болезни обращался к врачам, а не к богу Громовержцу, тоже ничего не говорится в книге «Цари», а только в «Паралипоменоне», плагиирующем ее часть.

Общий же вывод из всего вышесказанного такой.

Евангельский Христос или, вернее, Великий Царь (Василий Великий), Четьи-Миней, представлен здесь в виде действительного царя, столицей которого был город Святого Примирения, т.-е. Помпея у подошвы Везувия, которому помогал сам бог Громовержец, когда он призывал его на помощь, но который имел также и свое земное войско и успешно воевал с другими царями, даже и не обращаясь к Громовержцу, подобно библейскому Иисусу, остановившему солнце.

Насколько эта вариация мифа о Христе правдоподобна?

Мы видим, что в ней много явно тенденциозного не только в чудесных случаях, но даже и в описаниях многочисленности его собственных войск, не говоря уже о количествах нападавших на него иноземных войск. Извлекать отсюда клочки реального так же трудно, как восстановлять действительную историю французских королей по романам Дюма-отца.

Тенденциозность видна здесь и при жизнеописании его предков: Константин I под именем «Заступника народа» сделан не только ересиархом, на что автор имел полное право со своей мессианской точки зрения, но также исключен и из числа сыновей Констанция Хлора, и, кроме того, некоторые из побед последнего превращены здесь в поражения. Конечно, это обычная манера военных реляций до самого последнего времени у малокультурных народов, да и исключение из родственников неподходящих сыновей практиковалось не раз в истории.

Возьмем хотя бы Димитрия Самозванца в России (1605—1606). Читая более беспристрастные исследования о нем, например,

---

[1] См. «Христос». Первая книга, ч. I, гл. III.

в монографии Костомарова, нетрудно убедиться, что это был не самозванец, а действительный сын Иоанна Грозного, только отправленный в Литву его матерью к князю Адаму Вишневецкому, большому ревнителю православия, из боязни, что Годунов его отравит. Но дело получило неожиданный оборот: влюбившись в страстную католичку Марину Мнишек, он и сам склонился к католицизму и к польской культуре, стоявшей тогда на более высокой степени, чем русская. Когда наступило время возвращать себе московский трон, то он действительно сделал это не только с помощью сопровождавших его из Литвы добровольцев, но и при содействии русского духовенства и отправлявших его в Литву вельмож, тотчас же признавших его за действительного царевича.

Но неожиданно для них он оказался теперь совсем не подходящим ни для русского духовенства, ни для знати, и они, наперекор его матери, все время утверждавшей, что он ее сын, стали распространять о нем слухи, как о самозванце Гришке Отрепьеве. Большая роль, которую сыграло духовенство в этом деле, сказывается и до сих пор в поддельных мощах «царевича Димитрия», будто бы убитого его товарищами в Угличе, и в ежегодной анафеме его мнимым убийцам, провозглашавшейся повсюду в России 15 февраля на «празднике православия», чтоб заглушить всякие разговоры о том, что в Москве по подстрекательству бояр и духовенства в 1606 году был убит (если он же не был и Тушинским вором) «наследник русского престола».

Само собою понятно, что всякое слово о том, что в действительности был убит настоящий Димитрий, а Лже-Димитрий лежит в угличских мощах, стало после этого выпадом против православной церкви, и во все время самодержавия никто из русских историков не решался высказать публично такого подозрения в категорической форме.

А распространившаяся в народе ложная идея, что какой-то Гришка Отрепьев мог быть признан боярами и духовенством столицы за действительного царя и два года сидеть на московском престоле, тотчас же вызвала и подражателей. «Если он сидел на троне, так почему бы не сесть и мне?»—думали предприимчивые люди. Самозванцы стали расти, как грибы, вплоть до самого Емельяна Пугачева, но, конечно, их уже не признавали ни бояре, ни духовенство, и они ничего не добивались, кроме эшафота,

несмотря на вооруженную помощь сочувствовавших им масс населения, которым они обещали всякие льготы.

И вот, в сравнении с этой эпопеей политико-религиозной лжи и исторических апперцепций, какими ничтожными кажутся те искажения, которые мы только-что видели в сказаниях иноверца о царе Асе и его предках!

Это должен быть один из самых правдоподобных рассказов о «Великом Царе», но и за него мы не можем ручаться: не все правдоподобное — правда. А остальные рассказы о нем уже совсем неправдоподобны, и их приходится исследовать теперь не для того, чтобы восстановить действительный моральный и физический облик человека, к которому они относятся, а только чтобы выяснить, как эти рассказы сами могли возникнуть.

Древняя и средняя религиозно-политическая история европейских народов, да и всего остального человечества, не будет серьезной наукой до тех пор, пока за критическое обследование ее первоисточников и их дериватов не возьмутся не только астрономы и геофизики, как я пытался показать в двух предшествовавших книгах, но и филологи-теоретики и психологи, а вместе с ними и врачи-психиатры.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ХРИСТОС

ХРИСТИАНСКИЕ АППЕРЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСНОВАТЕЛЯ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНА

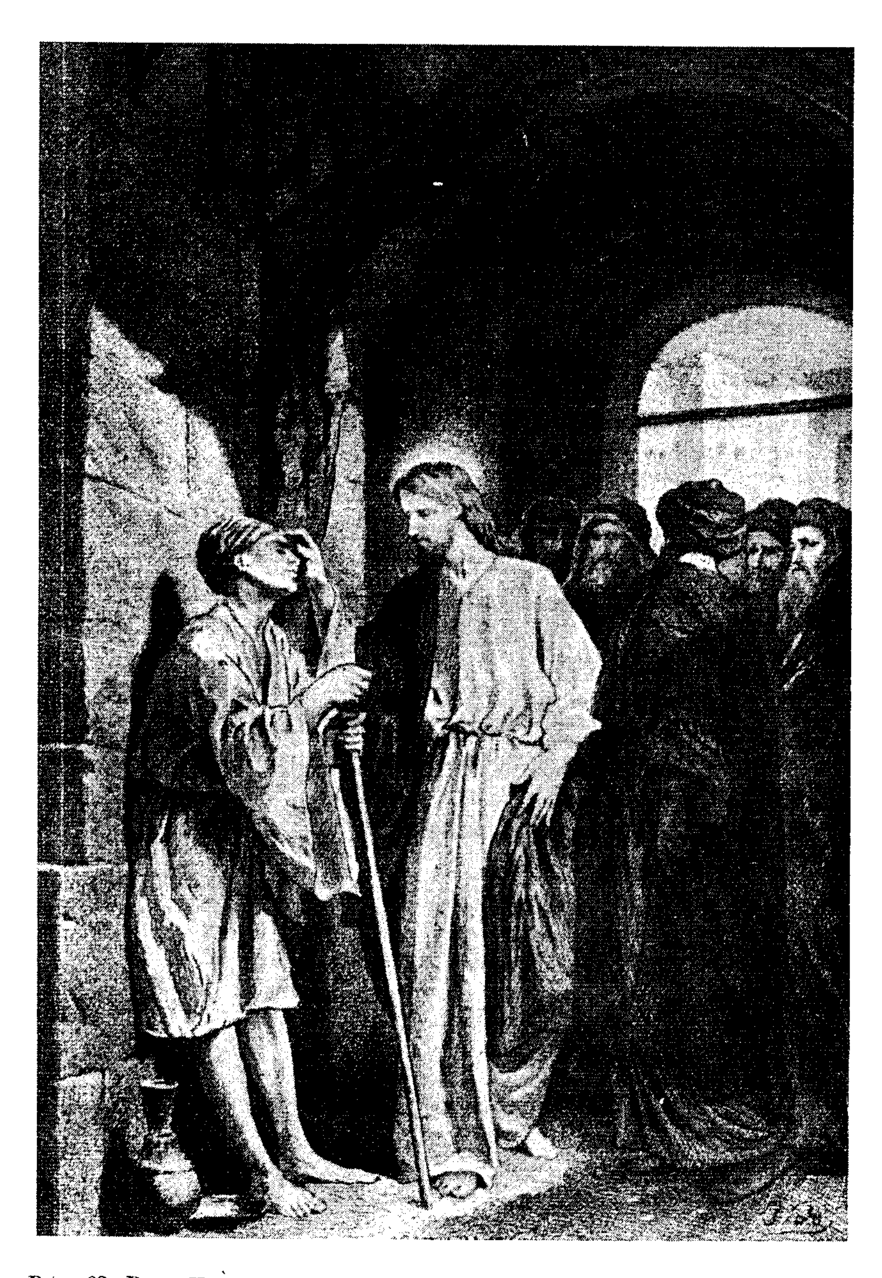

Рис. 63. Врач Иисус исцеляет слепого. Евангельский рассказ в апперцепции современного художника. Из книги Les saints évangiles, avec les dessins de M. Bida.

ГЛАВА I.

РЕАЛЬНОЕ И ПРИЗРАЧНОЕ В НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СЕБЕ И О ДРУГИХ.

Кто из нас не интересовался в свое время теми удивительными воздействиями врачей психо-терапевтов на пациентов, поддающихся,— как принято говорить, — «внушению».

Вот, например, к такому врачу приводят шестнадцатилетнюю образованную девушку, страдающую *контрактурой шеи*, голова которой целых полгода была плотно прижата судорогой к левому плечу. Врач усыпляет ее, прося пристально смотреть на его ланцетный футляр, который он держит над ее лбом на расстоянии локтя длины.[1] Веки ее после нескольких минут закрываются с дрожанием, таким характерным при переходе к гипнотическому состоянию, и, когда оно устанавливается, он щекочет слегка кожу на противоположной части шеи, чтобы вызвать действие соответственных мускулов. Ее шея разгибается свободно. Он будит ее легким толчком, и она просыпается совершенно здоровой.

Это чудо, теперь — не чудо... А что бы сказали евангелисты, еслиб его сделал их «Христос»?

Вот другая девушка, *потерявшая зрение* после того, как ее ударило по голове упавшее бревно... Она начинает снова хорошо видеть после нескольких сеансов у врача психо-терапевта.

Вот «*глухая* (будто бы) *от рождения*» девятилетняя девочка после нескольких сеансов поддается гипнозу и вдруг начинает слышать одну или две средние октавы музыкальных звуков и **получает возможность речи.**[2]

---

[1] Preier. Observations on the nature and treatment of certain forms of paralysis. 1855, p. 240.

[2] Monthly Journal of Medical Science. July 1853.

Так почему же считать чудом это же самое, если его сделал евангельский учитель? Ведь гипноз практиковался с давних пор.

Вот мать многочисленного семейства, после того, как простилась с телом своей умершей подруги, уже находившейся в состоянии разложения, не может отделаться от трупного *запаха*, который повсюду ее преследует в продолжение года и двух месяцев, как неотвязчивый нечистый дух, присутствие которого ощущает только она одна. Врач психо-терапевт в несколько минут освобождает ее от него и внушает ей, что она наслаждается самыми лучшими благовониями.[1] И она все это чувствует много дней потом... Но ведь это даже больше того, что делал евангельский маг! Он только изгонял нечистых (т.-е. вонючих)[2] духов, а не делал их при этом благовонными!

Если такого рода галлюцинации появляются у неинтеллигентного человека, то никакие старания убедить его в их нереальности не приводят даже и теперь ни к чему. Он продолжает упорно стоять на своей точке зрения, убежденный, что над ним смеются или его желают обмануть, когда говорят противное, хотя бы его ощущения и были слишком неправдоподобны. Это особенно бывает с обманами зрения в роде того, какой рассказан в евангелии об Иисусе, ходящем по водам (хотя бы сам рассказ и был навеян астрологическим созерцанием месяца, плывущего по созвездию Рыб).

Пусть, например, опытный психо-экспериментатор внушит мало-интеллигентному слабовольному субъекту, что он, очнувшись, *увидит* своего знакомого носящимся по воздуху. Он с удивлением будет смотреть, как тот перелетает с места на место, и ни за что не поверит, что тот сидит все время на диване и что другие этого не замечают. Точно то же бывает и при слуховых галлюцинациях, которые в слабом виде бывают нередко у каждого из нас, когда, например, нам послышится, что нас зовут по имени. А у некоторых людей это бывает очень ярко.

«Я часто слышу голоса,—говорил один образованный и во всем остальном здоровый пациент д-ру Леру.—Как они образуются, я не знаю, но они для меня настолько же отчетливы, как и ваш

---

[1] Там же, стр. 212.

[2] По-гречески πνεύματα ἀκαθάρτα — вонючие, поганые воздухи, газы.

собственный голос. И если я должен верить в действительность *ваших* слов, то должен верить в действительность и тех, которые доходят до моего слуха неизвестно откуда». А вот и рисунок, исполненный по фотографическому снимку, девушки, слушающей такие же несуществующие речи (рис. 64).

Рис. 64. Девочка, слушающая неслышимые другими речи. По снимку, сделанному в Salpêtrière. Из книги P. Regnard: Sorcellerie, Magnétisme, Morphinisme. 1887.

Все эти *обманы* зрения, слуха, вкуса, обоняния и часто даже осязания могут быть, мне кажется, объяснены только тем, что сознающая область нашего мозга получает свои впечатления не непосредственно от органов чувств, а всегда через передатчика, который может ее и обманывать. А так как впечатления идут

по нервам прямо в серое вещество головного мозга, то оно и есть неощутимый передатчик в сознающую область мозга всего, что оно не делает помимо нее путем рефлексов, подсознательно. Но где же эта сознающая область, которую можно и обманывать? В науке это еще не решено, но, мне кажется, путем исключения всего остального можно убедиться, что она—в мозжечке.

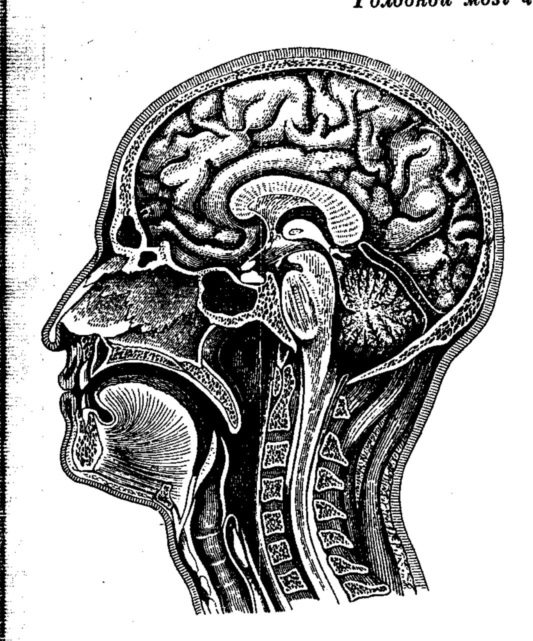
Я признаю, конечно, от начала до конца все, что говорится в современной рефлексологии, так как еще гимназистом зачитывался книгой Сеченова: «Рефлексы головного мозга» и следил, поскольку жизнь давала возможность, за всем, что делалось потом по установлению мозговой топографии для различных рефлективных действий. Все, что я здесь говорю нового, это лишь то, что *ни один рефлекс не будет нами сознан и ни одно действие не будет у нас произвольным, пока не даст ответвлений из коры мозговых полушарий в мозжечок, как единственную область нашего ясного сознания, а с ним и произвольных действий.* И это мое мнение не противоречит экспериментальным данным и лишь одно анатомически объясняет обманы нашего сознания и приводит психологию и психотерапевтику в связь с анатомией и физиологией головного мозга.

Вот что говорит нам современная наука об устройстве и деятельности нашего мозга. В спинном и продолговатом мозгу человека и позвоночных животных серое активное вещество с нейронами расположено внутри белого вещества, состоящего, главным образом, из проводящих токи нервных волокон, напоминающих телефонные провода. Среди этих белых проводов мы находим здесь только отдельные узловые соединения серого вещества, содержащие группы нервных клеточек, функционирующих как рефлекторные центры, т.-е. вызывающих непроизвольные защитительные действия при раздражении того или другого места тела.

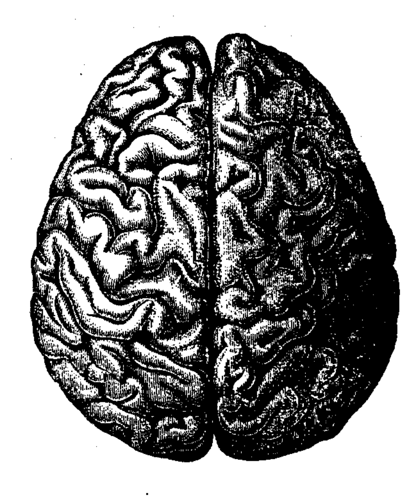
А в мозжечке и в полушариях большого мозга серое активное вещество расположено не только в виде внутренних узловых групп, но и в виде обильного слоя (табл. XXXII, фиг. 2) на поверхности белого вещества, наполняющего почти всю внутренность обоих этих органов и состоящего из множества белых нервных проводов, перекрещивающихся в полушариях по всевозможным направлениям и соединяющих различные отделы клеточек (рис. 65), наполняющих серую кору и малого, и большого мозга в огром-

ТАБЛИЦА XXXII.

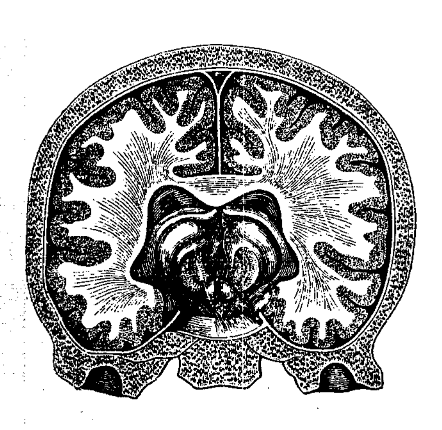
Головной мозг человека.

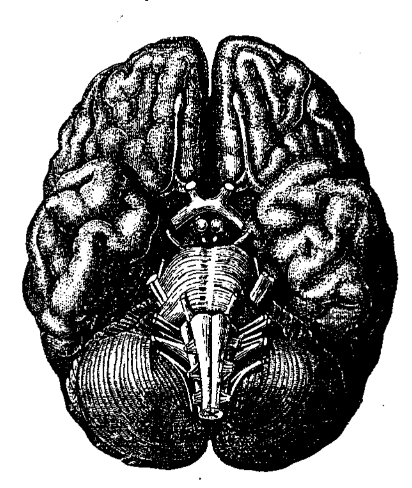
Фиг. 1. Голова и шея в разрезе спереди назад.

Фиг. 3. Большой мозг сверху.

Фиг. 2. Головной мозг внутри черепа в вертикальном разрезе справа налево.

Фиг. 4. Головной мозг снизу.

ных количествах, никак не менее пяти миллионов в поверхностном слое одних мозговых полушарий.

Каждая из этих нервных клеток (нейронов) является очень сложным образованием. Она представляет собою микроскопическое скопление протоплазматического вещества, напоминающего своим видом амебу и пустившего, как она, в различные стороны протоплазматические отростки—дендриты, напоминающие своим видом древесные корешки, а своими функциями — перекидные проволочки телефонисток, соединяющих по мере нужды

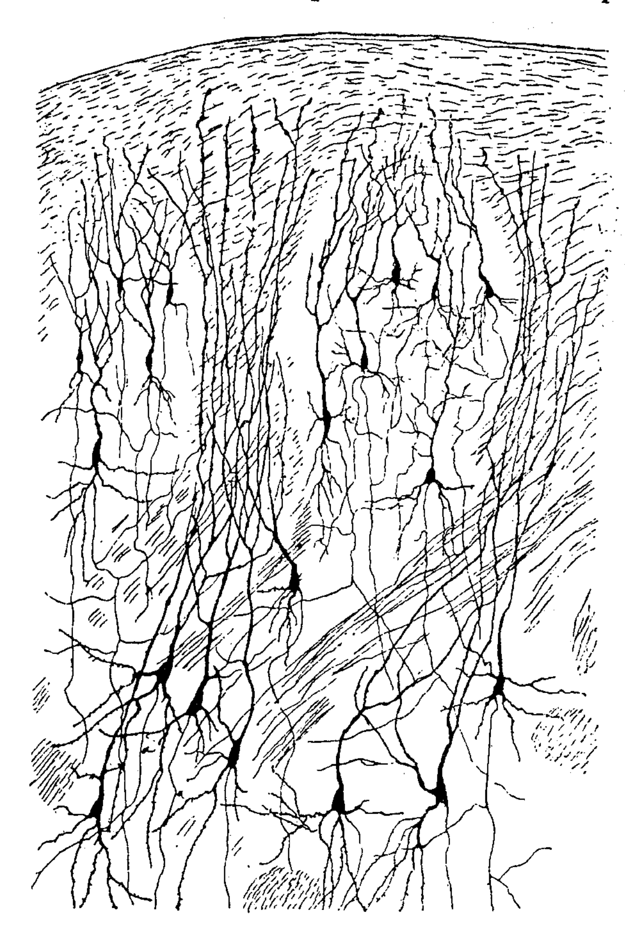

Рис. 65. Пирамидальные клетки коры мозговых полушарий человека (из области локализации обонятельных ощущений, при сильном увеличении под микроскопом).

между собою то те, то другие кнопки телефонного зала, тогда как сама клетка походит более всего на заряженную кнопку этой залы. Только один из ее отростков выделяется из среды других своей длиной, толщиной, волокнистым строением и ветвистостью и потому носит особое название цилиндрического отростка (аксона, рис. 66). А внутри протоплазматического нейронного тельца находится еще ядро и внутри ядра ядрышко, и все это окружено микроскопическими зернышками, разбросанными в сети волоконцев (фибоиллей), распространяющихся и в отростки.

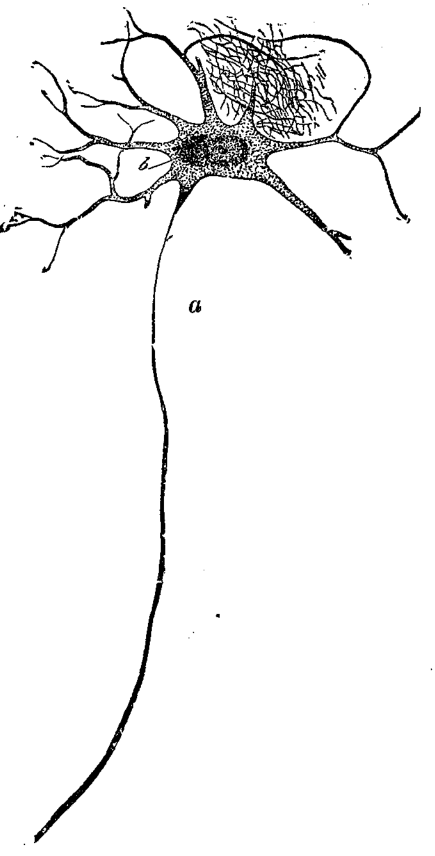

Рис. 66. Нейрон головного мозга с протоплазматическими отростками и с цилиндрическим длинным отростком *a*.

У низших животных, в роде насекомых, дендриты одних нейронов, повидимому, непрерывно переходят в дендриты других, обусловливая этим прирожденные рефлексы, а у высших животных обыкновенно наблюдается лишь контакт, что дает возможность и разъединения, т.-е. образования разнообразных, новых индивидуальных рефлексов, в зависимости от упражнения.

Всякое нервное волокно, идущее от наружных частей тела к головному или спинному мозгу, или наоборот, имеет свою изолирующую оболочку, которая в мозгу замещается основной тканью (невралгией), выполняющей все промежутки между нервными волокнами. В конце концов такое волокно соединяется с цилиндрическим отростком какого-либо нейрона, при чем всегда получаются два типа проводов: в одних случаях, когда цилиндрический отросток направлен к мозговой коре, ток по нерву идет от периферии внутрь, и такие нервы называются восходя-

щими, приносящими впечатление, а в других случаях, когда цилиндрический отросток направлен от коры мозга, получаются нисходящие нервы, приводящие в движение или вообще в действие соответствующие органы тела. Но для того, чтобы должное действие следовало тотчас после впечатления, с каждым таким нейроном соединены контактом боковые отростки (коллатерали) особого ассоциативного нейрона, создающие таким способом сложную цепь. Такими соединительными нейронами, без продолжения цилиндрических отростков на периферию тела, особенно богат самый наружный слой мозговой коры, в сером веществе которого различают обыкновенно шесть слоев:

1) невроглиальный слой, бедный нейронами, но изобилующий сочетательными волоконцами, лежащими на самой поверхности,
2) слой малых пирамидальных нейронов,
3) слой больших пирамидальных нейронов,
4) слой зерен,
5) слой многоугольных нервных клеток и
6) слой веретенообразных клеточек.

Но кроме мозговой коры нейроны-посредники, устанавливающие многообразные связи между восходящими и нисходящими нервными волокнами, имеются и во всех местных скоплениях серого вещества и в подкорковых областях головного мозга. Оставив их пока без внимания, я отмечу только, что различные рефлексы, как прирожденные, неискоренимые, так и условные, приобретаемые в течение жизни опытом и упражнением и ослабевающие без них, все локализированы в коре мозговых полушарий в совершенно определенных областях. Особенно важными для их определения являются две самые глубокие борозды наших мозговых полушарий: Сильвиева борозда, идущая под виском над ухом спереди назад (рис. 67 под Hyp.), и Роландова борозда, идущая от средины теменной части мозга по направлению к уху, сверху вниз (рис. 67 под M. inf.). Прямо под Сильвиевой бороздой расположены ассоциативные словесные нейроны, соединяющие у нас наблюдаемые нашими внешними чувствами предметы (и вытекающие благодаря им обобщенные понятия) с их словесными символами (рис. 67, Sur. v.), и потому всякая болезнь или поражение этой области сопровождается забвением разговора: человек прекрасно слышит всякие звуки

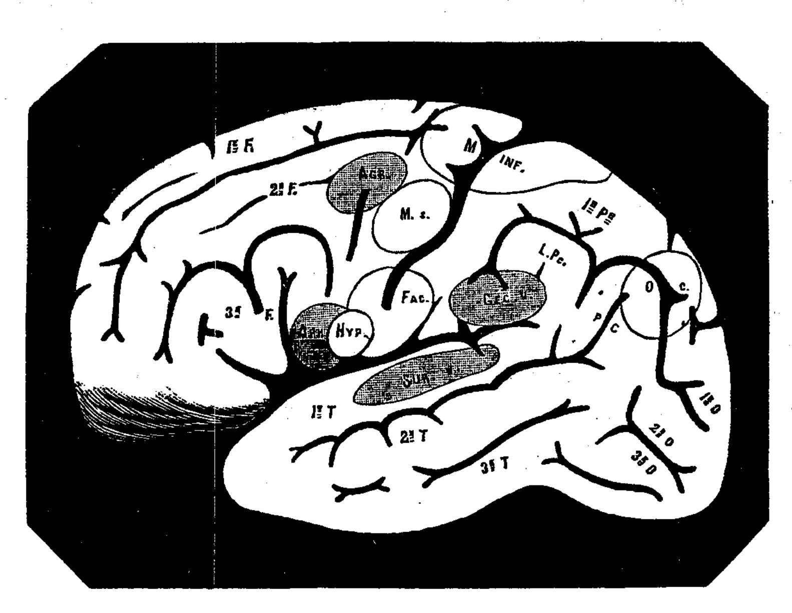

Рис. 67. Локализации некоторых рефлекторных центров в полушариях головного мозга человека.

Заштрихованные области: Sur. v. (Surditas verbalis) — место, при поражении которого появляется словесная глухота: человек не теряет слуха, но перестает различать значение слов. Cec. v. (Caecitas verbalis) — место, при поражении которого человек грамотный теряет способность различать значение букв, хотя и хорошо их видит. Aph. (Aphasia)—место, при поражении которого человек теряет способность говорить, хотя и может делать всякие движения голосовыми органами и произносить нечленораздельные звуки. Agr. (Agraphia)—место, при поражении которого человек теряет способность фонетического письма, хотя и может чертить и рисовать.

Области в ободках без тушовки. Hyp. (Hypoglossus)—место, при поражении которого человек теряет способность двигать языком (говорить и жевать). M. s. (Membra superiora)—потеря движения рук. M. inf. (Membra inferiora) — то же относительно ног. O. c. — то же относительно глаз.

Сверху вниз от M. inf. идет Роландова борозда. Слева направо (под Hyp.) идет Сильвиева борозда. 1, 2, 3 F. — три лобные извилины; 1, 2, 3 T. — три височные; 1, 2, 3 O. c. — три затылочные извилины. В лобных извилинах — образование сложных, координированных рефлексов.

и всякий разговор, но он становится для него таким же непонятным, как и журчанье ручейка. А читать и писать он еще может.— Почему? — Очень просто. Нейроны, связующие зрительные символы с предметами, находятся не здесь, а на верхней стороне Сильвиевой борозды, в самом ее конце. А потому и человек, привыкший читать молча, обходится при чтении без нижней стороны этой борозды. Она для него уже не нужна; нужна лишь задняя ее часть (Сес. v.). А поражение письменной области сопровождается у него только потерей памяти на значение букв: человек их прекрасно видит, он и говорит, но сразу забыл, что значат буквы алфавита. Отсюда видно, как велика разница многочитающего человека с безграмотным: у него вызвана к ассоциативной работе мысли целая новая область мозга.

А вот и еще местечко, близко относящееся к словесности, на средней верхней части Сильвиевой борозды, обозначенное у нас на рисунке через Aph. (т.-е. Aphasia). Тут расположены ассоциативные нейроны, проводящие у нас своими протоплазматическими отростками импульсивные пути от привычных нам мыслей и слов к мускулам ротовой полости, с помощью которой мы можем воспроизводить их сами. При поражении или болезни этого места человек не в силах ничего сказать, хотя и может жевать и делать всякие движения языком, и понимает все. Но, как он ни пытается произнести какое-нибудь слово, ничего у него не выходит, кроме мычания.

Таково огромное значение обоих наружных краев Сильвиевой борозды для человека: в ее соединительных нейронах и их деятельности главное отличие человека от бессловесных животных.

Не менее интересны окраины и Роландовой борозды, идущей от теменной части мозга вниз к уху. При поражении ее верхней части уничтожаются нейроны, с помощью которых мы даем импульсы ногам двигаться так или иначе, или прямо предоставляем этой области распоряжаться всей нашей походкой в то время, как наше внимание занято на ходу чем-нибудь другим. Ниже этой части находятся нейроны, дающие импульсы рукам делать какую-нибудь работу, хотя бы и бессознательно для нас, как это бывает при однообразных механических движениях рук. Еще ниже расположены нейроны, двигающие мускулами нашего лица, а в самом низу — заведующие движениями

нашего языка и челюстей. Все это и показано в объяснительных примечаниях на рис. 67.

Когда на сетчатке нашего глаза вырисовывается, как в камере-обскуре, какое-нибудь световое изображение, ее нервы передают его через коленчатое ядро, находящееся внизу Большого мозга, в его затылочную часть, к находящейся там Клювовидной борозде (рис. 67, О. с. и ниже очерченной области). Повреждение сторон ее прекращает рефлексы на зрительные впечатления, так что собака, у которой вырезана эта область, «забывает», как надо обходить встречающиеся препятствия, и, несмотря на целость глаз, бежит прямо на преграды или падает в обрыв. А человек, хотя и не признает себя слепым и говорит, что видит все, но указывает рукой светящиеся предметы не там, где они находятся, падает в ямы и натыкается днем на все.

Отсюда зрительные импульсы направляются по соответствующим проводам к передней части четыреххолмия на нижней стороне мозга, где находятся центры, движущие посредством соответствующих нервных проводов глаза для лучшего рассмотрения предметов. А по другим проводам оттуда же идут импульсы и в лобные извилины мозга, где зрительные впечатления ассоциируются со слуховыми, направляющимися от Сильвиевой борозды; с обонятельными, идущими из обонятельной области у крючковидной извилины близ переднего конца той же Сильвиевой борозды; со вкусовыми, идущими от вкусовой области над средней частью Сильвиевой борозды, и с осязательными, приходящими от осязательной области с обоих краев всей Роландовой борозды, и т. д. Значит, лобная область мозговых полушарий является источником всех наших сложных рефлексов на разнообразные воздействия окружающей природы. Но и она, как мы видим, есть лишь сложный механизм для взаимодействия нашего тела с окружающим его миром. Искусственные раздражения всех описанных областей производят лишь непроизвольные, т.-е. рефлективные движения соответственных им органов тела.

Проявляющаяся при этом движущая сила очень сходна с электромагнитною, и на свежих трупах может быть заменена последнею, хотя труп от этого и не делается сознательным, несмотря на любые движения, вызываемые у него электрическим током, направляемым на соответствующие локализационные области.

Вот почему современные физиологи и стараются объяснить токи нервной энергии в нашем теле ионизацией нервного вещества, с чем нельзя не согласиться, за исключением того, что эта ионизация, т.-е. распадение белковых молекул на катионы и анионы, сама и является причиной нашей жизненной деятельности. Ведь и всякий суп, который подают нам посоленным за обедом, и всякий другой слабый раствор минеральных солей ионизирован почти нацело по отношению к этим солям, но никакой электродвижущей силы в нем от этого не возникает. Так не может быть ее и в нейронах от одной только ионизации их вещества. Ионизация открывает лишь путь для электрической энергии, а итти по этому пути и приводить что-либо в действие могут лишь ее однородные элементарные заряды, выделяемые не повсеместно, а в каком-либо определенном пункте и направлении соответствующими аккумуляторами, которые обыкновенно имеют пластинчатое строение, в роде вольтового столба.

И вот под полушариями большого мозга мы и имеем действительно нечто подобное — мозжечок. В нем нет никаких определенных рефлективных локализаций, кроме функции заведывания подвижной стабилизацией нашего тела, не требующей такого сложного органа и локализирующейся, сверх того, в лобных долях большого мозга, но важность его значения для нашей жизни обнаруживается уже одним его сложным строением и особенно защищенным положением. А если мозжечок является, действительно, аккумулятором и родником нервной энергии, то удаление его должно сопровождаться полной потерей всякой инициативы и всякой трудоспособности, хотя бы кровообращение, дыхание и остальные физиологические процессы, как возбуждаемые центрами симпатической системы, и продолжали еще существовать. И это, в самом деле, обнаруживают все опыты его удаления у животных.

Здесь же может быть центр и того, что мы называем нашей сознательной жизнью. Я знаю, что некоторые из современных физиологов не любят слова *сознание*, сводя все на рефлексы и совершенно отвергая психологию, как не основанную на опыте, а исключительно самонаблюдательную область человеческой пытливости. Но ведь и астрономия только наблюдательная, а не опытная дисциплина, и однако же она не напрасно считается одной из самых точных наук. Значит, и за самонаблюдением

мы не можем отвергать прав на научное применение, а потому и все, что я здесь говорю, есть лишь попытка согласовать опытную рефлексологию с наблюдательной психологией, предоставив первой весь большой мозг и отведя последнюю исключительно в мозжечок, как главную область выработки той жизненной, активной энергии, которая заряжает собою, отчасти через ионизированные провода и отчасти путем индукции через непроводящую среду, все тело высших живых существ и с уничтожением которой остается вместо сознающего себя и самонаблюдающего разумного существа одна беспамятная, а потому лишенная самосознания и работающая пока лишь по инерции, сложная машина, не проявляющая никакой внутренней инициативы в действии, потому что исчез ее первоисточник.

Я здесь нарочно употребил слово «беспамятная машина». Ведь память есть атрибут всякого самосознания, в ней прошлое комбинируется с настоящим. Она не проникает в будущее и потому к трем координатам нашего пространственного мира она прибавляет лишь половину четвертой координаты, характеризующей *жизнь* этого мира до настоящего момента, но основанное на ней мышление отчасти проникает и в будущее.

Мозжечок с этой точки зрения должен быть также и органом воспоминания, заставляющим вновь появляться из локализационных областей большого мозга отложившиеся там и постепенно угасающие следы важнейших минувших впечатлений, доходивших когда-либо из них до мозжечка. А если этого не было или почти не было, как, например, когда человек действовал в сильном опьянении, или под влиянием какого-либо другого наркоза или, наконец, в гипнотическом состоянии, при чем проводящие пути к мозжечку были сильно или совсем заторможены, то у нас не могут произойти и воспоминания; а при неполном заторможении, когда еще оставались следы самосознания, тогда и воспоминания после прихода к полному сознанию проявятся очень смутно.

Только этим способом, мне кажется, и можно согласовать опытную рефлексологию с самонаблюдательной психологией, а особенно—понять происхождение зрительных и звуковых галлюцинаций и других обманов чувств. Надо только строго отличать самосознание от интеллекта, так как первое может быть совершенно ясно и у маломыслящего и малознающего человека, и в детском

возрасте оно не меньше, чем во взрослом состоянии. Мыслит, т.-е. вечно комбинирует (конечно, чисто механически и всевозможными перекрестками) разнообразные современные и бывшие впечатления только лобная часть поверхности полушарий большого мозга и при ее заболевании у человека появляется слабоумие. Но только удачные комбинации доводит она до нашего сознания, что и дает нам (или нашему мозжечку) иллюзию нашего сознательного творчества, а на самом деле творческая работа бывает всегда подсознательного происхождения, т.-е. приходит в область нашего ясного сознания из тьмы мозговых полушарий в уже готовом виде.

Всякий процесс сознательного сосредоточения мысли на чем-нибудь определенном заключается в заторможении всех путей, идущих к лобной области, от посторонних для данной работы локализационных отделов мозга и в расторможении всех тех путей, которые могут притти на помощь предмету нашего обдумывания. Но кто же тут растормаживает и кто затормаживает? И вот, путем исключения всего остального, мы опять подходим к мозжечку. Значит, это орган и нашего внимания, способствующий мышлению, но не активный в нем участник. Это только распорядитель, лишь указывающий фактическим работникам мысли в извилинах лобной части большого мозга общий характер желаемой ими работы. Он дает, например, тему для литературного произведения, но не лично исполняет ее. Ее делают, помимо его участия, ассоциационные нейроны и предлагают ему лишь свой готовый продукт.

Если отростки ассоциативных нейронов легко подвижны, то продукт мышления выйдет оригинальным, а если они прочно соединились по каким-либо путям, то и мышление пойдет по привычной колее и потеряет самобытность; если в какой-нибудь области правильная деятельность нейронов расстроилась, то начнется бред сумасшедшего, а при простом наблюдении внешнего мира вместо реальных впечатлений появятся извращенные, называемые обманами чувств.

Но это же самое может быть произведено и без болезни нейронов лобной части головного мозга, а заторможением у слабовольных или утомленных лиц тех или иных из проводящих к ним путей чужою волей, посредством отданных приказаний.

Особенно эффектными являются коллективные галлюцинации, о которых тоже рассказывается в евангелиях. Только для

вызова их приходится прибегать, повидимому, всегда или к действию специальных летучих наркотических веществ, или к влиянию особого рода монотонных звуков, при чем аудитория, конечно, не может быть настолько обширной, чтобы те или другие звуки не могли охватывать ее всю.

Научно убедиться в нереальности таких представлений легко посредством кинематографирования, при чем на ленте, конечно, отпечатывается только реальное. Это впервые и сделали в Индии трое интеллигентных англичан, присутствовавших на представлении одного факира. Они распределили свои роли так, чтобы один записывал все, что видел, другой — все, что слышал, а третий делал один за другим моментальные фотографические снимки со всей аудитории. Записи двух первых оказались совершенно сходными со всем, что слышали и видели не только они сами, но и остальные. Все они наблюдали волшебное самоподнятие индусского мальчика на небо, по брошенной туда факиром веревке, но фотография не показала ничего, кроме смотрящей толпы, да самого факира, словно с кем-то разговаривающего с поднятой кверху головой.

Чем меньше умственно развита человеческая среда, тем более она слабовольна и склонна к подчинению чужим влияниям. Тем легче удается подготовленному продолжительной самотренировкой психо-экспериментатору вызвать в ней коллективные галлюцинации любого из органов чувств. Ранний возраст склоннее к этому, чем поздний, женщины более, чем мужчины. Вот почему древняя магия и пользовалась для своих экспериментов преимущественно мальчиками или девушками. А теперь ими пользуется психотерапевтика (рис. 68).

Таким субгестивистическим воздействиям способны подвергаться не только люди, но и животные. Так, если начертить на полу мелом белую черту и прижать к ней в продолжение нескольких минут голову курицы, так, чтобы черта служила продолжением ее носа, то курица будет считать свой нос привязанным к полу и не опомнится, пока не пройдет несколько минут (рис. 69). Мне самому приходилось, идя в лесу за ускакивающей от меня лягушкой, производить с нею подобные опыты. Как только, прыгнув, лягушка падала головой ко мне, я останавливался и, смотря ей прямо в глаза, тихонько подвигался и наклонялся к ней все ближе и ближе. В конце концов наше сближение удавалось доводить

*

до такой степени, что рот мой совсем к ней приближался и я легко мог бы схватить ее своими губами, но я, вместо того, посте-

Рис. 68. Шесть легко подвергающихся гипнозу женщин, застывших, потеряв собственную волю, в разных позах при резком внезапном звуке. По снимку, сделанному в Salpêtrière. Из книги P. Regnard: Sorcellerie, Magnétisme, Morphinisme, 1887.

пенно удалялся и возвращался к прежнему положению. Я даже тихо уходил, а она все еще продолжала сидеть, как прежде,

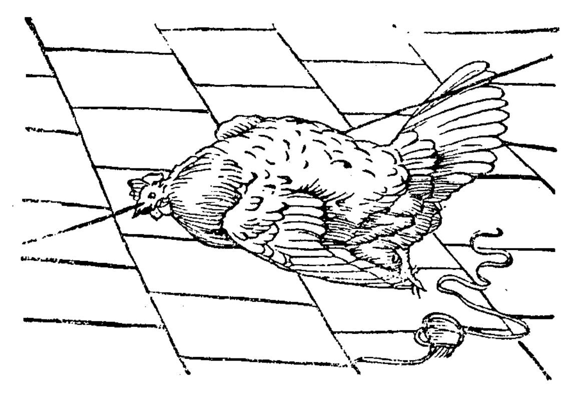

Рис. 69. Загипнотизированная курица, потерявшая на время способность выйти из данного ей положения.

совершенно загипнотизированная. Даже насекомые легко гипнотизируются от простого испуга (рис. 70, 71).

Внушения для совершения последующих действий легко производятся над людьми, находящимися в состоянии гипноза, и для них часто нет никакой нужды давать приказания громким голосом. Это удается и при тихом, даже и при мысленном шопоте, и время исполнения каждого приказания может быть отнесено на продолжительное время. Так, можно приказать пациенту заснуть, и он будет лежать, как мертвый, часами, до тех пор, пока его врач не придет и не прикажет ему проснуться. Для средневековой толпы это всегда было не чем иным, как воскрешением человека из мертвых, а потому и великий врач древности, мифический Асклепий (он же Эскулап), небесным символом которого, так же, как и символом христианского Спасателя, было созвездие Змиедержца, — по средневековому сказанию не только исцелял живых, но и воскрешал мертвых.

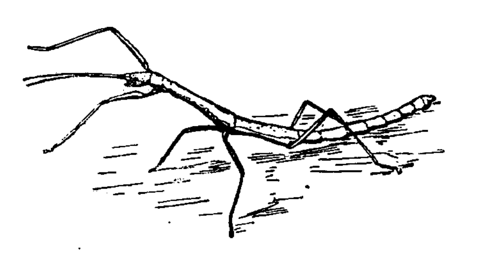

Рис. 70. Тропическое насекомое палочник, загипнотизированное в сидячем положении.

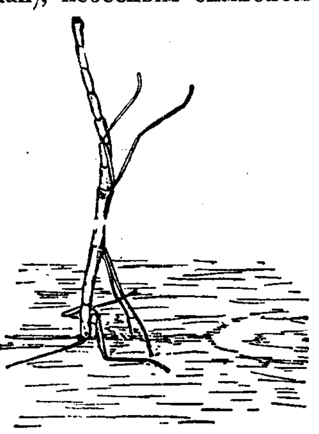

Рис. 71. Оно же, загипнотизированное стоящим на голове.

На каких свойствах человеческой души основаны все эти психические воздействия людей друг на друга? Зародыши их мы видим повсюду в окружающей нас жизни. Пусть кто-нибудь быстро скажет вам:

— Встаньте!

И вы непременно сделаете это, если не относитесь с предубеждением к сказавшему. Точно так же сделает и всякий при несложном и быстром словесном приказании, если в тоне его нет колебания, и вы ничем не предубеждены против приказавшего, и если, кроме того, у вас нет достаточно времени, чтобы *самостоятельно обдумать значение внушенного вам поступка.* Только в этом последнем случае вы можете его или исполнить, или нет. Значит, в нашем мозгу есть подсознательный орган, специально-

стью которого является исполнять данные ему приказания, независимо от того, происходят ли они от нашей собственной сознательно-волевой области мозга потенциальными сочетаниями элементов речи, неизбежно возникающими при всяком мышлении, или это сделала чужая сознательно-волевая область, которая, как более далекая, должна была употребить для этого уже не потенциальные, мысленные, а кинетические, слышимые ухом, комбинации символов мышления—слов.

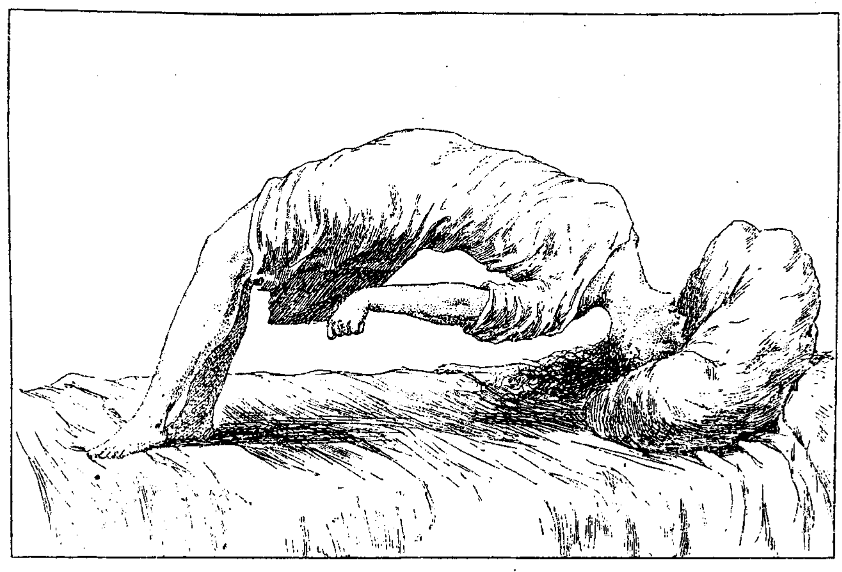

Рис. 72. Девушка, застывшая в мостообразном виде в припадке истеро-эпилепсии с потерей сознания. Евангельская «одержимая злым духом» По снимку, сделанному в Salpêtrière. Из книги P. Regnard: Sorcellerie, Magnétisme, Morphinisme. 1887.

В гипнотическом состоянии, когда нервы, идущие из органа вашей активной воли и решений, — по моему представлению, мозжечка, — временно заторможены, остаются только непосредственные рефлективные связи между органом вашего слуха и серой корой полушарий большого мозга, а потому и действия ваши совершаются подсознательно, без ведома мозжечка. То же самое происходит и при истеро-эпилептических припадках (рис. 72).

Все это непосредственно подводит нас к вопросу о сущности нашего сознания. Что такое с психологической точки зрения наше мыслящее, чувствующее и сознательное «я»?

Есть ли это нечто единое, неделимое, или это — единство во множестве, т.-е. миллионы подсознательных «я» в нашем мозгу повторяют каждое психическое движение друг друга, подобно тому, как это делают камертоны, настроенные в унисон, начиная издавать тот же самый музыкальный тон, как только приведен в вибрацию один из них?

Повидимому, это так. Основными элементами всего существующего в природе являются первичные атомы всенаполняющей мировой среды. Но если мы спросим, что же они такое, то не будем в состоянии ответить ничего другого, как то, что это отдельные, невообразимо малые сгущения или разрежения чего-то единого, непрерывного, вездесущего, всенаполняющего и бесконечного, того, что современная реалистическая наука называет *пространством*, а средневековая мистическая мысль определяла как вездесущего и всенаполняющего «творца неба и земли, всего видимого и невидимого», ошибочно наделяя его сознанием, подобным человеческому. Здесь древняя теология и современная наука сходятся в некоторых определениях, как только мы придем к убеждению, что наше трехмерное *пространство* есть основная сущность, а не пустота, потому что пустота, т.-е. ничто, не может иметь никакого протяжения или измерения. Абсолютный нуль не имеет даже и зародыша какой-либо меры.

Таким образом, трехмерное всенаполняющее сплошное и вездесущее пространство есть основание не только древнего, но и современного научного мышления. Но оно неоднородно. В нем, без разрыва сплошности, существуют сгущения, как положительные элементы жизни, и разрежения, как ее отрицательные элементы, то сдвигающиеся друг с другом, то отодвигающиеся друг от друга, и называемые первичными атомами всякой жизни во Вселенной. Через них все в ней творится и изменяется, и в этом смысле, хотя и с оговоркой, их можно признать аналогичными средневековому богу-сыну, рожденному пространством прежде всех веков, несотворенному, единосущному со своим отцом, — пространством, в котором все произошло через него. Но этот «сын пространства» уже не единичен, а только тожествен сам с собой в своих бесчисленных повторениях в своем отце, а потому сейчас же возникает и другой философский вопрос: «Не повторяется ли он также и во времени, или он имеет по нему сплошное протяжение?». Другими словами: протягиваются ли атомы, как

бесконечные сплошные нити, в глубину прошлого и будущего, по шкале веков, или они прерывисты в нем, т.-е исчезают и вновь возрождаются, будучи прерывисты во времени, как в пространстве?

Наука до сих пор смотрела на атомы мировой энергии исключительно с первой точки зрения. Но обоснована ли эта идея? Мне кажется, что нет, и что все существующее в нашем сознании, т.-е. вся наша Вселенная, а в ней и каждый атом в одно и то же время и непрерывны, и кинематографичны. С этой последней точки зрения, первичный атом, как основной элемент всего живущего в пространстве и времени, от кристалла до человека, — не может считаться резко отграниченным от окружающего пространства, т.-е. имеющим какую-то поверхность.

Ведь наше представление о поверхности физических тел — чисто оптическое. Только зрительными областями нашего мозга мы можем представлять себе поверхности физических тел или, вернее, физических процессов в их замкнутом виде. Осязание является здесь лишь вспомогательным фактором. Оно указывает нам лишь границы трехмерного пространства, доступного передвижению органов нашего тела. В тех случаях, когда эта граница проницаема, в роде раздела между водой и воздухом, оно нам не указывает ее, а, между тем, для глаза эта граница еще доступна, как предел области, проницаемой для тех или иных световых колебаний.

С такой точки зрения и первичный атом, рисующийся в нашем сознании каким-то обособлением в бесконечной трехмерности, является в ней на деле не омертвелым, вечно неизменным посторонним включением, а вечно переменчивым, как волна, и подобно ей ритмически переходящим из сгущения в разрежение и наоборот, без резкой границы с порождающим его мировым протяжением.

Я представлю это для ясности на самой простой для нашего воображения схеме, ничуть не настаивая на том, что и в самой Вселенной все так же просто, как и в ней.

Вообразим себе сначала пространство одномерным, в виде столба слипшихся между собою черных и белых гуттаперчевых кубиков, и пусть черные кубики будут сдавлены белыми во всем столбе, а затем эта анормально сдавливающая сила внезапно исчезнет (рис. 73, А). Тогда черные кубики, благодаря своей упругости, раздвинутся и по инерции, в свою очередь, сдавят белые,

и весь столб будет представлять собою линию вечных упругих волнообразных колебаний, если только он будет бесконечен и в его элементах (кубиках) не будет внутреннего трения. И эти сгущения и разрежения могут возникать не только в тех же самых местах, но и двигаться по столбу, как волны.

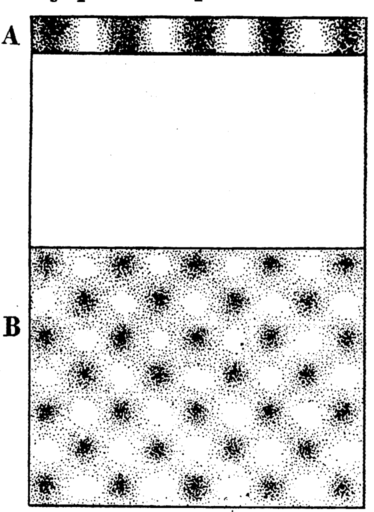

Рис. 73. Динамическая двойственность пространственной непрерывности. А. — Линейное нацепление волн. Области сгущения ритмически переходят в области разрежения и наоборот. В. — Двумерное чередование сгущений, ритмически переходящих в разрежения, и наоборот (двумерное волнение). Представив ряд таких слоев, наложенных друг на друга так, чтобы упругие сгущения одного приходились против разрежения другого, получим картину трехмерного упруго-волнующегося пространства, при чем как сгущения этого пространства (атомы), так и разрежения (антиатомы) будут переходить друг в друга.

Идя далее, мы можем перейти и к сплошному слою, в котором бесчисленность наших столбиков спаялась друг с другом так, что черные области одного чередуются с белыми другого, как на шахматной доске (рис. 73, В). Пусть черные части опять будут областями сгущения, а белые — областями разрежения составляющей их слоевой среды и не резко отграничены друг от друга, а постепенно и упруго переходят одни в другие, как на нашей схеме. Тогда, сделавшись свободными, эти области будут бесконечно переходить одна в другую, по двум, перпендикулярным друг к другу, измерениям этого слоя, если ему нигде не будет границ.

Возьмем теперь и третий случай. Наложим бесчисленность таких слоев один на другой так, чтобы сгущение одного слоя приходилось на разрежение другого, что легко сделать созерцательно и на нашей схеме. Тогда и без объяснения станет понятно, что очередные области сгущения и разрежения здесь будут переходить волнообразно одни в другие по трем, независимым друг от друга, направлениям, давая этим яркую картину вечно волнующегося трехмерного протяжения, как бы живущего своей внутренней жизнью.

Здесь каждое сгущение, т.-е. каждый первичный атом не вечно существует, а возрождается с каждым новым мгновением,

а в промежутки даже переходит в отрицательное состояние, т.-е. в анти-атом. Промежуток от одного возникновения атома до другого его возникновения будет естественная единица вселенского времени. Неизбежность его нового появления в том же виде проявится как закон сохранения его массы и энергии, но из этой схемы мы не получили бы еще возможности той разнообразной творческой жизни атомов, какую мы наблюдаем во вселенной, если бы первичные атомы возникали и исчезали в тех же самых взаимных отношениях, как и прежде. Для того, чтобы объяснить себе разнообразие явлений, существующих в природе, а с нею и в нашем сознании, необходимо представить, что кроме этих элементарных первично атомных сгущений и разрежений существуют еще другие более обширные области сгущений и разрежений, включающие в себе известные коллективы первичных сгущений и разрежений, подобно тому, как в десятичной системе объемов каждый кубический метр заключает в себе тысячу кубических дециметров, и каждый кубический дециметр тысячу кубических сантиметров и т. д. Тогда, после своего перехода в отрицательное состояние, каждый первичный атом уже не будет возрождаться на прежнем расстоянии от всех своих шести ближайших соседей, а на больших или меньших расстояниях от них, судя по тому — разрежается или сгущается весь пространственный коллектив в этой области. Таким образом, получается картина многообразных вторичных сближений и разрежений. И эта картина будет достигать все большей и большей сложности, а сближения и разрежения — все большего и большего разнообразия, в зависимости от того, сколько таких варьирующих объемов будут включены одни в другие, и будут ли они находиться друг к другу в соизмеримых объемных отношениях, или даже, может-быть, и в несоизмеримых. Кроме того, необходимо принять во внимание и то, что области сгущения и разрежения должны быть разнообразно ориентированы, так как иначе было бы трудно объяснить происхождение круговых движений во Вселенной, которые, как и всякие другие поступательные движения, с этой точки зрения, могут быть только фиктивными, подобными поступательным движениям волн.

Но какова бы ни была природа атома — это единственная творческая сила во вселенском протяжении, частью которого является и сам первичный атом.

Такова вершина современной естественно-научной философии, которая издали виднеется уже для нашего умственного взгляда, подобно вершине гигантской снежной горы на рассвете из-за заслоняющего ее склоны тумана, еще лежащего в долинах между ею и нами, стоящими лишь на холме у ее подножия. Она одна освещена розовыми лучами еще не взошедшего для нас солнца, мгла лежит между нами и ею, и мы еще не знаем, как до нее дойти, хотя ее и видим.

Это же было и всегда в науке: окончательный результат ее исканий часто был известен задолго ранее, чем его подробности. Так, сферическая форма земли была определена за тысячу лет до того, как удалось открыть на ней Америку и Австралию, много раньше, чем удалось объехать даже кругом Африки и, хотя бы в общих чертах, нарисовать на карте действительную форму своего собственного континента, Европы.

В наших научно-философских выводах мы неизбежно приходим к представлениям о бесконечном и нераздельном пространстве, как о все содержащей и, следовательно, все чувствующей первичной сущности; приходим к представлениям о творческом первичном атоме, этом зачатке нашего разума, бесчисленном в своих проявлениях в пространстве и времени и многообразном в своих комбинациях, и получаем представление о вечных переменах его комбинаций, о вечном его движении, как о всеоживляющем и всевдохновляющем третьем начале (ἅγια πνεῦμα) древних алхимиков и философов. Эту «божественную троицу Вселенной» увидела человеческая мысль еще в то время, когда наука была одета в мистические покровы. Она рисуется нам и теперь. А все промежуточные ступени между первичным творческим атомом и теми сложными атомами современной химии, которые тоже возрождаются при окружающих нас космических условиях через каждый элементарный момент времени, эти ступени еще невидимы для нашего умственного взора.

Неясно нам пока вполне и соотношение между нашим внутренним и внешним миром. Анатомия и опытная психология показывают нам, что вся бесконечная Вселенная концентрируется у нас в одном органе, который мы видим на рисунке 74 и который мы называем нашим головным мозгом. Тут заключено все, что мы знаем и чувствуем. Тут даже более того, что

мы сами знаем: здесь заключен еще целый мир нашей сложной подсознательной жизни.

Мы уже видели, каковы отношения между нашим внутримозговым миром и миром окружающим, о котором дают нам разнообразные известия органы наших внешних чувств, зрение, слух, обоняние, осязание, вкус и различные, придумываемые нами, инструменты: микроскопы, телескопы, граммофоны, телеграфы, фотографические и другие научные приборы.

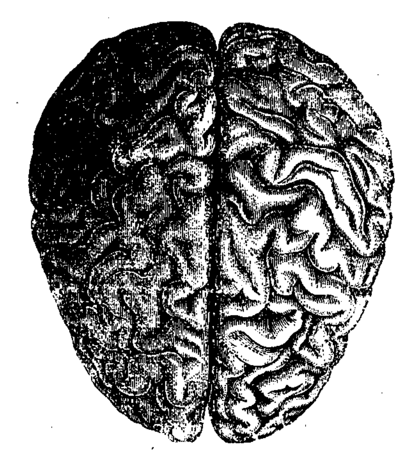

Рис. 74. Человеческий мозг. Вид сверху.

Мы уже видели, как доходят до органа нашего ясного сознания известия о состояниях нашего собственного тела, которое является для него лишь неотделимой от него частью того же внешнего мира, сообщающей ему кроме предыдущих и целый ряд других ощущений, каковы, например, чувства боли и наслаждения, радости и печали, бодрости и усталости и т. д.

Но так как эта область науки еще мало усвоена нашей общеобразованной публикой, то, во избежание больших апперцепций при чтении этой главы, я изложу более популярно работу мозга.

Я уже говорил в начале этой главы, что легче всего это представить себе наглядно сравнением нашего мозга с телефонной станцией большого города. Все ее стены испещрены сериями кнопок и соединительных проволочек, идущих от кнопки к кнопке, подобно подвижным корешкам амебовидных клеточек серого нервного вещества мозговой коры (рис. 75), и к каждой кнопке, как и к серой мозговой клеточке, идут еще извне из города длинные проволоки от воспринимающего внешние известия телефонного аппарата.

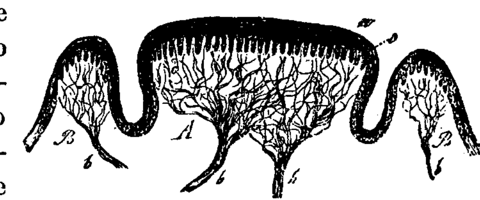

Рис. 75. Подход нервных волокон к периферической области с возможностью чисто индукционных воздействий.

Перед каждой такой серией кнопок, соединенных с внешним миром, сидит особая телефонистка. Вот вспыхивает огонек над одной кнопкой, и она берет кончик провода; ей называют номер другого провода, с которым желают разговаривать, и она соединяет этот кончик с кончиком провода абонента и, если не интересуется разговором, тотчас же отделяет от этой замкнутой цепи двух проводов свой наушный аппарат и предоставляет вызвавшему разговаривать с вызванным, как они того хотят. Это будет образчик абсолютно подсознательной деятельности нервной системы нашего тела, когда, например, мы удерживаем равновесие, стоя, или на ходу, и совершенно не сознаем тех сложных нервных импульсов, которые делаем для этого.

Но телефонистка, если она любопытна и болтлива, может поступить и иначе. Она может оставить цепь соединенною и с собой и передавать своим подругам, сидящим рядами у стен, все, что говорится по ее проводу, и все ее подруги будут в эти моменты жить ее впечатлениями в том же самом порядке, т.-е. будут становиться на время как бы ее психическими двойниками, как бы одним нераздельным психическим целым с нею.

Представьте себе еще, что все эти телефонистки, сидящие у стен, никогда не выходят из своих зал и не получают никаких других впечатлений из внешнего мира, кроме передаваемых сюда по телефонам. Но они настолько любопытны и экспансивны, что каждая подслушивает и повторяет громко все, что интересно для нее, а все остальные настолько быстры в усвоении, что успевают запоминать каждое интересное для них слово. Тогда мы смело сможем сказать, что каждая телефонная зала живет во всем коллективе своих обитательниц как бы своей индивидуальной психической жизнью. Но такое непосредственное коллективное и в то же время индивидуальное сознание возможно, конечно, лишь в том случае, если различных впечатлений приходит извне, как у безмозжечковых суставчатых животных, не слишком много сразу, и наши телефонистки не перебивают без толку друг друга: иначе ничего не выйдет кроме непонятного ни для одной из них гвалта. Значит, в случае очень сложных и многочисленных телефонад извне, для приведения их в порядок и создания из этого хаоса разнообразных известий чего-либо систематического, необходимо, кроме местных отделений, еще дополнительное мень-

шее помещение, к которому у каждой телефонистки шел бы дополнительный провод, и она сообщала бы по нему туда лишь свои наиболее важные впечатления. Этот отдельный коллектив из известного количества обособленных телефонисток мог бы являться не только воспринимающим, но и сортирующим органом всего города в его хозяйственном и всяких остальных соотношениях с другими городами и селами.

Вот это самое, как мы уже видели, и устроено у нас в мозгу. Все его белое вещество и состоит из разнообразно-скомбинированных, как проволоки телефонной станции, белых нервных волокон, передающих в должные места его известия, приносимые нервами от всех членов нашего тела и от всех органов наших чувств. Эти провода здесь разветвляются, и часть их ответвлений идет к многочисленным малым пирамидальным клеточкам вещества серой коры двух полушарий большого головного мозга, всегда имеющихся у позвоночных животных, и от каждой такой клетки идут корешки во все стороны, способные то удлиняться, то сокращаться и соединяться разнообразно с такими же ответвлениями соседних клеточек, подобно качающимся от легкого ветерка колосьям нивы, и действующие друг на друга, вероятно, не только соприкосновением, но и по способу беспроволочного телеграфа. Весь поверхностный серый корковый слой полушария головного мозга и наполнен ими, как околостенные стулья соединительных зал телефонной станции замещены телефонистками. Пирамидальные клетки, ощущающие слуховые впечатления, распределены, как мы видели, в височной части под Сильвиевой бороздой мозга; такие же клеточки, концентрирующие в себе зрительные впечатления, находятся, как мы видели, в затылочной части. Клеточки обонятельных и вкусовых ощущений, повидимому, лежат в основании мозга, вкусовые — над Сильвиевой бороздой, а клеточки осязательных впечатлений — в теменной части. Вся височно-теменная срединная часть над Сильвиевой бороздой наполнена более значительными нервными клеточками, которые распоряжаются движением различных мускулов, в лобной же части мозговой коры расположены малые пирамидальные клеточки *высшей подсознательной* — сортирующей деятельности.

Я говорю «подсознательной» потому, что полушария головного мозга напоминают главную залу телефонной центральной

станции, куда собираются все сведения. Они здесь сортируются *подсознательно,* и часть распоряжений нашему телу дается также и отсюда машинально, без участия общего распорядительного органа нашего мозга. Наиболее же важная часть известий идет по специальным проводам, как мне представляется, именно в ту особую, меньшую, залу, которая называется малым мозгом и в которой, мне кажется, и сосредоточивается вся наша ясносознательная жизнь, т.-е. сознательные распоряжения нашим телом.

Я отношу их в мозжечок по целому ряду причин. Первая причина заключается в чисто практических соображениях: высший орган сознания, как наиболее необходимый для продолжения жизни организма, не мог выработаться где-нибудь впереди или снаружи мозга, вследствие чего он приходил бы в беспомощное состояние при каждом ударе по данному месту, а непременно под достаточным прикрытием возможно больших слоев остального, менее важного, мозгового вещества. Таким, именно, и оказывается мозжечок, помещенный в самой глубине и в затылке (рис. 1 на стр. 505).

Вторая причина — анатомическая: от мозжечка идут три пары нервных ответвлений: одна пара к полушариям большого мозга, как к области подсознательной творческой мысли, другая — к Варолиеву мосту и третья — к продолговатому мозгу для исполнения подсознательных распоряжений. Никакая другая самостоятельная часть мозга не снабжена такими удобными сообщениями.

Третья причина, это — экспериментально-биологические соображения. Основная область сознательной жизни должна характеризоваться тем, что ее потрясение мгновенно лишает животное сознания, а это мы и видим больше всего при ударах по затылку, сотрясающих мозжечок. Стоит воткнуть позвоночному животному хотя бы шило под *дерево жизни*, т.-е. в пластинчатые слои белого вещества мозжечка, напоминающие пластинки аккумуляторов, как животное мгновенно парализуется.

Четвертая причина — тоже экспериментально-биологическая: при вырезании мозжечка животное перестает сознательно относиться к окружающему; оно будет способно совершать, как и всегда, рефлекторные действия: отдернет, например, ногу, когда ее уколют; оно будет способно совершать и сложные действия,

например, плавать, когда его бросят в воду, т.-е. так же, как и мы ходим, разговаривая с другими и не сознавая движений своих ног; оно будет жевать и глотать, когда положат ему пищу в рот, как и мы при разговорах едим бессознательно, но не узнает ее, если ее поднесут к его глазам; оно будет способно и пройти несколько шагов, но, вследствие того, что для успешного поддержания равновесия при ходьбе нужна уже некоторая доля внимания к неровностям почвы, т.-е. сознательности, оно скоро упадет и не догадается, как встать.

Все это показывает, что органом нашего сознания и внимания является мозжечок, и наше сравнение его с задним распорядительным кабинетом большой телефонной станции, телефонистки которого получают важнейшие сообщения только из большой периферической залы о всем, что делается кругом, повидимому, дает правильную иллюстрацию происходящего внутри нашего мозга. Оно же объясняет и обманы нашего сознания, т.-е. галлюцинации: ведь и телефонистки большой залы, получив от кого-либо приказание или сговорившись сами, могут и обманывать свой «особый кабинет», и он не будет в состоянии отличить их обмана от правильных сообщений. Это у всех нас *постоянно* и бывает при разговорах: если кто-нибудь быстро скажет незнакомое нам иностранное слово, то клеточки серого вещества больших полушарий почти всегда передадут его в область нашего сознания как созвучное с ним знакомое, а незнакомый звук иностранного языка сообщат как сходный с ним знакомый звук родного. Об этом я уже говорил в лингвистическом отделе.

Повидимому, в мозжечке нет никакой центральной или *верховной единой* клеточки, исключительно центрирующей в себе сознание, и все ядрышки важнейших клеточек его коры, подобно камертонам, настроенным в унисон, являются двойниками друг друга, многократно повторенным сознательным «*я*» нашей души. В них есть особая физическая сила, сходная с электромагнитной, и не будет ничего удивительного, если при очень низких температурах из них можно будет делать настоящие магниты. Даже и не соединенные друг с другом своими амебовидными отростками, отдельные пирамидальные клеточки могут индуктивно отзываться на всякое изменение потенциала друг друга, как антенны беспроволочного телеграфа, если они настроены в унисон. А главным их возбудителем может быть постоянное возникновение электро-психической энергии в пластинках того же «дерева жизни», в мозжечке.

Понятно, что для жизни и деятельности этих сознательных «я» нашей души недостаточно одной наличности их существования. Необходимо, чтобы не только «дерево жизни», но и все тело было заряжено той же энергией, близкой к электрической и происходящей, с одной стороны, от трения крови в волосных сосудах (особенно мозга), а с другой — от химической энергии дыхания, потому что, если чем-нибудь вы парализуете одну из этих деятельностей, так сознание тотчас засыпает, хотя на этот раз и не непробудно: при возобновлении их каким-либо искусственным путем оно снова возвращается, чего не будет никогда при безвозвратной порче мозжечка или продолговатого мозга над ним. Ведь и телефонные провода действуют лишь тогда, когда они заряжены из какого-нибудь центрального пункта, а мы, конечно, не могли бы сделать ни одного движения без траты нервной энергии и ее постоянного возобновления. Особенно это видно при наблюдении подсознательной деятельности сердца. Каждую секунду откуда-то из центральной нервной системы прорывается сквозь изолирующую преграду, как искра с электрической машины, разряд нервной энергии через «симпатическую систему нервов» в нашей груди, заставляющий сердце сократиться, и это «накопление до разряда» продолжается всю жизнь с величайшей равномерностью, пока нервная система не расстроится от каких-либо житейских невзгод. В противном случае, одновременно с общей нервностью, наступает и неравномерность накопления ее зарядов, и начинаются перебои сердца, продолжающиеся нередко целые годы, пока не восстановится равновесие нервной деятельности.

Итак, мозжечок есть, повидимому, и аккумулятор нервной энергии, и орган нашего внимания. Он взвешивает все разнообразные впечатления, получаемые им от органов нашего тела через нейроны мозговых полушарий, и делает между ними выбор. Если впечатлений этих идет к нему слишком много из лобной части полушарий, где подсознательно перерабатываются все зрительные, слуховые и остальные, внутренние и внешние, импульсы, то он разобщает себя от целого ряда отделов, известия которых ему в этот момент не интересны. Так, при усиленном рассматривании чего-нибудь орган нашего внимания разобщается от обыч-

ных слуховых впечатлений; занятый слушанием чего-нибудь очень интересного, он разобщается от впечатлений, например, зубной боли, а сосредоточившись на ней, он смутно воспринимает, положим, осязательные импульсы, да и все другие.

По анатомическому развитию своего органа внимания люди образованные и необразованные мало отличаются друг от друга, а потому и непосредственное ощущение своего бытия у всех людей больше зависит от состояния их кровообращения или дыхания, чем от количества знаний и от способности к мышлению, зависящему от разнообразия следов многочисленных прошлых впечатлений, сосредоточенных в сером поверхностном слое нервных клеточек лобной части мозговых полушарий. Там, повидимому, истинная кладовая наших знаний и опыта, основа нашей подсознательной мысли, внушающая мозжечку свои образы и комбинирующая их между собою в ассоциации идей.

В богатстве этой подсознательной деятельности главное отличие образованного человека от необразованного, и оно несравненно больше, чем обыкновенно думают. Если дикарь живет почти исключительно созерцанием окружающих изменений, звуками и запахами, доставляемыми ему внешней природой, то высокообразованный и мыслящий человек видит их только сквозь мир своих идей и потому рассматривает не только их поверхность, но и всю их глубину. Дикарь живет почти исключительно настоящим, культурный человек видит и настоящее как будто сквозь полупрозрачные изображения в своем мозгу прошлого и будущего и потому понимает смысл настоящего и получает исключительную способность предвидения будущего. Кроме того, вспоминая свое детство и раннюю юность, в продолжение которых он проходил стадию развития дикаря, он получает способность понимать его психологию и сочувственно и доброжелательно относиться к нему, тогда как дикарь, никогда не проходивший через его стадию развития, совершенно не способен понимать ее и, чувствуя во всех соображениях и поступках его нечто для себя недостижимое, всегда будет относиться к нему суеверно-подозрительно и потому затаенно-недоброжелательно. В непонимании разницы между собой и дикарем была трагедия первых мыслителей, и в нем же трагедия и многих друзей человечества.

Аналогичную разницу подсознательной психики образованных и необразованных людей ясно должен понять современный культурный деятель. Лишь при этом условии человеческое общество окажется в устойчивом равновесии и будет способно без катастроф совершать свой путь в отдаленное, ясное и светлое будущее. Но для этого даже и христианам, возвеличивающим «нищих духом», необходимо видеть не только достоинства, но и крупные недостатки в учении евангелистов о любви к ближнему.

Истинно образованный человек может и всегда будет любить своего необразованного ближнего, как отражение своего детства, но горе и ему, и этому ближнему, если он будет смотреть на безграмотного «как на самого себя», т.-е. воображать в нем богатый подсознательный мир и, благодаря ему, такую же способность разнообразных сопоставлений и предвидения. Он может и должен любить евангельского «нищего духом» и заботиться о нем, но никогда не должен внушать ему, что «именно ему, как не искушенному познанием, принадлежит царствие небес». Царство небес, т.-е. высшая степень счастья, принадлежала всегда и будет принадлежать, наоборот, только «богатому духом» и обеспечившему себя в материальной жизни, и потому настоящее эволюционное равенство лежит не в стремлении приравнять всех людей по низшему уровню, а по высшему. Но высший культурный уровень не падает подобно весеннему дождю с неба, а дается только упорным трудом всех к нему способных, а потому не может быть создан мгновенно. По отношению к духовным богатствам это ясно: они — такие богатства, которые лежат в кладовой больших полушарий человеческого мозга и которых нельзя вынуть оттуда и разделить между необразованными. По отношению же к богатствам, обеспечивающим физическое благосостояние человека, можно сказать лишь одно. Это не золото и серебро, не дорогая мебель и не вещи с длительным существованием. Это, прежде всего, тратящаяся ежедневно пища, а потом тратящаяся ежегодно одежда и после всего жилище, требующее время от времени ремонта и возобновления. Основное свойство всех реально обеспечивающих жизнь человека вещей—это указанная выше необходимость постоянного их возобновления, и она достаточно показывает, что обеспечить все население может только его собственный упорный ежедневный труд, и притом труд не однородный для всех, как мало продуктивный, а основанный на разделении занятий по способностям и склонностям к нему отдельных лиц.

Не так давно, уже во время революции, одна народная учительница сказала мне прописную в интеллигенции бывшей царской России фразу: «физический труд — непосильно тяжел, и потому для облегчения его надо заставить физически трудиться всех».

Но он тяжел только для тех, у кого от природы слабо развиты мускулы, и наоборот умственный труд еще более «непосильно тяжел» для тех, у кого слабо развиты мозговые полушария и их антенны. Сколько ежегодно начинающих учиться в школах не могут успешно довести свое ученье до конца только потому, что умственный труд для них *непосильно* тяжел вследствие малоемкости больших полушарий их головного мозга! В каждой гимназии старого режима рассеивалась половина учеников раньше, чем доходила до пятого класса, и притом никак не от бедности, а исключительно потому, что требуемый умственный труд для них был совершенно непосилен.

Современный общественный деятель должен твердо помнить, что из всех родов труда более тяжелым для среднего человека есть именно труд умственный, и вполне работоспособным в этой области является пока лишь незначительное меньшинство. Именно потому-то его и особенно ценят. Физический же труд ценят мало именно потому, что он *по силам* огромному большинству населения.

Заставлять насильно малоспособного к умственному труду ребенка работать в умственной области, а малоспособного к физическому — заниматься им, это значит сделать малопроизводительным и тот, и другой. Государство должно дать каждому материальную возможность достичь вершины знания, но оно должно заранее предвидеть, что до этой вершины доберется лишь незначительное меньшинство, и потому рациональная школа, на каждой своей ступени, должна целесообразно направлять в более легкую и не менее почтенную и необходимую область физического труда тех, для кого дальнейшее обучение представляется непосильным.

Но возвратимся к предмету этой части моего изложения — к явлениям нашей подсознательной жизни, так как ясное представление ее механизма необходимо для правильного понимания некоторых чудес, приписываемых «евангельскому Христу» и другим клерикальным деятелям. Главная роль в психической жизни развитого человека принадлежит не «дереву жизни», в мозжечке (как случайно назвали этот аккумулятор нервной энергии очень

удачно анатомы эпохи Возрождения), а мозговой коре. «Дерево Жизни», если оно и есть зарядник нашей жизненной энергии, это — только более или менее сильная динамомашина, приводящая в движение многочисленные станки, от совершенства и числа которых зависит производительность и совершенство вырабатываемых ими продуктов.

Наши оригинальнейшие мысли кажутся нам приходящими в наше сознание неизвестно откуда и уходящими из него неизвестно куда, заменяясь все новыми и новыми, как в калейдоскопе, только потому, что они вырабатываются не в мозжечке, этой ясной области нашего сознания, а в темном подвальном складе полушарий нашего большого мозга.

«Дух дышит, где хочет, — говорит нам евангелист Иоанн (3,8), — присутствие его видишь, но не знаешь, откуда он приходит и куда идет».

А теперь мы уже знаем, что все проявления этого духа, или, по современному, вдохновения, приходят в область нашего ясного сознания из наших собственных мозговых полушарий.

Отсюда же приходят в нее, — т.-е. в мозжечок, — и сны, и полусны, и грезы. Смена зрительных образов в нормальном сне бывает часто совсем без красок, как на гравюре, и это обстоятельство, повидимому, и дает нам легкую возможность отличать виденное во сне от виденного в действительности. Музыкальные звуки тоже приходят в сонное сознание только с немногими типичными обертонами, отчего нередко бывают чище, чем в действительности. Наше сознательное «я» с этой точки зрения является только коллективом сотен тысяч белковых нервных молекул, собравшихся, как почки на распустившемся весной кусте, на дереве жизни — мозжечке, в его сером веществе. И все они живут одной жизнью, одним сознанием, хотя и исключительно под ежеминутно меняющимся внушением отдельных областей большого мозга.

Пусть, например, хоть одна малая пирамидальная клетка под Сильвиевой бороздой нашего мозга получает впечатления музыкальных звуков от гангеновских волокон, находящихся под кортиевыми дугами нашей ушной улитки. Центральная белковая молекула этой клетки, под Сильвиевой бороздой, совершает от этого последовательный ряд известных ритмических колебаний, и они немедленно передаются соседним молекулам этой области

большого мозга, через окружающую их среду, подобно тому, как звук, воспроизводимый приведенным в вибрацию камертоном, немедленно воспроизводится и всеми камертонами, стоящими около него и настроенными в унисон с ним. Там эти музыкальные колебания комбинируются с отзвуками прежде слышанных музыкальных тонов и стремятся сообщить весь этот коллектив мозжечку по волокнам дерева жизни. Если это стремление достаточно сильно, оно преодолеет стремление других частей большого мозга провести в мозжечок другие впечатления, и мы будем сознательно слушать музыку не как впервые слышанные звуки, но на фоне отзвуков всех других музык, когда-либо слышанных нами. Точно то же происходит и со всеми другими непосредственными, например, зрительными или обонятельными, впечатлениями. Поступая в мозжечок, они по дороге комбинируются, или ассоциируются с прежними впечатлениями, локализированными в соответственных областях коры большого мозга и точно также передаваемыми оттуда через лобную часть в обработанном виде, т.-е. скомбинированными с отголосками всех прежних впечатлений, таившихся в подсознательной области коры мозговых полушарий. Таким образом, все отдельные части коркового вещества большого мозга живут всегда своей собственной специальной подсознательной жизнью, сохраняющейся и тогда, когда бездействует орган, через который они получают свои впечатления от внешнего мира (когда, например, закрыт глаз или заткнуто ухо). И от всех этих областей, особенно от пирамидальных клеток лобной части нашего мозга, в которых находится, повидимому, их обще-комбинирующий подсознательный аппарат мышления, идут разнообразные вести в область нашего ясного сознания в сером веществе мозжечка по ветвям дерева жизни.

Тут взвешивается нашим сознанием относительное значение этих разнообразных комбинаций впечатлений и ощущений и посылаются сознательные импульсы для того или иного действия.

Итак, мозговые полушария есть субгестивируемый, получающий и закрепляющий в себе внушения, орган, а мозжечок есть только его слушатель и исполнитель того, что кажется ему нужным. Он делает критическую оценку своих разнообразных восприятий из большого мозга и часто, дав распоряжение, уже

занимается оценкой других, оттуда же полученных сообщений, а заданная им работа продолжается механически, как ходьба, на выполнение которой, раз ее начав, мы не обращаем более специального внимания, или как движения челюстей и горла во время принятия пищи за обедом.

Из всего сказанного понятно, что когда мы чем-нибудь (например, монотонными звуками) усыпили мозжечок у когонибудь, не усыпляя его мозговых полушарий, то роль его может исполнять и наш собственный мозжечок, передав полушариям исследуемого нами индивидуума соответственные внушения через орган его слуха, неведомо для его собственного мозжечка. И если наша воля сильнее воли объекта нашего воздействия, то это внушение останется и после того, как его собственный мозжечок пробудится от своего усыпления, т.-е. когда соединительные волокна между ним и мозговыми полушариями снова сделаются активными. Понятно, что таким путем можно вводить в человеческий мозжечок и чисто призрачные представления из этих полушарий, которые покажутся его сознанию совершенно реальными. Можно и запретить мозговым полушариям передачу в мозжечок того или другого рода зрительных или слуховых впечатлений, т.-е. временно усыпить посредствующие пирамидальные тельца, как это бывает, когда какому-либо субъекту запрещают что-нибудь видеть или слышать (подобно тому, как можно запретить телефонисткам передавать в центральный внутренний кабинет тот или другой род телефонных сообщений).

Итак, субгестия или внушение есть специфический результат характерных взаимодействий между малыми пирамидальными подсознательными клеточками полушарий большого человеческого мозга и клеточками сознательной деятельности мозжечка.

Чем ниже и уже умственное развитие человека, тем меньшую роль в его психической деятельности играет мозжечок и тем легче полушария его мозга должны поддаваться субгестии посторонних лиц. Вот почему во все средние века нашей эры, а также и теперь в малокультурных странах призрачное несравненно более примешивалось к реальному, чем в наши дни в высоко культурных странах.

Рассуждая о механизме нашего мышления, особенно творческого, нельзя не отметить большой аналогии действий двух полушарий нашего большого мозга с действием двух кинемато-

графических аппаратов, проводящих через освещенное место ряд картин, то систематически подобранных в подсознательном складе наших мозговых полушарий, то беспорядочных, судя по тому, насколько сильно возбуждено наше внимание, т.-е. систематизирующая их сила. Но в чем же состоит эта сила? Мне кажется в том, чтобы настроить сознающие клеточки нашего мозжечка на определенный тон, т.-е. так, чтобы они отзывались только на определенные нервно-магнетические колебания, пропуская этим из подсознательного хаоса голосов общей телефонной залы полушарий нашего мозга только определенные голоса, оставаясь глухими ко всем остальным. Оба эти кинематографические аппарата действуют то параллельно друг другу, то с временным уклонением от параллелизма, налагая разнообразные картины друг на друга, приводя их в сопоставления и оставляя при этом в темноте, т.-е. вне области сознания, все свои посторонние сведения (хотя инициативная роль и принадлежит у человека обыкновенно левому полушарию).

Чем богаче и разнообразнее запас сведений, накопленных в прошлом человеком (особенно путем чтения), тем разнообразнее возможность таких независимых сопоставлений, и потому мышление человека высоко образованного богаче и разнообразнее мышления дикаря, прямо пропорционально тому, над чем в его жизни останавливалось когда-либо его сознание, так как от всего этого в коре полушарий мозга остались у него неведомые ему следы. Это мышление совершается тем быстрее, чем быстрее двигаются у человека оба кинематографические аппарата, и оно тем более способно к творчеству, т.-е. оригинальному сопоставлению сходных в той или другой детали впечатлений, чем независимее друг от друга их ход. Оба аппарата имеют склонность ассоциировать свои картины однородно, т.-е. если левое полушарие выдвигает из себя один ряд прошлых впечатлений, то его же выдвигает и правое, так как оба они получали их когда-то вместе через органы внешних чувств, но по временам они начинают итти врозь, и тогда взамен воспоминания начинается мышление.

Но если это так, то память о длинной последовательности событий может развиваться только насчет творческого мышления, и наоборот — творческое мышление может развиваться лишь на счет памяти. В области исторических наук почти вплоть до

Томаса Бокля выдвигались ученые с сильно развитой памятью и потому менее способные к разнообразным сопоставлениям своих сведений, чем в науках мыслительных, какими являлись издревле естественные и математические науки. Да это иногда бывает и теперь.

Один из моих друзей, астроном, женатый на очень начитанной историчке, недавно жаловался мне:

— Я и моя жена никогда не приходим к соглашению при всех разговорах о древней истории. Она не доверяет мышлению, как своему, так и чужому, а я не доверяю памяти, как своей, так и памяти наших предков, т.-е. исторической традиции. Я живу мышлением и сопоставлением, она живет верой и памятью. От этого — целая трагедия в нашей идейной жизни: мы перестали разговаривать обо всем, кроме хозяйства и политики.

Трудность для нас разнообразных сопоставлений обусловливается, впрочем, не одной глубиной нашей веры в то, что нам передали предки, но также и односторонностью нашего среднего образования, при крайней специализации высшего. Но выход отсюда только один — достижение разносторонности в знаниях, которую дает средняя, общеобразовательная школа, а не превращение факультетов, т.-е. специальных институтов науки, в дополнительные общеобразовательные учреждения, как некоторые проповедывали в начале нашей революции. Более же всего вредна «поверхностность» знаний, так как оба прожектора в мозгу, не обогащенные большим запасом сведений, накопленных многими годами упорного труда, будут в таком случае вкривь и вкось блуждать по своему ничтожному складу сведений и делать уродливые сопоставления, воображая, что творят что-то великое.

Отмечу еще, что практика долгого чтения и мышления делает более быстрой нашу умственную жизнь. Поле нашего сознания есть, повидимому, весь поверхностный слой серого вещества нашего мозжечка, но на этой поверхности у человека высокообразованного ярко вырисовывается в короткий промежуток времени огромное количество обработанных картин, тогда как у необразованного лишь грубые, незаконченные контуры без деталей, да и то сравнительно медленно и тускло.

Легкая склонность обоих кинематографических аппаратов нашего мозга направляться в какую-либо излюбленную область склада своих знаний и попадать туда, как в омут или в заболо-

ванный круг, из которого трудно вылезть, обусловливает *навязчивые идеи*, а паралич одного полушария вызывает неспособность к какому-либо мышлению, когда половина сознания еще есть и может блуждать причудливо, как попало, но не может останавливаться ни на чем, так как для этого нет увлекающего воздействия другого аппарата. Это уже бред сумасшедшего, а не ясное сознание.

Классическая психология делит все явления нашей душевной жизни на три отдела: разум, чувство и волю, и мы иногда машинально повторяем это, не давая себе ясного отчета в том, что говорим.

В самом деле, что же такое воля? Уже самое производство этого слова показывает, что это какое-то «веленье», но откуда и как оно приходит — неясно. Точно также можно сказать и о разуме, что название его происходит от слова *умение*.

Чтобы разобраться в деле, забудем на миг прежние определения и постараемся выяснить сущность дела заново путем самонаблюдения, как если бы мы ранее ничего не слыхали об этом предмете. Что мы тогда заметим? Прежде всего следующее.

Сознающая поверхностная область мозжечка, где построено наше сознающее «я», получает специальные известия о жизни окружающего физического мира посредством нервов, идущих в нее от нейронов коры большого мозга, которые, в свою очередь, получают свои впечатления от нервов, идущих к ним от органов зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса.

Значит, **I отдел нашей чувственной** сознательной жизни состоит из впечатлений, приходящих из мира, находящегося вне нашего тела. Они всегда ориентируются вышеприведенными органами наших чувств по пространству и времени и связывают наше тело с внешним миром воедино.

Затем, наше сознающее «я» получает таким же образом, через посредство нейронов серого вещества больших полушарий, известия о явлениях, происходящих исключительно *внутри нашего тела*. Это тело есть на деле лишь неотъемлемая часть вселенной и связана с нею непрерывностью, не меньшей, чем наша рука связана с нашим плечом, но, благодаря тому, что данные группы нервных волокон не выходят из этой области, оно кажется нам индивидуализированным, как бы отделенным от всех остальных тел и от всех сознающих свое «я» других людей,

чего на самом деле нет. Таковы ощущения боли, ориентирующиеся в нейронах, связанных нервами с различными областями нашего тела; таковы ощущения голода, ориентирующиеся в нейронах, связанных нервами, главным образом, с желудком, таковы ощущения полового влечения, точно также ориентирующиеся более всего в нейронах, связанных нервами с органами воспроизведения рода; таковы же и ощущения страха, радости, злости, сожаления и все другие высшие и низшие ощущения, ориентирующиеся в нейронах головного мозга, связанных нервами через «симпатическое сплетение» с сердцем и с другими внутренними органами нашего тела. Как чисто внутренние, они кажутся нам хотя и ориентированными во времени, но совсем не связанными с пространством.

Это **II отдел** нашей **чувственной** жизни. Корни всех этих ощущений бывают, обыкновенно, тоже в мире, находящемся вне нашего тела (например, причины страха, голода, радости и всех других лже-внутренних чувств), но они доходят до нашего сознающего «я» не путем непосредственных проводов, а совершенно переработавшись в специальных органах: голод в желудке, страх или радость — в сердце и других органах кровообращения, удушье — в легких, а болезненный жар и озноб — в регуляторах температуры нашего тела и т. д.

Такова наша **чувственная жизнь** с физиологической точки зрения. Рассмотрим теперь и **умственную жизнь**.

Область мозжечка, где построено наше сознающее «я», получает постоянно впечатления из серого поверхностного слоя мозговых полушарий, где совершается подсознательная деятельность нашего мозга. В этот слой мозговых полушарий идут отголоски всех импульсов, получаемых нами из жизни нашего лже-внешнего и лже-внутреннего мира, и остаются там в отдельных нейронах или в их группах, ориентированных в разных областях мозговой коры, судя по роду ощущений и как бы колеблясь в них, подобно стоячим волнам между рифами морского залива, и стремясь при каждом новом подъеме перелиться снова, как через плотины, в сознательную область нашего мозга, в виде воспоминания о раз пережитом, т.-е. возбуждая своеобразную галлюцинацию прежнего реального впечатления, отличаемую нашим сознающим «я» от его современных реальных впечатлений только благодаря тому, что она приходит в него

хотя из тех же мозговых полушарий, но уже с иным колоритом. Если такие стоячие волны какого-либо отдельного впечатления в группе клеточек мозговой коры не возобновляются повторными впечатлениями реальности, идущими по тому же пути, и не увеличиваются от резонанса, возбуждаемого в них какими-либо родственными впечатлениями других клеточек той же области, то они постепенно ослабевают и забываются, т.-е. перестают время от времени переливаться в сознающую область мозга среди других переливов. В противном же случае они остаются на всю жизнь, т.-е. при всяком толчке, увеличивающем амплитуду их колебаний (или, когда ослабевают впечатления реальной жизни нашего тела, заглушающие их, как, например, во сне или гипнотическом состоянии), они могут вновь переливаться в эту область в виде грез. И я опять здесь повторяю то, что уже сказал раньше.

Чем богаче и разнообразнее впечатлениями была прошлая жизнь человека, особенно от усиленного чтения, дающего в один день столько же впечатлений и мыслей, сколько безграмотному не получить и за год жизни, тем многочисленнее и разнообразнее остаются их вечно волнующиеся следы в клеточках больших полушарий, и все они толпами стремятся вновь ворваться в ту область нашего мозга, где сосредоточено наше сознание. Но самая их многочисленность у умственно развитого человека вызывает то, что они становятся способными войти туда лишь родственными группами, временно оттеснив все противоположные группы. Их взаимная игра и переливы являются для нашего сознательного центра иллюзией его собственного, якобы произвольного, мышления, тогда как все они приходят в него по воле нервных индукций из подсознательной кладовой двух полушарий его большого мозга. У неразвитого человека ассоциации идей, т.-е. группы прошлых впечатлений, сильно переработанных и разнообразно скомбинированных в бессознательности полушарий мозга, невелики и вертятся обычно около ближайших предметов его хозяйственной и семейной жизни или таких же житейских дел своих соседей и соседок. А у умственно развитого и всесторонне образованного человека они охватывают всю область вселенской жизни, и он начинает чувствовать в себе отражение всей вселенной, и вот сознание каждого другого человека начинает казаться ему только разнообразными вариациями его собственного сознания, распространившимися непрерывно на другие области общемирового пространства, этой все наполняющей мировой души.

Итак, **состояние мышления** есть нормальное состояние нашего сознания, но характер этого явления бывает различен у разных людей.

У малообразованного человека мышление,— как я уже говорил,— не только сводится на кругооборот одних и тех же немногочисленных ассоциаций былых впечатлений, но, при каждом малейшем поводе из внешнего мира его сознающий центр весь наполняется реальными ощущениями этого мира через зрение, осязание, обоняние, слух или сообщениями из его собственного тела (боли, тоски и прочих «самочувствий»), или он начинает жадно воспринимать чужую речь, питаться складами чужих мозговых полушарий, запоминая, как виденное и слышанное им самим, все, что видели, слышали и сложили в свою подсознательную область другие, если этот склад их не слишком богат и разнообразен, сравнительно с его собственным. В последнем случае сознательная область его мозжечка перестает их понимать, а при потугах усвоить — быстро утомляется, т.-е. начинает засыпать или смотреть и слушать что-нибудь постороннее. Это называется рассеянностью в умственном отношении.

А у человека, накопившего упорным и долгим умственным трудом большой и разнообразный склад знаний, т.-е. впечатлений, ушедших в подсознательную область его большого мозга, вырабатывается, наоборот, способность при всяком удобном и даже неудобном случае отдаваться им, разобщая свое сознание с впечатлениями внешнего мира. Он на девять десятых начинает жить тем, что ему внушает из подсознательной области его прежняя умственная жизнь. Идя куда-нибудь, он легко забудет надеть то, что нужно; не узнает на улице своего знакомого, тогда как неразвитой человек еще издали все заметит, но, взамен того, не совершит в это время никакой новой комбинации представлений.

Однако, и у умственно развитых людей склад мышления, т.-е. последовательные группы и сочетания впечатлений, приходящих в сознание из подсознательной области, не одинаков. У одних — раз соединившиеся в каком-либо направлении протоплазматические отростки нейронов мозговой коры так и оста-

ются в этом положении, закрепляя раз сложившуюся ассоциацию впечатлений. У них будет хорошая память, но плохо творческое мышление, требующее большой подвижности этих отростков, так, чтобы каждый нейрон старался соединиться то с тем, то с другим из соседей, как бы протягивая руку то тому, то другому. Значит, способность творческого мышления, как я уже говорил, должна обязательно итти на счет точности памяти, и наоборот. Это специально можно сказать об отростках тех нейронов, которые помещаются в больших боковых лопастях мозга Сильвиевой борозды и в которых складываются в область подсознательного логические, т.-е. словесные, письменные, контактные (у слепых) или другие символы непосредственно получаемых впечатлений. Если их цилиндрические отростки прочно соединены с соответствующими отростками непосредственных впечатлений от органов чувств, то все мимолетные комбинации последних легко будут выражаться «логически», т.-е., у обычных людей, словами. Человек будет говорлив, но не глубок в мышлении. Он также будет более способен запоминать чужой рассказ, чем собственные непосредственные впечатления. Он будет доверчив, т.-е. склонен руководиться больше не своим, а чужим умом, т.-е. переработанным складом подсознательных впечатлений в чужих мозговых полушариях. Будет легко подвергаться религиозному, гипнотическому и всякому другому внушению.

Таким образом, **III отдел** нашей психики, называемый **сознательным мышлением,** состоит из игры в сознающей области мозжечка разнообразных отголосков прежних непосредственных впечатлений, оставшихся в мозговых полушариях, вечно перерабатывающихся и разнообразно комбинирующихся между собою посредством движения противоплазматических отростков у их собственных нейронов и у связанных с ними «логических нейронов» на височных долях Сильвиевой борозды. Эти переработанные в подсознательной области впечатления, т.-е. идеи, хотя и локализированы в различных местах мозговых полушарий, но так как они заключены целиком в подсознательной жизни, то и кажутся лишь функцией нашего сознания, вне всякого пространства.

Некоторые из них, каковы, например, идеи добра и зла, хорошего и дурного, представляют очень сложные комбинации

многих прежних впечатлений и уходят в область ощущений многих прежних поколений, передававших нам их путем внушения в детстве, посредством великого орудия культуры — дара слова и изобретенной письменности.

Теперь мы рассмотрели с современной естественно-научной точки зрения сущность механизма тех областей человеческой психики, которые классическая психология назвала **чувством** и **умом.** Но что же с этой точки зрения наша «**сознательная свободная воля?**»

Признав весь большой головной мозг органом подсознательной нервной деятельности, мы не находим для свободной воли другого места и органа кроме мозжечка и его «дерева жизни», похожего на систему индуцированных друг другом пластинок в вольтовом столбе.

В этот центральный и особенно старательно защищенный природою от возможности всяких аварий орган приходят по соединяющим его со всеми остальными частями мозга нервным проводам, кроме идей из мозговых полушарий и их логических символов от височных извилин и различных ощущений органов внешних и внутренних чувств, также и заявления об их потребностях, среди которых есть и крайне важные для самого существования организма, например, потребность в пище и питье.

Эти заявления, локализируясь в нескольких, определенных для каждого из них, местах большого мозга и перерабатываясь там, посылают в сознающую область серой коры мозжечка определенные впечатления, а от них в «дереве жизни» появляется *воля* сделать то или другое, или не делать того или другого, и это проявляется обратно в сознании чувством желания или нежелания, а если из разных областей большого мозга идут противоречивые внушения, — то чувством колебания между тем или другим. Если это колебание прекращается, из дерева жизни идет к периферическим областям большого мозга импульс дать нервный ток к движению тех или иных мускулов. Если мускулам задана совершенно определенная и привычная давно задача, уже оставившая прочные следы в области подсознательной жизни, например, итти куда-нибудь, то дальнейшее исполнение и направление прошедшего через сознание импульса опять передается в область бессознательного, а деятельность сознающей области мозга направляется на другие предметы.

Значит, **III отдел** нашей психики — **желание и воля** что-либо делать или не делать — локализируется в «дереве жизни» внутри нашего мозжечка. Это должен быть аккумулятор нервной энергии.

Такова резюмировка всей психологии здорового человека с выдвигаемой мною анатомической и физиологической точки зрения.

* * *

В первые века нашей эры, когда человеческая мысль еще только-что пробуждалась на прибрежьях Средиземного моря, и жизнь была менее безопасна и спокойна, простонародные массы,— как я уже сказал, — несравненно более поддавались субгестии, т.-е. слепой вере и рабскому подчинению людям более духовно и физически поднявшимся над ними, чем теперь. Это обстоятельство делало более легкой и выработку методов субгестии, в которой первоначально видели священное искусство, великую силу, специально даруемую богами удостоившимся этого людям, и только потом, в средние века, стали считать за чертовщину, может-быть, потому, что этой силой стали действительно злоупотреблять.

В те времена, когда жил тот, кого мы называем евангельским Христом, не было еще даже и представления о чертях, и способы применения субгестии или магии, которая еще не разделялась на черную и белую, изучались как священные искусства, особенно в применении к психотерапии, т.-е. лечению душевных больных.

Вот почему и такого рода легенды о Великом Целителе и Маге, как превращение воды в вино на браке в Кане Галилейской, хождение по водам, преображение и пробуждение им Лазаря или дочери Иаира от внушенного летаргического сна, или даже насыщение пяти тысяч человек несколькими рыбами, как о том повествуют евангелисты, никак не могут быть признаны за беспричинные выдумки, а должны быть рассматриваемы, как имеющие какие-то корни в действительности.

Вся разница этих рассказов с современными лишь в том, что мы описываем теперь такие явления с точки зрения реальной науки, а евангелисты, как дети своего времени и среды, могли их понимать только с мистической точки зрения, на которой стояли тогда все ученые. А потому и приписываемые ими Иисусу слова: «если скажете горе: сдвинься со своего места, и не усумнитесь в этом, то истинно говорю вам будет по вашему», могли быть приписаны ему авторами с полным убеждением в их справедливости.

Ведь и мы тоже можем сказать с полною уверенностью, что в таком случае (т.-е. при полной вере в это) непременно произошла бы соответствующая галлюцинация. Но отличал ли галлюцинативное от реального сам реальный герой евангельского романа? Мы знаем уже из предыдущего, что люди, ум которых не подготовлен современной наукой, никогда не отличают этого. Значит, мог не отличать и «Великий Царь». Мы можем здесь только отметить, что в евангельских рассказах о нем главные применения субгестии приписываются ему в наиболее гуманитарной форме: в исцелении больных, а другие, чисто демонстративные, случаи могут быть рассматриваемы и как чисто научные эксперименты.

Рассмотрим же содержание четырех Евангелий, сохранившихся с X века в несомненном церковном употреблении, как в римской, так и в византийской церкви, и потому благодаря исключительному размножению своих рукописей более гарантированных от апокрифических вставок и вариаций, примешиваемых последующими редакторами и книжниками-переписчиками к первоначальному тексту всех вообще старинных рукописей. Я только-что выразился: «с X века», потому что бóльшую древность **современной** литургии, как православной, так и католической, тоже считаю апокрифом, и не без оснований.

Самыми древними манускриптами Евангелий (и Библии) считаются Синайский манускрипт (Codex Sinaiticus), хранящийся в рукописном отделении Ленинградской Публичной Библиотеки, а затем Ватиканский манускрипт (Codex Vaticanus), Александрийский манускрипт (Codex Alexandrinus) в Британском музее и манускрипты Безы и Ефрема Сирина (Codex Beza, Codex Ephraemi Syri) в Парижской национальной библиотеке.

Все они, без исключения, были открыты не ранее XVII века, а когда написаны — совершенно неизвестно. Впервые попытавшийся определить их время немецкий богослов Тишендорф, руководясь, главным образом, тем, что они писаны прописными буквами, без знаков препинания и разделения на слова, приписал их началу

средних веков, а Синайский манускрипт, полученный им самим от синайских монахов,—даже IV веку... Но этим же самым почерком писали и в X столетии. А когда я пять лет тому назад исследовал его по качеству пергамента, то сразу же обратил внимание, что листы его совсем мягки и гибки, между тем, как даже при 500—600-летнем возрасте от химического воздействия кислорода воздуха пергамент твердеет и делается ломким. С этой точки зрения за древнейшими из известных нам манускриптов Евангелий и Библий никак нельзя допустить даже и тысячелетнего возраста. Все они позднее восьмого века нашей эры, и, вероятно, даже значительно позднее.

Это видно и по многим местам их содержания. Вот почему я далее буду руководиться, прежде всего, астрономическим методом определения их времени, а теперь рассмотрю некоторые детали древней истории, исходя из того положения, что евангельский Христос был столбован в 368 году, 21 марта.

Из семи вселенских соборов «Никейский»,[1] как относимый к 325 году, т.-е., по времени, за 43 года до столбования евангельского «Христа», мог формулировать только единобожие, или николаитство, о котором говорится в Апокалипсисе (2,6) и которое может быть тожественно с евангельским саддукейством.[2] Обе секты были христианскими только в древне-греческом смысле, этого слова, которое значит *священнические* секты, в том же смысле как и у нас есть «поповские» и «беспоповские» сектанты. На нем, вероятно, был провозглашен первый пункт символа веры, установивший чистое единобожие. Константинопольский I собор, бывший в 381 году, т.-е. всего лишь через 13 лет после столбования «Великого Царя», первый мог провозгласить второй пункт этого символа о боге-сыне. По всей вероятности, он и был то первое собрание прозелитов Иисуса, на котором, по легенде Апостольских Деяний, сошел на них «Святой Дух».

Соборы Эфесский, в 431 году, и Халкедонский, в 453 году, были ранее окончательного редактирования евангелий, так как во все

---

[1] Я ставлю «Никейский» в кавычках, так как теологическую локализацию Никеи (имя которой значит «Победный город») я также мало склонен отожествлять с турецким Исником, как и Иерусалим с палестинским Эль-Кудсом.

[2] Цадек или седек (צדק) по-еврейски значит—священник, а Мельхиседек—царь-священник.

четыре евангелия, явно одной и той же рукой, сделаны вставки с указаниями на совпадение различных их мест с выражениями библейских пророков, начинающиеся словами: «сие произошло, да сбудется реченное пророком», а затем указывается и само реченное, например, из Исаии: «вот дева приимет во чреве и родит сына, и нарекут ему имя Еммануил, что значит «с нами бог» (у Матв. 1, 22—23); или: «народ этот ослепил свои глаза и окаменил свое сердце. Он не видит глазами и не разумеет сердцем, чтоб я мог исцелить его» (у Иоанна, 12, 38—40), или: «был к злодеям причтен» (у Луки, 22, 37), или, наконец: «голос вопиющего в пустыне: приготовьте путь Властелину, прямыми сделайте ему дороги» (у Марка, 1, 3). Все эти вставки из пророка Исаии сделаны настолько однородно по своему способу во всех четырех Евангелиях, что обнаруживают их общую корректуру на каком-то всеобщем собрании христианских учителей. А так как пророчество Исаии, по содержащимся в нем астрономическим указаниям, само писано, как я показал в своей книге «Пророки», лишь в 451 году нашей эры и после него, то естественно и первые вставки из него в евангелии никак не могли быть сделаны ранее, чем на II Константинопольском соборе в 553 году, или на втором Никейском соборе в 783 году. К этому времени может быть также отнесена и канонизация последних переводов еврейских книг, не бывших известными ранее, в роде пророчества «Даниил», в котором явно описана комета Мани-Факел-Фарес, прошедшая, как показывает простой перевод этих слов, по созвездиям Змиедержца, Весов и Персея. А это было уже в 568 году нашей эры.[1] А после кометы Даниила были только III Константинопольский собор между 680—691 годами, да Никейский между 783 и 787 годами, и затем разделившиеся церкви—римская и византийская—стали включать в свои каноны новые псевдо-еврейские произведения уже отдельно. Так, римская церковь включила в свой псалтырь еврейский псалом 10-й, начинающийся словами: «Зачем, господи, стоишь далеко, скрываешься от нас во время скорби?». Византийская же церковь его не канонизировала, так как в это время, т.-е. после 783—787 годов, она уже порвала единение и с иудейством, и с католицизмом, т.-с. перестала эволюционировать вместе с ними, все

---

[1] См. мою книгу «Пророки», 1914 г.

еще находившимися в идейном общении. Благодаря этому у греков нарушилась римско-еврейская нумерация псалмов, начиная с 11-го (который у византийцев оказался только десятым), и вплоть до псалмов 146 и 147, которые евреи и латиняне соединили потом вместе в один номер, чтобы, несмотря на вставку псалма 10-го, общее число псалмов было равно 150 псалмам.

Все тут так наивно-простодушно сделано, что современному исследователю, привыкшему к естественно-научным методам мышления, сразу ясен весь психический механизм этой вставки лишнего псалма, составленного, может-быть, самим евреем-переписчиком, и того, как он соединил потом в конце два коротенькие псалма, чтобы подвести нумерацию к тому же самому числу 150, и этим сделать свою вставку узаконенной. А затем она была принята и римской церковью, вновь проредактировавшей свои книги уже после «Никейского» собора, т.-е. не ранее как в начале IX века.

Потом уже стали заимствовать, да и то лишь друг у друга, только обе христианские церкви, так как обе, например, включили в свои каноны «Три Книги Маккавеев», которых совсем не существует в средневековой еврейской литературе, ни в оригиналах, ни в переводах. Эти книги вместе с III книгой пророка Эздры и с премудростью Иисуса, Сына Наместника (Сираха), являются, таким образом, чисто христианскими апокрифами самого конца средних веков, и потому они могут служить для характеристики только идей очень позднего исторического времени, а никак не первых веков христианства.

ГЛАВА II.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ АППЕРЦЕПЦИЙ ДЛЯ РЕСТАВРАЦИИ РЕАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО «ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ» И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЫ.

Я нарочно отделил исследование евангельских апперцепций жизни и деятельности «Великого Царя» в самый конец этого отдела, так как все они, написанные по-гречески, ясно переносят сцену действия из Италии в Палестину. Вместо Мицраима уже везде стоит здесь Египет (Αἴγυπτος), а вместо Флегрейских полей Италии—Сирийское побережье. Слог евангелий делается уже настолько гладким, что после книг «Старого Завета» их можно бегло читать от начала до конца без головокружения: как-будто из тряской телеги пересел в тарантас. Этот слог и это перенесение действия в Палестину, характеризующие не ранее как VII век нашей эры, и послужили затем, по мере распространения евангельского христианства по Европе, поводом к Крестовым походам, а сами Евангелия были написаны, как я уже показывал в I книге, в промежуток VII—IX веков. От них же произошло юдофобство.

Но даже при беглом прочтении Евангелий нельзя не видеть сразу, что они все-таки представляют не монолитные произведения, а суставчатые сборники чудесных и нечудесных рассказов о жизни «Великого Царя», ходивших в публике, отчасти, может-быть, еще при нем, а большею частью уже после его исчезновения со сцены, которое, во всяком случае, казалось таинственным для всех, считавших его самим вочеловечившимся богом Громовержцем.

Все эти рассказы, как я уже не раз упоминал, распределены случайно. Выражения: «в тот день» или «после сего», соединяющие их и употребленные большею частью лишь по одному в начале каждой главки, — это только искусственно построенные мостики между ними, прибавленные к ним автором, чтобы сделать чтение по внешности связным от начала до конца. Для того, чтобы определить, к какому времени жизни Иисуса относится тот или другой из евангельских рассказов, имеющих не чисто астральное, а полулегендарное происхождение, т.-е. представляющих лишь украшенный фантазией автора действительный факт из жизни основателя христианской церкви,—надо, прежде всего, старательно освободиться от внушаемой этими переходными «мостиками» последовательности, и самому распределить их, руководясь чисто психологическим методом.

Возьмем хотя бы легенду о входе Иисуса в Иерусалим, когда множество народа, пришедшего на праздник, взяло пальмовые ветки и пошло ему навстречу, восклицая:

«— Осанна! (т.-е. Всесильный) Благословен идущий во имя господне! Царь богоборцев!»

Психологически чуткий и развитой читатель сам может видеть, без дальнейших моих объяснений, что весь этот рассказ исторически правдоподобен только в том случае, если описанное в нем происходило уже после «воскресения Иисуса из мертвых», а никак не до его столбования.

Все становится при этой перестановке времени не только правдивым, но и неизбежным.

Праздник Пасхи у евреев (ариан) продолжался целую неделю, и в это время слух о чудесном воскресении «Великого Мага», прикованного у столба Везувия, должен был уже облететь всех, собравшихся в Помпею для великого дня. Совершенно понятно, что все, а в том числе и упоминаемые евангелистом Иоанном «греки», желали его видеть после этого, и хотя он к концу праздника, т.-е. через неделю, не мог еще вполне поправиться после событий на сомме Везувия—Голгофе, но толпа не соглашалась расходиться, и его последователям ничего не оставалось делать, как посадить его, может-быть еще перевязанного, на осла и провезти в храм, при чем он, больной, подвергся еще крещенью водою, благодаря налетевшей грозе, что и осталось в воспоминании об ударе грома во время этого события, а потом и в легенде о его крещении, тоже перенесенной из конца его жизни в начало.

Таким представляется миф о «входе Христа в Иерусалим» с предлагаемой мною психо-этнологической точки зрения, по которой в эволюции всякого первобытного и кажущегося загадочным мифа лежит какой-нибудь действительный факт или в природе, дающий начало натур-символистическому сказанию, или, как здесь, исключительный случай в реальной жизни отдельного лица. Легенды другого происхождения, как, например, халдейский миф о сотворении первого человека из глины, на том основании, что слово Адам на этом языке обозначает в одно и то же время и человека, и глину, или в роде мифа о трех сыновьях Ноя (вождя, Нехао по-египетски)—Симе, Хаме и Иафете (знати, черни и джентльмене),—настолько ясно обнаруживают источники своего происхождения в простой символистике, что не вызывают у внимательного исследователя никаких недоумений.

В рассказе о входе в Иерусалим чувствуется уже, правда хотя и слегка, последующая астрализация рассказа, так как «Осленком, на которого никто из людей не садился» и на котором,—говорят нам,—въехал Иисус, называется с древних времен звездочка в созвездии Рака, около которой и под которой, достигнув своего наивысшего положения в «небесном Иерусалиме», через каждые $27^1/_3$ дней проходит по своей зодиакальной дороге Месяц, приведенный со времени его затмения при столбовании Иисуса в мистическую связь с его личностью, как это еще ранее меня показал Немоевский, хотя он и, напрасно, отвергает реальную жизнь «Великого Царя» на земле. Затем, Марк прибавляет, будто на следующий день после своего входа «Великий Царь» снова, но уже на этот раз пешком и без встреч, пришел в Иерусалим из соседнего селения и, «почувствовав голод, увидел издалека смоковницу, покрытую листьями».

«Он пошел,—говорит нам Марк,—посмотреть, не найдет ли чего на ней, но нашел только листья, ибо *(прибавляет автор, неожиданно вспомнив, что отнес этот рассказ не к сентябрю, а к марту, к месяцу пасхи)* не было еще время смокв». Но, несмотря на свою собственную ошибку во времени года, Великий учитель будто бы сказал ей:

« — Отныне и вовек да не вкушает от тебя плодов никто» (11, 12—14).

И когда он возвращался обратно в селение на следующее утро, ученики будто бы увидели, что смоковница, которую он проклял за то, что не принесла для него не во-время плодов, уже засохла до корня. А когда Петр указал ему на это, он, будто бы, ответил:

« — Истинно, истинно говорю вам, если верующий скажет горе: поднимись и бросься в море, и не усомнится в сердце своем, что это сбудется, то произойдет все, что ни скажет». *(Совсем не уместное изречение после того, как смоковница только-что не дала ему ожидаемых им фруктов.)*

Так разрасталось в миф первоначальное зерно действительного въезда недавно столбованного мага в город Святого Примирения, пуская от себя ветви то в астрологию, как главный родник мифологии, то в область гипнотических внушений, как основу тогдашней магии.

Все развитие отдельных евангельских легенд направилось здесь на творчество необычных событий и на разработку того, что, по мнению автора, *должен был* говорить герой его рассказа в «Иерусалимском» храме после такого своего торжественного

входа в него. Благодаря тому, что Иоанн (Иоанн Дамаскин, как я показывал уже в I книге) писал свое евангелие лишь через несколько столетий после смерти Великого Царя, по слухам, и переместил его «въезд» за шесть дней до Пасхи, вместо того, чтобы сказать, что он был через шесть дней **после** нее, его творчество тут приняло своеобразный характер, мало подходящий к тому, что мог бы действительно говорить Великий Царь до своего «воскресения из мертвых».

Все его речи большею частью чисто софистического рода и характеризуют только средневековую схоластику и теологию средних веков, а никак не действительную личность основателя христианской литургии. То же самое и у других евангелистов.

Так, Матвей рассказывает, например, что в это время на прямой вопрос священников и старейшин храма: какою властью он уполномочен учить в иерусалимском храме?—он будто бы ответил загадкой:

« — Отец сказал каждому из двух своих сыновей: «пойди и поработай в моем винограднике». Первый сын сказал: «не пойду», но пошел, а второй сказал: «иду», но не пошел». Который из двух исполнил волю отца?

Священники храма ответили, конечно:

« — Первый».

А Иисус им будто бы сказал:

« — Так и откупщики податей и проститутки раньше вас войдут в царство бога» (Матв., 21, 27—31).

Но ведь это не ответ, а грубая увертка. В таком же роде словесные эквилибристики приводит и Лука, дающий целый ряд спорщических упражнений, которым будто бы предавался Великий Царь после своего торжественного входа в столичный храм. И хотя церковные авторы, переписывающие эти словопрения с особенной охотой, и говорят, что враги «не могли уловить его ни в одном неосторожном слове перед народом и, удивляясь остроумию его ответов, умолкали» (Лука, 20, 26), но современному читателю становится только обидно за «Христа», когда ему в торжественный момент его жизни, вместо учения вечной правды, авторы Евангелий влагают в уста только одни увертки. Из **вечного** же в этот момент его жизни вложена ему всеми евангелистами, кроме Иоанна, только одна фраза.

Это—когда на вопрос: «какая наибольшая заповедь в законе»,—он ответил: «возлюби бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумом твоим, а вторая заповедь подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матв., 22, 35—39; Лука, 10, 25; Марк, 12, 28). Правда, что с точки зрения обычной истории и она отпадает, потому что находится в еврейской книге Левит, относимой за тысячу лет до Христа, где прямо говорится: «Люби ближнего, как самого себя» (Левит, 17, 18), да еще прибавляется то же самое и не о ближнем: «если пришлец поселится в вашей земле, то да будет он для вас, как туземец, люби его, как самого себя» (Левит, 19, 34). Но, с моей точки зрения, относящей и книгу Левит в средние века, она легко могла быть навеяна туда как раз из учения Великого Царя. Очень возможно, что только она одна из всего евангельского и имеет корень в действительности. Остальное, в том числе и его апокалиптическое пророчество о предстоящем конце мира, когда «солнце померкнет, и луна не даст света, и звезды падут с неба, и заколеблются небесные силы» и «увидят человеческого сына, идущего на облаках небесных с силою и славою великою, и пошлет он вестников своих с громогласною трубою, и соберет избранных своих от четырех ветров, от края до края небес» (Матв., 24, 29—31; Марк, 13, 24; Лука, 21, 25),—все это так явно заимствовано из Апокалипсиса (1, 7), что придавать ему историческое значение для бесед Великого Царя после его выздоровления было бы слишком наивно.

Психологически правдоподобной для восстановления последующей жизни царя богославцев является, как это ни странно, прежде всего легенда об его искушении дьяволом в пустыне.

Нет никакого сомнения, что после знамения на небе в виде лунного затмения при его столбовании и после приписанного ему извержения Везувия и землетрясения, его публичное появление на празднике Пасхи живым должно было фанатизировать толпу до такой степени, что она готова была немедленно провозгласить его императором, вместо Валента, и даже требовать от него, чтобы он тотчас же короновался. Однако, — говорят нам евангелисты, — он от нее скрылся и даже ответил римскому наместнику, если допустить, что и тут была перестановка хронологии рассказа:

« — Царство мое не от этого мира» (Иоанн, 18, 36).

Во всяком случае наша обычная история ничего не упоминает о бунте ни в Италии, ни даже в Палестине после его столбования в 368 году. Значит, «Учитель» (т.-е. Василий Великий) после того, как его приверженцы провезли его на осле в иерусалимский храм, отказавшись от политической карьеры, как несвойственной его созерцательной и вдумчивой душе, избрал карьеру полудуховную, в роде папской, и скрылся, наконец, и от врагов, и от друзей в какую-нибудь «пустыню».

С этой точки зрения и отнесенная к его времени легенда об искушении его дьяволом приобретает неожиданный смысл. Прежде всего отметим, что такого рассказа нет у Иоанна. Впервые появляется он у Марка, прибавившего его, как отдельно ходившее сказание (и, понятно, уже по собственным соображениям), к рассказу Иоанна о крещении Иисуса в Эридане (Иоанн, 1,32). Для нас же, понимающих, что вся последовательность евангельских легенд искусственная, он, как и рассказ о крещении, конечно, должен являться совершенно самостоятельным объектом исследования.

По этно-психологическим соображениям, необходимость которых при разборе всяких легенд я уже показывал, рассказ об искушении должен быть или совершенно отброшен, как чистая фантазия, или с большой долей вероятности явиться продолжением вышеописанного исчезновения Иисуса во время грозы от толпы, хотевшей провозгласить его цезарем после воскресения. Особенно это становится естественным, если допустить, что и легенда о крещении его водою и о том, что сам Иисус (т.-е. Василий Великий) будет крестить огнем и святым духом, возникла именно оттого, что при этом его торжественном входе в город Святого Примирения, когда его осла переводил через реку один из его учеников (Иоанн Златоуст), налетела действительная гроза и омыла его и всех проходивших с ним вброд через эту реку, хотя день крещения и был, по астрологическим соображениям, вычислен на 6 января, когда в полночь кульминировала самая яркая звезда нашего неба Сириус, а Водолей восходил на востоке.

Вот все, что говорит Марк о крещении, относя его еще более к началу евангелия.

«Когда он выходил из воды, увидали разверзающиеся небеса *(т.-е. молнию)* и голубя, спускающегося на него, и был глас *(гром)* с небес:

« — Это сын мой возлюбленный, на котором мое благоволение!

«Немедленно после того Вдохновение увело его в пустыню, и был он там сорок дней *(т.-е. в точности до христианского*

Рис. 76. Искушение Иисуса Дьяволом в апперцепции современного иллюстратора Евангелий. «И понес его Дьявол на высокую гору, и показал ему в одно мгновение времени все царства земные: все это отдам тебе,— сказал он,—если ты поклонишься мне» (Лука, 4, 5). Из книги J. J. Tissot: «La vie de notre seigneur Jesus Christ».

праздника пятидесятницы, считая, что вход в Иерусалим был через неделю после его столбования). И сатана *(повидимому, Петр, уговаривавший его объявить себя цезарем, за что Иисус, по другому евангелию уже, назвал его сатаною)* искушал его, а вестники божии *(созвездия)* служили ему» (Марк 1, 10—13).

Вот и все, что говорится об этом у Марка, переходящего затем к другим самостоятельным рассказам об Иисусе. Матвей же развивает этот сюжет много подробнее:

«Когда Иисус, — по его словам, — возведен был Вдохновением в пустыню, для искушения от дьявола, и, пробывши без пищи сорок дней и сорок ночей, почувствовал *(наконец-то!)* голод, приступил к нему Искуситель, сказавший ему:

« — Прикажи этим камням сделаться хлебами!»

Иисус ответил ему словами Второзакония:

« — Не одним хлебом жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст бога» (Второзаконие, 8,9).

«Искуситель показал ему все царства мира и славу их и сказал ему:

— Все это ты получишь, если поклонишься мне!

«Иисус же отвечал ему:

« — Отойди от меня, сатана! Ибо сказано: богу своему поклоняйся и ему одному служи» (Матв., 4,1—11).

А у Марка эти слова искушаемый «Христос» сказал своему же ученику Петру:

«Отойди от меня, сатана! Ибо ты думаешь не о том, что божие, а о том, что человеческое» (Марк, 8, 33).

То же самое почти дословно переписано и у Луки (4, 1—12) и затем прибавлено, что «после этого пошел Иисус в Галилею» (Галлию), пришел в «Венчальный город» и стал читать там из пророка Исаии:

« — Дух бога Громовержца на мне, и он помазал меня благовествовать неимущим, исцелять печальные сердца, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение и возвестить божье лето благоприятное» (Ис., 61, 1—2).

Однако, мы знаем уже, что Галилея, созвучная с Галлией, по-халдейски значит также и «Зодиакальный круг небес», а «Назарет» (Венчанный) обозначает и созвездие Овна; мы знаем также, что слово «Исаия» значит бог-спаситель, и по астрономическому вычислению времени ряда мест этой книги мы определили уже,

что она была написана только в конце V века нашей эры. Поэтому и цитата из нее не дает нам надежных указаний о дальнейшей судьбе «Великого Магистра оккультных наук», и мы должны искать каких-либо других первоисточников.

Некоторые из легенд о нем (какова, например, легенда о преображении) объяснялись просто снами его учеников, но это маловероятно, как я покажу далее.

Превращение снов в исторические мифы может быть только в связи с исключительными случаями, так как сны видит каждый из нас при неполном усыплении. Это не только в человеческом, но даже и в предчеловеческом уме (как мы часто замечаем, например, у собак) первые ростки той области творчества, которую мы называем игрой фантазии, создающей из случайных сочетаний отдельных частей людей и животных невозможные в природе комбинации в роде центавров, сфинксов, ундин или других чисто фантастических существ (рис. 77—80), а из случайных сочетаний разнородных по своей сущности житейских событий и поступков — сказочные приключения, или, при достаточном приведении их в аналогию с действительностью, — аллегории.

Снами наяву или полуснами вызвано все наше поэтическое, литературное, музыкальное, художественное и научное творчество, и чем ярче у кого-нибудь эти полусны, тем рельефнее и сильнее выходят его произведения. У гениальных людей их яркость граничит с действительностью и отличается от нее только несравненно меньшей деятельностью воспоминания, т.-е. быстрым затуханием сменяющих друг друга, как в калейдоскопе, образов. С анатомо-физиологической точки зрения, это — переменчивость связей у ганглиозных отростков серых клеточек коры большого мозга, микро-колышащихся там, как колосья от ветра, и приходящих в гальванические соприкосновения то с одним, то с другим из соседних отростков. Как только они закрепляются неподвижно, или когда в мозжечке, как возбуждающем аппарате, нет достаточно сильных стимулов, чтобы приводить их в микро-движение, — творческая фантазия перестает работать, и простая память сменяет творчество. Человек расскажет виденное и слышанное, но не создаст ничего. Ассоциации идей, вызываемые не комбинацией возникающих в мозгу образов из реального мира, а только комбинацией припоминающихся рассказов

о нем, могут вызвать к жизни лишь чисто схоластическое произведение.

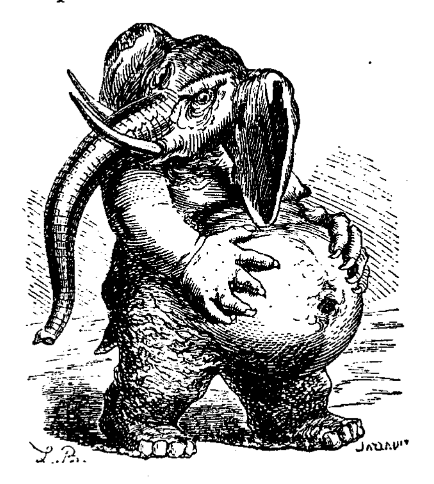

Рис. 77. Демон Бегемот по Коллэну де Планси.

Рис. 78. Демон Астарот по Коллэну де Планси.

Из всех евангелистов только Иоанн обладал творческой фантазией и творил из себя яркие, хотя и апперцепционные образы

Рис. 79. Демон Асмодей по Коллэну де Планси.

Рис. 80. Демон Адорим по Коллэну де Планси.

жизни Христа, а остальные евангелисты только записывали и скудно развивали то, что слышали кругом от других.

Вот почему легенде о преображении приходится приписать, как увидим далее, чисто метеорологическое происхождение. Значительная часть врачебных чудес Иисуса, как я уже говорил в предшествовавшей главе, может быть легко объяснена гипнотическим воздействием. Понятно, что после воскресения из мертвых у него должна была получиться необычная сила внушения на толпу, а в особенности на истерических больных, считавшихся в древности бесноватыми, а потому и приводимые в евангелиях случаи исцеления таких больных от одного прикосновения к нему могут быть совершенно историческими фактами, но и это лишь в том случае, если мы отнесем их ко времени вслед за воскресением его из мертвых. Часть их и отнесена первоисточником этого рода чудес, Марком, ко времени вслед за преображением или полным выздоровлением «Великого Магистра».

Но мы не будем здесь останавливаться на медицинских чудесах евангельского учителя, которые разберем далее. Мы отметим только легенду о его вознесении на небо, после чего о нем теряются в Евангелиях все сведения, которым можно придавать характер некоторой историчности.

О вознесении его на небо, определенном византийской церковью на сороковой день после его воскресения, ничего не говорится в Евангелии Иоанна. О всей жизни «учителя» вслед за появлением его, еще израненного, Марии Магдалине и после того, как его, конечно, неоднократно видали там и ближайшие из его последователей, в том числе и неверивший сначала Близнец (Фома), говорится только в последней главе, и это место, в виду его важности для вопроса, выздоровел ли евангельский маг после столбования или умер, я привожу почти целиком:

«После того, как видел его Близнец, — говорит Иоанн, — опять явился Иисус своим ученикам при Тибрском море. Там были Симон, называемый Камнем, и Фома, называемый Близнецом, и Нафанаил (Божий Дар, по-гречески Феодор) из Каны Галлильской, и сыновья Щедрого (Заведея), и двое других из его учеников.

«Камень говорит:

« — Иду ловить рыбу.

«А другие отвечают ему:

« — И мы с тобою.

«Они пошли и тотчас вошли в лодку, но не попалось им в ту ночь ничего. Когда уже настало утро, воскресший Иисус пришел на берег и говорит им:

« — Дети! Нет ли у вас какой-нибудь пищи?

«Они отвечали:

«— Нет.

« — Закиньте — сказал он им, — по правую сторону лодки и поймаете.

«Они закинули, и уже не могли тащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Камню:

« — Это учитель!

«Камень опоясался своей одеждой (ибо был наг) и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке (которая была локтей на двести от берега), таща сеть с рыбою. А когда они вышли на берег, то увидели уже разложенный огонь и на нем рыбу и хлеб.

« — Принесите теперь рыбы, — сказал Иисус, — которую вы поймали.

«Камень — Петр — пошел и вытащил на землю сеть, наполненную 153 большими рыбами».

И при таком множестве, — прибавляет автор, — не прорвалась сеть!

« — Придите, обедайте! — сказал им Иисус.

«Из учеников никто не смел спросить его: кто ты? зная, что это он.

«Так третий раз явился Иисус своим ученикам после воскресения из мертвых» (Иоанн, 21, 1—13).

Здесь мы видим его уже здоровым, а затем идет рассказ, как он ушел, взяв с собою только одного Петра. Это, повидимому, было последний раз, когда Иоанн Златоуст видел Василия Великого. А одноименный с ним Иоанн Дамаскин оканчивает свое Евангелие так же мистически, как и начал.

«Во время обеда Иисус спросил Петра:

« — Симон Ионин! Любишь ли ты меня?

«Тот сказал:

« — Да. Ты знаешь, как я люблю тебя.

«Иисус ответил:

« — Иди со мною.

«Петр пошел с ним, но, увидев, что и Иоанн тоже идет, спросил Иисуса:

« — А он что?»

Иисус ему ответил уклончиво:

« — Если я хочу, чтобы он оставался, пока я не приду снова, что тебе до этого? Ты иди со мною.

«И пронеслось слово между учениками, — заключает Иоанн свое евангелие, — что ученик тот не умрет» (Иоанн, 21, 23), т.-е., очевидно, возродится в личности автора евангелия Иоанна.

Что же сделалось после этого с Христом?

Марк, тоже никогда не видавший Иисуса, так как жил тоже несколькими поколениями позже, в своем простодушном стиле пишет, что после воскресения он явился сначала Марии Магдалине, которую ранее будто бы исцелил от истерических припадков («изгнал из нее семь бесов»); потом явился «в ином виде (?)» двум из учеников, когда они шли в селение, и, наконец, показался одиннадцати, сказав им:

«— Идите по всему миру и проповедуйте добрую весть всякому творению. Кто поверит и крестится, спасен будет, а кто не поверит, будет осужден. Уверовавших же будут сопровождать небесные знамения. Именем моим они будут изгонять бесов, будут говорить неизвестными языками, будут брать в руки змей, и если выпьют что ядовитое, то оно не повредит им, и если возложат руки на больных, то они исцелятся.

«И он вознесся на небо и сел там по правую сторону от своего Отца» (Марк, 16, 12—19).

Матвей, к удивлению, не переписал из Марка этого рассказа, что заставляет думать, что и к Марку он приставлен позднейшим редактором. У Матвея сказано только, что когда ученики впервые «встретили своего учителя живым, они ухватились за его ноги», но он сказал им:

«— Возвестите моим братьям, чтобы шли в Галилею (Галию). Там они увидят меня.

«Одиннадцать учеников пошли туда на гору, куда им повелел Иисус и, увидевши, поклонились ему, а иные усумнились» (Матв., 28, 10—17).

Не многим подробнее сообщается нам о вознесении и у Луки, но здесь рассказ принимает уже чисто фантастический характер. Неожиданно явившийся в запертой комнате «учитель» показывает

собравшимся ученикам свои израненные руки и ноги, но, несмотря на это, ест с ними и пьет, а затем лично выводит их из дому. Проводив их до Дома Милости, он, подняв руки,—говорит Лука, — благословил их и стал отдаляться от них и возноситься на небо. Они поклонились ему и возвратились в город с великою радостью и пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя бога» (Лука, 24, конец).

Мы видим отсюда, что объяснение исчезновения Иисуса мыслью о его вознесении на небо, к нашему удивлению, так и осталось без дальнейшей разработки даже в двух самых поздних Евангелиях. Почему такое, на первый взгляд прекрасное, семя для возникновения мифа так и не дало никакого ростка? Мне кажется, объяснить это можно только одним: приставка о вознесении была одной из самых последних. Первые же христиане, даже и после появления Апокалипсиса, все еще ждали его возвращения откуда-то с земли, а не с неба.

ГЛАВА III.

ЕВАНГЕЛИЕ ИОАННА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ.

Начнем разбор Евангелий с Евангелия Иоанна, потому что оно более других носит характер историчности. В нем нет, например, ничего о рождении Иисуса от Небесной Девы, как у Луки (1,26); нет ничего об астрологах, увидевших, по Матвею (2, 1), его звезду на небе и пришедших поклониться ему, лежащему в яслях, первоисточник которых мы тоже видим в группе звезд «Ясли» в созвездии Рака. В нем не указано даже и имен двенадцати учеников Иисуса, первоисточник которых, кроме двух—трех реальных, мы видим в двенадцати созвездиях Зодиака, хотя в конце шестой главы и говорится об этом числе и даже прибавляется, что двенадцатый ученик был «дьявол».[1]

В нем указано только (во второй главе), как Андрей (по-гречески Мужественный) привел к Иисусу из дома Подкрепленья (Вифсаиды) своего брата Симона, имя которого по-еврейски

[1] Διάβολος (диаволос) — уловитель, от διὰ *(диа)* — чрез и βόλος *(болос)* — закидыванье сетей.

значит Слышащий.[1] Иисус, — говорит автор, — назвал его Камнем, и на другой день, на пути в Галилею, нашел себе еще третьего ученика Филиппа (Наездника), а этот привел к нему еще Богоданного (Нафанаила),[2] которого увидел под смоковницей и которому Иисус сказал:

«— С этого времени вы будете видеть небо открытым и вестников бога *(созвездия)*, восходящих и нисходящих к человеческому сыну» (Иоанн, 1, 54).

Здесь указание на небо заставляет заподозреть, что все эти четыре ученика в Евангелии Иоанна символизируются четырьмя кардинальными созвездиями неба, в роде того, как в Апокалипсисе, и в таком случае мужественный Андрей будет как бы Пегас, замещающий Рыб (дом Подкрепления); Слышащий (Симон), прозванный Замковым камнем свода, будет как бы верхний Близнец; Наездник будет, конечно, Стрелец, а для Натанаэла— Божьего Дара — остается Дева или Волопас.

Других учеников нет в первых главах Иоанна, а в последних говорится еще о трех: о Близнеце (Фома значит двойник и в таком случае созвездие Рыб), о богославном (Иуде) и, наконец, об Иуде, муже-Льве (Искариоте), который потом привел воинов на место за потоком Кедроном, где был в то время Иисус, но не предал его, по Иоанну, поцелуем за деньги, как говорится у других евангелистов, а сам Иисус, будто бы, предложил пришедшим взять себя.

Считая тут и «ученика, которого любил Иисус, мы находим здесь (по числу планет) только семь явных и верных учеников, из которых два — Андрей и Филипп — носят греческие имена.

Из двенадцати апостолов, перечисленных у Марка, и у двух остальных евангелистов, списывавших с Марка, здесь недостает Варфоломея, Матвея — сборщика податей, Леввея-Фаддея, Симона Кананита и самого Иоанна с его братом Иаковом Заведеевым.

Затем рассказывается о двух тайных учениках Иисуса. Первый из них был Победитель народов (по-гречески Никодим, может-быть, Орион), по убеждениям арианин (фарисей), которому

[1] От שמע־און (ШМЭ-АУН), где ШМЕ значит слух, слава, а АУН — сила, а также и город Он, по-египетски город Солнца — Гелиополис, на восточном берегу Нила. С обычной точки зрения непонятно только, как у еврея был брат грек.

[2] נתן־אל (НТН-АЛ) — данный богом.

*

Иисус почему-то совсем ни с того, ни с сего сказал при первом взгляде:

«— Кто не родится от воды и вдохновения, тот не может войти в царство бога. А вдохновение дышит, где хочет, голос его слышишь, но не знаешь, откуда оно приходит и куда идет. Так бывает и со всяким рожденным от вдохновения».

Понятно, что «Победитель народов» ничего не смог ответить на такие неожиданные для него слова.

Второй тайный ученик был Кратер Громовержца, Лев гроба господня (Иосиф Аримафей), и упоминается только как принимавший участие в погребении Иисуса, вместе с тремя Мариями: «Марией Магдалиной, Марией Клеоповой и Марией, матерью Христа».

Кроме этих лиц, в евангелии Иоанна упоминается еще об Иоанне, окрестившем Иисуса и свидетельствовавшем о нем словами:

«— Это — сын божий...» (1, 36).

Затем говорится о Марфе, сестре Марии, и о брате их Богопомощнике (Лазаре), воскрешенном Иисусом из мертвых после того, как от него уже шел трупный запах (гл. 11, 39).

Затем называется по имени некий Милостивец (Анна), к которому воины повели сначала Иисуса и который отправил его к своему тестю, патриарху Следователю (Каиафе), а тот утром в четверг (20 марта 368 года) отправил его в исповедалище (преторию) к Копьеносцу *(Пилату)*, чтобы он предал Иисуса смерти. Но Копьеносец сначала отказался, расспрашивал присланного и отсылал много раз взад и вперед, но, затем, руководители тогдашнего арианства яко бы пугнули его тем, что если он освободит «называющего себя царем богославных», то покажет себя врагом самого императора. Тогда Копьеносец, будто бы, разрешил столбовать его в шестом часу предпасхальной пятницы (19, 14), начинавшейся тогда не с полночи, как теперь, а с вечера четверга.

Времени рождения и смерти Иисуса здесь не определено: ни о каком царе Герое (Ироде) не говорится. А первосвященник Следователь, о котором в Евангелии Марка и Луки совсем не упоминается, и Пилат, т.-е. копьеносец, к имени которого даже не прибавлено «Понтий», как это сделал Марк, — являются оба личностями настолько неопределенными, что опираться на

них для установления хронологии, помимо нашей астрономической, было бы очень легкомысленно.

Таков персонал, фигурирующий в Евангелии Иоанна.

Сущность религиозного учения Иисуса изложена в нем очень неопределенно. Евангелие это, как известно, начинается апофеозом творческому слову, которое автор считает не простым сочетанием звуков, как мы теперь, а своеобразной сущностью в роде одухотворенного газа.

Вылетая из уст человека, оно творит мимолетные образы, затем исчезает из мира, а выходя из уст бога, оно творит длительные предметы и остается вечным, как и сам бог.

«В начале было Слово и Слово было у бога и Слово было бог», — говорит Иоанн. — «Все через него было начато и без него не возникло ничего из существующего. В нем была жизнь, и жизнь была свет людям, и этот свет во тьме светит, и тьма не поглощает его». «Был человек, посланный богом, имя ему Иоанн; он пришел, чтобы свидетельствовать о свете, чтобы все уверовали чрез него. Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир через него начал быть, и мир его не узнал. Пришел к своим, и свои его не приняли, а тем, которые его приняли, дал власть быть детьми бога. Так Слово стало плотью и жило с нами, полное благодати и истины, и мы видели его славу, как единосущного со своим Отцом». Иоанн свидетельствовал о нем и говорил:

«— Это тот, о ком я сказал, что идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (гл. I, 1 — 15).

Здесь даже трудно понять, кто такой Иоанн... Многие исследователи теперь думают, что это личность чисто мифическая, списанная с созвездия Водолея, тем более, что и в остальном своем содержании Евангелие Иоанна не чуждо примеси воображаемого. Но примесь эта чрезвычайно характерна. Везде об Иисусе говорится здесь не столько как о проповеднике любви к богу и человеку, сколько как о величайшем маге, обладавшем всей глубиной познания и всем могуществом, которое оно дает. Он рисуется совершенно как в египетских мифах Гермий, трижды величайший сын богов Озириса и Изиды, открывший людям все оккультные божественные науки: алхимию, медицину, астрологию, поэзию, математику, и прилагавший их чудесные свойства к улучшению жизни окружающих людей.

Так во второй главе рассказывается о чисто алхимическом превращении Великим Магом воды в вино во время бракосочетания в «Кане Галилейской».

«Так как недоставало *(на брачном пире)* вина, то мать Иисуса сообщила ему об этом и сказала служителям:

«— Что он велит вам, то и сделайте.

«А тут было шесть глиняных кувшинов, вмещавших по две и по три меры воды для омовения рук и ног гостей. Иисус говорит слугам:

«— Почерпните и несите к распорядителям пира».

А когда распорядитель отведал воды, сделавшейся красным виноградным вином, то оно оказалось таким хорошим, что он позвал жениха и сказал ему:

«— Умные люди подают на пиру сначала лучшее вино, а потом, когда все уже напьются, худшее, а ты хорошее сберег до сих пор.

«И уверовали в него ученики его», — прибавляет наивно автор (Иоанн, 2, 1 — 12).

Ясно, что легенда эта могла возникнуть только тогда, когда стали уже известны некоторые химические взаимодействия растворов, сопровождающиеся переменой цвета и вкуса жидкостей при их слиянии. Иисус с такой точки зрения характеризуется автором Евангелия прежде всего остального как человек, знакомый с древней алхимией, хотя можно допустить и то, что первый росток этой легенды и вырос на какой-нибудь посторонней почве и только пересажен молвой в биографию евангельского Целителя, как подходящий к его действительной деятельности,

Самое название местности, где это происходило, Кана Галилейская, которое нигде больше в Библии не встречается, кроме как у евангелиста Иоанна, вероятно установлено им уже впоследствии по астрологическим соображениям, так как в переводе с еврейского оно значит вообще «Подножие Круга», а в астральном смысле «Подножие Зодиакального пояса», по которому совершаются круговые движения планет. А территориально это очень древний итальянский город Канны (Cannae) в Апулии, в Палестине же такого города не известно. Единственный город Хане, похожий на это, в Библии (Иез., 21 — 23) помещается в халдейском переводе и по толкованию Иеронима,

Ефрема и Мидраша-Рабби в Халокитиде на восточном берегу Тигра, т.-е. очень далеко от предполагаемого места деятельности Иисуса.

Возможно, что поводом к легенде о превращении воды в кровь было кровавое преображение луны в Урне Водолея, т.-е. в Августе (при солнце во Льве), имевшее место около времени

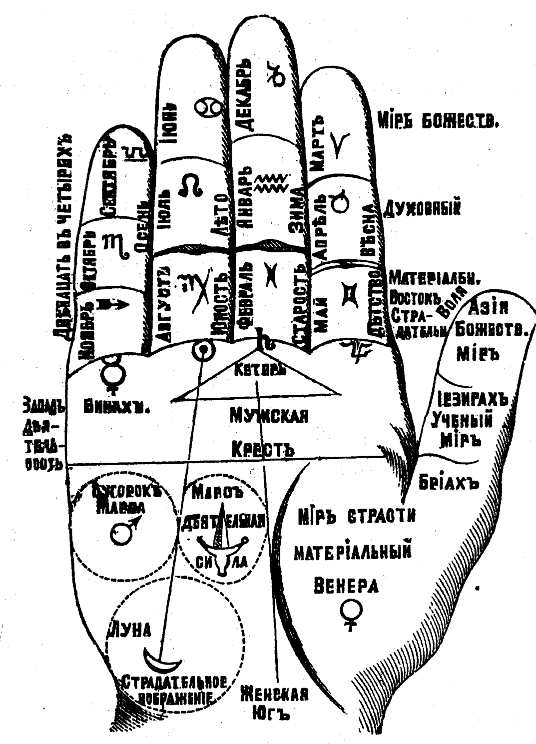

Рис. 81. Астрология в хиромантии. Со старинного рисунка.

Василия Великого. Но единственное и притом плохо подходящее лунное затмение было только в год 361 — VIII — 3, в 3 часа 44 минуты от Гринвичской полуночи с глубокой фазой (15″4) перед рассветом. А во время Иоанна Дамасского было частное в год 695 — VIII — 29, в 21 час 10 минут от Гринвичской полуночи, с фазой 10″9, полуночное для +42° земной долготы, и полное — в год 723 — VIII — 20, в 21 час 18 минут от Гринвичской полуночи (полуночное на +41° земной долготы), но очень глубокое, с фазой 19″8.

Наиболее подходит здесь затмение 695 года.

Рассмотрим теперь и следующее чудо Иисуса по Иоанну. Оно носит чисто дивинистический характер, если под словом «дивинистика» мы объединим все древние науки, учившие предсказывать будущее людей по неуловимым для обычного человека выражениям глаз, чертам лица, складкам на ладонях рук (рис. 81) и по времени рождения, а будущее человеческих коллективов — по движению облаков, птиц, зверей, планет и т. д., для чего существовал специальный класс ученых магов и прорицателей, приводивших часто себя для ясновидения в экстатическое состояние различными наркотическими средствами.

Усталый Иисус, присевший, по словам Иоанна, на пути около Самарийского (т.-е. Римского) города Сихара, у колодца Богоборца на поле Кратера Громовержца, рассказал совершенно незнакомой ему женщине ее прошлое. Она пришла к колодцу будто бы «около шестого часа» (считая от утра, значит в полдень, как выходит по самому содержанию рассказа), чтобы зачерпнуть воды. Иисус попросил у нее напиться и сказал, что вместо ее колодезной воды, «которая только временно утоляет жажду», он может дать ей «воды живой», от которой «пьющий не возжаждет вовек». Самаритянка попросила его дать ей такой воды, а он вместо ответа на ее просьбу, вдруг ни с того, ни с сего, предложил ей привести к нему ее мужа.

«— У меня нет мужа, — сказала она».

А он ответил:

«— Правду ты сказала. У тебя было уже пять мужей, а тот, которого ты теперь имеешь, не муж тебе» (4, 18).

Она побежала рассказать об этом своим знакомым, говоря всем:

«— Подите и посмотрите, не сам ли это Великий Магистр».

«И многие самаритяне (римляне), — заканчивает Иоанн это сказание, — уверовали в него по слову женщины, свидетельствовавшей, что он рассказал ей все, что она сделала, и он пробыл там два дня» (4, 39 — 40).

Здесь, как видит сам читатель, евангельский Учитель рисуется таким же угадывателем мыслей и дел окружающих его людей, как и остальные дивинисты, о которых говорят нам старые и новые сообщения различных «достоверных свидетелей». Пережитки этой древней профессии, связывавшейся с оккультными знаниями, мы встречаем и теперь в существовании профессио-

нальных хиромантов, гадателей на картах, прорицателей и чтецов чужих мыслей. И несомненно, что некоторая возможность

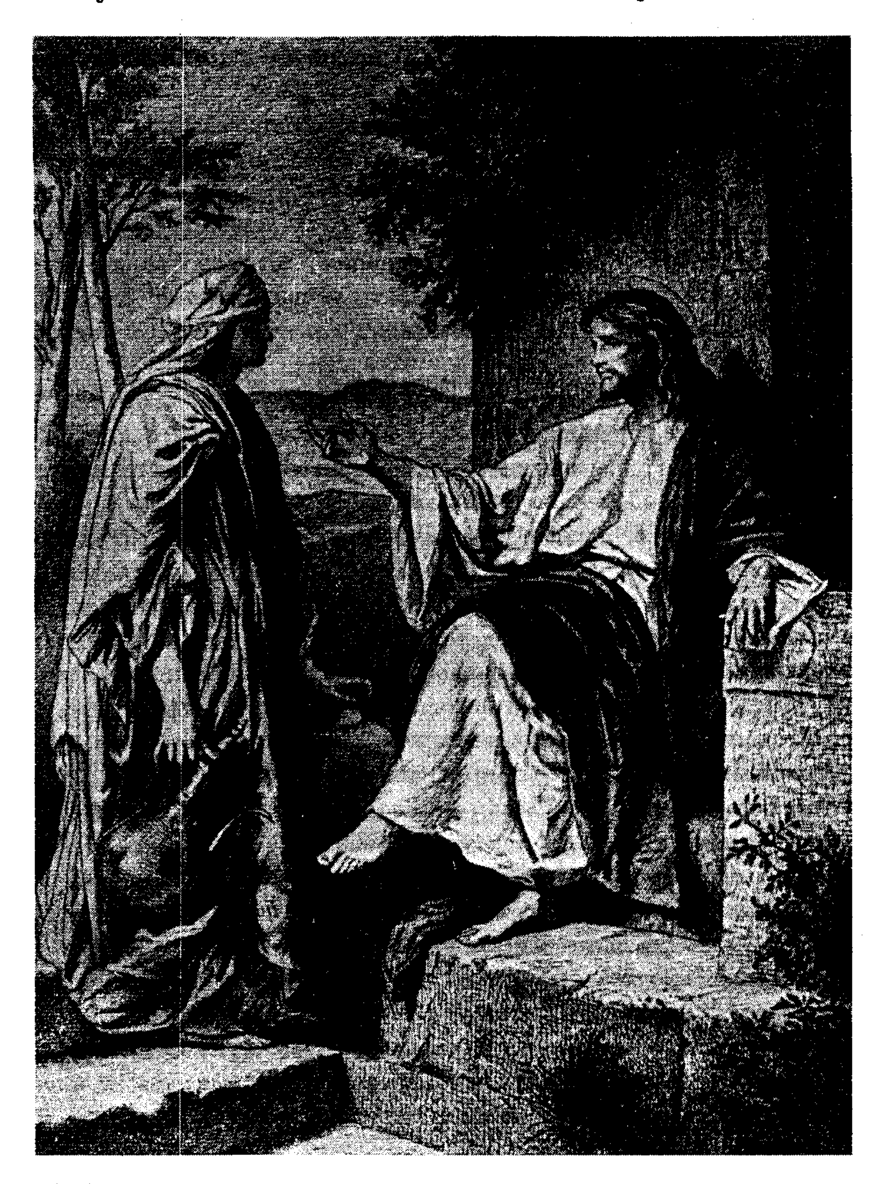

Рис. 82. Иисус и римлянка, которой он рассказывает ее интимные дела (Иоанн, 4, 7). Библейская легенда в апперцепции современного иллюстратора. Из книги Les saints évangiles, aves les dessins de M. Bida.

последней способности действительно имеется в подсознательной области человеческой души, для которой могут быть слышны и мысленно произносимые другими слова, в чем, повидимому, и заключается первопричина наших симпатий и антипатий к тем или другим людям.

Вполне возможно, что и «Великий Царь» обладал значительной долей такой отзывчивости. А в том, что после его удивительного воскресения из мертвых и внезапного исчезновения через несколько дней или недель без следа с исторической сцены о нем легко создавались подобные рассказы в продолжение всей второй половины IV века и в продолжение всего V, а может быть и VI, VII и VIII веков, в этом едва ли можно сомневаться.

Обращаясь к определению на географической карте места действия этого рассказа, мы снова не находим ничего подходящего для него в Палестине. Самое имя города Сихара нигде не упоминается более ни в Библии, ни в Евангелиях, а по значению оно может быть и торговым рынком, и пустыней, жилищем кочевников и даже чем-либо астральным. А Самария у пророков постоянно толкуется в смысле государства богоборцев, в противопоставлении государству богославцев и в переводе на русский язык значит Сторожевой Город, т.-е. итальянский Рим.

Следующее чудо из приводимых Иоанном характеризует евангельского Христа уже как врача психотерапевта, исцеляющего параличных больных внушением.

«Есть, — говорит Иоанн, — в городе Святого Примирения (Иеру-Салиме), близ ворот Овна, купальня, называемая Домом Милосердия, при которой было пять крытых проходов *(астрально: пути пяти древних планет)*, и Вестник божий *(комета?)* по временам слетал в купальню, возмущая воду, и тот кто первый входил в нее после того, выздоравливал, какою бы ни страдал болезнью.

«Тут был, — сообщает Иоанн, — человек, ждавший тридцать восемь лет. Иисус, увидав его, лежащего, говорит ему:

«— Хочешь быть здоровым?

«Больной ответил:

— «Да. Но нет человека, который опустил бы меня первого в купальню, когда возмутится вода.

«Иисус же повелительно сказал ему:

«— Встань! Возьми постель твою и ходи!

«И больной тотчас выздоровел, взял свою постель и пошел» (Иоанн, 5, 2 — 18).

Такого рода исцеления нервных больных путем повелительного внушения, что они здоровы, в настоящее время не только практикуются в монастырях, посредством чудотворных икон, но и разрабатываются экспериментально в серьезной медицинской науке, делая с каждым десятилетием значительные шаги вперед. Ими же вызвана к существованию и особая специальность — врачей психотерапевтов.

Несомненно, что такой способ лечения открыт был старинными жрецами еще до времени жизни евангельского Христа, а потому и вполне правдоподобно, что одна из его специальностей состояла именно в лечении «бесноватых», т.-е. истерических больных путем повелительного внушения, что «бесы из них уже вышли». Особое внимание обращает на такие медицинские чудеса Иисуса Марк, а с его слов и другие позднейшие евангелисты — Матвей и Лука.

Обращаясь к определению места действия этого рассказа, мы, с обычной точки зрения, опять попадаем в тупик. На арабской географической карте той области земного шара, которую современные христиане считают местом деятельности Иисуса и называют Палестиной, никакого города Иерусалима нигде нет. То, что на европейских картах носит имя Иерусалим, у местных жителей называется с незапамятных времен Эль-Кудс, а у древних римлян называлось Элия Капитолина (Aelia Capitolina). В Библии, в книге «Иисус,[1] говорится, что город, который получил имя города Святого Примирения, назывался прежде Ивюс,[2] о чем опять-таки не осталось никаких других преданий у местных жителей Эль-Кудса.

Первым упоминающим это имя историческим документом, древность которого установлена (как мы видели выше) вполне точно астрономическими вычислениями, является Апокалипсис. Но и в нем под названием Новый Иерусалим подразумевается небо в своем утреннем наряде. В таком же смысле Иерусалим

---

[1] Иисус, 18, 28. Сравните также в Кн. Судей, 19, 10; Бытие, 10, 16; Захария, 9, 7.

[2] יבום (ИВЮС) — может-быть от urbs Iovis — город Громовержца.

часто встречается и у библейских пророков. При общем сопоставлении всех имеющихся у нас о нем упоминаний приходится заключить (как я и показывал уже во второй книге), что это имя употреблялось очень часто и фигурально (что исследователю всегда необходимо иметь в виду).

Само собой понятно, что в Палестине никогда не было купальни, в которую нисходил бы по временам с неба ангел, чтобы помутить её воду, так как там нет никаких признаков гейзеров или временно бурлящих минеральных источников. Таковые могли быть только на Флегрейских полях близ Везувия. Самое место их у Ворот Овна в Доме Милосердия довольно двусмысленно, и уже одно то обстоятельство, что в астрологии созвездие Овна называлось, между прочим, Домом Милосердия, заставляет предполагать, что обстановка исцеления Иисусом расслабленного целиком взята оттуда, хотя и навеяна уже известными в то время минеральными целебными водами. Возможно также, что ангел у ворот Овна была комета.

Почти все дальнейшие чудеса, рассказываемые Иоанном, носят уже типический отпечаток древней магии, т.-е. вызова галлюцинаций путем внушения, хотя темы и особенно детали для них и взяты, может-быть, тоже не из реальной жизни евангельского мага, а пересажены в его биографию с других гряд, например, из области астрономических, психологических и биологических явлений, фантастически преломившихся в первобытных умах, которые приводили их в причудливую связь с жизнью выдающихся людей. Так, в шестой главе Иисус перед пасхой, когда солнце проходит через созвездие Двух Рыб, насыщает двумя рыбами и пятью хлебами *(планетами)* пять тысяч человек, после чего, по словам Иоанна, остатков от них набралось 12 коробов *(созвездий Зодиака)*.

Если придать этому мифу астрологическое происхождение, то можно отметить, что перед еврейской пасхой, ровно за шесть лет до столбования евангельского Христа, т.-е. в марте 362 г., в созвездии Рыб, действительно, сходились Солнце, Луна, Юпитер, Меркурий и Венера, которые вслед за пасхой и разбрелись по всем двенадцати созвездиям Зодиака. С этой точки зрения возможно вполне допустить, что поводом к рассказу о рыбах, как о равноденственном созвездии, было публичное поучение Иисусом народа по астрологии, а вместе с тем возможно сделать и заключение, что первопричиной ненависти к Великому Учителю тогдашних священников было его стремление вывести науку из области тайных знаний, доступных только посвященным (т.-е. христам) после долгого их искуса, и сделать ее достоянием всякого любознательного ума. Но об этом мы еще поговорим потом.

Кроме того, указанное Иоанном место проповеди «по ту сторону Галильского моря» астрономически означает — по ту сторону Зодиакального круга (Галиля).

Затем, необходимо принять во внимание и то важное обстоятельство, что около самого этого времени, по словом гебраистов, был опубликован кем-то «величайший секрет первосвященника» — девятнадцатилетний цикл новолуний, — благодаря чему пал престиж иерарха в городе Святого Примирения, внушавшего другим, что он один может предсказывать эти небесные явления по специальному откровению бога на каждый раз, и посылавшего гонцов с вестью о ближайшем дне этого события. Если допустить, что этот секрет и был выдан Иисусом, то нет причины искать другого объяснения вражды к нему со стороны арианского духовенства.

Затем в девятой главе Евангелия Иоанна излагается, как факт (дошедший до автора, очевидно, из десятых рук), исцеление Иисусом, в одну из суббот, «слепого от рождения».

Он сделал это чрезвычайно просто: плюнул на землю и, сделав грязь из плевка, помазал ею глаза слепого и приказал ему итти и умыться в Купели Послания (Силоам, 9, 6), после чего слепой прозрел. Первоисточником этого рассказа является, может-быть, простой восход луны или солнца в «слепом (т.-е. затменном) виде» над горизонтом. Такие восходы солнца в средиземных странах были с начала нашей эры и до наших дней только:

в год 174 — II — 19 в Сицилии, в год 695 — II — 19 около Антиохии Сирийской и в год 1095 — II — 13 на восток от Дамаска.

Значит, ничего подобного не было при жизни евангельского учителя, будем ли мы хронологировать ее по церковному — в начале нашей эры, — или, по моему методу, отожествляя «Христа» с Великим Царем из Четьи-Миней. А при Иоанне Дамасском, которого я считаю за автора евангелия Иоанна, как раз такое «слепое от рождения» солнце взошло около самой урны Водолея 19 февраля 695 года, когда символ Христа —

месяц находился как раз близ него и, можно сказать, «смазал ему глаза грязью»... Юпитер смотрел на все это из Овна, а Сатурн — с другой стороны из Козерога.

А в следующих строках говорится о том, как «фарисеи» (ариане) допрашивали прозревшего:

« — Кто открыл тебе очи?

«Они не поверили его словам, что он был слеп от рождения, и спросили его родителей:

« — Знаем, — ответили те, — что это наш сын, и что он родился слепым, но не знаем, кто исцелил его.

«Они боялись, — прибавляет автор, — приверженцев богославия *(иудеев)*, которые сговорились, чтобы тот, кто признает Иисуса Христом (т.-е. посвященным в тайны науки), был отлучен от церкви» (9, 22).

« — Не от бога, — говорили арианские фарисеи, — этот человек, потому что не хранит седьмицы *(субботы)*».

А Иисус будто бы сказал им:

« — Я пришел в этот мир, чтобы слепые видели, а видящие стали слепы» (9, 39).

Вся эта серия чудес заканчивается у Иоанна рассказом о том, как Иисус воскресил из мертвых одного своего знакомого, Богопомощника *(Лазаря)*, т.-е., если понимать буквально, пробудил его от летаргического сна, все равно сделано ли это было Иисусом действительно, или вписано в его биографию из чужой практики.

«Богопомощник, друг наш, уснул, но я пойду разбудить его, — сказал он, по словам Иоанна, своим ученикам. И все они пошли в Дом Милости, где тот жил, в пятнадцати стадиях от города Святого Примирения».

Придя туда, евангельский маг нашел, что его друг уже четвертый день лежит погребенным в склепе.

«Сестры умершего, Марфа и Мария, подвели его к его гробнице и сказали:

« — Если бы ты был с нами, не умер бы наш брат.

«Но он, приказав отвалить камень от пещеры, крикнул громким голосом:

« — Лазарь! Иди вон!

«И умерший вышел из гробницы, обвитый простынями и по рукам, и по ногам» (11, 4 — 4).

Читателю, знакомому с современной практикой гипнотизма и лечения внушением нервных больных, невольно кажется, что он читает этот рассказ не в Евангелии, написанном более тысячи

Рис. 83. Воскрешение Иисусом Лазаря. Евангельская легенда в апперцепции современного европейского художника. Из книги «La Sainte Bible». с рисунками Густава Дорэ.

лет тому назад, а в курсе современной психотерапии. Евангельский целитель и в этом рассказе ничем не отличается в своих чудесах от профессоров XIX — XX веков: Шарко, Рише, Бернгейма и других врачей-психотерапевтов. Одежда события другая, она — средневековая, но факты те же самые, какие наблюдаются и теперь. Иоанн Дамасский в VIII веке определяет эти события как чудеса, а доктор Бернгейм в XIX веке так говорит о гипнотических воздействиях с точки зрения современной науки:

«Всякое чужое приказанье, воспринимаемое мозгом, имеет стремление обратиться в действие. Если я скажу кому-нибудь: «Встаньте!», то он непременно получит импульс встать и встанет, если не подавит такого импульса собственной волей. Если я скажу: «вон бежит собака!», то у всякого в мозгу появится мимолетный образ собаки и возникнет тенденция представить ее взору, как действительно бегущую собаку. Каждое постороннее внушение имеет стремление реализироваться в нас. Значит, каждый человек поддается постороннему внушению, но это стремление мозга воплотить воспринятое им из другого мозга представление у нормальных бодрствующих людей ограничивается воздействием сознательных сил мозга, проявляющихся в рассудке, внимании и благоразумии и составляющих его контрольный аппарат.

«Они-то и действуют, как тормозы постороннего внушения.

«Все, что ослабляет контрольный аппарат мозга, облегчает реализацию внушаемого представления. Таково действие усыпления, когда контрольный аппарат мозга бездействует и потому безгранично царит фантастическое. Таково же действие всяких средств, отвлекающих мозг от впечатлений окружающего мира. Достигнув этого отвлечения, вы можете внушать человеку отчетливо и твердо данными приказаниями все, что вам угодно».

Так скажет и всякий другой современный ученый, а маг VIII или IX века и все его пациенты считали галлюцинации действительными появлениями существ из чуждого мира.

Таковы были и евангелисты. Они искренно описывали невероятные события в роде хождения Иисуса по воде, как действительные факты. Но они были только внушениями Иисуса, если его ученики действительно были их свидетелями, или оказались внесенными в его биографию из чьей-нибудь другой деятельности. Одна астрология не сделала бы из восхождения солнца в слепом виде исцеления слепца, если реальная жизнь не давала уже случаев исцеления слепых. А что практика внушения действительно существовала в средние века в среде посвященных в оккультные науки, об этом свидетельствуют не одни евангельские рассказы! Такая власть над людьми хранилась тогда как великая тайна в храмах Запада и Востока, и она передавалась только посвященным (т.-е. христианам, или назареям) после предварительного обучения их всем остальным наукам того времени и лишь после того, как обучаемый признавался того достойным и клялся хранить в тайне от всех посторонних. Это, повидимому, и была последняя и высшая степень посвящения в оккультные науки.

Был ли посвящен в такую высшую степень и Великий Царь Четьи-Миней, евангельский Иисус?

Для того, чтоб не сбиваться на ложную дорогу в разборе этого вопроса, нам необходимо твердо помнить уже сказанное мною вначале, что он никогда не был простым плотником.

Прежде всего, в Палестине, Сирии и Египте деревянных домов никогда не было, а потому не было и плотников. Там жили или в палатках (кочевники), или в домах из камней, после того, как открыли свойство прокаленного известняка быстро отвердевать после его гашения водою под влиянием воздуха и этим цементировать приложенные друг к другу камни в одно целое. Строение домов было тогда не ремесло, а высшее искусство, требовавшее знаний, а потому и евангельский Христос, и его отец не были ни плотниками, ходившими с топором, ни каменщиками, работавшими с лопаткой для извести. Они были тем, что мы теперь называем архитекторами и зодчими, а это было такое высокое звание, что родословные высших зодчих записаны и до сих пор на стенах египетских храмов наравне с родословными царей.

И он сам, и отец его Иосиф, и мать его Мария, и братья его, Иаков, Иосия, Иуда, Симон, и несколько сестер (Марк, 6,3) принадлежали к высшему образованному кругу. Он получил, — говорят нам, — образование в Миц-Риме. Евангелия везде называют его «учитель». Но и это слово в нашем переводе не дает нам правильного представления. В греческом тексте

стоит «дидаскол» (Матвей, 8, 19), а в латинском «magister» — магистр.[1]

Значит, евангельского Христа звали магистр, и это было не простое определение того, что он кого-то самовольно чему-то учил, а официальное звание, обозначавшее, что он имел право учить, т.-е. имел ученую степень. Еще более указывает на это другое — его имя Христос, что в толковом переводе, как мы видели, значит посвященный в высшую степень оккультных знаний.

Но где же он мог быть посвящен в нее, т.-е. получить звание Христа? Скорее всего в Александрии, которая была в то время центром мировой культуры и еще хранила (до 389 года) знаменитую Александрийскую библиотеку. Там, повидимому, он и провел свою молодость в усердных занятиях, прежде чем переселился в Италию, к подножию Огнедышащей горы, на которой и был столбован.

Отметим еще раз, что ни один из двух первых евангелистов, ни Иоанн, ни Марк, не обмолвились ни одним словом о том, где он родился и жил и что делал до тридцати лет. А сказание Матвея о бегстве его отца со всем семейством в Египет (смешиваемый с Миц-Римом) и о возвращении оттуда будто бы еще во время его детства, а также и сказание Луки, будто после этого родители его «ходили с ним каждый год в город Святого Примирения на праздник Пасхи, во-первых, слишком поздни для того, чтобы быть надежными, а во-вторых, доводят возраст Иисуса только до двенадцати лет (Лука, 3, 42). После этого, в продолжение по крайней мере восемнадцати лет, у них ни слова не говорится о его жизни. Только в пророчестве Осии, писаном не ранее V века, написано, очевидно, о том же Иисусе:

«Из Миц-Рима призвал я сына моего» (Ос., 11).

В начале христианской эпохи основал там свою греческую школу величайший из ученых древности — Клавдий Птолемей, в одно и то же время и географ, и астроном, и физик, и геометр, первый из показавших закономерность в видимых движениях небесных светил и давший некоторую возможность предсказания

[1] В итальянской версии maestro, во французской maître, в английской master, в немецкой Meister, все это — лишь особые произношения первоначального звания *магистр*, т.-е. доктор магии.

их будущих положений. И пусть приписываемые ему теперь сочинения и являются продуктами позднейших пополнений и даже изменений, но и того, что несомненно будет оставлено на его долю, вполне достаточно, чтобы признать его величайшим из астрономов, истинным отцом этой науки.

И если в IV веке и евангельский «учитель», — как я уже упоминал не раз, — стал публично учить, что вселенная вовсе не кружок суши и морей, покрытый стеклянным куполом, а шар, вокруг которого движутся на хрустальных прозрачных колесах планеты, а над ними ежесуточно вращается и последняя стеклянная сфера звезд, то впечатление, произведенное этим на сторонников прежней легенды о сотворении мира в шесть дней, должно было быть совершенно таким же, как и впечатление открытия Коперника о движении земли на средневековых теологов. Оно являлось разрушением седьмицы творения, вредным учением, которое надо было во что бы то ни стало уничтожить, и не в этом ли обстоятельстве заключалась одна из причин обострения религиозных распрей среди монотеистов в IV веке? Не в этом ли, — повторю я снова, — заключалась истинная причина к осуждению «Великого Царя», нарушавшего седьмицу творения, как впоследствии и система Коперника послужила причиной осуждения Галилея, Джордано Бруно и других последователей Коперника? И самое обвинение, будто «Великий Учитель» нарушал покой седьмого дня (субботы), не есть ли простая аллегория того, что он отвергал только-что приведенное учение о шестидневном творении и об успокоении бога от всякой деятельности в седьмой день?

Правда, его ученик Иоанн в Апокалипсисе держится, повидимому, еще библейских взглядов на устройство мироздания, если его слова «о четырех углах земли» не относятся только к континентам.

Я не считаю, конечно, этих своих замечаний за что-нибудь большее, чем простые вопросы, но они невольно возникают, когда начинаешь думать о действительных причинах осуждения «Великого Учителя», так как выставляемая его обвинителями причина, будто он самовольно называл себя царем богославных, только один предлог, явно измышленный его врагами.

Из всего первоначального развития легенды о нем несомненно, что он был осужден не за попытку отнять у римско-

*

византийских императоров их земное царство, а за стремление овладеть царством небесным.

« — Царство мое не от этого мира, — ответил он, по Иоанну, на вопрос Копьеносца (Пилата), к которому его привели священники для утверждения их смертного приговора. — Если бы мое царство было от этого мира, то служители мои защищали бы меня, но царство мое не здесь.

« — Значит, — сказал ему Пилат, — ты все же царь?

« — Ты верно говоришь, что я называюсь царь, — ответил ему Великий Царь (по-гречески Василий Великий), — но я пришел в мир лишь для того, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто любит истину, слушает мой голос.

« — Что такое истина? — сказал Копьеносец, и, выйдя, ответил священникам:

« — Я не нахожу в нем никакой вины. У вас есть обычай чтобы я отпускал на пасху одного из ваших осужденных: хотите, отпущу вам царя богославных?

«Но все закричали:

« — Не его, а Сына Стыда (Варавву).

«А тот был разбойник» (Иоанн, 18, 33 — 40).

«Воины, — продолжает Иоанн, — сторожившие Великого Царя, сплели венок из терновника и надели ему на голову. Они одели его в красную накидку и били по щекам, говоря:

« — Здравствуй, царь богославных!

«Пилат снова вышел и сказал им:

« — Вот человек!

« — Столбуй его! Столбуй! — закричали священники и их служители.

« — Столбуйте сами, — ответил тот, — а я не нахожу в нем вины.

« — По нашему закону он должен умереть, — ответили они (Иоанн, 19, 2 — 7). — Если ты отпустишь его, ты не друг императору; всякий, называющий себя царем (Василием по-гречески), — противник императора.

«Тогда Копьеносец отдал его им на столбование. Они взяли его и повели» (19, 16).

Не походит ли все это поразительно на то, как католические священники осуждали потом на костры тех, кто проповедывал учение Коперника? А ведь учение о шаровидности земли

было не меньшим ударом по тому устройству мира, которое лежало в основе первичного космогонического учения.

В дальнейшем изложении я еще не раз возвращусь к возможным причинам осуждения Великого Царя, а также и к деталям его учения, и к вопросу о том, что с ним было после воскресения из мертвых, а теперь возвращусь снова к Евангелию Иоанна.

Воскрешением Богопомощника (Лазаря) кончается в нем тот отдел, который характеризует более всего средневековые взгляды на могущество науки и тех, кто посвящен в ее тайны. Во всей этой первой части чувствуется лишь вера автора в то, что ему говорили другие о нежно-любимом учителе, исчезнувшем после своего торжества от своих учеников с обещанием вернуться к ним потом, но все еще не возвращающемся. А в следующих главах (особенно с XVIII главы) характер изложения совершенно меняется у Иоанна. Все чудесное, написанное по слухам, кончается, и после нескольких глав, где Иоанн пытается вложить в уста Иисуса свои собственные представления о его учении, начинается рассказ, действительно правдоподобный и почти совсем лишенный мифического оттенка. Он носит все признаки копирования записи, сохранившейся от очевидца или от человека, слышавшего из первых рук. Таков, например, рассказ об аресте Учителя.

« — Иисус, — говорит автор, — вышел со своими учениками за Черную реку (Кедрон), где был сад... Знал это место и богославец (Иуда), его предатель, потому что Иисус часто собирался там со своими учениками. Взяв отряд служителей от первосвященников и фарисеев (ариан), он пришел туда с фонарями и светильниками и с оружием».

Учитель вышел и сказал им:

« — Кого вы ищете?

« — Иисуса Посвященного.

« — Это я, — сказал он».

И вот, они все отступили от него и пали на землю. А Симон, у которого был меч, ударил первосвященнического раба и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Царь (Малх по-еврейски).

« — Вложи меч в ножны, — сказал Иисус Петру. Неужели не пить мне чаши, которую дал мне отец?

«Воины и служители связали Иисуса и отвели сначала к Милостивцу, тестю Следователя, бывшего в тот год первосвященником» (18, 1—13).

Несмотря на полную искренность этого рассказа, в нем все же есть штрихи чисто тенденциозного, придуманного впоследствии, как, например, о падении воинов ниц перед Учителем, или о его словах Петру.

Все дальнейшее в Евангелии Иоанна, т.-е. как «любимый ученик» издали следил вместе с Петром, куда ведут Великого Царя, как он проник во двор дома первосвященника, хорошего знакомого своих родителей, где он и сам бывал; как он ввел туда потом и Петра, которого заподозрела прислуга и который три раза отрекся от своей причастности к делу, а затем и о том, как столбовали Иисуса, дышит такой искренностью, что не может быть совершенно придуманным.

Нет, конечно, ни малейшего сомнения, что первая половина Евангелия Иоанна, т.-е. большинство приводимых Иоанном чудес, является только правдивою передачею легенд, развившихся уже после чудесного воскресения евангельского Христа. Но если даже их ростки и целиком пересажены, как я уже раз выразился, в его биографию с посторонних гряд, то вырастить на ней такое роскошное дерево, как миф о Иисусе-Назарее, отдавшем себя в жертву за грехи мира, они могли только в том случае, если и действительная жизнь его давала для них подходящую почву, т.-е. если это был действительно Великий Учитель с глубокими познаниями, с великой любовью к истине и справедливости, к людям и ко всему в мире. При всей моей склонности объяснять христианские, да и вообще религиозные мифы звездными или сейсмическими явлениями в природе, я не могу, однако, повсюду найти достаточно ясных следов исключительно звездных влияний в рассказах Евангелия Иоанна.

«За Иисусом,—говорит он в 18 главе,—следовали после его ареста Симон Камень и другой ученик, который был знаком с первосвященником, и потому свободно вошел во двор его дома, а Петр остался за дверьми. Но потом второй ученик вышел и ввел его» (18, 16).

«Раба-привратница спросила Петра:

«— И ты не из учеников ли этого человека?

«Но он сказал:

«— Нет.

«Служителя развели на дворе огонь, потому что ночью было холодно, и они грелись. Петр тоже встал с ними и грелся.

«Зять первосвященника Милостивец спросил Иисуса об его учении, а он отвечал ему *(уклончиво)*:

«— Я говорил явно всему миру, я учил всегда в собрании и храме и тайно не говорил ничего. Спроси слышавших меня.

«Один из служителей, ударивши его по щеке, сказал:

«— Так-то ты говоришь с первосвященником?

«Иисус же ответил ему:

«— Если я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, то зачем ты бьешь меня?

«Милостивец,—рассказывает далее автор,—послал Иисуса связанного к первосвященнику Каиафе, и тут снова окружающие сказали Петру:

«— И ты не из учеников ли его?

«Он снова отрекся и сказал:

«— Нет.

«Один из рабов первосвященника, родственник тому, которому Петр отсек ухо, заметил:

«— Не видел ли я тебя с ним в саду?

«Петр отрекся в третий раз и после этого тотчас запел петух» (18, 17—29).

В этом простом рассказе все признаки впечатлений очевидца, в памяти которого вся эта сцена произвела неизгладимые следы. Пусть Евангелие Иоанна писано лишь через несколько веков, но это должна быть вошедшая в него первичная запись. Здесь чувствуется не тенденциозное самовнушение, как хотя бы в предыдущей 17 главе, где автор передает (яко бы) дословно последнее собеседование Иисуса с его учениками на чисто мифической тайной «вечери», влагая в его уста не только то, что он действительно мог говорить, но и то, что по глубокому убеждению автора он **должен был говорить,** а следовательно и говорил. Подобные самовнушения нередки в пылких душах в очень юные годы и особенно наглядно проявляются у детей, часто руководящихся правилом: «если я хочу, чтобы так было, то это так и есть». А потом человек так привыкает

к произведениям своего собственного воображения, что не отличает их уже от действительности и рассказывает о никогда не происходивших событиях бессознательно, сам веря своим словам по какой-то инерции мысли и совсем не следя критически за своим языком, со всеми признаками полного внутреннего убеждения в своей правдивости. В этом смысле евангелие Иоанна является сборником не только исторических, но и психологических документов, начиная со второй половины IV века.

Читая только-что приведенный простой рассказ о том, как палестинские законники арестовали Иисуса и привели его ночью к своему первосвященнику, чувствуешь каждый шаг юноши Иоанна. Вышедший, очевидно, из привилегированной семьи и относившийся к Иисусу с полудетским благоговением, как к хранителю великих оккультных знаний и к источнику таинственного могущества, которое они дают, он попал каким-то образом к нему в лес за Черной рекой с романтическим стремлением к необычному, и теперь, возбужденный этой сценой, но слишком юный, чтоб принимать в ней активное участие, он запоминает каждое слово, каждый жест, каждую мельчайшую деталь, происходящую перед его глазами, и все запечатлевает в своем уме на всю жизнь. Потом он записывает все, и запись попадает от Иоанна Златоуста к другому Иоанну, Иоанну Дамасскому, которого душа, как камертон, настроенный с ним в унисон, целиком воспринимает эту запись и пополняет ее другими однородными записями и рассказами.

Это место так психологически верно, что даже современный средний романист не сумел бы его подделать.

А далее, в 19 главе Евангелия Иоанна опять чувствуется не очевидец, а только передатчик рассказов очевидцев. Видно даже, что автор там фантазирует, говоря, будто сам присутствовал при столбовании Иисуса. По всей вероятности, после того, как Иисуса увели в преторию, Иоанн Златоуст не мог уже туда проникнуть и проспал у Петра всю эту трагическую ночь, не предполагая, что Иисуса казнят до пасхи. И это тем более правдоподобно, что и самого Петра не было при столбовании.

А через несколько строк далее, вы опять чувствуете рассказ очевидца.

Очень верно психологически то место в 20 главе Евангелия, где описывается, как автор бежал с Симоном-Петром в воскресенье утром к пустой пещере, где был погребен Великий Учитель.

«В первый день недели, — говорит он, — Мария-Магдалина приходит к гробнице рано, когда было еще темно *(т.-е. в шестом часу утра, по нашему современному счету)*, и видит, что камень отвален. Бежит к Симону-Петру и к другому ученику, которого любил Иисус *(т.-е. к самому автору отрывка, повидимому жившему в то время у Петра)*, и говорит им:

« — Унесли Учителя из гробницы и не знаю, где положили его.

«Петр и другой ученик тотчас побежали к пещере вместе, но другой ученик бежал скорее Петра и пришел первый. Наклонившись, он увидел лежащие пелены, но не вошел в пещеру *(очевидно, из страха)*. Вслед за ним приходит Петр, входит в пещеру и видит одни лежащие пелены и платок, которым была обвита голова Иисуса, лежащий не с пеленами, но особо свитый *(как и был на голове Учителя)* на другом месте. Тогда вошел и другой ученик, пришедший прежде к пещере, увидел и уверовал, ибо они оба еще не знали из писания, что ему надлежало воскреснуть из мертвых. И оба ученика возвратились к себе, а Мария осталась у пещеры и плакала» (гл. 20, 1—11).

Здесь, повидимому, кончается все, чему «любимый ученик» действительно был свидетелем в этот день, так как остальной его рассказ о двух ангелах, явившихся Марии Магдалине у пещеры, о чудесном появлении перед ней тут же Иисуса, о том, как он вечером в этот же день беседовал с учениками, собравшимися в запертом доме, где его положили больного, и как через неделю он убедил в своем воскресении и не верившего в это событие Близнеца (Фому), написано явно по рассказам других, потому что тут действительность перемешана с фантазией, являющейся в этом случае, однако, таким же историческим фактом, как и сама действительность, если мы хотим знать не один скелет, а также и душу событий, приведших к возникновению средневекового христианства.

В последний раз любимый ученик видел евангельского Учителя после его «воскресения», — как я уже говорил выше, пови-

димому, лишь через несколько недель, когда вместе с Петром поехал утром на ловлю рыбы в Тибрском море и, услышав голос Учителя, попросившего у них чего-нибудь поесть, первый узнал его и сказал Петру:

« — Это Учитель».

Но здесь воображение юноши было так уже экзальтировано, что каждое обычное действие или слово его Учителя казалось ему чудесным.

Общее впечатление при чтении Евангелия Иоанна остается такое, как будто автор его мистически отожествлял себя с непосредственным учеником своего Христа. И это вполне возможно для средневекового писателя, допускавшего переселение душ. Материалами же для составления повествования служили для него отчасти отрывочные записи очевидцев, сохранившиеся в копиях, и отчасти собственные догадки по астрологическим соображениям, или такие же догадки его предшественников и современников, считавших, что все земные события детерминируются небесными явлениями, по которым знающий человек может восстановить и будущую, и прошлую жизнь человечества и отдельных исторических деятелей, не нуждаясь для этого ни в каких записях или документах.

ГЛАВА IV.

ХРИСТОС, КАК ВРАЧ И УЧЕНЫЙ ПО ЕВАНГЕЛИЮ МАРКА.

Насколько исторично Евангелие Марка?

Я уже показывал в первой книге «Христос», что оно не могло появиться ранее VII века нашей эры, так как цитирует библейских пророков, написанных в V и VI веках, и я уже отметил, что вероятным автором его был Марк Афинский, живший между 626 — 725 годами нашей эры. Я дал там и абрис биографии этого «святого» и потому перехожу здесь прямо к характеристике его Евангелия.

Оно написано, несомненно, раньше, чем Евангелия Луки и Матвея, так как большая часть его содержания буквально переписана у них, а дополнения их к нему, особенно у Матвея,

являются позднейшими сказаниями, по одной уже их явной невероятности. Поэтому Евангелие Марка необходимо взять в основу для исследования первичных евангельских апперцепций из жизни основателя христианской церкви.

В отличие от Евангелия Иоанна, характеризующегося вдохновенной по тому времени поэзией и высоко обработанным слогом, евангелие Марка дышит наивной простотой. Три — четыре из его рассказов, как, например, о насыщении пяти тысяч человек двумя, очевидно, небесными рыбами и пятью хлебами (планетами) (6,38), имеются почти буквально в Евангелии Иоанна, а некоторые другие написаны у Марка более простым языком. «Иерусалим» у него тоже не Помпея, а палестинский городок Эль-Кудс, и Эридан не река По, а Шериат-Эль-Кебире в Палестине.

Возьмем хотя бы самое начало Евангелия Марка. «По написанному пророком Малахией (3,1): «Я посылаю ангела своего приготовить путь твой перед тобою», и по написанному пророком Исаией (40,3): «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте дорогу властелину, прямыми сделайте тропы его», — явился, — говорит он, — грек,[1] крестя в пустыне и проповедуя купанье покаяния для отпущения грехов. К нему выходили вся кочевническая (палестинская) страна и жители Эль-Кудса и крестились от него в реке Шериат-Эль-Кебире (лже-Иордане), исповедуя свои грехи. А грек носил одежду из верблюжьего волоса и кожаный пояс на своих бедрах, ел саранчу и дикий мед и проповедывал:

« — Идет за мною сильнейший меня, у которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви. Я крестил вас водою, а он будет вас крестить святым духом.

«И пришел в те дни Спаситель из Царского города[2] и крестился от грека в реке Шериат-Эль-Кебире. И когда он выходил из воды, все увидели разверзающиеся небеса и духа, как голубя, сходящего на него, и был голос с небес:

« — Это мой возлюбленный сын, на котором мое благоволение.

---

[1] Иоанн (יון = ИУН) по-еврейски значит — грек, ионнец, а также и голубь, потому что Иоанна (יונה = ИУНЕ) значит — голубица.

[2] Назарет от נזר (НЗР) — августейший сан, помазанник, священник, царь.

«И немедленно после того дух увлек Спасителя в пустыню, и он был там сорок дней искушаем сатаною, жил со зверями, и вестники неба служили ему» (Марк, 1, 4—15).

Но я уже показал, что легенда о крещении «Спасителя» есть та же самая легенда, которая приводится в «Житиях Святых» о крещении Великого Царя (Василия Великого по-гречески), и что, кроме того, она здесь помещена неправильно в начале его деятельности. В действительности же она скорее всего относится к последнему периоду жизни «Великого Царя», когда при переходе им вброд речки во время торжественного вступления не в Эль-Кудс, а в Помпею, после «воскресения из мертвых», на осле, которого вел его ученик Иониец (Иоанн), в сопровождении нескольких тысяч восторженно провожавшего народа, налетела гроза и окрестила их всех водою с неба, а пролетевший испуганный голубь[1] и сильный удар грома или даже огонь Везувия дали повод к возникновению легенды о том, что «Великий Царь» будет крестить огнем. И только уже впоследствии креститель Иониец, он же, вероятно, Иоанн Златоуст, ввел крещение в христианский ритуал в воспоминание о том, как он сам невольно окрестил своего учителя.

Пока я отмечу здесь лишь одно.

Вся эта безыскусственная, анахронизированная и дезлоцированная евангельская передача, повидимому, действительного факта (как и все дальнейшее содержание брошюрки Марка) наглядно показывает, что автором этого Евангелия был человек, уже не знавший лично Иисуса и не участвовавший в каких-либо событиях его жизни. Но он искренно и, с субъективной точки зрения правдиво передал все, что слышал от своих предков и современников, даже не из третьих, а из десятых рук, с различными фантастическими дополнениями и с большими аберрациями мысли и памяти.

Только с этой точки зрения, т.-е. с точки зрения наличности слухов, ходивших в седьмом веке во всей Греции, Египте, Македонии, Малой Азии, а также и в Западной Европе, о мессии, будто бы столбованном сторонниками Аронова закона и воскресшем на третий день, нам и важно изучать это Евангелие и при

[1] Еще раз отмечу, что имя Иоанн значит не только иониец-грек, но и — голубь, так как Иоанна (ИУНЕ) значит — голубица.

том не в качестве исторического документа, а только в качестве первичного еще очень наивного и маленького сентиментального романа. Оно на три четверти наполнено рассказами о сотворенных Великим Царем чудесах, из которых три или четыре приводит и Иоанн, осветив их по-своему.

Не трудно видеть, что к первоначальному стволу прирастали здесь впоследствии новые ветки, как и в только-что приведенном рассказе об Ионийце — крестителе, который в Евангелии Иоанна не сопровождается еще гласом с небес. Приросло здесь к первичному рассказу и то, что Креститель будто бы питался саранчей и ходил почти голым, в роде сирийского дервиша-монаха или нашего юродивого, тогда как это характеризует уже позднейшую стадию христианства. Точно также к рассказу о насыщении пяти тысяч человек двумя хлебами и пятью рыбами (гл. 6) прибавлен у Марка и другой рассказ о таком же насыщении еще «четырех тысяч человек семью хлебами *(планетами)* и несколькими рыбками» (гл. 8,5).

Сразу видно, что последнее сообщение есть лишь простое ответвление первого мифа, отдельно дошедшего до Марка из других уст. Оно служит лишь наглядным примером свойства мифов размножаться путем деления, подобно низшим животным, в роде гидр, медуз и всех микроорганизмов вообще.

Особой характеристикой Евангелия Марка является обилие рассказов об исцелении Иисусом «одержимых бесами», т.-е. по нашему современному представлению истериков, истеричек и вообще припадочных больных, и об излечении одержимых «нечистыми духами», т.-е. страдающих кишечно-желудочными болезнями. Так, в Селе Утешения (Капер-Науме),[1] — по словам Марка, — он запретил в собрании кричать «одержимому нечистым духом» *(т.-е. желудочному больному)*,[1] и дух с воплем вышел из его живота, а окружающие в ужасе воскликнули:

«— Что это за новая наука, что и духами вонючими повелевает, и они повинуются ей!

«И разошлась о нем молва по всей окрестности (1,23—28), — оканчивает Марк, — и приносили к нему всех больных. Он исцелил страдавших различными болезнями, изгнал из многих

[1] Τὸ πνεῦμα, τὸ ἀκάθαρτον — гадкий воздух, т.-е. материально представляемый вонючий дух.

бесов и не позволял бесам говорить, что они знают о том, что он Христос» (1,34).

В другом месте этого же Евангелия рассказывается, как один человек около охотничьего шатра[1] привел к нему своего сына, с детства одержимого «немым духом», т.-е. падучей болезнью, схватывавшим его время от времени и повергавшим на землю, при чем он испускал пену изо рта, скрежетал зубами и цепенел. Он упал на землю и при виде «Целителя» валялся перед ним.

« — Как давно сделалось это с ним?» — спросил Целитель его отца.

« — С детства, — ответил тот.

« — Дух немой и глухой! — сказал тогда Иисус. — Я повелеваю тебе: выйди из него и впредь в него не входи!»

И вот, немой дух вскрикнул и, сильно сотрясши юношу, вышел из него, а юноша сделался как мертвый, и многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял, и он встал.

Ученики Великого Царя, которых он тоже научил лечить бесноватых, т.-е. истериков *(внушением)*, спросили его наедине:

« — Почему же мы до тебя не могли излечить его?

« — Эта порода духов, — сказал он им, — не может выйти из человека иначе, как от молитвы и поста» (т.-е. от диэты) (2,17 — 29).

Однакоже и сам евангельский учитель, — по словам того же Марка (6,2 — 5), — не мог исцелить никого на своей родине, где все окружающие его знали. Когда он проповедывал там на собраниях по субботам, они скептически замечали:

« — Откуда у него может быть мудрость? Не бывший ли это зодчий, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симеона? Не здесь ли между нами его сестры?

« — Не бывает почета пророку только на родине его, а больше всего у своих родных и под своей кровлею, — ответил им на это Иисус.

«И не мог он там, — прибавляет Марк, — совершить никакого чуда» (6,5).

Все эти рассказы о медицинских подвигах Иисуса-Василия, — опять повторяю, — не могут считаться исторически неправдоподобными, так как способы лечения нервных болезней внушением практиковались, вероятно, и ранее четвертого века. Только описанию их придан здесь своеобразный средневековой колорит, рисующий не один лишь голый факт, но и отношение к нему самого рассказывающего. Великий магистр, т.-е. Христос, в Евангелии Марка вырисовывается перед нами, как и у Иоанна, прежде всего врачом, прославившимся несколькими удачными исцелениями истериков, в соответствии с чем является и его имя *Иисус*, которое значит *спаситель*, целитель.

[1] בית־עידה (БИТ — ИРЕ) — шатер охоты, ловитель.

Рис. 84. Воскрешение дочери Светоносца (Иаира) в апперцепции церковного художника XIX века.

Другие рассказы того же Марка, если они, — опять скажу, — не пересажены в биографию Великого Царя с чужой гряды, также невольно наводят на мысль, что он действительно был хорошим психотерапевтом.

Возьмем хотя бы рассказ Марка о воскрешении им из мертвых, т.-е. из летаргического сна, двенадцатилетней дочери Просветителя,[1] начальника общественного собрания, в присутствии своих учеников Петра, Иакова и Иоанна, хотя именно Евангелие, при-

[1] יאיר (ИАИР) — от אור (АУР) — свет.

писываемое Иоанну, и не упоминает об этом, а взамен того говорит о воскрешении Лазаря, уже три дня лежавшего в гробнице.

«Он пришел в дом начальника общественного собрания,— говорит Марк, — и увидел там плачущих и громко вопиящих о его умершей дочери.

« — Почему вы плачете?—сказал он им.—Девочка не умерла, а спит».

Он взял ее за руку и сказал:

« — Девица, тебе говорю, встань!

«И она тотчас же встала и пошла» (5,38 — 43).

И это, как видит читатель, описано совершенно так, как и теперь описываются пробуждения загипнотизированных больных современными психиатрами, при чем объектами опытов обыкновенно и бывают девушки.

А в другом месте Марк рассказывает, как Иисус исцелил расслабленного, т.-е. параличного, в Селе Утешенья,[1] повелительно сказав ему:

« — Встань, возьми постель твою и иди домой» (2,3 — 4).

Но ведь не без успеха делается это и теперь...

Затем, евангельский магистр — по Марку—поднимает за руку с постели и тещу своего ученика Петра, повидимому, лежавшую в припадке истерии, принятой окружавшими за горячку, «и она поднялась и стала им спокойно служить» (1,30).

Вполне возможно поверить рассказу Марка и о том, как «женщина, страдавшая неумеренными кровотечениями в продолжение двенадцати лет, исцелилась от своей болезни, прикоснувшись к его одежде в толпе».

«Иисус, — говорит Марк, — почувствовав, что вышла из него *сила*, повернулся к толпе и спросил:

« — Кто прикоснулся к моей одежде?»

Женщина пала перед ним на колени и сказала ему всю правду. А он ответил ей:

« — Дочь моя! Тебя спасла твоя вера. Иди спокойно и будь здорова» (5,25 — 34).

Читатель сам видит, что прибавка о вышедшей «силе» взята здесь из средневековой практики внушения, а самый факт выздоровления от простого прикосновения к евангельскому «магистру», конечно,

[1] Капер - Науме (כפר־נחום = КПР-НХУМ) — Село утешенья.

был возможен только во время полного блеска его славы, т.-е. после его «воскресения из мертвых».

Если мы будем руководиться не случайным размещением в Евангелии Марка таких различных слухов, ходивших о Великом Царе в следующих поколениях, а дадим им место по их психологической возможности, то, несомненно, должны поместить и этот рассказ в самом конце Евангелия, внеся его в легенду о его торжественном входе в город Святого Примирения, при котором это могло и действительно произойти.

Но как бы мы ни посмотрели на волшебные рассказы о «Христе», приводимые простодушным Марком, — увидим ли мы в них простые произведения чистой древней фантазии, разыгравшейся в конце IV века нашей эры и продолжавшейся весь V, VI и VII века под впечатлением чудесного «воскресения Столбованного Учителя из мертвых», или увидим в них более или менее точную передачу реальных фактов из его жизни и галлюцинаций его учеников, а то и целой толпы, имевших место после его столбования, — это нам все равно. «Сын бога Громовержца» в Евангелии Марка, как и в Евангелии Иоанна, является не столько провозвестником каких-либо новых научных или религиозных идей, сколько знаменитым в своей стране врачом, без всякой политической или религиозной окраски. Даже и самое учение о том, что он «сын бога», явно возникло уже после его «воскресения», а он сам, — говорят нам, — называл себя, большею частью, только «человеческим сыном», а если и «божиим, то в том же смысле, как называл и тех, кто хранит откровение отца богов.

Так в чем же, — повторяю еще раз, — была причина ненависти к нему первосвященника Исследователя[1] и всего арианского (фарисейского), фактически ничем не отличавшегося от него, духовенства того времени? Неужели только в том, что он лучше их исцелял больных и срывал в субботу придорожные колосья по пути? Но это слишком уже наивно придуманное объяснение. Или этой ненависти совсем не было, или его возненавидели за предсказания скорой гибели Помпеи от извержения Везувия, или, — повторю еще раз, — она могла возникнуть из-за того, что он не хранил от посторонних людей тайн тогдашних оккультных наук, открывавшихся лишь избранным в храмах при посвящении их в самую

[1] Даю этот перевод греческого начертания Каиафа по Крудену.

высшую из ученых степеней, что, повидимому, сопровождалось обрядом помазания, вследствие чего Иисус и назывался христом, т.-е. помазанником, и это слово обозначало совсем не мессию, т.-е. грядущего бога, а исключительно *магистра наук*.

Припомнив, что религия была в то время лишь общей философией тогдашних наук, что звание священника совершенно сливалось со званием ученого и что наука хранилась в глубокой тайне от всех непосвященных, мы можем себе представить, в какой ужас должна была привести тогдашних, замкнутых в своем кругу, оккультистов одна мысль о том, что он начал открывать тайны их магии, алхимии, медицины и астрологии под открытым небом всякому желающему, даже детям, которые, по словам всех евангелистов (Марк, 10,14; Матв., 18,10), особенно охотно ходили его слушать, а вместе с тем, может-быть, стал разоблачать и их шарлатанства, совершаемые с целью увеличения своих доходов, путем развития суеверия в населении.

Только с этой точки зрения и станет психологически понятным осуждение его первосвященником «Исследователем» и его коллегами на казнь у столба Везувия под предлогом предотвращения таким способом вулканического извержения.

Но есть ли, — спросят меня, — в евангельских рассказах какие-нибудь намеки на его полемику с тогдашними учителями — священниками? Есть, и даже не один. Вот, например, два намека сразу.

«Множество народа, — сообщает нам Марк, — слушали его с услаждением... И говорил он в своем учении: остерегайтесь разъяснителей закона Избавителя (Моисея), любящих ходить в длинных одеждах, чтоб принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди всех и возлежать первыми на пиршествах» (Лука, 12, 38 — 40). «Вы *(священники)* не имеете в себе любви к богу», — вкладывает в его уста Иоанн. — «Не думайте, что я вас буду обвинять перед небесным отцом: обвинит вас Избавитель (Моисей), на которого вы уповаете» (Иоанн, 5, 15).

В том же роде мы находим и другие места в Евангелиях, а относительно его публичных поучений, в роде «нагорной проповеди», мне нечего распространяться: они общеизвестны.

ГЛАВА V.

НЕМНОГО ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ УЧЕНОГО СПАСИТЕЛЯ ВЛАСТИ (СОКРАТА-СХОЛАСТИКА).

Существовали ли апостолы Петр и Павел?

Если три последние главы евангелий описывают действительные события, то и личность апостола Петра, о которой авторы так много говорят, должна быть лишь теологической апперцепцией какой-то реальной личности, а не чисто легендарной фигурой, вычерченной впоследствии, как несколько других учеников, в роде Близнеца (Фомы), или Сына Водолея (Варфоломея), вставленных сюда по аналогии с двенадцатью знаками Зодиака. И если основатель христианского богослужения Великий Царь (по-гречески Василий) был евангельский Христос, то и Петра мы можем найти в истории христианства этого же самого времени, т.-е. в царствование Валента и позже, но он должен быть уже значительно старше Иоанна Златоуста (347 — 407 г.г.), давшего повод к возникновению легенд о Иоанне Богослове. И действительно, такого деятеля мы и находим в главном или даже единственном связном первоисточнике истории христианской церкви IV века — в средневековой «Церковной Истории», приписываемой «ученому спасителю власти» (по-гречески Сократу-Схоластику), и (с некоторыми другими подробностями) в книге Деяний Апостольских.

Вот что говорится у него.

Когда император Валент (умерший в 378 году, т.-е. через десять лет после вычисленного нами в первой книге «Христа» времени столбования Иисуса) жил в Антиохии Сирийской (Сокр., IV, 21), тогда в «наблюдатели Александрийской общины христиан *(признавшей единосущность Иисуса и бога)* был выбран красноречивейший и благочестивейший муж Петр». «Ариане» (тожественные, как я уже говорил, с евангельскими фарисеями) сообщили о том царю Валенту в Антиохию. По приказанию Валента Петр был, будто бы, закован и посажен в темницу, его сторонники разогнаны, и «наблюдателем» был назначен арианин (фарисей) Люций, который тотчас же начал преследовать примыкающих к Петру отшельников и гностиков, «проводивших жизнь в молитвах, исцелявших недуги и изгонявших бесов» (т.-е. лечивших внушением

*

по примеру Василия Великого). «Они, — говорит Сократ-Схоластик, — подвергаемы были посмеяниям и побоям, обнажаемы, ввергаемы в узы, побиваемы камнями, погибали от меча, скитались среди пустынь в овечьих и козьих шкурах, терпели недостатки, бедствия и «озлобления» (Кн. IV, гл. 24).

В Деяниях же Апостолов говорится об этом времени, т.-е. о ближайших годах после столбования Иисуса-Василия, так:

«В те дни произошло великое гонение на церковь в городе Святого Примирения, и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам. Стефана *(побитого камнями)* погребли люди благоговейные и плакали над ним. Саул (Павел) терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал их в темницы. А рассеявшиеся ходили и благовествовали. Так Филипп пришел в один Самарийский (римский) город и проповедывал Христа. При этом нечистые духи выскакивали с великим воплем из животов многих одержимых ими, и многие расслабленные и хромые выздоровели» (8, 17).

А затем, в XV главе Деяний Апостолов говорится о гонении при царе Герое (Ироде), в котором нельзя не узнать Сократова императора Валента.

«Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви и убил мечом Иакова, брата Иоанна. Вслед затем он взял и Петра в дни опресноков и посадил в темницу, намереваясь после пасхи вывести его народу. Но, вот, вестник божий предстал Петру, и свет осиял темницу. Вестник толкнул Петра в бок и сказал:

« — Опояшься и обуйся, надень одежду и следуй за мною.

«Петр вышел и последовал за ним.

«Они прошли одну улицу и другую, и железные ворота города сами отворялись перед ними... И вдруг вестника не стало.

«Осмотревшись, Петр пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Усопшим (Марком), где многие собрались на молитву (12, 1 — 12). А царь Герой, не найдя Петра, предал суду сторожей и повелел казнить их. Потом царь отправился из Страны богославных в Цезарию (т.-е. Столицу) и там остался» (12,19).

Здесь действие только перенесено из Мид-Рима в Нагорную область (Сирию). К этому времени произошло уже обращение Саула (Павла) в христианство под влиянием какого-то потрясшего его случая в природе.

Теперь обратимся вновь к Спасителю Власти, так как Деяния Апостолов не упоминают более о Петре.

«Убежав из темницы, — говорит он, — Петр (т.-е. уже Петр IV века нашей эры!) пришел в Рим, где его принял тамошний первосвященник Дамас, и оттуда он писал послания «всем церквам», обличая в несправедливости Люция». Когда же греческий философ Фемистий уговорил Валента прекратить гонение на признающих единосущность Иисуса (Великого Царя) с богом, и Валент уехал жить в Константинополь, то Петр с охранною грамотою от римского первосвященника Дамаса возвратился после изгнания Люция в город Александра и, «пронаблюдавши» там несколько лет, умер, оставив преемником своего брата Тимофея (Кн. IV, 3 — 7).

А по церковным мифам апостол Петр был казнен в Риме.

Все это по Спасителю Власти было лет через 8 — 10 после вычисленного нами времени столбования «Христа», незадолго до смерти Валента, гонителя сторонников единосущия богочеловека с богом — его отцом.

Интересно, что около этого же периода мы находим и соединяемого церковью с апостолом Петром апостола Павла в лице новацианского «наблюдателя» Павла, современника Иоанна Хризостома.

Новациане, начало которых Спаситель Власти относит без всяких доказательств к III веку, были, — говорят нам, — адепты малоазиатской религиозной секты во Фригии и Пафлагонии, сорганизовавшейся только в царствование Валента на соборе в Пазе у источников Сангары. Они постановили праздновать пасху в субботу, как у мессианцев, а не в следующий за нею день, и запретили допускать к своим религиозным таинствам приносящих жертвы идолам или совершивших после крещения какой-либо смертный грех. Однако, эти постановления не соблюдались строго, и некоторые их «наблюдатели», чтоб выйти из затруднения относительно времени пасхи, праздновали ее два дня под ряд, т.-е. «в субботу и в воскресенье» (IV, 23).

Но кто же такие были эти «наблюдатели»? По всей видимости это были астрологи-наблюдатели, определявшие по звездам времена празднеств и новолуния. Их греческое имя — *епископы* — того же корня как и *телескопы* и *микроскопы*, т.-е. обозначает *рассматривание*, а потом, когда астрология отделилась

от христианской церкви, они превратились из наблюдателей неба в надсмотрщиков за своими собратьями.

Павел был, — говорит Сократ, — очень образованным человеком и преподавал сначала римскую словесность, но потом, около вычисленного нами времени столбования Великого Царя (т.-е. около 368 года), сделался проповедником единосущности его и бога, в полном согласии с рассказом Луки в Деяниях Апостолов о том, как Павел, встретив живым столбованного Иисуса по дороге в Дар-Мешк, сделался сразу горячим его сторонником. В царствование Феодосия I, т.-е. между 378 и 395 г.г., он был избран «наблюдателем» в Пелларгоне, и всеми считалось за большое чудо, что во время пожара в этом городе, 17 августа, когда огонь истребил значительную часть города, он не коснулся храма, в котором молился Павел. Новациане долго праздновали этот день и приписывали Павлу многие другие чудеса.

«Он был так популярен благодаря своей доброте и глубокой вере в Иисуса, что, когда умер, в начале V века, назначив своим преемником Маркиана, все секты сопровождали его тело», — прибавляет Спаситель Власти (Сократ по-гречески).

Мне нет возможности далее останавливаться над сопоставлением евангельских деятелей с различными лицами, о которых упоминает церковная история IV и V веков.[1] В этой краткой заметке я хотел лишь показать, что перенесение жизни евангельского Христа из первого века нашей эры (в котором, как доказал Древс и другие сторонники его метода исследования, никогда его и не было) в IV век не только не противоречит действительно историческим данным этого века, но прямо указывает нам и существовавших тогда лиц, давших начало легендам об апостолах Иисуса.

Религиозно-философское учение о грядущем счастливом веке, когда на земле будет царствовать сам творец мира и прекратит на ней всякое горе и болезни, возникшее, вероятно, только в IV веке, эволюционировало с каждым годом, сообразно с изменяющимися условиями человеческой жизни и психики. Свой средневековой апокалиптический характер оно приняло лишь на преддверии V века, и это вполне соответствовало не только

[1] Их сопоставление сделано мною в специальной главе первой книги «Христа».

условиям тогдашней гражданской и умственной жизни, но и явлениям самой природы.

Так, за пять лет до вычисленного нами столбования евангельского Учителя, т.-е. около 363 года, «сильное землетрясение, — говорит Спаситель Власти, — в одну ночь ниспровергло камни древних оснований храма в городе Святого Примирения (т.-е. в Помпее или Геркулануме) и разбросало их все, вместе с близстоящими зданиями. От этого события жители города и его окрестностей пришли в ужас, и молва о нем собрала туда многих пилигримов издалека» (кн. III, гл. 9).

Император Юлиан (361 — 363 г.г.), — говорит Сократ, — выдал деньги на возобновление храма, но пожар от огня, упавшего с неба (т.-е. от лавы Везувия), «пожрал молоты, долота, пилы, топоры, скобели и все, что было у работников для постройки. И в следующую же ночь, добавляет он, на одеждах богославных отпечатались световые изображения креста» (кн. III, гл. 20). Читатель сам видит, что это уже походит на старинные описания извержений вулканов...

Затем, в первое консульство Валента, т.-е. как раз около указанного мною времени столбования Великого Царя, произошло в Малой Азии и по соседним с нею областям Средиземного моря «землетрясение, разрушившее много городов, и море изменило свои берега, ибо в некоторых местах так разлилось, что, где прежде ходили, там стали плавать, а от других мест море так отступило, что дно сделалось сушей» (Сократ, кн. III, 3).

А во второе консульство Валента, т.-е. через некоторое время после столбования и «через 10 лет после разрушения «Никомидии», новое землетрясение разрушило Никею и Вифанию *(местности, которые еще надо локализировать),* а вскоре затем была ниспровергнута большая часть Гермы в Дарданеллах (IV, 33). Потом был сильный неурожай и голод во Фригии» (IV, 16). Что же нам еще нужно для согласования евангельских и исторических «обстоятельств образа действия»?

* * *

Так возникло евангельское сказание о том, что в момент столбования Христа было землетрясение. «Завеса храма, — рассказывают Марк и Лука, — разодралась на-двое сверху донизу» (Марк, 16, 38; Лука, 24, 45). А самый последний из четырех

евангелистов, Матвей, говорит уже об этом и с неправдоподобными прибавлениями:

«Завеса в храме,— повторяет он,— разорвалась на-двое, сверху донизу, и земля потряслась, и камни расселись, и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли и, вышедши из гробов, по воскресении Иисуса, вошли во святой город и явились многим. Сотник же и те, которые стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились и говорили:

«— Во-истину он был сын божий» (Марк, 28, 51 — 54).

Точно также и прибавка Луки о солнечном затмении, которое не могло быть в полнолуние при столбовании Иисуса, была составлена, конечно, по записям о солнечном затмении 15 апреля 367 года, когда оно взошло в Риме в виде узкого серпа (8″8), как раз в воскресенье через две недели после пасхи, бывшей 1 апреля.[1]

Не менее интересно отметить и некоторые другие небесные явления, происходившие около времени Великого Царя (в IV веке), например, появление нескольких новых ярких звезд, комет, солнечных затмений и дождей падающих звезд. Но для связности изложения мне будет удобнее сделать все это в следующих главах, где я тоже, как и прежде, буду стараться говорить не своими словами, а собственными выражениями первоисточников, не замалчивая неправдоподобностей, чтобы, по возможности, сохранить тогдашний характер рассказа. Так, по моему мнению, надо поступать и при всяком вообще изложении древней или средневековой истории, чтобы мы невольно не навязывали деятелям давно минувших поколений своей собственной психики и понимали, что имеем дело не с фотографиями былых событий, а только с апперцепциями авторов. Без постоянных цитат из первоисточников и без иллюстраций рассказа отрывками из древних памятников письменности, живописи, костюмики и архитектуры, даже и беспристрастная историческая книга представляет то же, что курс описательной астрономии, геометрии, физики, ботаники, зоологии и т. д. без пояснительных чертежей и рисунков. Чтение таких книг становится почти праздным делом, в смысле изучения предмета. Оно бывает только возбудителем собственной фантазии читателя и во всяком случае дает нам худшие апперцепции, чем чтение хорошего исторического романа, где все же видишь живых людей, а не манекенов.

[1] Не оттого ли 1 апреля и считается обманным днем, что в одно из этих воскресений всеми ожидаемый Христос не пришел на землю? Первоапрельские пасхи, начиная с 209 года, были: в 210, 283, 294, 305, 367, 378, 389, 400, 462, 473, 484 гг.

Скорее всего первоапрельский обман возник в 378 году (после смерти Василия Великого, т.-е. евангельского Христа).

ГЛАВА VI.

БИОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИЯ.

В одной из своих давнишних (но еще не напечатанных) статеек я пытался доказать присутствие микроорганизмов в атмосферах всех светил, в которых образуются облака и дожди, мотивируя это тем, что частички туманов и капельки дождей могут образоваться в свободной атмосфере лишь тогда, когда там присутствуют взвешенные микроскопические или ультрамикроскопические скопления физической энергии, заряженные электричеством, противоположным тому, каким ионизированы молекулы водяного пара. Притягивая их по общим законам электрического взаимодействия, эти взвешенные тельца и образуют сначала частички облака, а затем и капельки дождя, тем более крупные, чем более заряд самого тельца и чем дольше он остается в атмосфере.

Другим путем нельзя теоретически объяснить ни облаков, ни туманов, ни дождей, ни снежных кристалликов, а особенно крупных градин во время грозы.

Подтверждением такого моего шлиссельбургского вывода явилось теперь и искусственное образование дождей посредством разбрасывания с аэропланов в высоте электрически заряженной пыли.

Однако, обычная пыль слишком крупна, тяжеловесна и незначительна, чтоб ею можно было объяснить происхождение огромных облачных покровов на большинстве небесных светил, закрывающих в сумме почти полгода по очереди и всю обитаемую земную поверхность. Приходится допустить, что это саморазмножающаяся органическая пыль, т.-е. микробы, обратно улетающие вверх, как только частичка облака, спустившись, благодаря

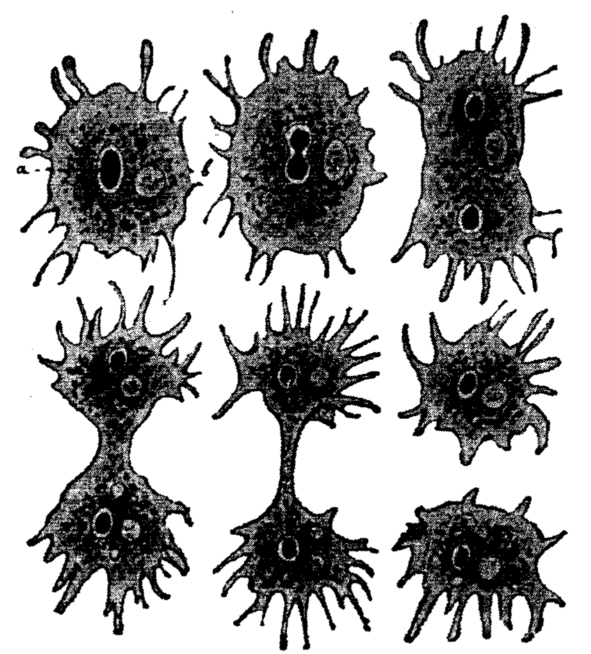

Рис. 85. Деление амебы с распадением на два индивидуума (под микроскопом).

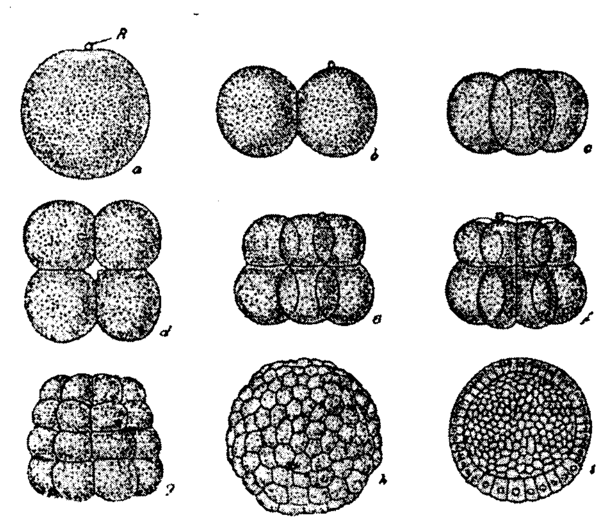

Рис. 86. Внешний вид дробления оплодотворенной яйцевой клетки без распадения на одноклеточные организмы (под микроскопом).

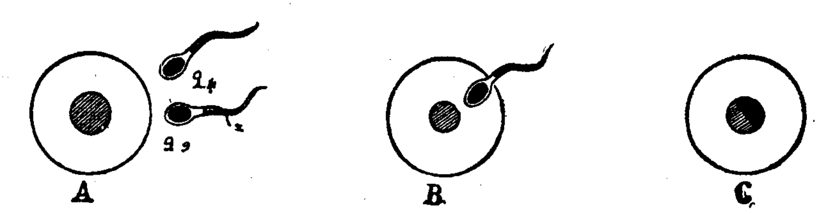

Рис. 87. Схема оплодотворения (двуполое размножение). Один из мужских живчиков проникает в женское яичко (с булавочную головку) и сливается с ее ядрышком, после чего оно начинает делиться (рис. 88).

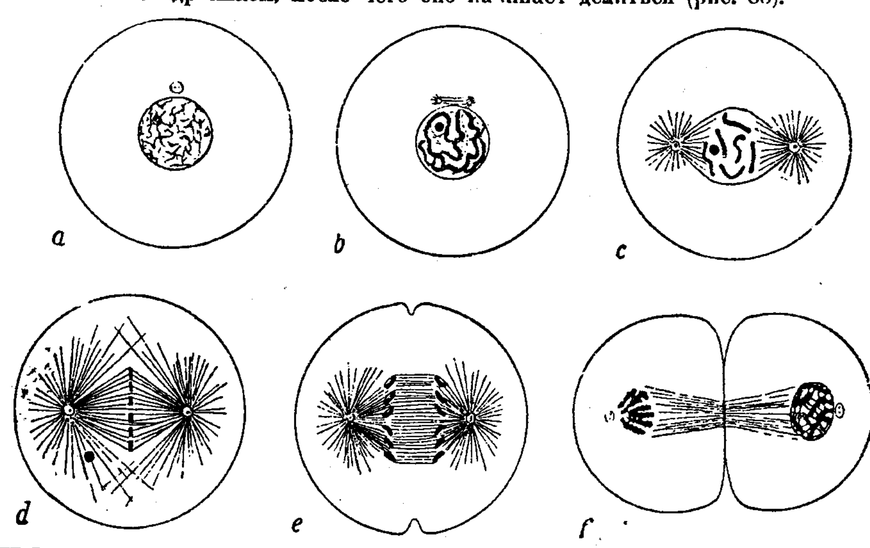

Рис. 88. В ядрышке готовящейся к делению биологической клеточки накопляется настолько сильный заряд взаимно отталкивающейся энергии, что разделяет его на два, которые замыкаются в двух производных клеточках (начинающих затем делиться и далее, как показано на рис. 86).

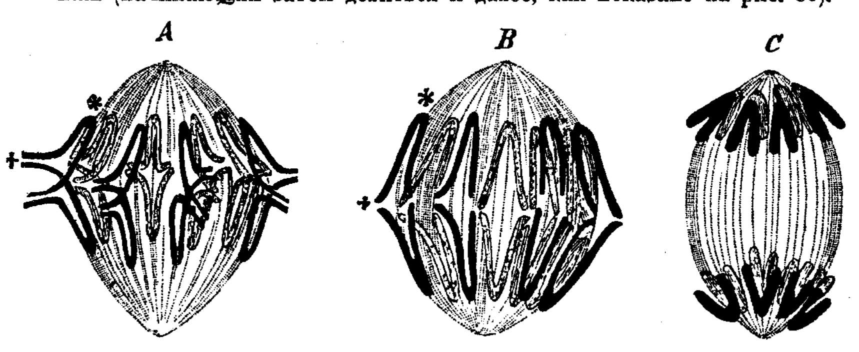

Рис. 89. Боковой вид распадения ядра у делящихся клеточек животных и растений. Расхождение половинок расщепленных хромосом (т.-е. палочковидных носительниц наследственности) к образовавшимся полюсам раздвояющегося ядра клеточки.

своей тяжести, в более теплые слои атмосферы, растворится в ней и освободит свой микроб. Поднявшись вверх, благодаря тому же своему электрическому потенциалу, он опять покрывается влажностью и падает от тяжести, повторяя этот процесс неопределенное число раз, пока не попадет в настолько насыщенные влагой области атмосферы, что накопит по пути более или менее значительную каплю, которая долетает до самой земной поверхности. Но и на ней лишь влага, благодаря своей капиллярности, глубоко просочится в землю, а ее микроб останется в самом верхнем слое, где, размножившись, опять улетит вверх.

В нижних слоях атмосферы таких микробов настолько много, что они на холоду немедленно образуют маленькое мимолетное облачко при каждом выдыхании нашими легкими вместе с воздухом и водяного газа, тотчас же оседающего на них.

Их особенно сильное размножение осенью в умеренных поясах, благодаря увяданию растительности и разложению ее отпавших тканей, обусловливает ненастность этих времен года, а в экваториальных странах — псевдо-зимы.

Их размножение во время сенокоса, вместе со значительным количеством поднимающегося вверх водяного газа от сохнущих трав, вызывает почти обязательно каждый год «сенные дожди и грозы» в середине и в конце сенокоса.

Таким образом и на всех остальных светилах, на которых мы замечаем атмосферические осадки и в особенности висящие облака, они не могут происходить без участия электрически-активных и саморазвивающихся организмов, хотя химический состав их может быть и совершенно иной, чем наш современный азотисто-углеводный, благодаря чему они могут прекрасно себя чувствовать и в атмосфере солнца или звезд.

Самое размножение микроорганизмов должно с этой точки зрения объясняться накоплением в них, путем ионизаций или радиоактивности их компонентов, достаточно сложного заряда, элементарные частицы которого, отталкиваясь друг от друга, распадаются на два меньшие заряда и, давши клеточке два центра притяжения, разделяют ее на две новые клеточки, отрывающиеся друг от друга у микробов, но остающиеся в спайке при образовании и росте тканей сложных организмов (рис. 85 — 89).

Так возникает живая сложная ткань, которая, постепенно дифференцируясь под влиянием сил наследственности, создает

Палеонтологическое дерево позвоночных

Рис. 90. Ветвь биологического родословного дерева земных организмов, наиболее эволюционировавшая по отношению к нервной деятельности.

тела животных и растений, главнейшие отделы которых, т.-е. наиболее усовершенствовавшиеся по отношению к сознательной деятельности, и представлены здесь для наглядности в их биологическом родословном дереве (рис. 90).

Их развитие из первичных клеточных организмов происходит по общим законам биологической эволюции, сведенным Ламарком к усилению всякого органа у сложного живого существа путем его упражнения и к атрофии этого органа путем бездействия и передачи благоприобретенных свойств по наследству. Но, к сожалению, отсутствие математической формулировки сущности наследственности у Ламарка не позволило ей укорениться сразу. Почти все экспериментаторы говорили, что передача индивидуальных усовершенствований тех или иных органов у родителей, вследствие их упражнения, или передача их повреждений при несчастных случаях не подтверждается наблюдением: от сильных в каком-либо отношении родителей часто родятся слабые в этом отношении дети, от коротконогих — длинноногие и т. д. Но это легко устраняется математической формулировкой вопроса.

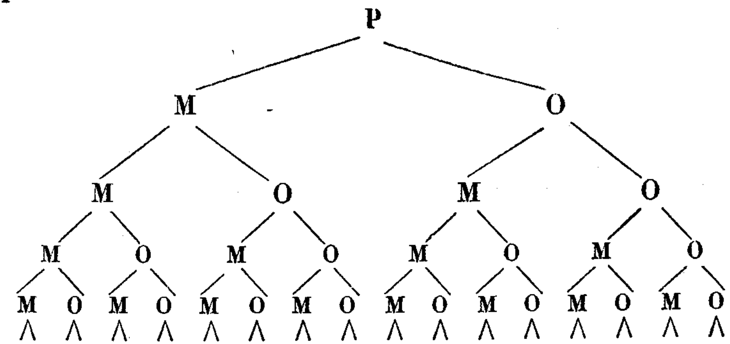

Рис. 91. Схема наследственности: у каждого ребенка (P) есть мать (M) и отец (O); у матери и отца — тоже, и т. д. С каждым поколением число предков увеличивается вдвое, если не было родственных браков.

Ведь у каждого из нас двое родителей, четверо дедов, восемь прадедов, шестнадцать прапрадедов, а за несколько тысячелетий нашими прапрадедами является уже все тогдашнее население страны, а нередко и нескольких народов. Говоря наглядно, наша наследственность, как дерево, пускает свои корни во всю глубину прошлых веков и черпает свои соки из многих истори-

ческих слоев. Пусть эти корни становятся тем тоньше, чем они глубже, но эта измельчалость пополняется их возрастающей многочисленностью, и явления атавизма, при которых уродливый ребенок получает иногда какой-либо признак, характеризующий даже обезьяну, показывают, что они заходят в глубь веков чрезвычайно глубоко.

Значит, наши индивидуальные особенности получаются по наследству не от одних наших родителей, а от безграничного числа наших предков, возрастающего как 2^n с каждым предшествовавшим поколением. Если б влияние каждого нашего предка было равноценно, то мы все носили бы черты самых древних наших прародителей, как самых многочисленных, и не было бы никакой эволюции в живой природе. А если влияние наследственности каждого отдельного предка убывает тоже в геометрической прогрессии к его отдаленности, т.-е. как $(1/2)^n$, то тут может быть только одно решение: **суммарное влияние каждого поколения**, т.-е. всех дедов, всех прадедов, всех прапрадедов и т. д., **было бы равноценно, если б не было в них родственных скрещений**, и чем дальше поколения шли бы вглубь, тем более они передавали бы собою уже не индивидуальные, а расовые черты. Но отсутствия отдаленно родственных скрещений не может быть в такой глубине времен, когда уже все население страны было нашими предками. Благодаря этому, и влияние наследственности очень отдаленных поколений должно постепенно приближаться к нулю (отсюда же ясно, что для того, чтоб число людей не уменьшалось с каждым поколением, необходимо, чтоб каждая женщина рождала в среднем трех детей: одного взамен себя, другого взамен мужа и третьего взамен умирающих до брачного возраста (рис. 92).

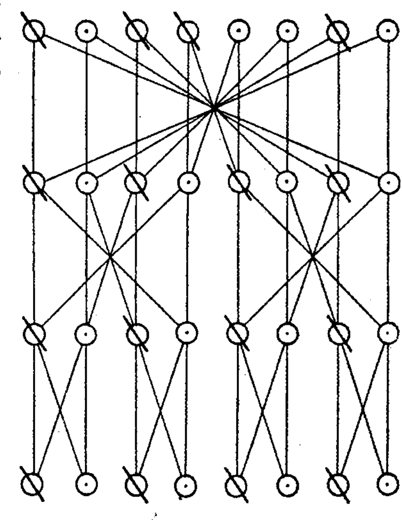

СХЕМА ПОЛОВОГО РАЗМНОЖЕНИЯ ⊙ - ЖЕНЩИНЫ, ⊘ - МУЖЧИНЫ.

Рис. 92.

Но что же выйдет при таких условиях с точки зрения теории Ламарка о наследственной передаче индивидуальных усовершенствований органов от упражнений и их атрофии от бездействия?

Только следующее.

Очень мало шансов, чтоб ребенку передались усовершенствования какого-либо органа от упражнения его родителей, но все шансы за то, что ему передастся среднее суммарное усовершенствование этого органа, сделанное в данной среде, например, за триста лет. Действительно, считая средний родильный возраст отцов и матерей за 30 лет, мы получим для трехсот лет десять поколений, что дает для нас по таблице XXXIII уже 2046 предков, т.-е. столько же наследственных влияний (если не было скрещений). А если возьмем 750 лет, то увидим, что за это время у нас могло быть свыше 133 миллионов предков, более, чем все население тогдашней Европы.

ТАБЛИЦА XXXIII.

Число наших предков.

За	1 поколение		2
»	2 поколения	. . . . 4 + 2 =	6
»	3 »	. . . . . . 8 + 4 + 2 =	14
»	4 »	. . . 16 + 8 + 4 + 2 =	30
»	5 »	. . 32 + 16 + 8 + 4 + 2 =	62
»	6 »		126
»	7 »		254
»	8 »		510
»	9 »		1022
»	10 »		2046
»	11 »		4094
»	12 »		8190
»	13 »		16282
»	14 »		32556
»	15 »		65134
»	16 »		130270
»	17 »		260542
»	18 »		521086
»	19 »		1042174
»	20 »		2084350
»	21 »		4168702
»	22 »		8337406
»	23 »		16674814
»	24 »		33349630
»	25 »		66699262
»	26 »		133398526

Но к чему же это приводит? Как раз к одному из трех законов Дарвина: к приспособлению организма человека к условиям окружающей его среды, потому что и у 2046 человек, конечно, совершенствовался в среднем лишь тот орган, который приходилось всем людям дополнительно упражнять, благодаря изменению физических свойств обитаемой ими местности, или изменениям экономических, психических и социальных условий их жизни. А тот орган, который, благодаря подобным изменениям, оказывался ненужным, постепенно атрофировался по этой многократной наследственности.

Этим же объясняется и то, что случайные индивидуальные повреждения каких-либо органов не передаются по наследству, каково, например, часто приводимое обязательное появление бороды в известном возрасте у лиц, предки которых брились, или появление крайней плоти на детородных органах мусульманских мальчиков в Аравии, несмотря на то, что ее там последовательно обрезывали у всех их предков со времен калифов. Такого рода примеры не имеют никакого отношения к Ламарковскому закону о развитии органов путем упражнения и атрофии их от неупотребления, так как никакого упражнения волос или крайней плоти до отрезывания не происходит, и отмены упражнения здесь нет: отрезываются в обоих этих случаях неупражняющиеся части тела. Их гены в органах воспроизведения рода от этого не уничтожаются.

Именно потому организм низших животных, вплоть до ракообразных или до ящерицы, у которой от испуга отломился хвост, воспроизводит вновь отломавшийся орган. В этом же причина и заживления наших ран и восстановление небольших кусков отодранной кожи, и если дело у нас не идет тут вплоть до возобновления целых органов, то это потому, что отрезанное место быстро сшивается сетью нитей соединительной ткани. Посредством погружения обрезанного органа, например, пальца, в замкнутый сосуд с питательным раствором при поддержании в нем температуры тела и нормального давления, мешающего кровоизлиянию, теоретически возможно допустить восстановление отрезанных второстепенных органов даже и у высших позвоночных животных, как это бывает с нашими обрезываемыми ногтями и волосами.

Во всяком случае, как показал еще Мендель, по наследству передаются только те изменения какого-либо органа или какого-

либо качества, которые вызвали соответственное изменение генов, т.-е. элементарно малых зародышей всех передающихся по наследству органов, обязательно присутствующих в числе многих тысяч в сперматозоидах каждого самца и в яйцеклеточке каждой самки у животных, а также и в каждой тычинковой пылинке, и в каждой семяпочке растений. Гипертрофия какого-либо из этих генов сразу и в сперматозоиде отца, и в яйцеклеточке матери должна, с этой точки зрения, обязательно вызвать гипертрофию соответствующего органа и у произведенного ими детеныша, а если этот ген гипертрофирован только у одного, то половина шансов за то, что он останется без влияния на потомство. А для того, чтоб появился какой-либо новый орган у взрослого животного, нужно, чтоб и в сперматозоиде отца или в яйцеклеточке матери появился необходимый для него новый ген, который, повидимому, может возникнуть не только благодаря изменению одного из прежних генов, но и благодаря появлению совершенно нового, вследствие долгого влияния окружающей среды или самих уже существующих генов друг на друга.

Но не одно приспособление живых организмов к окружающей среде путем усиленного упражнения или неупражнения того или другого органа у массы представителей данного вида животных и растений, отзывающегося после нескольких поколений и на его генах, является причиной постепенного осложнения и усовершенствования животных и растений.

Всегда надо иметь в виду, что наследственность передает тот или другой ген от поколения к поколению не абсолютно одинаковым по своей энергии у всех индивидуумов данного вида, а со случайными отклонениями от средней нормы, указанными еще антропологом Кетле и характеризующимися тем, что, чем более отклонена энергия гена вперед или назад от средней нормы, тем сторицею менее число индивидуумов, обладающих такими генами по закону, показанному на рис. 93. Здесь высота наибольшей ординаты показывает промилльное число индивидуумов данного вида животных или растений, обладающих средними, т.-е. нормально энергичными генами исследуемого качества или органа, а постоянно уменьшающиеся высоты параллельных ей линий, вправо — промилльные количества более сильных, а влево — более слабых генов (при чем общая сумма высот всех линий при подсчете на тысячу исследуемых индивидуумов должна быть

равна тысяче, а при подсчете на сто — сотне и т. д.). Дуговидный характер кривой, показывающей средние отклонения энергии данного гена у исследуемого вида животных или растений, не изменится от того, сделаем ли мы расчет на проценты или промилли, но дуга будет тем правильнее, чем больше взять индивидуумов.

Само собою понятно, что энергию генов какого-либо качества мы не можем подсчитывать непосредственно, а делаем это по явному развитию соответственных им органов у взрослых представителей данного поколения тех или иных животных или растений, как это сделано на рис. 93 для человеческого роста.

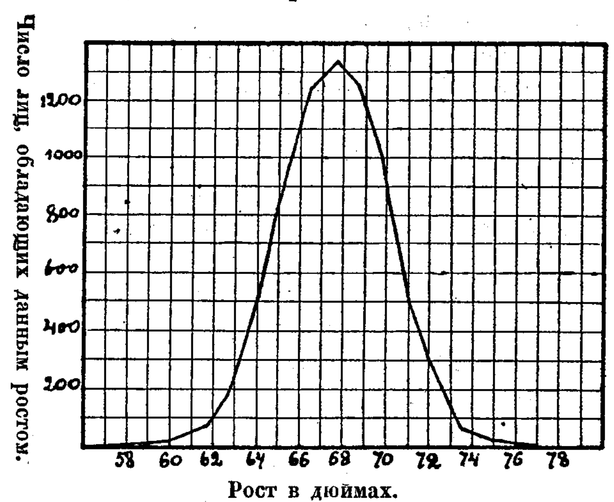

Рис. 93. Вариационная кривая человеческого роста в средней Европе по подсчету 8585 взрослых мужчин.

Очевидно, что энергия генов, вызывающих рост организма, распределялась пропорционально их результатам, а потому и может быть изображаема этой же самой кривой.

Математически очевидно, что если, при подборе французскими женщинами себе мужей, все эти вариации роста найдут одинаковое половое применение, то каждое поколение мужчин будет характеризоваться той же средней высотой роста и теми же вариациями, а потому и качество это не будет эволюционировать от такой причины.

Но представьте, что, благодаря, например, избытку мужчин над женщинами и при предпочтении женщинами высоких мужчин,

*

более низкие ростом должны будут исчезать без потомства. Тогда, подсчитав только одних брачных мужчин, мы увидим, что дуга случайных отклонений роста среди них потеряет свой симметричный вид, будет как бы выгрызена с левой стороны. Если такой вкус женщин продолжался только одно поколение, то результат его лишь слабо скажется на повышении среднего роста у всех последующих поколений, а если он продолжался несколько поколений, то такой подбор неизбежно постепенно повысит рост всего населения. Это пример того, что называется в теории Дарвина влиянием полового подбора, и мы видим, что его можно определить математически, подсчитав сначала промилльно вариации роста у **всех** мужчин данной страны, а потом сделать то же на тысячу **женатых**. Если при наложении второй дуги на первую мы увидим недочет с левого конца, то, значит, эволюция этого качества идет вверх, а если дуга получит форму обратную и выемка будет справа, то данное качество идет на убыль.

Но предположим, что статистический подсчет дает ту же самую дугу как у женатых, так и у неженатых мужчин, но в обоих случаях она выгрызена справа, как мы это находим во Франции XIX века.

Тогда нам ничего не останется сделать, как сказать, что тут влияние третьего закона Дарвина: «борьбы за существование». Но почему же в ней высокорослые погибали в большем числе, чем низкорослые? И здесь научный ответ один: это могло случиться только в том случае, если ближайшие к ним поколения французов много воевали, и притом не добровольно, а по принудительному набору, при чем правители брали в солдаты и отправляли на войну предпочтительно самых высокорослых людей, оставляя малорослых вне призыва, для размножения... Их влияние и вытянуло низкорослый конец вариационной дуги, а высокорослый конец сократился, вследствие значительной утраты его представителей для воспроизведения потомства.

* * *

Таковы общие биологические законы эволюционного возникновения и развития всего разнообразия животного и растительного мира из первоначальных элементарных клеточек живого вещества, этих жидких микроскопических кристалликов, характеризующихся на современной нам земной поверхности химическим соединением углеводов с азотом и с некоторой примесью фосфора и железа.

Все эти углеводы мгновенно сгорели бы на солнце и на звездах благодаря высокой температуре их поверхностей, но химические, а с ними и био-химические законы не могут ограничивать своего применения только этой группой химических элементов и только одними современными условиями земной поверхности, а потому само естествознание, т.-е. совокупность всех естественных наук, приводит к выводу, что и на таких высокотемпературных светилах, как звезды, на их различных возрастах, могут и должны существовать и химические, и био-химические процессы, аналогичные нашим, но другого элементарного состава, приспособленного к той среде, в которой они реагируют.

Так мы приходим, и без впадения в метафизику, к всеобщей обитаемости миров. Органическая жизнь с этой точки зрения не есть случайное явление, расцветшее роскошными цветами исключительно на одном из бесчисленных светил мироздания, на той пылинке Млечного пути звезд, которую мы называем Землею. Она—всеобщий закон мировой жизни.

Но это мировоззрение ставит современную науку в непримиримое противоречие с евангельской и библейской теологией. Я не говорю уже о шестидневном творении земли и небес. Как ни стараются современные теологи придать библейским шести дням смысл целых геологических периодов, но это до того наивно, что не хочется даже и возражать... «И был вечер, и было утро...»—говорит книга Бытия о каждом из этих периодов, но какие утрà и вечерà были у геологических эпох?

Я здесь математически формулировал основные законы эволюции органического мира не только на одной нашей земле, но и на остальных светилах. Посмотрим же, к чему они привели на земле, как одной из бесчисленных планет во Вселенной.

Многообразные изменения геофизических условий на поверхности земного шара за тысячи тысячелетий существования на ней органической жизни, сопровождавшиеся многочисленными разъединениями и соединениями континентов и больших островов, а вместе с ними и групп обитавших на них животных

и растений, привели к их независимым эволюциям в разных направлениях и к неравномерной их скорости, что породило множество их видоизменений, то опередивших другие, то отсталых (если не допустить, что отсталые биологически откристаллизовывались позднее, хотя по тем же причинам и законам, как и самые древние и из химически одинаковых с ними белковых молекул).

Современная ботаника разделяет растения по мере их совершенства на следующие три отдела и одиннадцать классов таблица XXXIV), в которых описано более ста тысяч видов.

ТАБЛИЦА XXXIV.

Классификация растений.

Отделы.	Классы.
Микробы.	
Споровые.	Грибы.
	Водоросли.
	Лишайники.
	Мхи безлистные.
	» лиственные.
	Плауны.
	Хвощи.
	Папоротники.
Семянные.	Голосемянные.
	Однодольные.
	Двудольные.

А современная зоология разделяет животных на пять отделов и около семнадцати классов, в которых к началу XX века было определено и описано до 160 тысяч видов.

А библейская биология, пренебрегая систематикой растений, насчитывает лишь несколько десятков животных и относит часто данный вид совсем к чужому классу, да и отделы у нее какие! Вот они из книги «Диаконы» (Левиты, гл. 11) и из «Второзакония» (гл. 14).

ТАБЛИЦА XXXV.

Классификация животных в современной зоологии.

Отделы.	Классы.	Число видов. Живущих.	Ископаемых.
Микробы.			
Простейшие.	I. Инфузории	590	—
	II. Корненожки	820	1 740
	III. Многодырочники	100	420
	IV. Губки	290	500
Лучистые.	I. Полипы	1 030	1 400
	II. Акалефы	970	50
	III. Иглокожие	550	2 140
Моллюски.	I. Мшанки	11 600	16 000
	II. Плеченогие		
Суставчатые.	I. Черви	1 600	340
	II. Ракообразные	1 500	1 100
	III. Пауки	2 000	130
	IV. Насекомые	80 000	1 600
Позвоночные.	I. Рыбы	8 000	1 600
	II. Земноводные	1 600	400
	III. Птицы	7 000	150
	IV. Млекопитающие	2 060	780
	Всего около	130 000	30 000

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИВОТНЫХ ПО БИБЛИИ.

I отдел. Животные чистые, которых можно есть.

1 класс: жвачные скоты, у которых раздвоены копыта: волы, овцы, козы, олень, серна, буйвол, лань, зубр, антилопа, жираф (Втор., 14, 4, 5).

2 класс: животные, живущие в морях или в реках, у которых есть *перья* (!) и чешуя (Лев., 11, 9).

3 класс: крылатые насекомые, ходящие *на четырех* (?!) ногах, у которых есть голени ниже лап, чтобы скакать по земле: саранча, прыгуны, кузнечики и акриды (Лев., 11, 2—21).

II отдел. Животные поганые, которых есть нельзя.

1 класс: скоты, жующие жвачку, у которых копыта не раздвоены: верблюд, заяц (?!), тушканчик (?!), свинья (а коня нигде нет!) (Лев., 11, 4, 6).

2 класс: водяные животные, обитающие в морях и реках, у которых нет перьев (?!) и чешуи.

3 класс: поганые птицы: орел, гриф, морской орел, коршун, сокол, ворон, страус, сова, чайка, ястреб, кречет, филин, рыболов, ибис, лебедь, пеликан, сип, цапля, зей, удод и летучая мышь (!!) (Лев., 11, 19).

4 класс: крылатые насекомые, ходящие на четырех (?!) ногах, но без голеней выше ног (Лев., 11, 23).

5 класс: пресмыкающиеся животные: крот (?!), мышь (?!), ящерица, водяная цапля, коах (?), летаа (?), улитка (!) и филин-пугач (!) (Лев., 11, 29, 30).

Я думаю, что всякий зоолог, начавший читать эту библейскую классификацию, уже упал в обморок, раньше чем дочитал ее до конца. Как же можно требовать, чтобы он признавал все это за «священное писание»?!

Занимаясь здесь научным исследованием евангелий, я хочу отметить только одно: вся их доктрина о том, что творец только-что описанной нами органической жизни, развивающейся на всех светилах из клеточек первичной плазмы, зачем-то пришел на одну нашу землю, теряющуюся среди других светил бесконечной вселенной, чтоб освободить последнее звено ее органической жизни — человека — от первобытного греха, и не нашел лучшего средства для этого, как распять самого себя на кресте, представляется такой нелепой, что стыдно даже и обсуждать ее серьезно. Наука может только исследовать, каким образом могли возникнуть такого рода представления в головах средневековых людей, а для этого есть лишь одно средство — исследовать и самые эти головы и вывести возможность такого рода представлений из их анатомического устройства и психо-физиологической деятельности.

Это и пытался я здесь сделать по отношению к Библии, а теперь посмотрим, что нам говорят евангелия не только о зарождении жизни на земле, но и о происхождении самого своего Великого Мага и Учителя.

И пусть не подумает читатель, что я разбираю здесь так серьезно нелепость девственного зачатия «сына божия» для простой насмешки над теми, кто это проповедует и кто этому еще верит. Моя цель совсем другая и, наоборот, самая доброжелательная. Из всего, что я здесь сказал и скажу далее, ясно, что современная христианская теология так отстала даже и от среднего уровня умственной жизни современного человечества, что уже совсем непримирима с нею ни в области астрономии, ни в области биологии, ни в области социологии, ни в области техники, ни даже в области акушерства.

Ни один образованный человек, как нашего, так и всех будущих поколений, не может, если он в здравом уме, искренно поверить всему, что говорится в нашем «священном писании». Это нужно раз навсегда признать, потому что умышленно лгать не способен ни один честный человек, а их всегда будет огромное большинство именно в образованной части общества. Значит и современным «церквам» должно прежде всего примирить себя с наукою, признав все свои псевдо-священные книги давно устаревшими произведениями средневековой мысли, и сделать свои храмы, вместо рассадников прошлых суеверий, храмами современного знания. Иначе с ними произойдет то же, что с гигантскими «допотопными» ящерами, которые вымерли именно потому, что направили свое развитие лишь на увеличение своего туловища и конечностей, оставив без прироста свой мозг. И это вымирание (и притом очень быстрое) не остановит ни у нас, ни за границей никакой самодержец, если не пожелает тотчас же уйти на историческое дно вместе с неспособным реформироваться учреждением, подобно тому, как это сделали наши бывшие императоры, которых более всего и топил именно этот камень на их шее.

ГЛАВА VII.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТА.

По утверждению двух евангелистов, великий евангельский маг и учитель был рожден девушкою помимо участия мужчины. По рассказу Луки, это было возвещено ей архангелом «Божиим

витязем» (Гавриилом по-еврейски) в шестом месяце года, т.-е. в марте, считая начало года с сентября, или в августе (священном месяце), если считать с марта по-римски (что, конечно, не мешает рождению богочеловека в декабре всего через четыре месяца, так как оно произошло необычным путем).

«— Здравствуй и не бойся, Мария! — будто бы сказал ей божий витязь.— Ты родишь сына и назовешь его Спаситель (или Целитель). Он будет велик и получит прозвище божьего сына.

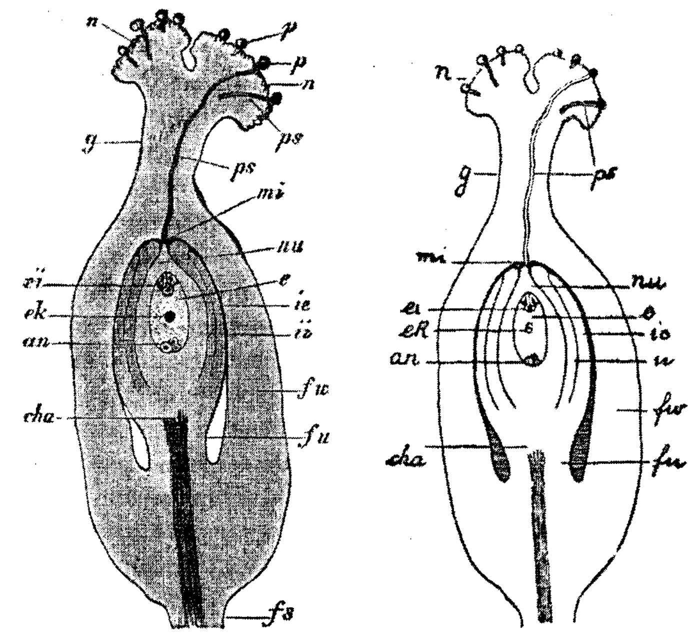

Рис. 94. Пестик цветочного растения в разрезе. Внутри семяпочки. Вверху упавшие на рыльце цветочные пылинки, пускающие ростки к семяпочкам. Одна из них касается семяпочки и оплодотворяет ее. Как результат ее дробления образуется семя.

Громовержец даст ему престол Возлюбленного, его отца, и будет он вечно царствовать над потомками Богоследителя.

«— Как это может случиться, когда я не замужем? — спросила она.

«— На тебя сойдет *(вместо мужа)* святой дух,— ответил «Божий витязь» — и осенит тебя сила всевышнего.

«— Пусть будет, как ты говоришь,— сказала она,— и тотчас побежала к своей родственнице «Клятве бога» (Елизавете) потолковать о таком удивительном обещании» (Лука, 1, 27).

А у Матвея мы читаем, что «Божий витязь» прилетел не к ней, а к обручившемуся с ней почтенному человеку по имени Кратер Громовержца (Иосиф), который хотел отослать домой Марию за то, что она в момент обручения с ним оказалась уже беременной, т.-е., выражаясь ясно и научно-отчетливо, а не как-нибудь в тумане, чтобы читателю не было видно сущности

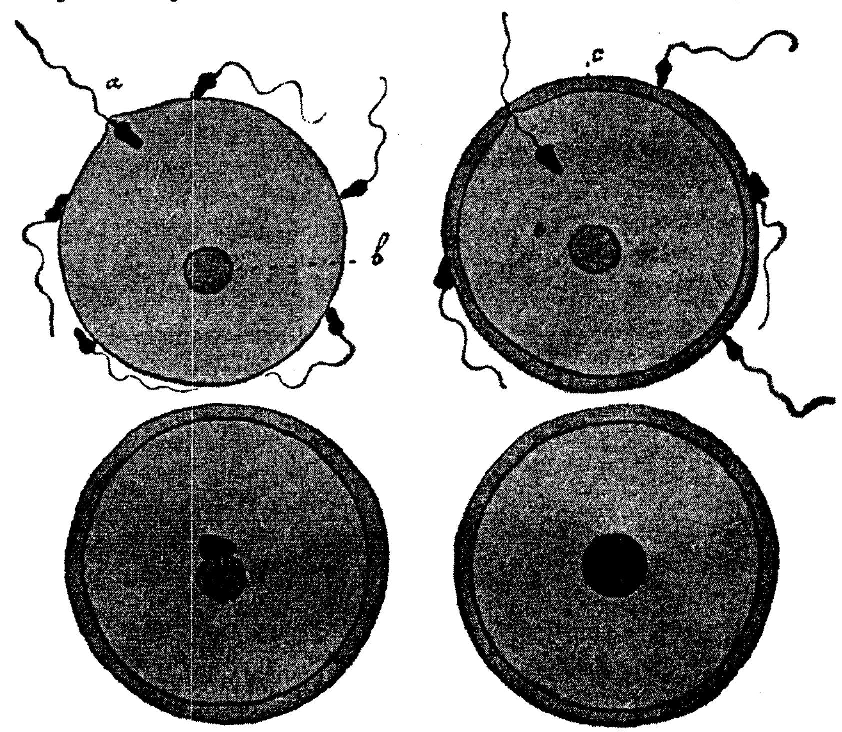

Рис. 95. Женское яичко рыбы (икра). *a*—живчик; *b*—ядро яйцевой клетки; *c*—оболочка, мешающая войти другим живчикам. После растворения живчика в ядре начинается его дробление с образованием вокруг каждой дробной дольки клеточки, сросшейся с другими, и из них слагается рыбка.

дела, с нею произошло уже все то, что показано на рисунке 97 в разных его фазах.

«— Иосиф, сын Давида,— сказал ему «Божий витязь»,— не бойся, несмотря на это, принять Марию в твои жены, потому что она родит от святого духа».

«И это,— оканчивает Матвей,— произошло *(не иначе как)* для того, чтобы сбылось пророчество (Исаия, 7, 12): «зачнет Дева и родит сына, и назовут его «С-нами-бог».

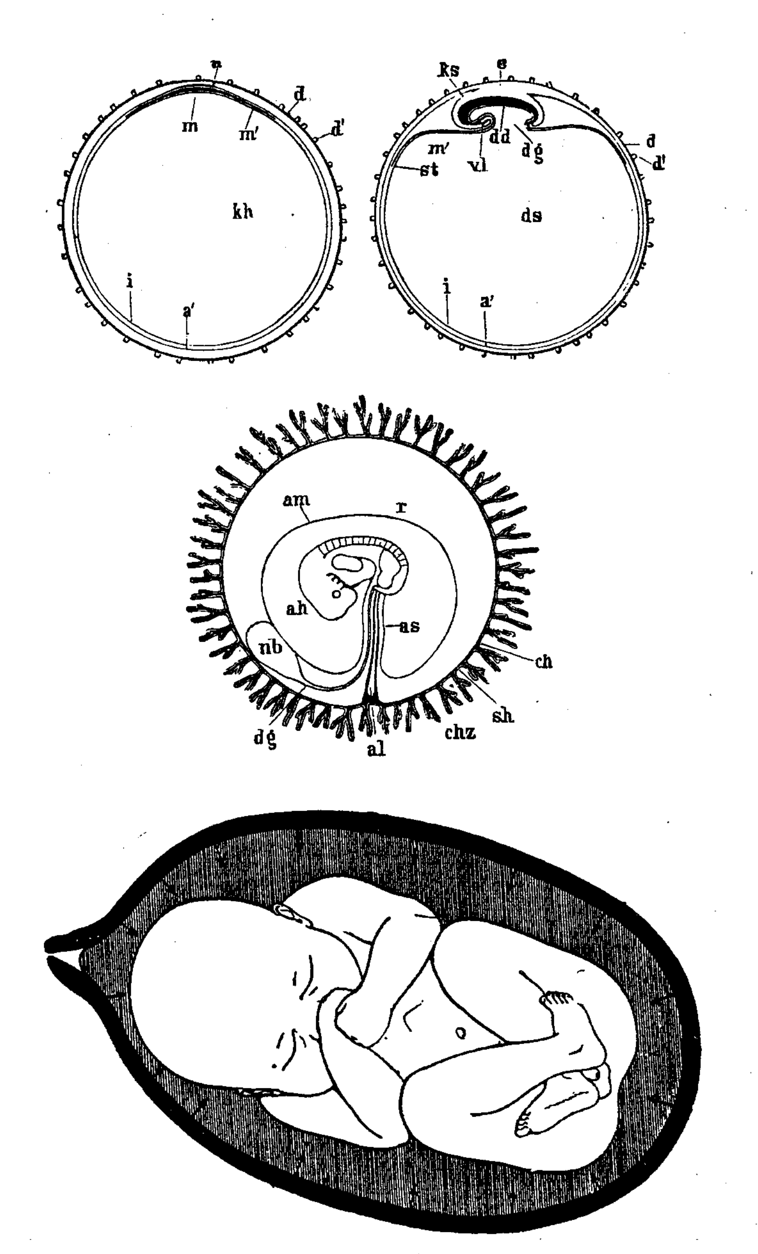

Рис. 96. Оплодотворенное женское яичко (два верхние сильно увеличенные рисунка) прирастает корешками своей оболочки к поверхности женской матки. Его постепенно делящееся на-двое ядро образует вокруг каждой своей дробной доли все новые и новые клетки. Часть их складывается в мускулы и нервы, другая выделяет в себе известь и образует кости. Через несколько месяцев уже образуется ребенок, плавающий в жидкости, заключенной в перепончатом мешке, и питающийся через пуповину (средний рисунок) кровяной сывороткой матери.

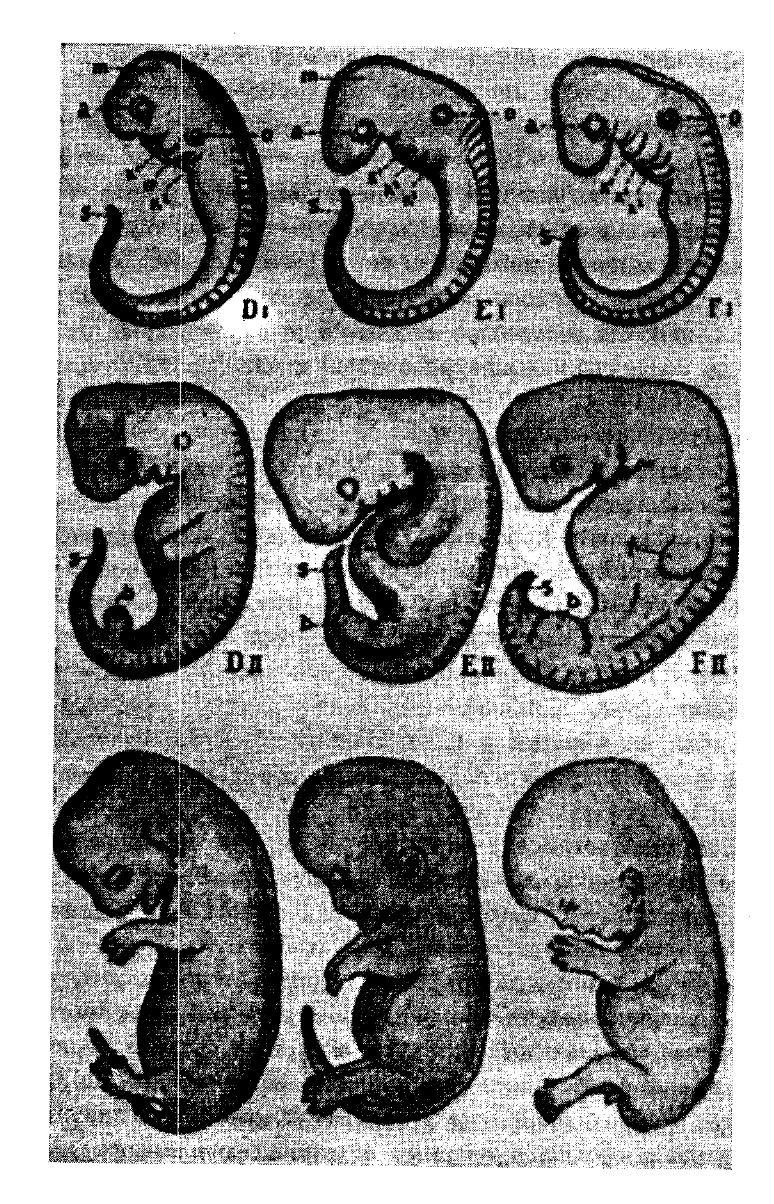

Рис. 97. Налево (D)—развитие зародыша кошки; в средине (E)—обезьяны; направо (F)—человека на тех же первых стадиях.

a—глаз; o—ухо; k^1, k^2, k^3—жаберные щели, исчезающие потом; s—хвост; f—передние, b—задние конечности.

Таким образом, здесь Лука подтверждает Матвея, и Матвей Луку, а Марк и Иоанн почему-то молчат на этот счет. Чтоб раз навсегда покончить с таким странным зачатием, разберем его научно.

Как происходит вообще зачатие животных и растений?

У цветочных растений пыльца из тычинок цветка переносится ветром, или насекомыми, на рыльце пестика, через которое пускает корешок в находящиеся в его полости семяпочки (рис. 94). От соприкосновения с ними этого корешка внутренность семяпочки начинает дробиться и производит семя, из которого после его падения на влажную почву вырастает такое же растение.

У животных происходит то же самое. Только роль пыльцы играют сперматозоиды, развивающиеся в половых органах самца (или мужчины), которые при половом акте впрыскиваются в женские половые органы и, проникая в яйцеклетку, заменяющую в них семяпочку растений, сливаются с ее ядром (рис. 95), после чего оно получает способность делиться, а продукты деления, вырастающие в новые клеточки, комбинируются определенным образом, слагая первичную форму животного того же вида, как отец его и мать (рис. 97 и 98).

Каким же образом у девы Марии яйцеклеточка начала делиться без мужского сперматозоида, которого по евангелиям Матвея и Луки заменил святой дух?

Конечно, нам могут сказать, что кроме описанного мною такого двуполого зарождения существует и бесполое, когда ветки растения и некоторые низшие животные развиваются простым почкованием. Могут сказать, что девственное зарождение существует даже у многих семейств насекомых, у низших ракообразных (Phillopoda) и у коловраток, и носит то же самое специальное название партеногенезиса).[1] Благодаря ему, у самок обычного шелкопряда (Lasiocampa Pini) отложенные неоплодотворенные яйца могут давать гусеницу и превращаться в куколку, а из них — в окончательные формы и самцов, и самок, хотя гораздо чаще они умирают на довольно ранних стадиях развития. У многих перепончатокрылых насекомых, у тлей (рис. 98), у сетчатокрылых и у веерокрылых

[1] От греческого παρθένος — девица и γενέσις — рождение.

девственное зарождение сделалось даже одним из постоянных способов размножения.

У соленобий и психей из партеногенетических яичек происходят только самки в продолжение нескольких поколений, прежде чем произойдет оплодотворение самцом. Тли кладут осенью оплодотворенные яйца, из которых весной выходят бескрылые самки, размножающиеся тоже партеногенетическим путем до самой осени.

У ракообразных и коловраток все лето совершается девственное размножение и только осенью откладываются оплодотворенные самцом яйца. У них оно дает только самок. А у перепончатокрылых, каковы: пчелы, осы, шмели, пилильщики, оно дает только самцов. При всех этих обстоятельствах девственное зарожденое отличается от супружеского тем, что при пер-

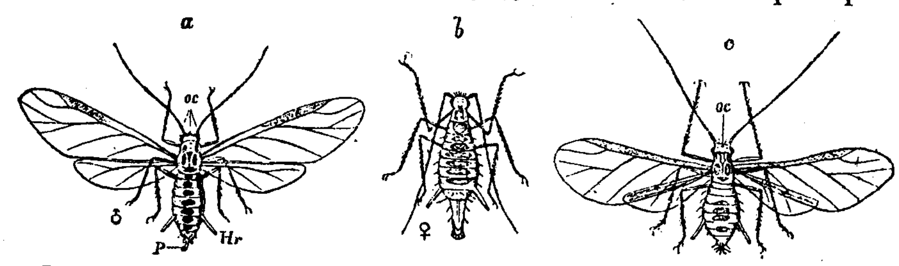

Рис. 98. Кленовая тля. a—самец; b—самка, способная к оплодотворению; c—самка, размножающаяся партеногенетическим путем (по Филипченко).

вом дроблении в яичке самки выталкивается лишь одно направляющее тельце, а не два.

Значит, с чисто биологической точки зрения партеногенезис считается возможным, но только не у людей или у позвоночных животных, у которых он совершенно отсутствует, так что девственное зарождение евангельского Христа — средневековая нелепость. Придавая ей серьезное значение, легко притти, читая евангелие евангелиста Матвея, и к андрогенезису, т.-е. к рождению мужчины мужчиной без участия женщин: ведь у всех предков Христа, кроме его матери, евангелист Матвей показывает только мужчин в продолжение многих поколений, чего уже мы не находим даже и у насекомых.

«Авраам, — говорит он, — *родил* Исаака, Исаак *родил* Иакова, Иаков *родил* Иуду и его братьев, Иуда *родил* Фареса и т. д.» (Матвей, гл. 1). И это не обмолвка в русском переводе, но

взято прямо с греческого оригинала Евангелия Матвея и сохранено во всех его переводах, как древних, так и новых. Вот, например, у меня сейчас под рукой восемь Евангелий: греческое, латинское, французское, итальянское, испанское, немецкое, английское и русское: во всех них говорится то же самое.[1]

Значит, это никак не простая обмолвка Матвея, а нечто принимаемое всерьез.

— Но как же,— спросит меня сердито современный читатель,— кто-нибудь мог вообразить подобную нелепость? Не размножались же Авраам, Исаак, Иаков и все остальные предки Иисуса внутренним почкованием, как растения и некоторые из низших животных?

— Да! — отвечу я.— Евангелист Матвей и хотел сказать как раз нечто подобное. Ведь по средневековым представлениям все люди — и мужчины, и женщины — зарождались исключительно «из семени своих отцов», а «чрево матери» являлось для них лишь чем-то в роде гнезда, в котором происходило развитие этого семени, так что мать ребенка являлась для него лишь кормилицей, а не активной участницей его зарождения, как это выходит по современной эмбриологии, показывающей нам, что при зачатии ребенка ядро яичка его матери сливается со сперматозоидом отца (рис. 99). Вот почему и говорится в Библии, что тот или другой из ее деятелей произошел «от семени Авраама или Давида», а не от яйцеклетки Сары, или взятой себе Давидом жены у его полководца Урии.

Значит, в Евангелиях как партеногенезис, так и андрогенезис при рождении Иисуса считаются за факты, хотя они при ближайшем рассмотрении и несовместимы друг с другом, и вся родословная висит в воздухе, как только мы поверим, что Иосиф был не отцом, а посторонним опекуном девы Марии... Я уже показывал выше и другие ее несообразности, по которым у некоторых предков Иисуса сразу выходят два отца.

[1] В итальянском: Abraham engendró á Isaac, Isaac engendró á Iacob...
В латинском: Abrahamus genuit Isaacum, Isaacus autem genuit Iacobum...
В греческом: 'Αβραὰμ ἐγέννησε τὸν 'Ισαάκ, 'Ισαὰκ δὲ ἐγέννησε 'Ιακώβ...
Во французском: Abraham engendra Isaac, Isaac engendra Jacob...
В немецком: Abraham zeugete Isaac, Isaac zeugete Jacob...
В английском: Abraham begat Isaac, and Isaac begat Jacob...
В испанском: Abraham engendró á Isaac. Y Isaac engendró á Iacob.
И в русском: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и т. д.

Понятно, что для современного образованного человека согласиться на такое генеалогическое дерево с почками вплоть до «Христа» нет никакой возможности, и потому нам остается только вывести его девственное зачатие как-нибудь более осмысленно. И я покажу сейчас, что первичное возникновение этой легенды проще всего объясняется астрологически.

Дело в том, что среди зодиакальных созвездий есть одно, называющееся по-гречески Партенос, т.-е. по-русски Дева, и каждый год солнце (Элиос по-гречески, того же корня как и еврейское слово Эл — бог) входит в эту Деву через ее голову и выходит из ее живота около осеннего равноденствия. Это и есть девственное зачатие Христа, происходящее и теперь ежегодно в сентябре без участия мужа.

Однако, самая его обыденность устраняет возможность возникновения из него одного такой необычной легенды, какую

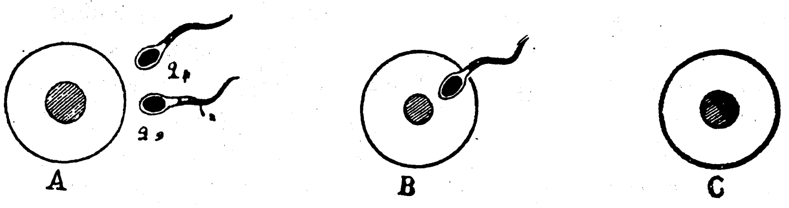

Рис. 99. Один из сперматозоидов отца входит в яичко матери (у женщины оно не больше булавочной головки) и сливается с ним. После этого продукт слияния начинает питаться лимфой матери и делиться на сросшиеся клеточки, из которых слагается зародыш ребенка.

я только-что привел, и установление византийского нового года с 1 сентября, т.-е. в тот же день, когда мы находим в календарях и праздник Иисуса-Рыбы (Навина), которого мы уже отожествили с евангельским Христом.[1]

Вот почему мы и должны искать по лестнице веков такого случая, когда само солнце дало бы нам тут какое-нибудь знамение, т.-е. родилось в день 1 сентября юлианского счета.

С начала нашей эры мы имеем только три такие случая:

1. Солнечное возрождение в Деве 1 сентября 34 года в 11 часов 16 минут от Гринвичской полуночи, прошедшее после полного затмения через Сахару из Атлантического в Индейский океан.

2. Солнечное возрождение в Деве 1 сентября 536 года в 13 часов 20 минут от Гринвичской полуночи, после затмения, прошедшего в кольце-

[1] «Христос». Вторая книга.

образном виде из Гренландии через Ирландию и через весь западный берег Италии в Египет и вдоль Красного моря.

3. Солнечное возрождение в Деве 1 сентября 1076 года в 7 часов 47 минут от Гринвичской полуночи, после затмения, начавшегося кольцеобразно в Западной Сахаре и прошедшего в таком виде в Австралию.

Из них троих подходит только солнечное затмение 536 года, при Дионисии Малом, умершем в 540 году, который, как известно, первый и начал считать годы «от рождества Христова». Но, как мы видим отсюда, он считал за Христа еще библейского Иисуса (Иисуса-Рыбу — Навина) и определил его рождество на 1-е сентября, по превращению солнца в кольцо под головой его матери — небесной Девы...

С этого момента христианская церковь и стала, вероятно, считать год не с марта, как было у ариан, а с сентября, т.-е. начался «византийский год». И это же, вероятно, дало повод при возникновении евангелий в VII — IX веках нашей эры утверждать, что Дионисий Малый (Dionysius Exiguus), славянин, прибывший в Рим и сделавшийся там аббатом, «определил рождество Христа» на 753 год от основания Рима (или наоборот: основание Рима определил за 753 года до «рождества Христова»). Если к этому числу мы прибавим еще сдвиг в 342 года от вероятного начала деятельности основателя христианской литургии (Василия Великого), то и получим для основания Рима воображаемое время первого из библейских царей Саула (*минус* 1905 год).

Отмечу еще, что в том же месяце сентябре — 8 числа — стало потом считаться и рождение богородицы, т.-е. начало выхода Девы из-за солнца.

Видимых в Европе солнечных затмений на это число с начала нашей эры было только одно: 8 сентября 378 года, в 11 часов 2 минуты от Гринвичской полуночи, прошедшее в кольцеобразном виде по всей Сахаре из Атлантического океана в Тихий и видимое по всем прибрежьям Средиземного моря. Других таких затмений не было до напечатания Библии Гутенбергом.

В сентябре же, на 14 число, назначен также и праздник «Воздвижения креста господня», т.-е. прохождения солнца через скрещение небесного экватора и эклиптики в той же Деве-богородице, плачущей у креста, на котором ежегодно распинается ее сын — солнце. Из солнечных затмений, видимых в Европе, на

это число мы не находим ни одного, а из лунных на восходящем кресте эклиптики и экватора в Рыбах имеем только:

14 сентября 1387 года в 4 часа 26 минут от Гринвичской полуночи со сверхполной фазой (11″6), когда месяц перед восходом солнца в Деве спускался на западе на землю, как в могилу, совершенно затмившись на скрещении эклиптики и экватора в созвездии Рыб против Девы.

Так было в начале средних веков. А потом, уже в VII—VIII веках, началась на почве несбывшихся ожиданий Христа распря между арианами (первичными иудеями) и христианами, которые, отде-

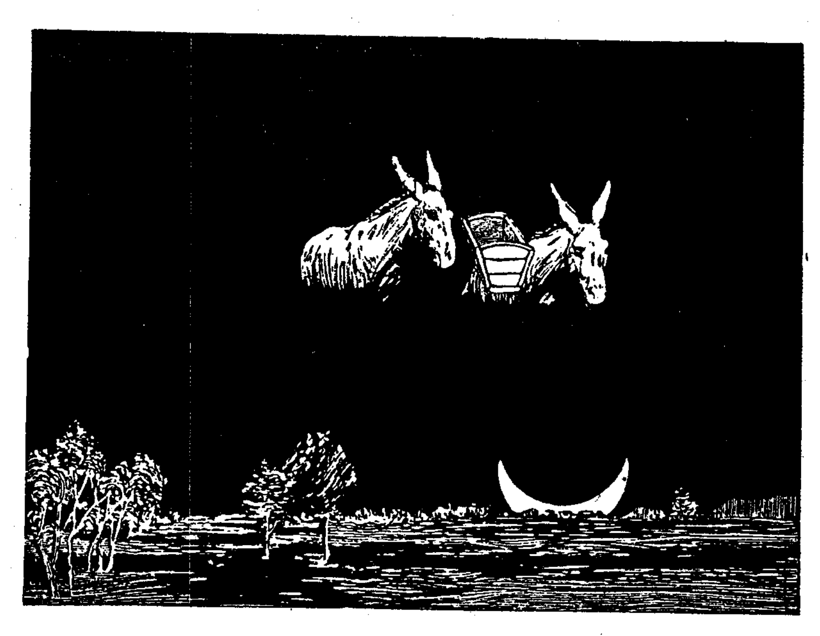

Рис. 100. Новорожденная июньская Луна заходит под Яслями созвездия Рака между двумя звездочками, называвшимися Ослом и Ослицей.

лив Великого Царя (Василия Великого) от библейского Иисуса (Иисуса-Рыбы — Навина), перенесли его рождение на 1 января, когда солнце бывает в Стрельце, а месяц, ставший теперь символом бога-сына, мог таким же образом родиться в созвездии Яслей (теперь Рака), т.-е. мог взойти в полнолунный вечер в виде новолунного серпа, а затем вырасти до своего полного круглого облика (рис. 100).

Однако, обращаясь к православным святцам, мы видим, что на 1 января назначено не рождение Иисуса, как следовало бы

по современным теологическим представлениям, а обрезание господне и еще тезоименитство Василия Великого, т.-е. Великого Царя, основателя христианской литургии, с биографии которого списана часть евангельских сказаний о Христе.

Уже самое название «обрезанье господне»[1] показывает, что дело здесь идет об обрезном затмении солнца или луны, происшедшем 1 января.

Но, пересматривая все затмения солнца на это число, мы находим от начала нашей эры и до напечатания Библии только два, видимые в бассейне Средиземного моря:

1. Солнечное затмение в Стрельце 1 января 865 года в 13 часов 24 минуты от Гринвичской полуночи, прошедшее из Гудзонова залива через Лондон в Скандинавию и виденное в частной, т.-е. обрезной, форме во всей Западной Европе.

2. Солнечное затмение в Стрельце 1 января 1386 года в 10 часов 32 минуты от Гринвичской полуночи, прошедшее в полном виде через Рим и около полудня через Константинополь, но оно представляется уже слишком поздним.

Значит, праздник обрезания господня мог иметь своим первоисточником обрезное знамение солнца 1 января 865 года, истолкованное астрологами как повеление неба устроить это торжество. В соответствии с этим находится и то обстоятельство, что об обрезании Иисуса говорится только в одном евангелии Луки (2, 21), время жизни которого я уже отнес в первой книге к промежутку 850—946 гг., отожествив его с Лукой Греческим. Здесь одно определение подтверждает другое, и мы можем сказать, что этот праздник почти наверно был установлен именно Лукой Греческим.

Отсюда следует, что празднование Василия Великого на 1 января могло быть установлено по лунному затмению на это же число.

А такие затмения были только:

1 января 112 года в 22 часа 56 минут, т.-е. в ночь с 1 на 2 января, очень глубокое (19″5), которое все было видимо около полуночи. Но оно скорее относилось уже ко 2 января и было ранее Василия Великого.

Затем, затмения такого рода прекращаются вплоть до VII века, когда были два:

[1] По-еврейски מולת (МУЛТ) — только об обряде обрезания; по-гречески: обрезание крайней плоти.

1. Затмение луны в ночь с 1 на 2 января 614 г. в 22 часа 32 минуты (перед Гринвичской полуночью, а восточное около самой полуночи), обрезное со значительной фазой 7″6, когда луна была срезана более чем на половину.

Оно первое подходящее, если считать начало суток с полуночи.

2. Затмение луны вечером 1 января 652 года в 16 часов 49 минут от Гринвичской полуночи, т.-е. вечером, вскоре после заката солнца и восхода луны. Его максимальная фаза была 6″7, когда было срезано немного более половины луны.

Оно прекрасно подходит.

3. Следующее затмение луны в таком же роде было лишь 1 января 1135 года, в 23 часа 42 минуты (около Гринвичской полуночи, с большой фазой 9″5), но оно как будто слишком поздно, чтобы дать повод к установлению тезоименитства Василия Великого и даже начала года с этого момента.

То же самое относится и к сверхполному (19″2) затмению луны 1 января 1154 года, в 17 часов 19 минут от Гринвичской полуночи.

Теперь нам остается только посмотреть, не было ли каких-либо солнечных или лунных затмений, которые могли бы быть приняты за приказание установить рождество Христа на 25 декабря, окончательно отделив этим личность евангельского Иисуса и от библейского Иисуса (Рыбы — Навина), и от Великого Царя Четьи-миней.

Из лунных затмений, видимых 25 января, мы от начала нашей эры имеем только:

1. Сверхполное (14″6) лунное 25 декабря 307 года в 19 часов 47 минут от Гринвичской полуночи. В Италии и Греции оно было около 8 часов вечера, когда декабрьское солнце зашло часа четыре тому назад и заря давно прекратилась. Но в таком случае Великому Царю ко времени его столбования в 368 году было бы уже около 61 года, что, впрочем, вполне вероятно.

2. Сверхполное (16″6) лунное 25 декабря 809 года в 18 часов 59 минут от Гринвичской полуночи. И оно в Италии и Греции было часа через три после того, как зашло солнце, и луна поднялась уже довольно высоко на совершенно потемневшем небе.

Из солнечных же затмений мы находим от начала нашей эры только одно подходящее:

Кольцеобразное 25 декабря 1098 года, прошедшее из Атлантического океана через Марокко, Грецию и Крым к Тобольску. В частном виде оно прекрасно было видно около полудня в странах у Средиземного моря.

Возможно допустить, что только к этому времени (или к 809 году) и совершилось полное отделение евангелических христиан от мессианцев, и произошло окончательное водворение Великого Царя на берега Мертвого моря, с разжалованием его в плотники.

А перед этим легенда о Деве и ее божественном сыне распространилась до самой Индии, расчленилась апперцепционно на ряд вариаций, часть которых я и привожу на рис. 101.

Но как бы ни посмотрели вы на это, а все же единственным серьезным решением вопроса о девственном зачатии Христа и о его происхождении является лишь астрономическое, хотя, кроме такого решения, возникла в новейшее время (как это ни странно!) еще и гипотеза о его рождении **из пшеничного зерна.**

Вот как излагает это учение один из наших талантливых исследователей библейских книг, Н. Румянцев.[1]

Показав сначала в интересном очерке, что египетский «Помощник» (Озирис) и месопотамский «Мятежник» (Мардук), и Сирийский «Господь» (Адонис), он же «Таинственный» (Таммуз), и эллинский Аттис имеют те же самые основные черты, как и евангельский Христос (рис. 101), т.-е. воскресают из мертвых и празднуются в одно и то же время, он спрашивает:

«Кто же были все они, так сильно любимые, уносимые безжалостной смертью в расцвете своей юношеской красоты и силы, оплакиваемые, погребаемые и во славе воскресающие?

«Ответ был дан уже Гункелем, — отвечает он, — видящим в них солнечные и растительные божества». Все они, — скажем мы, — были божествами растительности, хлебного поля, нивы, зерна и виноградника, а их матерью, сестрой и возлюбленной была богиня природы вообще, богиня земли в особенности. Возьмем для подтверждения этого взгляда несколько примеров.

«Плутарх делает одно ценное замечание: «Говорят, что Озирис погребен, когда зарывают посев в землю; что он возвращается к жизни и снова приходит (воскресает), когда ростки начинают выходить».

«Он же сообщает, что при наступлении сезона посева египетские земледельцы зарывали в землю зерно с такими же

[1] Н. Румянцев. «Пасхальная Мифология». Изд. Атеист. Москва. 1924 г.

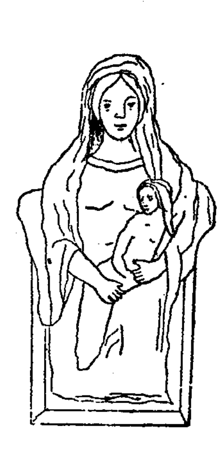

Юнона с Марсом (по Мальверу).

Индийская Дева с младенцем Кришну и со знаками Зодиака кругом (по Иеремиасу).

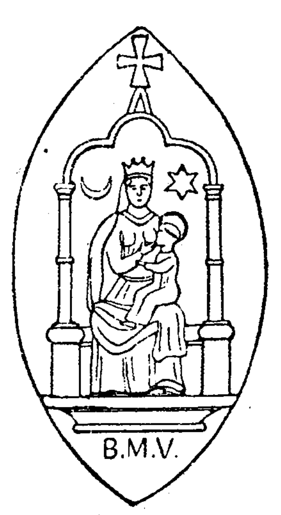
Деметра (т.-е. богоматерь) с Бахусом (по Мальверу).

Диана (по М. Брока).

Египетская богиня Гатор с младенцем Озирисом (по Иеремиасу).

Салисбюрийская богородица (по М. Брока).

Рис. 101. Шесть различных апперцепций Девы, родившей бога.

обрядами, какие совершаются при погребении мертвых; тем самым они символически хоронили Озириса, этого бога и душу хлеба.

«Другой древний писатель, Диодор, рассказывает, что египетские крестьяне, срезая первый колос, издавали жалобные крики и призывали Изиду, так как считали, что последняя облекается в траур и скорбит по своем муже и брате, когда наступает сезон жатвы, срезания хлебов.

«Обратимся теперь к Таммузу-Адонису.

«Адонис, — говорит римский писатель Аммиан Марцеллин,— это — символ плодов земли, достигших своей зрелости; так учат и передают нам сокровенные религии».[1]

«Выдающийся знаток религий древнего мира Фрэзер пишет:

«Лучшее доказательство, какое мы могли бы привести, дабы показать, что Адонис был божеством растительности, а в особенности — зерна, дают нам так называемые «садики Адониса»... Вполне естественно понимать, что они изображают Адониса или выявляют его сущность. Они представляют бога в его первоначальной природе, в виде растительности, тогда как фигурки, которые находятся в связи с садиками и вместе с ними бросаются в воду, изображают его в человеческом и более позднем виде».[2]

«Аналогичная идея кроется и в образе и культе Аттиса.

«Одно из прозвищ, — говорит тот же Фрэзер, — которое давали Аттису, было «изобильный». В обращении к нему его именовали «зеленым (или желтым) колосом сжинаемой пшеницы»; в его страданиях, в его смерти и в его воскресении видели судьбу зрелого колоса, срезаемого жнецами, зерна, полагаемого в хлебный амбар, затем возрождающегося к новой жизни после своего посева в землю».[3]

«Недостаток места не позволяет нам, — говорит Н. В. Румянцев, — увеличить число примеров и соответствующих доводов. Впрочем, думается, и без того ясно, что в лице всех этих *спасителей* кроется одно и то же божество зерна, колоса, нивы. Судьба зерна — это судьба божественного страдальца и спасителя, чье воскресение через смерть и погребение — залог благополучия для людей на земле и блаженной жизни за гробом.

---

[1] Марцеллин. «История», 19, 1.
[2] Фрэзер. «Адонис», стр. 184.
[3] Фрэзер. «Золотой колос», т. III, стр. 165.

«Это она — земля, согретая лучами весеннего солнца, оплодотворенная вешними дождями, рождает своего красавца-сына, который растет вместе с растущей к нему любовью богини, но под ударами знойных лучей солнца, или под леденящим дыханием осени и зимы умирает в самом расцвете своих сил и красоты, сходит в подземное царство, и земля осенними ручейками плачет над ним, одевается в траур, ищет его. Он умер надолго? На полгода, — отвечают одни мифы, — на осень и зиму. На три зимних месяца, — отвечают другие. Но только до весны, до ее начала, до весеннего равноденствия, — двадцатых чисел марта! Тогда оживает растительность, тогда начало полевых работ, тогда воскресение растительного спасителя после трехмесячного— трехдневного — пребывания в гробе».

И вот, таким же образом из пшеничного зерна, а не из девицы Марии, жившей на земле, и не из звездной Девы на небе будто бы вырос и евангельский Христос... Выходит, что это зерно, хотя и принадлежало односемядольному растению, пустило даже не один, а целый пучок стеблей, поднявшихся своими колосьями до самого неба.

Однако, несмотря на свидетельство Богача (Плутарха) и Божьего Дара (Диодора) и даже самого Аммиенского графа Марцеллина, невольно хочется сказать, что тут больше игры ума, чем его серьезной работы. Праздник пшеничной жатвы мог, конечно, справляться издавна в южных странах около весеннего равноденствия, в то же время, когда произошло и столбование Великого Царя, и это могло дать повод соединить оба торжества воедино, а также дать и повод сравнивать его «трехдневную смерть» с лежанием посеянного зерна в земле, как сделано и в евангелии Иоанна (12, 24): «если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то так и останется одно, а если умрет, то принесет много других». Но comparaison n'est pas raison (сравнение не доказательство), — справедливо говорят французы,— и для того, чтобы из простого ежегодного посева пшеницы могли вырасти все подробности евангельского сентиментального романа о Христе, со множеством его чудесных приключений и разговоров с Марфой и Марией, и с учениками и не учениками, нужны были другие более веские доводы, чем обычное ежегодное вырастание всех однолетних растений из их семян, упавших в землю.

Артур Древс, Румянцев и Немоевский сделали огромное дело. Они показали, что корни большинства евангельских сказаний кроются в ветхозаветной Библии, в эллинских, египетских месопотамских и индусских сказаниях. Под всем, что они говорят по этому поводу, я готов подписаться обеими руками. Но они остановились на полдороге, как будто испугавшись представшего перед ними логического конца — переделки всей древней хронологии и новой локализации библейских и евангельских преданий, — и поспешили спрятаться за «пшеничным зерном», хотя оно и слишком мало для таких крупных людей. Но без этого зерна они явно остались бы в таком же положении, в каком нередко были христианские родители, когда дети их спрашивали:

« — Кто сделал небо и землю?

« — Бог! — отвечали они.

« — А кто сделал бога?..»

По только-что приведенному толкованию, на этот последний вопрос должны бы были отвечать:

« — Он вырос из пшеничного зерна!»

Это, конечно, было бы более остроумно, чем происхождение творца миров от «девицы Марии», невесты Иосифа, путем партеногенезиса, но не более правдоподобно.

Значит, разница между мною и только-что цитированными авторами заключается лишь в том, что их пшеничное зерно я заменяю действительно замечательным реальным человеком IV века, основателем православной литургии, Василием Великим, а время возникновения мифов о Кришне-Христе, о Господе-Адонисе и даже о самом божественном Озирисе определяю не ранее как в V веке нашей эры (что будет подтверждено в следующих томах и астрономическими вычислениями). А самые евангелия я отнес уже к кануну Крестовых походов по мотивам, указанным мною в первой книге «Христа».

В результате у меня выходит то же, что и у Древса, Румянцева и Немоевского: евангельские сказания того же происхождения как и библейские, и египетские, и индусские, но только по моим выводам они выросли не из пшеничного зерна, а из реальных исключительных явлений природы и общественной жизни IV века нашей эры в центре культурной жизни того времени — окрестностях Везувия, под грохот его извержений.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

АСТРОЛОГИЯ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Рис. 102. Звезда показывает трем астрологам путь к Яслям Христа. Библейская легенда в апперцепции художника XIX века. Из книги J. J. Tissot: La Vie de notre seigneur Jésus Christ.

ГЛАВА I.

ВХОД ХРИСТА В ИЕРУСАЛИМ.

Канонические евангелия православной церкви представляют интереснейшие образчики для научного исследования законов средневекового творчества, когда для человеческой мысли не было еще такого богатого литературного материала, как теперь, а потому и сама мысль была очень элементарна по сравнению с нашей современной.

Совершенно понятно, что самый любознательный по природе человек в средние века, вплоть до огромного размножения книг печатным станком, не мог много читать, а потому и читал всякую доходившую до него книгу так же медленно, как мы читаем приходящие к нам частные письма, разбирая отдельно каждую букву. Беглое чтение есть дар печатного станка, а с ним и беглое мышление, и беглое писание наших привычных литераторов. До изобретения Гутенберга (1456 г.) самый гениальный автор не смог бы быть так плодовит в своих произведениях, как даже средние из современных беллетристических писателей, пишущих томовые сочинения, не заглянув нередко при этом ни в одну постороннюю книгу, а ограничиваясь лишь внутренней переработкой апперцепций, полученных ими из сотен предварительно прочтенных книг и из личной наблюдательности, если их книги кажутся нам хотя бы и до некоторой степени оригинальными и интересными. Вот почему я и отношусь скептически к древности всей классической литературы.

Для того, чтоб ясно видеть, как тяжело было мышление писателя даже в христианский период, я приведу здесь на сопоставительной таблице, прежде всего, сообщение всех четырех евангелистов о входе в город Святого Примирения (Иерусалим) того, кого они называют его еврейским прозвищем Спасатель (Иисус).

ВХОД «ВЕЛИКОГО ЦАРЯ» В ГОРОД СВЯТОГО ПРИМИРЕНИЯ.

(Четыре евангельские апперцепции того же события.)

Иоанн, 12,1.	Лука, 19,29.	Марк, 11,1.	Матвей, 21,1.
За 6 дней до Пасхи пришел Спасатель в Дом божьей Милости *(Бит-Анию)*, где был богопомощник *(Лазарь по-еврейски)*, которого он воскресил из мертвых.	Когда Спасатель приблизился к Дому Пасти *(Бит-фагии)* и к Дому божьей Милости *(Бит-инии)*, к горе, называемой божьею *(Элионскою, переделанною в Масляную)*, он послал двух учеников, говоря:	Когда приблизились к городу Святого Примирения *(Иеро-салиму)*, к Дому Пасти *(Бит-фагии)* и к Дому божьей Милости *(Бит-инии)*, он послал двух учеников, говоря:	Когда приблизились к городу Святого Примиреняи *(Иеро-салиму)* и пришли к Дому Пасти *(Бит-фагии)* к божьей *(Элионской)* горе, Спасатель послал двух учеников, говоря:
Там приготовили ему ужин, и богопомощник был один из лежавших с ним. Марфа служила, а Мария, взявши фунт чистого драгоценного нардового масла *(из корневища растения Andropogon nardi, растущего в Африке и Западной Азии)*, помазала им его ноги и отерла их своими волосами. Весь дом наполнился благоуханием. Богославный Воин-Лев *(Иуда Искариот по-библейски)*, ученик Спасателя, хотевший предать его, сказал: — Почему бы не продать это масло за триста динариев и не раздать бедным? Он сказал это не потому, чтобы заботился о бедных, а потому, что был хищник и носил с собою в ящичке, что туда опускали. — Оставьте ее! — сказал Спасатель. — Она сберегла это масло на день моего погребения. Нищих вы всегда имеете с собою, а меня нет. Многие из богославных, узнавши, что он там, пришли не только для него, но также чтоб видеть и богопомощника, которого он воскресил. Архиереи же (οἱ ἀρχιερέει) решили убить и богопомощника, потому что из-за него многие уверовали в Спасателя.		*[Ничего, подобного рассказу Иоанна о благовонном масле и о воскрешенном Спасателем богопомощнике, нет у остальных евангелистов.]*	
(Рассказ об Осле, навеянный ежегодной поездкой месяца на Осле в созвездии Рака за неделю до Пасхи, у Иоанна приведен далее.)	— Пойдите в противолежащий поселок. Вы найдете там молодого Осла, на которого никто из людей никогда не садился, и если кто спросит: зачем отвязываете его? то отвечайте, что он нужен Властелину.	— Пойдите в поселок, что прямо перед вами. Тотчас при входе вы найдете молодого Осла, на которого не садился никто из людей, и если кто скажет: что это вы делаете? то отвечайте, что он нужен Властелину. И он тотчас пошлет его сюда.	— Пойдите в поселок, что прямо перед вами, и тотчас найдете там привязанную Ослицу и Молодого Осла, и если кто скажет вам что-нибудь, то отвечайте, что они нужны Властелину, и он тотчас пошлет их. И все это было, чтобы сбылось пророчество *(Исаия, 62,11*, и Захария, 9,9), гласящее: скажите дочери Столбной горы: вот твой царь идет к тебе, кроткий, сидя *(сразу!)* на Ослице и молодом Осле, сыне подъяремной *(гороскоп Ильина дня, 20 июля юлианского стиля, считая «царя» за солнце, а не за месяц)*.
[Ссылка на Исаию и Захарию приведена далее.]	*[Ссылки на Исаию и Захарию у Луки нет.]*	*[Ссылки на Исаию и Захарию нет у Марка.]*	

На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что он идет в город Святого Примирения, взяли пальмовые ветви и вышли к нему навстречу, восклицая:	Посланные пошли и нашли Осла. Они ответили спросившим хозяевам как было велено, привели к нему и, накинув на осла свои одежды, посадили его на них. И когда он ехал, многие постилали по дороге свои одежды. А когда он приблизился к спуску с Божьей горы, все множество его учеников начало в радости громогласно славить бога и все виденные ими чудеса, говоря:	Посланные пошли и нашли Осла. Они ответили стоявшим, как было велено, привели к нему Осла, положили на него свои одежды, и он сел на них. И многие постилали свои одежды на его дороге. А другие резали ветви с деревьев и клали на его пути. И предшествовавшие, и сопровождавшие восклицали:	Ученики пошли и поступили, как он приказал. Привели к нему Ослицу и Молодого Осла, положили на них свои одежды, и он сел на них. И множество народа постилали свои одежды на его дороге. А другие резали ветви с деревьев и клали на его пути. И предшествовавший, и сопровождавший народ восклицал:
— Всесильный (ХСН)! Благословен идущий во имя Громовержца! Царь богоборцев! А он, найдя молодого Осла, сел на него по написанному (у Захария, 9,9): «не бойся, дочь Столбной горы! Вот идет твой царь, сидя на молодом Осле!». Ученики сначала не поняли значения этого места у пророка, но вспомнили, когда он прославился.	— Благословен царь, идущий во имя Громовержца! Мир в небесах и слава в высоте!	— Всесильный! Благословен идущий во имя Громовержца! Благословенно царство Возлюбленного, нашего отца, грядущее во имя Громовержца! Всесильный (ХСН) в высоте!	— Всесильный! Сын Возлюбленного! Благословен идущий во имя Громовержца! Всесильный (ХСН)! Весь город пришел в движение, когда он в него вошел. — Кто это? — спрашивали жители. — Это Спаситель, — отвечали им, — пророк из города посвященных *(Назарета по-еврейски)*.

После этого Иоанн еще прибавляет:

«Бывшие с ним прежде свидетельствовали, что он вызвал богопомощника (Лазаря) из гроба, воскресив его, а фарисеи (ариане) говорили между собою:

«— Мы не успеваем ни в чем! весь мир идет за ним!

«Греки же, пришедшие на праздник, просили его учеников, Наездника *(Филиппа)* и Мужественного *(Андрея по-гречески)*, о позволении им видеть спасителя, а Иисус ответил им:

«— Пришел час прославиться человеческому сыну. Если пшеничное зерно, упавши в землю, не умрет, то так и останется одно, а если умрет, то принесет много других зерен *(наивно для ботаника!)*. Душа моя взволновалась... Отец, прославь твое имя!

«— Прославил и прославлю! — раздался грохот с высоты.

«— Это грянул гром! — говорил стоявший тут народ, а другие отвечали:

«— Нет! Это ангел с неба говорил с ним!»

Так оканчивает Иоанн свое описание входа в Иерусалим. Марк не упоминает ни о каком громе, а только говорит:

«Он учил в храме каждый день, а архиереи, и писцы, и власти народа искали средств погубить его, но не могли, потому что весь народ был за него и неотступно его слушал».

А Матвей с Лукой, вместо голоса с неба, приписывают самому Спасителю очень буйный заключительный поступок:

«Войдя в храм, он выгнал из него всех продающих и покупающих, опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей и говорил:

«— В писаньи сказано: мой дом домом молитвы назовется, а вы сделали его яслями разбойников!» *(Исаия, 56, 7; Иеремия, 7, II)*.

Так по Луке и Матвею окончился скандалом вход Христа в Иерусалим. Считая это выдумкой их самих, обратимся к разбору основной части рассказа.

Взгляните еще раз на предшествовавшее сопоставление четырех текстов. Отметьте прежде всего элементарную форму повествования Марка (в III колонке), почти без придаточных предложений и без стилистических отступлений. Таким слогом

писал бы теперь только полуребенок. И простодушным ребенком, хотя может-быть и с сединой в волосах, он действительно был, а все его предшественники и современники были еще более простодушны, потому что даже и следующие поколения приняли его наивную повестушку о Христе за продиктованную ему самим богом, творцом неба и земли. Поэтому даже одна мысль о том, чтобы, например, грек Фукидид мог написать свою многотомную историю войны за гегемонию над Средиземным морем за 400 с лишком лет до начала нашей эры, или чтоб другой грек Евклид в Александрии мог так систематически вывести друг из друга почти все теоремы элементарной геометрии,— кажется такой же абсурдной с современной эволюционной точки зрения, как и существование когда бы то ни было сильного мореходного государства на Сирийском побережьи, где предполагается древний Тир, или сильного сухопутного царства в Лаконском ущельи, где теперь стоит греческая деревушка Спарти.

Десятка два предварительных маленьких записей своих предшественников, сделанных о том же лице на отдельных листках папируса, Марк сложил вместе, в роде книжки, стараясь им придать вид последовательности, занумеровал их числами I, II, III, IV и т. д., и они обратились в евангельские коротенькие главки. К началу всякого нового рассказика (т.-е. главки) он приделывал элементарный переходный мостик от предыдущего рассказика в виде самых простых слов в роде: «через несколько дней после того (т.-е. предшествовавшего рассказа) Иисус увидел того-то», или в роде: «оттуда (т.-е. якобы из предшествовавшего места) он пошел туда-то» (т.-е. в место, где происходит действие нового рассказика) и т. д. И вот вышел небольшой исторический, сентиментальный романчик, или скорее сказка, яко бы из жизни излюбленного великого ученого, а Матвей и Лука дополнили это своими собственными догадками или собранными о нем же другими слухами среди своих современников.

Взгляните же теперь еще один раз на мое сопоставление.

Вот эти три «евангелиста» сидят на ней, как живые: Лука (колонка II) налево от Марка, а Матвей (колонка IV) направо от него и переписывают на листы пергамента, старательно и медлительно, тросточками, обмокнутыми в разведенную клеем сажу, содержание его книжки, называемой «Доброй вестью» (Евангелием), оставив ей тот же заголовок. Кое-где они поправляют его слог, переставляя взад или вперед то или иное его слово, порою заменяют его новым, кажущимся им более подходящим; порою вставляют целую фразу или даже небольшой рассказик, но основной текст Марка везде проглядывает в них, как кости скелета из-под кожи исхудалого человека. Видно, как после каждого своего дополнения компиляторы вновь заглядывают в него, чтобы не сбиться, и, собравшись с силами, переписывают из него целиком фразу или две.

Таково элементарное творчество средневековых авторов, и более сложным оно не могло быть, так как не было еще возможности получить достаточного количества правильных впечатлений и апперцепций от предшествовавших им писателей, еще более элементарных, чем они.

И показанный здесь мною так наглядно процесс писательства Луки и Матвея не был проявлением падения литературного творчества их времен после воображаемого нами «классического расцвета», а, наоборот, он был вершиною умственного творчества, возможного для человека в то время. Классическая литература является уже следующей ступенью, переходным звеном между этой клерикальной (евангелической и библейской) литературой и нашей современной. Не перейдя через эту низшую ступень и не опершись на нее, как на твердую точку опоры, классическая литература не могла бы достигнуть той высоты, на которой мы ее застаем в палео-классических апокрифах эпохи Возрождения и в ее нео-классических произведениях. А не перейдя через палео-классическую и нео-классическую ступень, человеческий ум не мог бы развить нашей современной, еще более высокой, художественной и научной литературы.

Итак, Евангелия Матвея и Луки суть не что иное, как две копии Евангелия Марка, осложненные дополнениями. Это то, что мы назвали бы плагиатами, еслиб авторы выдавали их за свои произведения. Но подобно тому, как мы не называем этим именем наши учебники точных наук, в роде зоологий, анатомий, географий, геометрий и т. д., а только компиляциями, так мы должны называть и Евангелия, тем более, что и сам Марк был тоже компилятор предыдущих разрозненных легенд и отдельных записей. Выше такой усложнительной и дополнительной компиляции не могло развиться умственное творчество людей ранее так называемой (и совсем неправильно) эпохи Возрождения,

*

возникшей как результат изобретения тряпичной бумаги, удешевившей книгу. И сама эпоха Возрождения была лишь новой, высшей ступенью эволюции человеческого литературного творчества, а не возвращением его на какую-то древнюю высшую ступень, с которой оно будто бы упало вниз в средние века, подобно Адаму и Еве, выгнанным за непослушание из рая.

Взглянув еще раз на нашу сопоставительную таблицу, мы не можем не видеть, что в ней особо стоит евангелие Иоанна. Хотя он и руководится тоже Марком, как основой, но он избегает повторять его рассказы и вместо них приводит свои собственные, хотя, повидимому, тоже не только путем чистого беллетристического творчества современных романистов, но сообщая дошедшие до него слухи, и всех их он объединяет общей философской и сентиментальной тенденцией. Здесь уже мы видим не историческую сказку, а скорее первую философскую поэму в прозе.

Торжественный прием народом входящего Спасителя он старается объяснить тем, что тот перед этим «воскресил из мертвых» своего друга «Богопомощника» (Лазаря), для чего и приводит предварительно целую легенду о таком торжестве медицинских знаний своего героя.

Но действительно ли толпа столицы встречала приход в нее «Спасителя» с такой помпой, единственно как знаменитого врача? С этно-психологической точки зрения это очень наивное объяснение. Что был какой-то «Лазарь» для толпы, и что была толпа для этого Лазаря?

Для такого приема было нужно, чтобы население города видело в нем не только спасителя некоего, никому неведомого, Лазаря, но и своего собственного от какой-то всем грозящей беды, или же весь вход был миф, построенный потом через несколько веков на основании каких-нибудь астральных соображений.

За последнее предположение говорит указание на осла и ослицу, «на которых не садился еще никакой человек», и то, что «из яслей Христа были сделаны в храме ясли разбойников». Мы уже знаем, что ослом и ослицей называются две звездочки в созвездии Яслей (теперь Рака, рис. 103), и потому можем допустить, что сопровождавшие его ученики были планеты, сопровождавшие месяц, шедший между Ослом и Ослицей к весеннему

полнолунию, в Деву, за неделю до пасхи, и может-быть к затмению в Деве. Мы можем предположить, что звезды были толпы народа, а пальмовые и древесные ветки и одежды, брошенные на его пути, — перистые и кучевые облака.

Я даже и уверен, что эти подробности взяты из астралистики, но трудно допустить, что тут была она одна, так как у Иоанна нет ничего астрального, и «вход Христа в Иерусалим» объясняется, как мы видели, медицинским чудом Иисуса. Попробуем же разъяснить дело и с земной точки зрения.

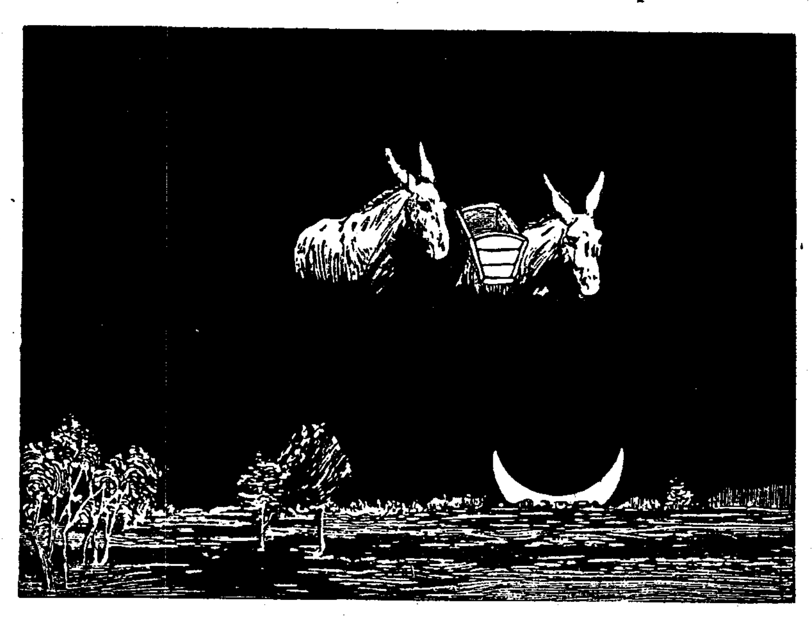

Рис. 103. Осел и Ослица у Яслей в созвездии Рака над заходящим в Близнецах Месяцем в апреле месяце (из Немоевского).

Мы уже знаем, что в евангелиях Спасателем называется четьи-минейский Великий Царь (Василий Великий), основатель христианского богослужения, а Иерусалимом — Геркуланум или Помпея IV века нашей эры. Значит, был какой-то реальный вход основателя христианского богослужения в Помпею или Геркуланум, которого все население ждало, как своего избавления. И зная сейсмические условия той местности, мы можем догадаться, что дело шло об угрозе разрушения этого города новым извержением Везувия, которое, по общему мнению, мог предотвратить только он.

Тогда понятным станет и ламентация Спасателя при входе, приведенная у Луки, и грохот из поднебесья и некоторые другие подробности, какою является, между прочим, и имя горы, с которой сходил Иисус, — Элионская, т.-е. божия *(огнедышащая)* гора.

Кроме того, является почти полное убеждение, что эта легенда поставлена Марком и Иоанном неправильно до столбования «Спасителя», т.-е. прикования к сомме Везувия и происшедшего при этом полного лунного затмения 21 марта 368 года.

Рис. 104. «Вход Христа в Иерусалим». Евангельская легенда в апперцепции старинного христианского художника (с саркофага в Латеране).

По чисто логическим соображениям такой пышный вход (рис. 104 и 105) должен был случиться уже после столбования и после «воскресения из мертвых», т.-е. после выхода из жерла Везувия самого Спасителя, который и мог иметь тоже прозвище Богопомазанника, но превращен Иоанном в его друга, благодаря тому, что он не узнал героя своего рассказа под этим его вторым прозвищем, а потому и заставил его воскрешать самого себя, тоже после трех дней, из гроба. Не даром теологи и видели в Лазаре лишь мистический прообраз самого Христа...

Таковы размышления, которые естественно приходят в голову при психологической обработке евангельского мифа о тор-

Рис. 105. «Вход Христа в Иерусалим». Евангельская легенда в апперцепции художника XIX века. Из книги Les saints évangiles, avec les dessins de M. Bida.

жественном входе Христа в Иерусалим, сообразно с теми сопоставлениями четырех евангелий, которые сам читатель может интерпретировать по моей выписка. Уже сама точность, с которой Матвей и Лука списали этот рассказ с Марка, показывает, что они придавали ему очень серьезное значение. Да не можем отвергать и мы чрезвычайной вероятности такого входа, если поставим его после столбования. Раз Матвей и Лука списали его у Марка так аккуратно, то почему же и Марк не мог его списать не хуже их с более древнего папируса?

Что же касается до того, что это событие, поднявшись в воображении средневековых астрологов с земли на небеса, пустило и там огромные ветви, то и в этом едва ли может сомневаться хоть один астроном.

Прежде всего, когда мог бы быть определен астрологически торжественный вход Спасителя в Помпею, если Христос был символизирован месяцем, едущим на двух ослах в созвездии Рака, а его ученики — сопровождающими его планетами?

Если дело было около пасхи, когда Солнце в Рыбах или в Овне, то и его спутники Меркурий и Венера не могли быть в Раке. Тут могли сопровождать месяц только Сатурн, Юпитер и Марс.

В прилагаемой таблице (табл. XXXVI) даны в первых двух колонках времена всех геоцентрических прохождений Сатурна и Юпитера через средину созвездия Рака в годах и их дробных долях, и мы видим, что первая серия их одновременного прохождения через это созвездие окончилась в 93 году нашей эры, а вторая серия началась лишь с 413 года и продолжалась до 947 года.

В продолжение первой серии Марс в $+33$ году был весной в Тельце и только в июне пришел в Рака, а в 93 году он был весной в Овне и только в июле пришел к Ослам Рака.

Значит, в первой серии нет подходящего решения.

Во второй же серии мы находим первое соединение для праздника «Вход Христа в Иерусалим» (т.-е. за неделю до пасхи) лишь в 590 году, когда Марс был уже в Раке, а Юпитер и Сатурн входили в него сзади из Близнецов.

В это время, вероятно, и было астрологически определено время торжественного входа Спасителя (или Спасенного?) в (уже погибший тогда) город Святого Примирения, как событие, пред-

шествующее его «воскресению из мертвых», а не последовавшее за ним, и оттого получилась хронологическая путаница мистического характера, записанная Марком. Но у Марка Иисус едет (верхом) еще на одном осле, а у Матвея сразу на двух: на осле и на ослице (Матвей, 21, 5 и 7), как мы видели из нашего сопоставления текстов.

Не принял ли «въезд Христа в Иерусалим» такой акробатический характер благодаря тому, что астральное явление прохождения месяца одновременно через фигуры Осла и Ослицы в созвездии Рака повторилось и в день благовещенья, 11 апреля 827 года нашей эры, когда символизировавший Христа месяц действительно ехал по небу на обеих предполагавшихся там фигурах? Марс и Сатурн шли тогда, как Филипп и Андрей, тоже в Раке, да и Юпитер следовал за ними в Близнецах. А именно в это время и закончилось евангелие Матвея, если написавший его Феодор Студит умер не в 826, а в конце 827 года нашей эры, и во всяком случае прибавка к Ослу евангелиста Марка еще и Ослицы и одновременная поездка Христа верхом на них обоих не могли быть созданы простым воображением.

Значит, средневековая астрализация действительного торжественного въезда «Спасенного-Спасителя» в Помпею может считаться доказанной, а это обстоятельство дает нам разъяснение и всего «скорбного пути» евангельского Христа «на крестную смерть», как она описана в евангелиях. Посидев в созвездии Рака на его Осле и Ослице, средневековой небесный символ Христа — месяц — идет прямо в уста созвездия Льва, которое как бы и предает его своим поцелуем. Ведь и самое выражение Иуда Искариот по-еврейски значит богославный Воин-Лев.[1] А выражение, что он носил за собою ящичек или кошелек с деньгами, вполне соответствует находящейся за ним группе маленьких, как монетки, звездочек в созвездии, названном потом Волосами Вереники. Тут же виднеется впереди и созвездие Чаша, соответствующее моленью евангельского учителя: «да идет мимо Чаша сия», и она действительно остается в стороне от его пути.

---

[1] יהודה איש כ־אריה (ИЕ-УДЕ АЙШ-К-АРИЕ) — богославный Муж-как-Лев (или богославный воин-арианин).

ТАБЛИЦА XXXVI.

Схождения Сатурна, Юпитера и Марса в созвездии Рака от начала нашей эры.

Сатурн в средине Рака.	Юпитер в средине Рака.	Марс проходил через Рака.
3.08	10.19	
32.54	33.91	
62.00	69.50	
91.45	93.22	
120.91	128.81	
150.37	152.53	
179.82	176.26	
209.28	211.84	
238.74	235.57	
268.20	271.15	
297.65	294.88	
327.11	330.46	
356.56	354.19	
386.02	389.77	
+ 415.48	413.50	Марс в 414 году не был в Раке. Шел из Скорпиона в Близнецов.
444.94	449.08	
+ 474.40	472.81	Марс в 473 году пришел в Рака только в июле вместе с Солнцем; в марте был в Тельце.
503.85	508.39	
+ 533.31	532.11	Марс в 532 году не был в Раке; шел из Девы в Козерога.
562.77	567.70	
+ 592.22	591.44	Марс в 591 году пришел в Рака лишь в ноябре, а в 592 году шел из Льва в Стрельца. А в 590 году в марте Марс был в Раке, и Юпитер и Сатурн лишь переходили в него из Близнецов. Первое подходящее.
621.68	627.07	

Сатурн в средине Рака.	Юпитер в средине Рака.	Марс проходил через Рака.
+ 651.14	650.73	Марс пришел в Рака в июне 650 года, а в марте входил в Близнецов.
680.59	686.32	
+ 710.05	710.04	Марс пришел в Рака в июле 710 года вместе с Солнцем, а в марте был в Овне.
739.51	733.77	
+ 768.97	769.35	Марс в 769 году не был в Раке, а шел от Девы к Козерогу.
798.42	793.08	
+ 827.88	828.66	Марс в 828 году пришел в Рака в ноябре, а в марте был за Солнцем в Рыбах, а в 827 году всю первую половину был в Раке, но Юпитер был еще в Близнецах.
857.33	852.39	
886.79	887.97	За все время нашей эры до 1505 года соединения Марса, Юпитера и Сатурна в Раке были только в июле 473 года, в ноябре 591 года, в июне 650, года в июле 710 года и в ноябре 828 года.
916.25	911.70	
945.70	947.28	
975.17	971.01	
1004.62	1006.60	
1034.08	1030.32	
1063.54	1065.91	
1092.99	1089.63	
1122.45	1125.22	
1151.91	1148.94	
1181.36	1184.53	
1210.82	1208.25	
1240.28	1243.84	
1269.74	1267.56	
1299.19	1291.29	
1328.65	1326.87	
1358.10	1350.60	
1387.56	1386.18	
1417.02	1421.77	

Сатурн в средине Рака.	Юпитер в средине Рака.	Марс проходил через Рака.
+ 1446.47	1445.49	В 1446 году Марс не был в Раке; шел из Девы в Козерога.
1475.94	1469.22	
+ 1505.39	1504.80	В 1505 году Марс пришел из Стрельца в Рака в ноябре.
1534.85	1540.39	
+ 1564.31	1564.11	В 1564 году Марс пришел в Рака в июле вместе с Солнцем.
1593.76	1599.70	
+ 1623.22	1623.42	В 1623 году Марс не был в Раке. Шел из Весов в Стрельца.
1652.68	1659.01	
+ 1682.13	1682.73	В 1682 году Марс пришел в Рака в июне.
1711.59	1718.32	
+ 1741.05	1742.04	В 1741 году Марс был в Раке с апреля, но Юпитер был еще в Близнецах.
1770.51	1777.63	
+ 1799.96	1801.35	В 1800 году Марс не был в Раке, шел из Скорпиона во Льва.
1829.42	1825.07	
1858.88	1860.66	
1888.33	1884.38	
1917.79	1919.97	

Пройдя через Воина-Льва (рис. 106), месяц идет **на крест,** т.-е. скрещенье эклиптики с экватором, у которого стоит уже и его мать—Дева и символ суда—Весы, а затем он входит в созвездие Смерти, в виде Скорпиона над Жертвенником, и тут же находится его гробница, высеченная в скале: Ущелье Млечного Пути, из которого возносится на небо символ его воскресения из мертвых Змиедержец с укрощенным Змием Греха в руках.

Невольно хочется думать, что вся эта история о скорбном пути Христа навеяна тем, что в символе суда — Весах, где лунные затмения бывают в конце марта и в апреле, было полное лунное

затмение в ночь со страстной среды на четверг или с четверга на пятницу, и потому интересно проследить, когда какое-нибудь из апрельских затмений приходилось в ночь на пасхальное воскресенье, при чем нельзя считать раньше 20 марта и после 24 апреля, когда уже не может быть предпасхальных затмений.

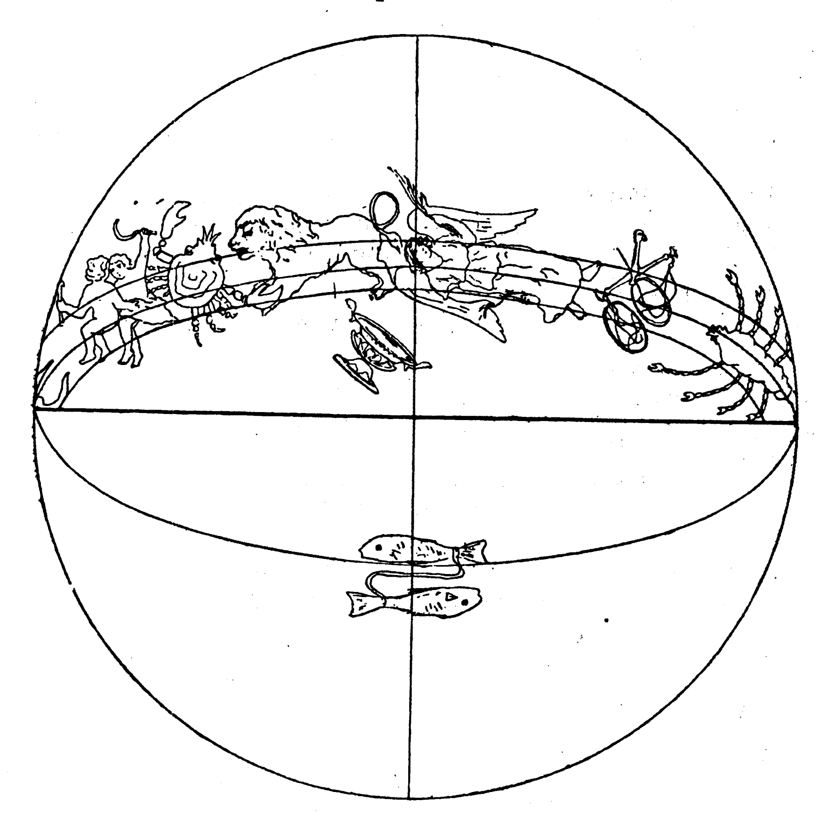

Рис. 106. Созвездия от Близнецов до Скорпиона как путь «Христа» от рождения его почти одновременно с Иоанном Купалой и до смерти в Скорпионе. Изображено как бы на другой стороне прозрачного шара-неба за созвездием Двух Рыб.

Отбрасывая длинную вереницу вычислений, посредством которых я просеял все неподходящие случаи, я приведу только мои окончательные результаты.

1.— **В ночь со страстной среды на четверг** с начала нашей эры и до XII века были лишь следующие подходящие лунные затмения:

Лунное затмение 19 апреля 227 года, со страстной среды на четверг, в 4 часа 3 минуты от Гринвичской полуночи, полное (14″4).[1] Пасха определяется на 22 апреля, но тогда еще не могло быть православной пасхалии.

Лунное затмение 30 марта 321 года, к концу ночи со среды на четверг, в 5 часов 45 минут от Гринвичской полуночи полное (14″0), но оно могло быть видимо только в Испании. Пасха определяется на 2 апреля.

Лунное затмение 12 апреля 423 года в ночь со страстной среды на четверг, в 1 час 26 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (18″8). Пасха определяется на 15 апреля.

Лунное затмение 21 марта 368 года, которое определяется только натуральной пасхалией, как и должно быть для давшего реальное совпадение (церковная пасхалия неточно определяет равноденствия).

Лунное затмение 30 марта 842 года в ночь со страстной среды на четверг, в 3 часа 37 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (15″3). Пасха определяется православной пасхалией на 2 апреля.

2.— **В ночь со страстного четверга на пятницу** от начала нашей эры и до XII века были только:

Лунное затмение 17 апреля 162 года в 0 часов 48 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (16″4), со страстного четверга на пятницу. Пасха определяется православной пасхалией (которой тогда еще не было) на 19 апреля.

Лунное затмение 23 марта 517 года в 18 часов 42 минуты от Гринвичской полуночи после заката солнца в четверг, сверхполное (20″3). Пасха определяется на 26 марта.

Лунное затмение 16 апреля 683 года в 23 часа 7 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (18″0), в ночь со страстного четверга на пятницу. Пасха определяется на 19 апреля.

Лунное затмение 21 марта 889 года в 2 часа 42 минуты от Гринвичской полуночи, в ночь со страстного четверга на пятницу, сверхполное (18″8). Пасха определяется на 23 марта.

И более не было.

3.— **В ночь со страстной пятницы на субботу** от начала нашей эры до XII века были только:

Лунное затмение 31 марта 405 года в 18 часов 47 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (16″9). Пасха определяется на 2 апреля.

Лунное затмение 5 апреля 581 года в 2 часа 33 минуты от Гринвичской полуночи, частное (6″6). Пасха определяется на 6 апреля.

Лунное затмение 7 апреля 730 года в 22 часа 28 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (18″6). Пасха определяется на 9 апреля.

[1] Полное затмение, когда тень земли бывает равна луне, определяется баллом 12″0; избыток балла показывает избыток затемнения. Недочет балла до 12″0 показывает недочет затемнения.

Лунное затмение 28 марта 777 года в 21 час 55 минут от Гринвичской полуночи, сверхполное (16″4), в ночь со страстной пятницы на субботу. Пасха определяется на 30 марта.

И более не было.

4.— **В ночь со страстной субботы на воскресенье** было только одно:

Лунное затмение 15 апреля 618 года в 18 часов 33 минуты, т.-е. после заката солнца в страстную субботу, сверхполное (19″5). Пасха определяется на 16 апреля.

А в самое пасхальное воскресенье перед восходом солнца утром было лишь затмение 25 марта 563 года в 4 часа 55 минут от Гринвичской полуночи, неполное (7″7). В таком печальном виде луна и зашла при восходе солнца в этот торжественный день. Праздник воскресения Христа определяется не вполне согласной с астрономией церковной пасхалией в этом году на 25 марта, как раз на полнолуние, да еще с затмением!

Я нарочно расчислил все эти «страстные» затмения потому, что все они несомненно вызывали много тревог у христиан в средние века.

Отсюда выходит, что детали «**скорбного пути**» Христа были, вероятно, определены астрологически по лунному затмению со страстного четверга на пятницу 23 марта 517 года, и это не противоречит данному мною здесь выше вычислению (табл. XXXVI), что **въезд Христа сразу на двух ослах** в Иерусалим был открыт астрологическим же способом только в 590 году.

Но если даже этот «скорбный путь» и миф, то зерно его все же не в простой астрологии, а в действительном прикреплении какого-то великого ученого к сомме Везувия во время извержения, в его выходе оттуда невредимым и в последующем торжественном его входе в пострадавшую Помпею или в Геркуланум.

Из ничего не вырастает ничего, даже и в теологической мифологии. Думать, что чей-то сон, или ночное созерцание каких-то забытых теперь древних астрологов могли превратить в сплошной сумасшедший дом всю средневековую Европу, какой она несомненно была со своей мистической теологией, это так же наивно, как сказать, что вспышка щепотки пороха могла разрушить когда-то весь культурный мир. Для того, чтобы вся культурная Европа могла потерять на несколько сот лет значи-

тельную часть своего рассудка, нужна была действительно доводящая до потери разума стихийная катастрофа в центре ее умственной жизни, и даже не одна катастрофа, а целый ряд.

Таким рядом ужасных катастроф и были чудовищные извержения Везувия и сопровождавшее их землетрясение не только в Италии, но и в разных странах того времени.

ГЛАВА II.

ЗВЕЗДА МАГОВ.

Я уже говорил, что евангелисты Матвей и Лука переписали почти целиком всего Марка, прибавив к нему лишь несколько малоправдоподобных и большею частью различных у каждого автора позднейших легенд.

Так, легенда о новой звезде, появившейся при рождении Иисуса, прибавляется только в евангелии Матвея и нигде более не упоминается.

«После рождения Спасителя в Хлебном селе в стране богославия, — говорит он, — во дни царя Героя (по нашему сопоставлению в царствование Константина Августа, 306—337 гг., умершего за 26 лет до вычисленной нами даты столбования Иисуса) пришли в город Святого Примирения астрологи и сказали:

« — Где здесь родившийся царь богославных? Мы видели его звезду и пришли ему поклониться».

Царь Герой смутился, услышав это, и, тайно призвав астрологов, выведал от них время появления звезды (как будто сам не мог ее видеть!). Послав их в Хлебное село, он сказал:

« — Идите, разведайте тщательно о младенце и известите меня, чтоб и я мог ему поклониться».

Они пошли, а звезда шла перед ними и остановилась, где был младенец.

Вошедши в дом, они увидели младенца с его матерью (рис. 107) и, упавши ниц, поклонились ему. Они принесли ему в дар золото, ладан и мирру [1] и, получив во сне откровение не возвращаться к царю, ушли другим путем в свою страну. Царь Герой сильно разгневался за это и послал избить всех младенцев в Хлебном селе и во всех его пределах от двух лет и ниже. Но вестник бога еще ранее сказал во сне Иосифу, отцу Спасителя:

« — Встань и беги в Египет вместе с младенцем и его матерью».

А после смерти царя он вновь явился во сне и сказал:

« — Возьми младенца и его мать и возвратись в землю богоборцев. Умерли искавшие душу младенца» (Матв., 1, 1—2).

[1] Мирра (מר-МР) — пахучая горькая смола аравийского дерева Balsamodendron Myrra.

Скажите сами, читатель: неужели вы думаете, что этот рассказ правда? И волхвы с дарами, и звезда, и бегство, и избиение за это младенцев?

Рис. 107. Дары трех астрологов, в апперцепции средневекового художника.

В таком случае я совершенно отказываюсь спорить с вами.

Избиение младенцев тут должно быть навеяно огнеметом падающих звездочек в Близнецах, происходящим и теперь ежегодно 10 декабря нового стиля, когда они кульминируют в полночь, а Сириус (т. е. Сирийская звезда) ведет к ним трех волхвов, как назывались прежде три звездочки пояса Ориона (рис. 108). Если же вам уж очень не хочется чисто астрального объяснения, то не проще ли допустить, что это является апперцепционным воспоминанием о введении обряда обрезания младенцев, которое испуганным матерям казалось их избиением? Ведь это тем более допустимо, что Матвей тут же говорит:

« — И вот сбылось пророчество Иеремии: «Был слышен в Риме вопль и горькое рыданье: то Овечка (Рахиль) оплакивала своих детей и не могла утешиться, потому что их нет» (Иер., 31, 16).

Ведь в пророчестве «Иеремия» слова эти относятся совсем не к царю Герою, и их трудно объяснить огнеметом геминид 10 декабря.

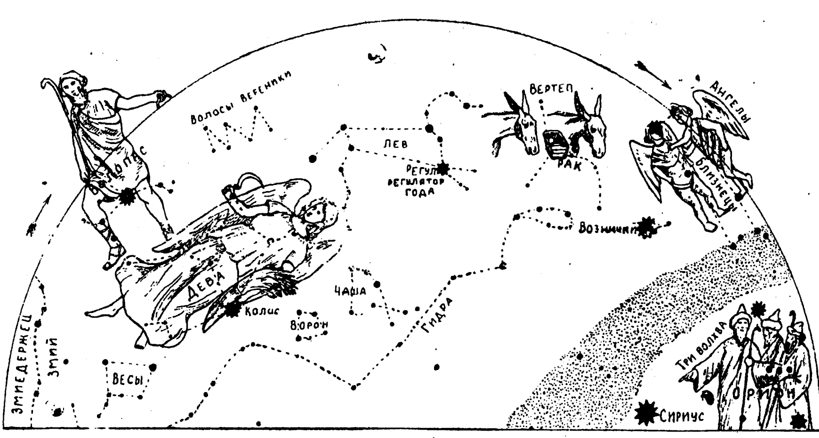

Рис. 108. Вид южной части неба в декабрьское утро часа за два до восхода солнца. Дева выводит за собою на востоке прежде существовавшее в ней солнце. Над Землей вертеп, т.-е. Ясли, около них Херувимы-Близнецы, а направо на западе три волхва (как назывались три звезды пояса Ориона).

А если же мне скажут, что около рождения евангельского Великого Учителя могла появиться и действительная временная звезда, то вот таблица, на которой я даю их список.

ТАБЛИЦА XXXVII.

Временные звезды от древнейших исторических времен до нового времени (по китайским летописям и европейским наблюдениям).

В 134 г. до начала нашей эры была звезда в созвездии Скорпиона. (Сомнительная дата.)
» 77 » — в Большой Медведице. (Невероятное сообщение: слишком далеко от Млечного Пути.)
» 101 » нашей эры — Зеленоватая во Льве. (Сомнительна. Слишком далеко от Млечного Пути.)
» 123 » — между Змиедержцем и Геркулесом.
» 173 » декабря 10, очень яркая между Альфой и Бетой Центавра.
» 340 » марта 5, — в Деве около Льва.
» 386 » — между Ламбдой и Фи Стрельца.
» 389 (или 398) — яркая, как Венера в Орле близ Атаира.
» 393 г. — в хвосте Скорпиона.
» 561 » — очень яркая в Чаше.
» 829 » — около Прокиона в Малом Псе.
» 945 » — в Кассиопее (сомнительна).
» 1011 » — близ Дзеты Стрельца.
» 1012 » в мае, ослепительная, в Овне.

В 1054 г. — сомнительная в Тельце.
» 1139 » — сомнительная в Деве.
» 1203 » — близ Ми в Скорпионе.
» 1572 » — блестящая звезда, описанная Тихо-Браге в Кассиопее.
» 1584 » — около Пи в Скорпионе.
» 1604 » — около Эты в ноге Змиедержца, описанная Кейлером.
» 1670 » — близ Беты Скорпиона, описанная Антельмом.
» 1848 » — очень маленькая в Змиедержце.

Мы видим отсюда, что из всех временных звезд, начиная с 134 года перед началом нашей эры и вплоть до наших дней, нет ни одной, приходящейся близ предполагаемого теологами года рождения Иисуса в начале нашей эры. Ближайшая, да и то сомнительная, звезда указывается лишь за 77 лет до первого года нашей эры, а другие временные звезды все отстоят от начала нашей эры более чем на столетие.

Другое получаем мы, когда встанем на нашу точку зрения о том, что Иисус был тожествен с Василием Великим. Тогда как раз в его время мы видим новую звезду в созвездии Девы, наблюдавшуюся в Китае, а с ним и на всей земле, около благовещенья, 5 марта 340 г., и, конечно, существовавшую не один месяц. Китайские летописи Ше-Ке и Ма-Туань-Линь называют ее кометою, но кометы не могло быть в Деве, когда солнце входит в Овна без того, чтобы эта комета не прошла в чрезвычайно ярком виде через половину неба, и потому это должна быть временная звезда, хотя и не очень яркая. Она следовала в своем суточном движении за созвездием Змиедержца, сделавшимся впоследствии символом Иисуса, возносящегося на небо. Когда Змиедержец заходил вместе с солнцем в конце декабря на западе, она должна была в продолжение часа сиять над огнем вечерней зари в то время, как на востоке поднимались уже «три Волхва», созвездия Ориона, чтобы следовать по ее дороге с востока на запад. Воспоминание о ней могло быть оживлено тремя другими временными звездами конца IV века, особенно же «яркой, как Венера», появившейся в созвездии Орла в 389 году, когда «возвращения Христа» ждали уже двадцать лет.

Но почему же в таком случае этой первостепенной по своей сенсационности легенды нет ни у Иоанна, ни у Марка, а только в очень позднем евангелии Матвея, которое, по моим соображениям в первой книге «Христа», написано лишь Федором Студитом, умершим по церковной традиции в 826 году. Не потому

*

ли, что он умер несколько позднее, и в его евангелие попала временная звезда 829 года около Прокиона, которая наиболее удовлетворяет легенде? Или это была звезда Ахернар, имя которой значит Новый Светоч, потому что она появилась благодаря прецессии над горизонтом умеренных стран лишь в средние века?

Но как бы вы ни смотрели на эти детали, а легенда о Волхвах все же записана на звездном небе, и к нему относится рождественский гимн, который я уже приводил в первой книге «Христа»:

Рождество твое, христос-бог наш,
Воссияло миру светом разума.
По нему звездам служащие
Звездой научилися
Тебе кланяться, солнцу правды,
Тебя видеть с высоты востока.

Или:

Дева днесь преждесуществовавшего
(*солнце*) рождает.
И земля грот (*с яслями*) ему, неприступному,
подносит,
Вестники с пастырями (*звездами Волопаса*)
славословят,
Волхвы же (*три звезды Ориона*) за звездою
(*Сириусом*) путешествуют.
Ради нас родилось молодое дитя,
Предвечный бог.

ГЛАВА III.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ О БЛАГОВЕЩЕНИИ В СВЯЗИ С НЕБЕСНЫМИ И ЗЕМНЫМИ СОБЫТИЯМИ НАЧАЛА V ВЕКА.

Таково астрологическое объяснение Вифлеемской звезды, и несомненно, что оно подходит к евангельскому сказанию лишь в том случае, если мы будем искать Иисуса в IV, а не в I веке нашей эры. К таким же результатам приводит и описываемая другим позднейшим евангелистом — Лукою и не упоминаемая ни Марком, ни Иоанном астральная подробность рождения Иисуса — благовещение о нем.

Мы находим эту легенду у Луки как раз взамен только-что рассмотренного сказания о звезде магов и видим, что она поставлена там в преемственную связь также и с благовещением о рождении Иоанна Купателя (от греческого слова βαπτίζω). Они так интересны, что я рассмотрю их вместе.

«Так как уже многие, — начинает Лука свое евангелие, — начали составлять повествования о совершенно известных между ними событиях, как их передали нам бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, достопочтенный боголюб, по порядку описать тебе все с самого начала, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором ты был наставлен.

«Во времена богославного царя Героя жил священник Память божия (*Захарий*) и жена его Клятва божия (*Елизавета*). У них не было детей. Однажды, когда он совершал свою службу, явился небесный вестник направо от Жертвенника и сказал ему:

«— Не бойся, Божья Память, твоя молитва услышана. Жена твоя родит сына и ты назовешь его Ионнец (Иоанн). Он будет велик перед Громовержцем, не будет пить вина, но будет полон святого вдохновения еще во чреве своей матери. Много детей богоборца обратит он к Громовержцу, их богу, и будет идти перед ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить к детям сердца отцов, а непокорным дать образ мыслей праведников, чтобы представить Громовержцу народ подготовленный.

«— Как мне поверить этому? — сказал священник. — Моя жена уже старуха.

«— Я, божий Богатырь (Гавриил), предстоящий перед богом Громовержцем, — ответил тот, — и вот ты будешь молчать до того дня, пока не сбудется все то, что я тебе говорил».

Память божия тотчас онемел, а Клятва божия зачала, но таилась пять месяцев.

Откуда взялась эта легенда? Здесь божий Богатырь явился по правую сторону созвездия Жертвенника, и в таком случае это была большая мечеобразная комета, которую вдруг увидали в созвездии Весов. В именах родителей Ионийца — в священнике, названном Памятью божией, и в его жене Клятве божией мы тоже можем предполагать не действительные имена людей, а, например, созвездия Кассиопею и Цефея, вечно ходящего, как

священник, вокруг небесного полюса, никогда не заходя даже и в Египте. Но кто же такой сам Ионнец? Астрально — это Водолей, а территориально это должна быть реальная личность, имя того, кто установил обряд купанья, как символ христианской веры, потому что ни в какой другой религии такого обряда нет. Значит, основатель его, кто бы он ни был, действительно существовал, и слова евангелия, что он с юности исполнится вдохновения и будет итти перед Громовержцем в духе и силе Илии, чтобы представить ему подготовленный народ, являются только резюмировкой того, что было потом известно о нем в действительности. Но куда бы мы ни отнесли время жизни Иисуса, грек-купатель, в том виде, как его описывают сами евангелисты, является совершенно ничтожной личностью, о которой ровно ничего не известно, кроме того, что он будто бы купал людей в Шериат-Эль-Кебире (Лже-Иордане), да неправдоподобного рассказа евангелиста Матвея (14,3) о том, что дочь царя Героя (Ирода) однажды так хорошо танцовала перед гостями на именинах своего отца, что он обещал ей дать, чего она ни попросит, а она вместо того, чтобы попросить конфект или нарядов, как сделала бы на ее месте всякая даже и не старинная девушка, будто бы сказала ему:

«— Дай мне здесь на блюде голову Иоанна Купателя».

А когда ей ее подали, она отнесла ее своей матери (Матв., 14, 11).

Здесь все показывает, что миф об Иоанне Крестителе—астральный миф, но что повод к нему дал действительный выдающийся человек, живший на Востоке одновременно с евангельским Учителем и введший обряд крещения во второй половине четвертого века. Но кто же мог бы это быть? И вот история четвертого века опять указывает нам только одно подходящее лицо: знаменитого Иоанна Златоуста, который сохранился в церковной истории Сократа Схоластика (Спасителя Власти) как действительная историческая личность, у евреев как легендарный пророк Иона, предсказывавший гибель Ниневии,[1] и как Елисей, ученик вознесшегося на небо Илии, а у христиан — как легендарный Иоанн богослов и еще более легендарный Иоанн Купатель (или по-русски Креститель).

---

[1] См. мое «Откровение в Грозе и Буре» 1907 г.

Легенда о нем, повидимому, развилась очень скоро.

Я уже говорил, что обряд купанья, как символ христианского посвящения, возник, вероятно, оттого, что когда больной еще Иисус переправлялся после своего воскресения из мертвых через реку, сидя на осле, которого вел под уздцы юный Иоанн, вдруг налетела гроза, и внезапный разлив реки выкупал всю следовавшую за ним восторженную толпу, что и было принято за специальное знамение. А потом все это было из конца перенесено в начало и приписано несуществовавшему лицу.

Такого рода превращения нередки в среде лиц, сильно экзальтированных гонениями. Я сам, живя в эмиграции, отмечал несколько раз, как какое-нибудь из моих же собственных приключений во время хождения в народ в 1874 году доходило до меня уже сильно изменившимся и отнесенным к другой личности и к другому месту. И если бы я не был достаточно наблюдателен, чтобы сообразить в чем дело, то я легко мог бы записать такие сообщения как случаи, бывшие совсем с другим лицом, хотя и похожие на мое приключение.

Таким образом, все, что есть действительного в этом мифе,— это астральная подробность, что около времени рождения Иисуса т.-е. близко к 330 году нашей эры, явилась комета направо от созвездия Жертвенника, т.-е. в Весах и в Деве, которая впоследствии, т.-е. в V веке, и была истолкована как благовещение о рождении мифического купателя людей Ионийца — Грека, который купал потом и самого «сына божия».

А вот сказание и о другой комете, появившейся в Деве около того же времени.

«В месяце шестом *(т.-е. в марте по византийскому счету, когда солнце входит в созвездие Девы)* послан был от бога небесный вестник — божий Богатырь *(по-еврейски Гавриил)* в город Круга *(Галиля)*, называемый Венчанным *(Назаретом — по-еврейски)*, к Деве, обрученной мужу, по имени Иосифу *(символизированному звездным Волопасом, стоящим на страже над Девой)*, родом из дома Возлюбленного. Имя же Деве — *Превосходная (Мария)*. Я уже говорил ранее об этом сказании, но повторяю и здесь для связности рассказа. Небесный вестник, подойдя к ней, сказал:

«— Радуйся, получившая благоволение! Благословенна ты между женщинами!

«Увидевши его, она смутилась и размышляла, что бы это было за приветствие. Но вестник неба сказал ей:

Рис. 109. Благовещение в старинной египетской апперцепции. Барельеф в египетских Фивах. Архангел Гавриил получил птичий клюв и имя Тота. Дева Мария превратилась в королеву Мет-ем-ве, и Иисус в Аменофиса III.

«— Не бойся. Ты обрела благоволение бога, и, вот, зачнешь во чреве и родишь сына и назовешь его Спаситель (Иешуа по-еврейски). Он будет велик и наречется сыном всевышнего, и даст ему бог Громовержец престол Возлюбленного, его отца, и будет он царствовать над домом Богоследителя (по-сирийски Иакова) вовеки, и царству его не будет конца» (рис. 109, 110, 111).

А Дева сказала божьему Богатырю:

« — Как это будет, когда у меня нет мужа?

« — Дух святой повеет на тебя и сила всевышнего осенит тебя, а потому и рождаемое будет свято и наречется божиим сыном (Лука, I, 26—35).

«— Я служанка бога, — сказала Дева, — пусть будет, как ты говоришь.

«И отошел вестник от нее» (1, 38).

Все содержание этого рассказа свидетельствует о том, что легенда о благовещении (которое празднуется православною церковью 25 марта, когда Дева кульминирует в полночь, а солнце входит в Овна возникла не из реальной жизни, в которую редко залетают ангелы, а чисто астральным путем.

Но какою же из исторических больших комет мог быть этот небесный вестник, божий Богатырь, олицетворившийся в современном архангеле Гаврииле? Ведь здесь ясно, что это не было солнце, вошедшее в Деву. Всевозрождающее солнце была лишь благодать, которая ежегодно сходила на эту Деву, и солнце не напугало бы ее. Значит и это была большая комета,

Рис. 110. Благовещение в другой египетской апперцепции. Направо апокалиптический Овен с крестом.

Рис. 111. Благовещение девице Марии в апперцепции новейшего европейского иллюстратора евангелий. Сломана прялка! Из книги Les saints évangiles, avec les dessins de M. Bida.

Но какие кометы проходили в древности через Деву или, вернее говоря, уходили от нее, так как в конце легенды сказано «и отошел от нее вестник»? Ведь в этих двух связанных друг с другом благовещениях мы видим указание даже на две кометы, проходившие одна вскоре после другой, около Девы, а такое совпадение является исключительным.

Посмотрим сначала годы близ предполагаемого теологами года рождества Иисуса, т.-е. около начала нашей эры.

По китайским летописям Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, довольно верным руководителям среди небесных событий после начала нашей эры (а в предшествующие этому века и они начинают фантазировать в отметках небывалых солнечных затмений), единственная яркая комета была — комета Галлея, но она должна была явиться за двенадцать лет до предполагаемого теологами рождества Христова, а в остальном, нужно признаться, довольно хорошо удовлетворяет рассказу. При первом своем появлении 12 августа, когда солнце входило в Деву, комета Галлея шла по утрам, догоняя Деву через созвездие Близнецов и Рака с его Яслями. Затем через тринадцать дней она перегнала солнце и появилась на вечернем небе, уже уходя от него и от Девы под созвездиями Волопаса и Змиедержца, и на пятьдесят шестой день исчезла в созвездии Стрельца.

Она, конечно, могла бы дать начало приводимому Лукою рассказу, хотя она и была за двенадцать лет до указанного теологами года.

Но посмотрим, не приходило ли в Деву при таких же условиях еще лучшей кометы лет за тридцать до вычисленного нами года столбования Иисуса, т.-е. около 335—340 годов. Оказывается, что да.

Прежде всего китайские летописи указывают в этот период на странную звезду, наблюдавшуюся их астрономами 5 марта 340 года между Львом и Девой, которую можно принять за звезду магов.

Затем 8 декабря 343 года те же китайские летописи Ше-Ке и Ма-Туань-Линь отмечают у ног Девы большую белую комету «в 7 локтей длины», которая вполне подходит к данному случаю. Ее же они ошибочно относят на зиму 349 года, говоря:

«В ногах Девы видели комету белую и яркую, направляющуюся на запад, 10-ти локтей длиною. Ее наблюдали впервые 23 ноября, и она была заметна и 13 февраля» т.-е. почти до благовещенского месяца марта.

Это, несомненно, та же комета, что и предыдущая, так как у обеих не могло быть другого пути к Деве от солнца, находившегося в Стрельце. Всякая комета могла пройти оттуда в Деву только через Весы. Затем она, особенно по второму, более подробному, описанию, должна была направиться через Льва к Яслям Рака, первоисточнику тех яслей, в которых родился легендаризованный и астрализованный ко времени составления евангелия Луки Иисус, родившийся на деле, вероятно, в собственном доме своего отца — архитектора, а не в яслях на дороге, хотя и в этом нет ничего невероятного. Эта комета (или даже целых две) настолько удовлетворяет евангельскому описанию, что других не стоит и искать. Лука, писавший только в IX веке, когда личность Иисуса была давно окружена легендами, знал из каких-то записей, что около времени предполагаемого года рождения Иисуса на небе было знамение Деве, в виде посланного ей яркого вестника, и он персонифицировал все это простодушно в фантастическом архангеле Гаврииле, так как он понял эту легенду апперцепционно.

Интересно добавить, что и за пять лет до столбования евангельского «учителя» в августе 363 года, когда солнце тоже входило из Льва в Деву, те же две китайские летописи отмечают еще новую вечернюю комету, прошедшую из Девы в созвездие Весов (как символ грядущего суда над Иисусом), и затем она прошла в пространство, ограниченное Змием, символом первородного греха, а через него — к Змиедержцу, вознесшемуся к Трону бога по Млечному Пути небес, попирая ногою смерть (созвездие Скорпиона) и как бы предсказывая все, что вскоре должно было случиться с Великим Царем. Не отсюда ли идет и рассказ о том, что он сам предсказал свою смерть?

Итак, астрономия может объяснить оба евангельские благовещения об Иоанне и об Иисусе только при отнесении рождения их к средине IV века.

Добавим еще, что за тридцать два года до столбования евангельского Великого Учителя, около праздника крещения, когда солнце было в Водолее, китайцы отмечают еще одну комету, находившуюся над Овном, в Андромеде, которая тоже могла быть принята за благовествование о ком-нибудь.

В заключение отметим еще следующее.

В Евангелии Матвея, как мы уже видели, к Вифлеемской звезде, относимой автором к тому же времени, прибавлен еще рассказ об избиении младенцев. И вот, как раз к вычисленному нами времени «столбования» Иисуса в 368 году относится историками следующее, хотя уже и не астральное, сказание, объясняющее эту прибавку.

«В последние годы царствования Валента,— рассказывает Сократ-Схоластик (IV, 19),— некоторые люди «прибегали к волшебству, чтобы узнать, кто будет царем после Валента, и демон показал четыре буквы, из которых три были надстрочные ФЕО, и четвертая была строчная, которую можно было принять как за S, так и за δ. При первом чтении выходило «бог» (ФЕОs), а при втором выходило начало нескольких имен, начинающихся с этого слова, каковы Богодарованный (Феодор), Богославный (Феодосий), Богоданный (Феодот) и «Слуга бога» (Феодул).

Молва об этом, по словам «Ученого Спасителя Власти», дошла до царя Валента. Испугавшись такого пророчества, он будто бы приказал убить всех носивших подобные имена.

«В числе их, — говорит Сократ-Схоластик, — погиб и некто Феодосий, доблестный человек, происходивший из знатной фамилии в Испании. Страшась угрожающей опасности, многие тогда переменили такие свои имена, отказываясь от них, как от беды» (IV, 14).

Нетрудно видеть, что это необыкновенное избиение всех Богодарованных, Богоданных, Богославных и Богослужащих, как раз в вычисленное нами время столбования богоданного Иисуса, несравненно лучше объясняется молвою о его воскресении из мертвых и о его грядущем воцарении, вместо Валента, чем сумасшедшим предсказанием какого-то неведомого гадателя, которого, конечно, и казнили бы только самого.

Здесь, в евангелии Марка, мы видим тоже перенесение в начало позднейшего события. То, что случилось после столбования «Учителя», перенесено на время его рождения, а потому и возникновение легенды о его бегстве с родителями в Египет в евангелии может быть вероятнее всего объяснено тем, что он, спасаясь от своих непомерно усердных прозелитов, хотевших во что бы то ни стало сделать его цезарем, действительно бежал на восток, захватив с собой и отца, и мать, и все семейство.

Только с этой точки зрения возникновение приводимой Матвеем легенды становится психологически естественным и даже неизбежным. Ведь для евангелиста признание факта бегства его бога после воскресения означало бы отказ от окрепшей уже догмы об его добровольной жертве за грехи людей.

В то же время мы имеем сказание о появлении в Египетской Александрии и другого, не менее преданного Великому Царю, чем Иоанн Златоуст, последователя—Петра (Сократ-Схоластик, IV, 21). Одновременно с этим происходит — по Сократу— и сожжение на кострах сторонников единосущности Иисуса и бога, несправедливо отодвигаемое, как теперь уже доказано, историками[1] ко времени царствования Нерона.

«Арианствующие,—говорит Спаситель Власти,— били, оскорбляли, заключали их в темницы, брали с них денежные пени» (Сокр.-Схол., IV, 20). «Когда же семьдесят из них» *(вспомним легенду о семидесяти вторичных учениках Иисуса)* пришли под начальством Урбана, Феодора и Менегема в Никомидию и подали Валенту доклад о единосущности своего учителя с богом, он так разгневался на них, что приказал префекту Модесту сжечь их на корабле, отведенном в море».

«Это,— говорит Спаситель Власти,— и было исполнено. Дул сильный восточный ветер и порывисто гнал горевший корабль, так что он быстро несся по волнам и, достигши некоей пристани Дакидита, погиб со всеми людьми». «Но такое злое дело не осталось безнаказанным, — добавляет наивно автор. — Во Фригии тотчас наступил великий голод, так что не малому числу ее жителей *(ни в чем неповинных)* пришлось на время выехать или совсем бежать в Константинополь и в другие страны» (Сокр.-Схол., IV, 16).

Здесь мы видим наличность рассеянья приверженцев Василия Великого и, вместе с тем, разъяснение упоминаемых в евангелиях «фарисеев», которые, с этой точки зрения, становятся лишь сирийским переводом имени ариан, так как язык одноименного с ними Ирана и до сих пор называется по-персидски «фарси». Но раз фарисеи и ариане одно и то же, то и вся первоначальная история развития христианства начинает выясняться и по евангелиям в таком виде, как мы выяснили ее по Библии.

[1] A. Drews. Die Christusmythe.

Арий, он же Арон, под влиянием извержения Везувия и сопровождавшего это землетрясение низвержения статуй всех богов, первый стал отрицать на Никейском соборе их всех, кроме творца неба и земли, и таким образом был первым провозвестником единобожия. Но тут же возникла и секта николаитов, может-быть, тожественная с евангельскими саддукеями, которая это оспаривала, и, составляя узко-замкнутую секту потомственных жрецов, особенно отличалась тем, что, как говорится в Апокалипсисе, «творила чудеса» (вероятно, гиппотизерского свойства).

Между ней-то и арианством, повидимому, и качались, как маятники, латино-эллино-египетские императоры, пока в последние годы царствования Валента, благодаря столбованию «Великого Царя», не возникло еще нового учения, главными организаторами которого были Иоанн Златоуст и Петр, а затем епископ Павел новацианский.

Нет ли в это время каких-либо указаний и на столбование евангельского «Учителя»?

Спаситель Власти (Сократ-Схоластик), главный первоисточник истории того времени, не обмолвился об этом ни одним словом. Он лишь говорит:

«В одном месте, называемом Инместар, которое находится между Халкидою, теперь Эгриппо, на острове Эвбее (?) и Сирийской (?) Антиохией, во время традиционных празднеств (т.-е., очевидно, во время пасхи, как и по евангелиям относительно Иисуса), богославные, издеваясь над сторонниками единосущности Христа с богом и над самим Христом и осмеивая как крест, так и уповающих на распятого, схватили одного христианского юношу, привязали его к кресту, а потом начали смеяться и издеваться над ним, и вскоре, обезумев, убили его до смерти. По этому случаю между ними и сторонниками единосущности Христа и бога произошли сильные схватки. А когда такое самоуправство сделалось известно царям, то областные начальники получили предписание разыскать виновных и казнить их» (VII, 16).

«В то же время, — продолжает Сократ, — на христианский наблюдательский престол вступил Павел. Он преподавал сперва (как и Павел в Деяниях Апостолов) римскую словесность, а потом, оставив язык римлян, обратился к подвижнической жизни и, собрав в монастыри ревностных мужей, жил подобно пустынным монахам. Я нашел его именно таким, каким, по описанию Евагрия,[1] должны быть монахи, обитатели пустынь, ибо он во всем им подражал: непрестанно постился, мало говорил, воздерживался от употребления в пищу животных и даже нередко от вина и масла. Особенно же заботился он о бедных, ревностно посещал содержимых в темницах и за многих ходатайствовал перед начальниками, которые охотно выслушивали его. Но зачем мне распространяться в описании его добродетелей? Я сейчас расскажу о таком деле, которое, по всей справедливости, должно быть передано потомству письменно.

«Один обманщик, притворяясь христианином, часто, снова и снова, принимал крещение и через эту хитрость собирал деньги. Он крестился и у ариан, и у македонян и, не зная кого бы еще обмануть, он, наконец, пришел к новацианскому наблюдателю Павлу и сказал ему, что пламенно желает креститься от его руки. Павел принял его просьбу, но объявил, что не прежде сделает это, как по наставлении его учением веры, и когда он проведет с ним много дней в посте. А тому не захотелось поститься, и он стал еще ревностнее умолять о немедленном крещении. Павел, не желая огорчить такого усердного просителя, купил ему светлую одежду и, приказав наполнить купель водою, привел к ней обманщика. Но от какой-то неведомой божьей силы вода в купели исчезла. Присутствовавшие и сам Павел подумали, что она вытекла через отверстие внизу, из которого обыкновенно и выпускали ее. Тщательно закрыв отверстие, они снова наполнили ее, но вода вдруг снова исчезла, едва приведен был к ней этот иудей. Тогда Павел *(которого, может-быть, предупредили, и он сам все подстроил)* сказал ему:

« — Послушай, ты или лукавишь, или принял уже крещение.

«И вот сбежался весь народ, и некто, узнав обманщика, засвидетельствовал, что он был иудей и крещен уже епископом Аттиком.

«Вот какое чудо совершилось в руках новацианского епископа Павла!» (Сократ-Схоластик, VI, 17).

---

[1] Историк-фантазер, описавший первые века христианства, очевидно апокрифический. Он открыт уже в книгопечатную эпоху и известен лишь в издании 1544 года.

Приведенный нами выше рассказ о распятом христианском юноше и этот о Павле, обратившемся в то же самое время от преподавательской деятельности к аскетической жизни первых последователей «Великого Царя» и начавшем крестить язычников и ариан-иудеев, совсем легко принять за историческое указание на те же самые события, которые описаны в евангелиях и в Деяниях Апостолов. Правда, Сократ относит Павла к началу царствования Феодосия II, т.-е. уже к V веку, тогда как вычисленный нами год казни евангельского Христа был незадолго до воцарения Феодосия I. Однако, ошибка в распределении материала по царствованиям легко могла случиться, так как вся «Церковная история» Сократа-Схоластика не связное повествование, а просто сборник преданий, в значительной части анекдотического характера, лишь поверхностно систематизированных по царствованиям римско-византийских императоров. У него большею частью даже не указано, было ли упоминаемое событие в начале данного ему царствования или в конце...

Сообщая эти рассказы Сократа о распятом юноше и о Павле, я хочу показать только одно: исторический фон, особенно по отношению к психической жизни людей, в них тот же самый, какой мы находим и в евангелиях. Даже прозвища деятелей часто те же самые.

ГЛАВА IV.

ЛЕГЕНДА ОБ УСЕКНОВЕНИИ ГЛАВЫ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ 29 АВГУСТА КАК АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ КРОВАВОГО ЗАТМЕНИЯ ЛУНЫ В СОЗВЕЗДИИ ВОДОЛЕЯ 29 АВГУСТА 695 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ.

Евангельская легенда о преподнесении жене царя Героя (Ирода по-гречески) головы Иоанна Купателя на блюде танцующей дочерью, конечно, связана хронологически с установлением христианского праздника на 29 августа в память этого совершенно неправдоподобного в земном смысле события.

Я уже отметил, что этой легенды нет ни у Иоанна, ни у Луки, а только у Марка и Матвея, и что, кроме того, даже

и простая мысль, что какая-нибудь девочка-танцорка не убежала бы, перепугавшись, при одном виде человеческой головы, вручаемой ей палачом на окровавленном блюде, прямо нелепа, даже и относя действие к первому веку нашей эры. Вот почему и здесь мне приходится искать, прежде всего, астрологического объяснения, тем более, что день 29 августа есть один из 20 дней, в которые как раз и происходят лунные затмения и преображения луны в кровавый вид в крестителе звезд — Водолее. В этот день луна, действительно, может казаться окровавленным блюдом, на которое посадили не только голову, но и целиком всего Иоанна Купалу.

Все это заставляет думать, что праздник отсечения головы Водолея возник только в средние века, благодаря временному превращению луны под этим созвездием в кровавое блюдо 29 августа.

Но по каким мотивам было бы возможно это сделать?

Мы знаем уже, что на требование папы (или светского властелина средневекового государства) объяснить какое-либо необычное явление на небе астролог не имел права не отвечать, или говорить, что ничего не понимает, не рискуя «усекновением своей собственной головы» за такое незнание, и потому он должен был так или иначе вывертываться. А простейший способ в данном случае был, конечно, сказать:

« — Кровавое блюдо под небесным символом Иоанна Купателя есть специальное знамение бога, выражающее его требование немедленно установить праздник 29 августа в память того, что в этот день была отрублена, по приказанию царя Героя (Ирода), голова Христова крестителя и преподнесена на окровавленном блюде жене его брата, за сожительство которой с царем Героем нападал на него Купатель.»

Такое объяснение с требованием установления нового церковного торжества и откровение людям посредством небесных светил нового интересного эпизода из жизни Христа были, конечно, очень приятны для духовенства средних веков. Было бы неуместно опровергать их, и, вот, был установлен якобы самим небом новый сенсационный праздник и обнаружен новый сенсационный эпизод из жизни евангельского богочеловека для внесения в историю христианства.

Сопоставим же с этой точки зрения рассказы о нем у Марка и Матвея.

ЛЕГЕНДА О ПРЕПОДНЕСЕНИИ ГОЛОВЫ КУПАТЕЛЯ ИОАННА ИРОДИАДЕ НА ОКРОВАВЛЕННОМ БЛЮДЕ.

Марк, 6,17.

«Царь-Герой *(Ирод по-гречески)* взял Ионийца (Иоанна) и посадил в темницу за Иродиаду, жену Наездника *(Филиппа)*, своего брата, потому что женился на ней, хотя Иоанн говорил ему:

« — Нельзя тебе жить с женой своего брата.

«Иродиада же злобилась на него, хотела убить, но не могла, ибо Ирод боялся его, зная, что он человек праведный и святой, и много делал, слушаясь Иоанна.

«Когда царь Герой по случаю дня своего рождения делал пир своим вельможам, полковникам и старейшинам, дочь Иродиады, войдя, плясала перед ним и очень угодила ему и всем пировавшим с ним.

« — Проси у меня, чего хочешь, — сказал он ей с клятвой, — и я дам тебе даже до половины моего царства.

«Она вышла и спросила у матери:

« — Чего просить?

« — Проси головы Иоанна Купателя, — ответила та.

«Дочь поспешно пошла к царю, говоря:

« — Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Купателя.

«Очень опечалился царь, но не мог нарушить своей клятвы перед пирующими с ним и, послав оруженосца, велел принести голову Купателя.

«Тот пошел и отсек ему голову в темнице *(в помрачившейся ночи)*.

«Он принес ее на блюде, отдал девице, а она отдала своей матери».

Матвей, 14,1.

«Царь Герой *(Ирод по-гречески)* взял Ионийца (Иоанна), связал и посадил в темницу за Иродиаду, жену Наездника *(Филиппа)*, своего брата, потому что Иоанн говорил ему:

« — Нельзя тебе жить с нею.

«Царь хотел убить его, но боялся народа, считавшего Иоанна за пророка. *(Сказание Марка о послушании Ирода Ионийцу выпущено Матвеем, как неуместное.)*

«В день его рождения дочь Иродиады танцовала перед собранием его гостей и очень угодила ему.

«Он с клятвой обещал ей дать все, чего она ни попросит.

«А она по наущению матери сказала:

« — Дай мне здесь на блюде голову Купателя.

«Очень опечалился царь, но не мог нарушить своей клятвы перед пирующими с ним и послал оруженосца отсечь голову Купателя в его темнице *(помрачившейся ночи)*.

«Ее поднесли на блюде девице, а она отдала своей матери».

Такова легенда о поднесении дочерью Иродиады головы Иоанна Купателя на кровавом блюде. Интересно, что Матвей, переписывая это у Марка, не только не развил, но даже сократил рассказ, или же дополнения у Марка сделаны последующими переписчиками. Возможно, что ее историческим первоисточником служит действительное воспоминание о том, как легендарный царь-Герой, т.-е. Юлий Цезарь, отбил Клеопатру у своего египетского соправителя, но историческое здесь все же только прибавилось к астрологическому сказанию, возникшему по поводу преображения луны в кровавое блюдо под крестителем звезд — Водолеем после ее «усекновения» в частном виде земной тенью.

Другого объяснения этого (иначе совершенно нелепого) рассказа я не вижу, да и совпадение его даты — 29 августа — со временем лунных затмений как раз в Водолее было бы очень невероятно, если бы было простою случайностью. Вот почему я и считаю себя в праве попытаться установить астрономически и время возникновения этого праздника и соответствующей ему легенды.

Полные затмения или превращения луны в кровавое блюдо под Водолеем,[1] видимые в районе стран, окружающих Средиземное море, были, начиная с минус IV века, только:

1. В минус 366 году, 30 августа, в 1 час 33 минуты от Гринвичской полуночи (т.-е. в ночь с 29 на 30 августа). Но оно было уже к утру 30 числа и притом с глубокой темной фазой 16″0, мало подходящей к кровавому блюду. Притом же в это время не было еще христианства.

2. В 155 году нашей эры, 30 августа, в 0 часов 4 минуты от Гринвичской полуночи (т.-е. в ночь с 29 на 30 августа), но и оно было очень глубокое с фазой 17″4 и потому мало подходит для кровавого блюда.

3. В 174 году, 29 августа, в 23 часа 36 минут перед Гринвичской полуночью с фазой 13″0. Первое, которое можно считать подходящим, если признать начало христианства во II веке нашей эры, на что мы не имеем никакого права.

4. В 611 году, 29 августа, в 5 часов 1 минута от Гринвичской полуночи, фаза 22″0, центральное над — 75° Гринвичской

---

[1] Как видно по моим таблицам в томе «Известий Научного Института имени Лесгафта».

*

долготы. В Западной Европе могло быть видимо лишь начало при восходе солнца и закате луны.

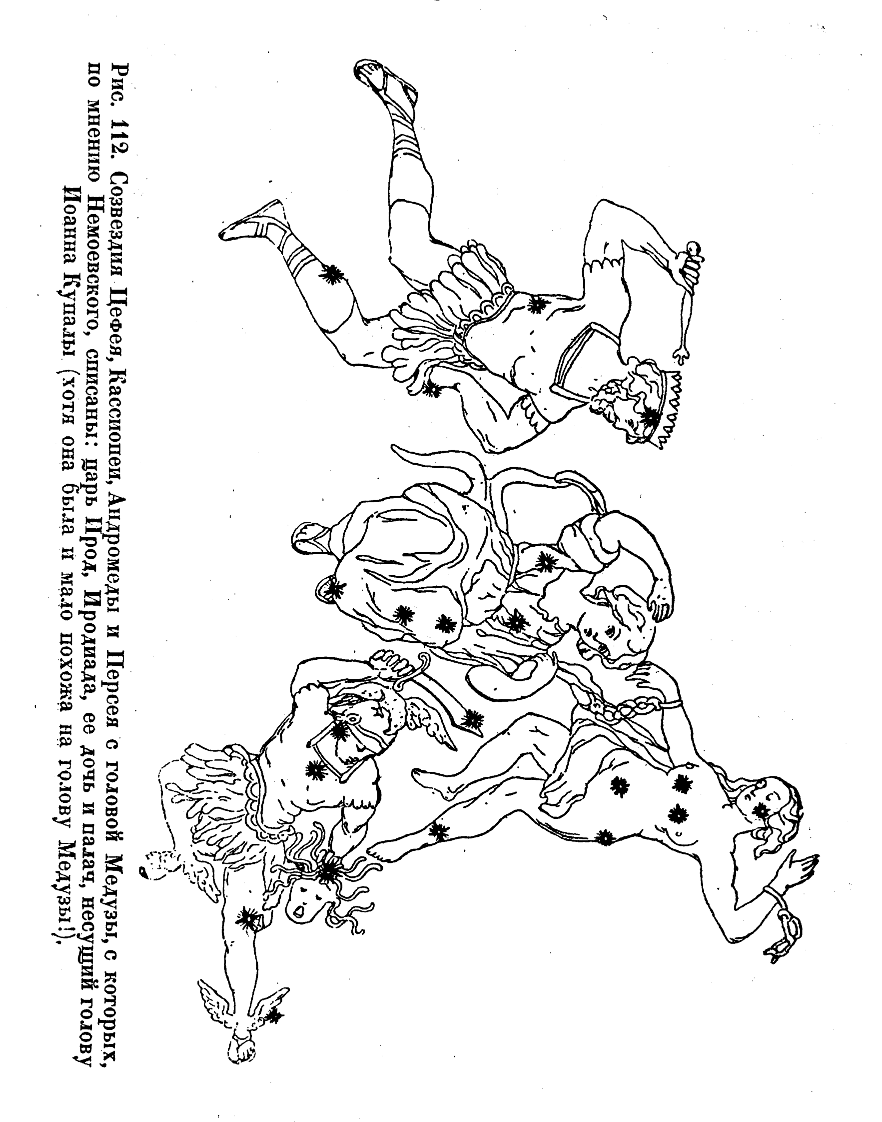

Рис. 112. Созвездия Цефея, Кассиопеи, Андромеды и Персея с головой Медузы, с которых, по мнению Немоевского, списаны: царь Ирод, Иродиада, ее дочь и палач, несущий голову Иоанна Купалы (хотя она была и мало похожа на голову Медузы!).

5. В 676 году, 29 августа, в 2 часа 7 минут от Гринвичской полуночи, глубокое (фаза 18″7), центральное над — 32° Гринвичской долготы, прекрасно видимое во всей Европе, Африке и Западной Азии к утру. *(Первое подходящее.)*

6. В 695 году, 29 августа, в 21 час 10 минут от Гринвичской полуночи, почти полное (фаза 10″9), центральное над +42° Гринвичской долготы. Прекрасно видимо около полуночи во всей Европе и Африке и после полуночи в Западной Азии. Второе вполне подходящее, так как *было похоже на кровавую голову на блюде серпа луны.*

После этого было лишь в 1151 году очень слабое (фаза 4″0) в ночь с 28 на 29 августа, в 23 часа 25 минут от Гринвичской полуночи, центральное над +8° Гринвичской долготы, но оно уже явно не могло попасть в евангелия Марка и Матвея.

Считая, что Марк Афинский, автор евангелия Марка,[1] умер в 726 году, он прекрасно мог наблюдать затмение 695 года, за тридцать лет до своей смерти.

В виду всего этого, приходится допустить, что праздник усекновения главы Иоанна крестителя произошел, благодаря превращению луны в кровавое блюдо, в ночь с 29 на 30 августа 695 года, под Водолеем.

В это время солнце было во Льве, и созвездие Девы приближалось к нему на западе в кровавой полосе вечерней зари. Юпитер был в Овне, на восток от луны, Сатурн между Стрельцом и Козерогом на запад от луны, а Марс во Льве за солнцем. А в полночь на востоке поднимался в высоту, как оруженосец, Персей с приподнятым мечом, держащий голову Медузы, из которой ежегодно летят, как капли крови, брызги метеоритов-персеид, и танцовала (если хотите!) прикованная теперь Андромеда перед царем Цефеем и его женой Кассиопеей, своей матерью (рис. 112).

Довольно хорошая иллюстрация к празднику усекновения головы на окровавленном блюде!

Значит, можно сказать с уверенностью, что этот праздник был установлен в 695 году евангелистом Марком.

И здесь астрономическое истолкование, как и везде в предшествовавших случаях, показывает нам очень позднее время возникновения тех мифов, которые легли в основание как библейских, так и евангельских сказаний, и вместе с тем разбивает установившуюся хронологию древней истории.

---

[1] «Христос». Первая книга, часть IV, глава III.

ГЛАВА V.

ЛЕГЕНДА О НАСЫЩЕНИИ МНОЖЕСТВА ЛЮДЕЙ ПЯТЬЮ ХЛЕБАМИ С ДВУМЯ РЫБАМИ ПЕРЕД ПАСХОЙ.

(Воспоминание о схождени планет в созвездия Двух Рыб.)

Если вы, читатель, наблюдали когда-нибудь внимательно небо недели за три до христианского праздника пасхи (наступающего всегда в первое воскресенье после поравноденственного полнолуния в Деве), то не могли не заметить, как лодковидный месяц плывет посреди созвездия Двух Рыб для того, чтоб соединиться тут со своим отцом солнцем.[1] А потом тот же месяц воскресает «через три дня» в созвездии детей—Близнецов.

Эта картина уже давно обращала на себя особое внимание древних астрологов, как находящаяся в прямой символической связи с христианской пасхалией, а потому и все необычное на небе перед таким важным праздником казалось им особенно символистичным. Так нужно ли удивляться и тому, что весь средневековый христианский мир был сильно взволнован, когда в самое равноденствие 21 марта, недели за три до пасхи, тут, в созвездии Двух Рыб, около самой точки весеннего равноденствия, собрались все пять их планет, т.-е. все, кроме солнца, находящегося уже за Двумя Рыбами в Овне, и месяца, символа евангельского Христа, спешащего к нему как к своему отцу, через это же *водное* место, где плавают всегда небесные рыбы?

Надо ли удивляться и тому, что тут едет, — по одному сказанию, — в символе лодкообразного месяца сам Христос в лодке, а по другим сказаниям — он же тут идет по воде, как по суше?

Нужно ли удивляться, наконец, и тому, что при подобных условиях кто-нибудь сравнил и самые планеты с кругленькими хлебами, чуть виднеющимися вдали, которыми можно насытить астрологически тысячи людей, при чем и после этого, когда планеты уже разойдутся в разные стороны, наполняются ими постепенно

[1] Напомню, что благовещенье всегда бывает при полнолунии в Деве, а сошествие святого духа (или пятидесятница) — когда солнце приближается к самому верхнему положению к Близнецам, а месяц находится у самого низшего положения в Стрельце или в Козероге.

все двенадцать плетушек координатной сети неба, которые соответствуют двенадцати знакам Зодиака (рис. 113)?

Но как только вы усвоите это, вам перестанет казаться нелепым и евангельское сказание о том, что «Великий Учитель» насытил пятью хлебами и двумя рыбами во время своего по-

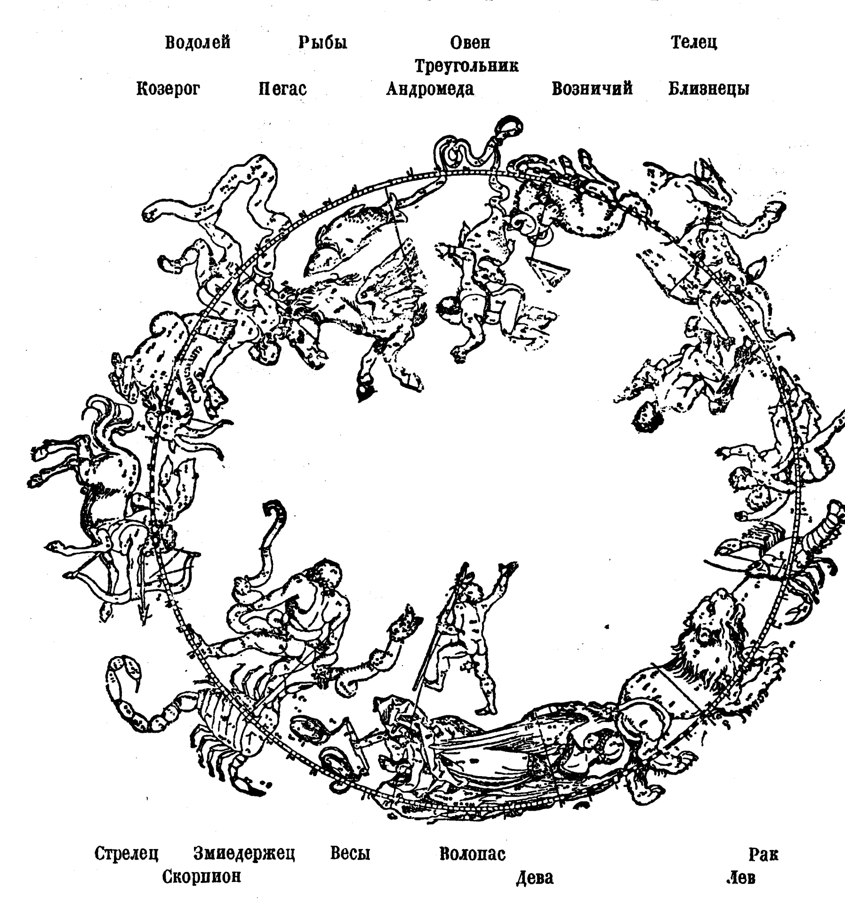

Рис. 113. Созвездие Двух Рыб и остальные двенадцать хлебных корзин Зодиака.

учения незадолго до еврейской пасхи, наступающей обычно за несколько дней перед христианскою, четыре тысячи человек. Это будет снова чисто астрологический миф, и признаки астрализации скажутся даже и в его вариантах. Прочтите же их прежде всего в моей сопоставке.

ЛЕГЕНДА О НАСЫЩЕНИИ НАРОДА ПЯТЬЮ ХЛЕБАМИ С ДВУМЯ РЫБАМИ ПЕРЕД ПАСХОЙ.

Лука (9,11).

Народ, узнав, где он *(т.-е. евангельский учитель в символе месяца)* пошел к нему, и он беседовал со всеми о небесном царстве, а требовавших исцеления исцелял.

Когда день начал склоняться к вечеру, двенадцать учеников *(в символе двенадцати созвездий Зодиака)* подошли к нему, говоря:

«— Отпусти их, чтобы пошли в окрестные селения купить себе хлеба. Им здесь нечего есть.

«— Вы сами дайте им есть, — сказал он.

«— У нас здесь нет более пяти хлебов с двумя рыбами.

«— Уж не пойти ли нам купить пищи для всех этих людей?»

Их было более пяти тысяч.

«— Рассадите всех рядами, по пятидесяти в ряд, — сказал он».

И они рассадили всех.

Посмотрев на небо, он взял пять хлебов с двумя рыбами, благословил их, разломил и дал ученикам, чтобы роздали народу.

И все ели и насытились.

И положили оставшееся в двенадцать плетушек *(отделов Зодиака, переплетенных сетью небесных координат).*

Финала этой легенды с путешествием по морю, как по суше, приведенного у Матвея, Марка и Иоанна, — нет у Луки, а следует рассказ о преображении.

Марк (6,34).

Он *(евангельский учитель)* вышел *(перед приближением Пасхи по Иоанну, 6,4)* и увидел множество народа. Он сжалился над людьми, потому что они были как овцы без пастуха, и начал учить их многому.

Наконец, ученики подошли к нему, говоря:

«— Здесь пусто, а время позднее. Отпусти их, чтобы пошли в окрестные селения и деревни купить себе хлеба. Им здесь нечего есть.

«— Вы сами дайте им хлебов, — сказал он им в ответ,

«— Уж не пойти ли нам купить хлеба динариев на двести, чтобы дать им?

«— Сколько у вас хлебов? — спросил он. — Идите и посмотрите.

Они, узнавши, сказали:

«— Пять хлебов с двумя рыбами».

Он велел ученикам рассадить всех на зеленой траве, рядами по сту и по пятидесяти, и взял пять хлебов с двумя рыбами.

Посмотрев на небо, он благословил хлебы, разломил и дал ученикам для раздачи. И разделил на всех две рыбы.

И все ели и насытились.

И положили куски хлеба *(т.-е. пять планет)* и рыб в двенадцать наполненных *(звездами)* плетушек *(двенадцать домов Зодиака).*

А евших было около пяти тысяч человек.

И тотчас понудил учеников войти в лодку и отправиться на другой берег к Бит-Сайде, пока он отпустит народ.

(А потом и сам пошел за ними туда же по морю, как по-сухУ. Марк, 6,48.)

Матвей (1-й текст 14,14).

Он *(евангельский учитель в символе месяца)* вышел *(перед приближением пасхи, по Иоанну, 6,4)* и увидел множество народа. Он сжалился над людьми и исцелил их больных.

Когда настал вечер, ученики подошли к нему, говоря:

«— Здесь пустынное место, а время позднее. Отпусти их, чтобы пошли в селенья купить себе пищи.

«— Не нужно им итти. Вы сами дайте им есть, — сказал он.

«— У нас здесь только пять хлебов с двумя рыбами *(т.-е. пять планет в созвездии Двух Рыб).*

«— Принесите их мне сюда, — сказал он, и велел народу лечь на траву».

Посмотрев на небо, он благословил пять хлебов и две рыбы, разломил хлебы и дал ученикам, а они народу.

И все ели и насытились.

И положил оставшиеся куски в двенадцать наполненных плетушек.

А евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей.

И тотчас понудил учеников войти в лодку и отправиться на другой берег, пока он отпустит народ.

В четвертую же стражу ночи пошел он к ним, идя по морю, хотя была сильная буря (14,25).

Матвей (2-й текст 15,30).

Он *(евангельский учитель в символе месяца)* пришел к Галилейскому морю.

К нему там приступило множество народа, кладя к его ногам своих хромых, слепых, немых, увечных, и он их исцелял. И весь народ дивился и прославлял бога богоборцев.

Он позвал своих учеников и сказал им:

«— Жаль мне народа. Он уже три дня находился при мне, и нечего ему есть. Отпустить же их неевшими не хочу, чтоб не ослабели в дороге.

«— Откуда нам взять в пустыне столько хлеба, чтоб насытить весь этот народ? — сказали ученики.

«— Сколько у вас хлебов? — спросил он.

«— Семь хлебов *(уже все семь планет!!)* с немногими рыбками, — сказали они».

Он велел народу лечь на землю.

Взяв семь хлебов с рыбками, он поблагодарил бога, разломил и дал ученикам, а они народу.

И все ели и насытились.

И положили оставшиеся куски в семь наполненных плетушек.

А евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей.

И, отпустив народ, вошел на корабль и приплыл в Магдалинскую область.

(Т.-е. месяц прошел в виде лодочки все созвездие Рыб, которое, конечно, представляет не сушу, а море.)

Сравнив друг с другом эти четыре изложения, читатель сам увидит и причины их вариантов.

Интереснее всего то, что у Матвея легенда эта дана в двух изложениях: в первом фигурируют, как и у других евангелистов, только пять планет в виде пяти круглых хлебов в созвездии Двух Рыб, а во второй уже все *семь планет* в нескольких рыбах. Ортодоксальные теологи говорят, что это два разные случая реального накормления тысяч народа в пустыне несколькими

хлебами и рыбами, но наше построчное сопоставление обоих вариантов наглядно показывает, что и второй вариант Матвея прямо списан с первого, строка за строку, только числа хлебов и плетушек переменены на новые. Почему? И это ясно. Составитель второго варианта знал, что дело идет здесь о планетах в созвездии Рыб, но уже не был очевидцем этого случая, и потому присоединил сюда и Южную Рыбу, и Кита, как соседних, а число планет взял полностью.

«Всех планет не пять, а семь», — рассуждал он и исправил прежнее число, да и двенадцать отделов Зодиака, в которые

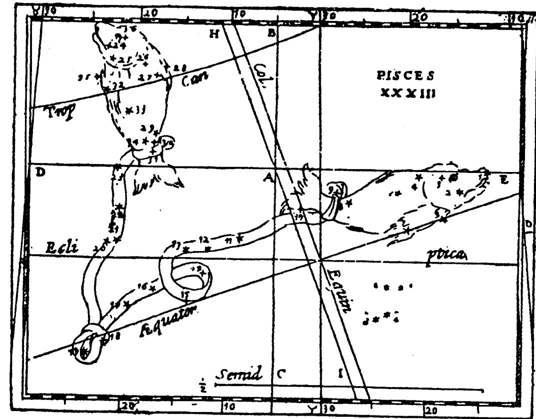

Рис. 114. Созвездие Двух Рыб на скрещении небесного Экватора и Эклиптики, где сходились перед пасхой пять планет, только в 670 году нашей эры перед пасхой 14 апреля.

они потом попали, исправил на семь, так как семь планет не могут наполнить **сразу** двенадцать созвездий, а только последовательно.

Число накормленного народа символизировалось здесь числом звезд на небе, которые позднейший автор тоже определил в четыре тысячи, а не в пять. И вот вышли два варианта, которые и попали в руки Матвея, а он простодушно поместил первый вариант в 14-й, а второй (псевдоисправленный) в 15-й главе своего евангелия...

Для астрономического определения времени описанного здесь прохождения месяца через созвездие Рыб за две—три недели до пасхи, нам надо, очевидно, брать первый вариант, и тогда выйдет следующее.

Со времени начала нашей эры и до сих пор все пять планет — Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий — сходились в предпасхальное время в созвездии Двух Рыб только в 670 году, как видно из приложенной таблицы XXXVIII. В этом году первое послеравноденственное полнолуние было 2 апреля, когда Учитель (месяц, он же Иисус) уже перешел по воде Двух Рыб, как по-суху, на другой берег неба, т.-е. в его северное полушарие, и пришел в Овна. Пасхальное воскресенье в этом году было 14 апреля.

ТАБЛИЦА XXXVIII.

Соединение планет в созвездии Рыб.

В созвездии Рыб.		Положение Марса для дат, подходящих по Юпитеру и Сатурну.
Сатурн.	Юпитер.	
— 6.24	— 5.57	В марте 6 года Марс был на противоположной стороне неба. Не подходит.
+ 23.22	+ 30.01	
+ 52.68	53.74	В новолуние 5—6 марта 53 года Марс был между Козерогом и Водолеем. В Рыбы пришел лишь при новолунии 4 апреля, когда солнце уже перешло в Овна. Не подходит.
82.13	89.32	
+111.59	113.05	
141.05	148.63	
+170.50	172.36	
199.96	196.08	*Отсутствуют соединения Юпитера и Сатурна.*
229.42	231.67	
258.88	255.39	
288.33	290.98	
317.79	314.70	
347.25	350.29	
376.70	374.01	
406.16	409.60	
435.62	433.32	
465.08	468.91	
494.53	492.63	
523.99	528.21	
+553.45	551.94	В марте 552 года Марс переходил из Овна в Тельца. Не подходит.
582.90	587.52	
+612.36	611.25	В марте 611 года Марс был в Весах. Не подходит.
641.82	646.83	

В созвездии Рыб.		Положение Марса для дат, подходящих по Юпитеру и Сатурну.
Сатурн.	Юпитер.	
+671.27	670.56	В марте 670 года Марс входил в созвездие Рыб. Новолуние было 26 марта, полнолуние 9 апреля, Пасха 14 апреля. Венера по утрам шла через созвездие Рыб (около 20° соврем. долготы) к верхнему соединению с Солнцем. *Подходит.*
700.73	706.14	
+730.19	729.87	В марте 730 года Марс переходил из Козерога в Водолея. Не подходит.
759.62	753.59	
+789.10	789.18	В марте 789 года переходил из Овна в Тельца. Не подходит.
818.56	824.76	
+848.02	848.49	В марте 848 года шел по Скорпиону. Не подходит.
877.47	872.21	
+906.93	907.80	В марте 907 года входил из Водолея в Рыб. Новолуние было 16 марта, полнолуние 30 марта, пасха 7 апреля. Но Венера была в Овне (около 40° современной долготы). Не подходит.
936.39	931.52	
+965.84	967.11	
995.30	990.83	
+1024.76	1026.42	*Отсутствуют соединения Юпитера и Сатурна.*
1054.22	1050.15	
1083.67	1085.73	
1113.13	1109.46	
1142.59	1145.04	
1172.04	1180.63	
1201.50	1204.35	
1230.96	1228.08	
1260.41	1263.66	
1289.87	1287.39	
1319.33	1322.97	**Единственный случай схождения всех планет в созвездии Рыб от начала нашей эры до XIV века был лишь 26 марта 670 года.**

Лишь в 670 г. все подходит, и, кроме того, если читатель помнит, что я говорил во II книге о переходе Иисуса Рыбного *(т.-е. от созвездия Рыб, по-еврейски Навина)* через реку Эридан, при чем вода ее расступилась перед ним,[1] то он увидит, что это событие дало сразу две легенды: одну только-что приведенную христианско-греческую в евангелиях, и другую мессианско-еврейскую в библейской книге Иисус. А я уже доказал во II книге «Христа», что библейский Иисус Рыбный и евангельский Иисус Ихтис — есть лишь два мифические варианта

[1] «Христос». Вторая книга, стр. 268—275.

одной и той же личности: основателя христианской литургии Василия Великого, жившего в IV веке. И Навин, и Ихтис в переводе одинаково значат рыба, при чем рыба и была значком христиан, потому что ИХТИС на греческом языке анаграмматически значит Иисус Христос, божий сын, Спаситель.[1]

Отсюда видно, что легенда о накормлении евангельским учителем четырех тысяч народа пятью хлебами с двумя рыбами возникла таким образом.

В весеннее равноденствие 670 года все пять планет, да и месяц с ними, сошлись в созвездии Рыб, в то время как солнце готовилось вступить в созвездие Овна, приносимого в жертву в огне зари. Что это значит? Мы знаем, что такое сочетание толковалось астрологически, как наступление всемирного потопа и конца мира в глубине воды, и потому, конечно, все астрологи, а с ними и христианское население, ждали с ужасом подобной страстной недели. Но вот прошло даже и «Светлое христово воскресенье», и ничего не случилось. Что было делать астрологам, как христианским, так и арианским? Только одно.

— Это было не предсказание (бог смиловался, видя общие мольбы!), а только напоминание о том, как Христос когда-то накормил народ пятью хлебами с двумя рыбами, после чего прошел по морю, как по суше, — говорили христианские астрологи, создавая этим новую легенду об Иисусе.

— Это было, — говорили, не соглашаясь с ними, арианские, — напоминание о том, как Иисус перешел через реку Эридан словно по-суху, перед тем, как пали стены Луны (Иерихона) перед трубными звуками его воинов.

Так создались сразу две легенды. А интереснее всего то, что Марк Афинский, которого в первой книге Христа я уже отожествил с евангелистом Марком и который первый приводит эту легенду, и жил как раз в это время. Он был свидетелем этого сочетания планет на сорок четвертом году от своего рождения, если верить церковным сообщениям, что он явился на свет в 626 году нашей эры. И он жил после этого сочетания еще 55 лет, так как умер по тем же сказаниям в 725 году в глубокой старости и имел время превратить в легенду об Иисусе

[1] По-гречески: *Иесу́с Христо́с Теу́ Ийос Сотэр. Взяв анаграмматически только первые, надстрочные буквы, получаем: ИХТИС — рыба.*

напугавшее его когда-то зловещее сочетание планет: ведь недаром говорят теологи, что все евангелия были продиктованы «святым духом».

Не возвращаясь более к другим, ничтожным вариантам этого сказания у более поздних евангелистов Луки и Матвея, переписавших всю основу из Марка лишь с несколькими поправками (как я представил на своей таблице), я приведу здесь только более самостоятельный рассказ об этом же «чуде Иисуса» из евангелия Иоанна, которое я приписываю Иоанну Дамаскину, родившемуся по церковным сказаниям в 676 году нашей эры, т.-е. через шесть лет после только-что изложенного предпасхального собрания пяти планет в Рыбах.[1]

Он говорит почти то же самое (Иоанн, 6,1).

«После этого *(т.-е. исцеления расслабленного)* лежавшего *(в символе Водолея)* в купальне Овечьих ворот, называемой домом милости, с пятью крытыми ходами *(планетных орбит)*, куда сходил ежегодно вестник бога исцелять одного из больных, пошел Спаситель *(в символе месяца)* на другую сторону Галильского моря *(на северное полушарие неба)*, в Тибериаду, и за ним шло *(в символе звезд)* множество народа, потому что видели чудеса, которые он творил над больными.

«Он взошел на гору *(эклиптики)* и сидел там со своими учениками *(символизируемыми планетами)*. Приближалась пасха, праздник богославных. Подняв глаза и видя, что множество народа *(в символе звезд)* идет за ним *(в суточном движении неба)*, он говорит Наезднику *(по-гречески Филиппу в символе созвездия Возничего)*:

«— Где нам купить хлебов, чтобы накормить их?

«Он говорил это, испытывая его, так как знал, что хотел сделать.

«— И на двести динариев не купим мы хлебов, — ответил Наездник, — чтобы каждому из них досталось хоть понемногу.

«А Мужественный *(Андрей - Персей)*, брат Знаменщика *(Симеона - Ориона)*, один из его учеников, говорит:

«— Здесь есть у одного мальчика пять ячменных хлебов с двумя рыбами. Но что они для такого множества?

«А Иисус сказал:

---

[1] О нем есть особая глава в первой книге «Христа».

«— Велите всем лечь.

«И легло около пяти тысяч человек на траве, которой тут было много.

«Иисус, поблагодарив бога, взял хлебы, роздал ученикам, а ученики лежащим, да и кусков от двух рыб дал он всем, сколько кто хотел.

«Когда все насытились, он сказал ученикам:

«— Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало.

«И собирающие наполнили двенадцать плетушек кусками от пяти ячменных хлебов, оставшихся недоеденными».

Мы видим, что и здесь легенда приведена почти так же, как у Марка, и это показывает, что толкование ее было то же самое у всех христианских греков того времени. Евангелие Иоанна было написано Иоанном Дамаскиным не более чем через восемьдесят или девяносто лет после небесного события, сочтенного Марком за откровение прошлой деятельности Иисуса, и астрологический смысл его еще не затерялся.

Вслед за ним Иоанн рассказывает и путешествие Иисуса по морю в таком виде:

«Когда настал *(новый)* вечер, ученики его сошли к морю *(в котором плавают небесные рыбы)* и, вошедши на корабль, отправились на тот берег в Село Утешения (Капернаум).

Дул сильный ветер и море волновалось, но, проплывши около двадцати пяти или тридцати стадий *(градусов долготы)*, они увидели его *(в символе месяца)*, идущего по морю к лодке, и испугались. Но он сказал им:

«— Это я. Не бойтесь!

«Они хотели принять его к себе, но корабль уже пристал к берегу *(горизонту)*, куда они плыли».

Так кончается рассказ у Иоанна.

Марк говорит почти то же самое, но уже впускает Иисуса у самого берега в лодку (6,51), а Матвей, переписав все у Марка, еще прибавляет такой эпизод:

«— Учитель! Если это ты *(а не призрак, идущий по воде)*, — сказал ему Петр *(в символе созвездия Ориона у Корабля)*, — то прикажи и мне итти к тебе по воде.

«— Иди! — сказал ему Иисус.

«Петр вышел из корабля и пошел к нему по морю, но испугался сильного ветра и понемногу начал тонуть.

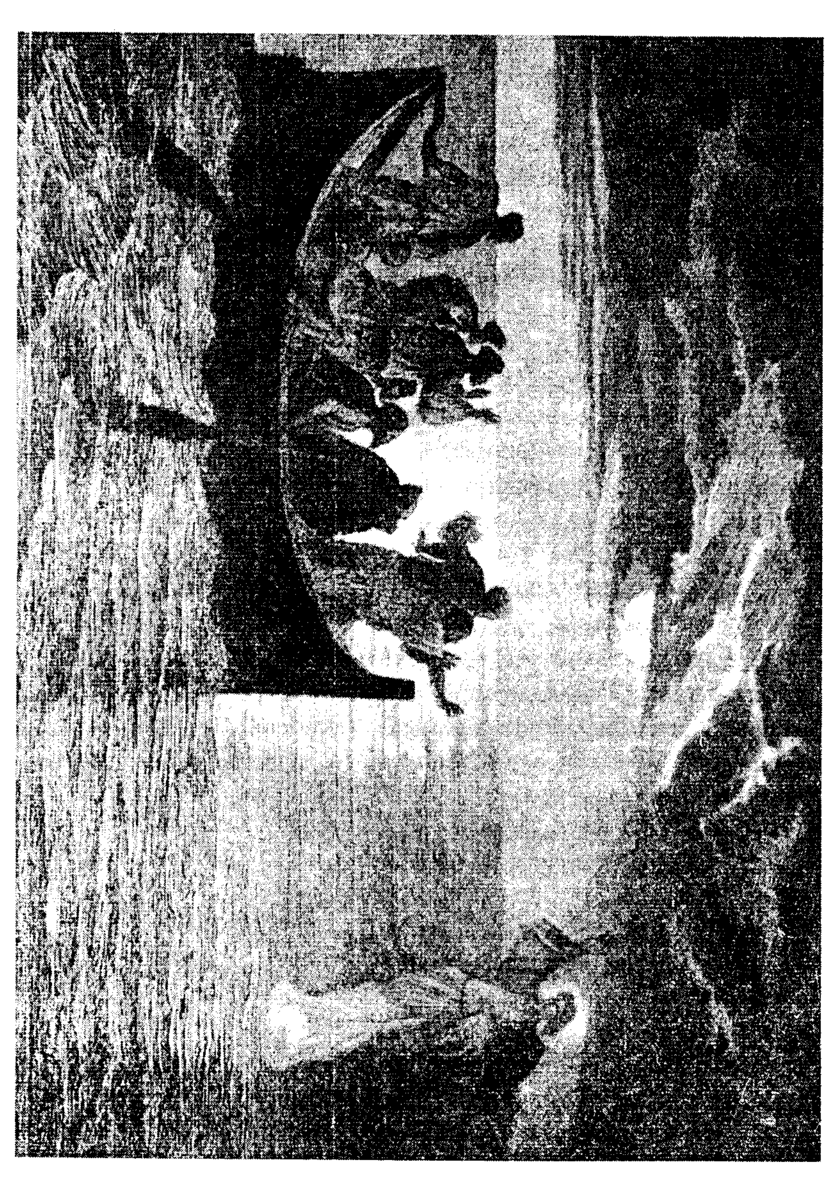

Рис. 115. Хождение по водам Евангельского магистра оккультных наук в апперцепции новейшего иллюстратора Евангелия (Иоанн, 6, 19). Из книги: Les saints évangiles, avec les dessins de M. Bida.

«— Спаси меня, господин! — закричал он.

«А Иисус, поддержав его рукой, ответил:

«— Зачем ты усомнился, маловерный?

«Они вошли в лодку, и ветер тотчас утих, а бывшие в лодке поклонились ему, говоря:

«— Правда, что ты сын Громовержца».

Так с течением веков разрасталась легенда уже путем чисто психологического творчества. Матвей, по моим сопоставлениям, жил между 757 и 826 годами нашей эры, т.-е. через 200 лет после описываемого небесного события, и в это время к первоначальной истории, конечно, были сделаны прибавки.

ГЛАВА VI.

«ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ» КАК МИФ АСТРАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

(Марк, 9,2 — 8; Лука, 9,28 — 36; Матвей, 17, 1 — 8.)

Все путешественники рассказывают, в какой панический страх приводят солнечные и лунные затмения даже и современных некультурных народов и сколько разговоров потом бывает в глухих странах о значении таких явлений.

Но еще больший ужас и еще более чудесные рассказы вызывали эти явления в древности, и совершенно естественно и понятно, что авторы библейских книг, — все поголовно мистики и астрологи, — не могли не создать целого ряда легенд по этому поводу. Так закатное затмение солнца в Греции, Египте и Сирии, когда оно вечером 15 марта 359 года ложилось спать рядом с Андромедой, послужило поводом к легенде о Солнце-богатыре (Самсоне по-еврейски), которого остригла (т.-е. лишила волос — лучей) коварная Далила-Андромеда.[1] Полное солнечное затмение 29 июня 512 года в Близнецах, когда красная нитка солнечной хромосферы казалась из Афин и Константинополя обвившейся около руки одного из Близнецов (или такое же затмение, виденное из Рима 20 июня 545 года), дало повод к библейской легенде

[1] «Христос». Первая книга, ч. II, гл. II.

о том, как забеременела «Пальма» от «праотца Иуды», родоначальника «иудеев», и родила Близнецов, первому из которых была привязана на руку красная нитка, чтоб отметить его первенство, но он спрятал свою руку обратно под дневную лазурь.[1]

Кольцеобразное солнечное затмение под носом созвездия Девы, прошедшее через Рим и Неаполь в Египет 1 сентября 536 года, дало повод к легенде о том, как слуга Богоследителя, т.-е. астронома (Иакова по-еврейски), нашел ему жену и привесил ей на нос золотое кольцо. Обрезное, т.-е. частное затмение солнца, виденное 10 февраля 305 года на детородном члене Водолея, перед вступлением на императорский престол Констанция Хлора, послужило поводом к легенде о том, как бог захотел убить этого «Моисея», но его жена «Лучезарная денница», схватив камень, отрезала у бога кончик детородного члена и, бросив на землю, сказала:

«Теперь ты мне жених по крови», — после чего обрезанный бог отошел от ее мужа[2] (и велел потом обрезываться всем).

Черное лунное затмение 21 марта 368 года перед самым равноденствием во время столбования евангельского Великого Царя было началом целого цикла мистических легенд о Христе, и, наконец,[3] обрезное затмение луны 22 ноября 670 года послужило поводом к легенде об осаде трубными звуками Иерихона (имя которого по-библейски и значит луна), и оно же, повидимому, послужило предлогом для установления у магометан (эмблемой которых до сих пор является луна) обряда обязательного обрезания, которое могло быть приведено в исполнение лишь после Магомета калифами, когда они стали светскими властелинами, имевшими силу заставить население исполнять такое свое распоряжение, несмотря на вопли всех матерей.[4]

После всех этих примеров огромного влияния затмений на религиозные представления средневекового человечества читатель не удивится, что одним из них был вызван и праздник преображения господня, установленный на 6 августа Юлианского стиля,

[1] «Христос». Вторая книга, стр. 583.

[2] «Христос». Вторая книга, стр. 186.

[3] «Христос». Первая книга, ч. I, гл. III.

[4] Свидетельницей того, в какой ужас приводил матерей этот обряд в самом начале, служит библейская легенда о приказании мид-римским «владыкой» убивать у евреев всех детей мужского пола во времена Моисея (Диоклетиана), а также и евангельская легенда о том же Диоклетиане под именем царя Героя (Ирод по-гречески значит герой), приказавшего убивать мечом всех детей мужского пола. Принудительное обрезание их считалось матерями за их убийство, пока они не убедились, что от этого их дети не умирали. «Был слышен, — говорит евангелист Матвей по этому поводу, — плач и рыдание и вопль великий в Раме *(Риме)*: то Овечка (Рахиль, т.-е. поклонница созвездия Овна) оплакивала своих детей и не могла утешиться, потому что их нет» (2,17). — И это же самое вставлено, и притом совсем некстати, и в пророчество «Иеремия» (31,15).

когда солнце бывает в созвездии Льва, а луна может затмиться только в созвездии крестителя звезд Водолея перед самой его купелью, т.-е. Урной.

Читатель, мало знакомый с лунными затмениями, может-быть еще не знает, что кроме настоящих затмений луны бывают в полнолуния также и ее **преображения**. Дело в том, что наша земная ночь есть явление только местное в небесном пространстве: это конус земной тени среди вечного дня, который сияет неизменно кругом него во всей солнечной системе, даже и за пределами Нептуна, хотя день там и много более тускл для нашего глаза, чем у нас.

Вершина этого конуса земной ночи при обычных условиях заходит за перигейное расстояние луны от земли, и потому она перестает быть видима, как и другие предметы, ночью, по мере

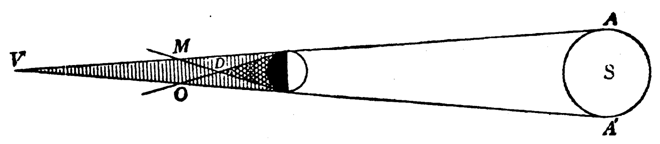

Рис. 116. Конус земной ночи и колпак алой зари над нею (в разрезе). S — солнце. Левее земля. V — нормальная граница земной тени. MO — преломленные земной атмосферой лучи. D — переменный конец конуса полной ночи. Если луна при затмении вся войдет в него — будет ее черное затмение, если пройдет выше — преображение в алую луну.

того, как входит в вершину этого темного конуса. Но расстояние луны от земли значительно больше в ее апогее, чем в перигее, а конус нашей ночи прикрыт всегда алым колпаком земной полутени, соответствующей нашей заре, и такого же цвета как заря (рис. 116). Когда атмосфера земли внизу чище, этот яркоалый колпак нашей ночи расширяется вследствие увеличившегося преломления солнечных лучей земным воздухом, укорачивая этим конус ночи, вершина которого уже перестает доходить до

орбиты луны, особенно до ее апогейной части. Тогда луна, входя лишь в этот алый колпак, не затмевается, а только приобретает интенсивный алый цвет, как кучевые и перистые облака после заката солнца в лучах нижней части того же самого цветного колпака земной ночи. Это уже не затмение луны, а только ее **преображение** из голубовато-бледной в ярко-алую, как облако после заката солнца.

Последнее такое ее «преображение» мне пришлось наблюдать *14 августа 1924 года*,[1] и, читая потом этот евангельский рассказ, я сразу увидел, что и он был навеян совершенно таким же явлением, так что можно было определить даже и его время чисто астрономическим путем.

Дело в том, что праздник преображения назначен церковью, и, конечно, сейчас же после его наблюдения и истолкования, на 6 августа, да и рассказ о нем у Матвея и Луки начинается словами «через шесть дней».

Значит, мне надо было только разыскать все полные, или почти полные лунные затмения, имевшие место ночью с 6 на 7 августа (в Водолее). А это не трудно было сделать прямо по таблицам лунных затмений на каждый месяц, составленным по таблицам Гинцеля и помещенным мною в V томе Известий Научного Института имени Лесгафта.

Там мы сразу находим, что подходящее лунное затмение, начиная с 412 года до начала нашей эры, когда «Праздник преображения» явно еще не мог быть установлен, было первый раз только в ночь с 6 на 7 августа 556 года нашей эры, когда луна, вошедшая (по среднему вычислению) вся в алый колпак земной ночи,[2] должна была казаться преображенной со всех мест земной поверхности, с которой она была видна около Гринвичской полуночи (в 23 часа 24 минуты), а всего лучше в Италии, где средина приходилась как раз в полночь, и в Греции и в Александрии, вслед за полуночью, во время царствования Юстиниана.

Следующее затмение в ночь с 6 на 7 августа 594 года было уже хуже, так как при нем луна погрузилась в полутень лишь

[1] Сверхполное (20″0) в Водолее в 20 часов 21 минуту от Гринвичской полуночи, при чем луна стала совсем малинового цвета, а ночь сделалась совсем темной.

[2] Фаза 10″1 при расчете без полутени.

наполовину. А потом не было затмений ночью 6 августа вплоть до наших дней.[1]

Итак, для преображения луны мы имеем только одно решение: **6 августа 556 года,** при Юстиниане.

Но как же оно могло быть принято за символ того, что случилось будто бы с евангельским Христом за 200 лет назад?

Я уже показывал, что нет ничего проще этого.

Припомним только легенду о снах миц-римского «владыки», истолкованных Иосифом Прекрасным. Властелин сзывает всех астрологов и снотолкователей, требуя объяснения видимого, под угрозой снести головы неумеющим объяснить. Припомним легенду об огненной надписи Мани-Факел-Фарес, для объяснения которой сзываются все ученые, которых выручает Даниил. Припомним, что в средние века все властелины содержали при себе астрологов и требовали от них под угрозой смерти объяснения всего необычного, совершающегося на небе, и вы поймете все.

Дело заключалось, очевидно, в том, что в ночь с 6 на 7 августа, по нашему гражданскому счету, римский папа, в сопровождении двух кардиналов (или сам Юстиниан), видит на небе удивительное зрелище: полная луна перед Урной Водолея постепенно преображается в ярко-алую, даже фиолетовую, как облако на вечерней заре, а легкие земные облака, прикрывающие ее как прозрачной одеждой, имеют на себе светлый радужный круг, с изображением креста внутри, и на нем направо и налево две

[1] На возражение, что всякая ночь является промежутком от предъидущего дня к последующему, можно ответить, что праздник преображения, как денной, мог быть назначен после полуночи с 5 на 6 августа или перед полуночью с 6 на 7 августа, а потому надо поискать затмений, помеченных 6 или 7 числами августа. Но ни одно из них не подходит: затмение 7 августа 35 года было в 5 часов Гринвичского вечера, т.-е. с 7 на 8 августа. Затмение 7 августа 54 г. было видимо лишь на рассвете этого же числа. Затмение 7 августа 100 года было вечером с 7 на 8 августа. Затмение 5 августа 490 г. — вечером этого же дня, и был виден лишь конец на восходе луны. 5 августа 510 г. — тоже; 5 августа 529 г. — тоже. Значит, наше решение — 6 августа 556 года — единственное. Из солнечных же затмений 6 августа мы имеем после начала нашей эры только затмение 324 г. перед Никейским собором в созвездии Льва (Иуды), видимое в обрезной форме во всем бассейне Средиземного моря, которое могло дать повод к приказанию обязательного обрезания детей, но едва ли к установлению праздника преображения.

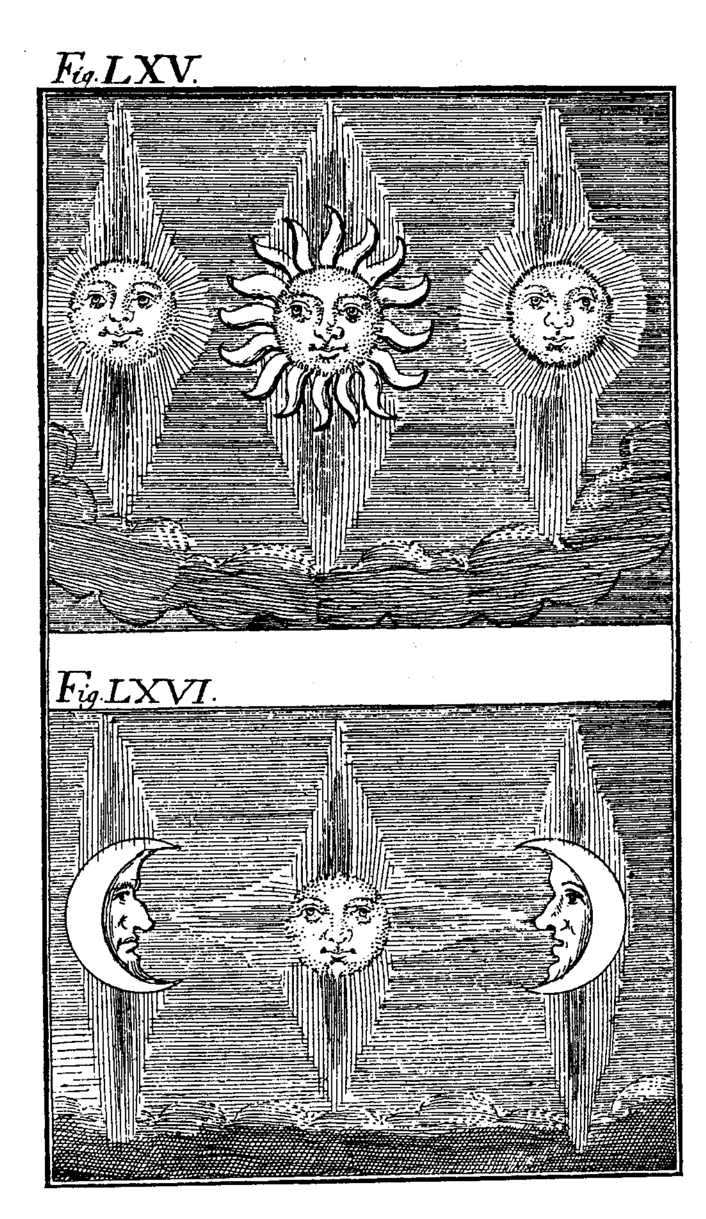

Рис. 117. Преображения: солнца 10 января 1514 года и луны 17 марта в Вюртемберге. (Из книги: «Die Wunder Gottes in der Natur» aus den Schriften des erfarnen und gelehrnten Philosophie; C. W. Lycostenes, Frankfurt 1744 года, стр. 112.) Вот какими представлялись апперцепционно солнце и луна нашим предкам!

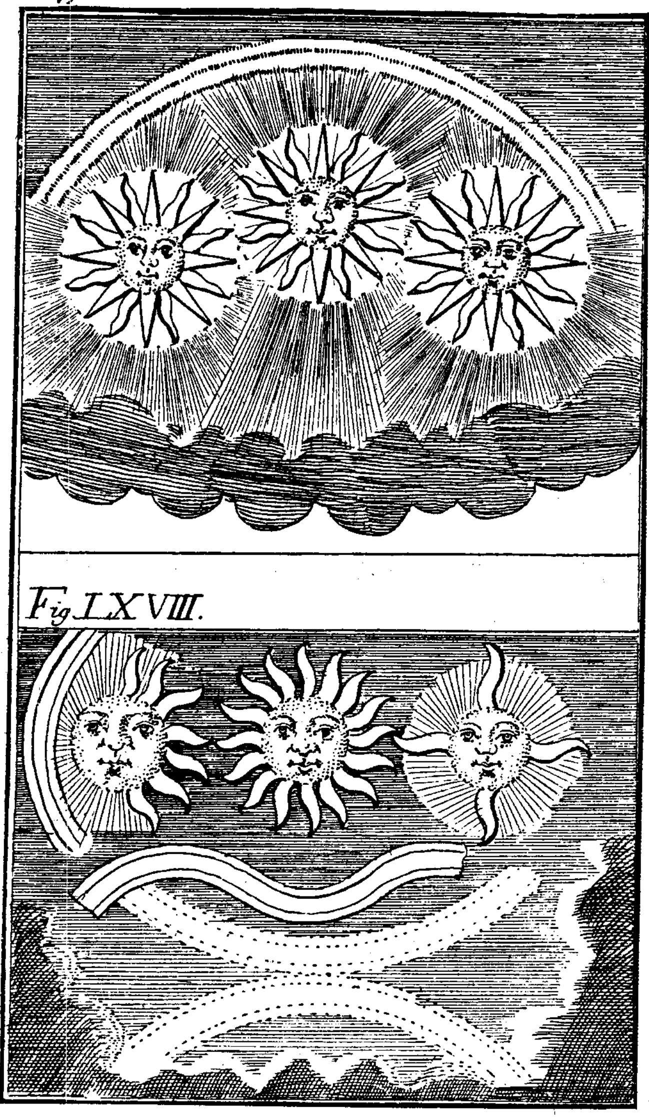

Рис. 118. «В 1521 году 7 января в Вене, — говорит и рисует апперцепционно Ликосфен, — появились сразу три солнца между 6 и 7 часами, и видели радугу с тремя лунами над нею». «В 1553 году в Цюрихе видели три солнца сразу со странным окружением и вот как зарисовали их из церкви» *(там же, стр. 114)*.

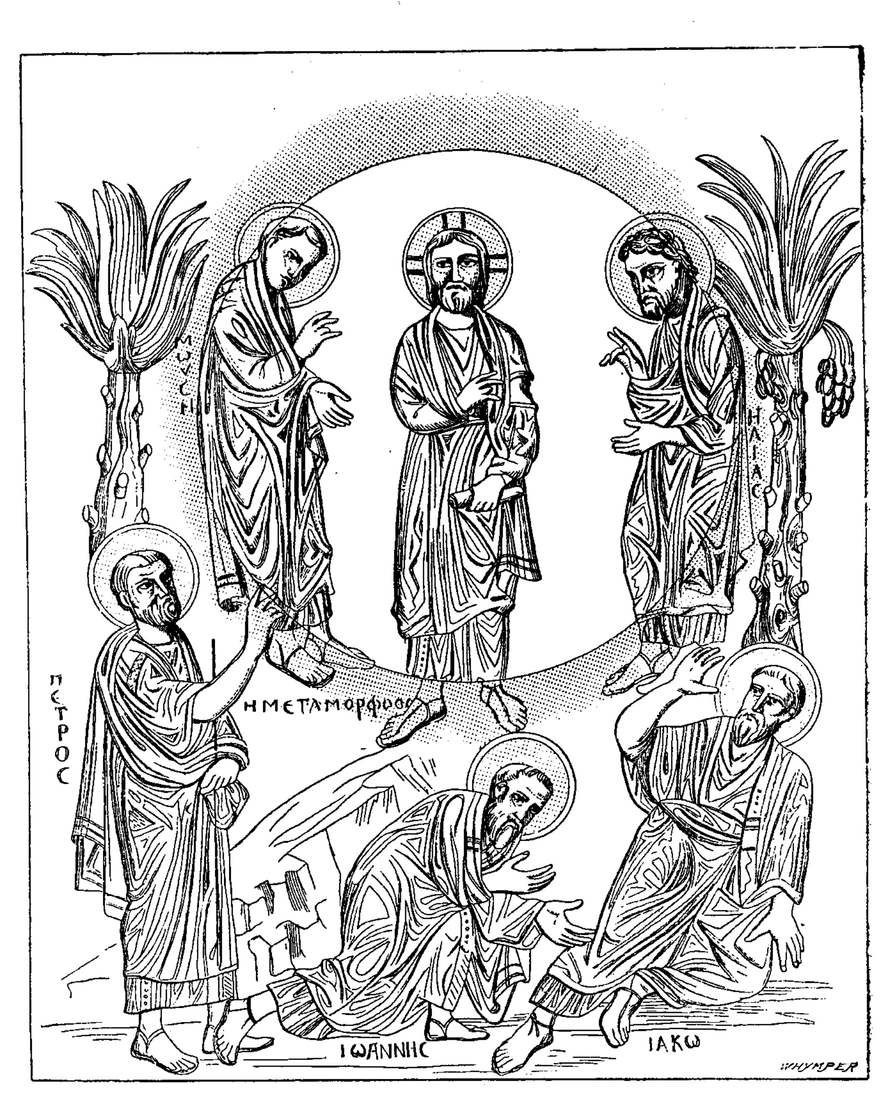

Рис. 119. Средневековая клерикальная апперцепция преображения евангельского Учителя перед Петром, Иаковом и Иоанном, спавшими внизу. Направо стоит Илия, а налево (без бороды) Моисей. (Из рукописи «Творений Григория Назианзиса» № 512 Парижской национальной библиотеки.)

ложные луны, т.-е. происходит то довольно нередкое явление, которое в метеорологии называется галосом (рис. 117, 118, 119 и 120).

Потом все это закрывается тучей, из которой гремит гром, а когда туча проходит, луна вновь появляется, но уже одна и в своем обычном виде.

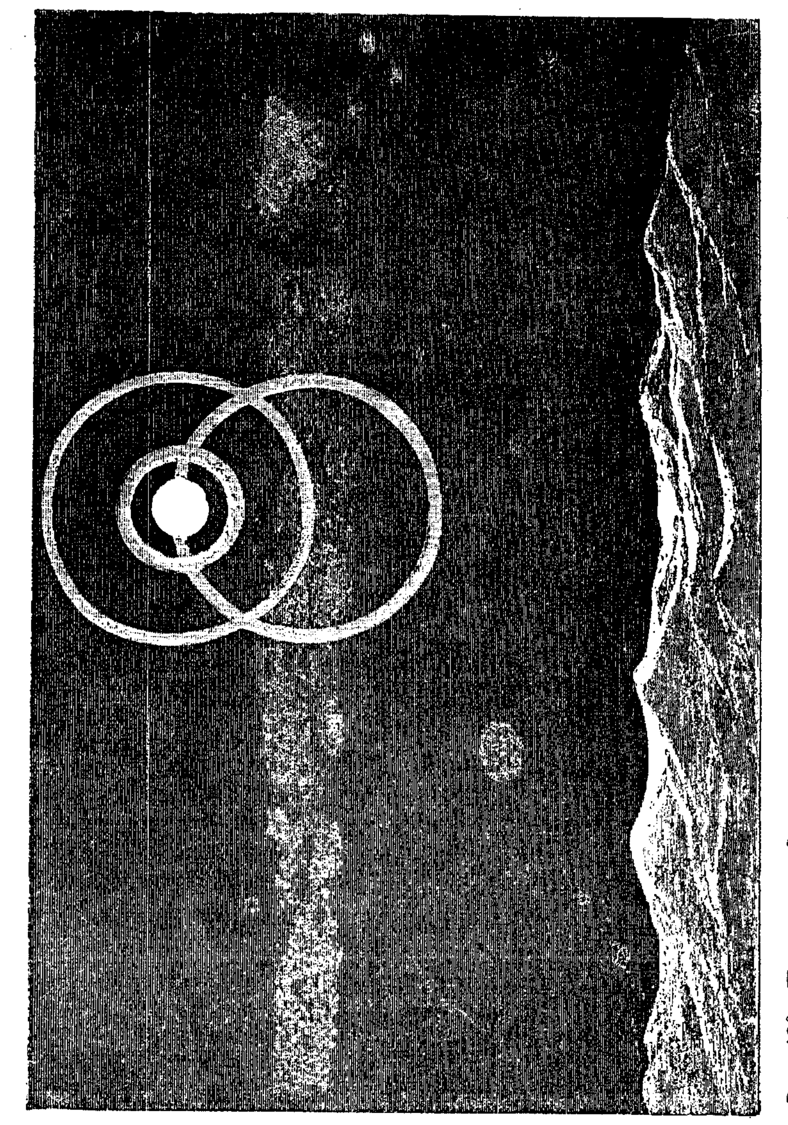

Рис. 120. Появление «блестящих одежд» на солнце или луне вследствие преломления их лучей в правильно ориентированной ледяной пыли вверху атмосферы.

Спешно вызываются местные астрологи.

— Объясняйте, что обозначает это небесное знамение? Что нам надо делать? — говорит всемогущий властелин.

Отвечать: не знаем! — значит сразу потерять свою репутацию учености, если не лишиться головы. Надо как-нибудь изворачиваться, и, вот, остроумнейший из астрологов спасает их положение, отвечая, не запинаясь:

— Это — требование небес установить 6 августа ежегодный праздник **преображения господня**. Прообраз бога-отца есть солнце, прообраз бога-сына есть месяц. Преображение месяца перед тобою и твоими двумя спутниками есть символ бывшего преображения бога-сына перед своими тремя учениками, а два месяца, явившиеся по его бокам, суть символы явившихся беседовать с ним Моисея и Ильи.

Объяснение принимается с удовольствием, и объяснитель богато награждается. Праздник устанавливается с соответствующим гимном во славу преобразившегося Христа, и к легендам о нем прибавляется новая, три видоизменения которой я и привожу здесь, вставляя в скобочках свои объяснительные примечания для выяснения ее астрального скелета. Прочтите ее с ними и вы увидите сами, как мое объяснение сразу снимает с нее весь мистический смысл.

ЛЕГЕНДА О ПРЕОБРАЖЕНИИ.

Лука, 9, 25—36.	*Марк, 9, 2—8.*	*Матвей, 17, 1—8.*
Дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел он на гору помолиться.	Через шесть дней *(т.-е. 6 августа)* взял он Петра, Иакова и Иоанна и возвел их особо на высокую гору и преобразился перед ними.	Через шесть дней *(т.-е. 6 августа)* взял он Петра, Иакова и брата его Иоанна и возвел их одних на высокую гору и преобразился перед ними.
И когда молился, изменился вид его лица, и одежда его *(прозрачные облака)* сделалась белою, блестящею.	Одежды его *(облака)* сделались блестящими, очень белыми, как снег, как не может на земле выбелить никакой белильщик.	Лицо его просияло, как солнце *(вставляет Матвей)*, одежды же сделались белы, как снег.
И вот два мужа беседовали с ним, которые были не кто иные, как Моисей и Илья.	И явились перед ними Илья и Моисей и беседовали с ним.	И, вот, появились перед ними Илья и Моисей, беседующие с ним.

Явившись в ореоле, они говорили об исходе, который надлежит ему свершить в городе Святого Примирения.	*(Этой вставки Луки об ореоле и о разговоре с пророками нет ни у Марка, ни у Матвея, это личная догадка Луки.)*	
И когда они отходили от него, Петр сказал:	При этом Петр сказал:	При этом Петр сказал:
— Учитель! Хорошо, чтоб так все оставалось. Устроим три жилища: одно тебе, другое Моисею и третье Илье.	— Учитель! Хорошо, чтоб так все оставалось. Устроим три жилища: одно тебе, другое Моисею и третье Илье. Он не знал, что говорит от страха.	— Учитель! Хорошо, чтоб так все оставалось. Устроим три палатки: одну тебе, другую Моисею и третью Илье.
Но когда он говорил это, явилось облако и заслонило все. Они очень испугались, когда раздался из него грохот, говорящий:	Но явилось облако, заслонившее все, и из облака вышел грохот, говорящий:	Но явилось облако, заслонившее их, и из облака был грохот, говоривший:
— Это мой возлюбленный сын: слушайте его!	— Это мой возлюбленный сын: слушайте его!	— Это мой возлюбленный сын, на котором мое благоволение. Слушайте его!
(Описанного у Матвея прикосновения месяца-Спасителя к ученикам нет ни у Марка, ни у Луки.)		Услышав это, ученики очень испугались и упали на свои лица. Но Спаситель, наклонившись, коснулся их и сказал: — Вставайте! Не бойтесь.
И после того, как раздался этот голос *(облако прошло и)*, остался он один.	*(Когда прошло облако)* они внезапно посмотрели вокруг, но никого более не видели, кроме него одного.	Подняв свои глаза вверх *(когда прошло облако)*, они никого уже более не видели, кроме него одного.
И ученики никому не говорили в те дни о том, что видели.	А когда они сходили с горы, он велел им никому не рассказывать об этом видении.	А когда они сходили с горы, он запретил им рассказывать об этом видении, пока сын человеческий не воскреснет из мертвых.

Собственно говоря, здесь и оканчивается рассказ о преображении. Последняя строка о запрещении говорить об этом придумана для того, чтоб объяснить, почему никто не знал до 6 августа 556 года о таком, восстановленном астрологически, событии из жизни «Великого Царя». А новый переписчик уже не знал причины такой оговорки, но чувствовал, что еслиб этого никто никому не рассказал, то не знали бы и не присутствовавшие там Марк, Лука и Матвей. Вот почему они прибавляют объяснительно: «Не рассказывайте об этом, пока человеческий сын не воскреснет из мертвых». И, вот, все уладилось в легенде о преображении, а тем, кто утверждал, что Моисей и Илья не могли беседовать с Иисусом, так как (по обычной хронологии) умерли задолго до него, дан такой косвенный ответ:

	— А как же книжники говорят, что Илья должен был жить раньше? — спросили ученики.	— А как же книжники говорят, что Илья должен был жить раньше?—спросили его ученики.
(Никакого такого разговора нет у Луки.)	— А я вам говорю, что Илья снова пришел, но с ним поступили, как хотели.	— А я вам говорю, что Илья снова пришел, но с ним поступили, как хотели.
(Соответствующего места нет у Луки.)	*(Соответствующего места нет у Марка.)*	И ученики поняли, что он говорит им о Иоанне Крестителе *(Водолее, в котором преобразился месяц).*

Сравнивая друг с другом параллельные места трех вариантов, мы видим и те несложные дополнения или исправления, которые сделали от себя Матвей и Лука в простодушном описании Марка, и даже можем объяснить, почему они их сделали.

Так, в первой же строке мы видим, что у Марка и Матвея преображение указано через шесть дней. И оно действительно было ночью после шестого захода солнца в священном месяце августе, а Лука переменил это число на восемь дней, потому что, вероятно, считал путь месяца к Водолею от ноги Змиедержца.

А в последних строках, как я и указал пояснительными примечаниями в скобках, нам дается наивное объяснение того, почему о «преображении» никто не знал до 556 года.

— Он запретил рассказывать кому бы то ни было,—отвечали на такой естественный вопрос астрологи.

Но этого было достаточно лишь для современников события, а потому, когда астральное происхождение легенды затерялось, но еще помнили, что такого праздника не было у прежних поколений, пришлось поднять новый вопрос:

— А как же узнали Матвей и Лука, не бывшие даже в числе двенадцати апостолов, об этом событии?

Пришлось прибавить, что запрещение почему-то было сделано лишь до времени воскресения Иисуса. Но зачем? Почему? И вот Лука, переписывавший Марка уже много позднее, исключил все эти увертки, как более ненужные: привыкшая к празднику паства забыла о его позднем происхождении и не задавала более таких щекотливых вопросов.

Так распутывается естествознанием и чисто психологическими соображениями несложный ход мысли и творчества средневекового писателя.

Без этих пояснений легенда о преображении кажется совершенно бессмысленной. Зачем надо было итти на какую-то гору? Зачем переменить на полчаса или на час свой облик и цвет своих одежд? Зачем надо было приходить Моисею и Илье побеседовать с ним на этой горе, да и о чем беседовать? И зачем было нужно запрещать рассказывать кому бы то ни было о таком чуде, когда именно и нужно было всем рассказать?

«Нищие духом» мне, конечно, скажут:

— Это недоступно человеческому уму!

Но в таком случае зачем же оно и написано как раз для людей? А из неверующих «упростители всего» скажут:

— Это описан чей-то сон!

Однако, общий характер библейских повествований достаточно показывает, что они не сонник, а именно мистические книги, и что ключом к раскрытию их мистических мест является почти всегда астрология, как первобытная **наука о небе** и его жизни, будто бы детерминирующей земную жизнь, как реальные предметы детерминируют свои тени.

ГЛАВА VII.

ЛЕГЕНДА ОБ ИУДЕ ИСКАРИОТЕ[1] И О ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ НА ЗЕМЛЕ И НА НЕБЕСАХ.

Евангельскую «тайную вечерю» можно видеть, как я уже говорил ранее, в каждый ясный вечер на небе, и потому мне остается здесь только выяснить некоторые ее детали.

Среди двенадцати созвездий Зодиака, приведенных в символическую связь с двенадцатью апостолами Христа, перечисленными впервые Матвеем, нетрудно отожествить значительную часть. Так, исходя из положения, что апостолы названы у него в той же последовательности, как и соответствующие им созвездия Зодиака, и что Змиедержец над Скорпионом должен обозначать самого Христа, под которым спрятался предающий его богославец (Иуда по-еврейски), мы легко приходим к выводу, что Матвей руководился такой схемой:

Скорпион у него был символом Богославца *(Иуды)*,[1] предавшего Змиедержца-Христа.

Стрелец направо от него, на повороте солнца на лето под Орлом, означал евангелиста Иоанна, символом которого и был потом Орел. И Стрелец поставлен тут тоже направо, рядом со Змиедержцем, как и говорится в евангелии Матвея о любимом ученике, возлежавшем у груди своего учителя.

Козерог, стоящий между центавром-Стрельцом, Пегасом и Малым Конем, — Филипп, имя которого и значит: коневод.

Водолей соответствует Варфоломею, имя которого и значит: сын Водолея.

Двойни-Рыбы символизируют Фому, имя которого и значит: Двойни.

Овен, начинающий древний год, символизирует первого по церковному учению евангелиста Матвея, хотя спутником ему и дан в церковной живописи не Овен, ставший по более раннему циклу преданий представителем приносимого в жертву Христа, а Лев.

---

[1] Искариот по-еврейски значит Муж, как Лев (АИШ-К-АРИЕ), а имя Арий по-еврейски значит Лев.

Телец символизирует Иакова Алфеева, при чем Алфей и значит, между прочим, божий телец.[1]

Близнецы символизируют у Матвея апостола с двойным именем — Срединный божий (Леввей) и Возвеличенный богом (Фаддей).

Рак соответствует Симону Кананиту, имя которого значит: Знамение Канона (т.-е. отвеса, церковного постановления).

Лев соответствует воинственному апостолу Петру.

Дева, с которой начинался византийский год, искусственно приведена в связь с Андреем Первозванным (Волопасом?) и наконец:

Весы под Волопасом приведены в связь с апостолом Иаковом, одноименным с библейским Иаковом-Волопасом.

А тайный ученик Никодим, т.-е. победитель сборища, соответствует невошедшему в Зодиак Ориону, и другой тайный — ученик Иосиф Аримафейский — Геркулесу, как бы непосредственно слушающему Иисуса Змиедержца.

Читатель сам видит, что соответствие здесь настолько полно, что лучшего нельзя и желать, имея в виду, что не все двенадцать апостолов Матвея представляют чистые созвездия Зодиака, а есть среди них и реальные личности, каковы, например: Иоанн богослов, списанный с Иоанна Златоуста, Симон Петр, основатель папства, и несколько других, действительных учеников или братьев Василия Великого, которых, прежде всего, и приходилось Матвею (или тому астрологу, у которого он взял свое перечисление) размещать искусственно, так как реальных соотношений между ними и знаками Зодиака, конечно, не было.

Но именно благодаря этому тут неизбежно возникли сейчас же и разногласия, особенно потому, что Матвей дал свой список без мотивировки. Так, Лука, перечисляя апостолов, принял последовательность Матвея только для первых шести апостолов: Петра, Андрея, Иакова, Иоанна, Филиппа и Варфоломея и следующих за ними Фому и Матвея, может-быть, по простой описке переместил (таблица XXXIX). А двух последних — Леввея-Фаддея и Симона Кананита он не только перепутал местами, но даже и переиначил их имена, как видно на нашей сопоставительной таблице.

---

[1] Во Второзаконии: שגר־אלפיך (ШГР-АЛФИК) — рождаемое быками твоими (7,13); тоже в псалмах (напр., 8 псалом).

ТАБЛИЦА XXXIX.

Созвездия и апостолы.

Созвездия по Птолемею.	Апостолы по Матвею (гл. 10).	Апостолы по Луке (гл. 6).
Лев	Симон-Петр	Симон-Петр.
Дева под Волопасом .	Андрей	Андрей.
Весы	Иаков Заведеев . . .	просто Иаков.
Скорпион под Змиедержцем	Иуда под Христом .	Иуда под Христом.
Стрелец	Иоанн	Иоанн.
Козерог	Филипп	Филипп.
Водолей	Варфоломей (сын Водолея)	Варфоломей (сын Водолея).
Две Рыбы	Фома Двойни	Евангелист Матвей.
Овен	Матвей	Фома-Двойник.
Телец	Иаков Тельцев . . .	Иаков Тельцев.
Близнецы	Леввей-Фаддей . . .	Симон Ревнитель, брат Христа.
Рак	Симон Кананит . . .	Иуда Иаковлев, брат Христа.

Все это значит, что Лука уже неясно понимал астральный смысл в порядке перечисления Матвея, но, считая за факт, что у основателя христианской литургии был особенно важный ученик и даже брат—Иуда Иаковлев,—он и его прибавил в конце списка, исключив для этого не замечательного для него ничем реальным Леввея-Фаддея.

Вся махинация Луки тут так прозрачна, что о ней не стоит и распространяться, а только приходится предложить читателю взглянуть на мою таблицу.

Считая евангелие Луки написанным уже в IX веке нашей эры Лукой Элладским, мы можем притти к заключению, что в эпоху Возрождения астральное происхождение чуть не половины апостолов Иисуса было совсем забыто, хотя идея о их «мистическом» соотношении с двенадцатью знаками Зодиака и продолжала существовать и возобновляться при каждом сравнении тайной вечери Христа с астрологическими картами неба. Наглядное

доказательство этого мы и видим в замечательной книге, которую показывал мне раз Камилл Фламмарион в своей библиотеке в Париже в 1908 году. Это великолепно раскрашенный фолиант астронома-католика Жюля Шиллера 1661 года, вчетверо уменьшенный и обесцвеченный снимок с которого я и привожу из Astronomie populaire Фламмариона (рис. 121, 122). Вот как реставрировано там заново только-что приведенное мною перечисление Матвея (табл. XL).

ТАБЛИЦА XL.

Небесная тайная вечеря Жюля Шиллера—1661 года.

Овен . .	Симон-Петр.	Весы . . .	Филипп.
Телец . .	Андрей Первозванный.	Скорпион .	Варфоломей.
Близнецы.	Иаков Заведеев.	Стрелец .	Евангелист Матвей.
Рак . . .	Иоанн богослов.	Козерог .	Симон Кананит, он же Зилот.
Лев . . .	Фома.	Водолей. .	Фаддей-Леввей (Иуда Искариот).
Дева . . .	Иаков Алфеев.	Рыбы . .	Матфий (выбранный взамен Иуды).

Мы видим, что все апостолы пересажены здесь на новые места, из которых ни одно не совпадает с размещением Матвея, что и понятно, потому что Матвей, как я уже сказал, дал их без мотивировки, а Жюль Шиллер, очевидно, лучше знал теологию, чем астрологию, и не владел еврейским языком. Предатель Иуда здесь уже совсем изгнан с неба (очевидно, в ад) и замещен некиим Матфием, который совсем не присутствовал на евангельской вечери, а был избран потом оставшимися одиннадцатью в свою среду, с целью восстановить астральное число двенадцать, после того, как у «низринувшегося»,—по словам Деяний Апостолов,—Иуды Искариота расселось чрево и выпали все внутренности, что было известно всем жителям города Святого Примирения, назвавшими это место Акелдама, т.-е. «Место Крови» (Деяния Апостолов, 2, 18). Здесь под видом взорвавшегося чрева Иуды описан, очевидно, опять взрыв метеорита в созвездии, знаменовавшем тогда Иуду.

Но точно ли это было в Скорпионе, как у Матвея? В этом можно сильно сомневаться, так как астральное размещение Матвея

едва ли было кому-нибудь известно, кроме него самого да ближайших его знакомых. И это тем более допустимо, что признаки предыдущих, а также последующих таких же исканий видны, между прочим, и в размещении смертей двенадцати апо-

Иаков I Иоанн Фома Иаков II Филипп Варфоломей

Рис. 121. Тайная вечеря на небесах (1 половина).

столов по градусам небесных долгот, как они определяются месяцами и днями их смерти.

Подумаем только: как могли бы быть установлены дни смерти даже и таких апостолов, как «Сын Водолея», и нескольких других, которые явно никогда не существовали на земле? Конечно, скорее всего только одним способом: по месяцу и дню смерти

луны, этой древней руководительницы по небу в соответствующем каждому из них, по мнению автора, созвездии. Каждое лунное затмение средневековому астрологу не только могло, но и должно было представляться более всего специально ниспо-

Еванг. Матвей Симон-Кананит Фаддей Матфий Петр Андрей

Рис. 122. Тайная вечеря на небесах (2 половина).

сланным для церкви знамением того, что в этот самый именно день и умер соответствующий апостол, и что ему тут надо устроить поминки.

Так, действительно, и думали накануне Крестовых походов. Возьмем для примера одного из замечательнейших преемников Василия Великого — римского папу Льва I Великого (около

380—461), возвеличившего папскую власть на Западе и причисленного обеими церквами к своим святым. День смерти этого Льва (может-быть как раз апостола Леввея)[1] и назначен на февраль, когда лунные затмения бывают во Льве, его тезке, и как раз на 18 февраля, когда приходятся после его смерти лишь затмения луны: 18 февраля 919 года в 18 часов 3 минуты от Гринвичской полуночи со сверхполной фазой 14″2, да еще затмение 18 февраля 1440 года с почти полной фазой 11″7, которое, понятно, поздновато.

По первому из них, т.-е. в начале X века, и был, конечно, установлен момент его переселения на небо в свое собственное созвездие.

Рассмотрим же с этой точки зрения и некоторых других апостолов, считая, что установители подобных праздников также мало были знакомы с Матвеевым порядком их астрализации, как и Жюль Шиллер, только-что цитированный мною.

Вот Варфоломей, имя которого, как я уже говорил, значит сын Водолея,[2] и мы видим, что смерть его и определена на август, когда лунные затмения бывают в Водолее, и у католиков указано 24 августа, т.-е. день, в который первое из таких затмений после распространения Апокалипсиса было лишь в 918 году, в 17 часов 39 минут от Гринвичской полуночи, когда луна в Италии и Греции взошла уже в затмении, достигшем сверхполной фазы (15″0). А после разделения церквей, происшедшего в 1054 году, византийцы еще переправили 24 августа на 25-е по частному лунному затмению в Водолее 25 августа 1121 года, имевшему фазу 3″0 в 3 часа 1 минуту от Гринвичской полуночи.

Вот «Двойни» (Фома) назначены католической церковью на 21 декабря, когда лунные затмения приходятся в конце его символа — созвездия Близнецов... И это, очевидно, является церковным отголоском затмения 1154 года, первого и единственного, приходившегося на это число после смерти «Великого Царя».

Но «двойнями» (фомами) на небе являются не одни Близнецы, а также и двойни Рыб. Так чему же удивляться, если Восточная церковь еще ранее определила смерть Фомы по затмению

[1] Лев по-библейски אריה (АРИЕ-АРИЙ) и לביא (ЛВИА-ЛЕВИЙ).
[2] באר־דולה־מי (БАР-ДОЛЕ-МИ) — сын Водолея.

6 октября 1009 года в 22 часа 43 минуты от Гринвичской полуночи с сверхполной фазой (18″5). Это, конечно, и было первое установление смерти никогда не существовавшего на земле апостола-Двойни, и мы видим даже и причины разногласия обеих церквей. Дело в том, что в 1054 году распалась прежняя общая церковь на Восточную и Западную, и Западная в 1154 году заново определила смерть Фомы по затмению 21 декабря 1154 года в Близнецах, а Восточная все еще символизировала его своими Двумя Рыбами. Так апостол «двойни» и умер два раза...

Но то же самое случилось и с другими апостолами и древними святыми, кроме апостола Андрея, празднуемого обеими церквами 30 ноября, вероятно, по сверхполному (19″5) лунному затмению под Змиедержцем 30 ноября 1099 года в 16 часов 4 минуты от Гринвичской полуночи. Все другие апостолы получили по две смерти, т.-е. каждою церковью вычислялись отдельно, что и дает для этих занятий эпоху около XI века нашей эры. А армянская церковь придала апостолам еще и третью смерть совсем в другие дни года... Три раза умереть! Поистине печальная участь даже и не для святых!

Совершенно ясно также, что после того, как была замещена этим методом (в каждой церкви особо) половина созвездий Зодиака, он стал одинаково легко давать как случаи попадания новых затмений на пустое место, так и дубликаты. А на последнее из двенадцати незамещенных созвездий всякое осмысленное и скорое попадание затмений луны стало уже совсем невероятно, да и выжидать удобного случая было некогда. Обеим конкурирующим церквам, естественно, хотелось поскорее закончить свои святцы, и потому они стали пользоваться всяким усекновением месяца для того, чтобы определить им день «усекновения главы» того или иного святого, для которого это не было еще установлено. Так и заместились все дни года.

Полный разбор христианских святцев методом лунных затмений может очень хорошо установлять их историю. Но здесь я не имею места этим заняться и потому возвращаюсь к дальнейшим последствиям «тайной вечери» на небесах.

Среди двенадцати созвездий Зодиака Иуду искали, как я уже говорил, не только в созвездии Скорпиона, жалящего над небесным Жертвенником возносящегося к небу Змиедержца, но и в созвездии Льва, так как прозвище Искариот значит — Муж-как-Лев.

В евангелии Иоанна о нем говорится только:

«Перед праздником пасхи, зная, что пришел час перейти из этого мира к богу, своему отцу, Иисус до конца возлюбил живущих в этом мире». Он встал на своей последней вечеринке, «снял одежду, опоясался полотенцем и начал *(в символе месяца, обходящего двенадцать созвездий)* умывать ноги ученикам и обтирать их». Противился этому только Симон *(последнее созвездие, приходящееся на новолуние)*. Когда же омывание было окончено, он с волнением сказал:

«— Истинно, истинно говорю вам, один из вас предаст меня».

Ученики озирались, недоумевая, о ком он говорит, и один из них, которого особенно любил Иисус, возлежавший у его груди, спросил:

«— Кто это?

«— Тот, кому я подал обмокнутый кусок хлеба, — и, обмакнув в соль, подал его Иуде-Симонову-Искариоту, сказав ему:

«— То, что хочешь делать, делай скорее.

«И вошел после этих слов в «Богославца» сатана, и он, взяв кусок, вышел. Была ночь, и никто из возлежавших не понял, к чему Иисус говорит это. А он сказал оставшимся:

«— Прославится теперь человеческий сын и бог прославится в нем. — Новую заповедь даю вам: любите друг друга, как я возлюбил вас... Дети! Не долго уже мне быть с вами... Куда я иду, туда вы не можете итти (Иоанн, 13). Но когда приготовлю вам место, приду опять и возьму вас с собою, чтоб и вы были там, где я» (14,3).

Итак, выходит, что сам Иисус послал Иуду предавать себя и даже торопил... Настолько же малоправдоподобны без астралистики и передаваемые Иоанном детали предательства.

«Иисус,—говорит он (в главе 18), — вышел со своими учениками за Черную реку, где был сад... А Иуда, предатель его, знал, что Иисус часто собирал там своих учеников и, взяв отряд служителей от первосвященников и фарисеев *(т.-е., по нашему, ариан)*, пришел туда с фонарями, светильниками и с оружием *(заметим, что римских воинов тут еще нет, а только служители тогдашних сект)*. Иисус же, зная все, что с ним будет, вышел и сказал им:

« — Кого вы ищете?

« — Иисуса Посвященного, — ответили ему».

А он сказал:

«— Это я! Если ищете меня, оставьте их *(т.-е. его учеников!)*.

«Симон же, у которого был меч, извлек его, ударил первосвященнического раба и отсек ему ухо, а имя рабу было Царь *(повидимому, звезда Регул во Льве, к которой в страстной четверг перед глазами экзальтированного автора пролетел метеорит, отбросив от себя, как ухо, осколок)*. Но Иисус сказал Петру:

« — Вложи меч в ножны. Неужели мне не выпить Чаши, которую дал мне отец?

«Тогда тысяченачальник и служители богославных взяли Иисуса и связали его» (Іоанн, 8, 1—12).

Мы видим, что и здесь нет даже намека на то, чтоб Иуда указал каким-либо жестом Иисуса воинам. Сам Иисус назвал им себя. Все, что тут говорится об Иуде, это лишь то, будто он сообщил им о месте, где происходили тайные собрания учеников Иисуса. Иуда по-еврейски значит просто «Богославный», как назывались сторонники чистого единобожия, и мы видим, что рассказ о нем носит у Иоанна совершенно не реальный характер. Личность Иуды как будто олицетворяет здесь всю тогдашнюю секту ариан. Ведь и сама Иудея в переводе означает «Страна богославия», в отличие от языческой Самарии *(Северной Италии)* и Галилеи *(Галлии)*, которая в переводе значит «Круг» и не раз употребляется для обозначения зодиакального круга.

Такова туманная, еще плохо персонально определившаяся, фигура Иуды в евангелии Иоанна.

Здесь действие, повидимому, уже перенесено с неба на землю, и евангельский рассказ под формою предательства апперцепционно обрабатывает действительный факт отказа части первичных христиан, называвшихся богославными (иудеями), признавать божественное происхождение «Иисуса» после того, как он не оправдал их ожиданий своего «скорого прихода на землю». Как же было оставшимся верными не обозвать предателем руководителя этих отступников? Это видно и в дальнейших рассказах.

У евангелиста Марка мы имеем о нем только сбивчивые сообщения. Говорится о присутствии Иуды на тайной вечери. Еще раньше этого Иуда, будто бы, пошел к первосвященникам, чтобы предать своего учителя (Марк, 14, 10). А через несколько строк, когда Иисус ел с учениками пасху *(несмотря на то, что, как оказывается далее, до дня пасхи оставалось еще более*

сутоk!), автор уже забыл об этом совершившемся поступке и говорит от имени Иисуса то же, что и в Евангелии Иоанна:

« — Истинно, истинно говорю вам, один из вас, едящий со мною, предаст *(а не предал)* меня».

И на вопрос их: «Кто это?» ответил:

« — Один из двенадцати, обмакивающих со мною хлеб в блюдо» (14, 10—20).

Затем будто бы Иисус добавил:

« — Но горе тому, который предаст человеческого сына. Лучше бы ему не родиться» (14, 21).

О том, что Иуда после этого ушел, конечно, здесь уже не рассказывается, так как он, по Марку, предал его еще ранее этой вечери, а потому остается неизвестным и то, когда он вместе с Иисусом обмакивал хлеб в блюдо.

Место ареста Иисуса здесь уже называется не Черной рекой, а Масляной долиной[1] (Гефсиманией). Там Иисус, будто бы, оставил остальных учеников и, взяв с собою только Петра, Иакова и Иоанна, ушел в пустынное место, где начал тосковать и молиться, говоря:

— «Увы, Отец! Все для тебя возможно! Пронеси эту Чашу мимо меня» (14, 36).

И созвездие Чаша действительно прошло мимо месяца, приближающегося к пасти Льва.

Ученики, по словам Марка, заснули. Он приходил к ним два раза и будил, пришел и в третий раз и сказал им: «Вы все еще спите? Встаньте и пойдем. Вот приближается предающий меня».

Тогда подошел Богославный (Иуда), один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями от священников, законников и старейшин. Предающий его дал им знак, сказав:

« — Кого я поцелую, тот и есть. Возьмите его и ведите осторожно».

И тотчас подошел к Иисусу:

« — Учитель! учитель!» — сказал он и поцеловал его *(астрально: Лев коснулся месяца низом своей пасти)*.

«А они наложили на него руки и повели» (Марк, 14, 41—46).

О том, что было далее с Иудой, у Марка ничего не говорится, как и у Иоанна, и личность самого Иуды выступает

[1] По Cruden'y.

у него так же туманно, хотя прибавка о поцелуе и персонифицирует его.

У более позднего евангелиста Матвея к вышеприведенному рассказу Марка прибавляется еще и новая деталь о продаже Иисуса за тридцать сребренников.

«Один из двенадцати учеников, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал им:

« — Что вы дадите мне, если я предам его вам?»

Они предложили ему тридцать серебряных монет. И с того времени он стал искать удобного случая для предательства (Матв., 26, 14—16).

Затем, после почти буквальной переписки всего вышеприведенного из евангелия Марка о поцелуе, дополнена и последняя черта этой легенды, окончательно уже сложившейся к тому времени в главных своих деталях:

«Богославец, увидев, что Иисус осужден, раскаялся и возвратил тридцать сребренников священникам и старейшинам, говоря:

« — Согрешил я, пролил кровь невинную.

«Затем он пошел и повесился» (Матвей, 27, 3—5).

Все это, с некоторыми вариациями, переписывает и четвертый евангелист Лука, но, кроме того, прибавляет еще и об исцелении Иисусом отсеченного Петром уха у первосвященнического слуги «Царя» (Лука, 22, 53).

Мы ясно видим здесь, как последовательно развивалась легенда об Иуде-предателе путем различных житейских соображений, а также несомненно с астральной помощью, как это уже указывали и до меня.

Ведь и теперь месяц, символизирующий бога-отца, через каждые четыре недели переходит под пастью созвездия Льва, по-еврейски Арья, и затем идет далее под группой мелких звездочек, рассыпанных как монетки в созвездии Волоса Вереники и приходит «на крест», т.-е. на скрещение небесного экватора с небесной эклектикой, у которого стоит Дева, его мать.

Но это небесное явление, как самое обычное, не могло бы, конечно, послужить предлогом к созданию легенды, и она могла появиться лишь потому, что месяц и действительно когда-то умер на этом кресте, т.-е. случилось лунное затмение, которое может тут быть только в пасхальное время при солнце в Рыбах, или в Овне.

При таких обстоятельствах и произошло историческое затмение 21 марта 368 года во время вычисленного нами в первой книге «Христа» столбования «Великого Царя». Подробности об Иуде арианине,[1] предавшем его поцелуем, взяты прямо из прохождения месяца за сутки до «его смерти на кресте» под устами этого Льва, а небесная тайная вечеря с двенадцатью апостолами *(созвездиями)*, наблюдаемая на небе каждую страстную ночь в виде двенадцати созвездий Зодиака, которые месяц обходит, как бы омывая им ноги, внушила экзальтированным зрителям остальные подробности легенды.

---

[1] איש־כ־אריה (АЙШ-К-АРИЕ) — Муж-как-Арий, т.-е. Лев, что и переделано в Искариота.

ЭПИЛОГ

ЗАВЕТЫ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТА

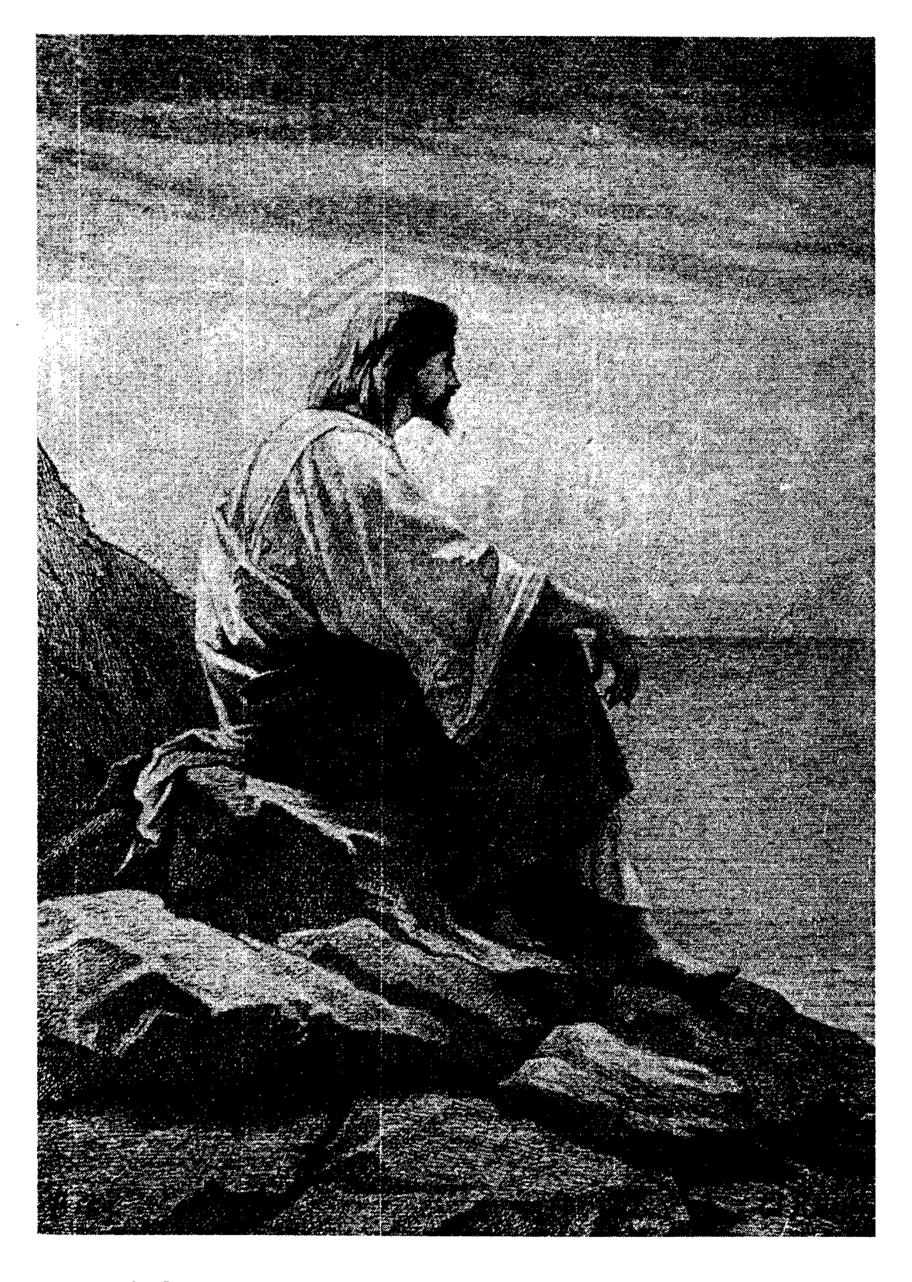

Рис. 123. Основатель христианского богослужения в апперцепции современного художника. Иисус, мечтающий на берегу моря (Матвей, 13, 1). Из книги: Les saints évangiles, avec les dessins de M. Bida.

ГЛАВА I.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕНИЯ ИИСУСА ПО ЕГО ИЗЛОЖЕНИЮ В ЕВАНГЕЛИЯХ.

«Учение Иисуса, — говорят нам современные теологи, — было чисто моральное. Никаких новых научных истин он не открывал людям».

Но читатель уже видел из предыдущего, что есть важные поводы сомневаться в этом, и я даже не прочь заподозреть, что его, как впоследствии Галилея и Джордано Бруно, осудили именно за новые идеи в астрономии, в числе которых была тогда система мира Птолемея...

Но станем временно на общепринятую точку зрения и посмотрим, что вспоминают евангелисты из моральных поучений «Великого Царя».

Не трудно видеть, что под видом их и Марк, и Иоанн излагают только свои собственные мысли, а более всего и подробнее всего они развивают свою собственную мистическую доктрину о том, что он был не кто иной, как сын бога Громовержца — творец неба и земли, сошедший с кристаллического купола небес на землю для того, чтобы искупить грехи мира, накопившиеся со времени грехопадения первых людей, и что после своего столбования и воскресения он, хотя и исчез куда-то бесследно, но все же вновь придет и воцарится на земле, вознаградив всех верующих в его приход. Задавшись исключительно этой последней целью, Марк и Иоанн упустили из виду все остальное, и потому о действительном учении «магистра Иисуса» они лишь обмолвились случайно кое-где несколькими фразами, да и остальные два евангелиста или переписывают все из Марка целиком, или влагают в уста «Христа» лишь свои собственные размышления.

Вся чисто моральная сторона учения Великого Царя резюмируется у Иоанна лишь в нескольких строках при описании тайной вечери, которой, однако, наполнены у него целых пять глав. Но и эти строки, конечно, апокриф, так как то, что говорит на ней Иисус, он мог сказать лишь после своего воскресения, а никак не до него. Вслед за трогательным рассказом, как евангельский маэстро, «взяв полотенце, опоясался и, влившп воды в умывальницу, начал умывать ноги своим ученикам и вытирать их полотенцем, он, — по словам Иоанна, — сказал:

« — Знаете, что я вам сделал? Вы называете меня учителем и господином, а я дал вам пример услужливости» (Иоанн, 13, 13).

Потом через несколько строк, очевидно вставленных посторонней рукой (13, 17), он, — по словам Иоанна, — говорит:

« — Дети! Недолго уж быть мне с вами. Будете искать меня, но не найдете, и куда я иду, вы не можете итти. Даю вам **новую** заповедь: любите друг друга, как я вас любил» (13, 34).

Эту же **новую** заповедь повторил Иоанн от имени своего учителя и в следующей главе, прибавив в пояснение:

« — Нет больше той любви, если кто душу свою положит за других» (15, 13).

Но действительно ли такая заповедь была **новая?**

Принадлежит ли это выражение и в самом деле основателю христианской церкви, или оно выписано Иоанном из книги «Левит», где мы тоже читаем: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит, 19, 18).

Если да, если это была действительно **новая** заповедь, впервые высказанная «Великим Царем» IV века нашей эры, то и в самую книгу «Левит» она попала не ранее конца IV века нашей эры из действительных изречений Василия Великого. Все остальное в описании «тайной вечери», в том числе и кусок хлеба, поданный будто бы Иисусом Иуде со словами: «что делаешь, делай скорее», и уход Иуды после этого на предательство, и последняя молитва Иисуса после ухода Иуды: «Теперь прославь меня, отец, славою, которую я имел у тебя прежде бытия мира и т. д.» (17, 6), ведь, все это напоминает больше сон, чем действительность!

Это и был простой сон у Иоанна, хотя, может-быть, он и навеян ему звездами. Но психологически он возможен, и до-

пустимо также, что слова о любви к ближнему были сказаны на каком-нибудь другом собрании. Только можно ли видеть в них **новую** заповедь? Нет! Такие слова могли быть лишь формулировкой уже возникшего в человечестве бескорыстного чувства любви, которого не отрицали и высшие представители того поколения. Ведь герои, жертвовавшие своей жизнью за других, были и в до-христианские времена, они есть и у современных нехристиан. Это не новая заповедь, уже по одному тому, что сказать любящему человеку: «люби!» — бесполезно, а сказать это неспособному любить, все равно, что разговаривать с глухим, да, кроме того, такое чувство и развиться могло лишь из взаимности, а не по повелению:

Тому, кто сам молчит, и эхо не ответит,
И кто не любит сам, ни в ком любви не встретит.

Ни у Марка, ни у других евангелистов этой заповеди нет, или, вернее, нет совета развивать в себе зародыши этого чувства.

Рассматривая целиком содержание Евангелия Марка, поражаешься его идейной бедностью. Здесь, кроме фактического описания столбования Иисуса и воскресения его из мертвых, мы находим лишь описание медицинской его деятельности, да его споров с арианскими священниками насчет смысла того или иного места в библейском пятикнижии, где он, к тому же, не всегда прав. Затем, встречаются вымышленные автором обещания от имени Иисуса награды тем, «кто поверит, что он сын божий». То же самое и у остальных евангелистов. Только в десятой главе Евангелия Луки он сказал одному своему поклоннику оригинальную по тому времени, но, в приложении ко всем людям сразу, абсолютно ни на что не годную моральную сентенцию:

« — Пойди, и все, что имеешь, продай, а деньги раздай нищим, и за это будешь иметь сокровища на небесах».

А когда тот отошел с печалью, ибо у него было большое имение, Иисус будто бы сказал ученикам:

— « Легче верблюду пройти через игольные уши, нежели богатому войти в царство небесное» (18, 25).

Здесь мы видим первый зародыш того наивного идеалистического коммунизма, — наиболее отзывчивыми к которому, в про-

тивность этой сентенции, всегда оказывались, однако, именно лишь с детства обеспеченные люди, у которых свобода от физического труда и, благодаря этому, продолжительные занятия отвлеченными науками давали место пышному развитию альтруистических чувств.

Был ли Иисус родоначальником этого первобытного социализма, еще не знавшего, что прибавочные ценности физического труда, т.-е. выработка материальных продуктов первой необходимости в большем количестве, чем может потреблять ежедневно трудящийся в этой области вместе со своей семьей, есть единственный двигатель интеллектуального, общественного и экономического прогресса человечества не только во весь тот период его исторической жизни, когда основными единицами общества является индивидуум, но даже и в такой, когда общество уже совсем поглотило бы личность, как у пчел, муравьев и термитов?

Конечно, это вполне возможно, так как повторяется и в приписываемой ему другой нелепой в применении ко всем людям сразу заповеди:

— «Если имеешь две рубашки, отдай одну из них неимущему» (а следовательно во время стирки последней, оставшейся у тебя, ходи нагишом!).

Поводом к возникновению такого сказания об учении Великого Царя мог быть лишь его собственный отказ от материальных наслаждений ради духовных, что, конечно, было возможно только тогда, если другие великодушно брали на себя приготовление для него всего необходимого в жизни.

В таком же, отчасти сентиментальном, роде мы находим у Матвея от его имени целый ряд изречений, выразившихся особенно в общеизвестной нагорной проповеди в Евангелии Матвея (5, 3 — 16).

«Счастливы бедные духовно, потому что им принадлежит царство небес».
«Счастливы плачущие, потому что они утешатся».
«Счастливы кроткие, потому что им достанется земля обетованная».
«Счастливы алчущие и жаждущие правды, потому что они насытятся».
«Счастливы милостивые, потому что они будут помилованы».
«Счастливы чистые сердцем, потому что они увидят бога».
«Счастливы примирители, потому что их назовут сынами бога».
«Счастливы гонимые за правду, потому что им принадлежит небесное царство».

Этой проповеди нет ни у Иоанна, ни у Марка. Начало же ее написано также и в 6 главе Луки, где еще прибавлено:

«Ударившему тебя по щеке подставь и другую».
«Отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и нижнюю».

Но последнюю заповедь едва ли кто исполнял иначе как в тропических странах, где действительно многие люди ходят голыми... В холодных же странах, особенно зимой, она совершенно неуместна.

Таким образом, читатель сам видит, что поучения нагорной проповеди о счастьи плаксивых и глупых свелись в конце концов прямо к абсурду.

Понятно, что одна такая мораль никогда не могла бы сделать «Великого Царя» учителем, оставившим неизгладимые следы в истории человечества. Да и те, которые проповедывали ее от его имени, не привили к людям ничего кроме лицемерия да лености.

Никаких намеков на то, чтобы подобными поучениями он сознательно хотел создать республиканское настроение в обществе, т.-е. уравнять всех в правах, мы тоже не имеем в евангелиях. Наоборот, евангелист Лука рисует его в этом отношении скорее даже монархистом или индифферентом, потому что когда «иродиане» (т.-е. сторонники Цезаря) пришли уловить его на слове и спросили: «давать ли подать императору или не давать?», то он будто бы попросил их показать ему монету и спросил:

« — Чье на ней изображение и надпись?»

Они ответили:

« — Императора».

А он будто бы сказал:

« — Отдайте же императору то, что ему принадлежит, а божье отдайте богу».

Другими словами, он велел всем платить налоги исправно (12, 16).

Различные притчи Иисуса, приводимые в Евангелиях, в роде, например, сравнения слов «истины с семенами, падающими то на дорогу, то на камни, то на плодородную почву, при чем одно засыхает, а другое клюют птицы, а третье приносит сторицею свой плод», больше относятся к области поэтического творче-

ства и не возвещают никакой новой или даже старой моральной или научной истины. К такому же чисто поэтическому творчеству относятся и приписываемые Иисусу предсказания о грядущем страшном суде, когда «восстанет народ на народ и царство на царство, и будут большие землетрясения по местам и глады, и моры, и ужасные явления в природе, и великие знамения на небе», «и будут затмения солнца, луны и звезд, а на земле уныние народов и недоумение, и море возмутится, и люди будут задыхаться от страха в ожидании того, что идет на вселенную, и силы небесные поколеблются и увидят сына человеческого, летящего на облаке с силою и славою великою» (Иоанн, 21, 10—25).

Для поэмы — это хорошо, а для действительного научного предсказания ни на что не годно.

Единственно существенно новое и иногда, на горе себе, исполняемое женщинами в моральном учении Иисуса, как оно излагается евангелистами, — это признание за ними права «свободной любви», выражающееся в демонстративном оправдании женщин, оставивших своих мужей для других или просто многомужних. Таково его приветливое отношение, — по Иоанну, — к самаритянке, встреченной им у колодца, которая имела уже пять мужей, и тот, которого она тогда имела, не был ее мужем (Иоанн, 4, 18), и к неверной жене, которую привели к нему, по тому же Иоанну, толкователи закона, которым он сказал:

— «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Иоанн, 8, 7).

А более всего о его особенной симпатии к многомужницам говорит то, что главнейшие из его спутниц, в роде Марии Магдалины, были именно из них. Но и эта «заповедь», легко исполнимая в юности, приводит потом женщин к печальной и одинокой старости и потому даже и в настоящее время не может рекомендоваться ни женщинам, ни мужчинам.

Интереснее же всего то, что таких многомужних рассказов не переписал из Иоанна ни один из других евангелистов, державшихся, очевидно, на этот счет уже иной точки зрения, т.-е. точки зрения греховности всяких супружеских отношений, вообще характеризующей все средневековое монашеское христианство, вставшее, таким образом, в полное противоречие с тем, чему, по Иоанну, учили Иисус и сам бог-отец в Библии. Матвей,

например, влагает в уста Иисуса даже похвалу такому чудовищному делу, как самокастрация:

«Есть скопцы, которые родились такими от чрева матери, есть оскопленные людьми, а есть и такие, которые сами оскопили себя для царства небес: тот, кто может вместить это, пусть вместит» (Матв., 19, 12).

Замечу, что и самое слово «монах» или «инок» по-гречески значит: евнух, т.-е. кастрат.

Как объяснить такую метаморфозу отношений последних евангелистов к женщине? Мне кажется только тем, что женщина вплоть до эпохи Возрождения считалась совершенно неспособной к какому-либо умственному труду и развитию, а лишь к любви или к ненависти, и потому могла быть только непреодолимой помехой ученому, который привязывался к ней вместо науки и, таким образом, отдавался постепенно земным заботам, а не небу. Желание избавиться раз навсегда от этой опасности, которая, как бес-соблазнитель, подстерегала каждого, посвящавшего себя науке, и принуждало, — мне кажется, — первых ученых бежать в монастыри, которые первоначально были только мужскими, пока мужчинам не стали подражать и мистически настроенные женщины. Но и в монастырях беглецов, взамен естественных соблазнов природы, стали подстерегать еще худшие демоны, разные противоестественные пороки, и в результате мог возникнуть обычай добровольной кастрации всех монашествующих, которые потому и получили название иноков.

Источником же представления о женщине, как о сосуде, наполненном всякими скверна̀ми, явилась, мне кажется, простая ошибка первого из переписчиков Апокалипсиса Иоанна.

Уже много лет тому назад, изучая эту книгу в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем и в Шлиссельбургской крепости, я обратил внимание на то, что под именем «женщины, сидящей на звере кровавом» (17, 3), автор разумел тогдашнюю византийскую церковь, а потому и фразу в предыдущей главе «о ста четырех тысячах искупленных от земли, которые не осквернились с женщиной» (14, 4) я понял, как и следовало, по дальнейшему содержанию Апокалипсиса, в том смысле, что они не присоединились к господствовавшей тогда «николаитской» церкви. А, между тем, первые из переписчиков, плохо усвоившие смысл книги, поняли это выра-

*

жение в общем его значении и даже поставили слово «женщина» во множественном числе, чем закрепили деградировавшийся смысл. Произошло это, как я уже показал в своей книге «Откровение в Грозе и Буре», в самом конце IV века. Эта ошибка переписчика, вместе с ошеломляющим впечатлением, которое произвел Апокалипсис на его современников, и могла послужить впоследствии к развитию монашеского браконенавистничества у христиан не ранее V века, а затем и к возникновению скопчества. Сам евангелист Матвей был, как говорят предания, скопцом, но из всего изложенного у Иоанна и из того, что все остальные евангелисты старательно исключили из своих сборников снисходительное и даже ласковое отношение Иисуса к слишком легкомысленным женщинам, видно, что в скопчестве своих малосознательных последователей, а затем и в учреждении монашества Великий Царь был совершенно неповинен.

Он толковал, — говорят и Иоанн, и Марк, и остальные позднейшие евангелисты, — священное писание. Но ведь почти все библейские книги, кроме легенд первой части книги Бытия, были написаны, как я уже показывал, после него и даже вспоминают о нем самом.[1] А «Бытие» содержит все тогдашнее естествознание, разработанное наивнейшей из всех древних наук — каббалой, приводившей предметы (феномены) в тесную связь с их именами (номенами) и стремившейся, путем разложения еврейских имен на буквы и слоги, восстановить свойства и происхождение их предметов. Содержание этой книги, составлявшее до тех пор секрет касты посвященных, Великий Царь, повидимому, и старался сделать достоянием всех, жаждущих знания того, почему и откуда все произошло. И подтверждением моего мнения служит то, что важнейшим сочинением Василия Великого (он же евангельский Христос) являются его поучения на «Шесть дней творения», где трактуется чрезвычайно интересно о жизни и происхождении всей природы.

И если «Великий Царь» действительно говорил публично хоть десятую долю того, что излагается в этих, приписываемых ему, поучениях, и иллюстрировал их содержание картинами природы и звездного неба, то о его лекциях, по справедливости, можно было сказать, что он насыщал ими тысячи людей, алчущих

---

[1] См. первую и вторую книги «Христа».

и жаждущих правды. С этой точки зрения трагедия его жизни была совершенно сходна с трагедиями жизни и других исторических людей, пытавшихся одним порывом своего собственного беспредельного доброжелательства поднять неподготовленную и малоразвитую толпу на недосягаемые для нее вершины. Он пришел к ним возвестить истину, как он ее понимал, а они, хотя и верили ему, но не защитили его от врагов, а когда случилось чудо его избавления от смерти у жерла Везувия, они приняли его за сына бога Громовержца и сейчас же захотели, чтоб он сел на трон земного царя, а их посадил на место низвергнутых царедворцев, которых они и заставили бы служить себе, как сами им служили, совершенно не подозревая, что если десятки людей поднимут себе на плечи одного, то смогут его нести и он им может быть даже полезен, указывая с высоты, куда нужно итти, а если десять сядут на плечи одного, то в результате сейчас же свалятся на землю и очутятся ниже, чем были прежде.

В результате своей учительской деятельности (ведь не даром же его называют во всех евангелиях учителем) ему пришлось не только рискнуть своей жизнью, но и скрыться после своего спасения от смерти в пустыню, чтоб избавиться от своих многочисленных поклонников, уверовавших, наконец, в него и требовавших от него того, что им казалось наивысшей наградой для человека: коронования на императорский престол и водворения такой всеобщей праздной жизни, где, по словам Матвея «не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец небесный питает всех» (Матв., 6, 26).

«Да и об одежде зачем заботиться? посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут, но и сам Соломон во всей своей славе не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры?» (Матв., 7, 28 — 31).

Что же удивительного, если после таких экстравагантных обещаний, даваемых иногда и теперь, хотя и в иной форме, первый провозвестник прихода царства божия на землю сбежал полторы тысячи лет тому назад от своих собственных учеников, обещав им в утешение «вернуться скоро» (Апок., 22, 12), но не явился и до сих пор!

ГЛАВА II.

ЗА ЧТО ЖЕ БЫЛ СТОЛБОВАН ВЕЛИКИЙ МАГ?

Суббота по-еврейски происходит от ШБЭТ (седьмица).[1] Она созвучна с латинским septem, санскритским saptan, немецким sieben и славянским седмь. Число это, — говорят нам, — считалось священным у европейских средневековых евреев и у арийцев и было связано с семью известными тогда планетами, с семью известными тогда металлами и более всего с библейской системой творения мира в семь дней.

Но кто же такие были арийцы? Это имя, — говорят нам, — происходит от санскритского aryas (удостоенный) и до XIX века встречалось только в «Индусских Ведах» (т.-е. веденьях, сведениях), как название трех высших классов Ост-Индии — священников, воинов и торговцев. Они, по «Ведам», вторглись в Индию с запада из Страны Удостоенных в незапамятные времена, навязав остальному земледельческому и ремесленному населению свою религию — с божественной троицей во главе, свое государственное устройство, основанное на замкнутых в себе сословиях, и свой язык, называемый искусственным (санскритом).[2]

А где же была Страна Удостоенных (ариан)?

Нам говорят, что это было плоскогорье, называвшееся в незапамятной древности Эран или Иран, поднятое от 1000 до 1200 метров над уровнем моря между Персидским заливом, Каспийским морем и горным хребтом Гинду-Куш на границе Индостана, и что завоевание Индостана произошло оттуда еще за полторы тысячи лет до начала нашей эры.

Но уже одна эта огромная древность возводит все сообщение на степень мифа. Первым реальным фактом является лишь долго державшаяся там **македонская культура,** которая апокрифируется Александру Македонскому за 346 лет до начала нашей эры, но, судя по хорошо сохранившемуся имени Ария, это была

---

[1] И подождал (Ной) еще седьмицу и опять выпустил голубя из ковчега (Быт., 8, 10). Отсчитайте семь полных седьмиц от дня, следующего за праздником (от воскресенья), в который приносите свои возношения (Лев., 23, 15).

[2] Sam-scrita — искусственный язык,

уже арианская культура, т.-е. 326 год перевернут с плюса на минус, и «Удостоенной Страной» была Европа. Эта арианская религия так и оставалась в Ост-Индии вплоть до завоевания части страны мусульманами в XI веке. И Кришна (Христос), и Тримурти (троица), и чудеса Моисея (гипнотическое внушение), и сама седьмица сохранились там без больших изменений и до настоящего времени.

Отрицание Иисусом субботы в толковом переводе с еврейского означает отрицание Иисусом седьмицы творения мира, но евангелисты стараются всеми силами затушевать этот смысл его учения, очень наивно уверяя своего читателя, что дело идет вовсе не об отрицании им «седьмицы творения», а с ней и всей системы мира Моисея, а лишь о необязательности субботнего отдыха для «хороших дел». Так, Иоанн рассказывает, что первое неудовольствие богославных (иудеев) возбудил против себя Иисус тем, что будто бы сказал исцеленному им расслабленному в седьмицу творения:

« — Встань! Возьми постель твою и иди!» (5, 8).

И тот сделал это.

«И стали богославные, — продолжает Иоанн, — гнать Иисуса и искали убить его за то, что он занимался такими делами в седьмицу. Иисус же ответил им:

« — Отец мой доныне так делает, а потому и я делаю.

«И еще более искали случая убить его за то, что он не только нарушил седьмицу творения, но и называл бога своим отцом, делая себя этим равным богу» (Иоанн, 6, 16 — 18).

А затем в евангелии Иоанна до конца главы идет такое разглагольствование, написанное от имени Иисуса, которое, — если не принять его за позднейшую астральную символистику, в роде лунного затмения на детородном члене Водолея в субботу, — совершенно неуместно в его устах, так как более всего напоминает средневековую казуистику:

« — Если я свидетельствую сам о себе, — будто бы сказал он окружающим, — то мое свидетельство не истинно. Но вы посылали к Иоанну Крестителю, и он засвидетельствовал вам об истине. Я не от человека принимаю (тут) свидетельство, а говорю это лишь для того, чтобы вы спаслись (5, 31 — 34). Не дал ли вам Моисей закон, а никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить меня?»

Народ же сказал ему в ответ:

« — Не бес ли в тебе? Кто ищет тебя убить?

«Инсус же *(не ответив на этот их естественный вопрос)* сказал им:

« — В седьмицу творения вы обрезываете один член у человека, а на меня негодуете за то, что я всего человека исцелил в субботу» (7, 19 — 23).

«И никто ничего не мог ответить ему на это».

Я еще раз скажу, что надо быть очень наивным для того, чтобы поверить, что единственной причиной ненависти ариан к евангельскому Великому Царю были только его субботние исцеления больных, как выходит по Иоанну, не приводящему никаких других обвинений против него. Ведь в это самое время не только Италия, Греция, Египет и Сирия, но и весь Старый Свет от Тихого до Атлантического океана были полны язычников, которые не соблюдали никакой субботы, и однако же никто не умерщвлял их за это. Отмечу, что и для самих богославных этот день освобождался, как теперь воскресенье для христиан, лишь от тяжелых физических работ с целью отдаться работам умственным.

Совсем другое дело, если основатель христианского богослужения разрушал седьмицу творения не этим безвредным для нее способом, а предлагая более научную теорию возникновения мира, или просто предвещая населению какие-либо физические явления, которых все боялись, в роде лунных и солнечных затмений, землетрясений, извержений вулкана, нашествия иноземцев, моровой язвы.

За такие предсказания древние мыслители действительно рисковали жизнью, так как толпа думала, что они сами же и вызывают их.

Автор евангелия Иоанна мог придумывать совсем неподходящие поводы для казни героя своего рассказа лишь потому, что в его время действительный повод был уже давно забыт.

То же самое отсутствие реальных причин для ненависти богославных (ариан) к евангельскому учителю мы видим и у евангелиста Марка. Он тоже говорит, что единственным поводом для обвинения Иисуса было непризнание им «седьмицы», и также прикрывает вуалью просвечивающую сквозь него истину, что его седьмица была «седьмица творения».

Во второй главе мы читаем у этого «евангелиста первичной формации» такие строки:

«Случилось ему в субботу проходить среди посевов, и ученики его дорогою начали срывать колосья. Фарисеи *(ариане)* говорили ему:

« — Смотри, что они делают в седьмицу *(творения)!»*

А он ответил им:

« — Седьмица для человека, а не человек для седьмицы» (2, 23 — 28).

Потом он пришел,— говорит далее Марк,— «в собрание, где был человек, имевший параличную руку», а они наблюдали за ним, не исцелит ли и его в субботу.

« — Должно ли делать добро или зло в седьмицу творения? — спросил он их. — Должно ли спасать человеческую душу, или губить?

«Они молчали.

«Гневно посмотрев на них и грустя об ожесточении их сердец, он сказал тому человеку:

« — Протяни руку!

«Он протянул, и рука стала двигаться, как другая. А его враги, вышедши из собрания, немедленно составили со слугами императора совещание, чтобы казнить его. Но Целитель со своими учениками удалился к морю» (3, 1 — 7).

Таковы два, приводимые Марком, ужасные дела, за которые будто бы осудили «Великого Царя». Первое дело: ученики его срывали колосья в праздник окончания творения мира, и второе дело: он в этот праздник приказал параличному поднять руку, и тот поднял. Действительно, было за что возненавидеть его даже и не арианам!

Но... такие поводы ненависти можно рассказывать только грудным младенцам...

А вот описание и самого духовного суда над Великим Учителем по Марку:

«Собрались *(у первосвященника)* все священники, старейшины и толкователи книг закона. Некоторые, встав *(по образцу новейших ораторов!)*, говорили:

« — Мы слышали, как он сказал: «я разрушу этот рукотворный храм и через три дня воздвигну другой нерукотворный».

«Но и такое свидетельство не было достаточно», — решает за них Марк.

Тогда совершенно справедливо первосвященник спросил его прямо:

« — Ты ли Великий Магистр оккультных наук *(Христос по-гречески)*, сын Благословенного?

« — Я, — сказал он, — и вы увидите человеческого сына, как властелина сил, ходящего на небесных облаках».

Тогда первосвященник, разорвав свои одежды, сказал:

« — На что нам еще свидетелей? Вы слышали его богохульство!»

Они признали его повинным смерти. Некоторые начали плевать на него и, закрывая ему лицо, бить, говоря:

« — Угадай, кто?»

«И слуги их били его по щекам» (4, 58 — 65).

Все это переписано с некоторыми вариациями и Матвеем. А Лука и Иоанн умолчали.

Здесь мы впервые слышим, как евангельский Великий Царь признал себя на первосвященническом суде магистром оккультных наук (Христом), и что его осуждение было связываемо с приписываемым ему разрушением храма *(не иначе, как от землетрясения*, или с предсказанием такой катастрофы). О колосьях, срываемых в поле, и исцелениях больных в священную седьмицу творения здесь даже и не упоминается в мотивах приговора. А различные указания на то, что его главное обвинение было в желании вызвать землетрясение, мы находим и в других местах евангелий.

Так, в 4-й главе Матвея мы читаем, как Иисус говорит своим ученикам, показывая на здания города Святого Примирения:

« — Видите вы все это? Скажу вам правду: не останется здесь камня на камне, все будет разрушено (24, 2)... Тогда находящиеся в стране богославных да бегут в горы, и кто на крыше, тот пусть не сходит внутрь дома взять что-нибудь, и кто в поле, пусть не бежит назад захватить свою одежду (24, 19). Горе в те дни беременным женщинам и питающим грудных детей».

А у Луки (23, 28) рассказывается, как даже и в то время, когда его уже вели на столбование, он все-таки говорил женщинам, сопровождавшим его с плачем:

« — Дочери города Святого Примирения! Не плачьте обо мне, а плачьте о себе и о детях ваших. Приходят дни, в которые скажут: блаженны бесплодные утробы и не питавшие сосцы! И будут говорить горам: падите на нас! и холмам: прикройте нас!»

А у Матвея (24, 29) прибавляется предсказание им лунного и солнечного затмений, о чем я уже упоминал.

« — И вдруг после скорби тех дней, — говорил он будто бы ученикам еще до этого, — померкнет солнце, и луна не даст света, и звезды посыплются с неба и поколеблются небесные устои, и явится на небе знамение человеческого сына, и увидят его, идущего на небесных облаках, с великой силой и славой. И пошлет он своих вестников с громогласной трубой, и они соберут его избранных от четырех ветров, от края до края небес».

Конечно, эти слова апокрифированы евангельскому Великому Учителю уже через несколько столетий после его смерти, но сюжет тех предсказаний, за которые его осудили на столбование, повидимому, хорошо в них сохранился. Его столбовали скорее всего по причине предсказания им гибели Геркуланума или Помпеи от нового извержения Везувия, которое он, повидимому, связывал с осуществлением предвычисленного им лунного затмения на 21 марта 368 года.

Такое пророчество, действительно, могло вызвать к нему страх у невежественного населения того времени и у его собственных коллег, не способных еще делать астрономические вычисления. И этот страх, естественно, мог привести их к идее привязать пророка к столбу у жерла Везувия на ту самую ночь, на которую он предсказал такие ужасы, чтобы он сам погиб от них первый.

И этот же их поступок мог придать ему потом необычную популярность, когда предсказанное им лунное затмение произошло в сверхполной мере, а бог Громовержец на Везувии отменил свое решение погубить всю страну кругом, чтобы вместе с нею не пострадал и его прикованный возлюбленный пророк.

Что же касается до сообщения евангелиста Иоанна, что Великого Царя ложно обвиняли в том, будто он называет себя царем богославных, то это объяснение совершенно отпадает, когда мы припомним, что имя основателя православного ритуала

Василия Великого, с которого списан и основатель христианской религии, прямо значит «Великий Царь», и что он был тоже сын Василия, т.-е. царя.

* * *

С конца XIX века в публицистической литературе не раз разбирался с различных точек зрения вопрос о влиянии личности на историческую жизнь народов.

И несомненно, если личность и является продуктом современного ей и предшествовавшего общества, то и общество совершенствуется, как само, так и в следующих поколениях, только через посредство выдающихся личностей, в которых, как в фокусе, сосредоточиваются лучшие стремления их среды и их времени.

Ведь каждая гора имеет свою вершину, и каждое ущелье имеет свой наиболее глубокий пункт. Вершину поддерживает вся остальная масса горы, а на дно ущелья давит все, что находится по сторонам выше его.

Заоблачная вершина покрывается чистой одеждой белого снега, а на дно глубокого ущелья стекает всякая грязь. И когда солнце еще только готовится к восходу над равниной, вершины ее гор уже освещены его лучами и горят, как угли, над окружающим сумраком, а дно ущелий бывает погружено в глубокий мрак даже и в полдень.

Точно то же и в общественной жизни народов, особенно, когда она чем-нибудь взволнована, как море бурей.

И в ней являются свои гигантские вершины, уходящие в недосягаемую для других высь и сосредоточивающие в себе передовые стремления данного времени и данной среды, и происходят глубокие низины, в которых фокусируются все ретроградные стремления данного общества. Первые делаются излюбленными вождями и героями народов и окружаются восторженным поклонением всей остальной массы населения, а вторые становятся в глазах толпы врагами человечества, и на них стекает всякая грязь и даже клевета.

Чем ближе к детскому состоянию находится данное общество и чем сильнее в нем борьба между передовыми и ретроградными стремлениями, тем резче в нем отношение к тем и другим личностям, и потому немудрено, что первые из них возносились потом до степени богов, а вторые опускались до

степени демонов. Последние исчезали, наконец, навеки во мраке своей бездны и забывались потомством, тогда как первые продолжали еще долго светить человечеству, как заоблачные горные вершины на утренней заре.

И несомненно, они имели на это полное право, хотя и были лишь продуктами своего времени и среды и носителями наследственности прошлых поколений. Разве горная вершина имеет личную заслугу в том, что геологические процессы подняли ее выше всех остальных слоев горы? — Конечно — нет, но все же она — вершина, и все смотрят на нее и любуются ею. И наоборот: разве мрачное ущелье виновато в том, что подземные силы вызвали тут трещину в почве и провал? — Конечно, тоже — нет, и однакоже все боятся в него заглянуть и стараются пройти подальше от обрыва.

Таково же наше отношение и к историческим личностям.

Уже одно то обстоятельство, что какая-нибудь из них вознеслась высоко в народном представлении, показывает, что в ней было что-то исключительное по своему времени, хотя бы сказания о ней и были малодостоверны. Вот почему одна из целей науки, изучающей проявления общества в его личностях, должна заключаться в том, чтобы выяснить: в чем же состояло это исключительное, недоступное для других по тому времени и по той среде?

Конечно, это страшно трудно сделать для древних деятелей, а потому и следующие несколько сближений, которыми я хочу закончить этот том, я решаюсь предложить читателю лишь в виде гипотезы, еще требующей проверки и разработки.

В библейской книге «Цари» четьи-минейский «Великий Царь» (Василий Великий по-гречески) представлен как действительный князь (мелех) в городе Святого Примирения под именем Асы (т.-е. врача, целителя), сына Аб-Ии (т.-е. громовержцева отца), чем показывается, что Аса и был самим богом Громовержцем, превратившимся в человека, т.-е. тожествен с евангельским «Исусом» (другое произношение слова Аса).

А если мы просмотрим биографию знаменитого астронома Клавдия Птолемея, тоже изображавшегося в княжеской короне на старинных рисунках, то увидим общие черты между ним, с одной стороны, и между Иаковом, богоборцем Библии, и евангельским Великим Учителем — с другой.

Действительно, что мы знаем о великом древнем астрономе? Нам говорят, что Птолемей писал в начале II века после «рождества Христова», т.-е. родился еще в I веке от этого события.

Но «рождество Христово» по нашим отожествлениям было рождество «Великого Царя» Четьи-миней, т.-е. по-гречески: «Василия Великого». Значит, дело сводится к концу IV или началу V века нашей эры. А если мы допустим, что христианская эра тут смешана с эрой «восстановителя мировой империи Аврелиана» (276 год) или даже с «эрой Диоклетиана» (284 год), то придем как раз к тому времени, когда жил и «Великий Царь».

Имя Птолемей — еврейское и значит: **состязавшийся с богом Громовержцем**,[1] т.-е. имеет тот же смысл, как и прозвище библейского Иакова — Израил (богоборец).[2] Затем, подобно тому, как астроном Птолемей имеет еще и другое (латинское) прозвище — Клавдий, значащее сразу и хромой, и замкнутый в себе, или хитрец, так и имя Иаков обычно производится от слова ЭКБ (עקב), которое значит и хромой, и преследователь по пятам, т.-е. тоже хитрец, да и вся характеристика в том же роде.

Кроме того, есть и другие сходства.

Хитрый Птолемей ввел в астрономию и географию градусные определения, при чем градус (gradus) по-латыни значит ступень лестницы, а хитрый Иаков видел во сне и самую эту лестницу на небо, т.-е. по-латыни такое же градусное сооружение. У Иакова Хромого было двенадцать сыновей, а у Хромого Птолемея им соответствуют двенадцать созвездий Зодиака и двенадцать месяцев Юлианского календаря.

Мы видим здесь такие соответствия, какие по теории вероятностей почти невозможно найти случайно, и потому нельзя сомневаться, что в обоих случаях дело идет о том же самом великом ученом.

Но есть также и соответствия, сближающие обоих этих деятелей с евангельским Христом, хотя имя его брата Исав и более созвучно с Иисусом.

---

[1] פתל־עם־יה (ПТЛ-ЭМ-ИЕ), по современному чтению Птолимио, а по значению: состязавшийся с Громовержцем, аналогично выражению Рахили в книге Бытия: נ־פתל־תי־עם־אח־תי (Н-ПТЛ-ТИ-ЭМ-АХ-ТИ) — состязалась я с сестрою моею (Бытие, 30, 8).

[2] ישר־אל (ИШР-АЛ) — богоборец.

Мы видели уже, что евангельский Христос был тоже астроном, определявший точку весеннего равноденствия в созвездии Рыб, вследствие чего его эмблемой и была рыба. Ведь и самое слово рыба по-гречески ИХТИС лишь анаграмматически зафиксировывает его имя: Иисус Христос Теу́ Иийос Сотер, т.-е. Иисус Христос божий сын Спаситель. Прочтите только первые буквы этих греческих слов! И он имел двенадцать учеников, соответствующих двенадцати знакам Зодиака и двенадцати сыновьям Иакова. Как у этого последнего, младший и любимейший сын попал в темницу из-за жены миц-римского властелина, но потом, благодаря своей премудрости, сделался верховным начальником (патри-архом) во всем его государстве, так и у евангельского Христа младший и любимейший ученик Иоанн был сослан *(под прозвищем богослова)* на Патмос, а после того *(под прозвищем златоуста)* сделался, благодаря своим предсказаниям, верховным правителем (патри-архом) Восточно-Римской империи и тоже впитал в себя некоторые детали сказаний о Христе.

Все это заставляет думать, что и «астроном Птолемей», и «лествичник Иаков», и «сын божий Иисус» — лишь три различные исторические апперцепции того же самого деятеля науки, истинный облик которого мы стараемся выяснить здесь путем сопоставления друг с другом всех многоязычных сказаний о нем.

И мы видим, что, чем более мы углубляемся в этот предмет, тем более расширяется область нашего исследования и тем ярче вырастает перед нашими глазами из сумрака веков выдающаяся в интеллектуальном смысле фигура человека, о котором различные народы создали сотни разнообразных легенд и мифов и которого наши предки отожествили, наконец, с самим богом Громовержцем, спустившимся откуда-то с небес и вочеловечившимся на нашей планете.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЭПИЛОГ.

ЗАВЕТЫ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТА.

ТАБЛИЦА XXII

Схематизм воображаемого внезапного взрыва латинской литературы около начала нашей эры и ее воображаемого тысячелетнего сна от II до XII века, когда, также внезапно проснувшись, она дала начало нашим современным литературам.

Годы II века.	Трагедия.	Комедия.	Эпическая поэзия.	Сатира.	Дидактич. поэзия.	Элегия и лирика.	История.	Ораторство.	Философия и наука.	Роман.
+ 1300	Все нижепоказанные авторы «открываются» один за другим после тысячелетней неизвестности и пополняются множеством совершенно таких же произведений то явных, то апокрифических, вплоть до XVII века нашей эры.									
+ XIII в.										
+ 1200										
+ XII в.			*Начало так называемой «Эпохи Возрождения».*							
+ 1100										
+ XI в.										
+ 1000										
+ X в.										
+ 900										
+ IX в.										
+ 800										
+ VIII в.	*Все эти роды литературы, мелькнув, как ослепительная молния на рубеже нашей эры, вдруг засыпают в ее 170 году на тысячу лет, как сказочные заколдованные красавицы, летаргическим сном для того, чтобы вновь проснуться в начале «Эпохи Возрождения» на том же самом, уже сделавшемся мертвым, языке, ничего не позабыв и ничему не научившись за это время.*									
+ 700										
+ VII в.										
+ 600										
+ VI в.										
+ 500										
+ V в.										
+ 400										
+ IV в.										
+ 300										
+ III в.										
+ 200										
+ II в.				Апулей, + 170.			Тацит, + 117.	Л. Красс, + 91.	Квинтилиан, + 100.	Апулей, + 170.
+ 100				Ювенал, + 120.					Плиний Мл., + 114.	
+ I в.			Валер. Флак., + 90.	Марциал, + 102.	Манилий, + 1 в.		Валер. Макс. + 30.		Плиний Ст., + 79.	
0			Лукан, + 65.	Персо, + 62.	Овидий, + 17.	Овидий, + 17.	Тит Ливий, + 17.		Сенека, + 34.	Петроний, + 65.
— I в.		Помпоний,	Овидий, + 17.			Гораций, — 8,	Корн. Непот, — 24.			
— 100	Акций, — 90.	Новий,	Виргилий, — 19.	Гораций, — 8.	Виргилий, — 19.	Тибулл, — 19.	Саллюстий, — 35.	Цицерон, — 43.		
— II в.		Либерий, — 95.		Теренций, — 27.	Лукреций, — 55.	Проперц., — 16.	Юлий Цезарь, — 44.	Гортензий, — 50.		
— 200	Пакувий, — 130.	Теренц., — 159.				Катулл, — 51.		Марк Антоний, -87.		
— III в.	Энний, — 186.	Плавт, — 184.	Энний (ввел гекзаметр) — 186.	Луцилий, — 103.				Катон, — 152.		
— 300	Ливий и Андроник, — 240.									
— IV в.										
— 400										
— V в.			*Никакой литературы не существует.*							
— 500										
— VI в.										
— 600										
— VII в.										
— 700										
— VIII в.										
— 800		*Воображаемое основание города Рима в — 753 году.*								

ТАБЛИЦА XXIII

Плодопеременное хозяйство в древне-греческом литературном производстве до II века нашей эры.

1) До минус V века родились исключительно поэты. 2) От минус V до минус III — исключительно трагики и комики, политические полемисты и философы. 3) От минус III до начала нашей эры — буколические и дидактические поэты. 4) В первом веке нашей эры — евангелисты и, затем, начиная с IV века «евангелические теологи» и первые наивные хроникеры, как бы впадшие в детство.

Период	Годы	Поэты лирические и героические, и музыканты.	Сатира в стихах (ямбы).	Комедия.	Трагедия.	Политические риторы и полемисты.	Преднаучные философы.	Буколические поэты.	Дидактические поэты.	Филологи.	Евангелисты.	Софистика.	История.	Астрономы, географы и математики.	
VI. — Византийский период. / V. — Римский период.	+ 1200, + XII в., + 1100, + XI в., + 1000, + X в., + 900, + IX в., + 800, + VIII в., + 700, + VII в., + 600, + VI в., + 500, + V в., + 400, + IV в., + 300, + III в., + 200, + II в., + 100, + I в., 0	Все эти классические посевы начинают постепенно всходить в Эпоху Возрождения после слишком тысячелетнего лежания в земле и, пуская эволюционно свои ветви во все стороны, приносят повсеместно сторицею свои плоды вплоть до настоящего времени. Воображаемый двухтысячелетний летаргический сон греческой лирической и героической поэзии и светской музыки до их пробуждения в Эпоху Возрождения (XIV — XVI века).	Воображаемый двухтысячелетний летаргический сон греческой ямбической сатиры до ее пробуждения в Эпоху Возрождения.	Воображаемый слишком тысячелетний летаргический сон греческой комедии вплоть до ее пробуждения в Эпоху Возрождения.	Воображаемый слишком тысячелетний сон греческой трагедии до ее пробуждения в Эпоху Возрождения.	Воображаемый слишком тысячелетний летаргический сон греческих политических риторов и полемистов вплоть до их возрождения в новейшие времена.	Воображаемый слишком тысячелетний летаргический сон греческой преднаучной философии вплоть до ее пробуждения в прежнем виде в Эпоху Возрождения.	Воображаемый тысячелетний сон греческой буколической поэзии вплоть до ее пробуждения в Эпоху Возрождения.	Воображаемый тысячелетний сон греческой дидактической поэзии вплоть до ее пробуждения в Эпоху Возрождения.	Неестественным продолжением служат более первобытные филологи до Эпохи Возрождения, когда пробуждаются и классические.	Неестественным продолжением евангелий служат несравненно более первобытные средневековые рассказы о святых святых. Шестой посев. Лука, 90 г. Матвей, 80 г. Иоанн, 70 г. Марк, 60 г.	Продолжением этих апокрифов служат несравненно более первобытные религиозные софистики нового времени. Седьмой посев. Апокрифические сочинения Иоанна Дамаскина, для 777 г. Апокрифические сочинения Иоанна Златоуста, для 400 г. Апокрифические сочинения Василия Великого, для 378 г. Апокрифические сочинения Оригена, для 245 г. Элий Аристид, 117. Дион Златоуст, + 100 г.	Хроника Никиты Акомината, до 1216 г. Хроника Иоанна Зонары, до 1100 г. Хроника Георгия Кедрена, до 1057 г. Хроника Георгия Амартола, 850 г. Пасхальная хроника, VIII век. (Реальные первоисточники.) Феофилакт Симокатта, VI век. Хроника Иоанна Малалы, до 563 г. Прокопий, VI век. Распространение апокалипсиса. Восьмой посев. Сократ Схоласт, V в. Евсевий Памфил, 342. Геродиан, + 241 г. Дион Кассий, + 230 г. Аппиан, + II век. Плутарх, + 120 г. Иосиф Флавий, + 95 г. Дионисий Галикарнакский, + I в.	Воображаемый слишком тысячелетний сон греческих астрономов, математиков и географов вплоть до изобретения компаса (1300 г.), когда они вновь пробуждаются к жизни. Девятый посев. Птолемей, + II в.	Века действительной греческой государственной истории с хрониками. / Полу-мнимые без хроник.
IV. — Дидактический или Александрийский период.	— I в., — 100, — II в., — 200, — III в., — 300	[Архей, — 120 г.].						Четвертый посев. Мосх, = II в. Бион, = III в. Теокрит, 250.	Партений, = II в. Евфорион, = III в. Аполлоний Родосский, = III в. Арат, = 270. Каллимах, = 300.	Пятый посев. Теодор, = I век. Дионисий Фракийский, — 100 г.		Лукиан (греч. «Вольтер»), —125 г.	Диодор, — I век. Полибий, — 123 г. Аполлодор, — 140 г.	Гиппарх, — I в. Страбон, — 54 г. Герон, — 155 г. Эратосфен, 194. Аполлоний-Пергский, — 200 г. Аристарх-Самосский, 270 г. Архимед, 287 г.	Века апокрифической греческой истории без хроник (продукты Эпохи Возрождения).
III. — Драматический период.	— IV в., — 400, — V в., — 500			Третий посев. Евбул, 376. Менандр, 342. Антифан, 405. Магнет, V в. Евполи, 445. Кратин, 450. Аристофан, 452. Сусарион, 480?	Ион, = V в. Агафон, 448. Ахей, 480. Еврипид, 480. Софокл, 490. Эсхил, 495.	Демосфен, 383. Ликург, 396. Исей, 420. Андокид, 439. Антифон, 480.	Аристотель, 324. Сократ, 350. Демокрит, 370. Теофраст, 390. Анаксагор, 400. Платон, — 427. Гераклит, — 500.						Ефор, = 340 г. Ксенофонт, = 359 г. Ктесий, = 400 г. Фукидид, = 404. Геродот, = 425.	Евдокс, = 356. Евклид, = 400 г. Евктемон, = V в.	
II. — Поэтический период.	— VI в., — 600, — VII в., — 700	Второй посев. Анакреон, 500. Стесихор, 500. Пиндар, 522. Симонид, 556. Алкман, VI век. Сафо, 600. Алкей, 600. Терпандр, 676. Мимнерм, = VII в. Тиртей, VII в. Архилох, VII в. Каллин, VII в. Ономакрит, VII в.	Гиппонакс, 540. Симонид-Аморгский, 600. Архилох = VII в.	Нет ничего кроме поэтов!										Фалес, = 600.	
I. — Эпический период.	— VIII в., — 800, — IX в., — 900	Первый посев. Гезиод, = VIII в. Гомер, = IX в. Тамир, = IX в. Евмолп, = IX в. Музей, = IX в. Орфей, = IX в.		Нет ничего кроме поэтов!											

Издательство выражает признательность
Тиличкину Олегу Аркадьевичу
за помощь в осуществлении настоящего издания.

Издательство выражает признательность
Тиличкину Олегу Аркадьевичу
за помощь в осуществлении настоящего издания.